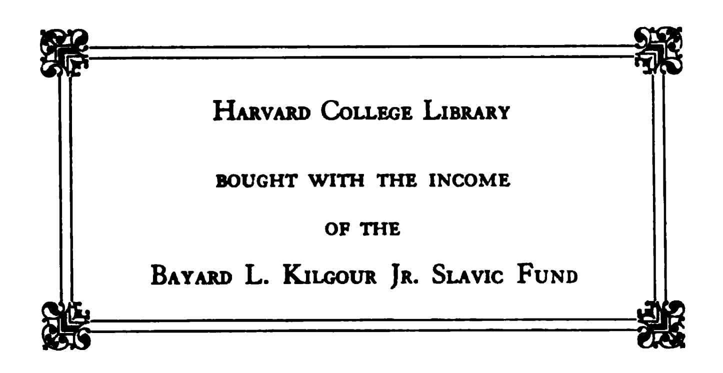
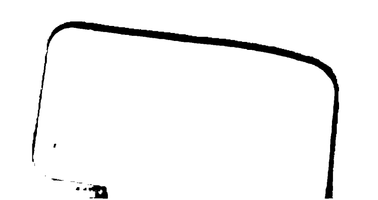

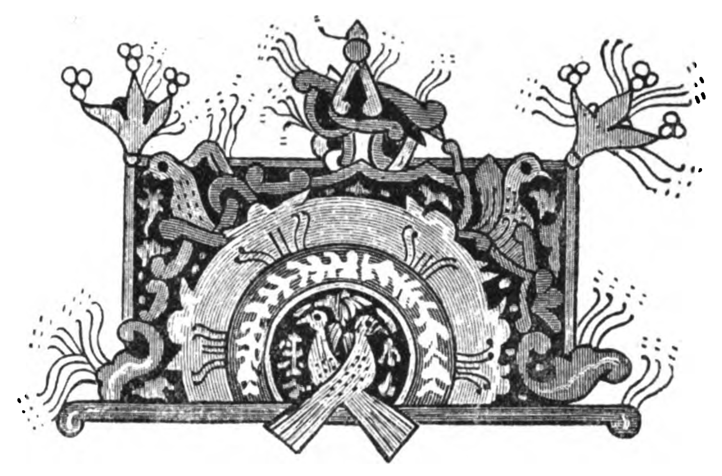

Напечатано 150 нумерован. экз.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 19 Мая 1901 года.

Типографія «Акц. Общ. Брокгаузъ—Ефронъ». Прачешный пер., № 6.

Заставка изъ Евангелія XV вѣка.

П.

1382. Паки утѣшенная и о новомъ своемъ счастіи веселящаяся Россія алегорическимъ изображеніемъ фейерверка во всерадостный и торжественный день рожденія Его Императорскаго Величества благочестивѣйшаго Государя Императора Петра третьяго, самодержца всероссійскаго и проч. и проч. и проч., представленное предъ дворцомъ въ Царскомъ Селѣ, февраля 10 дня, 1762 года.—Въ листъ, печатано при Академіи Наукъ.

«Паки утѣшенная» издана на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ на трехъ страницахъ въ два столбца съ большими полями; означенное изданіе въ настоящее время совсѣмъ не находимо въ книжной торговлѣ.

1383. Палаты, въ которыхъ имѣлъ жительство государь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ, въ Костромѣ, съ 1606 по 1613 годъ.

Подъ таковою обложкою, безъ означенія времени и мѣста печати, имѣются 5 литографированныхъ (у П. Селезнева съ рисунковъ г. Чернецова) листовъ, съ слѣдующими изображеніями: 1) палаты, въ которыхъ жилъ Г. Ц. Михаилъ Ѳеодоровичъ, 2) планъ комнатъ, 3, 4 и 5) комнаты и 6. соборъ.

См. у Геннади—«Книжныя рѣдкости» № 225.

1384. Палаты Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ, библіотеки и кунтскамеры, которыхъ представлены планы, фасады и профили, приписанныя Ея Императорскому Высочеству Государынѣ Великой Княгинѣ и правительницѣ всея Россіи. Печатано при Императорской Академіи Наукъ, въ Санктпетербургѣ 1741 года; такое-же заглавіе на нѣмецкомъ языкѣ, въ листѣ, 4 листа посвященія, 2 листа большихъ перегнутыхъ пополамъ, съ текстомъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, фронтиспись, планъ Санктпетербурга и 12 рисунковъ.

Книга посвящена отъ Шумахера Правительницѣ Россіи великой княгинѣ Аннѣ Леопольдовнѣ. Палаты изданныя Іоганомъ Шумахеръ въ 1741 году, въ листъ, отпечатаны въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ и въ настоящее время составляютъ библіографическую рѣдкость. Хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся любителями отъ 50 до 80 руб. См. «Книжныя рѣдкости» Геннади за № 13.

Добролюбовъ, Николай Александровичъ.

Самый знаменитый послѣ Бѣлинскаго русскій критикъ. Род. 24 января 1836 г., ум. 17 ноября 1861 г. и похороненъ на Волковомъ кладбищѣ.

1385. Палеографическія снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки XVI—XVII вѣка. Составилъ Савва—епископъ Можайскій.—Москва. 1863 года, въ 4 д. л.

Это изданіе содержитъ V+46 стр. текста на русскомъ и латинскомъ языкахъ съ приложеніемъ 60 листовъ хромо-литографированныхъ снимковъ съ греческихъ и славянскихъ рукописей. Въ этомъ весьма важномъ трудѣ замѣчательнаго ученаго изслѣдователя греческой и славянской палеографіи, найдутъ богатый матеріалъ для изученія древней письменности.—Это рѣдкое изданіе куплено мною за 15 рублей.

1386. Памяти графини М. И. Ламздорфъ, стихотворенія, посвященныя ей княземъ П. А. Вяземскимъ. Санктпетербургъ, типографія Стасюлевича. 1890 г.— Въ 8 д. л., 43 стр.

Въ началѣ этой брошюрки слѣдуетъ нѣсколько словъ изъ воспоминаній графа Сергѣя Шереметева, предъ которыми въ видѣ эпиграфа, приведенъ отрывокъ стихотворенія:

> Не узнавай, куда я путь склонила,
> Въ какой предѣлъ изъ міра перешла!

Старшая дочь Маріи Аркадіевны Вяземской, отъ перваго ея брака съ И. А. Бекомъ, графиня Марія Ивановна Ламздорфъ, родилась 3-го января 1839 года, въ С.-Петербургѣ.

Въ раннемъ возрастѣ лишилась она отца и провела дѣтство на приморской дачѣ его, близъ Ораніенбаума, смежной съ дачей ея прадѣда графа Н. С. Мордвинова.

Ей было девять лѣтъ, когда въ Константинополѣ въ 1848 году Марія Аркадіевна сочеталась вторымъ бракомъ съ княземъ Павломъ Петровичемъ Вяземскимъ. Марія Ивановна была годомъ старше своей сестры Вѣры Ивановны, нынѣ княгини Горчаковой. Съ раннихъ лѣтъ въ ней замѣтно стала развиваться необычайная впечатлительность, князь П. П. Вяземскій съ особенною любовію и рвеніемъ

занялся ея литературнымъ развитіемъ, и радовался успѣхамъ ея.

Всѣ особенности ея воспріимчивости и чуткой природы постепенно развивались въ стройное и гармоничное цѣлое. Восемнадцати лѣтъ Марія Ивановна вышла замужъ за графа Александра Николаевича Ламздорфа, ея троюроднаго брата. Она была и привлекательна и даровита; разговоръ ея отличался блескомъ, но было въ ней еще нѣчто иное—лучшее. Все существо ея было олицетвореніемъ невыразимой прелести. Въ ней жилъ и мыслилъ и чувствовалъ тотъ потаенный сердца человѣкъ (1 Петр. 3, 4), о которомъ говоритъ Апостолъ. И эта чарующая прелесть не могла ускользнуть отъ того, кто такъ чутокъ былъ ко всему изящному и возвышенному. Мы говоримъ о князѣ Петрѣ Андреевичѣ Вяземскомъ.

Напечатанныя здѣсь впервые и посвященныя графинѣ Марьѣ Ивановнѣ стихотворенія одушевлены теплотою и искренностію чувства. Они служатъ свидѣтельствомъ неизмѣннаго и глубокаго расположенія къ ней князя Петра Андреевича. Она цѣнила эти чувства и поддерживала ихъ.

Послѣдніе годы она жила большею частію заграницею, гдѣ и скончалась 9 мая 1866 года, въ Женевѣ.

Книга издана графомъ Сергѣемъ Шереметевымъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и теперь довольно рѣдка.

1387. Памяти Николая Өедоровича Миллера. Съ приложеніемъ. Москва, въ университетской типографіи. 1898 года.— Въ 8 д. л., 12 стр.

Это отдѣльный оттискъ изъ «Трудовъ Общества русскихъ врачей въ Москвѣ».

Брошюрка съ портретомъ Н. Ө. Миллера издана въ количествѣ пятидесяти экземпляровъ.

1388. Памятная книжка для христіанъ, породою изъ евреевъ (Изданіе Е. Ө.). Санктпетербургъ, въ типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. 1846 года.—Въ 16 д. л., 56 стр.

Книжка эта, составленная «для христіанъ изъ евреевъ», состоитъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ и содержитъ въ себѣ: 1) символъ вѣры, 2) десять заповѣдей и 3) молитву Господню.

Въ настоящее время изданіе это принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ и почти не находимо въ продажѣ.

Я съ трудомъ могъ достать экземпляръ этого изданія за 3 рубля (у Мелина).

1389. Памятная книжка Смоленской губерніи на 1860 годъ. Смоленскъ, въ типографіи Губернскаго Правленія, 1860 г.— Въ 8 д. л. Часть 1-я 10+30 стр. Часть 2-я 106+162 стр., съ таблицею числа жителей за 1857 годъ.

Эта памятная книжка состоитъ изъ двухъ частей; во второй, неоффиціальной, помѣщено нѣсколько этнографическихъ и статистическихъ статей, написанныхъ гг. А. Г. Макаревскимъ, Н. М. Ельчаниновымъ, Ө. Л. Никифоровымъ, В. А. Невѣровичемъ и М. М. Цебриковымъ.

Изданіе это въ настоящее время очень рѣдко встрѣчается въ продажѣ.

1890. Памятники московской древности съ присовокупленіемъ очерка монументальной исторіи Москвы и древнихъ видовъ и плановъ древней столицы. Сочиненіе И. Снегирева. Москва, 1845 г.— Въ 4 д. л.

Весьма замѣчательное сочиненіе, содержащее въ себѣ подробное описаніе соборныхъ и приходскихъ церквей, священныхъ и историческихъ древностей. Книга составлена извѣстнымъ ученымъ и знатокомъ русскихъ древностей, Н. М. Снегиревымъ.—Она содержитъ въ себѣ многія подробности о древностяхъ Москвы. На изданіе этой книги, Московскій генералъ-губернаторъ князь Голицынъ пожертвовалъ значительную сумму. Книга замѣчательна, какъ по содержанію, такъ и по изданію, цѣнится въ настоящее время отъ 15 до 25 рублей, смотря по степени сохранности.

1891. Памятники отреченной русской литературы. Собраны и изданы Николаемъ Тихонравовымъ. Приложеніе къ сочиненію „Отреченныя книги древней Россіи". 2 тома. С.-Петербургъ, въ типографіи товарищества „Общественная польза", 1863 года.—Въ 8 д. л. томъ 1-й XII+311 стр.; томъ 2-й IV+457 стр.

Памятники «Отреченной русской литературы» собраны по рукописямъ библіотекъ: Императорской Публичной, Александро-Невской Лавры, Новгородской-Софійской, Кирилло-Бѣлозерской, Московской синодальной, главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, Румянцевскаго музея, Троицко-Сергіевской лавры, Московской духовной академіи, графа А. С. Уварова и В. М. Ундольскаго.

Издаваемые памятники «Отреченной русской литературы» составляютъ приложеніе къ изслѣдованію, которое одновременно съ ними выходитъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Отреченныя книги древней Россіи».

Это изданіе, какъ историческіе матеріалы весьма любопытны; они напечатаны съ подлинниковъ со всею точностію.

Книга рѣдкая.—Купленъ мною экземпляръ за 12 рублей.

1892. **Памятники россійской словесности XII вѣка, изданные съ объясненіемъ, варіантами и образцами почерковъ К. Калайдовичемъ. Москва, въ типографіи Семена Селивановскаго, 1821 года.—Въ 4 д. л., XLI+257 стр., со снимкомъ съ рукописи синодальной кормчей XIII вѣка, гравировалъ А. Фроловъ.**

Это крайне рѣдкое и чрезвычайно любопытное изданіе К. Калайдовича начинается съ краткаго предисловія, въ которомъ между прочимъ говорится: — «Исполняя волю знаменитаго мецената государственнаго канцлера графа Николая Петровича Румянцова, который своею любовію къ отечественнымъ древностямъ и щедрыми въ пользу наукъ пожертвованіями, являетъ незабвенную въ нашей словесности эпоху, по справедливости достойную носить славное его имя,—я приступилъ,— говоритъ авторъ, — къ сему изданію, которое на иждивеніи его сіятельства теперь появляется. Положивъ въ основаніе творенія Кирилла епископа Туровскаго писателя XII вѣка, присоединяю къ онымъ еще нѣсколько статей, къ древней исторіи и словесности относящихся, принадлежащихъ къ тому же столѣтію. Нѣтъ нужды упоминать о пользѣ сего изданія: самые памятники служатъ тому свидѣтельствомъ; предъ каждымъ изъ нихъ находятся объяснительныя примѣчанія. Что касается до правилъ, принятыхъ въ изданіи памятниковъ россійской словесности XII вѣка, то я призналъ за полезнѣйшее напечатать эти обыкновеннымъ гражданскимъ шрифтомъ, прописывая полнымъ чтеніемъ слова, поставленныя подъ титлами, удерживая только въ прежнемъ видѣ словянскія цифры и употребляя собственныя препинанія, совершенно не соблюденныя прежними нашими писцами. Опыты научили, что изданія славянскихъ памятниковъ съ сохраненіемъ разнообразнаго и не утвержденнаго правописанія, служатъ только палеографическими примѣтами, затмевающими не рѣдко достоинство и красоту чтенія; точно также поступали иностранные филологи при печатаніи древнихъ классиковъ. Впрочемъ въ срединѣ словъ удержаны полугласныя буквы ъ и ь, нерѣдко въ древности имѣвшія силу гласныхъ, собственныя имена, слѣдуя подлинникамъ, оставлены неприкосновенными; въ мѣстахъ сомнительныхъ означены варіанты другихъ списковъ; а для показанія почерка древнѣйшихъ—присовокуплены два образца XIII вѣка, изъ синодальной кормчей и рукописей графа Ѳ. А. Толстаго заимствованные».—Книга рѣдкая.

Купленъ мною экземпляръ за 8 рублей.

1893. **Памятники русской старины Владимірской губерніи. Рисовалъ и издалъ И. Голышевъ. 1882 г.—Въ листъ, 6 стр. въ два столбца и 20 листовъ рисунковъ.**

Читатели «Русской Старины» знакомы изъ автобіографіей бывшаго крестьянина, нынѣ почетнаго гражданина и члена разныхъ ученыхъ обществъ Ивана Александровича Голышева, съ его труженическою жизнію (см. «Русская Старина» изд. 1879 г., т. XXIV, стр. 755; т. XXV, стр. 353), посвященною изданію памятниковъ народнаго (въ тѣсномъ смыслѣ) творчества въ области художества и искусствъ.

Настоящій выпускъ, какъ и предъидущія изданія г. Голышева, напечанъ въ его собственной литографіи въ Голышевкѣ, близъ слободы Мстеры, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Альбому рисунковъ предпослано толково составленное издателемъ предисловіе, въ немъ приведены замѣтки: объ иконахъ св. Флора и Лавра, св. Модеста, св. Власія; о старинныхъ ризахъ, окладахъ, вѣнцахъ и ихъ украшеніяхъ; о филигранной работѣ X в.; о чеканной работѣ XVII в. и прянич-

Голышевъ, Иванъ Александровичъ.

Крестьянинъ-археологъ.
Род. въ слоб. Мстерѣ Владимірской губ. въ 1838 г. Ум. въ 1896 г.

ныхъ произведеніяхъ въ старину: почетные, свадебные и другіе пряники, пряничныя доски; старинныя лубочныя картины: сотворенія міра, убіеніе антихриста, страшный судъ.

См. «Русскую Старину» за 1883 годъ.

1894 Памятники старинной русской литературы, издаваемые графомъ Григоріемъ Кушелевымъ-Безбородко, подъ редакціею Н. Костомарова. 4 выпуска, С.-Петербургъ, печатано въ типографіи Кулиша. 1860 года.—Въ 4 д. л.

Собраніе «Памятниковъ старинной русской литературы, духовной и свѣтской» — повѣстей, разсказовъ, апокрифовъ и т. д., — крайне рѣдкое и чрезвычайно любопытное изданіе, богатое разнообразнымъ матеріаломъ, при помощи котораго можно весьма подробно познакомиться съ главными явленіями старой русской письменности.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры сего изданія въ настоящее время считаются очень рѣдкими.

Купленъ мною экземпляръ за 16 рублей.

1895. Памятники древней христіанской церкви, или христіанскихъ древностей. съ описаніемъ таинствъ богослуженія, храмовъ, праздниковъ, постовъ, іерархіи, разныхъ соборныхъ постановленій и всѣхъ обрядовъ и обычаевъ, бывшихъ въ древней христіанской церкви, составленные іеродіакономъ Вѣтринскимъ. 5 томовъ. СПБ., въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія. 1829 года.—Въ 8 д. л. 1-й томъ—433, 2-й томъ—572, 3-й томъ—270, 4-й томъ—279, 5-й томъ—202 стр.

Книга посвящена авторомъ Его Императорскому Величеству, всемилостивѣйшему Государю

Николаю Павловичу.—Чтобы дать нѣкоторое понятіе о сей рѣдкой книгѣ, прилагаю выписку изъ предисловія, въ которомъ авторъ говоритъ: «предлагаемые благосклоннымъ читателямъ «Памятники», не суть историческо-хронологическое изложеніе всѣхъ событій въ непрерывномъ порядкѣ послѣдовавшихъ въ древней христіанской церкви. Въ нихъ описываются всѣ древнія постановленія, обряды и обычаи первобытной христіанской церкви, приведенные подъ нѣкоторый общій обзоръ и сосредоточенные въ предѣлахъ первыхъ четырехъ, или пяти вѣковъ христіанства. Такимъ образомъ, памятники сіи суть полное собраніе христіанскихъ древностей, о коихъ частныя свѣдѣнія разсыпаны, въ относящихся къ сему предмету, твореніяхъ Каве, Арнольда, Пеарсонія, Гаммонда, Додвелія, Баронія, Габерта, Боны и другихъ». Далѣе авторъ говоритъ въ заключеніе «долгомъ поставляю предувѣдомить читателя, что при составленіи предлагаемыхъ ему «Памятниковъ», особенно старался я сдѣлать сію книгу полезною для читателей всякаго званія; сообразно съ сею цѣлью, упускалъ я изъ виду все то, что служитъ болѣе поводомъ къ утонченнымъ ученымъ спорамъ, нежели къ существу самаго дѣла. Предлагаемые «Памятники» книга, въ своемъ родѣ новая на нашемъ отечественномъ языкѣ, то надѣюсь, что благосклонный читатель проститъ мнѣ тѣ недостатки, которые найдетъ въ сей книгѣ». Авторъ «Памятниковъ» іеродіаконъ Як. Вѣтринскій магистръ и съ 1818 года профессоръ СПБ. Духовной Академіи, въ которой преподавалъ исторію философіи съ 1814 года и философію съ 1823 до 1826 г.; потомъ онъ былъ цензоромъ (1826) и директоромъ Могилевской гимназіи (съ 21 мая 1834 года). См. «Справочный Словарь» Гр. Геннади, стр. 155.

Книга замѣчательная, какъ по содержанію, такъ и по рѣдкости изданія.

Купленъ мною экземпляръ у букиниста Шигина за 20 рублей въ хорошемъ переплетѣ.

1396. Памятные листы въ воспоминаніе пребыванія французской эскадры въ С.-Петербургѣ; типографія и литографія Р. Голике. 1891 года.

Эти листы были издаваемы въ С.-Петербургѣ во время пребыванія французской эскадры въ 1891 году. У меня имѣются два листа: на одномъ изъ нихъ помѣщенъ автографъ контръ-адмирала Жерве:—«Весьма признательное воспоминаніе о праздникѣ французской колоніи въ воскресенье 21 іюля (2 августа) 1891 г. отъ имени сѣверной броненосной дивизіи, контръ-адмиралъ главнокомандующій Жерве».

На второмъ листѣ помѣщены автографы гг. офицеровъ эскадры.

Листы эти художественно отпечаты на роскошной бумагѣ національными красками съ золотомъ.

1397. Панегерикосъ иль слово похвальное... Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, чрезъ Василія Тредьяковскаго... Сочиненное въ день тезоименитства... Февраля въ 3 день 1732 года поднесенное. Нынѣ повелѣніемъ Ея Императорскаго Величества напечатанное. С.-Петербургъ. Въ С.-Петербургской типографіи Академіи наукъ, 1732 года.—Въ 4 д. л., 12 стр.

Въ началѣ брошюрки помѣщена превосходная гравированная виньетка.

Брошюрка эта, чрезвычайно рѣдкая въ настоящее время, въ хорошо сохранившихся экземплярахъ почти не находима и принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

1398. Панегирикъ архимандрита Аѳанасія. Въ С.-Петербургѣ, 1725 года.—Въ 4 д. л., 13 лист.

Это слово, сказанное архимандритомъ Аѳанасіемъ въ Спб. въ соборной церкви Исаакія Далматскаго, въ честь креста Святаго Андрея, ордена славнѣйшаго первенственныхъ кавалеровъ въ священно-Россійской Имперіи.

Брошюра чрезвычайно рѣдкая. См. у Строева стран. 236.

1399 Пансальвинъ, князь тьмы; съ эпиграфомъ—„быль, не быль,—однако-жъ не сказка“.—Москва. 1800 года.—Въ 12 д. л., 435 стр.

Эта рѣдкая книга написана актеромъ Альбрехтомъ и напечатана въ Германіи въ 1794 году. Переведено—Василіемъ Левшинымъ. Эта сантиментальная повѣсть подъ вымышленными именами, изображающая исторію Потемкина.—Геннади— № 110.

Островскій, Александръ Николаевичъ.

Знаменитый создатель русской бытовой комедіи. Род. 21 марта 1823 г., ум. 2 іюня 1886 г.
Съ грав. А. Нейманъ въ Лейпцигѣ.

За эту замѣчательную книгу заплачено мною 6 рублей.

1400. Пантеонъ россійскихъ авторовъ. Часть первая. Изданіе Платона Бекетова. Москва. 1801 года.—Въ листъ, 43 стр. и 21 рисунокъ.

При книгѣ 20 гравированныхъ портретовъ и фронтисписъ. — Портреты слѣдующіе. 1) Баянъ. 2) Несторъ. 3) Никонъ. 4) Арт. Матвѣевъ. 5) Царевна Софія. 6) Семенъ Полоцкій. 7) св. Дмитрій Ростовскій. 8) Ѳеоѳанъ Прокоповичъ. 9) кн. А. Я. Хилковъ. 10) кн. А. Кантемиръ. 11) В. Н. Татищевъ. 12) С. Климовскій. 13) Е. Буслаевъ. 14) В. К. Тредьяковскій. 15) Сильвестръ Кулябка. 16) Крашенниниковъ. 17) Барковъ. 18) Гедеонъ. 19) Дмитрій Сѣченовъ. 20) М. В. Ломоносовъ.

Краткія біографическія свѣдѣнія къ каждому портрету составлены другомъ П. П. Бекетова— Н. М. Карамзинымъ. Заглавіе гравированное. На заглавномъ листѣ эпиграфъ—«Душа писателей въ твореніяхъ видна, но самый образъ ихъ бываетъ намъ пріятенъ».

Это рѣдкое изданіе куплено мною за 25 руб.

1401. Папа и соборъ Януса. Съ нѣмецкаго на русскій перевелъ православной веймарской Маріи-Магдалинской церкви протоіерей Владиміръ Ладинскій. Берлинъ. 1870 года.—Въ 12 д. л. 464 стр.

Въ началѣ книжки слѣдуетъ нѣсколько словъ отъ переводчика, гдѣ онъ говоритъ, что:

«Предлагаемое нами въ русскомъ переводѣ сочиненіе Януса есть сильный энергическій блистательный протестъ ученаго богослова противъ іезуитовъ и стремленій ультрамонтанской партіи. Появленіе въ свѣтъ этого сочиненія произвело потрясающее дѣйствіе. Оно, выражаясь словами зна-

менитаго Авербека*), наэлектризовало всю Германію, Англію, Францію, Италію—словомъ всю католическую Европу. Трудъ Януса уже переведенъ на нѣсколько иностранныхъ языковъ.

У іезуитовъ и ультрамонтановъ книга Януса вызвала злобу и ненависть,—и они поспѣшили подвергнуть ее запрещенію; у людей же благомыслящихъ и просвѣщенныхъ она вызвала глубокое сочувствіе. И дѣйствительно, книга Януса отличается какъ современнымъ интересомъ (потому что трактуетъ о предметахъ, которые, по достовѣрнымъ даннымъ, подняты для рѣшенія на римскомъ вселенскомъ соборѣ), такъ и высокимъ научнымъ достоинствомъ. Янусъ побѣдоносно протестуетъ противъ ультрамонтанскихъ доктринъ Силлабуса, Энциклики, противъ ученія о папской непогрѣшимости,—которую іезуиты хотятъ возвести на римскомъ соборѣ на степень догмата. Съ непререкаемою очевидностію онъ раскрываетъ всѣ тѣ гнилыя основанія, на которыхъ покоится вся папская система. На основаніи матеріала, непосредственно почерпнутаго изъ источниковъ, онъ указываетъ всѣ вымыслы, подлоги, искаженія, которые были сдѣланы приверженцами папства, доколѣ гипотеза о папской непогрѣшимости явилась наконецъ законченною. Слѣд. Янусъ вмѣстѣ съ Авербекомъ такъ сказать вытягиваютъ почву изъ подъ ногъ іезуитовъ. Къ этому же сочиненіе Януса написано такъ фактично, всѣ его выводы, основанные на доказательствахъ изъ источниковъ, такъ логичны, что неотразимо дѣйствуютъ на читателя, и іезуитамъ не оставалось ничего болѣе, какъ противоставить Янусу одну тупую ненависть—запретить книгу.

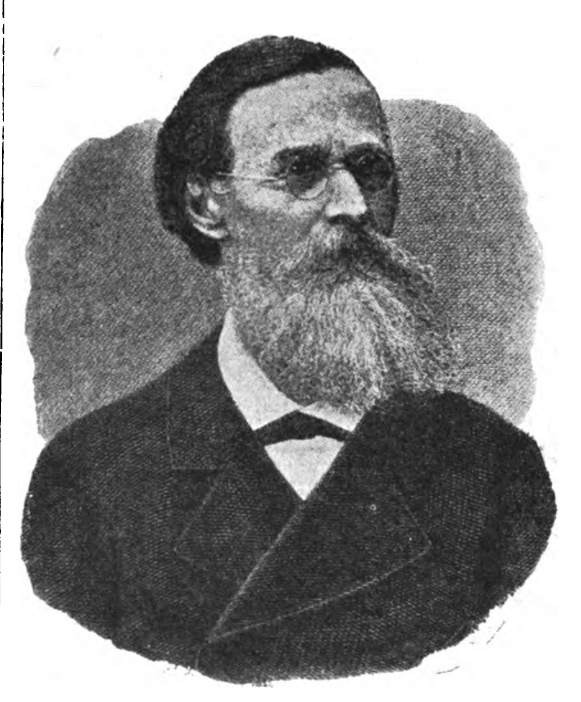
Если соборъ стараніями іезуитовъ возведетъ доктрину о папской непогрѣшимости на степень догмата,—то всѣ истинно-просвѣщенные люди отступятъ отъ такой церкви, которая на основаніи системы, построенной на одняхъ подлогахъ и вымыслахъ, объявитъ человѣка Богомъ. Если же соборъ отвергнетъ папскую непогрѣшимость,—то просвѣщенный міръ увидитъ, что сами епископы устрашились допустить слѣдствіе, которое необходимо вытекаетъ изъ принятыхъ ими ложныхъ посылокъ, т. е. что папа есть намѣстникъ на землѣ Всемогущаго Бога и—слава церкви въ силу божественнаго учрежденія. Этимъ епископы докажутъ (implicitement), что они сами отвергаютъ всю папскую систему. Словомъ, отъ римск. собора можетъ произойти развѣ только вредъ для самой римской церкви.

Для православнагочитателя книга Януса важна тѣмъ, что доказывая всю несостоятельность папской системы,—всю неправоту римской церкви,—она свидѣтельствуетъ о истинѣ и правотѣ церкви православной, ея неизмѣнной вѣрности Апостольскому ученію и преданію и ея древнему соборному устройству. Въ этомъ отношеніи Янусъ является дѣйствительно могущественнымъ помощникомъ Авербека, который, какъ извѣстно, работаетъ надъ возстановленіемъ западной православно-катол. церкви на православномъ основаніи.

Вотъ тѣ причины, которыя побудили насъ перевести трудъ Януса на русскій языкъ».

Веймаръ 1-го марта 1870 года.

*) См. Beilage zu Nr. 40 der Preuss. Kreuz-Zeitung 870 года.

Майковъ, Аполлонъ Николаевичъ.

Одинъ изъ главныхъ поэтовъ послѣ пушкинскаго періода. Род. 23 мая 1821 г., ум. 8 марта 1897 г.

Мелетій Смотрицкій.

Одинъ изъ даровитѣйшихъ южно-русскихъ ученыхъ
Авторъ книги «Паранезисъ».
Род. около 1578 г., ум. 27-го декабря 1633 г.

1402. Паранезисъ, или увѣщаніе воинской братіи при церкви Св. и Животворящаго Духа. Сочиненіе іеромонаха Мелетія Смотрицкаго на бѣлорусскомъ языкѣ. Печатано въ Краковѣ. 1829 года.— Въ 4 д. л.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры сего «Паранезиса» считаются въ настоящее время величайшею библіографическою рѣдкостью.

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, часть 5-я, за № 813, сказано, что книга очень рѣдка.

1403. Параша Лупалова, сочиненіе графа Ксавье де-Местра. Переводъ съ французскаго. Изданіе литографа Ивана Селезнеза. С.-Петербургъ, въ типографіи издателя. 1845 года.—Въ 12 д. л.

Это роскошно изданная книжка, содержащая въ себѣ портретъ Лупаловой и 12 картинъ внѣ текста, въ золотыхъ бордюрахъ.

Изданіе это принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ и почти не находимо въ продажѣ.

1404. Парусъ. Еженедѣльная газета № 1 и 2,—Въ 4 д. л., 32 стр. въ 2 столбца. Москва, въ типографіи Бахметова

Изданіе газеты «Парусъ» было предпринято въ 1859 году Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ. По выходѣ двухъ №№ (3 и 10 января), «Парусъ», за статью Погодина, подъ заглавіемъ: «Прошедшій годъ въ русской исторіи», напечатанную въ послѣднемъ нумерѣ, былъ запрещенъ цензурою. Впрочемъ и самое направленіе газеты, въ которой Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ намѣревался излагать вполнѣ независимое и свободное мнѣніе о всѣхъ современныхъ общественныхъ вопросахъ, также послужило причиною къ ея запрещенію.

Въ виду чрезвычайной рѣдкости этого любопытнаго журнала, считаю не лишнимъ познакомить читателя съ его содержаніемъ.

№ 1. Москва. Января 3-го. Стихотворенія: Парусъ поднятъ. А. С. Хомякова. Орелъ, его-же.— Два не напечатанныя стихотворенія Языкова.— Самозванецъ Богомоловъ, Д. Мордовцева.—Письма изъ Польши.—Законъ 1848 года, 2-го марта, Н. А. Елагина.—Нѣсколько словъ о мѣщанствѣ, мѣщанина Ѳ. Стратилатова.—Критика и библіографія: стихотворенія Языкова, М. А, Максимовича.—Народное чтеніе, кн. 1-я, К. С. Аксакова.

№ 2. 10-го января. Стихотворенія: Бродяга (очеркъ въ стихахъ), И. С. Аксакова —Прошедшій годъ въ русской исторіи. Письмо въ редакцію М. П. Погодина.—Письмо изъ Вологды В—К—Н—бу. Критика и библіографія: Народное чтеніе, кн. 1-я (продолженіе) К. С. Аксакова.—Хохлацьки спивки. Крутая рѣченка, Н. А. Кулиша.

ХРОНИКА.

Прошедшій годъ въ русской исторіи.

Письмо въ редакцію.

Non, non, non, je ne veux pas chanter.
‹Billet de lotorie› старинная оперетка.

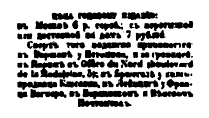
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, я не могу писать вамъ историческое обозрѣніе за прошедшій годъ. Мысли въ разбродѣ, рука не поворочивается, перо только что царапаетъ бумагу, лихорадка знобитъ тѣло и душу. Всякій нумеръ чужихъ газетъ поднимаетъ мою жолчь; всякій нумеръ своихъ газетъ причиняетъ мнѣ колику: можно ли разсуждать спокойно объ Европейскихъ дѣлахъ, когда мы дома, здѣсь, завалены важнѣйшими собственными, и когда тамъ, насъ нигдѣ не спрашиваютъ,

и почти знать не хотятъ? Русская дипломатія вездѣ молчитъ. Она поступаетъ, разумѣется, прекрасно, но о чемъ же мнѣ писать? и что мнѣ писать? Не о восточномъ ли вопросѣ желаете вы услышать мое мнѣніе? Восточный вопросъ—ха, ха, ха! Что это такое? Существованіе Турціи въ системѣ Европейскихъ государствъ, законное, неприкосновенное, святое? Турція необходима для Европы!.. Такъ разсуждаютъ Европейскіе публицисты. То-есть: варварство, по общему признанію великихъ государственныхъ людей нашего времени, необходимо для цивилизаціи;—какова цивилизація! Уму непремѣнно нужно безуміе—геніальный умъ! Честь тебѣ и слава! Христіанство не можетъ жить безъ помощи Магометовой! Для равновѣсія Европы десять милліоновъ славянъ должны стонать, страдать и мучиться подъ игомъ самаго дикаго деспотизма, самаго необузданнаго фанатизма и самаго отчаяннаго невѣжества... И такія вещи могутъ провозглашаться торжественно во всеуслышаніе въ XIX вѣкѣ, гордящемся своимъ прогрессомъ! Далеко ты ушелъ, пресловутый XIX вѣкъ, на парахъ и винтахъ, по желѣзнымъ дорогамъ, съ электрическими телеграфами! Горе вамъ, книжники, фарисеи, лицемѣры! Не думаете ли вы обмануть исторію? Нѣтъ, вы не обманете не только исторіи, но даже и мыслящихъ современниковъ. Прошла пора, когда ваши фразы выслушивались съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, и ваши парадоксы принимались за чистыя деньги. Нѣтъ нынѣ уже на чердакахъ, по угламъ и въ подземельяхъ, есть много людей, которые произносятъ вамъ достойный приговоръ, заносимый немедленно въ исторію.

И не уйдти вамъ отъ суда людскаго,
Какъ не уйти отъ Божьяго суда!

Въ такомъ расположеніи духа, судите сами.

ПАРУСЪ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

ЯНВАРЯ 2. № 1. 1859 ГОДА.

МОСКВА, ЯНВАРЯ 2-го.

Факсимиле перваго листа журнала «Парусъ».

въ состоянiи ль я писать вообще о восточномъ вопросѣ, такъ неразрывно связанномъ съ судьбою Россiи? А въ частности, какъ Русскiй гражданинъ, еще менѣе. Могу ли я, напримѣръ, произнести хладнокровно имя Константинополя, откуда, впродолженiи ста лѣтъ, мы были въ двухъ суткахъ пути, куда, за тысячу лѣтъ, даже ходили сами первые наши удалые князья? Описать ли мнѣ посѣщенiе лорда Редклифа? А зачѣмъ пожаловало его высокородiе, незванное, непрошенное, на берега Босфора? Раскланяться съ любезнымъ султаномъ? Какая рыцарская вѣжливость! Да развѣ почтенный лордъ прежде уѣхалъ съ нимъ не простясь? Покататься по заливу Золотаго Рога? Да вѣдь онъ дочь свою оставилъ въ Англiи, а старику одному кататься какая стать? Подать благiе, отеческiе совѣты своему царственному воспитаннику? Не поздоровится отъ ихъ ни Турцiи, ни Европѣ, ни Россiи. Что же значитъ соблазнительная распря лорда Редклифа съ сэромъ Генрихомъ Бульверомъ, столько занимавшая Европейскихъ журналистовъ? Слѣпцы! Позабыли они Алкивiадову собаку съ обрубленнымъ хвостомъ! Англiйскiе дипломаты, видите, дѣйствуютъ врознь!

Россiя не должна имѣть влiянiя въ Константинополѣ,—это опасно для Европы. Англiя—о, это другое дѣло, и лордъ Редклифъ можетъ смѣнить и опредѣлять министровъ, вязать и рѣшить правовѣрныхъ, устраивать займы, прокладывать дороги, хозяйничать—напропалую. (Кстати подвернулось словечко!).

Островъ Perимъ, при входѣ въ Черное море, необходимо имѣть на сто лѣтъ, т. е. на вѣки вѣковъ, Англiи, а Россiя не ступи ногой на Змѣиный островъ, что въ виду Одессы: поколеблется весь материкъ!

Англичане бомбардируютъ Джедду, не ожидая султанскаго рѣшенiя, которое, впрочемъ, удовлетворяетъ всѣ ихъ требованiя. Это, вѣдь, не то, что занятiе Молдавiи и Валахiи, нарушающее верховныя права султана... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Кровь бросается въ голову: я не хочу писать о Турцiи.

„Non, non, non, je ne veux pas chanter“.

По крайней мѣрѣ христiане, послѣ Парижскаго трактата, благоденствуютъ въ Турцiи, наслаждаясь всѣми правами и благами? Всѣ Европейскiя государства, вмѣсто одной Россiи, приняли на себя обязанность хранить ихъ подъ своимъ высокимъ покровительствомъ. Какiя широкiя права предоставляетъ имъ—не сенедъ, требованный Россiею, не гатти-шерифъ, но гатти-гимаюнъ... О великодушный султанъ! О милостивые турки!

Но угодно ли вамъ прочесть изъ новыхъ газетъ слѣдующую страничку.

«Спокойствiе въ Боснiи возстановлено, но какою цѣной? Цѣной раззоренiя и опустошенiя! Мятежъ подавленъ. Вооруженные турки одержали верхъ надъ бѣдными поселянами, которые могли противопоставить имъ только мужество отчаянiя. Христiане дорого заставили ихъ заплатить за побѣду. Но наконецъ они должны были бѣжать на Австрiйскую землю. Число переселившихся, не считая стариковъ, женщинъ и дѣтей, простирается слишкомъ до 20.000 человѣкъ. Но такъ какъ переселенiе произошло довольно поспѣшно, то многiе изъ этихъ несчастныхъ не могли взять съ собою своихъ семействъ. Множество женщинъ и дѣтей осталось внутри страны. Турки, разсерженные тѣмъ, что упустили свою добычу, отомстили за то этимъ бѣднякамъ. Почти всѣ погибли въ истязанiяхъ, описать которыя нѣтъ силъ. Подробности этихъ звѣрствъ такъ ужасны, что напоминаютъ самые кровавые эпизоды возмущенiя Индусскихъ сипаевъ».

Что? Каково? Благоденствуютъ? Благоденствуютъ и Бога молятъ за своихъ покровителей!.. Отъ турокъ бѣгутъ несчастные къ австрiйцамъ! Понимаете-ли вы всю трагедiю этого движенiя, настоящаго salto mortale? Изъ огня да въ полымя! Нѣтъ—похуже! Вотъ какъ благоденствуютъ христiане подъ покровительствомъ пяти державъ—и даже семи!

Но Молдавiя и Валахiя получили безподобную конституцiю,—поговоримъ о Соединенныхъ Княжествахъ.

Нѣтъ, милостивые государи, говорить о Соединенныхъ Княжествахъ—мнѣ также не приходится: Молдавiя и Валахiя облиты русскою кровью, нѣтъ урочища, нѣтъ угла, который бы не соединялся въ воображенiи съ воспоминанiемъ о трудахъ, подвигахъ, жертвахъ нашихъ соотечественниковъ, мы вырвали Молдавiю и Валахiю изъ когтей Турцiи и доставили имъ всѣ средства благосостоянiя,— и вы хотите, чтобъ я сталъ повторять равнодушно

Передъ вами краснорѣчивыя аргументаціи западныхъ димпломатовъ на берегахъ Сены, какъ устроить вновь это юное государство подъ державою Европейскаго принца,—или слушать лаконическія возраженія барона Гюбнера и макіавелическія вставки лорда Каулэя. Помилуйте, за какую безчувственную улитку вы меня принимаете.

А конституція Молдавіи и Валахіи?

Вотъ она.

«Исполнительная власть въ каждомъ изъ обоихъ княжествъ сосредоточивается въ рукахъ господаря. Господарь—глава государства, но глава въ смыслѣ ограниченномъ и условномъ. Хотя онъ обладаетъ полною иниціативой въ дѣлѣ администраціи, и даже принимаетъ участіе въ законодательной власти, тѣмъ не менѣе онъ происходитъ изъ нѣдръ законодательнаго собранія, которое удерживаетъ за собою контроль надъ соблюденіемъ законовъ и можетъ предать суду министровъ, назначаемыхъ господарями».

«Законодательное собраніе составляется посредствомъ народныхъ выборовъ. Выборы имѣютъ двѣ степени: сначала выбираются избиратели, а потомъ этими послѣдними выбираются депутаты въ законодательное собраніе. Избирателемъ можетъ быть всякій пользующійся въ княжествахъ правами гражданства, съ незапятнанною честію и не подлежащій какой-нибудь иностранной юрисдикціи».

«Такимъ образомъ составленное законодательное собраніе выбираетъ господаря изъ числа гражданъ».

«Господарь выбирается собраніемъ пожизненно. Что же касается до собранія, то оно возобновляется черезъ семь лѣтъ».

«Господарь назначаетъ министровъ и управляетъ съ ихъ содѣйствіемъ. Министры отвѣтственны, какъ передъ нимъ, такъ и передъ законодательнымъ собраніемъ. Собраніе можетъ предать министровъ суду, и для того требуется три четверти голосовъ его наличнаго состава. Прерогатива господаря состоитъ въ томъ, что онъ утверждаетъ и обнародываетъ законы, имѣетъ право помилованія и смягченія наказаній, но каждый актъ его долженъ быть констатированъ министромъ, который несетъ за него отвѣтственность. Будучи главою администраціи, господарь, какъ сказано выше, принимаетъ участіе въ отправленіяхъ законодательной власти, то есть онъ можетъ, чрезъ своихъ министровъ, представлять въ собраніе проекты законовъ, а главное—бюджеты, въ которые должны входить фонды всѣхъ спеціальныхъ кассъ, находившихся въ распоряженіи правительства. Но законодательное собраніе не стѣсняется этою иниціативой, и можетъ принимать или отвергать представленный правительствомъ проектъ. Никакой налогъ не можетъ быть взимаемъ безъ согласія собранія. Подобно всѣмъ прочимъ законамъ, регламентамъ и распоряженіямъ правительства, законы финансовые должны предаваться гласности посредствомъ обнародованія въ оффиціальной газетѣ».

«Но этими преимуществами не ограничивается новое устройство княжествъ, есть еще другія, весьма важныя учрежденія, которыми обезпечивается правильность и дѣйствительность этого устройства».

«Молдаване и валахи будутъ всѣ равны передъ закономъ, передъ налогомъ, и равно могутъ занимать государственныя должности въ обоихъ княжествахъ. Личная свобода ихъ будетъ обезпечена. Никто не можетъ быть задержанъ, арестованъ или преслѣдуемъ иначе, какъ по закону. Никто не можетъ быть вынужденъ къ отчужденію собственности какъ лишь законнымъ образомъ, ради общественной пользы и на основаніи вознагражденія. Молдаване и валахи всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій будутъ равно пользоваться политическими правами. Пользованіе этими правами можетъ быть распространено и на другія религіи законодательными распоряженіями. Всѣ привилегіи, исключенія или монополіи, коими еще пользуются нѣкоторые классы, будутъ прекращены, и немедленно должно быть приступлено къ пересмотру законовъ, которыми опредѣляются отношенія между поземельными собственниками и земледѣльцами, въ видахъ улучшенія крестьянскаго быта. Муниципальныя учрежденія, какъ городскія, такъ и сельскія, получатъ всѣ развитія, какія только будутъ согласны съ основами конвенціи».

Не правда ли, что у любой страны нѣмецкой, итальянской, славянской, потекутъ слюнки, читая такую либеральную конституцію. Исполать волохамъ! Вотъ кого захочетъ наградить Богъ,—въ окошко пошлетъ!

А всего любопытнѣе то, что графъ Валевскій пишетъ въ своемъ циркулярѣ: «Конвенція 19 августа выражаетъ принципы 1789 года, на кото-

рыхъ основываются гражданскія и народныя права Франціи». О—о, подъ какою ковенціею пришлось подписаться Фуаду-Эффенди, барону Гюбнеру, графу Гацфельду!...

Какъ связать, соединить, согласить всѣ эти понятія — пусть разбираетъ, кто можетъ, а я не могу, и не понимаю ничего.

Еще для меня непонятно вотъ что: часто разсуждаютъ политики о томъ, какой народъ созрѣлъ и какой несозрѣлъ (это ихъ техническое выраженіе) для тѣхъ или другихъ гражданскихъ правъ; неужели же Молдавія и Валахія созрѣли для такой просторной конституціи? Ужъ не Органическій ли Уставъ доставилъ имъ ту оранжерейную теплоту, которая произвела столь блистательное развитіе, принесла такіе роскошные плоды? Почему жъ бы не распространить употребленіе животворнаго калорифера, благо испытано столь успѣшно его счастливое дѣйствіе! Что до меня—я провелъ однажды дней шесть въ обществѣ высшаго Волошскаго сословія, плывя по Дунаю, пошатался въ деревняхъ Волошскихъ около Галаца, осматривая остатки Троянова вала, приглядывался къ сельскимъ Волошскимъ физіономіямъ—не вѣрится мнѣ этой зрѣлости! Мое впечатлѣніе, правда мимоходное. Чѣмъ же прикажете провѣрить его? Пожалуйте мнѣ описаніе Княжествъ, разсужденіе о нихъ жителяхъ по сословіямъ, о характерѣ и правахъ, о поземельномъ владѣніи. Столько консуловъ и проконсуловъ русскихъ перебывало въ Молдавіи и Валахіи, генеральныхъ и негенеральныхъ, столько секретарей и переводчиковъ; наконецъ столько разъ полки наши тамъ жили по долгу: были случаи познакомиться! И нѣтъ ни одного порядочнаго описанія Княжествъ, кромѣ Кантемирова, писаннаго при Петрѣ Первомъ. Молдавію и Валахію мы знаемъ хуже Абиссиніи и Нигриціи. О невѣжество! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я не могу говорить о Княжествахъ.

Non, non, non, je ne veux pas chanter.

«Но Черногорія, Черногорія вѣрюятно возвеселитъ ваше славянское сердце», говорите вы, и надѣетесь, что я распространюсь передъ вами съ восторгомъ о славной Граховской побѣдѣ, которая все-таки доказала... Побѣда, точно славная, но мнѣ очень не понутру путешествіе князя Даніила и его уполномоченныхъ въ Парижъ, ходатайство ихъ предъ западными державами о покровительствѣ, явленіе французскихъ кораблей въ заливѣ Гравозы, коими обезоружились турки, разсужденія Франціи, Англіи, Австріи о границахъ Черногоріи,—Черногоріи, которую еще Петръ Первый принялъ подъ свою опеку, которая съ тѣхъ поръ жила почти на нашемъ иждивеніи, которой владыки до нашего времени посвящались въ Петербургѣ, и которой всѣ важныя дѣла рѣшались нами по старому, признанному отъ всѣхъ обычаю.

Греція? Да о Греціи давно уже я не слыхалъ ничего. Послѣ жестокаго пораженія ея англичанами, въ удовлетвореніе дона Пачифико (которому въ знаменитости въ новой Европейской исторіи долженъ былъ уступить самъ мистръ Приччардъ), толковано было много въ газетахъ о французской партіи и о министерствѣ Калерджи, объ Англійской партіи и высокомѣріи г-на Вайза, о какихъ-то баваро-нѣмецкихъ продѣлкахъ, а Россія нигдѣ и не упоминается. Что же я буду говорить о Греціи?

«Ну такъ оставимъ, прерываете вы меня, въ покоѣ вопросы, которыми растравляются старыя раны, которые заставляютъ трепетать сердце и гонятъ кровь къ оконечностямъ, хотя признайтесь, безъ основательной причины, собственно только отъ одного нетерпѣнія. Побесѣдуемъ о тѣхъ Европейскихъ происшествіяхъ, кои не имѣютъ никакого отношенія къ Россіи, къ коимъ вы должны быть безпристрасны, и о коихъ можно разсуждать хладнокровно, напримѣръ объ открытіи Шербургской гавани».

Слуга покорный! Первый предметъ избранъ вами очень неудачно: неужели думаете вы, что можно говорить о Шербургѣ безъ какихъ нибудь тягостныхъ воспоминаній? Позвольте васъ спросить противъ кого укрѣпляется такъ Шербургъ?—Противъ англичанъ.—Но вѣдь Франція находится съ Англіей въ тѣсномъ союзѣ?—Правда, Шербургъ укрѣпляется на всякій случай.—А, такъ можетъ существовать «всякій случай» даже и между истыми друзьями?—Разумѣется Англія, обнимаясь, держитъ всетаки камень за пазухою, укрѣпляетъ не только Портсмутъ, но и всѣ важные приморскіе пункты. Да и не одни англичане и французы принимаютъ свои мѣры. Бельгійцы хлопочутъ объ Антверпенѣ, нѣмецкій союзъ копошится

въ Раштадтѣ, сардинцы распространяютъ Специю, австрійцы Полу и Катарро.

А какъ разсуждаютъ истые европейскіе граждане о подобныхъ вооруженіяхъ? Послушайте гг. Робука . и Линдсея, которые вмѣстѣ съ королевою Викторіею, пировали въ гостяхъ у императора французовъ. Они кричатъ во весь голосъ и воніютъ изо всѣхъ силъ,—преувеличиваютъ и даже выдумываютъ опасности, взводятъ напраслины, считая своею обязанностію предъ отечествомъ (слушайте, слушайте: предъ отечествомъ!) возбуждать вниманіе согражданъ, вызывать напряженную дѣятельность правительства. Ну какъ же вы хотите, чтобъ я, послѣ такихъ ясныхъ, твердыхъ, громкихъ рѣчей, прошепталъ вамъ нѣсколько темныхъ и безсвязныхъ словъ, пробормоталъ нѣсколько мизерабельныхъ намековъ, въ родѣ шарадъ, омонимовъ и логогрифовъ да и то, оглянувшись направо, налѣво, вверхъ, внизъ, сжавшись, скорчившись, представивъ несчастнѣйшую фигуру, какъ преступникъ, вѣдомый на казнь за уголовное преступленіе. Нѣтъ, такая унизительная роль надоѣла; нѣтъ, я лучше промолчу о Шербургѣ, Антверпенѣ, Роштадтѣ, Специи, Полѣ, Катарро. . . .

Non, non, non, je ne veux pas chanter.

«А нейтральный флагъ, морское право, провозглашенное торжественно въ парижскихъ конвенціяхъ? Вотъ пріобрѣтеніе международныхъ отношеній, вотъ истинный, благородный прогрессъ въ исторіи человѣчества».—Послушайте, будемъ откровенны: вспомните о нейтралитетѣ Даніи и Швеціи, впродолженіи послѣдней войны, объявленномъ повсюду оффиціально и неоффиціально. Между тѣмъ, англійскіе и французскіе корабли останавливались преспокойно во всѣхъ гаваняхъ Шведскихъ и Датскихъ, запасались нужными для себя вещами, исправляли поврежденія, закупали хлѣбъ, уголь и даже оружіе, находили себѣ всегда безопасное убѣжище, собирались съ силами для нападенія. Спрашивается: равнялись ли отношенія Швеціи и Даніи къ Россіи съ отношеніями ихъ къ Англіи и Франціи? Какой же это нейтралитетъ? А попробуй Швеція, Данія и даже Пруссія не пустить ихъ къ себѣ... хоть подъ пазуху. Что заговорили бъ онѣ? Помнимъ мы бомбардировку Капенгагена среди безоблачнаго мира! Не будутъ ли онѣ поступать точно такъ же въ какихъ нибудь новыхъ столкновеніяхъ? Безъ сомнѣнія, будутъ поступать точно также же, да еще и съ дополненіями, смотря по обстоятельствамъ. И такъ, все это слова, слова и слова: зачѣмъ же намъ повторять ихъ съ голоса, или принимать на вѣру? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не хочу я толковать о нейтральномъ флагѣ.

Non, non, non, je ne veux pas chanter

«Что вы скажете, по крайней мѣрѣ, объ открытіи Китая и Японіи для Европейской торговли?»—Пожалуй, мы порадуемся этому событію, какъ распространенію Европейскаго начала, какъ успѣхамъ цивилизаціи, и подумаемъ про себя, что если Англія съ двумя—тремя тысячами солдатъ могла навести ужасъ на Небесную имперію, то Россія, смежная съ Китаемъ, въ длину всей Сибири, чего не можетъ сдѣлать, если захочетъ, съ одной дивизіей подъ предводительствомъ Ермака или Хабарова... или чьимъ-нибудь!..

Безконечные толки о Голштинскихъ дѣлахъ, утомительные споры о дунайскомъ судоходствѣ— это канитель, которую тянутъ штатные дипломаты отъ — нечего-дѣлать... Государства-жъ Европейскія—перестанемъ шутить—ведутъ свое дѣло, что называется, себѣ на умѣ, ни мало не заботясь ни о какихъ теоріяхъ, ни о какихъ отвлеченныхъ правахъ, сообразуясь съ своими традиціонными планами и текущими обстоятельствам.и Англія, задержанная индійскимъ возстаніемъ употребляетъ всѣ свои усилія, чтобъ его укротить, и вмѣстѣ подвинуться еще далѣе въ Азію, открыть себѣ новые рынки, а дома застраховать вѣрнѣе и вѣрнѣе свою внѣшнюю безопасность. Франція, наоборотъ, озабочена больше всего мыслію о внутренней безопасности, выжидая случаевъ занять общее вниманіе какимъ-нибудь оригинальнымъ фарсомъ, котораго предусмотрѣть никто не возьмется. Въ Римѣ гарнизонъ ея зажился подольше, нежели нашъ корпусъ въ Молдавіи и Валахіи, и хозяйничаетъ тамъ очень спокойно, не производя ни малѣйшаго смущенія въ Европейскихъ кабинетахъ и не нарушая ни мало незабвеннаго равновѣсія.

Сардинія, благодаря талантамъ своего министра, ниспосланнаго ей Богомъ, въ союзѣ со свѣтомъ, а не со тьмою, приготовляется можетъ быть играть блистательную роль въ Италіи, которую рано или

поздно (вѣроятнѣе: рано) принуждена будетъ выпустить изъ ежовыхъ рукавицъ своихъ Австрія.

Пруссія поступаетъ подъ управленіе принца, который сначала, въ 1848 году, подвергался общей ненависти и принужденъ былъ, по требованію народа, удалиться въ Кобленцъ, но нынѣ пользуется, какъ видно, обращеніемъ народнаго чувства, и либеральнымъ, говорятъ, министерствомъ своимъ, обѣщаетъ новое управленіе. Вотъ страна, въ которой можетъ произойти многое важное, съ великимъ вліяніемъ на сосѣднія государства. Конечно, дай Богъ, людямъ всякаго благополучія, нѣмцамъ и итальянцамъ, англичанамъ и французамъ, венгерцамъ и славянамъ, чрезъ кого бы это благополучіе ни распространялось; но все какъ-то грустно, прискорбно, по невольному чувству эгоизма, когда видишь, что изъ рукъ выпадаетъ случай сдѣлать великое добро, сослужить важную службу Европѣ, и занять великолѣпную страницу въ исторіи, но... что будетъ, то будетъ. Исторіи, видно, изъ ея колеи ничѣмъ не выворотишь, и она идетъ себѣ какъ знаетъ, и какъ мы не знаемъ.

Гораздо понятнѣе и гораздо пріятнѣе внѣшней политики, наблюдать нѣкоторыя частныя явленія въ жизни государствъ, знаменующія для мыслящаго наблюдателя ихъ идею или ихъ силу, ихъ тактъ или характеръ. Таковы: дѣло о пароходѣ Каляріи, или лучше—форма его производства, рѣчи Брайта, назначеніе Гладстона чрезвычайнымъ коммиссаромъ на Іоническіе острова, разсужденія лорда Брума и лорда Рѣсселя о распространеніи образованія между ремесленниками, процессъ графа Монталамбера, голосъ Юнга о предоставленіи острововъ Греціи, кромѣ Корфу. Большая часть сихъ происшествій замѣчена въ нашихъ газетахъ и журналахъ, и нѣкоторыя характеризованы превосходно въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и особенно въ «Русской Бесѣдѣ», такъ что я не считаю нужнымъ и о нихъ распространяться.

Вотъ кажется и все о Европейскихъ государствахъ.

Перечитываю свои замѣтки, и что же нахожу, или лучше чего не нахожу? Австрію я позабылъ, свою любезную, дорогую, ненаглядную Австрію, которой посвятилъ я столько мысли, чувства, труда, которая испортила мнѣ столько крови, и доселѣ въ недобрый часъ, «порою между волка и собаки», мерещится мнѣ противнымъ привидѣніемъ. Позабылъ—такъ за то потѣшу васъ въ заключеніе своихъ полушутливыхъ, полускорбныхъ строкъ, такъ потѣшу, что вы расхохочетесь: отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ! Австрію нѣмецкіе политики отправляютъ въ крестовый походъ на Востокъ. Призваніе Австріи, говоритъ только что отпечатанная диссертація «Das europäische Gleichgewicht der Zukunft», внести германскій элементъ на Востокъ, соединить его съ Европой. Она является наслѣдницей крестовыхъ походовъ.

Вся дѣятельность Австріи на югѣ, на Дунаѣ, къ Черному морю. Но Австрія не должна противодѣйствовать въ Германіи стремленіямъ къ единству. За все, отъ чего она откажется въ Германіи, ей вознаградится десятерицею на Востокѣ. Пруссія, съ своей стороны, не должна противиться Австрійскимъ стремленіямъ на югѣ. Для Германіи очень выгодно, если Австрія будетъ владѣть Дунайскими княжествами, да и для нихъ самихъ это лучшая участь.—Какое богатое поле открылось бы тогда для нѣмецкой промышленности и нѣмецкой торговли, и какой превосходный случай для распространенія нѣмецкаго духа и нѣмецкой культуры! И какая блестящая будущность для Австріи, какъ увеличатся ея могущество, сила, слава! И будто трудно достигнуть этой цѣли? Пусть Австрія великодушно и добровольно уступитъ Пруссіи первое мѣсто въ Германіи и подкрѣпитъ ее на сѣверѣ; Пруссія же пусть помогаетъ Австріи на Востокѣ, подкрѣпляетъ ее изо всѣхъ силъ... Дунайскія княжества ожидаютъ только нѣмецкой дѣятельности, чтобъ сдѣлаться богатыми и цвѣтущими...

Каково! Не изъ тучи только, видно, громъ гремитъ! Въ Австріи пять милліоновъ нѣмцевъ и двадцать милліоновъ чуждыхъ имъ по языку, вѣрѣ, исторіи, славянъ, которые терпѣть ее не могутъ и ждутъ не-дождутся случая отъ нея избавиться; Австрія не можетъ ночи проспать спокойно дома, не заперевъ накрѣпко всѣхъ дверей, не закрывъ наглухо всѣхъ окошекъ, не разставивъ вездѣ часовыхъ, не окруживъ себя разнохарактерною стражею,—и эта Австрія чувствуетъ, слышите, неодолимое призваніе прибрать къ своимъ рукамъ еще десять милліоновъ славянъ, гораздо болѣе ей чуждыхъ, на Востокѣ, чтобъ сжать ихъ послѣ въ своихъ отеческихъ объятіяхъ: пусть выводятъ цыплятъ для вѣнскихъ обѣдовъ и ужиновъ. А Россія, которая считаетъ у себя шестьдесятъ милліоновъ

славянъ, единоплеменныхъ съ Австрійскими и Турецкими, по словамъ нѣмецкихъ публицистовъ, старайся только объ образованіи себя и не думай обращать даже и взоры на Востокъ!

Такую роль предоставляютъ Россіи доброжелательные нѣмцы: что же дѣлаетъ сама Россія на поприщѣ Европейской политики? Она безмолвствуетъ, повторяемъ, и какъ будто нѣтъ нигдѣ ея представителей: на Европейскомъ толкучемъ рынкѣ не раздается только русскаго голоса. Это, по моему смиренному мнѣнію, прекрасно: для чего намъ вступаться въ копѣечныя дрязги, что намъ спорить о грошевыхъ интересахъ, къ чему домогаться алтынныхъ выгодъ? Въ какое сравненіе идутъ нынѣшніе внѣшніе Европейскіе вопросы съ нашими домашними громадными вопросами! Лучше безъ шума думать свою крѣпкую думу, лучше, пока предоставляя Европейскія дѣла естественному ихъ теченію, выжидать спокойно, гдѣ что случится, и приготовляться въ тишинѣ къ будущимъ дѣйствіямъ, когда они понадобятся, на пользу себѣ и другимъ, во имя прогресса, во благо Европѣ и человѣчеству.

Вотъ эти спасительныя приготовленія, вотъ эти благородныя занятія, желалъ бы я обозрѣть для общаго нашего назиданія и утѣшенія, въ pandant къ обозрѣнію западныхъ дѣйствій, — но къ сожалѣнію, у меня нѣтъ достаточныхъ матеріаловъ, а безъ матеріаловъ, вѣрныхъ и положительныхъ, ничего написать нельзя. «Какъ нѣтъ матеріаловъ, удивляетесь вы,—мало ли у насъ пишется и печатается всякой всячины?» Правда — но многаго и не достаетъ. «Какіе же матеріалы вамъ нужны»? А вотъ какіе, извольте прослушать внимательно и вникнуть хорошенько въ смыслъ слѣдующихъ моихъ словъ.

Прежде, однакожъ, я сообщу вамъ оглавленіе матеріаловъ которые имѣю, для обозрѣнія домашней Русской дѣятельности. Есть на что указать, есть на что и порадоваться другу добра и людей...

Повсемѣстные комитеты въ губерніяхъ объ улучшеніи быта крестьянъ

Частныя отпущенія крестьянъ на волю.

Пріобрѣтеніе Амурской области. Обозрѣніе Оренбургскаго края. Дѣйствія на Кавказѣ.

Занатія главнаго общества желѣзныхъ дорогъ,— открытыя пространства для сообщенія.

Проэкты утвержденные другихъ дорогъ: между Ригою и Динабургомъ, Волгою и Дономъ, Саратовская дорога, Ярославская дорога.

Открытыя пространства мостовыхъ дорогъ (chaussées).

Собраніе капиталовъ безъ гарантіи и безъ предварительнаго объясненія выгодъ на построеніе дороги между Волгою и Дономъ.

Дѣйствія Черноморскаго и Каспійскаго обществъ.

Сорокъ новыхъ обществъ мануфактурной промышленности и торговли.

Сто новыхъ журналовъ и газетъ.

Сто русскихъ путешественниковъ заграницей, съ учеными и промышленными цѣлями.

Обозрѣніе затронутыхъ вопросовъ, съ указаніемъ примѣчательныхъ статей.

Три тома «Исторіи Петра I» Устрялова.

Томъ «Исторіи древней словесности», Шевырева.

«Богданъ Хмѣльницкій», Костомарова.

«Исторія общественнаго права въ Россіи» Лешкова. Труды Максимовича, Бѣляева, Безсонова и друг. Археологическіе матеріалы, Сонцева. Новыя «Чтенія Историческаго общества» изд. Бодянскаго «Исторія Рязанскаго княжества», Иловайскаго, переводы съ древнихъ языковъ и проч.

Политическія обозрѣнія «Русской Бесѣды» и и «Русскаго Вѣстника».

Картина Иванова.

Женскія училища, и проч. и проч.

Матеріалы по этимъ предметамъ у меня есть, а вотъ какихъ у меня нѣтъ:

Чѣмъ заняты тѣ пять-шесть человѣкъ, которыхъ открыла намъ прошедшая война въ полномъ блескѣ, которые получили одобрительные патенты даже отъ Европейской публики и печати, имѣющей для насъ значеніе и вѣсъ par exellence, которыхъ способности, дѣйствительно, несомнѣнны. Всякое дѣло мастера боится, говоритъ пословица, а пять-шесть человѣкъ, каждый по своей части, могутъ сдѣлать многое. Такихъ людей дѣятельность—это общая польза, общій ростъ, общій прогрессъ.

Кто же эти пять-шесть человѣкъ, которымъ посчастливилось (рѣдкое у насъ счастіе) выйти, что называется, изъ ряду вонъ?

Назову вамъ троихъ: Тотлебена, Путятина.

Хрулева. Четвертый, Иннокентій, скончался въ порѣ самаго могучаго мужества...

Пятаго, шестого, не назову: пусть охотники до славы воображаютъ себя на открытыхъ ванціяхъ, и въ благодарность сдѣлаются мнѣ друзьями въ оплотъ многочисленнымъ моимъ врагамъ, раздраженнымъ на меня за мою простую, прямую и слишкомъ искреннюю, межетъ-быть, сознаюсь, и грубую рѣчь, которой цѣнить у насъ съ непривычки не умѣютъ! Но возвратимся къ оглавленію потребныхъ матеріаловъ.

Каково здоровье Тотлебена? Чѣмъ онъ занимается? Какіе пункты Чернаго, Азовскаго, Каспійскаго, Балтійскаго, Бѣлаго, Аральскаго, Восточнаго морей, онъ считаетъ удобными для укрѣпленія, и какія средства для того нужны?

Если Франція и Англія укрѣпляетъ безпрестанно свои берега, не давая себѣ отдыха ни на минуту, если Австрія и Сардинія воздвигаютъ новыя твердыни, неужели способности человѣка, понимающаго это важное дѣло лучше всѣхъ, остаются безъ упражненія? Почему вы знаете, напримѣръ, что завтра, послѣ-завтра, не явится въ Турціи какой-нибудь Магометъ II, Солиманъ, Амуратъ? Что же, Австрія и Англія помѣшаетъ имъ дѣйствовать противъ насъ и потребуютъ отъ нихъ уваженія къ Парижскому трактату? Не думаю. Если вѣнскій и священный подвергнулись такой комической судьбѣ, едва ли можно надѣяться больше на прочность парижскаго. Все, какъ говорится, до поры до времени. Эпохи Магометовъ и Солимановъ прошли, думаете вы? Нѣтъ: плохо, видно, вы знаете исторію, не вникаете въ смыслъ настоящихъ происшествій, не понимаете, что такое энтузіазмъ, какъ онъ зарождается или производится, и какіе чудеса производитъ. Отвѣтъ вамъ не за горами . . . . Что вы скажете о убійствахъ въ Джеддѣ или прежней вспышкѣ Тегеранской, лишившей насъ Грибоѣдова? Вездѣ нужно только средоточіе, предводительство. Да и не одни Азіатцы, развѣ Европейцы не могутъ пожаловать къ намъ въ гости еще разъ, на берега того или другого моря? Почему это посѣщеніе невозможно, если сами союзныя Франція и Англія боятся взаимныхъ визитовъ и укрѣпляются другъ передъ другомъ съ такими жертвами, съ такимъ напряженіемъ? Вотъ почему для меня интереснѣе всякихъ телеграфическихъ депешъ извѣстіе о занятіяхъ Тотлебена: что онъ читаетъ, чего хочетъ, и какія имѣетъ намѣренія? Имя его встрѣчалось по газетамъ гдѣ-то на Рейнѣ, потомъ на Югѣ, въ какой-то встрѣчѣ, но уже очень давно, и съ тѣхъ поръ пропалъ онъ изъ виду.

Путятину предлежитъ поприще не уже. Это остальной воспитанникъ Лазарева, товарищъ Нахимова и Корнилова. Кого спрашивать лучше о возстановленіи флота? Кто найдетъ вѣрнѣе средства утѣшитъ тоскующую тѣнь Петра Перваго? Года два тому назадъ я встрѣтилъ его въ партикулярномъ сюртучкѣ въ Русской церкви въ Парижѣ. Потомъ явился онъ негоціаторомъ въ переговорахъ съ Китаемъ, на водахъ Восточнаго океана. Все это прекрасно, но Русскія моря безъ него сиротѣютъ, Чесменскіе, Синопскіе герои взываютъ о чести.

«Голубчики, ко мнѣ! Навались!» Гдѣ онъ, нашъ лихой, смышленный, обожаемый подчиненными, оборонитель Севастополя, что, схвативъ Сѣвскую роту, отбросилъ изступленныя толпы французскія, и отбилъ приступъ 6-го августа? Какую школу онъ проходитъ? Гдѣ муштруетъ солдатиковъ? Какія сердечно-электрическія батареи про черный день подготовляетъ?

Сочиняютъ ли наши военачальники описанія дѣйствій, войскъ подъ ихъ начальствомъ состоявшихъ? Объясняютъ ли они причины своихъ успѣховъ и неудачъ? Какіе результаты для будущаго времени извлекли они изъ своихъ тяжелыхъ опытовъ? Есть русская пословица: всякое слово сказанное—серебро, а всякое умолчанное—золото. Въ настоящемъ случаѣ она должна перевестися на оборотъ: всякое слово, ими сказанное—золото, всякое умолчанное—неоплатный долгъ предъ отечествомъ, предъ наукою, предъ совѣстью. Въ медицинѣ исторія болѣзней, въ эстетикѣ исторія художественныхъ произведеній, въ юриспруденціи исторія законовъ и обычаевъ, лучше всякихъ теорій и системъ, объясняютъ дѣло и составляютъ драгоцѣнный завѣтъ отъ прошедшаго для будущаго.

Кромѣ главнокомандующихъ, начальники отдѣльныхъ корпусовъ, начальники штабовъ, всѣ должны представить свои частные отчеты, свои взгляды, свои мнѣнія, свою критику.

Вотъ чѣмъ образуется корпусъ офицеровъ и генераловъ, которые... которые намъ нужны. Кампанія Крымская и Молдаволахская — это для

нихъ новая гимназія, университетъ, академія. Экзаменъ заданъ былъ намъ начистую. Какое поученіе показать молодымъ людямъ берега Качи, Альмы, Черной рѣки, и растолковать исторію кампаніи устами дѣйствующихъ лицъ: «вотъ еслибъ занять эту высоту, Боскэ не успѣлъ бы обойти наши арміи, и Альмское сраженіе было бы выиграно; вотъ еслибъ здѣсь французы не оборотились на югъ, Севастополь былъ бы взятъ ими черезъ три дня. Подоспѣй сюда N. N. во-время, подъ Инкерманомъ побѣда была бы наша. Ударь Горчаковъ въ такую то минуту, дѣло оборотилось бы иначе не Ѳедюхиныхъ горахъ. Реадъ съ Вревскимъ погибли вотъ отъ какого несчастнаго недоразумѣнія. Малаховъ курганъ можно бъ было защитить вотъ съ этой стороны. Волынскій, Селенгинскій, Камчатскій редуты вотъ почему были важны. Вотъ когда мы отличились; вотъ гдѣ мы сплоховали ..» Да всякое слово запало бы въ душу, иная минута стояла бы цѣлаго курса. Такъ приготовились бы будущіе дѣятели. Да взглянуть только на развалины Севастополя, безо всякихъ коментаріевъ, наберешься жару на десять сраженій съ... съ... ну съ кѣмъ случится: друзей у насъ, вѣдь, много вездѣ.

Употребите всѣ мѣры, отыщите всѣ средства, собрать мнѣ отвѣты на мои вопросы,—я знаю только книгу Берга, которой не отдано должной справедливости, да сочиненія гг. Богдановича и Аничкова, которые впрочемъ не принимали личнаго участія въ дѣйствіяхъ.

Далѣе—нужда учитъ калачи ѣсть. Медицинская наша часть, блеснувшая впродолженіе послѣдней войны именемъ Пирогова, обнаружила, не менѣе военной, свои недостатки. Какія же мѣры приняты для устройства нашей медицинской части? Открыты ли новые клиническіе курсы по больницамъ въ Москвѣ и Петербургѣ?

Да одни ли образованные медики, офицеры, генералы намъ нужны? Намъ нужны образованные люди на всѣхъ мѣстахъ, что доказала намъ ясно прошедшая война: какъ же послѣ войны стала учиться наша талантливая молодежь и какія мѣры приняли вездѣ университетскія начальства, чтобъ усилить ученіе, сообщить ему степенность и твердость, въ гимназіяхъ, университетахъ, академіяхъ, которыя сдѣлались теперь для насъ важнѣе крѣпостей и арсеналовъ, въ практическомъ даже отношеніи, не только теоретическомъ?...

Но довольно. Вы видите теперь, какіе матеріалы мнѣ нужны, и какія свѣдѣнія для меня важны. Когда получу ихъ отъ васъ, обѣщаю вамъ написать полное историческое обозрѣніе, а на сей разъ имѣйте мя отреченна.

Non, non non, je ne veux pas chanter.

Декабря 10, 1858 г. М. Погодинъ.

ПАРНАССКОЙ

ЩЕПЕТИЛЬНИКЪ.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

1770 года,

Въ Санктпетербургѣ.

цѣна по 15 копѣекъ екземпляръ.

Заглавный листъ изъ журнала „Парнасской Щепетильникъ“.

Ежемѣсячное издан. 1770 г. по рѣдкому экз. изъ собранія А. Бурцева.

1405. Парнасскій Щепетильникъ. Ежемѣсячное изданіе 1770 года. Въ С.-Петербургѣ.—Цѣна каждаго выпуска была по 15 коп. экземпл.—Въ 12 д. л.

Издателемъ этого весьма любопытнаго изданія былъ М. Д. Чулковъ.

«Щепетильникъ» выходилъ ежемѣсячно съ мая по декабрь 1770 года включительно. Журналъ имѣлъ сатирическое направленіе. Изъ сотрудниковъ его извѣстны В. Рубанъ, И. Постниковъ и Ванcловъ.

Журналъ въ полномъ видѣ въ настоящее время принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

Парнасской Щепительникъ.

I.

Многіе люди даютъ мнѣ имя автора, не освѣдомясь о томъ, желаю ли я симъ названіемъ величаться. Титулъ изряденъ и ушамъ пріятенъ; но чтобы быть дѣйствительно онымъ, то нахожу я въ себѣ великія къ тому неудобности, и для того торжественно отрекаюсь отъ сего почтеннаго наименованія, уступая мѣсто тѣмъ высокоименитымъ людямъ, которые вдругъ берутся за все, и по великости знанія своего никакого дѣла къ концу не приводятъ, несмотря на то, что Finis coronat opus. Конецъ вѣнчаетъ дѣло. Доволенъ буду и тѣмъ несказанно, что если безъ титула преузорочно ученыя особы полюблюся я обществу, и стану пользоваться весьма счастливо милостьми міра.

Нѣкоторымъ сочинителямъ не знаніе и не науки, но одно слѣпое счастіе доставило титулъ людей разумныхъ и ученыхъ *). Всякое ихъ сочиненіе и выдумка похвалены бывали всѣмъ городомъ публично; а мы, убогая братія, со страхомъ и трепетомъ взирали на дѣла сихъ преузорочныхъ и высокомышленныхъ особъ, и не токмо что всенародно не осмѣливалися находить въ нихъ погрѣшности, но ужасалися и наединѣ имѣть о нихъ толь злое помышленіе. Отъ сея робости и раболѣпствія набилось ихъ столько на Парнасъ, что по послѣдней ревизіи оказалося болѣе ста тысячъ человѣкъ.

Толикое множество жадныхъ писателей, Ипокренскій и Кастальскій источники и рѣка Пермесъ не могли удовольствовать врачебными своими водами, и начали уже изсыхать: чего ради покровитель и богъ наукъ, великій Аполлонъ, предупреждая толикое зло, по общему съ музами согласію, опредѣлилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ послать въ дальніе города въ рангахъ переводчиковъ и сочинителей рацей и другихъ духовныхъ кантовъ, которые весьма часто пропѣваются въ подъяческихъ бесѣдахъ.

Нѣкоторыхъ для сочиненія элегій и любовныхъ пѣсенъ, другихъ по селамъ дьячками, третьихъ по деревнямъ старостами и выборными и такъ далѣе; а оставшееся число на Парнасѣ, сдѣлавъ меня авкціонистомъ, нарекъ щепетильникомъ, а негодныхъ стихотворцевъ, наименовавъ парнасскою ветошью, приказалъ распродать здѣсь въ царствующемъ градѣ Санктпетербургѣ съ молотка и собранную за нихъ сумму велѣлъ мнѣ употребить на пропитаніе такихъ людей, которые весьма многому учася, ничего не разумѣютъ.

Ежели же кому удивительно или смѣшно покажется, что стихотворцы продаваться будутъ съ молотка, то я скажу имъ на сіе, что въ древнемъ Египтѣ въ рынкахъ, на скамьяхъ, продавалися и боги, и давали оныхъ пятокъ или больше за копѣйку. Въ Турціи продаются женщины и дѣвицы, иногда и знатной фамиліи полонянки, а господа несмысленные стихотворцы ни божеской чести, ни знатной фамиліи на себѣ не имѣютъ, слѣдовательно великій Аполлонъ и продать и заложить ихъ можетъ, когда оные умножатся, или когда въ содержаніи парнасскихъ служителей будетъ великая нужда.

По опредѣленіи меня въ сію должность, просилъ я великаго Аполлона, чтобъ сдѣлалъ онъ господъ стихотворцевъ пигмеями*), для того, чтобы могъ я изъ нихъ умѣщать по нѣскольку въ мои карманы, и нося по разнымъ домамъ, показывать ихъ доброту и способность. На сію мою просьбу великій Аполлонъ усмѣхнулся, и отвѣчалъ мнѣ слѣдующее: я вижу, что ты совершенно сихъ людей не знаешь, это такой товаръ, котораго у тебя никто изъ разумныхъ людей не купитъ, а что

*) Рѣчь моя не принадлежитъ до людей ученыхъ прославившихся и прославляющихся нынѣ: здѣсь и во всей Россіи своими дѣлами, а касается она прямо весьма мало поученымъ стихомазамъ. Я не берусь выхвалять больше господина Сумарокова, нежели покойнаго Ломоносова, зная, что они великой похвалы достойны оба. Но кто же изъ нихъ больше сдѣлалъ пользы отечеству и себя прославилъ, о томъ оставляю разсуждать тѣмъ людямъ, которые меня гораздо просвѣщеннѣе.

*) Пигмеи, выдуманные въ древности люди, изъ которыхъ каждый могъ умѣститься въ гусинномъ или въ другомъ какомъ нибудь яйцѣ.

разсматривать оныхъ, то великими толпами станутъ къ тебѣ съѣзжаться, и будутъ ихъ покупать только тѣ господа, которые сверхъ бѣдности своей и мочи стараются заводить у себя въ домѣ великій штатъ людей; то купятъ они и сихъ на то только, чтобъ умножить число праздношатающихся по двору служителей, такъ какъ и книги ихъ покупаютъ для умноженія библіотеки. Сіи люди ни къ чему неспособны, и ни во что, окромѣ стиховъ, употребить себя не желаютъ, и такъ принужденъ ты будешь или отдавать ихъ даромъ, или безъ письменнаго увѣренія сбывать съ рукъ въ домъ. Только помни это, что тѣ господа, которые проматываютъ предковъ своихъ имѣніе, никогда долговъ не платятъ, не ходи къ нимъ, не проси и не безчести требованіемъ денегъ, подражая нѣкоторымъ добросовѣстнымъ купцамъ, не топчи напрасно сапоговъ, чтобъ подъ старость не принудила тебя бѣдность подкинуть подметки. Ты вѣдаешь, что тотъ гость, которой весьма часто жалуетъ, и ни о чемъ больше съ хозяиномъ не разсуждаетъ, какъ только требуетъ денегъ, и приводитъ тѣмъ хозяина во всегдашній стыдъ, бываетъ весьма ему не милъ, и вмѣсто благодарности за его одолженіе терпитъ иногда гоненіе, и не рѣдко пропадаетъ по пословицѣ: Сильная рука Богу судить.

Такое препорученіе въ то же время мнѣ не показалось, и я съ охотою моею желалъ отъ сего торгу отказаться, но что опредѣлено судьбою, того уже никакъ перемѣнить не можно, а особливо кому извѣстно сіе: Хоть не радъ, да готовъ. И такъ получа привилегію торговать смѣхотворцами, безъ сомнѣнія могу я продавать и нѣкоторыя сочиненія, за которыя, можетъ быть, получу больше денегъ, нежели за самаго лучшаго изъ сихъ стихотворца.

Сей торгъ состоять будетъ изъ продажи стихотворцевъ, изъ сочиненіевъ изрядныхъ авторовъ для того, чтобъ было смѣшное съ важнымъ и полезнымъ, изъ моихъ собственныхъ сочиненіевъ, и еще любящимъ наши древности сообщу и нѣчто достойное ихъ любопытства.

Въ началѣ сего предиріятія авторъ или собиратель изданія, прилагаетъ великій трудъ ко избѣжанію всего того, что можетъ противно быть нѣжному слуху, а главное его желаніе основано на томъ только, чтобъ сіе его изданіе не показалося кому нибудь подозрительнымъ, и еще желаетъ онъ увѣдомить читателей, что по природѣ имѣетъ онъ у себя ближняго такъ, какъ и все смертное поколѣніе, но чтожъ принадлежитъ до пера его, то оно безродно, справедливо и почтительно и сверхъ того ни льститъ, ни потворить не умѣетъ. Теперь думаетъ онъ о главномъ своемъ благополучіи, а оно состоитъ въ томъ, что всѣ одногородцы расхвалятъ его за сіе изданіе; а сего надѣется онъ непремѣнно; понеже хотя не похвалы, такъ уже хулы достоенъ будетъ непремѣнно, а по временамъ и хула и похвала знаменуютъ едино. Впрочемъ подъ видомъ присылаемыхъ къ нему писемъ самъ себя хвалить онъ не будетъ.

Продажа сія начнется сего 1770 года маія въ день, а сіи листочки получать всякому можно, кто только пожелаетъ у переплетчика Г. Веге, живущаго въ Малой Миліонной, у котораго почти вся премудрость продается.

II.

Продается стихотворецъ драматическій.

Сей человѣкъ живётъ въ такомъ домѣ, который наполненъ безграмотными профессорами и тунеядцами, а изъ принужденія носитъ и онъ на себѣ всѣ сіи достоинства. Можно его почесть полнымъ мѣсяцемъ, понеже въ вечеру встаетъ, а поутру ложится, слѣдовательно дѣлаетъ онъ все вопреки природы. Сочиняетъ стихи изъ однихъ односложныхъ словъ, а многосложныя ненавидитъ, и отъ того то стихи его ни остры, ни замысловаты, и таковы точно, какъ итальянскія ноты, проигрываемыя на россійскомъ гудкѣ. Впрочемъ не соглашается онъ вѣрить, что труды его не годны, удобнѣе принудить его проплясать на площади, чего онъ отъ рожденія не любитъ, нежели что нибудь въ стихахъ его поправить, и кто ему о томъ выговоритъ, того почитаетъ онъ такимъ злодѣемъ, съ которымъ не должно и на дорогѣ встрѣчаться. Сколько онъ малосмысленъ, столько или еще болѣе желаетъ казаться людямъ учонымъ человѣкомъ, и съ высоты мнимой своей премудрости смотритъ на всѣхъ горделиво. Часто шатается по улицамъ единственно только для того, что поправляетъ грамматическія погрѣшности въ мужицкихъ разговорахъ, и сражается съ ними, защищая премудрость ладонью и кулаками. Онъ отъ природы весьма задумчивъ, и ходитъ всегда, потупя глаза въ землю.

Нѣкогда онъ набрелъ на фонарный столбъ, и такъ сильно ударился въ него лбомъ, что оной потрясся, и хотя не упалъ, однако отъ такого изряднаго удару масло въ фонарѣ погасло. Тогда закричали идущіе мужики, не зная, что онъ стихотворецъ: столпъ на столпъ нашолъ.

Сочиненныя имъ книги слѣдующія:

1. Обиталище беззаконнія, стихами.
2. Вредная мода, стихами.
3. Обманъ, стихами безъ риѳмъ.
4. Дурные переговоры, прозою.
5. Всякія глупости, прозою.
6. О собственномъ его малоуміи, стихами и прозою.

За всѣ его книги и за него самого возьму я рубль восемь гривенъ. Цѣна, правду сказать, и невелика, но онъ не столько достоенъ примѣчанія, какъ другіе. Ежели господъ читателей любопытство простираться будетъ далѣе, то увидятъ они великую толпу людей, увеселяющихъ ихъ мысли; ибо нѣтъ ничего, по моему мнѣнію, забавнѣе, какъ duракъ учоный.

III.

Продается стихотворецъ лирическій.

Вотъ человѣкъ въ четвероугольной шапкѣ, онъ такъ, какъ древній законникъ, ожидаетъ отъ народа въ честь себѣ статуи, не изъ дикаго камня, но изъ найденнаго здѣсь на озерахъ мрамора, и желаетъ, чтобы сохраняли стихи его въ нарочно сдѣланныхъ къ тому золотыхъ сосудахъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ узналъ онъ премудрость, и могъ очинить перо, страдаетъ парнасскою горячкою, и будучи въ великомъ жару, такъ высоко бредитъ, что не рѣдко карабкается на облака и считая за крѣпкую твердь, хочетъ расположиться на нихъ такъ, какъ трапезонтской паша на бархатной софѣ.

Судьба одѣваетъ его теперь въ новую одежду, а купеческая рука насыпаетъ полные карманы денегъ. Многимъ покажется удивительно, что стихотворецъ имѣетъ участіе въ богатствѣ, но надобно каждому разумѣть, что не стихи его питаютъ, а обогащаютъ крестьяне, которыхъ онъ одного за другимъ, хотя и безъ очереди, однако каждый день продаетъ, понеже воспитанъ онъ на вареныхъ французскихъ конфектахъ, безъ которыхъ ни одной минуты пробыть не имѣетъ: впрочемъ можетъ быть привыкнетъ и ко ржаному хлѣбу; но того еще не видно.

Сочиненія его еще не освѣщало солнце, городъ не видалъ, а граждане не читали, и тако лежатъ они въ деревенской библіотекѣ. Стихотворецъ часто прочитываетъ ихъ своему повѣренному, которому не кажутся они для того, что писаны не приказнымъ порядкомъ, не канцелярскимъ штилемъ, и отъ сего бываетъ у нихъ ужасный споръ. Одинъ утверждаетъ, что стихи больше просвѣтятъ человѣка; а другой напротивъ того кричитъ, что просвѣщаетъ человѣка знаніе теченія дѣлъ приказныхъ.

Сего стихотворца, господа, смотрите извольте оцѣнить сами; или возьмите его безъ денегъ, я васъ охотно онымъ подарю по причинѣ той, что онъ очень неугомоненъ; а я тѣмъ временемъ схожу ко всѣмъ господамъ несмысленнымъ стихотворцамъ, и повѣщу имъ, чтобы собиралися они въ аукціонную комнату на продажу.

IV.

Я не знаю, что будетъ чуднѣе, продажа ли моя или мое путешествіе, и мнѣ кажется, что одно другого стоитъ. Можно сказать, что какъ путешествіе, такъ и продажа рѣдкое изъ рѣдкихъ: безъ сомнѣнія рѣчь моя достойна всякаго любопытства.

Всѣ цеховые мастера имѣютъ на домахъ вывѣски, но сіи головодѣльные люди такому примѣру не подражаютъ; однако безъ всякаго труда находить ихъ было можно.

Перваго нашолъ я лежащаго въ постелѣ, онъ походилъ на скелета и уподоблялся больше тѣни, нежели живому человѣку, и казалось мнѣ, что вѣсу въ немъ не болѣе будетъ какъ шестьдесятъ фунтовъ съ золотниками. Лѣтами былъ онъ высокъ, но ростомъ напротивъ того гораздо маленекъ.

Такое сокращенное человѣческое бѣдствіе отягощено было сильною болѣзнію, и обставлено различнаго рода и разной величины аптекарскими банками, и если бы сіи сосуды имѣли движеніе, то не скоро бы распозналъ, кто изъ нихъ стихотворецъ и кто скудельное и безумное созданіе, ибо какъ банки, такъ и больной были весьма круглы и съ превеликою нуждою нѣсколько продолговаты. Изъ скудной глубины мелкаго его сердца происходили весьма тяжкіе вздохи, которые подвигнули и

меня къ нѣкоторому малому о немъ сожалѣнію; ибо малорослые люди и безъ болѣзни кажутся намъ жалки, и думается мнѣ, что созданы они на свѣтъ для напоминовенія высокомѣрнымъ, что гордаго человѣка унизитъ такъ судьба, какъ сего карлу унизила природа.

Спрашивалъ я у сего урода, что причиною его болѣзни, на что онъ, не превосходя чаянія моего, отвѣчалъ: любовь и нѣкоторые удары. Я, государь мой, люблю, продолжалъ онъ говорить: я люблю прямо по древнему обыкновенію, и ежели вы имѣете кинжалъ, то пронзите грудь мою, и посмотрите, что не модная нынѣшняго вѣка страсть: но древній неутолимый жаръ обитаетъ въ моемъ сердцѣ. Вчерашній день, ужасный день! день радости и слезъ! пригласили меня въ нѣкоторый, домъ въ которомъ безпрепятственно могъ я бесѣдовать съ богинею моего сердца, тамо наслаждался я всѣми пріятностями свѣта, и для таковой радости выпилъ я нѣсколько побольше обыкновеннаго, понеже Sine Cerere et Vaccho friget et Venus. Безъ хлѣба и вина хладѣетъ и любовь. По окончаніи бесѣды шолъ я домой, черезъ нѣкоторый пустырь, ночь была весьма темна и холодна, и притомъ шолъ великій дождь. Венера, Церера и Бахусъ такъ меня отяготили, что я не могъ уже шагнуть ни единаго разу прямо впередъ, того ради принужденъ былъ искать на томъ же мѣстѣ убѣжища. Несчастіе мое велико! не знаю, какою то не испытанною судьбою пробрался я въ уборную комедіянскую избу, влѣзъ на печь, и по претерпѣніи ужасной стужи, дождя и слякоти, уснулъ такъ крѣпко, какъ будто бы умеръ. Сіи подвиги совершилъ я на площадномъ театрѣ въ Морской, какъ послѣ уже о томъ провѣдалъ.

Долго ли я спалъ, того не вѣдаю, но знаю что заспался и въ досталь не узналъ незнаемаго мною мѣста. Та проклятая печь, которая на бѣду мою была тутъ сдѣлана столь широка и пространна, что могъ я, малорослый человѣкъ, спать на ней безъ препятства, и представляя въ заблужденномъ умѣ моемъ, чтъ это полъ, пошолъ прямо искать выходу, и лишь только что ступилъ раза два обѣими ногами, то и полетѣлъ стремглавъ, отшибъ я себѣ память и повредилъ гораздо затылокъ, отчего пришолъ въ пущее помѣшательство; однако собирая ослабшія мои силы, всталъ я и пошелъ далѣе, и не успѣлъ отмѣрить двадцати шаговъ, то и полетѣлъ въ другую преисподнюю, это значитъ въ орхестру, или въ то мѣсто, гдѣ сидятъ музыканты во время комедіальнаго дѣйствія. Тутъ то разумъ мой помѣшался и послѣднія силы не подкрѣпляли моего духа. Напали на меня страхъ и ужасъ и особливо какъ услышалъ я, что нѣкто фыркаетъ, шаститъ и ко мнѣ приближается. Поспѣшилъ я приподняться съ полу, и какъ только что привсталъ, то этотъ нѣкто такъ меня двинулъ въ спину, что выкинулъ совсѣмъ изъ орхестры. Плачевное паденіе! я и теперь безъ слезъ онаго вспомнить не могу. Кости во мнѣ трещали, и смущенная душа моя едва не покинула измученнаго моего тѣла. Злодѣй мой, или дьяволъ, ненавистникъ человѣческаго рода, а особливо, какъ сказываютъ, уродъ, опять ко мнѣ подвигался; я задумалъ бѣжать, но онъ предупредилъ мое желаніе, и хватилъ меня такъ сильно въ бокъ, что я другимъ моимъ бокомъ ударился въ заборъ, чего ради началъ уже кричать, чтобы миролюбивые граждане избавили меня отъ такого варвара. На крикъ мой пришелъ часовой съ дубиною, и не имѣя ко мнѣ почтенія, взялъ за воротникъ и отнесъ меня въ будку.

Проснувшись по утру, увидѣлъ я козла, который проклятый такъ былъ золъ, что и во время свѣта не хотѣлъ меня оставить. Часовой спрашивалъ у меня, кто я таковъ, а какъ сказался я ему, что я сочинитель, то онъ изо всей мочи захохоталъ и сказалъ, что козлы отъ начала свѣта стихотворцевъ не любятъ; берегись, промолвилъ онъ, а то онъ тебя до смерти ушибетъ. И такъ принужденъ я былъ бѣжать домой такъ прытко, сколько силъ моихъ достало.

При этомъ словѣ онъ закашлялся, и дѣйствительно бы умеръ, если бы я не поднялъ сіе изсохшее эхо и не посадилъ на постелю. Страданіе его простиралося выше разума человѣческаго, то есть походило на изрядный родъ дурачества. Болѣзнь его была неизлѣчима потому, что любовь ее умножала, а дурачество подкрѣпляло; однако принялся я пользовать его, и не зная въ лѣкарствахъ толку, поилъ его и кормилъ различными микстурами, и какъ напихалъ ему довольно оныхъ въ ротъ, то онъ и по неволѣ пришолъ въ прежнее свое чувство, понеже лѣкарственныя смѣси загородили ему дыханіе, а когда уже совершенно образумился, то

поблагодарилъ меня нѣсколькими стихами безъ риѳмъ.

Потомъ просилъ я сію истомленную тварь, чтобы онъ разсказалъ мнѣ любовное свое похожденіе; за что принялся онъ съ превеликою охотою и началъ такъ. Откуда имѣетъ свое начало любовь, о томъ сомнѣвается весь свѣтъ еще и донынѣ, и сей не удобонятной системы никто постигнуть не можетъ; но я утверждаю и доказываю, что была она уже и тогда, когда стихіи имѣли между собою смѣшеніе. Она развратила ихъ нестройность и привела въ порядокъ хаосъ. Послѣ соединила народъ, и сдѣлала между ними согласіе, потомъ построила грады, учредила домы и соорудила храмы, научила людей вывѣдывать земныя сокровища, ими пользоваться и украшаться, и обильная природа хранитъ въ ней всѣ свои сокровища. Тамъ прелесть, красота и нѣжность, тамъ смѣхъ, игры и сладость, тамъ свѣтъ, спокойство и надежда, тамъ счастіе, богатство и умы, тамъ удовольствіе, вѣрность и ласканіе, тамъ восхищенія, горячность и воля, тамъ гульбища, свиданія и уговоры, и словомъ всѣ человѣческія удовольствія.

Начало хорошо, но конецъ повѣствованія сего стенящаго Адонида не будетъ согласоваться съ онымъ, того ради берусь я окончить его похожденіе, во удовольствіе читателя.

Онъ влюбленъ въ одну дѣвушку, которая ростомъ и умомъ въ два раза его повыше, а природою еще и того превосходнѣе. Въ началѣ его страсти приступалъ онъ къ сердцу ея стихами, и сочинялъ посредственно хорошія пѣсни, клалъ ихъ на ноты и пропѣвалъ передъ нею: но по несчастію его былъ хуже музыкантъ, нежели стихотворецъ, и такъ пѣніемъ своимъ отнималъ у нихъ и послѣднюю красоту, слѣдовательно симъ родомъ стихотворства не могъ онъ понравиться такой красавицѣ, которая больше была умна, нежели скромна.

Вздохи, нѣжность, пріятныя изъясненія, слезы и отчаянія любовника она презирала, и думала, что оные принадлежатъ одной только непросвѣщенной дѣвкѣ, а та, которая знаетъ свѣтъ, то можетъ и на двухъ словахъ согласиться. Сія же потухающая на свѣтѣ тварь былъ робокъ и нѣженъ, и хотѣлъ горѣть непорочною страстію, а любовница его думала, что родилася она на свѣтъ съ тѣмъ, чтобъ наслѣдить вольность и имѣть нѣкоторую простительную шалость, прикрытую непримѣтною модою; ибо счастіе передается къ дуракамъ, а отъ разумныхъ отстаетъ оно понемногу, и для того нынѣ многіе стараются пришучивать и принуждать себя забывать все то, что прежде они съ великимъ трудомъ выучивали.

Бѣдный сей стихотворецъ, видя только себѣ презрѣніе, впустился извѣдовать Иппократовы таинства, которые принуждаютъ его оставить свѣтъ и вздыхать во адѣ о такой несклонной красавицѣ, которая ни одной минуты потратить не хочетъ на безполезные вздохи, да и на что оно, когда и безъ вздоховъ вершится нынѣ любовное дѣло, и всякая пріятность получается въ непродолжительномъ времени. Старина похваляема многими; но большимъ числомъ презираема, а что новое, то долго не паскучитъ, и для того люди пускаются въ новизну охотно безъ всякой справки объ обстоятельствахъ оной.

Сей стихотворецъ продаваться не будетъ потому, что скоро отправится онъ отсюда во адъ, а будетъ ли имѣть лучше этого мѣсто, того надѣяться я не осмѣливаюсь.

V.

По порядку зашелъ я къ другому, и усмотрѣлъ, что сей стихотворецъ похвальнѣе могъ бѣситься, нежели прежній; ибо имѣлъ онъ больше къ тому способовъ.

Господинъ сочинитель какъ скоро увидѣлъ меня, то благимъ матомъ бросился къ столу, и съискавъ недавно написанную имъ пѣсню, началъ читать передо мною со всѣми украшеніями возвышеннаго голоса, не спросивъ напередъ у меня, хочу ли я слушать или нѣтъ. На четвертомъ полустишіи онъ поперхнулся ибо весьма заторопился, и такъ закашлялся, ччо повалился отъ того въ постелю; однако и въ безпамятствѣ показывалъ руками на тѣ мѣста въ пѣснѣ, которыя казались ему лучшими.

Потомъ, переходя изъ дурачества въ дурачество, вытащилъ изъ подъ кровати превеликій басъ, и началъ проигрывать нѣкоторое доношеніе, сдѣланное имъ стихами и положенное на ноты. Признаюсь, что такая новость удивила меня несказанно, но какъ я увидѣлъ, что у него и домашній расходъ сочинялся стихами, то я и пересталъ дивиться.

Сколько былъ сей стихотворецъ скупъ, столько и богатъ, имѣлъ онъ каменный домъ, въ которомъ каждый кирпичъ, по собственному его счету, приносилъ ему въ годъ по гривнѣ оброку; поэтому видно, что велъ онъ у себя въ домѣ изрядную экономію, и какъ узналъ, что называюсь я авкціонистомъ, те просилъ онъ, чтобъ продалъ я съ молотка попорченные его роспуски, на которыхъ возили у него прежде воду, а теперь де, говорилъ, онъ, они уже мнѣ ненадобны, потому что Екатерининскій каналъ протекать будетъ мимо моего дому, такъ тутъ можно будетъ черпать и ведрами.

Скупость и глупость сему стихотворцу достались по наслѣдству отъ покойнаго дѣда его, который былъ столпъ стариннаго правовѣрія и кавалеръ алаго козыря, который носятъ преглупые страдальцы на затылкѣ. Родомъ онъ былъ изъ калужскихъ малинниковъ и носилъ кафтанъ геометрическій изъ темнокоричневаго сукна, въ знакъ смиренномудрія; на рукѣ имѣлъ всегда перстень, который не уступалъ древностію Кремлю-городу, и въ которомъ задѣлана была весьма искусно часть ногтя съ указательнаго перста протопопа Аввакума. Подъ бородою его торчала красная запонка на подобіе коровьяго глаза, и оная, какъ онъ увѣрялъ многихъ, имѣла особливое дѣйствіе, понеже не прикасалась къ нему нечистая сила, по причинѣ той, что на донышкѣ ея вырѣзано было имя протопопицы Аввакумовой. Борода его состояла изъ сорока осьми волосъ и была она осьмиугольная, почему и утверждалъ онъ, что въ такой бородѣ обитаетъ душа человѣческая, и что всякій въ оной волосъ необходимый членъ въ человѣческой жизни. Усы имѣлъ изъ двадцати шести волосовъ, и такъ все было въ немъ пропорціонально. Что-жъ до разума его принадлежитъ, то былъ онъ весьма несравненный мужъ въ знаніи, и все житіе Аввакумово помнилъ наизусть. Разсказывалъ оное во всякой бесѣдѣ съ прегорькими слезами, а особливо какъ сей угодникъ ихъ страдалъ подъ батогами и подъ всякимъ орудіемъ, которымъ его за дурачество стегали. Узнавалъ людей по шапкѣ: кому одесную, а кому ошую стояти, вѣдалъ въ какой шапкѣ сидитъ сатана и которой боится. На Макарьевской ярмаркѣ разсуждалъ весьма разумно о бородѣ и о усахъ, и отъ того накопилъ столько денегъ, что и внукъ его построилъ на оныя каменный домъ. Словомъ сказать, бывалъ тотъ мужъ вездѣ, выключая церквей, куда не ходить имѣлъ свои причины. Кто нюхалъ табакъ, то тѣхъ людей отсылалъ онъ безъ допросу въ адъ, и такъ сей авторъ увѣрялъ меня, что пишетъ онъ стихи по вдохновенію дѣдову, съ котораго въ Брынскихъ лѣсахъ списанъ портретъ и хранится весьма рачительно, а въ домѣ у него есть копія съ того и стоитъ на стѣнкѣ за тафтяною занавѣскою.

Сему стихотворцу повѣстилъ я явиться въ авкціонную комнату, на что онъ охотно согласился; ибо имѣетъ великое усердіе къ Аполлону, и хочетъ всегда приказаніямъ его повиноваться; и хотя онъ никогда его не видывалъ, однако увѣрялъ меня, что встрѣтился онъ нѣкогда съ нимъ на горахъ Валдайскихъ, и на сей случай вознамѣрился сочинить героическую поэму. Только страхъ, чтобъ не скинулъ онъ Аполлона сандаліевъ и не обулъ бы его въ лапти, а сіе легко статься можетъ, ибо вмѣсто арфы играетъ сей сочинитель на рожкѣ деревенскомъ.

Рѣшетниковъ, Өедоръ Михайловичъ.
Извѣстный писатель въ исторіи новѣйшей русской литературы.
Род. 5 сентября 1841 г. ум. 9 марта 1871 г.

1406. Пастырское увѣщаніе о прививаніи предохранительной коровьей оспы.—

Сочиненіе Епископа Вологодскаго Евгенія. Напечатано по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію. С.-Петербургъ, при Святѣйшемъ Правительствующемъ Сѵнодѣ. 1811 года. — Въ 4 д. л., 22 стр.

У Березина-Ширяева сказано, — стр. 264 — «брошюра очень рѣдкая, о существованіи которой не зналъ даже покойный докторъ К. И. Грумъ, спеціально занимавшійся, въ продолженіи многихъ лѣтъ, оспопрививаніемъ въ Петербургѣ».

1407. Патріотическія стихотворенія, сочиненныя въ 1854, 1855 и 1856 году, по случаю войны Россіи съ Турціею и другими союзными съ нею европейскими державами. Стихотворенія напечатаны отдѣльными брошюрами, въ 8 д. л.

Въ этой рѣдкой книгѣ собраны стихотворенія, которыя были сочинены въ 1854, 1855 и 1856 гг. по случаю войны Россіи съ Турціею и другими союзными съ нею европейскими державами. Стихотворенія были напечатаны отдѣльными брошюрами, и по выходѣ въ свѣтъ были скоро распроданы; почему въ настоящее время хорошо сохранившіеся экземпляры довольно рѣдки.

Виньетка на заглавномъ листѣ «Патріотическихъ Стихотвореній» М. Лобанова.

1408. Первое Апрѣля. Комическій иллюстрированный альманахъ, составленный изъ разсказовъ въ стихахъ и прозѣ, достопримѣчательныхъ писемъ, куплетовъ, пародій, анекдотовъ и пуфовъ. Спбургъ, въ типографіи Края. 1846 года.—Въ 12 д., 144 стр. и 6 политип. рисунковъ.

Это небольшія, но весьма оригинальныя юмористическія статейки, безъ именъ авторовъ.

Книжка рѣдкая.

Купленъ мною экземпляръ за 2 рубля.

1409. Патерикъ Печерскій. Кіевъ, 1702 года.—Въ листъ.

Это чрезвычайно рѣдкое изданіе украшено рѣзанными на деревѣ изображеніями.

См. «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки» за 1863 годъ, стр. 77-я, № 3.

1410. Патріотизмъ или миръ? Письмо къ Мансону 2 января 1896 г. Берлинъ.

Щербина, Николай Өедоровичъ.

Извѣстный поэтъ, род. 2-го декабря 1821 г., ум. 10-го апрѣля 1869 года.

типографія Розенталя. 1896 г.—Въ 12 д. л. 26 стр.

Книжка издана въ Берлинѣ у Августа Дейбнера, съ разрѣшенія графа Л. Н. Толстого.

1411. Первая инквизиція и завоеваніе Лангедока французами. Сочиненіе Николая Осокина. Казань, въ университетской типографіи, 1872 года. — Въ 8 д. л. IV+526 стр.

Въ началѣ книги слѣдуетъ нѣсколько словъ отъ автора, гдѣ онъ говоритъ слѣдующее.

«Предлагая на судъ критики второй и послѣдній томъ своего труда объ Альбигойцахъ, авторъ не имѣетъ въ виду распространяться о характерѣ и задачахъ его. Онъ укажетъ на то, что было высказано имъ въ предисловіи къ первому тому. Составляя продолженіе исторіи Альбигойцевъ за ея второй, болѣе долгій, но менѣе фактичный періодъ,—настоящая книга имѣетъ вмѣстѣ и отдѣльное, самостоятельное содержаніе. Она занимается повѣствованіемъ о томъ времени, когда альбигойская ересь перестала быть цѣлостною, энергическою опозиціей, когда она сдѣлалась предлогомъ для осуществленія политическихъ задачъ французскаго правительства и когда для искорененія ея послѣднихъ представителей прибѣгнули къ примѣненію орудій религіозной нетерпимости. Т. о. изслѣдованіе объ альбигойцахъ должно было обратиться въ разсказъ о пріобрѣтеніи Лангедока и Прованса

французами и въ исторію начальной, т. е. южно-французской инквизиціи. Начало инквизиціи — вопросъ весьма неразработанный и темный въ церковной исторіи, хотя самыя учрежденія ея были описаны не разъ съ достаточной подробностью Авторъ полагаетъ, что элементы этихъ учрежденій коренились издавна, подготовляя матеріалъ для стройной системы. Духъ, одушевлявшій инквизицію, не могъ быть внесенъ однимъ человѣкомъ. Онъ развивался подъ вліяніемъ историческихъ судебъ западной церкви. Инквизицію можно понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ нетерпимость вообще, и въ болѣе узкомъ непосредственномъ, какъ судебно-полицейское учрежденіе, наблюдавшее за чистотой католическаго ученія и каравшее уклоненіе отъ нея. Въ послѣднемъ смыслѣ требуется для представленія объ инквизиціи непремѣнное участіе доминиканскаго элемента. Потому говоря объ инквизиціи вообще, мы не могли игнорировать историческое развитіе религіозной нетерпимости на Западѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, разбирая и опровергая всѣ прежнія теоріи касательно открытія первыхъ церковныхъ судилищъ, мы искали болѣе точной даты для начала доминиканской инквизиціи. Опираясь на неизданные протоколы провансальскихъ трибуналовъ, которыхъ доселѣ не имѣли въ виду, авторъ долженъ былъ остановиться на новой, болѣе поздней датѣ.

Исходя изъ той мысли, что вопросы церковной исторіи не могутъ быть изучаемы и понимаемы безъ знакомства съ политическими и общественными, мы по возможности связывали ихъ съ послѣдними. Авторъ не хотѣлъ, чтобы его книга приняла характеръ мартирологіи альбигойцевъ. Да и независимо отъ того, онъ долженъ былъ часто обращаться къ папской исторіи и къ къ политическимъ событіямъ на Западѣ въ XIII столѣтіи, потому что инквизиціонныя институціи создавались подъ вліяніемъ той и. другихъ,—а болѣе всего къ внутренней исторіи Лангедока, потому что она входила въ кругъ задачъ этого сочиненія.

Тикъ какъ существеннымъ источникомъ той части предлагаемой книги, которая говоритъ объ инквизиторскихъ гоненіяхъ, служатъ протоколы провансальскихъ трибуналовъ, почти вовсе не разработанные, то мы не рѣшались продолжать нашъ трудъ, пока не получили возможности ознакомиться съ ними. Этимъ объясняется запоздалость выхода второго тома. Благодаря вниманію и содѣйствію г. Министра Народнаго Просвещенія, графа Дмитрія Андреевича Толстаго, намъ были открыты богатые архивы парижской національной (тогда еще «императорской») библіотеки, въ которой находится громадная рукописная коллекція протоколовъ, собранная Доà въ архивахъ южно-французскихъ трибуналовъ. «Societé de l'histoire du protestantisme francais» любезно предложило намъ свою спеціальную библіотеку, но печатнымъ матеріаломъ почти во всемъ объемѣ авторъ могъ пользоваться и въ Россіи. Мы хотѣли изслѣдовать также архивы провинціальные, но профессоръ Germain (ректоръ въ Монпелье). прежде самъ занимавшійся вопросомъ объ ересахъ, засвидѣтельствовалъ намъ, что они ничего болѣе не представляютъ для исторіи мѣстной инквизиціи (en fait de manuscrits il ne reste absolument rien à denicher dans les archives officielles), такъ какъ весь наличный рукописный матеріалъ по дѣламъ трибуналовъ перенесенъ оттуда въ Парижъ. Это избавило насъ отъ напрасныхъ и излишнихъ поисковъ.

Настоящій томъ еще не истощилъ портфеля, составленнаго авторомъ во время занятій въ національной библіотекѣ. Мы имѣемъ достаточный запасъ рукописнаго матеріала для исторіи такъ назыв. лжеапостоловъ, бегиновъ XIV столѣтія. Собственно съ этой стороны инквизиція оставила болѣе всего документовъ, но авторъ не могъ внести ихъ во всей цѣлости въ изложеніе, потому что это вывело-бы его изъ намѣченныхъ предѣловъ.

Но одинъ рукописный матеріалъ, послужившій источникомъ для многихъ страницъ предлагаемой книги, не могъ бы самъ по себѣ обусловливать необходимость изученія провансальской и вообще первой инквизиціи въ глазахъ русской публики. Авторъ смѣетъ думать, что соединивъ въ своемъ изложеніи исторію первой инквизиціи съ исторіей нетерпимости Римской церкви вообще, онъ нѣсколько оградилъ себя отъ такого упрека. Онъ хотѣлъ показать, какъ терпимость содѣйствовала росту и могуществу Западной церкви и какъ обращеніе къ нетерпимость повліяло на ея внутренее и внѣшнее паденіе. Съ тѣхъ поръ, какъ инквизиція, явленіе совершенно чуждое духу христіанства, стала необходимымъ завершеніемъ папской системы, послѣдняя подорвала всякое уваженіе къ

себѣ въ общественномъ мнѣніи Запада и стала близиться къ гибели. Инквизиція была гангреной католицизма, его злымъ геніемъ. Въ этомъ отношеніи исторія нетерпимости всегда будетъ интереснымъ предметомъ для изученія. Тѣ охранительныя, полицейскія мѣры, которыя порождаетъ преслѣдованіе протеста, представляютъ собою орудіе весьма обоюдоострое. Гоненіе на чужую мысль есть проявленіе боязни за прочность собственной, сознаніе внутренней несостоятельности. Нетерпимость вызвала крушеніе даже такой могучей силы во всемірной исторіи, какою была Римская церковь. Альбигойство, явленіе болѣзненное, пало бы само собою отъ внутренняго разложенія и отъ противорѣчій, которыми оно страдало. Трибуналы же, преслѣдуя ересь, вызвали противъ себя общественное негодованіе, обратившееся послѣ на самое католичество, и тѣмъ косвенно подготовили болѣе рѣшительную оппозицію, т. е. великую реформацію.

1412. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ. Историческія справки и организація помощи въ большихъ городахъ Западной Европы и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. В. Игнатьева Москва, въ университетской типографіи, 1898 года. Въ 8 д. л., 39 стр.

Это отдѣльный оттискъ изъ «Трудовъ Общества русскихъ врачей въ Москвѣ», отпечатанный въ количествѣ пятидесяти экземпляровъ, не для продажи.

1413. Первобытная культура. Изслѣдованія развитія миѳологіи, философіи, религіи, искусства и обычаевъ. Эдуарда Б. Тэйлора, автора „Изслѣдованій древнѣйшей исторіи человѣческаго рода“ и проч. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго. Въ двухъ томахъ. Изданіе редакціи журнала „Знаніе“. С.-Петербургъ, въ типографіи Трубникова, 1872 г.—8 д. л., томъ 1-й 283+77 стр. и томъ 2-й.

Предлагаемое сочиненіе Тэйлора до такой степени говоритъ само за себя, что не нуждается въ какой либо рекомендаціи или ближайшемъ разъясненіи его достоинствъ со стороны издателей; достаточно поставить на видъ, что оно вводитъ въ исторію культуры начало постепеннаго развитія, которое въ рукахъ Дарвина и его послѣдователей, уже въ короткое время оказало въ исторіи природы такое небывалое реформирующее вліяніе.

Тэйлоръ не можетъ быть названъ совершеннымъ новаторомъ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ возможность и даже необходимость распространенія принципа послѣдовательнаго развитія и на исторію человѣческой культуры, многими мыслителями и изслѣдователями сознавалась и до него, но о немъ можно сказать, что онъ первый съ такой ясностью и полнотою представилъ результаты обработки, съ помощію упомянутаго принципа, вопросовъ о происхожденіи языка и числительныхъ именъ миѳическихъ представленій, понятій о душѣ и духахъ и религіозныхъ обрядовъ и церемоній. При чтеніи его книги кажется неоспоримымъ, что настоящее освѣщеніе и приблизительное рѣшеніе этихъ вопросовъ, становится возможнымъ только въ томъ случаѣ, когда изслѣдователь видитъ передъ собою всѣхъ обитателей земного шара, признавая за ними одинаковое право на его вниманіе и строитъ свои выводы на фактахъ, заимствованныхъ изъ жизни всѣхъ народовъ, отъ самыхъ грубыхъ и отдален-

Гаршинъ, Всеволодъ Михайловичъ.

Знаменитый писатель. Род. 1855 г., ум. 27 марта 1888 г.
Съ фотографіи грав. Шюблеръ.

ныхъ до наиболѣе цивилизованнныхъ и близкихъ къ намъ. Далѣе авторъ говоритъ въ предисловіи къ читателю, что оставляя самому читателю и критикѣ ближайшую оцѣнку этого сочиненія и нашего перевода, мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ этого изданія.

Прежде всего мы старались передать мысль автора, по возможности, его же собственными выраженіями, рискуя даже, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переводъ можетъ показаться слишкомъ тяжелымъ. Переводъ сдѣланъ безъ всякихъ измѣненій и дополненій, хотя первыя слѣдовало-бы допустить въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ авторъ, утверждая, напримѣръ, что русскій народъ приписываетъ всѣ свои памятники неизвѣстнаго происхожденія, Петру Великому,—былъ видимо не правъ, а вторыя напрашивались сами собою, въ главахъ о языкѣ и о миѳахъ. Переводъ сдѣланъ также безъ всякихъ сокращеній, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, появленіе которыхъ на русскомъ языкѣ могло бы быть неудобнымъ.

Книга замѣчательная, какъ по содержанію, такъ и по рѣдкости изданія.

Купленъ мною экземпляръ за 12 рублей (въ хорошемъ видѣ).

1414. Первобытный Брюсовъ календарь съ начала его выхода при жизни Брюса, съ портретомъ и біографіею графа Брюса. Изданіе Т. Росинскаго. Харьковъ. Типографія и литографія М. Зальберберга, 1875 года.—Въ 4 д. л.

Книга, именуемая «Брюсовъ календарь», содержитъ въ себѣ: 1) сотвореніе свѣта, 2) таблица исчисленія лѣтъ праотецъ, 3) святцы,—12 мѣсяцевъ въ лицахъ, 4) означеніе планетъ на всякій мѣсяцъ, подъ которыми младенцы родятся, 5) седьмь вселенскихъ соборовъ, 6) о праздникахъ каждаго лѣта преходятъ, 7) четыре міра, 8) фигура, о сіяніи луны, 9) новая таблица круга луннаго, 10) исчисленіе долготы, широты, имена звѣздамъ, 11) дѣйство особенное и общее, 12) предзнаменованіе дѣйствъ на всякій день года, 13) предзнаменованіе времени на всякій годъ, 14) таблица имѣетъ версты къ россійскимъ губерніямъ и городамъ, 15) трактъ къ Санктпетербургу и иностранныхъ городовъ и замѣчательныхъ монастырей и императорскихъ дворцовъ и какое число соборовъ, 16) долготы, широты, по градусамъ знатныхъ городовъ, 17) ландкарта Московская, 18) ландкарта Петербургская, 19) гербъ Россійской Имперіи съ прочими, 20) общее обозрѣніе.—Графъ Брюсъ родился 1670 г., умеръ 19 апрѣля 1735 г., генералъ-фельдцехмейстеръ и дѣятельный помощникъ Петра Перваго по распространенію просвѣщенія въ Россіи,—потомокъ древней благородной фамиліи шотландскихъ королей. Родившись въ Москвѣ, Брюсъ поступилъ на службу въ 1688 г.; во время Азовскихъ походовъ состоялъ въ качествѣ инженера и за храбрость произведенъ въ полковники, въ 1698 г. сопутствовалъ государю въ Голландію и Англію, въ 1701 г. назначенъ губернаторомъ въ Новгородъ, гдѣ завѣдывая артиллеріею, впослѣдствіи управлялъ ею при взятіи Нарвы, Иванъ-Города; при Лѣсномъ командовалъ лѣвымъ крыломъ и отличившись въ Полтавскомъ бою, получилъ орденъ Андрея Первозваннаго; въ 1711 г. назначенъ генералъ-фельдцехмейстеромъ, а въ 1718 г. находился полномочнымъ министромъ на конгрессахъ Аландскомъ и въ Ништадтѣ. При празднованіи-же славнаго Ништадскаго мира, заключенію котораго Россія обязана ему и Остерману, Брюсъ возведенъ въ графское достоинство. Въ царствованіе Екатерины Первой, при удаленіи отъ службы,—пожалованъ въ въ званіе генералъ-фельдмаршала и удалившись отъ дѣлъ, посвятилъ остальные дни своей жизни—наукамъ.

Этотъ календарь изданъ Т. Росинскимъ, безъ всякаго отступленія отъ оригинала, такъ что слогъ, правописаніе и прочіе оригиналы—въ точности перешли въ настоящее изданіе.

Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

1415 Первые опыты въ прозѣ и стихахъ И. Лажечникова. Москва, въ университетской типографіи. 1817 г.—Въ 8 д. л., 158 стр.

Нашъ извѣстный романистъ И. Лажечниковъ собралъ свои юношескіе опыты въ книжку, но увидѣвъ ихъ въ печати и устыдясь ихъ, поспѣшилъ уничтожить всѣ экземпляры этого изданія. Какъ сказано въ библіографическомъ его очеркѣ, въ «Русскомъ художественномъ листкѣ» 1858 года, № 7, — въ этой книжкѣ было помѣщено три повѣсти, семь разсужденій и двадцать семь стихо-

Лажечниковъ, Иванъ Ивановичъ.

Одинъ изъ творцовъ русскаго историческаго романа. Род. 14 сентября 1792 г., ум. 26 іюня 1869 года.

твореній. См. «Книжныя рѣдкости» Геннади, за № 126.—Купленъ мною экземпляръ сей книги за 10 рублей.

1416. Первыя русскія вѣдомости, печатавшіяся въ Москвѣ въ 1703 году. Новое тисненіе по двумъ экземплярамъ, хранящимся въ Императорской публичной библіотекѣ. С.-Петербургъ, въ Сунодальной типографіи, 1855 года.—Въ 16 д. л., 30 + 262 + 53 стр., съ приложеніемъ таблицъ и 2-хъ образчиковъ шрифта.

На оборотѣ заглавнаго листа сказано: «Печатано съ разрѣшенія начальства Императорской публичной библіотеки». За тѣмъ слѣдуетъ посвященіе Императорскому Московскому университету, въ день празднованія столѣтія со времени его основанія, 12-го января 1855 года, отъ Императорской публичной библіотеки. Далѣе идетъ краткое предисловіе, въ которомъ говорится, что до начала XVII столѣтія, Россія почти не брала участія въ исторической жизни Европы, которая знала о насъ только изъ разсказовъ посланниковъ, посѣщавшихъ Москву, и изъ не точныхъ и не рѣдко и совершенно ложныхъ описаній путешественниковъ. Не болѣе ясное понятіе имѣло и наше правительство о западныхъ государствахъ, ибо свѣдѣнія его ограничивались преимущественно статейными списками, которые были подаваемы въ посольскій приказъ, возвращавшимися изъ за границы послами нашими и относились большею частію лишь къ образу исполненія возложенныхъ на нихъ порученій. По восшествіи на престолъ дома Романовыхъ и съ окончаніемъ борьбы за государственную самостоятельность Россіи, для

Вѣдомости,

ѡ военныхъ и иныхъ дѣлахъ достойныхъ знанія и памяти, случившихся в Московскомъ государствѣ, и во иныхъ окрестныхъ странахъ. Начаты въ лѣто ѿ Христа ҂аѱг ѿ генварѧ, а ѡкончены декабремъ сегѡже года.

Заглавный листъ изъ „Вѣдомостей 1703 года“.

нея наступилъ періодъ Европейскаго бытія. Постепенное усиленіе могущества Московскаго царства и новыя, вслѣдствіе того, политическія его отношенія къ сосѣднимъ державамъ, обратили вниманіе Запада на малоизвѣстную ему дотолѣ «Московію». Онъ сталъ искать союзовъ съ нею противъ общихъ враговъ, и предлагать свои посредническія услуги въ вѣковыхъ распряхъ съ Швеціею, Польшею и Турціею. При такомъ положеніи дѣлъ, тотъ скудный запасъ свѣдѣній объ Европѣ, который имѣло подъ рукой наше правительство, уже не могъ удовлетворить его видамъ. По мѣрѣ того, какъ Россія, болѣе и болѣе соприкасалась съ интересами другихъ государствъ, отъ насъ чаще были отправляемы посольства въ чужіе края, долѣе, чѣмъ прежде оставались при иноземныхъ дворахъ наши политическіе агенты. Наконецъ явилась потребность своевременно получать положительныя извѣстія о заграничныхъ событіяхъ, чтобы имѣть возможность слѣдить за ихъ ходомъ. Почти съ самаго начала царствованія Михаила Ѳеодоровича, при отправленіи къ иностраннымъ дворамъ нашихъ пословъ, ставилось имъ въ непремѣнную обязанность не только доносить царю съ пути обо всемъ ими видѣнномъ и слышанномъ но и по прибытіи на мѣсто, одновременно съ вѣстями, которыя они провѣдаютъ (что нынѣ въ нѣмецкихъ государствахъ дѣлается), и присылать также выписки изъ выходившихъ въ тѣхъ земляхъ газетъ. Въ это время періодическая литература Западной Европы, возникшая тамъ въ XVI столѣтіи, достигла уже значительнаго развитія и, отражая въ себѣ политическую и умственную жизнь народовъ, нерѣдко также оглашая преждевременно государственныя тайны, успѣла пріобрѣсти чрезвычайно важное значеніе. Правительство наше вскорѣ сознало всю цѣну этихъ летучихъ листковъ, которые, по заключавшимся въ нихъ свѣдѣніямъ о лицахъ и событіяхъ, могли служить важнымъ пособіемъ при дипломатическихъ сношеніяхъ съ тою или другою державою. Не позже какъ съ 1631 года, начали доставляться въ посольскій приказъ, въ полномъ годовомъ составѣ, печатныя иностранныя вѣдомости, и изъ нихъ первыми,—издававшіяся тогда въ Гамбургѣ.

О способѣ пересылки въ эту отдаленную эпоху, иностранныхъ газетъ въ Москву, нѣтъ положительныхъ данныхъ; по всей вѣроятности она производилась чрезъ дипломатическихъ агентовъ. Были-ли газеты съ 1631 года получаемы непрерывно—также рѣшить трудно. Въ составленномъ А. Я. Булгаковымъ, хронологическомъ спискѣ всѣхъ журналовъ и газетъ, которые съ 1631 года по 1762 года выписывались въ Россію, — находится пробѣлъ отъ 1631 по 1646 годъ. Впрочемъ, сначала правительство достигало своей цѣли только отчасти, какъ потому, что при дворахъ европейскихъ государей не было отъ насъ постоянно-аккредитованныхъ лицъ, такъ и по неправильности и медленности сообщеній. Депеши посланниковъ, а съ ними вмѣстѣ и иностранныя газеты, доходили въ Москву черезъ два и три мѣсяца, нерѣдко даже—черезъ полгода. Только съ августа 1665 г., когда царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ учредить, для сношенія съ западными государствами, иностранную почту, — газеты стали получаться каждыя двѣ недѣли, какъ видно изъ договорной

записи съ первымъ содержателемъ почтъ, голландцемъ Фанъ Сведенномъ, впослѣдствіи, по свидѣтельству Кильбургера, бывшаго въ Москвѣ съ шведскимъ посольствомъ. Въ 1674 году, всѣ голландскія, гамбургскія, кенигсбергскія и другія печатныя газеты приходили въ столицу еженедѣльно съ такою же точностію, какъ въ Швецію.

Изъ упомянутыхъ выше посольскихъ донесеній и находившихся при нихъ приложеній, составлялись въ посольскомъ приказѣ извлеченія, которыя подъ названіемъ «Курантовъ» были подносимы царю для чтенія, а отъ него передавались только немногимъ приближеннымъ лицамъ. Потомъ въ составъ этихъ курантовъ вошли также переводы на русскій языкъ нѣкоторыхъ статей изъ иностранныхъ газетъ. Выборъ подобныхъ статей лежалъ, кажется, на обязанности переводчиковъ посольскаго приказа; по крайней мѣрѣ, есть въ виду жалоба ихъ царю Алексѣю Михайловичу на содержателя почтъ Марселиса, что онъ прежде ихъ распечатываетъ газеты и назначаетъ мѣста для перевода, тогда какъ они де и безъ него знаютъ, что годно перевесть и что не годно. Самый древній столбецъ такихъ курантовъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, относится къ 1621 году и, по словамъ А. Я. Булгакова, содержитъ въ себѣ переводы и выписки изъ современныхъ Европейскихъ вѣдомостей, о разныхъ въ Европѣ военныхъ дѣйствіяхъ и мирныхъ постановленіяхъ.—Не смотря на то, что куранты считались государственною тайною, отрывки изъ нихъ входили иногда въ составъ рукописныхъ сборниковъ. Довольно замѣчательно, что отечественныя лѣтописи, которыя съ XVI вѣка велись оффиціально при Московскомъ царскомъ дворѣ, вдругъ въ первой половинѣ XVII— всѣ почти одновременно прекращаются. Причина такого загадочнаго явленія, до сихъ поръ не разрѣшенная, едва ли не кроется въ появленіи курантовъ, начало которыхъ совпадаетъ съ послѣдними извѣстіями, внесенными въ лѣтописи. 1701 годомъ закончилось составленіе рукописныхъ курантовъ. 16 декабря 1702 года Петръ Великій указалъ «по вѣдомостямъ о воинскихъ и о всякихъ дѣлахъ, которыя надлежатъ для объявленія Московскаго и окрестныхъ государствъ людямъ, печатать куранты, а для печатныхъ курантовъ, вѣдомости, въ которыхъ приказахъ о чемъ нынѣ какія есть, и впредь будутъ присылать изъ тѣхъ приказовъ въ Монастырскій приказъ безъ мотчанья, а изъ Монастырскаго приказа тѣ вѣдомости отсылать на печатный дворъ». Воля державнаго преобразователя не замедлила исполниться. 2 января 1703 года явился въ Москвѣ первый листъ печатныхъ русскихъ вѣдомостей.

Начальство Императорской публичной библіотеки, имѣя въ виду, съ одной стороны—сію очевидную пользу для науки, а съ другой — неоднократно и съ многихъ сторонъ изъявленныя ему желанія, рѣшилось перепечатать первый годъ сказанныхъ вѣдомостей, между прочимъ и потому уже, что онъ составляетъ теперь величайшую библіографическую рѣдкость.

Сколько до сихъ поръ извѣстно, вѣдомостей 1703 года сохранилось въ Россіи, — только два полныхъ экземпляра. Оба они принадлежатъ Императорской публичной библіотекѣ.—По свидѣтельству С. Д. Полторацкаго, который въ продолженіи многихъ лѣтъ трудился надъ составленіемъ полной коллекціи газетъ вѣка Петра Великаго, – онъ платилъ за отдѣльные нумера до 8 рублей и экземпляръ вѣдомостей 1703 года должно бы оцѣнить теперь по крайней мѣрѣ въ 400 руб. сер. Но и за эту цѣну едва-ли возможно собрать въ настоящее время полный и хорошо сбереженный экземпляръ. Посредствомъ выпускаемаго нынѣ новаго тисненія, этотъ первенецъ нашей періодической литературы, дѣлается легко доступнымъ всей публикѣ.

Изданіе 1855 года куплено мною за 10 рублей (хорошо сохранившееся).

1417. Перекличка альманахамъ. Матеріалы для библіографіи русскихъ литературныхъ альманаховъ и сборниковъ конца XVIII и первой половины XIX столѣтія (1794 г. по 1850 г.). Составилъ въ селѣ Глѣбовѣ Подольской губерніи графъ Е. Путятинъ, Новая улица, типографія Генриха Чарковскаго. 1893 г. — Въ 12 д. л. 75 стр. и дополненіе къ перекличкѣ альманахамъ, 31 стр.

Въ началѣ этой любопытной книжки слѣдуетъ краткое предисловіе отъ автора, въ которомъ онъ говоритъ, что—«настоящій перечень русскихъ альманаховъ и литературныхъ сборниковъ конца XVIII-го и первой половины XIX-го столѣтія состав-

ленъ мною, какъ опытъ приведенія въ извѣстность и классификаціи ихъ, по годамъ изданія.

Обширность предмета принудила меня, на первый разъ ограничиться лишь подробнымъ перечисленіемъ ихъ заглавій и нѣкоторыхъ особенностей, не излагая содержанія каждаго альманаха съ указаніемъ авторовъ произведеній, въ немъ заключенныхъ, что сдѣлало бы изданіе слишкомъ обширнымъ, задержало бы его выходъ.

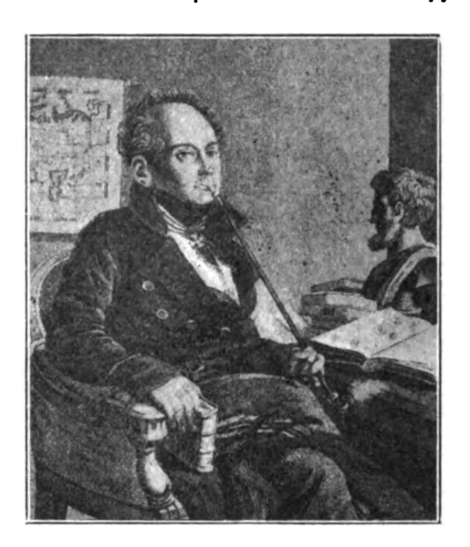
Предлагаемый списокъ составленъ главнымъ образомъ по экземплярамъ моей собственной коллекціи и пополненъ лишь нѣкоторыми, недостающими въ оной, названіями альманаховъ, причемъ я принужденъ былъ свѣдѣнія о послѣднихъ черпать изъ библіографическихъ трудовъ и книжныхъ каталоговъ, безъ провѣрки въ натурѣ, поэтому въ нѣкоторыхъ случаяхъ заглавіе такихъ изложено менѣе подробно и точно. Надѣюсь, тѣмъ не менѣе, что посильный трудъ мой принесетъ хоть сколько-нибудь пользы, какъ справочная книжка для собирателей русскихъ альмановъ, а также и для занимающихся книжною торговлею.

1418. Пермская старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ, преимущественно о Пермскомъ краѣ. Выпускъ VII. Верхотурскій край въ XVII вѣкѣ. Къ 300-лѣтію Верхотурья. Изданіе автора А. Дмитріева. Пермь, типографія насл. П. Каменскаго. 1897 года.—Въ 8 д. л., XIV+236+VI стр.

Этотъ сборникъ изданъ А. Дмитріевымъ въ количествѣ пятидесяти экземпляровъ.

1419. Переписка Вольтера философическая и политическая съ россійскою Императрицею Екатериною II, продолжавшаяся съ 1763 по 1778 годъ, съ присовокупленіемъ: 1) посланіе г. Вольтера къ Императрицѣ Екатеринѣ II въ стихахъ; 2) храмъ дружбы его-же; 3) полная роспись всѣхъ сочиненій г. Вольтера въ 70 частяхъ на французскомъ языкѣ господиномъ Бомарше изданная, съ означеніемъ, когда главныя изъ оныхъ выданы въ свѣтъ и какія изъ нихъ переведены и напечатаны на россійскомъ языкѣ, съ портретами Императрицы и Вольтера, издалъ Василій Сопиковъ. 2 части, С.-Петербургъ, 1802 г.—Въ 8 д. л.

Философическая и политическая переписка г-на Вольтера съ Императрицею Екатериною II, изданіе Василія Сопикова и переводъ исправнѣе нежели въ другихъ изданіяхъ. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова за № 2579; хорошо сбереженные экземпляры цѣнятся до 10 рублей.

Писаревъ, Александръ Александровичъ.

Писатель (1780 — 1848), былъ попечителемъ Московскаго унив., предсѣдателемъ общества любителей россійской словесности, членомъ россійской академіи. Напечаталъ: «Предметы для художниковъ» (Спб. 1807), «Начертаніе художествъ» (Спб. 1808), «Общія правила театра, выбранныя изъ Вольтера» (Спб. 1809), «Военныя письма и замѣчанія, относящіяся къ незабвенному 1812 г.» и мн. др.

Съ гравюры А. Флорова.

1420. Переписка двухъ адскихъ вельможъ: Алгабека и Алгамека, находящихся по различнымъ должностямъ въ старомъ и новомъ свѣтѣ; содержащая въ себѣ сатирическія, критическія и забавныя произшествія, повѣсти, анекдоты и другія удивительныя сцены нравственной жизни людей обоего пола. 2 части. Переведена съ арапо-еврейскаго языка греко-японскимъ переводчикомъ, въ 1791000 году. Москва, въ университетской типографіи

Окорокова. 1792 года.—Въ 8 д. л. Часть 1-я 197 стр., часть 2-я 229 стр.

Книга Писарева, хотя и не обѣщаетъ многаго въ разсужденіи остроты замысловъ и пріятности слога и привлекательности повѣствованія, коимъ могли услаждаться нѣжныя чувства читателей, однако же она заключаетъ въ себѣ нѣсколько нравоученія, и представляя живую и справедливую картину развратности человѣческихъ нравовъ, послужитъ молодымъ людямъ предостерегательнымъ средствомъ отъ тѣхъ сѣтей, коими неопытная юность большею частію уловляется.—Переводившій сію первую часть онаго, довольно будетъ награжденъ за трудъ свой, если переводъ его послужитъ нѣкоторымъ въ пользу, или по крайней мѣрѣ подастъ, хотя единому изъ смертныхъ, случай къ исправленію испорченнаго нрава.

Въ концѣ второго тома слѣдуетъ интересное стихотвореніе, которое считаю не лишнимъ привести здѣсь:

Пусть кто хочетъ, презираетъ
Нашу вольность и любовь;
Пусть порокомъ то считаетъ,
Что волнуетъ нашу кровь.

Мы не ищемъ съ мудрецами
Время наше провождать,
Мы взаимными сердцами
Лишь хотимъ любовь вкушать.

Нѣтъ намъ нужды во вселенной,
Только-бъ весело пожить:
Часъ намъ тотъ лишь вожделѣнной,
Коль познаемъ, какъ любить.

Вся природа въ томъ свидѣтель,
Что любви пріятнѣй нѣтъ;
Пышность слова, добродѣтель,
Все исчезнетъ, все минетъ!

См. у В. Сопикова № 8105.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры рѣдки.—Купленъ мною экземпляръ за 5 рублей.

1421. Переписка генерала-маіора де Геннина съ Петромъ Великимъ и проч. особами.—Въ 16 д. л.

Это чрезвычайно любопытное, неизвѣстно кѣмъ и когда составленное и гдѣ напечатанное изданіе. Въ началѣ книжки издатель говоритъ, что: «Благонамѣреннаго чувствительно благодаритъ почтеннаго друга своего Н. А. Ш. за доставленіе къ нему сей переписки, столь любопытной и занимательной какъ по содержанію своему, такъ и по самому слогу, отличающемуся любезнымъ простодушіемъ старины. Всѣ сіи бумаги списаны со своеручныхъ отпусковъ генерала-маіора де-Геннина. Нѣкоторыя изъ оныхъ напечатаны въ «Дѣяніяхъ Петра Великаго» и въ «СПБургскомъ Вѣстникѣ» 1812 года: но и та и другая книги весьма уже теперь рѣдки и малоизвѣстны публикѣ».

Изданіе очень рѣдкое.

1422. Переписка И. Г. Голышева съ разными учеными лицами. Подъ редакціей А. В. С-ва (Смирнова), губ. гор. Владиміръ. Типографія губернскаго Правленія. 1899 г.—Въ 16 д. л., 11 + 434 стр.

Въ напечатанныхъ письмахъ не мало имѣется историко-литературныхъ свѣдѣній.

1423. Переписка моды, содержащая письма безрукихъ модъ, размышленія неодушевленныхъ нарядовъ, разговоры безсловесныхъ чепцовъ, чувствованія мебелей, каретъ, записныхъ книжекъ, пуговицъ и старозавѣтныхъ манекъ, кунташей, шлафоровъ, тѣлогрѣй и пр. Нравственное и критическое сочиненіе, въ коемъ съ истинной стороны открыты нравы, образъ жизни и разныя смѣшныя и важныя сцены моднаго вѣка. Москва, въ университетской типографіи у В. Окорокова, 1791 года.—Въ 16 д. л. XX + 238 стр.

Эта рѣдкая книга любопытна какъ образецъ сатиры прошлаго вѣка.

Все содержаніе книги состоитъ изъ указанной въ оглавленіи переписки и подраздѣляется на 38 писемъ, помѣщенныхъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Письмо 1. Отъ Моды къ Непостоянству. Модою предпріятое въ Европу путешествіе, кѣмъ она была встрѣчена на границахъ Европы и какую услышала печальную вѣсть.

2. Отъ Моды къ Непостоянству.—Мода успокоивается, узнавши, что любимой ею народъ не совсѣмъ еще отъ нея отложился.—Причина возму-

Рисунокъ изъ журнала «Галатея».

щенія сего народа. Намѣреніе ея отправиться въ землю подражательности и краткое объ оной извѣстіе.

3. Отъ Моды къ Непостоянству. — Прибытіе Моды въ землю подражательности и описаніе свойствъ жителей оной.

4. Отъ Моды къ Непостоянству.—Мода принимаетъ прошеніе отъ иностранныхъ продавцовъ модныхъ товаровъ, портныхъ, перукмахеровъ, танцмейстеровъ и фехтмейстеровъ. Рѣшенія Моды на всѣ поданныя ей жалобы.

5. Отъ картежной игры къ Модѣ. Озабоченность, въ которой поминутно находится карточная игра. Жалуется, что доходы ея достаются въ постороннія руки и именно кому.—Проситъ или уволитъ ее отъ службы или прибавить ей жалованья и уваженія.—Просьбы о награжденіи и увольненіи изъ службы нѣкоторыхъ картежныхъ игръ.

6. Отъ собольей маньки къ Модѣ.—Сія старинная муфта описываетъ Модѣ жалостное ея состояніе и проситъ объ опредѣленіи ее въ службу.

7. Отвѣвъ Моды къ собольей манькѣ.—Мода соглашается принять маньку паки въ службу, но только съ таковымъ условіемъ, чтобъ она сдѣлалась шире, и явилась бы въ свѣтъ подъ именемъ большой собольей муфты.

8 Отъ золотыхъ цѣпочекъ съ эмалью къ Модѣ о томъ, что сталь учинилась золотомъ щегольскаго свѣта.—Жалоба на стальныя цѣпочки, насмѣшка надъ кожанными цѣпочками съ сталью, и нѣкоторыя колкія выраженія на счетъ Моды.

9. Отвѣтъ Моды къ золотымъ цѣпочкамъ съ эмалью о томъ, что Мода властна золото сдѣлать хуже стали, серебро хуже дерева и кости, самихъ людей учинить дешевле кургузыхъ англійскихъ лошадей и каменныхъ статуй.—Кружокъ, усыпанной блестящею дресвою, величиною не болѣе вершка, дороже стоитъ двухъ сотъ человѣкъ и какія именно удивительныя свойства заключаетъ въ себѣ сей кружекъ, или лучше сказать, деньги, которыхъ оный стоитъ.

10. Отъ дуэлей къ Модѣ о томъ, сколь въ великомъ употребленіи находились дуэли и какое

дѣйствіе имѣли они надъ людьми.—Жалоба и негодованіе оныхъ на Моду.

11. Отъ старинныхъ головныхъ уборовъ къ Модѣ.—Изображеніе несноснаго ихъ состоянія и просьба о принятіи ихъ паки въ службу.

12. Отвѣтъ Моды къ стариннымъ головнымъ уборамъ.—Мода желаетъ видѣть старинные уборы, и хотя опредѣлить ихъ въ службу отрекается, однакожъ приглашаетъ ихъ принять на себя самую легкую, веселую, забавную и шутливую должность, то есть: позволяетъ играть важную роль въ маскарадахъ и являться въ оныхъ подъ именемъ маскарадныхъ забавницъ.

13. Отъ Моды къ Непостоянству. — Просьба купцовъ пуговишнаго и суконнаго ряду.

14. Отъ ботинъ къ сапогамъ съ раструбами.—Данная имъ Модою привилегія.—Сколь велико къ нимъ уваженіе щеголей. — Они играютъ роль головы, вздѣваемой на ноги.—Извѣстіе о состояніи, въ каковомъ находятся прочія обуви.

15. Отъ бюро къ комодѣ.—Изображеніе вертопраха, писца, прелестницы и судьи.

16. Отъ высокихъ лифовъ къ низкимъ лифамъ.—Уваженіе, въ каковомъ они находятся.—Люди нынѣ задомъ доказываютъ о своихъ достоинствахъ.—О томъ, что нынѣ портные выкраиваютъ и шьютъ достойныхъ людей, и что лифы занимаютъ нынѣ мѣсто головы и пр.

17. Отъ золотой женской табакерки къ табакеркѣ съ сердоликами — Сколь въ великомъ употребленіи находится табакъ и какъ отъ того обогащаются табашники.—Нынѣшнія табакерки какимъ образомъ отправляютъ должность золотыхъ кибиточекъ, въ коихъ развозятся любовныя письма.—Жалостное приключеніе съ золотою табакеркою, воспослѣдовавшее отъ того, что въ нѣкоторой день мужъ заприметилъ, что жена его отправляла любовную почту, которой онъ и узналъ содержаніе.

18. Отъ модной прически къ старинной.—Уваженіе, въ каковомъ оная находится. Щеголь безъ прически, какъ безъ головы, а голова безъ оной — какъ ничто. — Помощію прически какимъ образомъ человѣкъ въ два часа вдругъ дѣлается умницею.—Что значатъ и чему подобны нѣкоторыхъ людей головы.

19. Отъ Моды къ Непостоянству.—Стихотворцы поднесли Модѣ оду и какое учинила она на просьбу ихъ рѣшеніе.

20. Отвѣтъ комоды къ бюро.—Доказательство о томъ, что люди дѣлаются сами причиною своихъ пороковъ и заблужденій.—Причины вертопрашества, торговыхъ дарованій, умноженія прелестницъ и корыстолюбивыхъ судей.

21. Отъ стариннаго кафтана къ новомодному.—Уподобленіе состоянія модныхъ кафтановъ съ положеніемъ вельможи.

22. Отъ Моды къ Непостоянству.—Просьба кофейницъ, загадчицъ на картахъ, отгадывальщицъ сновъ и слезная жалоба тѣхъ свахъ, которыя по стеченію обстоятельствъ учинились вѣстовщицами, переносчицами писемъ, а потомъ содержательницами дѣвушекъ, живущихъ на мірскомъ подаяніи.

23. Отъ нѣкоторыхъ докторовъ къ Модѣ.—Содержитъ ихъ просьбу, которая наполнена медицинскими и анатомическими терминами.—Одобреніе нѣкоторыхъ болѣзней, которыя заслуживаютъ удостоены быть вниманія Моды и которыми удобнѣе и скорѣе могутъ умирать свѣтскіе люди.

24. Отъ актеровъ и актрисъ къ Модѣ.—Письмо, сочиненное напыщеннымъ слогомъ, свойственнымъ актерамъ, которые привыкли къ трагическимъ монологамъ.—По мнѣнію ихъ за что и чѣмъ заслуживаютъ они награждены быть Модою.

25. Отъ модныхъ политиковъ къ модѣ.—Въ чемъ состоятъ ихъ упражненія и какія они при разсказахъ употребляютъ уловки.—Чѣмъ имъ одолжены старики и какимъ образомъ петиметры учинились столь великими политиками, что оспариваютъ сочиненіями въ одинъ листъ безъ остатка всѣ творенія І. Монтескю и барона Бильфельда.—Просьба ихъ о томъ, чтобъ учредить общество подъ названіемъ Политическихъ болтуновъ, также кофейные домы, жалованья, пенсіи и проч.

26. Отъ выдумщиковъ къ Модѣ.—Показаніе ихъ славнѣйшихъ выдумокъ и заслугъ.

27. Отъ иностранныхъ учителей къ Модѣ.—Письмо, написанное иностраннымъ и испорченнымъ слогомъ и выговоромъ.—Жалобы на обиды, причиненныя учителямъ, и услуги, оказанныя ими Модѣ.

28. Отъ Моды къ Непостоянству.—Мода, вызвавши изъ чужихъ краевъ легкомысліе, дурачество, вѣтренность, безстыдство, щегольство, волокитство, роскошь, и проч., между собою ихъ переженила,

29. Отъ кареты къ старинному берлину.— Въ какой чести находятся кареты, что въ нихъ происходитъ, и какимъ образомъ, по положенію сидящихъ людей въ каретѣ, узнать можно, кто они таковы, какихъ свойствъ, куда и откуда ѣдутъ.

30. Отъ шляпы съ высокою вуалью къ шляпѣ а л'андросманъ.—О церемоніяхъ и притворствѣ свѣтскихъ людей.

31. Отъ портъ-фель къ старинной записной книжкѣ о томъ, что многіе просители или сами рехнувшись ума, или почитая знатныхъ сумасшедшими, подаютъ имъ пречудесныя просьбы.—Содержаніе нѣкоторыхъ изъ сихъ просьбъ.—Доказательство, что многіе люди предъявляютъ самыя ложныя и странныя права на милость и покровительство знатныхъ людей.—Какимъ образомъ, именно за что, понапрасну злословятъ знатныхъ.—Истинная знатность состоитъ въ добродѣтели и безпристрастіи.

32. Отъ ложныхъ обмороковъ къ истерикѣ о томъ, что притворное хвораніе и недомогательство находится въ великой Модѣ.— Какимъ образомъ помощію притворныхъ обмороковъ жены что хотятъ, то дѣлаютъ изъ мужей своихъ, и по какимъ причинамъ прочіе люди также притворяются больными.—О докторахъ и о томъ, сколь справедливо могъ бы о нихъ сказать Парацельсъ, если бы онъ ожилъ.—Извѣстіе о бракосочетаніи нѣкоторыхъ болѣзней и о прочихъ обстоятельствахъ

33. Отъ женской косынки къ старинному крагану.—Разсужденія о женскихъ нарядахъ и доказательство, что всѣ перемѣны оныхъ происходятъ отъ желанія прельщать помощію закрытія или открытія тѣла.

34. Отъ траурнаго кафтана къ крепу.— Мода вмѣшивается во всѣ дѣла, такъ что не только веселыя, но даже и всѣ печальныя происшествія не скрылись отъ ея вниманія.—Если понадобится кому быть печальнымъ по умершихъ, то служащіе къ сему матеріалы можно нынѣ закупать въ рядахъ, или велѣть сшить портнымъ; сообразно же оному черное сукно почитается за печаль, а гарусные черные чулки за отчаяньe.—Сколько дорого стоили издержки, употребляемыя на похороны.— Какія слѣдствія имѣетъ роскошь и съ чѣмъ остаются дѣти по смерти своихъ родителей.— Премудрость внедавнѣ запретила исполнять прихоти мертвецовъ, и упованіе, что нѣкогда запрещены будутъ также и раззорительныя свадебныя издержки.

35. Отъ шляпы а ла шарлотъ къ старинному корнету.—Разговоръ Моды съ старинными платьями и недавнишними чепцами.—Старинныя матеріи приняли было намѣреніе просить Моду на новыя матеріи, но имъ показаны были двери.

36. Отъ женскаго башмачка съ прорѣзною кожицею къ старинному башмачку стерлядкою.—Образъ жизни прекраснаго пола заставляетъ ихъ не имѣть никакого почти тѣлодвиженія.—Какія отъ того бываютъ худыя послѣдствія.—Женщины обманываются, полагая, что вдругъ могутъ онѣ замѣнить сидячую жизнь.—Въ какомъ городѣ женщины начали вводить въ употребленіе ходить пѣшкомъ и почему женскій башмачекъ почитаетъ сіе чудомъ.

37. Отъ покоеваго чепца къ чепцу «королевино вставанье» о томъ, какія чудеса извѣстны покоевымъ чепцамъ. Сколь многіе отцы обманываются, почитая, что имѣютъ собственно имъ принадлежащихъ дѣтей.

38. Отъ Моды къ Непостоянству.—Сколь много распространилась слава Моды.—Присланное къ Модѣ письмо отъ истинныхъ дарованій заставило ее въ досаду онымъ написать свое наставленіе.

Нарядъ украшаетъ мужчину.

Изъ Журнала для свѣтскихъ людей.

1424. Переписка папъ съ россійскими государями въ XVI вѣкѣ, найденная между рукописями въ римской Барберинiевой библiотекѣ. Изданiе съ переводомъ актовъ съ латинскаго на русскiй языкъ, въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академiи Наукъ, 1834 г. — Въ 8 д. л., VII+116 стр.

Сiи немногiе, но любопытные акты XVII вѣка, составляютъ новое прiобрѣтенiе для отечественной нашей исторiи. Самое открытiе оныхъ служитъ доказательствомъ того, что историческiя сокровища еще не всѣ намъ извѣстны, и что не только въ отечественныхъ, но и въ отдаленныхъ, чужеземныхъ книгохранилищахъ, доселѣ сокрывается въ прахѣ и забвенiи множество памятниковъ исторiи и словесности русской и, можетъ быть, рѣдкихъ, драгоцѣнныхъ.

Въ издаваемыхъ нынѣ грамотахъ содержится переписка римскихъ папъ, Леона X, Климента VII. Григорiя XIII и Климента VIII съ государями россiйскими, съ великимъ княземъ Василiемъ Iоанновичемъ, и съ царями Iоанномъ и Θеодоромъ.

Еще въ 1825 году онѣ присланы были къ государственному канцлеру, графу Николаю Петровичу Румянцову, изъ Рима, г. Штрандманомъ. Римскiй ученый, бывши корреспондентомъ канцлера, и занимаясь, по препорученiю его — изысканiемъ памятниковъ россiйской исторiи, нашелъ грамоты сiи между рукописями, въ славной Барберинской библiотекѣ. Далѣе авторъ говоритъ въ предисловiи, что канцлеру угодно было тогда-же передать мнѣ любопытный Штрандмановъ манускриптъ, съ тѣмъ, чтобы русскiе акты помѣщены были, съ переводомъ на русскiй языкъ, во второй части Бѣлорусскаго архива древнихъ грамотъ, которая въ то время была приготовляема мною для изданiя на его иждивенiе. Но къ сожалѣнiю, предпрiятiе сiе остановилось съ кончиною незабвеннаго покровителя наукъ. Вторая часть Бѣлорусскаго архива, требовавшая по обширности значительныхъ издержекъ на напечатанiе, — остается и доселѣ въ рукописи. Такимъ образомъ, благодѣтельныя пожертвованiя его на сей предметъ не принесли желаннаго плода, и усердный трудъ мой остался неоконченнымъ. Желая однако исполнить по возможности завѣщанiе графа Румянцова, рѣшился я напечатать, — говоритъ авторъ, — отдѣльно, по крайней мѣрѣ, одни римскiе акты.

Историческое достоинство сихъ актовъ видно само собою. Нѣкоторые изъ нихъ вовсе были неизвѣстны исторiографу Н. М. Карамзину, ни прежде его — историку нашему, князю Щербатову; а другiе, извѣстные по однимъ указанiямъ, или краткимъ выпискамъ, помѣщеннымъ въ ихъ творенiяхъ, издаются въ сей книжкѣ въ надлежащей полнотѣ. Въ концѣ книжки нѣсколько примѣчанiй, которыя, думаю, не покажутся излишними.

Поставляю долгомъ предварить нѣкоторыхъ читателей, особенно — православныхъ, что они, читая папскiя грамоты, встрѣтятъ въ нихъ положенiя римской церкви, противныя чистотѣ православной вѣры нашей.

Конечно и папы, и послы ихъ въ разсужденiи догматовъ и обрядовъ религiи, изъяснялись не иначе, какъ по образцу вѣрованiя своего. Но мудрованiя ихъ для насъ должны быть чужды, такъ какъ и льстивыя предложенiя ихъ православнымъ царямъ нашимъ всегда казались чуждыми.

Извѣстно, что сказалъ царь Iоаннъ Грозный папскому послу, хитрому iезуиту Поссевину, на представленiе его о соединенiи церквей — «вѣра наша, вѣра христiанская, изъ давнихъ лѣтъ была себѣ, а римская церква была себѣ, и намъ мимо своея вѣры истинныя, ни которыя вѣры хотѣти нечего, ни ученiя ни котораго, мимо истинныя христiанскiя своея вѣры не требуетъ».

Впрочемъ, въ примѣчанiяхъ читатели найдутъ указанiя и на папистическiя мнѣнiя.

О русскомъ переводѣ сихъ актовъ могу сказать только то, что я старался по крайнему разумѣнiю постигнуть настоящiй смыслъ въ оныхъ, иногда съ намѣренiемъ сокрытый, и изложить его на языкѣ отечественномъ, съ тою точностiю выраженiй, которой конечно требовали и важность особъ, участвовавшихъ въ перепискѣ, и дипломатическая важность ихъ сношенiй.

Затѣмъ авторъ говоритъ, — читатели вѣрно не забудутъ, что я долженъ былъ переводить памятники латинской письменности, но не Августова вѣка, а XVI столѣтiя, и потому будутъ снисходительны къ недостаткамъ перевода моего.

Вслѣдъ за симъ, надѣюсь, при помощи Божiей, представить любителямъ отечественной исторiи — и вторую часть бѣлорусскаго архива древнихъ гра-

мотъ, и остаюсь въ лестномъ увѣреніи, говоритъ авторъ въ предисловіи, что они помогутъ мнѣ довершить и сіе предпріятіе, тогда буду утѣшенъ тѣмъ, что хотя поздно, но успѣлъ я исполнить обязанность, священную для сердца моего, которую незабвенный русскій меценатъ на меня возложилъ.

1425 Пересмѣшникъ, или славянскія сказки. Сочиненіе Михаила Чулкова. 5 частей. Москва, въ типографіи Попомарева. 1783 года.—Въ 8 д. л.

браніе словъ и рѣчей, ежели я не скажу тебѣ самъ; только не подумай, что я намѣренъ солгать, и впервые свидѣвшись съ тобою, тебя обмануть. При первомъ свиданіи, съ кѣмъ бы то ни было, я никогда не лгу; а развѣ уже довольно обознавшись, то дѣло сбытное.

Ежели можно мнѣ повѣрить, какъ человѣку умѣющему хорошо лгать и въ случаѣ нужды говорить поневолѣ правду *), то я скажу, что выпускаю сію книгу на волю не съ тѣмъ, чтобы ею прославиться, потому что нечѣмъ, ибо бездѣлицею

Аксаковъ, Сергѣй Тимофѣевичъ.

Знаменитый писатель.
Родился въ г. Уфѣ 20 сентября 1791 г., умеръ 30 апрѣля 1859 г.
Авторъ извѣстныхъ произведеній: «Записки ружейнаго охотника», «Семейная хроника». «Дѣтскіе годы Багрова—внука» и др.

Въ 1783 году Михаилъ Чулковъ издалъ эту книгу подъ названіемъ «Пересмѣшникъ, или славянскія сказки», въ 5 частяхъ.

Въ своемъ предисловіи авторъ говоритъ:

Господинъ читатель! Кто ты таковъ ни есть, для меня все равно, лишь только будь человѣкъ добродѣтельный, это больше всего: ты не можешь отгадать, съ какимъ намѣреніемъ выдаю я сіе сочиненіе, а я скажу тебѣ, ... цѣлому свѣту показаться не возможно; а единственно для того, чтобъ научиться. Я прежде представляю, сколько будутъ объ ней переговаривать, пересуживать и исчислять всѣ погрѣшности; тогда я, какъ человѣкъ посторонній, буду слушать ихъ разговоры и впредь воздерживаться отъ моихъ сла-

*) А это можно почти счесть обыкновеніемъ нынѣшн. св.

бостей. Другое что ежели бы я не выдалъ ее и покусился бы сочинить что нибудь важное, то не знавъ моихъ ошибокъ, положилъ бы ихъ равно и въ хорошемъ сочиненіи.

Въ сей книгѣ важности и правоученія очень мало, или совсѣмъ нѣтъ. Она и не удобна, какъ мнѣ кажется, исправить грубые нравы; опять же нѣтъ въ ней и того, чѣмъ оные умножить; и такъ оставивъ сіе обое, будетъ она полезнымъ препровожденіемъ скучнаго времени, ежели примутъ трудъ ее прочитать.

Мнѣніе древнихъ писателей: Если кто презираетъ малыя вещи, тотъ никогда много разумѣть не можетъ. Я стараюсь быть писателемъ, если только когда нибудь мнѣ оное удастся; и все мое желаніе основано на этомъ: и какъ сіе еще первый мой трудъ, то не осмѣлился я приняться за важную матерію, потому что вдругъ не можно мнѣ быть обо всемъ свѣдущу, а современемъ можетъ быть и получу сіе счастіе, что назовутъ меня сочинителемъ, и когда я снищу сіе имя, то надобно, чтобъ разумъ мой уже просвѣтился и сдѣлался я побольше свѣдущъ, чего желаю сердечно и прошу моихъ знакомцевъ, чтобъ и они также мнѣ онаго пожелали, ежели не позавидуютъ; а въ доказательство своей дружбы, прочитавъ сію книгу, открывали бы пріятельски мои въ ней погрѣшности, что будетъ служить къ моему поправленію.

Долженъ я извиниться въ томъ, что въ такомъ простомъ слогѣ моего сочиненія есть нѣсколько чужестранныхъ словъ Оныя клалъ я и иногда для лучшаго пріятства слуху, иногда для того, чтобъ надъ другими посмѣяться, или для той причины, чтобъ посмѣяться тѣмъ надо мною. Человѣкъ, какъ сказываютъ, животное смѣшное и смѣющееся, пересмѣхающее и пересмѣхающееся: ибо всѣ мы подвержены смѣху и всѣ смѣемся надъ другими.

Сверхъ же всего есть такіе у насъ сочинители, которые русскими буквами изображаютъ французскія слова, а малознающіе люди, которые учатся только одной грамотѣ, да и то на мѣдныя деньги, увидѣвъ ихъ напечатанными, думаютъ, что то красота нашему языку; и такъ вписываютъ ихъ въ записныя книжки, и послѣ затверживаютъ; и я слыхалъ часто самъ, какъ они говорятъ: вмѣсто, пора мнѣ идти домой, время мнѣ интересоваться *) на квартиру; вмѣсто, онъ будучи такъ молодъ, упражняется въ волокитствѣ, онъ будучи такъ малъ, упражняется въ амурныхъ капитуляціяхъ; и весь почитай гостинный дворъ говоритъ устами недавно проявившагося сочинителя. Я желалъ бы, чтобъ господа малознающіе языкъ не слѣдовали такому наставнику; для того, что чужестранныя слова совсѣмъ имъ не годятся, и не всякій русскій человѣкъ пойметъ ихъ знаменованіе, да и зачѣмъ безъ нужды употреблять не нужное и ежели сказать правду, то они служатъ больше намъ вредомъ, нежели щеголеватымъ.

Господинъ читатель! прошу, что бы вы не старалися узнать меня, потому что я не изъ тѣхъ людей, которые стучатъ по городу четырьмя колесами, и подымаютъ лѣтомъ большую пыль на улицахъ; слѣдовательно тебѣ во мнѣ нужды нѣтъ. Сколько мало я имѣю понятія, столько низко мое достоинство, и почти совсѣмъ не видать меня между великолѣпными гражданами; а если ты меня узнаешь, то непремѣнно долженъ будешь по просьбѣ моей помогать моему состоянію, что будетъ для тебя, можетъ быть, лишній трудъ; а есть много такихъ людей, которые совсѣмъ не охотники дѣлать вспомоществованія: такъ если ты изъ сего числа, то не старайся пожалуй и тогда смотрѣть на меня, когда будешь находить во мнѣ нѣкоторые признаки. Я бываю одѣтъ такъ, какъ всѣ люди, и ношу кафтанъ съ французскими борами, а что еще больше служитъ къ примѣчанію, то отъ роду мнѣ двадцать одинъ годъ, и я человѣкъ совсѣмъ безъ всякаго недостатка, что касается до человѣчества, то есть во всемъ его образѣ; только крайне бѣденъ, что всѣмъ почти мелкотравчатымъ, такимъ, какъ я, сочинителямъ общая участь.

Мое мнѣніе такое, но не знаю, какъ приметъ его общество; лучше писать худо, нежели совсѣмъ ничего не дѣлать. Когда кто можетъ что-нибудь, хотя не важное, расположить порядочно, то тотъ мнѣ кажется легче приняться можетъ и за хорошее; а когда же кто не располагалъ бездѣлицъ тотъ важнаго никогда расположить не можетъ Кто плавалъ по рѣкѣ, тотъ смѣлѣе пускается въ море. Привычка и частое упражненіе въ дѣлахъ,

*) Вмѣсто ретироваться; однако и то не хорошо, да нужда не въ томъ, чтобы былъ смыслъ, а нужда только во французскомъ.

слыхалъ я, приводятъ въ совершенство. Когда желаемъ мы чему-нибудь научиться, то приступаемъ къ нему весьма тупю, и отъ того то произошла пословица: первую пѣсенку зардѣвшись спѣть.

И такъ великодушный и добродѣтельный человѣкъ извинитъ меня и пожелаетъ, чтобы я научился; а если вооружатся на меня насмѣшники, которые изъ зависти больше стараются испортить человѣка, нежели исправить, потому что они не умѣютъ и вмѣсто разума имѣютъ этотъ даръ отъ природы, чтобъ и худое и доброе пересмѣхать, не зная въ обоихъ толку, то я скажу имъ сонъ, который я въ прошедшую ночь видѣлъ.

Снилося мнѣ, будто-бы я гулялъ на Венериной горѣ и поймавъ двухъ ея Нимфъ цѣловалъ столько, сколько мнѣ заблагоразсудилось, потому что цѣловаться съ дѣвушками превеликій я охотникъ. Вдругъ услышалъ голосъ умирающаго ребенка; я и наяву жалостливъ, а не только во снѣ, и такъ бросился на избавленіе оному. Прибѣжавши на голосъ, увидѣлъ я сидящую злобную Ату, которая давила въ своихъ колѣняхъ молодаго Сатира. Онъ уже почитай умиралъ, я вырвалъ его съ превеликимъ трудомъ изъ ея рукъ и стараніемъ моимъ спасъ его жизнь, которую уже было онъ готовился потерять. Вдругъ предсталъ передъ меня Меркурій, и объявилъ, что присланъ онъ отъ собранія боговъ, которые требуютъ меня къ себѣ. Потомъ въ одинъ мигъ перенесъ меня на Олимпъ. Тутъ увидѣлъ я премного засѣдающихъ боговъ. Панъ, подошедъ къ Юпитеру, просилъ его, чтобы онъ за избавленіе мною его сына, котораго хотѣла умертвить Ата, сдѣлалъ мнѣ награжденіе. Юпитеръ приказалъ подавать всѣмъ свои совѣты, чѣмъ бы наградить такого смертнаго, который возвратилъ жизнь Панову сыну. Момово мнѣніе принято было лучше всѣхъ; онъ, съ позволенія Зевесова, подарилъ мнѣ перо, и сказалъ, что до скончанія моей жизни могу я имъ писать никогда не очиняя, и чѣмъ больше стану его употреблять, тѣмъ больше будетъ оно искуснѣе черкать. И такъ писалъ я имъ сію книгу, и какъ въ первой разъ употребилъ, то можно видѣть, что оно еще не описалось, а по обѣщанію Момову можетъ быть оно придетъ современемъ въ совершенство и будетъ порядочнѣе чертить по бумагѣ.

И такъ, выдавая сію книгу, примолвилъ я слова говорина: кто желаетъ отдаться морю, тотъ не долженъ на рѣкѣ страшиться слабаго волненія.

Подъ именемъ рѣки разумѣю я насмѣшниковъ, противъ которыхъ и мой ротъ также свободно раствориться можетъ, только думаю, что имъ мало будетъ выигрыша шутить съ такимъ маловажнымъ человѣкомъ, которой бываетъ иногда легче бездушнаго пуху, и которой въ случаѣ нужды также отшучиваться умѣетъ.

Магницкій, Михаилъ Леонтьевичъ.

Одинъ изъ видныхъ дѣятелей царствованія Александра I. Род. 1778 г., ум. 1855 г.
Авторъ извѣстныхъ произведеній:
«Печальная пѣснь на кончину Импер. Моск. унив. куратора П. Мелиссино».
«Храмъ любви».
«Пѣсня моей Катеньки: тише громкій соловей» и др.

1426. Печальная пѣснь на кончину Имп. Моск. Унив. куратора П. И. Мелиссино. Сочиненіе Михаила Леонтьевича, Магницкаго.—Москва 1795 года.

Авторъ этой, весьма рѣдкой теперь пѣсни, М. Л. Магницкій (1778 - 1855), одинъ изъ видныхъ дѣятелей царствованія Александра I. Окончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, онъ поступилъ на службу въ гвардейскій Преображенскій полкъ, а затѣмъ—въ министерство иностранныхъ

дѣлъ, при этомъ онъ побывалъ въ Вѣнѣ и Парижѣ. Обладая не дурными способностями, вкрадчивымъ характеромъ и значительнымъ честолюбіемъ, онъ пріобрѣлъ довѣренность Сперанскаго и послѣ его возвышенія сдѣлался ревностнымъ исполнителемъ его плановъ. Послѣ паденія Сперанскаго онъ былъ сосланъ въ Вологду, гдѣ пробылъ съ 1812 по 1816 годъ; успѣвъ какими-то путями снискать расположеніе Аракчеева и кн. А. Н. Голицына, онъ былъ назначенъ сперва вице-губернаторомъ въ Воронежъ, а затѣмъ гражданскимъ губернаторомъ въ Симбирскъ, а въ 1819 г. членомъ главнаго правленія училищъ.

См. «Энциклопедическій Словарь» Эфрона, томъ XVIII, стр. 328.

1427. Перестанемъ говорить объ этомъ и всегда будемъ говорить объ этомъ. Переводъ съ французскаго. Москва. въ губернской типографіи у А. Рѣшетникова. 1815 года.—Въ 8 д. л. 15 стр.

Означенное изданіе долго пользовалось большимъ успѣхомъ и въ настоящее время принадлежитъ къ числу рѣдкихъ.

Считаю не лишнимъ привести здѣсь, на страницахъ предлагаемаго мною описанія, дословную перепечатку названной выше брошюрки, съ полнымъ сохраненіемъ ороографіи подлинника.

Перестанемъ говорить объ этомъ и всегда будемъ говорить объ этомъ.

Капитанъ Ларошъ, смотритель Версальскаго звѣринца, при Лудовикѣ XV, имѣлъ привычку заключать всѣ разговоры свои сими словами: перестанемъ говорить объ этомъ. Послѣдуемъ его примѣру, чтобъ не заговориться.

Въ 1789 году, закричали, что до сихъ поръ мы были невольниками, и обѣщали свободу. Чтожъ вышло? Рѣзанье!. Но что говорить объ этомъ.

Въ 1790, сказали, что мы скоро всѣ разбогатѣемъ; но вмѣсто франковъ, намъ дали ассигнаціи Горе прошлое! что и говорить о немъ.

Въ 1791, полкъ законодателей подарилъ намъ конституцію — для замѣны старой, болѣе тысячи лѣтъ существовавшей; но сіе твореніе, казавшееся столь здоровымъ, скончалось по прошествіи одного года; несчастный случай,—но что говорить о немъ.

Въ 1792, сіе дѣтище смѣнено было другимъ, которое привело къ намъ толстобрюхую, нахальную республику, въ красномъ колпакѣ, съ длиннымъ въ рукахъ копьемъ; появились любовники ея—всѣ санкюлоты. Не слишкомъ весело—но что говорить объ этомъ.

Въ 1793, полторы тысячи новыхъ королей истребили совсѣмъ королевское достоинство, и вмѣсто трона возсѣли, кто на горѣ, кто въ болотѣ,—закричали о народномъ благосостояніи и начали набивать свои карманы. Гдѣ они теперь?—Но что говорить о нихъ.

Въ этомъ же и въ слѣдующихъ годахъ, Франція населилась вся братьми и друзьями, всѣ бросились въ торговлю—но что говорить объ этомъ.

Въ 1795, жители Парижа возъимѣли сильное желаніе распустить полторы тысячи королей своихъ; но ихъ заставили отложить сіе намѣреніе—пушками. Образъ правленія не весьма благородный;—но что говорить объ этомъ.

Въ 1796, пять директоровъ (не училищъ) стали направлять умы наши къ безбожію,—монаховъ въ Каэнну—остальныхъ въ гошпиталь, и..... но что говорить объ этомъ.

Въ 1797, отцы отечества потребовали съ дѣтей своихъ займа;—Картушъ также бралъ въ займы,—но перестанемъ говорить объ этомъ.

Въ 1798, Суворовъ началъ отнимать у французской республики любимыхъ дочекъ ея: чезалпинскую и римскую республики. Оскорбленная французская республика захотѣла разродиться на берегахъ Нила; но акушеръ, генералъ Наполеонъ не успѣшно отправилъ свое дѣло. . . . такъ, что и говорить объ этомъ.

Въ 1799, любезнѣйшіе директоры потихоньку начали убираться; одинъ пошелъ къ добрымъ друзьямъ своимъ феофилантропамъ—прочіе побрѣли сами не зная куда, почесывая затылки; но перестанемъ говорить объ этомъ.

Въ сіе времи толстобрюхая мать Республика родила трехъ Консуловъ (совсѣмъ не Римскихъ). Старшій—при самомъ рожденіи покосился на свою родительницу — и ученые предсказали ей участь Агрипины. Они и не ошиблись: частехонько, лобызая дрожайшую матушку—давилъ онъ ее въ своихъ объятіяхъ: какая неблагодарность! Но перестанемъ говорить объ этомъ.

Въ 1804 году—чудо! — дряхлая Республика,

счастливо разрѣшившаяся тремя Консулами, умерла—произведя на свѣтъ Императора. Тотчасъ по рожденіи, сіе чудовище бросило на Европу странный взоръ, начало пожирать королей, націи, и своими длинными руками хотѣло обнять Вселенную, позабывъ пословицу: Кто за многимъ погонится, свое теряетъ. Какая жадность!.. Что и говорить объ этомъ.

Сей гигантъ началъ шагать чрезъ рѣки, королевства, имперіи, и пожирать цѣлыя арміи. Къ счастію у него не было сапогъ самолетовъ, а то онъ добрался бы и до Англіи—и такъ что говорить объ этомъ.

Ненасытное чудовище захотѣло наконецъ шагнуть съ Юга на Сѣверъ. Извѣстно, какъ понравилось ему это путешествіе, какъ тепло было ему въ Россіи, и какъ проворно онъ убрался оттуда—такъ что и говорить объ этомъ.

Вскорѣ примѣтили, что сей колосъ начинаетъ шататься, голова пошла у него кругомъ, глиняныя ноги не могли долѣе его поддерживать—онъ упалъ. —Перестанемъ говорить о немъ; перестанемъ говорить о немъ; перестанемъ говорить о немъ.

Какая удивительная и счастливая перемѣна послѣдовала съ его паденіемъ!

Высокая и несчастная фамилія, болѣе осьми сотъ лѣтъ занимавшая прекраснѣйшій въ свѣтѣ тронъ, къ блаженству Франціи—вдругъ свергнута съ престола, и принуждена искать убѣжища въ странахъ иноземныхъ.

Глава онаго, достойный потомокъ св. Лудовика, и Генриха IV—погибаетъ на эшафотѣ. Королева, образъ добродѣтели и красоты, подвергается той-же участи. Юный король, несчастный наслѣдникъ несчастнаго отца, умираетъ въ темницѣ на зарѣ дней, испытавъ всѣ горести страдальческой жизни.— Добрая, нѣжная дочь Лудовика оставлена одна въ глубокой темницѣ, безъ помощи, утѣшенія: Ангелъ небесный подкрѣплялъ сего земнаго Ангела. Бѣдствія, забыть которыя невозможно! Ахъ! будемъ всегда говорить о нихъ!

Бурбоны, изгнанные изъ отечества, преслѣдуемые бичами Франціи, преплываютъ моря и скрываются посреди непримиримыхъ враговъ нашихъ. Ахъ! будемъ всегда говорить объ этомъ.

Проходитъ болѣе двадцати лѣтъ, и законный король Франціи не видитъ конца своему заточенію; могущество похитителя, кажется болѣе и болѣе утверждается...

Что можетъ быть горестнѣе для добраго короля Лудовика XVIII? Будемъ всегда говорить объ этомъ!

Но, о радость! Вскорѣ потомокъ Генриха оживляется надеждою видѣть отверзтый входъ въ свое любезное отечество. Ахъ! Какими чувствами исполнилось его сердце, увидя ожидающій его тронъ.— Будемъ, всегда будемъ говорить объ этомъ.

Рѣшилось: 19 марта видѣло паденіе колосса, бременившаго землю; радостные крики несутся изъ столицы къ границамъ Франціи. Имя Лудовика и Бурбоновъ раздаются во всей Европѣ. Французы находятъ своего короля, король находитъ своихъ французовъ. Ахъ! будемъ всегда говорить объ этомъ.

Вмѣстѣ съ Лудовикомъ возвратились: миръ, изобиліе, благоденствіе, торговля, науки, искусства, правосудіе, религія, забвеніе прошедшихъ золъ, надежда всѣхъ благъ, милое старое время. Какая любезная свита! будемъ же всегда говорить объ этомъ.

Никогда Парижъ не наслаждался столь высокимъ и чувствительнымъ зрѣлищемъ: никогда сердца наши не были такъ тронуты; никогда столь живо не чувствовали мы блаженства. Это былъ истинный день Господень! будемъ же всегда говорить о немъ— и потомство да повторитъ слова наши!

1428. Перечень расходовъ по Св. Коронованію 1883 г. Составленный по даннымъ контроля министерства Императорскаго Двора.—Въ 8 д. л.

Это изданіе напечатано коронаціонною канцеляріею въ количествѣ только пятидесяти экземпляровъ и притомъ не для продажи.

1429. Петербургскій сборникъ, изданный Н. Некрасовымъ. Нѣкоторыя статьи иллюстрированы. Санктпетербургъ, въ типографіи Эдуарда Праца. 1846 года.—Въ 8 д. л. 560 стр.

Этотъ литературный сборникъ, изданный поэтомъ Н. Некрасовымъ въ Спб. 1846 г., состоитъ изъ 11 отдѣловъ, въ которыхъ помѣщены въ стихахъ и прозѣ слѣдующія небольшія литературныя произведенія:

Данилевскій, Григорій Петровичъ.

Знаменитый романистъ.

Род. 14 апрѣля 1829 г., ум. 6 декабря 1890 г. Авторъ извѣстныхъ произведеній: «Бѣглые въ Новороссіи», «Бѣглые воротились», «Девятый валъ», «Потемкинъ на Дунаѣ» и др.

Бѣдные люди, романъ Ѳ. Достоевскаго. Помѣщикъ, разсказъ въ стихахъ И. Тургенева. Капризы и Раздумье, Искандера. Парижскія увеселенія, И. Панаева. Макбетъ, трагедія Шекспира, перев. А. Кронеберга. Мартингалъ, князя В. Одоевскаго. Машенька, поэма А. Майкова. Три портрета, повѣсть И. Тургенева. О характерѣ народности въ древнемъ и новѣйшемъ искусствѣ, А. Никитенко. Мысли и замѣтки о русской литературѣ. В. Бѣлинскаго, и нѣсколько мелкихъ стихотвореній И. Тургенева, А. Майкова, Н. Некрасова и гр. В. Соллогуба.

Въ текстѣ нѣкоторыхъ сочиненій находятся политипажные рисунки.

Это рѣдкое изданіе куплено мною за 6 рублей.

1430. Петербургскій театралъ. Куплеты В. З. (Зотова), съ восемью литографіями, рисованными В. Тиммомъ, посвящается моимъ театральнымъ друзьямъ. — С.-Петербургъ, въ типографіи Бочарова. 1843 года.—Въ 16 д. л., 17 стр.

Эта маленькая книжечка, написанная шуточными стихами (В. Р. Зотовымъ), составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость, такъ какъ при выпускѣ была отпечатана въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ.—Къ сожалѣнію, книжка эта напечатана безъ означенія фамилій танцовщицъ и другихъ лицъ, завѣдывавшихъ театромъ, которыя замѣнены въ строкахъ точками.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, со всѣми рисунками, за 3 рубля.

1431. Петербургскіе туманы. Романъ І. Ясинскаго. 2 части. Стутгартъ. Изданіе Карла Малькомеса.—Въ 12 д. л.

Некрасовъ, Николай Алексѣевичъ.

Знаменитый поэтъ.

Род. 22 ноября 1821 г., ум. 27 декабря 1877 г. Съ портрета приложеннаго къ книгѣ А. Баумана «Наши дѣятели».

Это небольшая, но довольно рѣдкая книжка, содержитъ въ себѣ большой романъ, подъ заглавіемъ «Петербургскіе туманы», раздѣленный на 72 главы, и, затѣмъ, съ стр. 129-й—повѣсть подъ названіемъ: «Современникъ», соч. того же автора (І. Ясинскаго). Повѣсть состоитъ изъ 55 писемъ отъ Е. Е. Поспѣлова къ Вѣрѣ Розовой.

Купленъ мною экземпляръ за 3 рубля.

1432. Петріада, поэма этическая, сочиненія Александра Грузинцева, Санктпетербургъ, въ типографіи Императорскаго театра, 1812 г.—Въ 4 л. л., съ рисунками.

Сочиненіе это посвящено графу Ник. Петров. Румянцеву.

Въ началѣ книги помѣщенъ портретъ Императора Петра I, съ изображеніемъ внизу герба Россійской имперіи и три виньетки: одна на заглавномъ листѣ и двѣ въ текстѣ.

Книга съ портретомъ Петра I считается довольно рѣдкою.

См. «Послѣдніе матеріалы для библіографіи» Якова Березина-Ширяева, стр. 218-я.

1433. Петръ Великій въ Карлсбадѣ 1711 и 1712 гг. Историческія воспоминія, собранныя протоіереемъ К. Л. Кустодіевымъ. Рѣчь, произнесенная въ собраніи русскихъ въ Карлсбадѣ, въ день празднованія 200-лѣтней годовщины рожденія Петра Великаго 30 мая 1872 г. (съ приложеніемъ слова, сказаннаго имъ же въ этотъ день въ Карлсбадской церкви и литографическаго вида дома Pfau). Въ Буда-Пештѣ, тип. венг. кор. университета, 1878 г.—Въ 8 л., 32 стр.

Книга содержитъ въ себѣ историческія воспоминанія о Петрѣ I изъ жизни его въ 1711 и 1712 гг.—При книгѣ приложена гравюра, изображающая видъ дома Пфау, на лѣсахъ котораго работалъ Петръ Великій.

Изданіе чрезвычайно любопытное и очень рѣдкое.

1434. Писанія И. П. Котляревскаго съ его портретомъ и картинкою его удиночка въ Полтаві.—Санктпетербургъ, въ типографіи департамента удѣловъ, 1862 года.—Въ 16 д. л., 451 стр.

Книжка съ портретомъ И. П. Котляревскаго, рис. Д. Капченко, грав. А. П. Червяковымъ, и одной картинкою внѣ текста, изображающей домъ

Зотовъ, В. Р.

Извѣстный писатель и журналистъ.
Род. 1821 г., ум. 6 февраля 1896 г.
Съ грав. Ю. Шюблеръ.

Котляревскаго въ Полтавѣ,—съ рисунка Т. Г. Шевченко, грав. А. П. Червяковымъ.

Изданіе очень любопытное и содержащее въ себѣ слѣдующія произведенія И. П.: Вергильева Енеида. Наталка Полтавка. Москаль-Чаривникъ. Ода до Князя Куракина.

Книжка рѣдкая.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 3 рубля.

1435. Пикникъ. Рисунки Александра Игнатьевича Лебедева. С.-Петербургъ, 1859 года, въ литографіи Мюнстера—5 рисунковъ, въ листъ.

Въ этомъ рѣдкомъ, въ настоящее время,. альбомѣ помѣщены слѣдующіе оргинальные рисунки: 1. Сборы. 2. Поѣздъ. 3. Танцы. 4. Ужинъ. 5. Конецъ.

Авторъ этихъ рисунковъ Александръ Игнатьевичъ Лебедевъ, рисовальщикъ - каррикатуристъ, родился въ 1835 г. Образованіе получилъ въ Императ. Акад. Художествъ. Началъ помѣщать свои каррикатуры съ начала 1860 г. въ «Искрѣ». Затѣмъ сотрудничалъ въ «Будильникѣ», «Стрекозѣ» и др. періодическихъ изданіяхъ.

Онъ иллюстрировалъ «Человѣческую Комедію» И. Ф. Василевскаго-Буквы (СПБ. 1883 г.), премію къ журналу «Осколки» 1893 г. «Юморъ Ѳ. М. Достоевскаго» и др. Кромѣ того изданы отдѣльно его альбомы: «Погибшія, но милыя созданія» (СПБ. 1862 г.); «Колпакъ» (СПБ. 1864 г.); «Прекрасный полъ» (СПБ. 1864 г.); «Кое-что изъ Некрасова» (СПБ. 1877 г.); «Пикникъ» (1859 г.); «Нельзя не вѣрить снамъ и примѣтамъ» (СПБ. 1864 г.) и нѣкоторыя другія.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры довольно рѣдки.

Купленъ мною альбомъ за 10 рублей.

1436. Письма Аркадія Петровича Корнилова 1834—1845 гг. С.-Петербургъ, въ типографіи Киршбаума, въ д. М—ва Финансовъ, 1845 года.—Въ 8 д. л., V + 262 стр., съ портретомъ.

Это чрезвычайно любопытное изданіе выпущено въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ только для семьи и близкихъ друзей.

Въ началѣ книги помѣщенъ портретъ Аркадія Петровича Корнилова, воспроизведенный съ дагерротипа, снятаго съ него въ январѣ 1844 года художникомъ Веннингеромъ въ Спбургѣ.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 6 рублей.

1437. Письма Государя Императора Петра Великаго къ Степану Андреевичу Колычеву, и отвѣты его на оныя. Въ Москвѣ. Въ Университетской типографіи, у Н. Новикова. 1785 года.—8, 2 нен. и 110 нум. стр.

Всѣхъ писемъ въ книгѣ помѣщено 45, первое изъ нихъ было написано изъ Смоленска отъ 12 октября 1708 г., а послѣднее—изъ Гавельберха, отъ 17 ноября 1716 года.

Въ настоящее время полные экземпляры этого изданія чрезвычайно рѣдки.

1438. Письма изъ Франціи и Италіи. Искандера (1847—1852). Изданіе второе Н. Трюбнера. Лондонъ. 1858 года.—Въ 16 д. л.—XIII + 303 стр.

Книжка издана Н. Трюбнеромъ, съ предисловіемъ Искандера.

См. «Алфавитный каталогъ изданіямъ на русскомъ языкѣ, запрещеннымъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи» (составленный въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати, по 1-е января 1894 года)—№ 439.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 5 рублей.

1439. Письма Кинея Манаѳы на Синайскихъ утесахъ. Сочиненіе архимандрита Порфирія Успенскаго. Санктпетербургъ, въ типографіи Академіи Наукъ 1857 года.—Въ 8 д. л., 147 стр.

Книга съ 23 надписями: египетскими, вавилонскими, самарійскими, финикійскими и синайскими и съ картою синайскихъ надписей, вырѣзанною на мѣди.

Это изданіе въ настоящее время довольно рѣдкое.—См. «Каталогъ книгъ Чертковской библіотеки» № 1864.

1440. Письма несчастнаго графа Ивана Рейнольда Паткуля, полководца и по-

сланника россійскаго императора Петра Великаго. Переводъ съ французскаго. 2 части. Москва, въ университетской типографіи, 1806 года.—Въ 16 д. л. Часть 1-я 191 стр. Часть 2-я 111 стр.

Книжка съ гравированнымъ портретомъ Рейнольда Паткуля, россійскаго императорскаго посланника.—Портретъ работы гравера А. Грачева.

Письма съ портретомъ Рейнольда Паткуля считаются довольно рѣдкими.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 3 рубля.

1441. Письма В. А. Жуковскаго къ Его Императорскому Высочеству Государю Великому князю Константину Николаевичу. 1840—1851 г. (Изъ «Русскаго Архива»). Москва, типографія Т. Рисъ. 1867 года.—Въ 8 д. л., 93 стр.

Означенныя «Письма» были отпечатаны въ количествѣ 25 экземпляровъ (изъ «Руссскаго Архива» 1867 года).

Въ началѣ книги слѣдуетъ краткое предисловіе отъ князя Вяземскаго, въ которомъ онъ говоритъ, что

Счастливый случай ознакомилъ насъ съ предлагаемыми здѣсь письмами. Жуковскій вошелъ въ переписку съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, когда Его Высочеству было не болѣе тринадцати лѣтъ. Для упражненія въ письменномъ слогѣ и вообще въ правильномъ изложеніи мыслей, возложена была на Великаго Князя обязанность написать въ каждое воскресенье письмо къ какому-нибудь знакомому отсутствующему лицу. Эти урочныя воскресныя упражненія были отроку вовсе не по нраву, и онъ порядочно ими тяготился. Наконецъ дошла очередь и до Жуковскаго: нужно было сочинить письмо и на имя его. Отвѣтъ Жуковскаго такъ порадовалъ Великаго Князя, такъ пришелся ему по сердцу, что возбудилъ въ немъ желаніе и продолжать переписку. Вотъ исходная точка и основа писемъ, которыя нынѣ предлагаются любопытству и вниманію читателей. Послѣднее изъ нихъ писано не за долго до кончины Жуковскаго. Подлинники тщательно и съ любовью хранятся у Великаго Князя.

Первыя письма имѣютъ характеръ болѣе педагогическій. Но далѣе и далѣе они становятся все разнообразнѣе и богаче сужденіями о многихъ

Жуковскій, Василій Андреевичъ.

Знаменитый поэтъ. Род. 29 января 1783 г., ум 7 апрѣля 1852 г.

предметахъ. Они, такъ сказать, растутъ въ занимательности и во внутренной важности содержанія своего вмѣстѣ съ годами того, къ кому они писаны. Въ нихъ отзывается и обнаруживается обмѣнъ мыслей и мнѣній. Сюда входитъ и поэзія, и нравственность, и политика съ своими воззрѣніями на исторію Россіи прошедшую, настоящую и будущую; входятъ и религіозныя понятія, которыя такъ ясно и глубоко просвѣтлѣли въ умѣ и душѣ Жуковскаго, особенно въ послѣдніе года жизни его. Изъ этихъ писемъ узнаемъ новыя стороны его замѣчательной личности. Въ Жуковскомъ доселѣ знали поэта и нравственно-чистаго человѣка. Въ этихъ письмахъ поэтъ остается поэтомъ; нравственный благодушный человѣкъ проглядываетъ, такъ сказать, еще полнѣе, еще убѣдительнѣе во всемъ мужественномъ достоинствѣ ума независимаго и зрѣлой опытности. Но для многихъ могло быть неизвѣстнымъ и даже невѣроятнымъ, чтобы онъ могъ такъ проницательно, такъ глубокомысленно обнимать и такъ вѣрно оцѣнивать событія и важные вопросы, которые озабочивали и волновали современную жизнь. Поэтическою душою своею уединившись, весь углубившись въ первобытный міръ любезнаго своего Гомера, онъ внимательно и сердобольно слѣдитъ и за событіямъ дѣйствительнаго міра, который окружаетъ его. Они

строгій судія многихъ изъ этихъ событій. Онъ любитъ и уважаетъ свободу, но онъ любитъ и порядокъ, который опирается на законахъ божественныхъ, государственныхъ и нравственныхъ, безъ которыхъ не можетъ быть свободы, а будетъ одно слѣпое своеволіе. Укажемъ въ свидѣтельство къ тому на сужденія его о революціи, о теоріи и практикѣ, о движеніи и застоѣ, и на другія мѣста изъ писемъ его. Все глубокомысленно обдуманно и все живо и своенравно выражено. А сужденія его о Петрѣ Великомъ? Мысли его о Петербургѣ и Москвѣ въ сопоставленіи съ Константинополемъ? Мечтанія его, pia desideria, о Іерусалимѣ и окончательномъ освобожденіи Гроба Господня, безъ новыхъ крестовыхъ походовъ, безъ кровопролитія, безъ ужасовъ рѣдко предвидимыхъ, но всегда пагубныхъ случайностей войны? Это, пожалуй, несбыточный сонъ, но какъ бы то ни было — прекрасная мечта поэтической и христіанской души.

Какой вездѣ строгій, спокойный смыслъ въ сочетаніи съ душою теплою и любящею! Въ другихъ отношеніяхъ, въ сферѣ другихъ понятій и впечатлѣній—что за свѣжесть и ясность чувства!

Вмѣстѣ съ письмами Карамзина къ императору Александру I и царскому его семейству, и настоящія письма вносятъ новыя сокровища въ литературу нашу и новый свѣтъ въ область нашего гражданскаго быта. Люди, службою или обстоятельствами приближенные ко двору, такъ называемыя царедворцы, были всегда предметомъ строгихъ пересудовъ и нареканій со стороны людей, которыхъ обстоятельства удалили отъ двора. Когда на придворныхъ и не было неопровержимыхъ уликъ, когда и нельзя было обвинить ихъ въ томъ или другомъ проступкѣ, не менѣе того оставались и остаются они поголовно въ сильномъ подозрѣніи. Не ручаемся за нравственную твердость и чистоту всѣхъ царедворцевъ, бывшихъ, нынѣ существующихъ и будущихъ: они тѣ же люди, и многіе изъ нихъ могутъ имѣть свои слабости, какъ имѣютъ свои, имъ свойственныя и, такъ сказать, родовыя слабости, другіе люди, поставленные на другой почвѣ и обращающіеся въ кругу иной дѣятельности: эта дѣятельность также можетъ имѣть свои соблазны и точки преткновенія. Жуковскій разсказывалъ, что однажды былъ представленъ А. И. Тургеневымъ нынѣ давно умершему высокому духовному лицу. Услышавъ имя поэта, пастырь сказалъ съ добродушіемъ: «Очень радъ познакомиться съ вами: дай намъ Богъ болѣе такихъ жучковъ». Скажемъ и мы: дай Богъ для блага Россіи поболѣе таковыхъ царедворцевъ, каковы были Карамзинъ и Жуковскій!

Вслѣдствіе многократныхъ просьбъ нашихъ, мы получили милостивое соизволеніе напечатать слѣдующія письма. Поспѣшимъ подѣлиться ими съ читателями: эти письма послужатъ богатымъ вкладомъ для полной біографіи Жуковскаго.

Въ нихъ еще другая польза: чтеніемъ ихъ можетъ порадоваться и достойно возгордиться каждый Русскій.

Князь Вяземскій

Ливадія, августъ 1867 г.

Книга превосходно изданная на веленевой бумагѣ, съ большими полями.

1442. Письма изъ Сибири 1826 года. Москва. Въ типографіи Семена Селиванскаго, 1828 года.—12 д. л., 112 стр.

Двадцать писемъ, помѣщенныхъ въ этой книгѣ, посвящены П. А. Соловцовымъ Казанскому обществу любителей словесности. Книга, напечатанная въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, въ продажу не поступала. Геннади, № 140. Остроглазовъ—«Русскій Арх.» за 1892 г.—Книга цѣнится отъ 5 до 6 рублей.

1443. Письма къ другу и завѣщаніе сыну объ орденѣ Св. К. Переводъ съ нѣмецкаго языка. Санктпетербургъ, 1816 года.—Въ 8 д. л., 224 стр.

См. алфавитный каталогъ изданіямъ на русскомъ языкѣ, запрещеннымъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи, за № 848. Въ этой брошюркѣ помѣщены 11 писемъ, написанныхъ Лейлардомъ на французскомъ языкѣ, на русскій—переводъ Лобзина. Кромѣ писемъ въ ней помѣщены слѣдующія три статьи: 1) прибавленіе отъ переводчика, 2) о магіи вѣры и 3) нѣчто изъ опыта о небесныхъ явленіяхъ и образахъ. На заглавномъ листѣ виньетка. Книга рѣдка. См. «Россійская Библіографія» за 1880 годъ, № 27, стр. 600— Есть у Березина - Ширяева 1884 г., стр. 17. Книга цѣнится до 7 рублей.

1444. Письма Петра Великаго, хранящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ и описаніе находящихся въ ней рукописей, содержащихъ матеріалы для исторіи его царствованія, составленное А. Ѳ. Бычковымъ. С.-Петербургъ. Типографія Траншеля. 1872 года.—Въ 8 д. л. XX + 180 стр.

Императорская Публичная Библіотека, желая почтить память Петра Великаго, который первый положилъ начало въ Россіи благоустроенному книгохранилищу, издаетъ въ свѣтъ всѣ находящіеся въ ней подлинные документы и письма Петра Великаго, съ присоединеніемъ къ нимъ краткаго описанія имѣющихся въ ней рукописей, которыя содержатъ въ себѣ матеріалы для исторіи его царствованія и въ этомъ небольшомъ сборникѣ найдутся нѣкоторыя черты великаго монарха, драгоцѣнныя для каждаго русскаго и оправдываютъ названіе «Великаго» и «Отца очечества».

1445. Письма Петра Великаго, писанныя генералъ-фельдмаршалу, тайному совѣтнику Мальтійскому, Св. апостола Андрея, Бѣлаго Орла и прусскаго ордена кавалеру, графу Борису Петровичу Шереметеву, по большей части собственною Государевою рукою, а иныя съ подлинниковъ, хранящихся въ императорскомъ кабинетскомъ архивѣ, описанныя, сколько оныхъ нашлось у его сіятельства господина оберъ-камергера, генералъ-аншефа, сенатора, орденовъ Св. апостола Андрея, Св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла и Св. Анны кавалера, графа Петра Борисовича Шереметева, котораго желаніемъ и стараніемъ онаго, нынѣ на свѣтъ изданы и съ предисловіемъ о происхожденіи и о службахъ предковъ Шереметевыхъ, особливо-же о славныхъ дѣлахъ фельдмаршала графа Бориса Петровича и о потомкахъ его. Напечатаны въ Москвѣ, при Императорскомъ университетѣ, 1774 года.—Въ листъ, LXXVIII + 172 стр.

Книга съ портретомъ графа Бориса Петровича Шереметева, гравированнымъ Антипьевымъ, описана Ровинскимъ подъ № 4. Въ этой книгѣ помѣщено 238 писемъ. — Означенныя письма въ настоящее время очень рѣдки; хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся отъ 20 до 40 рублей.

1446. Письмо А. Н. Оленина къ Его Превосходительству Сергѣю Семеновичу: о кнемидахъ у древнихъ грековъ или поножахъ. Съ четырьмя рисунками. С.-Петербургъ. 1815 года.

Это весьма любопытное письмо А. Н. Оленина напечатано по распоряженію Императорскаго русскаго археологическаго общества.

1447. Письмо герцога Д*** къ Филарію, переводъ съ французскаго. Въ Ярославлѣ. Печатано съ указнаго дозволенія, 1785 года.—4°, 12 нум. стр. (счетъ съ заглавнаго листа).

На оборотѣ заглавнаго листа эпиграфъ, взятый изъ псалма Давида 76, ст. 6. «Помыслихъ дни первыя и лѣта вѣчная помянухъ и поучахся».

Эта брошюрка въ настоящее время составляетъ замѣчательную библіографическую рѣдкость.

1448. Письмо Его Величеству Королю Шведскому, и опроверженіе реляціи, которая была напечатана въ гамбургскихъ газетахъ, о морскомъ сраженіи, бывшемъ 18 августа по старому стилю 1789 года, между галернымъ флотомъ Шведскимъ и флотомъ Россійскимъ, командуемымъ его свѣтлостію принцомъ Нассау-Зигенъ.—Въ Санктпетербургѣ, въ Императорской типографіи, 1789 года.—Въ 4 д. л., 14 стр.

Это письмо, имѣющее историческое значеніе, было напечатано въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Въ виду того особаго историческаго интереса которое представляетъ собою это письмо, считаю не лишнимъ помѣстить его здѣсь на страницахъ моей книги, съ полнымъ сохраненіемъ орѳографіи подлинника.

Милостивый Государь!

Когда Ваше Величество въ послѣдній разъ удостоивали меня Вашимъ письмомъ, то изъяснялись въ ономъ сими словами: что Вы относитесь

къ воину, ищущему повсюду славу и честь. Я всеконечно буду искать всю жизнь мою оправдать мнѣніе Вашего Величества; но когда ищутъ чести, тогда не терпятъ ничего такого, что можетъ заставить подозрѣвать въ справедливости, и не являютъ ничего такого, что не есть истина, и что не можетъ быть утверждено и доказано предъ лицемъ свѣта. Таковой образъ мыслей заставилъ меня съ презрѣніемъ читать въ гамбургскихъ газетахъ мнимую реляцію сраженія, которое я имѣлъ честь выдержать противъ галернаго флота Вашего Величества. Сія реляція кажется опровергающею мою: она во многихъ статьяхъ совершенно противна истинѣ, и я крайне удивленъ былъ, что дерзнули утвердить почтеннѣйшимъ Именемъ Вашего Величества, писаніе, исполненное ошибокъ и лживостей. Я уповаю, что Ваше Величество равномѣрно были симъ раздражены, а по сему не откажете мнѣ уничтожить оную и отдать долгъ истинѣ. Естьли же противъ всякаго чаянія, Ваше Величество уполномочили обнародованіе реляціи столь не точной, то я считаю, что Вы были ужаснѣйшимъ образомъ обмануты полученными Вами донесеніями, и Ваша справедливость, яко первая добродѣтель Государей, побудитъ Васъ безъ сомнѣнія отрѣчься оной и наказать полководцевъ, дерзнувшихъ представить Вамъ столь невѣрное донесеніе. Къ сему письму присовокупляю я опровержение сей непонятной реляціи, которой я открываю всѣ погрѣшности. Честь моя есть залогомъ истины представляемаго мною. Я имѣю свидѣтелями плѣнниковъ, коихъ мы полонили, суда, коими мы овладѣли, флотъ, которымъ я командовалъ, и которой далеко отъ того, чтобъ быть поврежденнымъ, былъ весь 18 дней послѣ сраженія въ морѣ, разъѣзжалъ непрепятственно за двѣнадцать верстъ отъ Луизы, и отпустилъ уже по претерпѣніи штурма 12 сентября; часть же сея эскадры еще и до нынѣ въ морѣ, и готова вновь сражаться, но не встрѣчаетъ сопротивниковъ.

Я увѣренъ, Милостивѣйшій Государь, что Ваше Величество знаете совершенно законы чести, почему всеконечно одобрите жаръ, съ коимъ защищаю я мою, которую я почиталъ-бы поврежденною, когдабъ можно было хотя единую минуту сомнѣваться къ точности моихъ донесеній, кои Ея Императорское Величество позволила обнародовать.

Тѣжъ самыя причины, кои побудили маня къ начертанію сего письма, поставляютъ мнѣ долгомъ обнародовать оное; а отвѣтъ, котораго я уповаю, уполномочитъ меня безъ сомнѣнія повторить такъ же всенародно увѣренія въ глубочайшемъ почитаніи, которымъ я обязанъ Вашему Величеству, и съ которымъ имѣю честь быть

Милостивѣйшій Государь!

Вашего Величества

всепокорнѣйшій и всепослушнѣйшій слуга К. Принцъ Нассау-Зигенъ.

Санктпетербургъ.
20 Сентября 1789 года.

1449. Письмо А. Н. Радищева о китайскомъ торгѣ. Санктпетербургъ. 1772 г.— 157 стр.

Авторъ этой рѣдчайшей брошюрки Александръ Николаевичъ Радищевъ говоритъ въ предисловіи своемъ, что—«Въ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ моихъ писемъ къ В. Р. изъ Тобольска, мною писанныхъ, я сказалъ, что пресѣченіе торга въ Кяхтѣ съ китайцами не есть столь великая для государства потеря, какъ она кажется, и что изъ самаго сего зла (если его ожидать должно таковымъ) произойти можетъ добро. Я, говоритъ А. Н. Радищевъ, будучи отдаленъ отъ того мѣста, гдѣ оной производится болѣе нежели 3000 верстами, нынѣ находяся же въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходятъ всѣ почти бывшіе въ семъ торгѣ обороты, я лучше могъ судить о томъ, что изрекъ сперва Слѣдуя тогда нѣкоему, такъ сказать, предузнанію, если бы прежнее письмо мое писалъ я въ Иркутскѣ, то бы, можетъ быть, употребилъ изреченіе болѣе ограниченное, многихъ ради причинъ, кои впослѣдствіи моего письма объяснить постараюсь».

Это рѣдчайшее сочиненіе А. Н. Радищева нынѣ вышедшее совсѣмъ изъ обращенія, въ которомъ авторъ весьма подробно знакомитъ съ торговыми особенностями китайскаго торга и выясняетъ торговыя отношенія между Россіею и Китаемъ.

1450. Письмо А. И. Герцена къ русскому послу въ Лондонѣ съ отвѣтомъ и нѣкоторыми примѣчаніями Д. К. Шедо-

Герценъ-Искандеръ, Александръ Ивановичъ.

Знаменитый публицистъ. Род. 25 марта 1812 г. Ум. 8 января 1870 г. Съ фотогр. Розенберга.

ферроти. 3-е изданіе. Berlin. Librarie Behr. 1862.—Въ 8 д. л., 45 стр. Въ 2 ст. Текстъ русскій и французскій.

Изъ писемъ этихъ, во многихъ отношеніяхъ любопытныхъ по содержанію, видно между прочимъ (см. стр. 23) что съ 1857 года въ Лондонѣ издается журналъ «Колоколъ» и что прежде его г. Герценъ основалъ тамъ же два періодическія изданія: «Полярную Звѣзду» и «Голоса изъ Россіи».—Въ объявленіи Берра между прочимъ, значится, только что отпечатанная брошюра «Дворянство и освобожденіе крестьянъ» сочиненіе Кавелина и «Петръ В., Меншиковъ и Лейбницъ», разговоръ, бывшій въ Торгау 1711 года. См. «Библіографическія Записки» за 1862 годъ, стр. 702.

1451. Письмо А. О. къ Е. Ѳ. Тимковскому, о безпрестанной молитвѣ ламаитовъ. Съ четырьмя гравированными досками. Изъ третьей части путешествія въ Китай чрезъ Монголію въ 1820 и 1821 годахъ.—Санктпетербургъ, въ типографіи медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. 1824 года,—Въ 8 д. л., 28 стр. съ 4-мя рисунками.

Прилагаю при семъ объясненіе гравированныхъ рисунковъ, приложенныхъ къ «Письму о молитвѣ ламаитовъ».

1-й рисунокъ представляетъ мѣдный позолоченный кумиръ Будды Шигемунія въ томъ видѣ, въ какомъ онъ достался Санктпетербургской Императорской Публичной Библіотекѣ. Сіе ваятельное произведеніе нѣкоторыхъ народовъ средней, восточной или южной Азіи, уступлено сказанной библіотекѣ нынѣшнимъ г. томскимъ гражданскимъ губернаторомъ П. К. Фроловымъ.

2-й рисунокъ—титульная картина. Въ верху оной представлена молитва «ом мани падме аум» или «гомъ» санскриптскими старинными письменами, индѣйскимъ почеркомъ, называемымъ «Ландза» Сіи литеры выгравированы и по прорѣзѣ, снятой съ напечатанной въ Тибетѣ бумажки, употребляемой тибетцами, монголами и калмыками въ ихъ богослуженіи.

3-й рисунокъ представляетъ живописное изображеніе Будды или Шигемунія, употребляемое ламаитами въ ихъ мнимо-священныхъ книгѣ и кумирняхъ. О семъ предметѣ, а также и о письменахъ санскриптскихъ и китайскихъ, представленныхъ внизу сей доски, объяснено подробно въ семъ письмѣ, на страницахъ 5 и 26.

4-й рисунокъ изображаетъ молитву «ом мани падме аум» пятью разными почерками санскриптской азбуки.

Эта брошюрка въ настоящее время довольно рѣдкая. Совсѣмъ ненаходима въ книжной торговлѣ.

1452. Письмо дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. Н. Оленина къ графу А. И. Мусину-Пушкину о камнѣ тмутараканскомъ, найденномъ на островѣ Таманѣ въ 1792 году, съ описаніемъ картинъ къ письму приложенныхъ. С.-Петербургъ, 1806 года.—Въ 4 д. л.

Письмо дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. Н. Оленина составляетъ теперь библіографическую рѣдкость. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, сказано за № 8209, что книга очень рѣдка.

1453. Письмо изъ страны далекой съ Утръ-томбною сенсаціею. Санктпетербургъ, въ типографіи Греча, 1859 года.—Въ 16-ю д. л., 5 стр.

На оборотѣ заглавнаго листа сдѣлана виньетка, изображающая трехъ литераторовъ—паяцовъ, въ костюмахъ «Пьеро» «Арлекина» и «Полишине-

ля».—Эта рѣдкая брошюрка содержитъ въ себѣ насмѣшку надъ слогомъ писателей новой школы, которые наполняютъ русскую рѣчь иностранными словами до безсмыслицы. Она написана П. Безобразовымъ и напечатана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ для раздачи знакомымъ.—См. «Описаніе книгъ» NN стр. 171.

1454. Письмо къ Алексѣю Ѳедоровичу Малиновскому объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи, съ рисунками найденныхъ тамъ въ 1822 г. древностей. Москва, въ университетской типографіи, въ 1823 году.—Въ 8 д. л., 75 стр., съ 5-ю таблицами рисунковъ.

Это трудъ К. Ѳ. Калайдовича; впослѣдствіи эти древности болѣе подробно описаны и болѣе изящно изданы А. Н. Оленинымъ.

Это сочиненіе въ настоящее время довольно рѣдкое. См. Смирдинъ № 2393. Чертковъ 1838 г., стр. 98. Есть у Остроглазова: «Книжныя Рѣдкости» № 268. «Русскій Архивъ» 1892 года, стр. 344.

Чистые экземпляры сей книги цѣнятся до 10 рублей.

1455. Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ по долгу званія своего. Съ дозволенія управы благочинія. Въ С.-Петербургѣ, 1790 года.—Въ 8 д. л., 14 стр.

Письмо это издано Радищевымъ въ 1789 году особою брошюркою въ 8 д. л., 14 стр. Книжка отпечатана въ С.-Петербургѣ, какъ пробный оттискъ, въ типографіи, заведенной Радищевымъ, и составляетъ въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость. См. въ «Русской Старинѣ» за 1871 годъ. Какъ библіографическая рѣдкость, перепечатана П. А. Ефремовымъ, съ его экземпляра. Геннади «Книжныя рѣдкости» за № 70. У Сопикова отмѣчено за № 1304: «весьма рѣдка». У Смирдина значится за № 6370. Эта брошюрка цѣнится въ настоящее время отъ 25 до 40 руб.

Чтобы дать понятіе о сей величайшей библіографической рѣдкости, прилагаю это письмо, изъ слова въ слово, къ читателю.

Радищевъ, Александръ Николаевичъ.

Знаменитый писатель, одинъ изъ главныхъ представителей у насъ „просвѣтительной философіи". Род. 20 августа 1749 г., ум. 12-го сентября 1802 г.

Съ портрета, приложеннаго къ его сочиненію.

ПИСЬМО КЪ ДРУГУ,

жительствующему въ Тобольскѣ по долгу званія своего.

С.-Петербургъ, 8 августа 1782 года.

Вчера происходило здѣсь съ великолѣпіемъ посвященіе монумента, Петру Первому въ честь воздвигнутаго, то есть, открытіе его статуи, работы г. Фальконета. Любезный другъ, побесѣдуемъ о семъ въ отсутствіи. Пребывая въ отдаленномъ отечествѣ нашего края, отлученный отъ твоихъ ближнихъ, среди людей, неизвѣстныхъ тебѣ ни со стороны качествъ разума и сердца, не нашедъ еще можетъ быть въ краткое время твоего пребыванія не токмо друга, но ниже пріятеля, съ коимъ бы ты могъ сѣтовать во дни печали и скорби и радоваться въ часы веселія и утѣхъ, ибо печаль и скорбь исчисляются днями и годами, веселіе часами, утѣхи же мгновеніемъ. Ты охотно, думаю, употребишь часъ хотя единый отдохновенія твоего не бесѣдованіе съ дѣлившимъ нѣкогда съ тобою

горесть и радовавшимся о твоей радости, съ кѣмъ ты юношескіе провелъ дни свои.

Вокругъ мѣста, гдѣ сооружался сокровенно чрезъ 15 лѣтъ образъ изваянный Императора Петра, воздвигнута была рисованная на полотнѣ заслона, а хоромина, бывшая надъ нимъ, неприметно сломана и мѣсто вокругъ все очищено.

Въ день, назначенный для торжества, во второмъ уже часу пополудни, толпы народа стекалися къ тому мѣсту, гдѣ зрѣть желали лице обновителя своего и просвѣтителя. Полки гвардіи преображенскій и семеновскій, бывшіе нѣкогда сотоварищи опасностей Петровыхъ и его побѣдъ, также и другіе полки гвардіи, тутъ бывшіе подъ предводительствомъ начальниковъ своихъ, окружили мѣста позорища, артиллерія, кирасирскій новотроицкій полкъ и кіевскій пѣхотный заняли мѣста на близъ лежащихъ улицахъ. Все было готово; тысячи зрителей на сдѣланныхъ для того возвышеніяхъ и толпа народа, разсѣянная по всѣмъ близъ лежащимъ мѣстамъ и кровлямъ, ожидали съ нетерпѣніемъ зрѣти образъ того, котораго предки ихъ въ живыхъ ненавидѣли, а по смерти оплакивали. Истинно бо есть и непреложно: достоинство заслуги и добродѣтель привлекаютъ ненависть нерѣдко и самихъ тѣхъ, кои причины не имѣютъ ихъ ненавидѣть; когда же вина и предлогъ ненависти исчезаетъ, то и они не отрицаютъ имъ должнаго и слава великаго мужа утверждается по смерти. Соорудившая монументъ славы Петра, императрица Екатерина, сѣвъ на суда у лѣтняго своего дома, прибыла къ пристани, вышедъ на берегъ, шествовала на уготованное при Сенатѣ ей мѣсто, между строя воевъ своихъ. Едва вступить она успѣла на оное, какъ бывшая вокругъ статуи заслона, помалу и непримѣтно, какъ опустилася. И се явился паки взорамъ нашимъ сѣдящъ на конѣ борзомъ, въ древней отцовъ своихъ одеждѣ, мужъ, основаніе града сего положившій и первый, который на невскихъ и финскихъ водахъ воздвигъ россійскій флагъ, доселѣ не существовавшій. Явился онъ взорамъ любезныхъ чадъ своихъ сто лѣтъ спустя, когда впервые трепещущая его рука, младенцу ему сущу, пріяла скипетръ обширныя Россіи, предѣлы коея онъ расширилъ столь славно.

Благословенно да будетъ явленіе твое, речетъ преемница престола его и дѣлъ и преклоняетъ главу. Всѣ слѣдуютъ ея примѣру. И се, слезы радости орошаютъ ланиты. О Петръ!—Когда громкія дѣла возбуждали удивленіе и почтеніе къ тебѣ, изъ тысящи удивлявшихся великости твоего духа и разума, былъ ли хотя единъ, кто отъ чистоты сердца тебя возносилъ. Половина была ласкателей, кои во внутренности своей тебя ненавидѣли и дѣла твои порицали; другіе объемлемые ужасомъ безпредѣльно самодержавныя власти, раболѣпно предъ блескомъ твоея славы, опускали зеницы своихъ очей. Тогда былъ ты живъ, царь всесиленъ. Но днесь, когда ты ни казнить, ни миловать не можешь, когда ты бездыханенъ, когда ты меньше силенъ нежели послѣдній изъ твоихъ воиновъ, шестьдесятъ лѣтъ по смерти, хвалы твои суть истинны, благодарность нелестна. Но колико кратъ болѣе признаніе наше было живѣе и тебя достойнѣе, когда бы оно не слѣдовало примѣру твоея преемницы, достойному хотя примѣру, но примѣру того, кто смерть и жизнь милліоновъ себѣ подобныхъ въ рукѣ своей имѣетъ. Признаніе наше было бы свободнѣе и чинъ открытія изваяннаго твоего образа превратился бы въ чинъ благодарственнаго молебствія, каковое въ радости своей народъ возсылаетъ къ предвѣчному Отцу.

Изъ тысящей бывшихъ тутъ зрителей, извѣстныхъ было три человѣка, кои Петра I видѣли. Но непримѣтно было, ощутили ли они при явленіи его образа то благоговѣніе, которое ощущаемъ, увидѣвъ мужа славна, намъ извѣстнаго.—Дѣйствіе продолжалося. Пушечная пальба со стоящихъ на рѣкѣ судовъ, съ крѣпости и адмиралтейства и троекратной бѣглой огонь возвѣщали отсутственнымъ явленіе образа, приведшаго силы пространныя Россіи въ дѣйствіе.— Стоявшіе въ строю полки ударили походъ, отдавая честь и съ преклонными знаменами шли мимо подавшаго имъ первый примѣръ слѣпаго повиновенія воинской подчиненности, показывая учредителю своему плоды его трудовъ, при продолжающейся военныхъ судовъ пальбѣ, которые, сардамскому плотнику въ честь, украсилися многочисленными флагами. Сей день ознаменованъ прощеніемъ разныхъ преступниковъ и медалію, сдѣланной въ честь обновителя Россіи.

Статуя представляетъ мощнаго всадника, на конѣ борзомъ стремящемся на гору крутую, коея вершины онъ уже достигъ, раздавивъ змѣю, въ пути лежащую и жаломъ своимъ быстрое ристаніе коня и всадника остановить покусившуюся. Узда

простая, звѣриная кожа вмѣсто сѣдла, подпругою придерживаемая, суть вся конская сбруя. Всадникъ безъ стремянъ, въ полукафтаньѣ, кушакомъ непоясанъ, облеченный багряницею, имѣющъ главу лаврами вѣнчанную и десницу простертую. Изъ сего довольно можешь усмотрѣть мысли изваятеля. Если бы ты здѣсь былъ, любезный другъ, если бы ты самъ видѣлъ сей образъ, ты зная и правила искусства, ты упражняяся самъ въ искусствѣ, сему собратномъ, ты лучше бы могъ судить о немъ. Но позволь мнѣ отгадать мысли творца образа Петрова. Крутизна горы суть препятствія, кои Петръ имѣлъ, производя въ дѣйство свои намѣренія; змѣя въ пути лежащая, коварство и злоба, искавшіе кончины его за введеніе новыхъ нравовъ; древняя одежда, звѣриная кожа и весь простой уборъ коня и всадника суть простые и грубые нравы и непросвѣщеніе, кои Петръ нашелъ въ народѣ, который онъ преобразовать вознамѣрился; глава лаврами увѣнчанная, побѣдитель бо былъ прежде, нежели законодатель; видъ мужественный и мощный и крѣпость преобразователя; простертая рука, повительствующая, какъ ее называетъ Дидеро, и взоръ веселый суть внутреннее увѣреніе достигшія цѣли, и рука, простертая являетъ, что крѣпкій мужъ, преодолѣвъ всѣ стремленія его противившіеся пороки, покровъ свой даетъ всѣмъ, чадами его называющимся. Вотъ, любезный другъ, слабое изображеніе того, что, взирая на образъ Петровъ, я чувствую. Прости, буде я ошибаюся въ моихъ сужденіяхъ объ искусствѣ, коего правила мнѣ малоизвѣстны. Надпись сдѣлана на камнѣ самая простая:

Петру Первому Екатерина Вторая лѣта 1782-го.

Петръ по общему признанію нареченъ Великимъ; а сенатомъ—отцомъ отечества. Но за что онъ можетъ великимъ назваться? Александръ разоритель полусвѣта названъ великимъ; Константинъ, омывыйся въ крови сыновей, названъ великимъ; Карлъ Первый, возобновитель Римской Имперіи, названъ великимъ; Левъ папа римскій, покровитель наукъ и художествъ, названъ великимъ; Козма Медицисъ герцогъ тосканскій названъ великимъ; Генрихъ, добрый Генрихъ IV, король французскій, названъ великимъ; Людовикъ XIV, тщеславный и кичливый Людвигъ, король французскій, названъ великимъ; Фридрихъ II король прусскій еще при жизни своей названъ великимъ. Всѣ сіи владѣтели, о множествѣ другихъ не упоминая, коихъ ласкательство великими называетъ, получили сіе названіе для того, что изступили изъ числа людей обыкновенныхъ услугами къ отечеству, хотя великіе имѣли пороки. Частный человѣкъ гораздо скорѣе можетъ получить названіе великаго, отличаясь какой либо добродѣтелью или качествомъ, но правителю народовъ мало, для пріобрѣтенія сего лестнаго названія, имѣть добродѣтели или качества частныхъ людей. Предметы, надъ коими разумъ и духъ его обращается, суть многочисленны. Посредственный царь исполненіемъ одной изъ должностей своего сана, былъ бы можетъ быть великій мужъ въ частномъ положеніи; но онъ будетъ худой государь, если для одной пренебрежетъ многія добродѣтели. И такъ, вопреки женевскому гражданину, познаемъ въ Петрѣ мужа необыкновеннаго, названіе великаго заслужившаго правильно.

И хотя бы Петръ не отличился различными учрежденіями, къ народной пользѣ относящимися, хотя бы онъ не былъ побѣдитель Карла XII, то могъ бы и для того великимъ назваться, что далъ первый стремленіе столь обширной громадѣ, которая яко первенственное вещество была безъ дѣйствія.—Да не уничижуся въ мысли твоей, любезный другъ, превознося хвалами столь властнаго самодержавца, который истребилъ послѣдніе признаки дикой вольности своего отечества. Онъ мертвъ, а мертвому льстити неможно! И я скажу, что могъ бы Петръ славнѣе быть, возносяся самъ и вознося отечество свое, утверждая вольность частную; но если имѣемъ примѣры, что цари оставляли санъ свой, дабы жить въ покоѣ, что происходило не отъ великодушія, но отъ сытости своего сана, то нѣтъ и до скончанія міра примѣра, можетъ быть, не будетъ, чтобы царь упустилъ добровольно что либо изъ своея власти, сѣдяй на престолѣ.

1455. Письмо къ другу или изліяніе сердца. Рузаевка, MCCCLXXXXV, 9+1 стр. На 1-й стр. гравированный гербъ Нарышкиныхъ.

Эта одна изъ весьма рѣдкихъ, но пустыхъ книгъ произведенія пензенскаго помѣщика В. Е. Струйскаго, который, будучи одержимъ страстью къ стихотворству, завелъ въ помѣстьи своемъ селѣ

Фонъ-Визинъ, Денисъ Ивановичъ.

Одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ русскихъ людей прошлаго вѣка. Авторъ «Бригадира» и «Недоросля». Род. въ 1745 г., ум. 1 декабря 1792 г.

Съ совр. портр. грав. Нейманъ.

Рузаевкѣ типографію, въ которой и печаталъ свои нелѣпыя произведенія, никогда не поступавшія въ продажу; большинство изъ нихъ онъ подносилъ Императрицѣ Екатеринѣ и ея вельможамъ; есть сочиненія его, напечатанныя въ Петербургѣ у Шнора, какъ напримѣръ: предъидущіе два №№ и они отличаются особеннымъ великолѣпіемъ и изяществомъ бумаги, шрифта и виньетовъ; означенное письмо теперь составляетъ библіографическую рѣдкость. См. у Геннади № 57. Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся отъ 8 до 12 рублей.

1456. Письмо, найденное по кончинѣ Надворнаго Совѣтника Артамона Взяткина.—Сочинненіе фонъ-Визина. Москва, въ типографіи князя Львова, 1832 г. — Въ 16 д. л., 23 стр.

Письмо Надворнаго Совѣтника Взяткина, сочиненіе фонъ-Визина, отпечатано было въ Москвѣ въ 16 д. л., 23 стр.—Книжечка эта въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость и слѣдовательно для большинства любителей недоступна, между тѣмъ въ ней помѣщено весьма любопытное сочиненіе по своему курьезному содержанію, почему я считаю не лишнимъ привести его здѣсь дословно, съ полнымъ сохраненіемъ правописанія подлинника.

Письмо, найденное по кончинѣ надворнаго совѣтника Артамона Взяткина.

Москва, 1777 года.

Милостивый государь и второй отецъ!

Съ крайнимъ сердца нашего обрадованіемъ, чему свидѣтель Господь сердцевѣдецъ, услышалъ я съ женою моею Улитою и съ дѣтьми нашими обоего пола, что Ваше Превосходительство, такъ сказать, изъ ничего, по единой Божеской благости, слѣпымъ случаемъ произведены въ большими чинъ и посажены знатнымъ судьею, весьма въ непродолжительное время и безъ всякихъ трудовъ, по единой милости Создателя, изъ ничего всю вселенную создавшаго. Къ стопамъ Вашего Превосходительства упадая, просимъ рабски не оставить насъ по дѣламъ нашимъ, которымъ и реэстрецъ маленькій вкратцѣ приложить возымѣлъ я дерзость, а при немъ прилагая вамъ, государю и отцу, сторублевую ассигнацію на первый случай, зная изъ древле благочестивую душу Вашего Превосходительства, предъ которою всяко даяніе благо и всякъ даръ совершенъ. Да и по истинѣ, милостивый государь и отецъ, жизнь наша краткая не довлѣетъ пренебрегать такіе благознаменитые случаи, въ которые Ваше Превосходительство можете пріобрѣсть стяжанія въ роды родовъ. Теперь то прошло время благополучія нашего: истцы и отвѣтчики, правые и виноватые, богатые и убогіи—всѣ въ руцѣ Вашего Превосходительства, Что же касается до казны, то по моему глупому разуму нѣсть грѣха и до нее отъ времени до времени прикасаться: ибо не Ваше Превосходительство, такъ другой, а казна никогда отъ рожденія въ цѣлости не бывала, да и быть едва-ли можетъ, да и видно таковъ положенъ ей предѣлъ, его-же не прейдешь. При толикихъ удобныхъ благополучіяхъ да не буду и я отриновененъ отъ благодати Вашего Превосходительства; и не возможно-ли, милостивый государь и второй отецъ, перетащить меня изъ Москвы въ С.-Петербургъ, хотя

тѣмъ же чиномъ для прислугъ Вашего Превосходительства; а когда соизволите усмотрѣть приращеніе интересовъ вашихъ моими усердными и безпорочными трудами въ пріисканіи извѣстныхъ случаевъ ради помянутаго приращенія, то и о произведеніи меня чиномъ отеческое попеченіе возъимѣете. Да еще-жъ прошу васъ, государя и отца, о сынѣ моемъ Митюшкѣ, ежели возможно взять его къ себѣ хотя въ копіисты, а его Господь наградить благоволилъ, что онъ къ приказнымъ дѣламъ весьма сроденъ, и уже подъ моимъ смотрѣніемъ сочинилъ совсѣмъ новаго роду сводное уложеніе, пріискавъ на каждое дѣло по два указа, изъ коихъ по одному отдать, а по другому отнять ту-же самую вещь неоспоримо повелѣвается, такъ я и думаю, что изъ него прокъ будетъ, и онъ удостоится отеческой вашей милости, на что и ожидаю вашего указа. Истинно, милостивый государь и отецъ! теперь ваше, а по васъ и наше время настало; а на первый случай хотя народу и тяжело будетъ, да когда въ производствахъ своихъ благоволите ссылаться на законы, къ чему и убогіе Митюшкины труды могутъ пригодиться, то по неволѣ замолчатъ наши недоброхоты. Государь и отецъ! разсудите сами по чистой совѣсти: буде челобитчикъ и отвѣтчикъ ищутъ своей пользы въ законахъ, то для чего-же судьѣ не искать своей пользы въ тѣхъ-же законахъ? Отъ таковой выключки оборони насъ Всевышній, а я по конецъ жизни вѣчно и по гробъ мой до послѣдняго вздыханія пребываю,

Вашего Превосходительства,
Милостиваго государя и отца,
всепокорнѣйшій слуга и рабъ
Артамонъ Взяткинъ, къ стопамъ подвергаюсь.

Краткій реэстръ для напоминанія всеуниженнѣйшей просьбы Надворнаго Совѣтника Взяткина, съ означеніемъ цѣнъ, клятвенно обѣщаемыхъ Его Превосходительству за милостивую протекцію и покровительство.

1. Имѣется межевое дѣло бывшаго Воеводскаго товарища Антропа Шильникова, съ разными беззаступными помѣщиками. Вмѣсто потребныхъ документовъ, коихъ реченный Шильниковъ нигдѣ отыскать не можетъ, да заступитъ едино предстательство Вашего Превосходительства за 500 руб.

2. Асессоръ Воровъ ищетъ мѣсто въ дальнихъ намѣстничествахъ, дабы слухъ о производствахъ его не достигалъ никогда до столицы. Человѣкъ онъ кроткій и славы не любитъ. Чрезъ полгода по прибытіи въ его мѣсто, не преминетъ онъ Вашему Превосходительству повергнуть чрезъ меня 500 руб. Потомъ ежегодно, пока продлитъ Богъ вѣка Вашему Превосходительству, по 1000 руб.

3. Вдова штабъ-офицерша Бѣднякова, имѣющая вексельное дѣло съ купцомъ Плутягинымъ, потащились въ С.-Петербургъ искать правосудія. Не возможно-ль государь и отецъ, удостоить отеческимъ покровительствомъ реченнаго Плутягина, и не допуская до поданія челобитной, подъ какимъ ни есть предлогомъ, выгнать изъ столицы реченную вдову Бѣднякову. За такое человѣколюбивое благодѣяніе, которое въ настоящемъ случайномъ благополучіи Ваше Превосходительство всего удобнѣе показать можете, реченный купецъ подноситъ 500 руб.

4. Совѣтникъ Криводушинъ, находящійся въ извѣстномъ намѣстничествѣ, проситъ сильнаго рекомендательнаго письма Вашего Превосходительства, дабы онъ употребленъ былъ при рекрутскихъ наборахъ, а если, какъ надѣяться должно, будетъ онъ удостоенъ сей весьма важной для поправленія дѣлъ его коммиссіи, то въ каждый таковый благополучный и вожделѣнный годъ Ваше Превосходительство навѣрное благоволите считать отъ него 1500 рублей.

5. Находящійся при таможенныхъ сборахъ ассесоръ Простофилинъ, котораго за весьма малое до казны прикосновеніе бросили отъ мѣста, припадаетъ къ стопамъ Вашего Превосходительства и проситъ, изъ единаго человѣколюбія, приложить милосердое попеченіе объ опредѣленіи его къ новому мѣсту, съ клятвеннымъ обѣщаніемъ, что онъ такъ мало до казны никогда не прикоснется, и поставить себя въ состояніе въ непродолжительномъ времени достойно и праведно возблагодарить Ваше Превосходительство.

Наконецъ осмѣливаюсь упомянуть Вашему Превосходительству о моемъ страдальческомъ положеніи. До сихъ поръ въ здѣшнемъ Правительствѣ не рѣшено еще извѣстное дѣло мое о безчестьи и увѣчьи по поводу данной мнѣ всенижайшему сильной пощечины отъ его высокоблагородія г. маіора Неспускалова. Помилуйте, государь и отецъ, не оставьте меня сильною рекомендаціею

къ здѣшнему начальству, и испросите высокаго его покровительства въ скорѣйшемъ мнѣ полученіи опредѣленнаго по законамъ безчестья и увѣчья, какъ за сію уже данную мнѣ пощечину, такъ генерально и за всѣ могущія впредь со мной воспослѣдовать, дабы не при всякой новой оплеухѣ утруждать Ваше Превосходительство вновь о милостивомъ заступленіи.

ОТВѢТЪ.

Государь мой Артамонъ Власьевичъ!

Много благодарствую за пріятельское ваше писаніе, съ приложеніемъ извѣстной бумажки и реэстра, по которому я учинилъ слѣдуюшее распоряженіе:

На 1. Шильниково дѣло я давно знаю. Если-бъ онъ попался къ другому, то-бы конечно обвиненъ былъ, но какъ я крѣпостныхъ документовъ никогда ни отъ кого не спрашиваю, а рѣшу и заступаю по другимъ документамъ, каковыхъ соперникъ его не представляетъ мнѣ ни одного, а Шильниковъ пять сотъ; то сей послѣдній можетъ быть увѣренъ, что всѣ законы возопіютъ противъ его соперника. Но не забудь, мой пріятель, растолковать ему, что обѣщаемые пять сотъ документовъ мнѣ не послужатъ ни мало къ убѣжденію секретаря. Для него потребна по крайней мѣрѣ новая сотня документовъ. Онъ человѣкъ совѣсти весьма деликатной, и за бездѣлицу души не покривитъ.

На 2. Воровъ мнѣ самому былъ пріятелемъ съ ребячества. Прилагаю объ немъ рекомендательное письмецо, въ твердомъ упованіи, что онъ свой разсчетъ сдѣлалъ и обѣщаемое мнѣ вѣрно доставлять станетъ. А ты, мой пріятель, увѣрь его, чтобы онъ никакихъ жалобъ не опасался: ибо пока я бояринъ, онъ Воровъ и вся его родня будутъ вести житіе благоденственное.

На 3. О Бѣдняковой далъ я сегодня же приказъ моему канцеляристу, чтобъ онъ при въѣздѣ ея въ городъ, закричалъ на нее караулъ! въ Ямской, подъ предлогомъ яко-бы нѣкоего тяжебнаго дѣла, слѣдственно она будетъ проведена прямо въ Государеву квартиру. А какъ, по новости ея въ городѣ, она порукъ по себѣ не найдетъ, да и я не допущу, то можетъ она сидѣть въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока не согласится, не заѣзжая никуда, отправиться во свояси. Будь увѣренъ, мой пріятель, что пока я бояринъ, до тѣхъ поръ для всѣхъ Бѣдняковыхъ Петербургъ будетъ тюрьма, а тюрьма Петербургъ.

На 4. Рекомендательное письмо къ NN объ употребленіи совѣтника Криводушина къ рекрутскимъ наборамъ охотно при семъ прилагаю; а притомъ прошу внушить ему, яко бы отъ себя, чтобъ онъ не сильно налегалъ на помѣщичьихъ, а прижималъ-бы плотнѣе тѣхъ, за которыхъ некому вступиться. Сего послѣдняго правила держусь я и самъ въ знатномъ моемъ состояніи, кольми паче маленькой человѣкъ наблюдать оное долженъ.

На 5. Ассесоръ Простофилинъ самъ виноватъ, для чего потерялъ мѣсто. Я его за простоту любилъ, и, какъ теперь помню, наканунѣ допроса, учиненнаго ему о казенной кражѣ, призывалъ его къ себѣ, и сколько разъ, увѣщевая дружески, говорилъ ему: «ай! отопрись, отопрись!» — Нѣтъ, сударь, таки признался, повинился, вотъ за то и топчи теперь площадь. Скажи ему однако, что я объ немъ постараюся; но, что если онъ еще разъ украдетъ мало, то навсегда отъ него отступлюсь.

При семъ же прилагаю рекомендательное письмецо по поводу данной тебѣ, пріятелю моему, пощечины. Будучи въ малыхъ чинахъ, я и самъ пользовался безумною горячностію челобитчиковъ, и съ такимъ успѣхомъ, что по истинѣ цѣлой годовой окладъ мой выбиралъ иногда на однѣхъ' оплеухахъ Но съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался бояриномъ, сія вѣтвь моихъ доходовъ совершенно истребилась. Когда я, будучи въ малыхъ чинахъ, обращался съ мелкимъ дворянствомъ, бывало за всякую бездѣлицу: выдеру-ль листъ изъ дѣла; почищу-ль да приправлю, того и смотри, что обиженный мною, безъ дальнихъ извиненій, шлепъ меня по рожѣ. Но въ настоящемъ положеніи, что ни творю, никто не дерзаетъ меня въ очи избранить, не только заушить. Истинно, мой достойный пріятель, жалко видѣть, какъ въ большомъ свѣтѣ души мелки и робки!

Учиня тебѣ, мой государь и нелицемѣрный пріятель, отвѣтъ на твое дружеское писаніе, прилагаю при семъ вкратцѣ тебѣ наставленіе, или краткую инструкцію, какія въ настоящемъ моемъ положеніи потребны мнѣ твои пріятельскія услуги:

1. Въ откровенности тебѣ скажу, моему государю, что здѣсь слово откупъ въ крайнемъ презрѣніи и поношеніи, и называется монополія. Мое мнѣніе то, чтобы сего слова никогда не употреблять; а все откупать, что возможно; ибо иногда одну вещь подъ разними именами не распознаютъ вовсе. Я положилъ откупъ называть законтрактованіемъ, и прошу тебя пріискать въ Москвѣ изъ старыхъ откупщиковъ къ новому законтрактованію, какихъ вещей они сами пожелаютъ, лишь-бы меня самого взяли въ половину, дабы я имѣлъ причину дать имъ надлежащую протекцію и покровительство.

1457. Письмо стихотворца къ пріятелю изъ Парижа, въ 1743 году, марта 30 дня.— Безъ означенія года и мѣста печати.— Въ 8 д. л., 2 стр.

Письмо это издано княземъ Антіохомъ Кантемиромъ въ 1789. г., особою брошюркою въ 8 д. л., всего 2 стр. Брошюрка отпечатана въ Санктпетербургѣ и въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость; въ опытѣ россійской библіографіи или полномъ словарѣ сочиненій и переводовъ Василія Сопикова—не значится, также какъ и у Геннади.

1458. Письмо женѣ отъ мужа, идущаго на приступъ къ городу Очакову; въ декабрѣ мѣсяцѣ 1788 года. Во градѣ Святаго Петра. Печатано у Шнора, 1799 года.—4 д. л., 14 стр.

«Подлиное письмо было написано наканунѣ Очаковскаго штурма (5-го числа декабря 1788 г. въ 11 часовъ вечера) артиллеріи маіоромъ К. И. М., который исполнивъ свою должность съ ревностью и усердіемъ, получилъ двѣ сквозныя раны въономъ городѣ и положилъ тамъ жизнь свою за отечество на 28-мъ году отъ своего рожденія. Мысли и главныя черты сочиненія въ стихахъ почерпнуты изъ онаго подлиннаго письма господиномъ А. Бухарскимъ, котораго стихи переложены на французскій языкъ Ѳ. Каржавинымъ для иностранныхъ любителей россійскаго слога».

Книжка эта, въ переводѣ на французскій Ѳ. Каржавина, составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость, почему для большинства любителей недоступна, между тѣмъ по содержанію своему она очень любопытна. Въ виду чего, я считаю не лишнимъ привести ее здѣсъ полностію съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника.

Купленъ мною экземпляръ превосходно сохранившійся за 10 рублей.

Пол-сердца моего! дражайшая супруга!
любовницу въ комъ зрѣлъ и вѣрнаго я друга,
на смерть грозящую опредѣливъ себя,
не узрю, можетъ быть, во вѣки я тебя!—
во вѣки!—что я рекъ?—ужасное мечтанье!
мнѣ смерти самыя лютяй твое терзанье;
то слово лишь одно мой разумъ весь мутитъ,
и твердости души преграду становитъ;
то слово лишь мои всѣ мысли омрачаетъ
и въ будущемъ одинъ мнѣ ужасъ представляетъ.
Когда къ нещастіямъ мы въ свѣтъ сотворены,
по что намъ мыслити способности даны?
по что мы мукъ не зря, за ранѣе страдаемъ,
и много разъ еще до смерти умираемъ?
о вображеніе, даръ щедраго Творца!
ставъ нынѣ моего предвѣстникомъ конца,
преобратилось въ адъ ты для меня смертельной
и мукою меня снѣдая безпредѣльной,

Moitié de mon coeur, épouse très chérie, en qui je trouvai toujours une amante et une amie fidelles! résolu d'affronter la mort qui me menace, je ne Te reverrai, peut-être, plus jamais! — jamais? — qu'ai-je dit? — o terrible Idée! le tourment que tu me causes est affreux, la mort me seroit plus douce: ce mot, ce mot seul repand le trouble dans mon esprit et met une barriere à la fermeté de mon ame; ce mot seul a couvert mes pensées de ténebres, en ne me fesant entrevoir qu'horreur dans l'avenir. Si nous ne venons en ce monde que pour y être malheureux, pourquoi donc la faculté de penser nous est-elle donnée? pourquoi, sans voir de tourments, sommes-nous d'avance tourmentés? pourquoi souffrons-nous mille morts, avant que la Mort vienne nous moissonner? o Imagination, riche

не вѣрно что еще, то вѣрнымъ кажешь мнѣ,
твердя что Смерть всегда сопутствуетъ войнѣ.

Такъ я иду на смерть!—идя на стѣны града,
о мыслей рай моихъ, души моей отрада.
всѣхъ склонностей моихъ единственной предметъ,
для коей мнѣ одной сей скорбный дорогъ свѣтъ;
толикожъ какъ тебѣ, отечеству бывъ вѣренъ,
къ обоимъ въ сердцѣ вамъ храня жаръ равномѣренъ,
какъ Воинъ, должность я стремлюсь свершить свою;
какъ Мужъ, я о тебѣ предъ смертью слезы лью.
иду разить враговъ о жизни не радѣя,
почтеннаго вождемъ Родителя имѣя,
соотчичей я зрю и братій вкругъ себя;
блаженъ, передъ смертьюбъ коль взглянулъ и на тебя!

О Боже! съ выспреннихъ вонми мое моленье;
продли еще—продли Ты дней моихъ теченье;
висящій надо мной ударъ Ты отврати;
межъ множества громовъ свой щитъ мнѣ низпусти;
да въ брани осѣненъ имъ буду я безвреденъ.—
Ты знаешь, мнѣ не льститъ вѣкъ смертенъ сей и бѣденъ;
Ты знаешь, къ жизни чѣмъ привязанъ столько я.
Супруга, чада! вотъ, вотъ жизнь моя.
коль персты смерти злой ко мнѣ не прикоснутся,
но я спасуся тѣмъ, они тогда спасутся.
обычну щедрость Ты свою на нихъ прославь!
корысти брань лиши, падущаго воставь!

don du Créateur! aujourd'hui que tu m'annonces la fin de ma destinée, tu deviens pour moi le plus mortel des poisons; et pour mettre le comble aux souffrances infinies que j'endure, ce qui n'est pas encore sur, tu me le montres comme certain en me répétant sans cesse que la Mort marche toujours à la suite des combats.

Ainsi je vais à la mort,—allant sur les murs d'Otchacove! o Paradis de mes pensées o Délices de mon ame! o Toi l'unique objet de tous mes penchants! o Toi pour la quelle seule cette triste vie m'est encore chere! autant fidelle à ma Patrie que je l'ai été à mon épouse, et conservant dans mon coeur une ardeur égale pour toutes les deux; comme Guerrier, je cours remplir l'étendue de mes obligations; comme Epoux, je repands sur to des larmes avant-courrieres de mon trépas. Je vole exterminer l'ennemi, ma vie ne m'inquiéte plus; j'ai pour guide le respectable auteur de mes jours *), mes compatriotes m'accompagnent, mes freres **) marchent à mes côtés.—Heureux, si, avant le coup mortel, je pouvois aussi jeter un dernier regard sur une épouse qui fit mon bonheur:

«Dieu! du haut du ciel éxauces mon humble priere! prolonges de quelques années, prolonges encore mes jours! détournes de dessus ma tête le coup qui la menace! au milieu des tonnerres, couvres moi de Ton bouclier! fais qu'à son abri j'évite au combat le trait meurtrier! Tu le sais, le triste sejour de la terre n'a point d'attraits pour moi: Tu sais ce qui m'attache tant à la vie de ce monde: une épouse, des enfants! voila, grand Dieu! toute mon existence. Si la mort n'ose appesantir sa main cruelle sur moi, ce sont eux, eux seuls, que Ton bras aura sauvés. Répands sur cette Famille tes largesses, ordinaires, prives la Mort de sa proie, et d'une main secourable raffermis mes pas mal assurés».

---

*) Le Baron I. I. M. Z. Gén. d'Art. Chev. des Ordres de St. André, de St. Aléxandre-Névski. de St. George, de St. Vladimire et de Ste. Anne.

**) Le Baron P. I. M. Z. Chev. de l'Ordre Milit. de St. George, Lieutenant-Colonel d'Artill. le Baron Yégore I. M. Z. Capit. d'Art ll. et Mr. D. P. R. Capit. d'Artillerie.

Коль лютое я днесь мученье ощущаю!—
душа души моей! Тебя я оставляю!
Тебя?—увы!—но ктожъ толико-бъ силенъ былъ
чтобъ насъ, одну въ другомъ, живущихъ разлучилъ?
ктобъ нашему конца союзу сталъ содѣтель?
любовь его сплела, скрѣпила добродѣтель.—
на всяко щастіе препона въ свѣтѣ есть.—
возвышенныхъ сердецъ мучительница Честь,
Долгъ съ нудящей рукой и голосомъ суровымъ,
и слава льстящая вѣнцемъ уму лавровымъ,
изъ нѣдръ отечества насъ внѣ его влекутъ,
изъ нѣжныхъ рукъ жены, отъ слабыхъ дѣтищь рвутъ,
велятъ себѣ платить несносны сердцу дани,
чувствительныхъ зовутъ на поле страшной брани,
застявятъ, прежде чѣмъ враговъ тамъ поражать,
труднѣйшу надъ собой побѣду одержать—
но мнѣ-ль исправить то?—на что я восклицаю?—
Тебя, о Ангелъ мой? Тебя лишь оставляю!
Тебя, блаженство что творила мнѣ одна;
Тебя, я коей самъ былъ къ щастію вина,
которая въ любви ко мнѣ границъ не знала,
и страстью сей себѣ все въ свѣтѣ замѣняла:
оканчивая днесь я вѣкъ нещастный свой,
лишь бѣдность за любовь даю Тебѣ цѣной;
и, вяще чтобъ была пронзаема скорбями,
покинута съ двумя Ты мною сиротами.

Когда свершится мой плачевный нынѣ рокъ,
на брани коль моей польется крови токъ,
то самою Тебя сей заклинаю кровью,
взаимной вѣрностью, взаимною любовью,
да утѣшаешься колико льзя Тебѣ,
возвергнувши печаль на Бога въ сей судьбѣ;
Онъ праведенъ и благъ, глубинъ сердечныхъ зритель;
мнѣ Вѣра въ томъ зологъ что Онъ нашъ покровитель.
За кровь мою воздавъ струями слезъ Ты дань,
восплачь о мнѣ!—по томъ, утѣшься и престань!
покоемъ Ты своимъ мнѣ дашь покой во гробѣ,
и не клени въ земной лежащаго утробѣ.

Quel cruel moment pour moi! quels tourments inouïs! chere ame de mon ame! c'est Toi que j'abandonne! Toi?—helas!—mais qui donc auroit assez de force pour nous séparer, pour nous empêcher de vivre l'un dans l'autre, pour rompre les noeuds qui nous ont unis? noeuds, que l'Amour a formés, que la Vertu a resserrés! mais dans, la vie de ce monde, est-il quelque félicité qui n'ait des traverses?—l'Honneur, ce tiran des coeurs généreux; le Devoir au bras menaçant et à la voix impérieuse; la Gloire qui sait flatter l'esprit par l'attente d'une couronne de lauriers; voilà ce qui nous éloigne du sein de la Patrie, voilá ce qui nous arrache aux caresses de nos tendres épouses et aux embrassements de nos foibles enfants; ce qui nous extorque un tribut trop fort pour notre coeur; ce qui appelle notre sensibilité aux champs ensanglantés de Mars, et, avant que d'y songer à terrasser l'ennemi, nous force à remporter sur nous-mêmes une victoire bien plus pénible.—Mais est-co à Toi à y remédier?—pourquoi m'écrié-je tant?—c'est Toi, o mon Ange! c'est Toi que j'abandonne! Toi, qui fesois seule mon unique bonheur! Toi, qui trouvois en moi une source de félicité! Toi, qui ne connus jamais de bornes à ton amour pour moi! Toi enfin, qui sacrifias tout dans ce monde à cette loyale passion!—malheureux époux! o comble d'infortune! dès ce moment qu'on va trancher le fil de mes jours, je ne te donne que l'indigence pour prix de ton amour! et pour que ton coeur soit plus navré de douleur, je te laisse deux orphelins *) pour surcroît de malheurs.

Dés l'instant qui aura terminé ma triste destinée, dès le moment que mon sang coulera sur les murs de la ville; ce même sang, chere Epouse!—cette fidélité réciproque,—cet amour mutuel que nous avons l'un pour l'autre;—voilà des termes sacrés:—par eux, je te conjure de te consoler autant que tu le pourras; rejetes sur notre Dieu le poids de ton affliction; il est juste, il est miséricordieux, il connoit le fond des coeurs: j'ai pour

*) Un fils Iv. C. et une fille A. C.

коль думы мрачныя придутъ Тебя смущать,
мужайся! не давай собой имъ обладать;
воспомни, что хотя имѣешь мужа мертва,
но сдѣлана Тобой отечеству въ немъ жертва.
любовью онъ къ Тебѣ себя не постыдилъ,
Супругъ онъ у жены, на брани Воинъ былъ:
Лавръ, коего своей онъ смертію достоенъ,
второй его душѣ, Тебѣ тотъ лавръ присвоенъ.
Да будетъ щастіе наслѣдіе Твое!
вѣрь! часъ, въ который я пишу Тебѣ сіе,
болѣзненъ столько мнѣ, столь душу раздираетъ,
что равныхъ ощутить супругъ Твой мукъ не чаетъ,
хоть множество его покроетъ тѣло ранъ,
хотя полу-живой подъ мертвыми попранъ,
онъ будетъ испускать духъ по частямъ малѣйшимъ
чтобъ долѣ жертвой быть страденіямъ лютѣйшимъ.

garant la Religion qu'il sera notre Protecteur. Mon sang mérite tes pleurs, Tu lui dois ce tribut; repands un torrent de larmes!—puis consoles Toi, et cesses de pleurer!—plus Tu seras tranquille, mieux je reposerai dans ma fosse:—n'inquiétes plus, ma chere ame! la cendre froide de Ton époux quand une fois la terre l'aura reçue dans son sein.—Si par fois de tristes pensées viennent affliger son esprit, prens courage et ne leur donnes point de prise sur tes idées. Rappeles-Toi que si Ton époux n'est plus au nombre des vivants, c'est un sacrifice que tu en as dû faire à Ta Patrie. Autant quil T'a aimée, autant sa gloire lui fut à coeur; près de l'èpouse il fut Epoux, à la guerre ce fut un Guerrier. La Palme, dont il s'est rendu digne en mourant pour sa Patrie, c'est à son autre ame, c'est à Toi qu'elle appartient. Que le bonheur T'accompagne, qu'il soit Ton héritage! croismoi, le temps que j'emploie à T'écrire mes adieux, me cause tant d'angoisses, déchire tellement mon ame,—que je ne compte pas souffrir des maux aussi cruels, quand mon corps tout entier seroit coùvert de blessures, ou que même demi-vivant enseveli sous un tas de cadavres, j'exhalerois mes derniers soupirs les uns après les autres, pour être plus long temps en proie aux douleurs les plus cuisantes de l'agonie.

Вручаю я Тебя Родителю въ покровъ.
за утро будетъ день—обильный Аду ловъ!—
день Смерти торжества, и ужаса Природы;—
день кой, въ протекшіе щастливые намъ годы,
въ веселяхъ я съ Тобой невинныхъ провождалъ,
и мнилось къ тьмѣ отрадъ своихъ не доставалъ;
въ сраженьи препровесть сей день я долженъ буду!
гдѣ человѣчество,—и самъ себя забуду!—
представь, мученіе какое претерплю,
какъ ноги обагривъ на трупы наступлю;
изъ агнца какъ себя преобращу въ убійцу,
и кровожаждущу взмахну свою десницу;
хотя и на врага отеческой странѣ,
но на подобнаго со-человѣка мнѣ!
когда въ сгустившемся мнѣ облакѣ отъ дыма
жерлъ мѣдныхъ молнія едина будетъ зрима;
когда орудія геенски возревутъ;

Je Te recommande à mon Pere, et Te remets entre ses mains. Demain ce sera un jour—de grande aubaine pour l'Enfer!—jour de triomphe pour la Mort, — jour d'éffroi pour la Nature!—ce jour, au temps passé de nos heureuses années, je goutois avec Toi des plaisirs innocents, croiant que mon coeur enivré de joie ne pourroit jamais suffire à tant de contentement; (*)—ce même jour, je dois le passer au combat, où j'oublierai l'humanité,--je m'oublierai moi-même!—Représentes-toi quel sera l'excès de mon tourment, quand il me faudra d'un pied ensanglanté fouler des cadavres; quand d'un agneau me

*) 6. Déc. jour de St. Nicolas; fête de Mr. N. P. R. beau-frere du Major.

какъ врагъ съ врагомъ сомкнясь другъ на друга падутъ;
кровавы какъ мечи звуча съ двухъ странъ возблещутъ;
какъ узрю что главы, шарамъ подобно, мещутъ;
отъ мыслей лишь о томъ мой духъ оледенѣлъ!—

transformant en loup carnassier, je terasserai d'un bras meurtrier—l'ennemi de mon païs natal?—oui:—mais un homme aussi—un autre moi-même! —quand au travers des tourbillons d'une épaisse fumée, l'on ne verra que des éclairs sortant des bouches d'airain; quand l'air retentira des mugissemens des machines infernales; quand l'ennemi fonçant sur l'ennemi, tous les deux morderont la poussiere; quand le cliquetis des armes frappera mes oreilles et que mes yeux ne verront des deux côtés que des glaives teints de sang; en un mot quand je verrai les têtes rouler comme des boules aux pieds des remparts!—rien que d'y songer, mon coeur est tout glacé!

Но естьли ужъ таковъ Всевышняго предѣлъ,
благословенье пусть, даемое съ слезами,
пребудетъ до конца съ моими сиротами,
которы отъ того всю будутъ жизнь страдать,
что нѣжнаго Отца имъ жребій не далъ знать.
Когдаже симъ они горѣть желаньемъ станутъ,
на Матерь пусть свою ихъ любящую взглянутъ;
обрящутъ въ ней меня;—души Ея на днѣ
по смерти твердое жилище будетъ мнѣ;
и въ дѣйствахъ будутъ всѣхъ коль Ей соображаться,
достойны тѣмъ они дѣтьми того назваться
кто жизнь, жену и ихъ для отчества забылъ:
блеснутъ въ нихъ тѣмъ черты того кто ихъ родилъ,
и родъ нашъ черезъ нихъ не будетъ въ посрамленье,
кой ревностью снискалъ всеобще уваженье.

Цѣлую ихъ съ тобой, душа души моей!
и вѣрность кровью ту печатаю своей
котору соблюду къ Тебѣ я и по смерти.
Когда пріидетъ рокъ дверь гроба мнѣ отперти,
изъ бренна тѣла духъ какъ будетъ излетать,
разлука лишь съ тобой начнетъ меня терзать.
Я твердъ противу мукъ, мнѣ гибель не ужасна,
мысль та лишь поразитъ увы! меня нещастна,
что ужъ не возмогу Тебя увѣрить я,
о Мужа твоего вся жизнь была твоя.

Mais si déjà le très Haut a tranché ma destinée, que ma benédiction donnée les larmes aux yeux, repose à jamais sur mes pauvres orphelins: ils auront à souffrir toute leur vie de ce que le sort ne leur a pas permis de connoître un pere qui les chérit: mais dès que ce noble désir viendra à embraser leur ame, qu'ils jetent alors la vue sur une mere pleine de tendresse, ils me retrouveront en elle;—c'est au fond de son ame, qu'au sortir de cette vie, je fixerai mon quartier. Si dans toutes leurs actions ils veulent imiter leur mere, je les dis d'avançe dignes d'avoir eu pour pere un homme

1459. Письмо министру народнаго просвѣщенія графу Толстому отъ князя А. Васильчикова. Берлинъ, Типографія П. Станкевича. 1875 года.—Въ 8 д. л. 49 стр.

Брошюра эта посвящена, главнымъ образомъ, вопросамъ о народномъ образованіи и воспитаніи дѣтей, и потому изданіе это имѣетъ весьма важное значеніе для нашей отечественной педагогіи.

Купленъ мною экземпляръ, превосходно сохранившійся, за 3 рубля.

1460. Письмо къ поляку о патріотизмѣ. Графа Л. Н. Толстого. Берлинъ. Типографія Розенталя и Кº. 1896 года.—Въ 12 д. л. 16 стр.

Это единственное, авторомъ разрѣшенное изданіе, напечатано было въ Берлинѣ у Августа Дейбнера.

1461. Письмо къ одному лицу въ С.-Петербургѣ, по поводу появленія тамъ новаго учителя вѣры.—С.-Петербургъ, въ Синодальной типографіи, 1881 г.—Въ 8 д л., 109 стр.

Въ этой книгѣ помѣщены четыре письма, содержащія въ себѣ опроверженія толкованій и разсужденій о христіанскомъ ученіи сектанта Пашкова.

Названная брошюра по сектантскому направленію и другимъ недостаткамъ, была запрещена Святѣйшимъ Сvнодомъ и теперь рѣдка.

1462. Письмо о заграничномъ путешествіи Его Императорскаго Высочества Государя великаго князя Владиміра Александровича. С.-Петербургъ, 1871 года, въ печатнѣ В. И. Головина,—Въ 12 д. л., 98 стр.

Это весьма изящно изданная книжечка въ продажу не поступала. Описаніе поѣздки начинается съ Дрездена, въ который Его Высочество прибылъ 19 іюня и, кончая Брюсселемъ, изъ котораго выѣхалъ 15-го іюля.

Въ концѣ книжки подпись автора, А. Половцова, который сопутствовалъ Его Высочеству въ его поѣздку по Германіи и Бельгіи, продолжавшуюся около мѣсяца.

См. у Геннади—«Книжныя рѣдкости» за № 216.

1463. Письмо похвальное пуншу къ Г. И., писанное отъ пріятеля его, въ стихахъ. Сочиненіе Икосова. Санктпетербургъ, 1789 года.—Въ 8 д. л., 15 стр.

Сочиненіе Икосова, въ стихахъ, весьма любопытно по своему содержанію, и въ настоящее время брошюрка эта рѣдка.

1464. Письмо о совѣсти. Изъ сочиненій Рязанскаго дворянина М. Д.—Издалъ артиллеріи капитанъ Иванъ Даниловъ.—Москва, въ типографіи Платонова Бекетова. 1804 года.—Въ 32 д. л., 21 стр.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры этого изданія, довольно рѣдки.

Купленъ мною экземпляръ за 2 рубля.

1465. Планы и подробности монумента, воздвигнутаго въ память Императора Александра Перваго. Изданіе посвящено Императору Николаю Первому Монфераномъ, главнымъ архитекторомъ этого памятника. Напечатано въ Парижѣ, въ 1836 году, на французскомъ языкѣ, въ большой листъ.

Это роскошное и замѣчательное изданіе составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость. Въ немъ подробное описаніе Александровской колонны, воздвигнутой на площади, противъ Зимняго дворца. Въ концѣ книги слѣдуютъ планы и виды, относящіеся къ этому монументу литографированные на 48 листахъ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры этого изданія въ Россіи чрезвычайно рѣдки.

1466. Планы и фасады театра и маскараднаго зала въ Москвѣ, построенныхъ содержателемъ публичныхъ увеселеній англичаниномъ Михаиломъ Маддоксомъ.—Москва, въ университетской типографіи, 1797 г., въ листъ, 5 нен стр. (посвященіе и изъясненіе плановъ, коихъ 12).

Объ этой рѣдкой книжкѣ указано въ каталогѣ библіотеки Морского министерства, С.-Петербургъ.

1862 года, стр. 127 и у Геннади—«Книжныя рѣдкости»,—№ 87.

1467. Планы С.-Петербурга въ 1700, 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1799, 1840 и 1849 годахъ, съ приложеніемъ плановъ 13 частей столицы, изданные въ 1853 году въ воспоминаніе перваго основанія С.-Петербурга 16 мая 1703 года, и совершившагося полутора столѣтія существованія города. Составлены Н. Цыловымъ. С.-Петербургъ. 1853 года.—Въ 4 д. л.

Книга съ семью литографированными рисунками: 1. Императоръ Петръ Великій; 2. Императоръ Николай I. 3. Домикъ на Петербургской сторонѣ Императора Петра Великаго (въ первоначальномъ видѣ), 4. Памятникъ Императору Петру Первому (Екатерины Второй). 5. Соборъ св. Исаакія Далматскаго. 6. Александру 1-му благодарная Россія. 7. Николаевскій мостъ.

Изданіе довольно рѣдкое.

Купленъ мною экземпляръ за 5 рублей.

1468. Плачевное книгамъ цѣлованіе, Стефана Яворскаго (1721 г.). Въ Сѣверной Пчелѣ 1846 г., № 148. (Изъ Рязанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей).

Въ «Русской Библіографіи» г. Геннади—стр. 156-я, сказано, что:—«Это прощаніе съ книгами, писанное латинскими стихами, С. Яворскимъ за годъ до его смерти.—Оно напечатано было въ книгѣ: Miscelanea sacra Fheophani Procopovicz (Бреславль, 1745) и въ краткой исторіи построенія Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря, (М. 1815), съ переводомъ на русскій языкъ и съ завѣщаніемъ Ст. Яворскаго.

1469. Плачъ Сербіи, ея же сыны въ различныя государства разсѣяны. Въ 8 д. л. (Безъ означенія года и мѣста печати).

Это изданіе, въ хорошо сохранившихся экземплярахъ, очень рѣдко.

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, за № 822.

1470. Плоды меланхоліи, питательные для чувствительнаго сердца.—Москва, въ университетской типографіи, у Ридигера Кладудія, 1796 года. 2 части, въ 8 д. л. Часть 1-я 103, часть 2-я 141 стр.

Это изданіе въ настоящее время рѣдко встрѣчаемое въ продажѣ.—Книга рѣдка.—Для любопытныхъ прилагается изображеніе разлуки:—«Стеклися сродники и други, зачѣмъ?

Куда въ печальный домъ, зрѣть смерть любезной мнѣ супруги
Стеклись и стали всѣ кругомъ.
Въ срединѣ одръ стоитъ злосчастный,
Я близь болящія сижу,
Всѣ ждутъ кончины сжечасно,
Я на любезную гляжу,
Гляжу и живо сознаваю
Потерю цѣну моея;
Гляжу и явно примѣчаю,
Чего чего лишаюсь я.
Румянецъ смертный разыгрался
По полумертвому лицу,
Что вздохъ—духъ милый вырывался
Изъ тѣла къ вѣчному отцу,
Что взглядъ—и вдругъ закроетъ очи
Души моей драгой».

Хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся отъ 3 до 5 рублей.

1471. Плутарховы избранныя жизнеописанія славныхъ мужей, съ гравированными ихъ портретами. Переводъ съ греческаго подлинника. Спбургъ, въ типографіи Императорскаго театра, 1813 г, въ 2-хъ томахъ.—Въ 8 д. л.

Книга переведена Спиридономъ Дестунисомъ и посвящена Императору Александру I-му. Въ первомъ томѣ помѣщены: Агесилай Помпей, Алкивіадъ и Коріоланъ. Во второмъ томѣ Кимонъ Лукуллъ, Аристидъ и Катонъ Цензоръ, съ гравированными и раскрашенными портретами.

Изданіе это чрезвычайно любопытное и очень рѣдкое.

1472. Побѣдная повѣсть, или торжество вѣры. Сочиненіе Юнга Штиллинга. Перевелъ съ нѣмецкаго К. А. С.-Петербургъ—1815 года.—Въ 8 д. л., Морская типографія, 450 стр

Эта книжка содержитъ въ себѣ изъясненіе Апокалипсиса, гдѣ между прочимъ и сочинитель подъ именемъ «Филадельфійскія яко истинныя церкви» — разумѣетъ и утвердительно полагаетъ общество Генгутерское.

Рѣдка.—Сопиковъ № 13055. Въ «Алфавитномъ каталогѣ изданіямъ на русскомъ языкѣ запрещеннымъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи»—значится подъ № 1335.

Купленъ мною экземпляръ за 6 рублей.

1473. Поверхностныя замѣчанія по дорогѣ отъ Москвы въ Малороссію, въ осени 1805 года. 3 части. Переводъ съ нѣмецкаго О. фонъ-Гупа. Москва. 1806 года.— Въ 8 д. л, въ современномъ кожаномъ переплетѣ.

Авторъ этого рѣдкаго въ настоящее время сочиненія, Оттонъ Гунъ—сынъ пастора въ Митавѣ, гдѣ родился 17 іюня 1764 года. Изучалъ богословіе въ Галле, потомъ медицину въ Геттингенѣ, гдѣ получилъ степень доктора медицины, потомъ путешествовалъ по Европѣ, выдержалъ экзаменъ въ Петербургѣ, поступилъ врачемъ въ полевой госпиталь въ Ригѣ, но черезъ годъ, оставивъ службу— занялся практикою. Съ 1804 по 1807 годъ онъ былъ въ Москвѣ домашнимъ врачемъ графа Алексѣя Разумовскаго. Въ 1809 г. сопровождалъ за границу князя Рѣпнина и по возврашеніи, съ 1811 г. жилъ въ Петербургѣ, а съ 1813 — въ Ригѣ, гдѣ и скончался—20 марта 1832 года.

Это рѣдкое изданіе цѣнится въ книжней торговлѣ отъ 15 до 25 рублей.

1474. По вотчинному вопросу мнѣніе и развязка.

«Хорошо вновь строить, а и старое, которое хорошо, не надобно бросать».

Петръ Великій Ромодановскому.

Сочиненіе Николая Безобразова, магистра законовѣдѣнія. Берлинъ. 1860 г.— Въ 16 д. л., 88 стр.

Краткое, но весьма ясное изложеніе по вотчинному вопросу—Н. Безобразова, не утратило и теперь интереса и значенія, не смотря на нѣкоторую устарѣлость, въ виду происшедшихъ важныхъ измѣненій по этому вопросу.

Книжка довольно рѣдкая.

Гончаровъ, Иванъ Александровичъ.
Одинъ изъ знаменитѣйшихъ русскихъ писателей.
Род. около 1812 г., ум. 15 сентября 1891 г.

1475. Повѣствованіе о Сибири. Латинская рукопись XVII столѣтія, изданная съ россійскимъ переводомъ и примѣчаніями Григоріемъ Спасскимъ, Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ корреспондентомъ и разныхъ ученыхъ обществъ членомъ. Санктпетербургъ, въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія. 1822 года.—Въ 4 д. л., VIII+48 стр., въ 2 колонны.

Это обширное и замѣчательное повѣствованіе о Сибири, посвящено авторомъ—«Ея Сіятельству госпожѣ генералъ-лейтенантшѣ и ордена Св. Екатерины кавалерственной дамѣ, графинѣ Софьѣ Владиміровнѣ Строгановой, урожденной княжнѣ Голицыной, милостивой государынѣ усерднѣйшее приношеніе отъ издателя».

За посвященіемъ слѣдуетъ предисловіе, въ которомъ авторъ говоритъ, что—

«Между рѣдкими книгами и рукописями Императорской С.-Петербургской Публичной Библіотеки (которыхъ описаніе и изслѣдованіе, совершаемое нынѣ попеченіемъ начальства библіотеки и трудами отличныхъ по дарованіямъ и свѣдѣніямъ мужей, посвятившихъ себя ея служенію, предста-

вять нѣкогда свѣту единственное въ своемъ родѣ и огромнѣйшее произведеніе учености и полезныхъ изысканій) хранятся двѣ рукописи на латинскомъ языкѣ, содержащія въ себѣ свѣдѣнія о Сибири.— Первая изъ собранія Залускаго, подъ заглавіемъ: Relatio de Sibiria, quae continetur notitia dictae provinciae et littoris Oceani Glacialis, et Orientalis; a portu S. Michaelis Archangeli, usque ad Chinam, sive Catajum. Item de Calmucis Nomadibus et quaedam narratiunculae: de gemmariorum, metalliorum (metallariorum) et Alchimistarum fraudibus Scripta anno 1861. Aeternium soli glorià tota Deo. Т. е. повѣствованіе о Сибири, содержащее въ себѣ свѣдѣніе о сей странѣ и берегахъ Ледовитаго и Восточнаго океана, отъ Архангельскаго порта даже до Хины или Китая. Сверхъ того нѣкоторыя извѣстія о кочевыхъ калмыкахъ и о обманахъ ювелировъ, рудоплавильщиковъ и алхимистовъ. Писано 1681 года. Единому Богу слава во вѣки. Вторая изъ собранія Дубровскаго подъ заглавіемъ: Historia de Sibiria sive notitia Regnis (Regni) Sibirae et littoris Oceani Glacialis et Orientalis; idem (item) de Calmucis Nomadibus et nonnulae narrantiunculae de gemmariorum, mettallorum (metallariorum) et Alchimistarum frandibus. Anonymi autographum circa anno (annum) MDCLXXX. Т. е. исторія Сибири или извѣстіе о царствѣ Сибирскомъ и берегахъ Ледовитаго и Восточнаго океана; тутъ же о кочевыхъ калмыкахъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о обманахъ ювелировъ, рудоплавильщиковъ и алхимистовъ. Безъименнаго сочинителя около 1680 г.

Обѣ сіи рукописи совершенно между собою несходны и разнятся только въ томъ, что одна изъ нихъ писана старинньмъ, но четкимъ и красивымъ почеркомъ; въ другой заглавіе писано самимъ Дубровскимъ, а прочее иной рукою новѣйшаго же времени. Сверхъ того въ послѣдней рукописи присовокуплены, неизвѣстно кѣмъ, немногія примѣчанія и посвятительное письмо, которое, безъ сомнѣнія, было и при первой, но откуда вырѣзано, что доказываютъ остатки двухъ листовъ послѣ заглавія, изъ которыхъ на одномъ могло быть оно написано. О слогѣ же обѣихъ сихъ рукописей должно сказать, что оный не вездѣ чистъ и ясенъ.

Древность первой рукописи и тщательность почерка, также многія въ ней слова сокращенно или по чищенному написанныя, и повидимому замѣненныя другими, показываютъ, что она составляетъ или подлинникъ или по крайней мѣрѣ вѣрнѣйшій списокъ. Изъ надписей на заглавномъ листѣ видно, что сія рукопись принадлежала Смоленскому епископу Котовичу и Виленскому миссіонерскому обществу (Domus Vilnensis congregationis). Она писана въ четвертку на 64 страницахъ. Другая рукопись такого же формата, но въ ней 79 страницъ.

Получивъ дозволеніе отъ начальства Императорской Публичной Библіотеки на изданіе въ свѣтъ одной изъ сихъ рукописей съ переводомъ, хотя при списываніи и держался я наиболѣе почитаемой мною подлинникомъ, но сѣерилъ съ нею и другую рукопись и внесъ въ списокъ свой, чего въ оной не достаетъ; что сохранено также мною и въ переводѣ, къ которому сверхъ того пріобщены собственныя мои примѣчанія. Для удержанія въ семъ переводѣ, сколько возможно, оборотовъ и слога латинскаго подлинника, по необходимости должно было допустить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выраженія, не совсѣмъ правильныя и свойственныя нашему нынѣшнему языку; но гораздо ближе подходящія къ мыслямъ сочинителя».

1476. Повѣствователь древностей россійскихъ, или собраніе разныхъ достопамятныхъ записокъ, служащихъ къ пользѣ исторіи и географіи россійской, издаваемое Николаемъ Новиковымъ, членомъ вольнаго россійскаго собранія при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Часть 1, № 1. Въ С.-Петербургѣ, 1776 г.— Въ 8 д. л., 77 стр. Съ заглавіемъ 6 ненумерованныхъ страницъ.

Книга эта въ настоящее время составляетъ величайшую библіографическую рѣдкость. По всей вѣроятности все изданіе «Повѣствователя» было истреблено вскорѣ послѣ выхода его въ свѣтъ. Этимъ только и можно объяснить его чрезвычайную рѣдкость, а также и то, что Новиковъ перепечаталъ во второмъ изданіи «Вивліоѳики» всѣ статьи, помѣщенныя въ этомъ журналѣ.

На одной изъ ненумерованныхъ страницъ, въ началѣ книги, напечатано посвященіе Императрицѣ Екатеринѣ II; на двухъ остальныхъ, въ концѣ книги, помѣщено слѣдующее любопытное обращеніе къ читателю:

Благосклонный любитель Россійскихъ древностей.

Сіе изданіе подъ заглавіемъ: «Повѣствователь Россійскихъ древностей, или собраніе разныхъ достопамятныхъ записокъ къ пользѣ исторіи и географіи Россійской служащихъ», предпріялъ я издавать въ угодность вашу. Вы находите довольно свободнаго времени, для прочтенія сихъ листковъ, ознаменяющихъ нѣкоторыя черты нравовъ, обычаевъ и обрядовъ знаменитыхъ нашихъ предковъ. Вы не имѣете отвращенія отъ сухаго, грубаго и страннаго для насъ стариннаго слога; васъ не мучитъ колика отъ частыхъ повтореній словъ, почти во всѣхъ старинныхъ сочиненіяхъ обрѣтающихся; вашъ слухъ не страждетъ при изреченіи мудренаго, страннаго и нелѣпаго слова: Вивліоѳика; и не дѣлается вамъ отъ того, благодаря вашему разсужденію, ни апоплексіи, ниже частыхъ и жестокихъ обмороковъ. Взявши книгу моего изданія вы не чувствуете худаго запаха и гнили, и пыль, покрывающая сіи древности, не задушаетъ васъ, а всего удивительнѣе, что сія пыль и гниль не портитъ ни французскаго душистаго парфюмъ пудра, ни благо вонныхъ разноцвѣтныхъ помадъ, ни тысячи цвѣточныхъ ароматическаго запаха водъ, и проч. и проч., что все случается съ тѣми молодыми нашими господами, которые заражены французскими натуральной системы книгами, пудрою, помадою, картами, праздностью и всякими наружными украшеніями и безполезными увеселеніями. Вы, благосклонный любитель россійскихъ древностей, я думаю, также какъ и я, часто сему удивляетесь, что старинныя книги вамъ вреда никакого не дѣлаютъ, какъ прочимъ, но если позволите мнѣ, то я сообщу вамъ догадку о томъ одного знакомаго мнѣ человѣка: онъ говоритъ, что вся сія разность происходитъ отъ воспитанія, здраваго разсужденія и порядочнаго расположенія обыкновеннаго нашего времени. Доказательства его на сію догадку я здѣсь не помѣщу, для того, чтобы сдѣлать изъ того новую загадку, которую оставляю рѣшать отцамъ, матерямъ и всякимъ родственникамъ, воспитывающимъ молодыхъ людей. А вамъ, благосклонный любитель древностей Россійскихъ, желаю пользоваться симъ изданіемъ».

Считаю не лишнимъ перечислить всѣ стать и, вошедшія въ «Повѣствователь древностей Россійскихъ».

I. Грамота жалованная отъ царя Алексѣя Михайловича гостю Михаилу Ивановичу Гурьеву.

II. Выписка изъ разрядной архивы.

III. Чинъ, бываемый, како подобаетъ, егда кто хощетъ Государю служити всею правдою у его государственныхъ дѣлъ.

IV. Сказаніе, како состави св. Кириллъ философъ азбуку, по языку славянскому, и книги привиде отъ Греческихъ на Словенскій языкъ.

V. Четыре письма, найденныя въ патріаршей книгохранильницѣ, въ Москвѣ.

VI. Шесть жалованныхъ грамотъ господамъ Ознобишинымъ.

См. у Лонгинова — «Новиковъ и Московскіе Мартинисты» — стр. 40. — У Сопикова — № 8379. — «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки» за 1852 годъ, стр. 78. — У Якова Березина-Ширяева — кн. VIII, стр. 68. — У Смирдина — № 2611. — У Плавильщикова — № 3651. — У Геннади — № 46.

Эта книга цѣнится въ настоящее время отъ 25 до 50 рублей, смотря по степени сохранности.

1477. Повѣсти Вильгельма извощика парижскаго. Переведено съ французскаго. Печатано въ Большомъ Успенскомъ Селѣ. 100700805 года. — Въ 12 д. л., 3 + IV + 114 стр.

Въ этой рѣдкой книжкѣ помѣщены четыре довольно безграмотно переведенные разсказа, предметомъ которыхъ служатъ драки, кутежи, ссоры и любовныя похожденія. По содержанію и переводу эти разсказы ниже всякой критики. Чертковъ, въ своемъ катологѣ, предполагаетъ, что книга эта напечатана въ Москвѣ. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, за № 8352, сказано — «очень рѣдка». У Смирдина отмѣчено тоже рѣдкою, за № 9190. У Плавильщикова говорится за № 4613. — У Черткова, стр. 469. У Геннади «Русскія книжныя рѣдкости» за № 59; у Губерти — часть II, № 98. У Остроглазова — «Книжныя рѣдкости» № 274.

Полагая, что поименованное выше сочиненіе, представляя собою библіографическую рѣдкость, не всегда бываетъ доступно большинству любителей, я счелъ не лишнимъ привести его здѣсь полностію и съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника, какъ любопытное по своему курьезу произведеніе прошлаго столѣтія.

ПОВѢСТИ

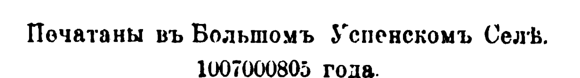
ВИЛЬГЕЛЬМА

ИЗВОЩИКА

ПАРИЖСКАГО.

Переведены съ Французскаго.

С. I. Б.

Печатаны въ Большомъ Успенскомъ Селѣ.
1007000805 года.

ИЗВѢСТНОМУ
ОТМѢННОМУ
СЛАВНОМУ МОСКОВСКОМУ ИЗВОЩИКУ
Алексѣю Чистяку.

Другъ мой!

Извини меня, что я не имѣвъ съ тобой знакомства, и не узнавъ угодно ль тебѣ будетъ сіе мое приношеніе, отважился я приписать сей мой переводъ имени твоему. Я считаю тебя свѣдущимъ по наслышкѣ о употребленіи при изданіи книгъ, къ которымъ всегда прилагаются или предисловіе или приписываніе кому нибудь; почему и предприняль я переводъ мой французскаго извощика московскому посвятить, не съ тѣмъ чтобъ ты учился у него править лошадьми, но чтобъ подражая ему выдалъ ты въ свѣтъ бываемыя въ твоемъ присутствіи различныя приключеніи съ твоими ѣздоками, коихъ, я думаю, довольно ты имѣешь въ памяти, и можешь ими повеселить твоихъ земляковъ, въ числѣ которыхъ нахожусь и я.

Вашъ Всегдашній.

ПРЕДИСЛОВІЕ
отъ Господина ВИЛЬГЕЛЬМА
ПУБЛИКѢ.

Госпожа Публика, ты очень удивишься, что человѣкъ моего качества беретъ въ руки перо, чтобъ тебѣ сообщить нѣсколько забавныхъ приключеній, кои онъ видѣлъ на улицѣ въ Парижѣ; гдѣ онъ можетъ сказать, безъ тщеславія, что онъ ходилъ столько, сколько въ свѣтѣ обращающійся человѣкъ въ состояніи объѣздить.

Хотя я теперь доброй мѣщанинъ подлѣ Парижа, однако не мѣшаетъ, чтобъ я не напоминалъ себя всегда, что я былъ Площадной Извощикъ; послѣ того съ каретой ѣздилъ. Потомъ былъ я кучеромъ у Петиметра, котораго оставилъ я такъ, а самъ присталъ къ лошадямъ одной великодушной барыни, которая привела меня въ то состояніе, въ какомъ я сего дня нахожусь.

Въ сихъ четырехъ службахъ видѣлъ я много вещей, такъ какъ я вамъ сказалъ сей часъ, и то сдѣлало, что я принялся думать самъ въ себѣ, какъ бы мнѣ наложить это на бумагу.

Не крѣпко держалъ я въ рукѣ перо, по причинѣ преждебывшаго бича, которой ее вывихалъ; но когда я напишу то, что я желаю написать, то заставлю писца съ Убогова Дома переписать, коего я зналъ во время, какъ я былъ на рынкѣ, гдѣ желѣзомъ торгуютъ.

Я знаю то, что я вамъ сказать хочу, потому что я большую половину видѣлъ собственными глазами я, которой вамъ сказываетъ, когда я возилъ карету.

Люди, кои ѣздятъ въ извощичьихъ колясках, вездѣ куда ни захотятъ они поѣхать, не опасаются ни чего; это дѣлаетъ; что не таятся они въ извѣстныхъ вещахъ, коихъ никакъ не сдѣлалибъ предъ народомъ.

Но какъ есть очень много такихъ повѣстей, кои мнѣ вѣстимы, то я сильно запутался которою мнѣ начать, а послѣ того сдѣлалобъ очень толстую книгу. Я вздумалъ съ писцомъ, о которомъ я вамъ говорилъ, что надлежитъ, дабы не надѣлать путаницы, спустить для васъ четыре, одну послѣ другой.

Во первыхъ, сперва и одну. Я начну повѣсть Мамзели Годиши, коя съ нею случилась въ то время, какъ я стоялъ въ Мазаринской улицѣ у Ледника, съ купцовымъ сыномъ отъ Парижскихъ воротъ.

Послѣ того выпущу вамъ дѣло нотаріусовой жены съ толстымъ биржевскимъ комисаромъ, на ярманкѣ с. Лаврентія, когда я съ каретою ѣздилъ.

Чтожъ касается до третьей, то будетъ повѣсть господина Шевалье Брильянтина, которой никогда мнѣ не выдавалъ инако моего жалованья, какъ платными шпажными ударами во все время, покуль я возилъ его делижансъ.

И наконецъ конечную вы будете имѣть госпожи Аллень, моей доброй хозяйки, коя оставила мнѣ чѣмъ жить, съ господиномъ Аббе Еврардомъ, отъ котораго видѣла она свой желтой носъ такъ, какъ вы сами ее увидите въ концѣ сей книги.

И такъ сдѣлаетъ четыре любовныя приключенія. Естьли эти будутъ вамъ по нраву читать, то я вамъ удѣлю еще другія, кои не менѣе будутъ сѣдыя.

ОПЫТЪ

О ЗАПИСКАХЪ Г. ВИЛЬГЕЛЬМА.

Повѣсть и приключеніе дѣвицы Годишь, уборщицы.

Какъ въ одинъ день послѣ обѣда поджидалъ я въ Мазаринской улицѣ знакомага сѣдока; но вотъ вижу я, что идетъ ко мнѣ одна не большая молодая дѣвушка гораздо изрядная, которая спросила меня: Другъ мой, что ты съ меня возмешь отвезти меня къ Круглому мосту? Мамзель, сказалъ я ей, вы меня не обидите. О! ни какъ, говорила она, я хочу порядиться. Изволь, вы мнѣ дадите двадцать четыре копейки, совсѣмъ круглую монету...

Да, да. Какъ же онъ забавенъ съ своими двадцати четырмя копейками! Тутъ не больше одного шагу. Я тебѣ дамъ двѣнадцать, возьми, ну, ужъ пятнадцать, а если не хочешь, то я возьму одноколку.... Изволь, мамзель, садись. Вы мнѣ дадите на попойку.... О! ужъ этого то нѣтъ, не ожидай ни чего: и такъ очень довольно. Однакожъ, послушай, извозчикъ, подыми твои стеклы, очень вѣтрено (нималехонько не дуло), это разобьетъ мою прическу, и тетушка моя подумаетъ, что я была и не вѣдомо гдѣ. Вытащилъ я мои деревянные ставни, и вотъ мы поѣхали.

Противъ самыхъ Театинцовъ упалъ одинъ ставень въ дверныя рамы, и слышу я, кучеръ, кучеръ, подыми свой ставень, который упалъ.

Во время какъ и подымалъ ставень, прошелъ тутъ одинъ господчикъ, которой вглянулъ въ мою коляску, и которой тотъ часъ сказалъ, а! а! ето мамзель Годишь! Ахъ, Боже мой! куда вы такъ ѣдете одна одинехонька? Я, сударь, ѣду туда, куда я ѣду; вамъ до того нѣтъ дѣла, отвѣчала она. А! когда такъ, говорилъ онъ, то вы правы; однако почувствуйте, сударыня, что дѣвица какъ вы, которая ѣдетъ на извозчикѣ послѣ обѣда, совсѣмъ одинехонька, не ѣздитъ въ этотъ часъ убирать госпожъ.

Въ этомъ то вы, господинъ Гадонетъ, очень обманулись, отвѣчала Годишь, и это такая правда, что вотъ чепчикъ, которой я теперь лишь наколола, чтобъ отвезти къ одной госпожѣ, которая оѣдетъ въ оперу въ верхнюю галлерею.

Въ истину, эта плутовочка, выдернула изъ подъ своего платья чепчишко, которой былъ внизу: и господинъ увидя его, сдѣлалъ ей поклонъ смѣючись, и пошелъ.

Что касается до стова, сказала дѣвица Годишь, какъ онъ уже ушелъ, мужчины очень любопытны! Къ томужъ для чего твой ставень не крѣпко держится? Это сынъ портнова нашей масти, которой не пропуститъ пойти вездѣ разсказывать. Это самой злой языкъ изъ всего кварталу, такъ-же и сестры его болтуньи, потому что нѣсколько получше ихъ обѣихъ одѣваюся. Надобно, чтобъ я была очень безчастна. что я съ нимъ тутъ повстрѣчалась! возьми вотъ твои пятнадцать копѣекъ, я не хочу больше ѣхать въ твоей негодной коляскѣ. Ахъ, Боже мой! что теперь скажутъ? Если тетушка моя про это свѣдаетъ, то я пропала! Изрядно, чтожъ ты стоишь какъ деревянный чурбанъ, сказала она мнѣ, мнѣ, которой слушалъ ее не говоря ни слова, поѣзжай же куда я тебѣ сказала, пусть что ни будетъ. Всеконечно надобно чтобъ я отвезла мой чепчикъ; эта госпожа меня дожидается; ступай же поскорѣе.

Вотъ мы поѣхали, и пріѣхали къ Круглому мосту, гдѣ не было госпожи за туалетомъ ни въ горсти моей руки. Мамзель Годишь смотритъ направо и налѣво, и во всѣ стороны. Наконецъ она мнѣ говоритъ: другъ мой, хочешь ли, чтобъ я посидѣла въ твоей колякѣ до тѣхъ поръ, какъ придетъ одинъ мой двоюродной братъ, которой долженъ меня проводить въ одно мѣсто, послѣ того какъ я побываю у этой госпожи? Я тебѣ за это заплачу. Охотно, сударыня, сказалъ я ей, потому что я имѣлъ къ ней склонность, и потомъ очень мнѣ хотѣлось видѣть двоюроднаго ея брата, о которомъ я нѣсколько сумнѣвался, а считалъ, что онъ ей такой же родня какъ и я.

Чрезъ добрую большую четверть часа, увидѣлъ я большова молодова человѣка, который шелъ тук, тук, отъ воротъ С. Гонорія. Я его указалъ мамзелѣ Годишь, не это ли вашъ братъ? Ахъ, да, право онъ! кликни его, вѣдь онъ не знаетъ, что я сижу въ каретѣ. Я побѣжалъ за братомъ, которой пробирался по дорогѣ Шейлотской; я ему сказалъ, господинъ: тамъ вонъ сидитъ мамзель ваша сестрица Годишь, которая хотѣла бы съ вами слово молвить. Тотъ часъ послѣ большова мнѣ благодаренія, побѣжалъ онъ къ моей колякѣ,

влѣзъ въ нее, и вотъ мои люди шептали, какъ кривыя сороки, долгое время. Наконецъ, сказали они мнѣ, чтобъ отвезъ я ихъ въ какой знакомой мнѣ кабакъ; и что я доволенъ буду ими, если я захочу дожидаться, чтобъ назадъ ихъ отвезти въ Парижъ, какъ они поѣдятъ салаты. Въ тожъ время, господинъ, чтобъ показать мнѣ, что онъ тароватой человѣкъ, сунулъ мнѣ въ руку на счетъ заднее колесо.

Я хотѣлъ ихъ отвезти ко вдовѣ Трофеѣ, но нашли они, что это было очень близко Солнца. Потомъ я имъ говорилъ о Ледникѣ Шейлотскомъ, или о Г. Ліардшѣ въ Рудѣ; но имъ лучше показался Ледникъ, куда я ихъ въ скоромъ времени привезъ и выпустилъ.

Какъ я очень сумнѣвался о ихъ братствѣ, то я мигнулъ хозяйкѣ, которая разумѣла этотъ языкъ, столько сколько было можно, и она ихъ посадила въ небольшомъ кабинетѣ въ низу окнами въ садъ.

Что касалось до меня, то я поставилъ къ мѣсту свою коляску, какъ тутъ много было постояльщиковъ, то вынулъ я подушки, которыя хозяйка кабака отнесла къ ту коммату, въ которой былъ мой народъ, чтобъ никто ихъ не унесъ.

Спустя около двухъ часовъ, захотѣлось мамзелѣ Годишь выйти на воздухъ въ садъ; братецъ ея туда жъ пошелъ съ нею, и стали они смотрѣть танцованья. Я въ это время былъ съ двумя моими друзьями мнѣ знакомыми, изъ коихъ одинъ былъ солдатъ малыхъ Корпусовъ, и пили мы кружку вина, ѣвши остатокъ цыплячья фрикасе, который подали мнѣ братъ и сестра въ садъ съ остальною салатою, такъ что мы не худое кушанье ѣли.

Какъ мы не далеко были отъ танцовъ, то видѣлъ я, какъ подняли мамзель Годишь миноветъ протанцовать; потомъ взяла она своего братца, и стала они вмѣстѣ танцовать изряднехонько.

Во время какъ они не остерегались ничево по причинѣ ихъ танца, вотъ и г. Галонетъ, которой прибылъ съ двумя другими молодцами, и съ двумя дѣвушками. Сперва одна изъ сихъ дѣвицъ говорила ему, какъ они шли подлѣ насъ, смотри, братецъ, вотъ она танцуетъ съ любовникомъ своимъ Делономъ. Ахъ! сученка, отвѣчалъ онъ, я вѣдь очень сомнѣвался; вотъ какъ я выпью мою рюмку вина, то и я пойду подыму ее въ мою очередь.

Что было сказано, то было и сдѣлано: эта бѣдная дѣвица Годишь вся поблѣднѣла, а Г. Делонъ сталъ какъ полотно, какъ г. Галонетъ хотѣлъ ее взять танцовать, очень учтиво, шляпа въ одной рукѣ, а бѣлая перчатка въ другой.

Я очень видѣлъ, что хотѣла она ему отказать; однако я и то также видѣлъ, что не смѣла она того сдѣлать, потому что она танцовала съ другимъ, и что могло бы произвести шумъ, какъ лучше сего не требовалъ г. Галонетъ, по его виду, такъ наиболѣе что сего не дѣлается, по тому что это безчестно когда пьютъ въ полномъ кабакѣ.

Со всѣмъ тѣмъ она танцовала, ни больше, ни меньше какъ будто была тому рада, и чтобъ показать г. Галонету, сколь мало объ немъ хлопочетъ, подняла она опять г. Делона, вмѣсто тово чтобъ взять изъ тѣхъ, кои съ нимъ прибыли, кои были работники портные, такъ какъ это ведется съ новопришедшими, кои еще не танцовали.

Дѣвицы кои пришли съ г. Галонетомъ, изъ нихъ одна, у коей рожа была какъ пивной стаканъ, была его сестра, и другая у коей были ноги кривыя, сѣли за столъ подлѣ нашего, и слушалъ я, что говорила побитая градомъ, разсуждая о мамзелѣ Годишь. По этому надобно чтобъ сія маленькая тварь была очень безстыжа, пріѣхать одной съ своимъ любовникомъ въ кабакъ; я бы не пріѣхала ни за что, передъ цѣлый свѣтъ, такъ какъ она дѣлаетъ. Охъ! ста, сказала косолапая, это для того, что хотѣлось ей показать свою прекрасную робу атласную наниткахъ, которая, думаю, ничего ей не стоитъ; изрядно, отвѣчала другая, я объ закладъ ударюсь, что этотъ глупецъ Делонъ ей подарилъ, которой укралъ у отца своего. Онъ прежде сего ко мнѣ хотѣлъ подъѣхать; но скоро увидѣлъ, что это не съ Годишей дѣло имѣть. Право такой вонючкѣ какъ она, очень пристало носить робу съ выкладкою и мантилію съ капюшономъ. Я никогда не ношу, а хотябъ, то я вѣдь дочь мастера портнова, которой есть главной наемщикъ въ нашемъ домѣ, а къ тому съ тѣмъ что я достаю за мое шитье, отъ меня только зависитъ имѣть такую жъ, если бъ я захотѣла; однако эти люди щастливы; батюшкѣ моему очень хочется весь этотъ дрязгъ со двора согнать; къ тому жъ и тетка ея никогда въ срокъ денегъ не платитъ. Ахъ! посмотри ка Гого, вдругъ она сказала

какъ же она вывертывается танцовавши, не скажуть-ли что ето оперная дѣвушка?

О! Что касается до етова, сказала другая, очень я бы досадовала, если бъ я такъ танцовала какъ она. Ты очень знаешь, Бабе, какъ мы послѣдній разъ были въ Грокейлу. Ну, скажи, съ такимижъ ли я танцовала кривляньями? И еслибъ я при томъ никогда не училась. Что касается до меня, сказала Бабе, то покойная моя матушка заставляла меня учиться, болѣе трехъ мѣсяцевъ, у ярмарочнаго балетнаго мастера, г. Коленя, которому право давали по тридцати добрыхъ копѣекъ за мѣсяцъ, украдкою отъ батюшки моего: а ему сказывали, что онъ другъ брату моему, который учитъ даромъ.

Сей Г. провожалъ насъ по нѣкоторымъ праздникамъ и по воскресеньямъ на игру г. Коленя, что намъ ничего не стоило, ни сестрѣ моей ни мнѣ. И такъ, были тутъ дѣвки, кои на театрѣ танцовали словно какъ Годишь. Тфу, какъ это гадко для честной дѣвицы! Также я ето почитаю за грязь моихъ башмаковъ. Пошла, пошла, не бойся чтобъ я ей когда нибудь первая поклонилась.

Охъ, однакожъ, сказала Гого, между тѣмъ какъ Бабе отдыхала, какъ она нѣсколько изрядна, то кажется... Что вы, мамзель, называете, изрядна, вдругъ перехватила Бабе, чуть было не задохнувшись, знаешь же ты силу въ кошкахъ! Развѣ по тому что у ней большіе глаза черные? О! развѣ ты не видишь что она коса. Естьлибъ я захотѣла положить коробочку, то я бы такой-же цвѣтъ имѣла какъ она. Слушай, Гого, не говори мнѣ объ этихъ носишкахъ приплюснутыхъ, а къ томужъ она всегда сжимаетъ ротъ, безъ чего былъ ли бы онъ такъ малъ? Должно сказать, что Годишь не худо сотворена; однакожь она не такъ высока какъ я. Видалаль ты какъ она въ короткое платье одѣвается? О, вотъ тово то я терпѣть не могу, грубо сказала косолапая, ничего нѣтъ гаже таво. Развѣ ты не видишь что это для показанья своихъ веретенныхъ берцъ, подхватила Бабе, и ногу, о которой подумаешь, что всякій часъ подломится?

Все то правда, сказала Гого, что похоже на правду; однако ето не мѣшаетъ, чтобы господа не дѣлали ей пріятныхъ глазъ. Къ тому же она можетъ быть имѣетъ разумъ? Ахъ! тутъ то захотѣла разума. Это ничто иное, какъ только вздоръ, и безъ нѣкоторыхъ малыхъ словъ ничего не стоющихъ, которыя тѣ негодные люди любятъ слушать, какъ дѣвушки говорятъ, была бы глупѣе горшка и кружки. О! я тебя увѣряю, что со всѣми моими рябинами я не промѣняюсь на нее, промолвила Бабе, пріоправя свой станъ; а потомъ вдругъ: Боже мой! можно ли такъ грудь оголить какъ она? Что бы выказать свой прекрасный скелетъ. Мнѣ бы очень прискорбно было такъ открыть грудь какъ она; и если бы, безъ хвастовства... Однако не говори больше объ этой повѣсѣ, я бы хотѣла объ ней разсказать.

Мамзель Годишь до сыта натанцовавшись, пошла съ Г. Делономъ въ свою комнату, но надлежало проходить мимо Бабе, которая чтобы начать ссору, хотѣла къ ней придраться, сказала ей мимоходомъ, хотя и не намѣрена была передъ тѣмъ зачинать съ нею кланяться. Здравствуй, мамзель Годишь, какъ вы въ своемъ здоровьѣ?.. До услугъ вашихъ мамзель Бабе... Вы ето здѣсь?.. Вы видите, мамзель, также какъ и вы... Я очень рада... Мнѣ ето пріятно. На васъ роба хорошаго вкусу, сказала портниха; и ваша, отвѣчала уборщица, мнѣ кажется изряднаго выбору. Не тѣхъ ли штофишковъ, что по пятьдесятъ копѣекъ? Что до меня, то моя стоитъ мнѣ по три ливра и пять копѣекъ, и то еще поторговавшись... О! не всякій можетъ имѣть такъ прекрасныя, какъ мамзель Годишь, сказала Бабе, смѣючись сквозь зубы. Я отдала сдѣлать тафтяное, и еслибъ у васъ не столько было работы, мамзель Галонетъ, то я бы вамъ ее отдала... Ладно, вы изволите шутить, вѣдь я накалываю ваши чепчики, то и вы можете шить мои робы... Вы ужъ мнѣ больше не накалываете, всегда... Ето вамъ говорить хочется, съ такими то примѣтами, вы мнѣ должны за два или за три... Я, я вамъ должна за уборку чепчиковъ? Полно, полно, мамзель, подумайте прежде заплатить моему батюшкѣ срочные ваши семь ливровъ девять копѣекъ... Ето будетъ на счетъ, мамзель, ето будетъ на счетъ... Вы бы лучше сдѣлали, чтобы заплатили вашъ долгъ, нежели носить робу съ выкладкою и мантилію... Перестань, мамзель, вѣдь не на ваши деньги... Право, если бы вамъ не дали, то гдѣ бы вы ихъ взяли? Вѣдь отъ уборки чепчиковъ столько не достанешь... Потому что вы не имѣете довольно достоинствъ ихъ доставать... Мнѣ бы очень досадно было такъ ихъ имѣть какъ ты, дерзновенная!.. Ты то безстыдная...

Мѣщанка моя не успѣла выпустить этого слова, какъ Бабе Галонетъ, нашедъ ее точно въ мѣру своей руки, влѣпила ей въ щеку гвоздичный цвѣтокъ о пяти листахъ, который такъ щелкнулъ, какъ мой бичъ.

Весь народъ тутъ бывшій сдѣлался статуями. Одинъ лишь Делонъ, который сказалъ Бабе, что вы дѣлаете, таво не дѣлается, и если бы ты не была дѣвка, то показалъ бы я тебѣ... Какой же ты дуракъ, мой господчишко, отвѣчала портниха. Пошелъ, пошелъ, я увѣдомлю твоего отца, что ты окрадываешь его, чтобъ тратить деньги съ такими тварями.

До сихъ поръ, мамзель Годишъ разбирала своими глазами оплеуху на своей щекѣ; но какъ увидѣла, что назвали ее тварью, то показала она рябушкѣ, что у ней языкъ хорошо виситъ. Принялась она выпѣвать ей семнадцать грѣховъ смертныхъ, такъ что портниха бросилась на нее, сорвала съ нее чепчикъ гораздо скорѣе нежели вѣтеръ и топтала его ногами въ водѣ, которая была на земи, такъ что онъ былъ весь въ грязи и слюнахъ.

Потомъ хотѣла она кинуться ей въ глаза, потому что я очень видѣлъ, что имѣла она большое желаніе обезобразить ея физіономію, которая не ряба была какъ у ней; но г. Делонъ далъ себя царапать вмѣсто своей полевой сестрицы.

Въ ето время, малой Галонетъ и его товарищи перестали танцовать контрадансъ, чтобы пойти посмотрѣть что тамъ сдѣлалось, и какъ онъ увидѣлъ г. Делона державшаго сестру его за руки, тогда какъ она била его ногами, вложилъ себѣ онъ въ голову будто бьетъ онъ ее, такъ чтобы ему въ етомъ поперечить, всѣ трое портныхъ напали на нево распороть у нево швы, а мамзель Годишъ кричала тогда какъ бѣшеная.

Тфу пропасть! когда я ето увидѣлъ, то не былъ я ни дуракъ, ни сумазбродъ; а сказалъ моимъ друзьямъ, не допустимъ таскать моихъ мѣщанъ. Они лучше таво не спрашивали; и такъ мы напали на сливныхъ ѣдоковъ, что было имъ вмѣсто небольшова благословенья.

Нашъ солдатъ вытащилъ свою тесачину, другой тяжелой тростникъ, а я съ моимъ бичемъ, мы ихъ потчивали по чемъ ни попадало; они защищались садовыми скамейками. Влепилъ я жестокій ударъ толтымъ концомъ моего бича въ голову одному, который хотѣлъ меня схватить за мягкія мѣста, но онъ у меня растянулся на земи какъ лягушка и не ворошился ни рукой ни ногой.

Наконецъ, окончательно между тѣмъ, развели насъ конечно, и у кого былъ глазъ въ смятку обжаренъ въ черномъ маслѣ, то было на его счетъ.

Во время баталіи, мой мѣщанинъ и моя мѣщанка убрались въ свою комнату, куда мы пришли имъ сказать, чтобъ они не боялись ничево, потому что мы годимся на все.

Мамзель Годишъ плакала, какъ будто всей родни своей лишилась, а братецъ ее утѣшалъ. Онъ далъ намъ выпить вина полбутылки пятнадцати копѣечной, которая не стоила шести, но такой уже обычай.

Не было способу чтобъ мамзель Годишъ могла вздѣть свой кокошникъ, который былъ весь въ грязи; но нарядилась она очень чинно въ тотъ чепчикъ, которой везла къ госпожѣ у Круглова мосту, такъ какъ ничего не бывало.

Какъ она была очень стыдлива, то мы дожидались покуль свалитъ вся толпа народу, а потомъ боялась она рябой, которая сказала ей, что она съ ней еще не поквиталась, и что тетка ея не позже объ етомъ свѣдаетъ какъ сегожъ вечера.

Около десяти часовъ вечера, впрегъ я моихъ лошадей, и положилъ мои подушки, и поскакали мы въ улицу Корделіеровъ, гдѣ жила Годишъ. Товарищи мои были посторонь меня. Послѣ того привезъ я г. Делона къ парижскимъ воротамъ, гдѣ онъ мнѣ далъ еще большой талеръ и двадцать четыре копѣйки на побои, которыя обмыли мы у г. Капеленя.

Очень видно было, что тетка мамзели Годишъ пропѣла ей пѣсенку непріятную; однако ей какъ въ стѣну горохъ; потому что я послѣ таво ее видалъ, и возилъ ее часто съ плюмажами и съ галунами.

Она съ того времени очень меня знала, и всегда имѣлъ я съ нею попойку; потому, что хоть она водилась съ людьми высокого штиля; но передо мною она не спѣсивилась.

ПОВѢСТЬ

о г. Бордеро, комиссарѣ на биржѣ, и о госпожѣ Минютиншѣ.

Г. Перигордъ, мой землякъ, для котораго возилъ я карету, умеръ, вдова оставшаяся послѣ его всѣхъ опустила, и такъ я теперь площадь топчу. Пошелъ я представить себя къ одному моему другу, который отпускалъ въ наемъ кареты въ улицѣ старыхъ Августиновъ. Какъ былъ на мнѣ добрый кафтанъ, то далъ мнѣ возить одинъ экипажъ. Всякій день ѣздилъ я послѣ обѣда возить г. Бордеро, который былъ у него одинъ изъ толстыхъ наемщиковъ на биржѣ, для отвозки его въ ту сторону, то въ другую, и почти всегда съ женщинами, которыя не были съ лоскутницы.

Въ одинъ день отвезъ я его на конецъ глухова переулка Оранжереи, откуда вошелъ онъ въ Тюиллери, и мы остались раздобаривать, лакей его и я, о томъ и другомъ, и какъ онъ мнѣ часто разсказывалъ самыя тайности любовницъ своего хозяина, который имѣлъ всякій день новыхъ, спросилъ я у него, не знаетъ ли онъ ету, за которой мы пріѣхали и куда ее повезу? Право я не знаю ничего, отвѣчалъ Лафліоръ, такъ его имя; все что я знаю, то сегодня по утру приходила какая то горничная, которая выходя сказала ему, что ея хозяйка будетъ въ Тюиллери въ четыре часа вечера.

Лишь только Лафліоръ окончилъ, какъ мы увидѣли г. Бордеро съ двумя женщинами, кои за нимъ шли, изъ нихъ одну призналъ Лафліоръ за горничную сего утра.

Когда вошли они въ экипажъ, не знали куда ѣхать. Между тѣмъ наконецъ на Ярманку С. Лаврентія, гдѣ я ихъ и высадилъ. Послѣ того какъ лакей проводилъ ихъ въ игру комической оперы, пришелъ онъ по меня, я пріоправился и отдалъ моихъ лошадей стеречь; оттуда пошли мы оба гулять и выпить на Ярманкѣ рюмку вина.

Какъ игра приходила къ концу, Лафліоръ подошелъ искать своего хозяина, а я моихъ лошадей, потомъ онъ пришелъ ко мнѣ опять сказать, чтобъ я не безпокоился, потому что господинъ Бордеро будетъ ужинать съ своею компаніею у Дюбоа, отдалъ я опять моихъ лошадей на сбереженіе и самъ пошелъ я отыскать его въ сказанномъ мѣстѣ; потому что тутъ нѣтъ манеру, чтобъ лакеи служили за столомъ.

Мы очень долго дожидались Лафліоръ и я поужинать остатковъ, когда они будутъ за дессертомъ; но мы пропустили сдѣлать малтійскій крестъ, какъ вы впредь увидите.

Госпожа Дюбоа отвела г. Бордеро и этихъ женщинъ въ залу съ завѣсами въ среди сада, и наши ребята изряднехонько покушивали, какъ прибылъ англійскій милордъ съ дѣвицею Тонтонъ изъ комической оперы, одна изъ ея подругъ и мѣщанинъ ихъ компаніи, одѣтый въ черномъ. Всѣ эти также спрашивали ужинать, и помѣстили ихъ въ маломъ кабинетѣ со стеклами при входѣ въ садъ.

Ожидая остатковъ поужинать, забавлялись мы, Лафліоръ и я, выдалбливать бутылку вина, на счетъ нашего мѣщанина, въ кабинетцѣ подлѣ залы; и въ это время г. Бордеро и дѣвица Тонтона, которые имѣли желаніе нѣкоторой вещи, вышли каждый изъ своего мѣста, чтобъ сходить въ уголокъ, такъ что они столкнулись носъ съ носомъ при хорошемъ свѣтѣ мѣсяца.

Лафліоръ сказалъ мнѣ, увидя входящую дѣвицу Тонтонъ, которую хозяинъ его имѣлъ на содержаніи; однако покинулъ ее по причинѣ большихъ ея затѣй.

Дѣвица Тонтонъ узнала тотчасъ моего хозяина, и говорила она ему такъ, что мы слышали: Ахъ! Ахъ! ето вы, г. Бордеро, однако жъ вы здѣсь не одни? Тутъ ли вы ужинаете? Ето очень изрядно для васъ, которая изъ нашихъ сестеръ въ партіи? Вѣдь ты за козами бѣгаешь. Я не знаю ихъ, отвѣчалъ г. Бордеро, съ тѣхъ поръ, какъ я перестялъ бѣгать за тобою. Ты очень не вѣжливъ, мой толстый другъ, возразила другая, и чуть было, для заплаченія за ругательство, какое ты мнѣ дѣлаешь, не приказала я дать тебѣ нѣсколько палочныхъ ударовъ. Такъ вы съ какимъ-нибудь тутъ волокитою? сказалъ г. Бордеро, да, да, негодяй комиссаришко, и ты ихъ отчасти увидишь. Тогда же стала кричать во все горло; ко мнѣ милордъ, ко мнѣ; меня обижаютъ.

Вдругъ тотчасъ вотъ милордъ, другая дѣвка и тотъ господинъ, кои прибѣжали посмотрѣть, что такое. Отомсти за насъ, милордъ, сказала Тонтона, нищему кассиру, который смѣетъ поступать со мною какъ съ подлою, а тебя считаетъ за негоднаго. Ну же, милордъ, ну же, говорила она,

пихнувъ его, и видя что не трогается онъ, сказала, отвѣсь ему ударовъ двадцать запоромъ.

Ты туракъ, покойно сказалъ англичанинъ г. Бордеро; послѣ того пошелъ онъ прочь, но дѣвица Тонтона его остановила, сказавъ ему: что жъ милордъ, развѣ такъ то вы поддерживаете славу женщинъ? Чего же вы желаете, сударыня, чтобъ я сдѣлалъ, выговарилъ онъ, хотя бы я всю рожу изрубилъ етому человѣку, но вы навсегда останетесь танцовщицею комической оперы?

Тонтона хотѣла ему отвѣчать, какъ услышали мы дьявольскую суматоху въ залѣ, въ коей били бутылки, рюмки, а блюда летѣли въ садъ. Ето одѣтой въ черное платье производилъ толь шумной безпорядокъ, по причинѣ что былъ онъ мужъ дамы нашего хозяина. Туда вошли; какъ онъ билъ пинками по задницѣ и налагалъ имена, кои не были ни хороши, ни честны, горнишной своей жены, коя въ углу стоя плакала

Эта ссора прекратила другую: сіе забавно, сказала Тонтона, коя больше не думала о своемъ безчестьѣ, какъ господинъ Минютинъ! Натаріусовы жены перебиваютъ лавочку и у всесвѣтныхъ дѣвокъ? Это слово подняло мужа какъ кипучее молоко; онъ хотѣлъ броситься на жену свою; но господинъ и госпожа Дюбоа кои опасались соблазна со стороны полиціи, кинулись на него и схватили его поперекъ, такъ что не могъ онъ движенія дѣлать, а только языкомъ, который произносилъ прекраснѣйшія вещи въ свѣтѣ.

Однако наконецъ мало по малу онъ утихъ, потому что госпожа Дюбоа доказала ему гладцою, что онъ болѣе виноватъ, нежель его жена, которая въ первый еще разъ у нихъ, а онъ къ нимъ ходитъ всякій день самъ третей и самъ четвертъ.

Въ заключеніе всей суматохи, принесли опять вина и заставили пить мужа и жену, чтобъ ихъ вмѣстѣ помирить. Г. Бордеро сказалъ свое имя господину Минютину, и предложилъ ему дѣлать удовольствіе на биржѣ и въ другихъ мѣстахъ, когда онъ будетъ имѣть нужду въ крѣпкомъ его сундукѣ: ни мало не имѣйте подозрѣнія во всемъ этомъ, г. Минютинъ, сказалъ мой мѣщанинъ, ибо право, по истинѣ, ничего тутъ худова нѣтъ. Третьяго дня видѣлъ я госпожу вашу супругу въ первый разъ нечаянно въ комедіи, говорили мы о комической оперѣ, и она сдѣлала мнѣ честь согласіемъ ѣхать сюда со мною. Много труда имѣлъ уговорить пойти со мною къ ужину, который ты разбросалъ на земь, но надо заказать другой, ибо какъ видно вы голодны. О! никакъ, сударь, сказалъ нотаріусъ, но въ истину, естьли объ етомъ свѣдаютъ, то я совсѣмъ погибъ въ моей собратіи.

Не опасайтесь, полно, сударь, сказалъ г. Дюбоа, я такъ сдѣлаю, что дѣвица Тонтона и подруга ся ни слова не молвятъ. Я знаю, какъ мнѣ приняться, чтобъ заставить ихъ молчать, чтожъ до Милорда, то онъ говорить не смыслить, и ему не повѣрятъ, когда женщина какъ я станетъ говорить противное ему.

Милордъ и обѣ дѣвки вошли уже въ ихъ кабинетъ, не заботясь о нотаріусѣ, какъ увидѣли они, что весь мятежъ утихъ, и дѣвица Тонтона, коя не больше имѣла желчи какъ голубь, нашла ужинъ приготовленный для четверыхъ превосходительнымъ для троихъ.

Новый ужинъ принесенъ, сѣли за столъ и какъ ничего больше не было говорить особливо, то приказали намъ, Лафліору и мнѣ служить, и какой былъ у нихъ разговоръ и примиреніе, то оное вы тотчасъ увидите.

Я ето писалъ моимъ манеромъ, какъ и достальное; но какъ всякой говорилъ въ свою очередь, то и сдѣлало мѣщанину отъ словъ, онъ сказалъ, онъ отвѣчалъ, онъ говорилъ, онъ промолвилъ, онъ продолжалъ, и такъ что я самъ себя не узналъ. Это много меня безпокоило, но писецъ мой съ убогова дому, подалъ мнѣ отверстіе для избѣжанія смѣси; кое было въ томъ, чтобъ сіи разговоры положить на бумагу, вопросами и отвѣтами, точно такъ какъ говорятъ въ комедіяхъ и такъ то я сдѣлалъ. Помните одно то, что говорятъ трое, потому что горничная, Лафліоръ и я слушали не произнося ни слова.

Вотъ какъ это началъ г. Бордеро.

Г. Бордеро. Право я очень радъ, что свелъ я знакомство съ такимъ человѣкомъ какъ вы. Я всегда буду себѣ правдивымъ почитать удовольствіемъ, чтобъ вамъ служить.

Г. Минютинъ. Вы, сударь, много чести дѣлаете. Я всѣмъ сердцемъ принимаю предложеніе вашихъ услугъ. Такъ время жестоко, что никакъ не можно себя содержать безъ помощи своихъ друзей, а особливо въ нашихъ чинахъ, потому то мы видимъ нашей братіи столько опрокинувшихся.

Г. Бордеро. По крайней мѣрѣ, то правда, что

вы говорите г. Минютинъ; однако также сказываютъ, что вы очень высоко носъ поднимаете.

Г. Минютинъ. Какъ же инакъ изволите сдѣлать? Не должно ли поддерживать благородство? Знаете ль вы то, что насъ раззоряетъ? Это расходъ нашихъ женъ.

Г-жа Минютинша. Носеночекъ мой, я не должна быть включена въ ето число.

Г. Минютинъ. Также какъ другая, госпожа Минютинша, также какъ другая.

Г-жа Минютинша. Развѣ хочется вамъ, чтобъ я одѣвалась такъ какъ прокурорша?

Г. Бордеро. Какъ это гадко.

Г. Минютинъ. Надобно по своему состоянію. Мнѣ кажется, вы больше не вспоминаете о томъ, что вы были.

Г. Бордеро. Я бы очень радъ былъ свѣдать объ етомъ. Если вамъ не трудно.

Г. Минютинъ. Ни мало. Я не изъ тѣхъ людей, кои скрываютъ то, что они были по сдѣланіи своего счастія.

Г. Бордеро. Ето славнѣе для васъ. Пожалуйка разскажи намъ немного исторіи, г. Минютинъ: я прозакладую сто пистолей, что она заставитъ насъ смѣяться.

Г. Митюнинъ. Пусть такъ будетъ, зачну-жъ я вамъ сказывать...

Г-жа Минютинша. Нѣтъ, нѣтъ. Пусти меня разсказывать господину..

Г. Бордеро. Да, я думаю, что это забавнѣе будетъ, какъ она разскажетъ.

Г. Минютинъ. Такъ инъ дать ей пользоваться ея преимуществами въ желаніи по парижскому обычаю.

Г. Бордеро. Я васъ, господинъ Минютинъ, люблю въ такомъ нравѣ... Я считаю, что мы вмѣстѣ надѣлаемъ много хорошихъ дѣлъ. Потому что я бываю иногда годнымъ на закуску, такъ какъ вы меня видите. Нутко за наше здоровье, это много все говорить не пивши. Вино какъ вода. Начинайте, сударыня, я слушаю всѣми ушми.

Г-жа Минютинша. Нечаянный случай насъ нашимъ одолжилъ счастіемъ; прежде замужества моего я была простая подлая дѣвка, работая въ лавкѣ у модной торговки въ улицѣ С. Гоноріа. Я имѣла, какъ вы видите, лицо довольно сносное, что было всею моею надеждою. Г. Минютинъ тогда былъ канцеляристомъ въ судебной палатѣ. Лавочная дѣвка и подъячей скоро сводятъ знакомство. При первомъ свиданіи съ симъ господиномъ, любовь заставила исчезнуть надеждамъ, какія основала было я на моихъ прелестяхъ. Оба мы свободны и не имѣя никого, комубъ давать отчетъ въ нашихъ дѣлахъ, мы считали себя полномочными имѣть право располагать какъ хочемъ. Я оставила мою торговку, а онъ сдѣлался банкрутомъ въ судебной палатѣ и Аглинской портъ видѣлъ возженный пламенникъ нашего брака.

Г. Бордеро. Ето, право, очень хорошо сдѣлано·

Г-жа Минютинша. Пріятности, коими были мы, такъ сказать, довольны другъ другомъ, не доставляли намъ болѣе спокойной жизни.

Г. Бордеро. Возможно-ль?

Г. Минютинъ. Нѣтъ сего вѣрнѣе.

Г. Бордеро. Если-бъ я въ ето время васъ зналъ, то бы вы не были въ такой заботѣ; я бы васъ доставилъ къ хорошему и прекрасному мѣсту; и были бъ вы можетъ быть таковымъ, какъ я теперь. А между тѣмъ я никогда женатъ не бывалъ, но я простирался съ другой стороны.

Г. Минютинъ. Я былъ очень ревнивъ къ моей женѣ чтобъ получать прибыль; имѣлъ я прибѣжище къ отправленію дѣлъ; нѣкоторыя изъ нихъ были мнѣ удачны, а иныя безуспѣшны. Наконецъ сдѣлался я ходатаемъ за судебными дѣлами. Одинъ ростовщикъ укрылся у меня съ воровскими его закладами; я принялъ и то и другое; въ судномъ приказѣ о немъ провѣдывали и одна сосѣдка болтунья про него сказала. Юстиція пожаловала въ мое жилище; захватила человѣка, а вещи оставила мнѣ. Обвиненный умеръ въ тюрьмѣ, и какъ онъ при смерти своей хранилъ молчаніе, я нашелъ себя искуснымъ быть ему наслѣдникомъ.

Г. Бордеро. Ахъ! Ахъ! Какъ хорошо. Еще образецъ поведенія, какъ отдавать поклажу на сохраненіе.

Г. Минютинъ. Жена моя всегда имѣла честолюбіе, и для удовольствія ея, вступилъ я въ блестящій корпусъ нотаріусовъ парижскихъ.

Г. Бордеро. Это похвально.

Г. Минютинъ. Да, но она превосходнымъ расходомъ приводитъ меня въ разореніе. Разсмотрите ея одѣяніе: мѣщанское ли оно?

Г-жа Минютинша. Ты заплатишь безчестье всему корпусу.

Г. Бордеро. Весьма надлежитъ: развѣ не знаютъ,

что нотаріусова жена уже не мѣщанка? Откуда вы пришли, господинъ Минютинъ, что вы етого не знаете?

Г-жа Минютинша. Никогда онъ не умѣлъ содержать своего чину.

Г. Бордеро. О! другъ мой, не надобно допускать съѣдать шерсть со спины. Я тебѣ когда нибудь разскажу про ссору, какую имѣлъ я съ однимъ изъ нашихъ директоровъ. Право! Я ему далъ знать, въ полномъ собраніи, что чернилы его были не сіяющія; не надобно играть мною; когда я во что вступлюсь однова, то не скоро меня пособнутъ.

Г. Минютинъ. Ето не видъ, употребляемой ею меня мучитъ; но то что видается она съ нѣкоторыми людьми кои не нравятся мнѣ.

Г. Бордеро. О! Ето совсѣмъ розница.

Г. Минютинша. Ахъ! однако, господинъ Минютинъ, вы никакъ не думаете; я никакъ не могу заключиться ни съ моею, ни съ твоею роднею; ибо мы ее не знаемъ. Я вожусь съ равными мнѣ людьми. Видалъ-ли ты когда, напримѣръ, чтобъ я тебя обезчестила таскавшись съ прокурорщами, съ стряпчихами?

Г. Минютинъ. Я знаю, что вы себя не доведете до канальства, я не жалуюсь на тѣхъ людей, съ коими вы видитесь, но на образъ съ какимъ ты поступаешь.

Г. Бордеро. О! Ето иное дѣло.

Г-жа Минютинша. Чтожъ такое въ моемъ поведеніи находите достойнаго выговора?

Г. Минютинъ. Иль вы за ничто считаете, чтобъ ходить соблазнительно по спектаклямъ, по гульбищамъ съ мускетерами и съ аббеями.

Г. Бордеро. Ето ужъ нѣсколько сильно.

Г. Минютинъ. Казаться въ публикѣ съ такими людьми, значитъ хотѣть прослыть веселушкой; а мы вѣдь обязавшіяся честь хранить.

Г. Бордеро. Онъ правду говоритъ.

Г. Минютинъ. Дома, сударыня, дома, съ ними видайся.

Г. Бордеро. На ето можно что нибудь сказать; еднако дойдетъ до таво со временемъ. Есть ли что еще у васъ на сердцѣ?

Г. Минютинъ. Господинъ Бордеро, другъ ли вы мнѣ?

Г. Бордеро. Тронь тутъ.

Г. Минютинъ. Надобно-жъ открыть вамъ мое сердце. Я не только ревнивъ, какъ раззоренъ. Я еще показываю въ публикѣ мою пышность; но скоро увидятъ меня въ большомъ упадкѣ.

Г. Бордеро. Такъ мы, другъ мой, тебя поддержимъ.

Г. Минютинъ. Я бы совсѣмъ не имѣлъ нужды въ помощи друзей моихъ, если бы госпожа Минютина захотѣла соединить свои доходы съ моими.

Г. Бордеро. Ха, ха! Развѣ и она также производитъ приказныя дѣла?

Г-жа Минютинша. Что вы изволите говорить?

Г. Минютинъ. Вы меня разумѣете: Вашъ пансіонъ не можетъ быть достаточнымъ для вашихъ удовольствій и для вашего платья. То надобно чтобъ деньги вамъ приходили откуда нибудь съ другой стороны.

Г. Минютинша. Я много въ карты выигрываю.

Г. Бордеро. Ето легко станется.

Г. Минютинъ. Согласенъ: но когда жена входитъ въ игру, то мужу обыкновенно остаются только старыя карты да рога.

Г. Бордеро. Пожалуй перестанемъ говорить объ этомъ.

Г. Минютинъ. Слушай, госпожа Минютинша, я ужъ не молодикъ; а въ извѣстныя лѣта оставляютъ много предразсужденій. Сдѣлаемъ общій кошелекъ: опускай свой доходъ въ ларецъ за замкомъ.

Г-жа Минютинша. Однако, господинъ Минютинъ...

Г. Бордеро. Можетъ быть вы тутъ проиграете? Надобно чтобъ въ первомъ етажѣ ученіе шло лучше нежель въ самомъ исподнемъ. Можно сыскать способъ васъ согласить; приносите въ ларецъ доходъ отъ двухъ ученій; и господинъ Минютинъ держать будетъ домовой расходъ.

Г. Минютинъ. Ничего нѣтъ такого, чтобъ я не сдѣлалъ для поддержанія чести нашего корпуса. Согласна-ль въ томъ моя супруга?

Г-жа Минютинша. Быть по сему.

Г. Минютинъ. О! Какъ же я спѣсиво буду смотрѣть на мою собратію.

Г. Бордеро. Не берегите жъ подлинника сего акта, по крайней мѣрѣ, чтобъ какая мѣщанка не взяла тщеславія достигнуть до чести нотаріусова. Впрочемъ, другъ мой, господинъ Минютинъ, всегда надѣйся на меня. Надобно чтобъ я при первомъ случаѣ пришелъ къ вамъ запросто съѣсть баранью ногу.

Г-жа Минютинша. Мы васъ не обезчестимъ, кушавши съ подъячими.

Когда все было въ порядокъ приведено тѣмъ образомъ, какъ я вамъ сказалъ, тогда было часъ за полночь, что заставило господина Бодеро спросить счетъ, по которому заплятилъ не торговавшись. Г-жа Дюбоа спросила у него, не тотъ ли господинъ заплатитъ за разбитыя бутылки, рюмки и тарелки? Какая нищета, сказалъ г. Бордеро, идти ломать голову сему честному человѣку, сколько за все это надобно? По совѣсти, отвѣчала г-жа Дюбоа, для другова стоило-бы это пятидесяти франковъ, но какъ вы плотитесь, то я довольна буду двумя луидорами ието настоящая цѣна. Вы понимаете, что я лишку не беру.

Господинъ Бордеро отдалъ два луидора, сѣли въ карету и я развезъ ихъ всѣхъ по ихъ домамъ.

Послѣ того часто я возилъ госпожу Минютиншу и господина Бордеро въ маленькій его домъ въ предмѣстьи С. Антонія, куда пришелъ господинъ Минютинъ по ихъ въ вечеру, и ждалъ до таво. какъ на утренней зарѣ мой посадской тихонько ушелъ, чрезъ что увелъ у моего хозяина около мѣсяца найму за карету, и мнѣ на попойку.

Я думаю, что господинъ Минютинъ пошелъ его искать, гдѣ онъ былъ; по тому, что онъ перемѣнилъ свое жилище, такъ что онъ не оставилъ ничего, кромѣ драныхъ бумагъ.

ПОВѢСТЬ

о добрыхъ щастьяхъ господина Шевалье Брильянтина.

Одинъ изъ друзей моихъ, который былъ кучеръ мѣщанинъ, предложилъ мнѣ въ одинъ день, чтобъ я вступилъ въ службу къ господину Шевальѣ Брильянтину, возить его дележансъ, и я на то подался, по тому что я не зналъ, чево стоитъ аршинъ. Это самая пакосная служба, какую можно вздумать.

Всегда я помнить буду, какъ однимъ утромъ полнехонька была его передняя заимодавцевъ, изъ коихъ однихъ награждалъ онъ палочными ударами, другихъ подчивалъ пинками въ задницу, такъ какъ будто, по его приказу, пособилъ я выгнать ихъ со двора долой. Изъ нихъ пять или шесть человѣкъ схватили меня на улицѣ, гдѣ они убрали, меня какъ дитя изъ хорошаго дому. Въ прибавокъ тому далъ онъ мнѣ на мою долю нѣсколько шпажныхъ ударовъ плашмя, за что я ево оставилъ, и потомъ убирайся, а лошадей води кто хочетъ.

Съ начала какъ я вошелъ къ нему въ службу, не зналъ еще какъ поводится у него въ обрядѣ, по чему однова какъ онъ вышелъ изъ оперы, и какъ много было людей у дверей, то онъ мнѣ закричалъ очень громко: къ маркизшѣ. Къ какой маркизшѣ, сказалъ я ему? Къ маркизшѣ, у которой я обѣдалъ, отвѣчалъ онъ. А! сказалъ я ему, въ Валторновой улицѣ, теперь я знаю куда ѣхать. Етому отвѣту засмѣялись всѣ, кто тутъ ни былъ, однакожъ не знали что эта была портниха. Нужды нѣтъ, но выходя изъ кареты, посулилъ онъ мнѣ двадцать палошныхъ ударовъ, какъ домой приѣдетъ. Я ихъ не считалъ, но естьлибъ допустилъ я ево сдѣлать суматоху какъ онъ... побей чорна немочь... Однако ето выучило меня жить. На завтра камердинъ и лакей разсказали мнѣ про ево поведенье, и я ужъ не былъ больще подцѣпленъ.

Господинъ Шевалье имѣлъ трехъ или четырехъ бабенокъ, какъ уборщицъ, такъ и портнихъ и иныхъ, коихъ онъ дѣлалъ маркизами и графинями при людяхъ. Ихъ покои были всегда въ четвертомъ жильѣ. Не было обойщика, который-бы умѣлъ лучше его убрать комнату, и такъ дешево. Изъ бергамской исторіи сдѣлаетъ онъ вамъ обои ткаными, изъ соломенныхъ стульевъ штофныя кресла. Кафтаны и алмазы не больше таво ему стоятъ; можно сказать, ето прекрасный инструментъ каковъ есть языкъ ево.

Впрочемъ онъ въ томъ увѣрилъ всѣхъ людей, а иногда играетъ онъ весьма забавныя игры; что не можно удержаться отъ смѣху: тотчасъ вы увидите.

Въ одинъ день какъ ужиналъ онъ въ предмѣстьи С. Германа со многими своими друзьями, Ларошъ, камардинъ его, пришелъ ему доложить въ половину ужина, что я стою въ низу съ маленькою сѣрою каретою и съ потными ево лошадьми. Тотчасъ онъ сказалъ тихонько, такъ что весь столъ услышалъ, одному изъ этихъ господъ, что онъ ѣдетъ на свиданіе и чтобъ они все-таки веселились ожидая его, потому что меньше часа довольно будетъ для его дѣла.

Сѣвши въ карету сказалъ онъ мнѣ—на Болото, во всю скачь; а я его обыкновенно возилъ очень скоро. Однако на выѣздѣ изъ улицы остановилъ меня сказавъ мнѣ, чтобъ я ѣхалъ шажкомъ на Телячій Рынокъ.

Какъ пріѣхали мы туда, то вышелъ онъ посмотрѣть съ которой стороны вѣтеръ дуетъ. Что до меня; то я не зналъ того, что онъ тѣмъ хотѣлъ сказать. Какъ увидѣлъ онъ, что вѣтру не было, то принялся онъ всклокачивать всѣ свои завитые волосы, причесываться своими пальцами, однимъ словомъ, онъ растрепался наилучше. Потомъ разстегивалъ всѣ пуговицы и опять застегивалъ ихъ на криво; опустилъ чулки, измялъ манжеты, разстегнулъ одну запонку, конецъ носа нарумянилъ, сорвалъ у себя со лбу мушку: наконецъ сдѣлался такъ, какъ будто возвращался съ грабежа.

Какъ ета возня продолжалася около получаса, то опять вошелъ онъ въ карету, и приказалъ мнѣ потихоньку ѣхать къ тому дому, въ коемъ были тѣ господа, а за сто шаговъ поскакать что есть мочи, и вскакать на дворъ. Лакей его Лафрансъ, сказывалъ мнѣ, что вошелъ онъ въ комнату весь запыхавшись и что сказалъ онъ своимъ друзьямъ, что не безъ большого труда ему было, какъ они сами его видѣли, привести къ концу герцогинюшку.

Онъ дѣлалъ сто обмановъ сему подобныхъ, которые принимаемы были за чистыя деньги. Однако случилось ему одна пакостная передряга съ настоящею президентшею деревенскою. Ето самое возвышенное доброе счастіе какое онъ тутъ имѣлъ, еслибъ такъ хотѣли называть доброе счастіе, по причинѣ какимъ образомъ ето поворотилось. Еслибъ добромъ оно кончилось, то господинъ Шевалье не преминулъ бы тщеславиться и какъ онъ дѣлалъ портнихъ герцогинями, то сдѣлалъ бы онъ госпожу президентшу по крайней мѣрѣ королевою.

За всѣмъ тѣмъ, каковъ ѣхалъ таковъ и погонялъ, потому что госпожа президентша походила на него почти во всѣхъ его обрядахъ. Она бывала нѣсколько разъ при дворѣ, когда всѣ люди туда ходятъ смотрѣть, какъ играютъ воды въ день С. Людвика, и въ процессію голубыхъ лентъ. Къ томъ жъ какъ она видала знатныхъ герцогинь и иныхъ госпожъ въ операхъ и въ другихъ мѣстахъ, она переняла легкія маперы.

Они оба другъ друга увѣрили, что изъ пузырей были фонари, такъ что госпожа президентша обѣщала пріѣхать въ одинъ вечеръ отъужинать въ маленькомъ домикѣ у господина Шевалье. Она было хотѣла чтобъ ето было въ собственномъ ея домѣ, потому что въ немъ все было употребительное принадлежащее до свиданія; но ссудила, она имъ одну изъ своихъ пріятельницъ, которая поступала такъ какъ, будто былъ онъ ея собственной.

Госпожа президентша пріѣхала прежде его, какъ это употребляется въ нынѣшніе дни. И какъ прибылъ господинъ Шевалье, то сѣли они ужинать одинъ на одинъ какъ будто шпажники. Что до меня, то я выпивъ два глотка одной рукой и столько жъ другою, пошелъ немного подремать въ саду подъ доброю звѣздою.

Близъ добраго часа было, что я не открывалъ своихъ глазъ, какъ разбудилъ меня слухъ двухъ голосовъ, кои говорили подлѣ меня. Такъ было свѣтло, какъ въ печи; однако я очень распозналъ рѣчь господина Шевалье, который увѣрялъ госпожу президентшу, что не любилъ онъ такъ никого какъ ее. Швалье, отвѣчала она ему, вы на многое отваживаетесь, человѣкъ такъ разсыпанной какъ вы, долженъ чувствовать большія страсти; ето правда, говорилъ мой хозяинъ, и я не такой дуракъ, чтобъ въ томъ не согласиться; но я вамъ клянусь, по чести, что я никогда не былъ такъ живо влюбленъ какъ въ сей часъ. И вотъ точно, сказала президентша, етой то живости я опасаюсь. Не безъизвѣстно тебѣ, Шевалье, что я вдова, и еще очень молода, почему страшусь отдавать въ пресуживаніе честь мою. Я вамъ клянусь, продолжалъ мой хозяинъ, что она ни въ какой бѣдѣ со мною не будетъ, и я умѣю ее сохранить. Полно, моя королева, перестаньте сопротивляться, сдайтесь наивлюбленнѣйшему изъ всѣхъ мужчинъ.

Кончился тутъ разговоръ на малое время потому что чрезъ минуту послѣ сказала госпожа президентша, въ полголоса: Ахъ! но Шевалье ты ни мало не думаешь? Ты видно почитаешь меня за подлую дѣвку... Ты не имѣешь никакова разсужденія... Поди прочь, ето ужасно... Я васъ увѣряю, ето противъ воли моей... Ты меня уморишь... Нѣтъ, право я тебѣ никакой помощи не подамъ... Ты очень имѣлъ причину говорить, что честь моя никакой бѣды съ тобой имѣть не будетъ... Ступай туда, откуда пришелъ... Ты великій не-

вѣжа... Такъ не поступаютъ съ женщинами моей знатности.

Очень я увидѣлъ, что президентша отклеилась отъ г. Шевалье, ибо она спросила свою карету, и не смотря на все то что хозяинъ мой ни дѣлалъ, сѣла она въ нее, и оставила ево тутъ съ короткимъ ево стыдомъ.

Ето приключеніе надѣлало ему много затрудненія, и какъ онъ сверхъ таво, имѣлъ нужду въ деньгахъ. поѣхали мы въ окружность Орлеана, гдѣ онъ имѣлъ земли, для собранія денегъ. Въ етой деревнѣ была молодая дѣвушка очень прекрасна, которая жила въ Парижѣ долгое время у крестной своей матери, коя держала ее по дружбѣ у себя. Но какъ она умерла, то Жавота назадъ пріѣхала къ своей матери для житья съ нею, что ей мало нравилось.

Larошъ, который былъ проворенъ на коммиссіи, лавировалъ около этой молодости, чтобъ ввести ее въ сѣти своего барина. Онъ ее увѣрялъ, что если она захочетъ выйти за нево за мужъ, то онъ возьметъ свою отставку отъ камердинерства, чтобъ быть надзирателемъ дому, или ѣхать жить въ Парижѣ нанимая убранныя комнаты.

Дѣвка, которая была не дура, лучше любила одно нежели другое, потому что въ Парижѣ гораздо вольнѣе нежель въ деревнѣ. Со всѣмъ тѣмъ она очень видѣла, что онъ можетъ быть имѣлъ желаніе ее обмануть, почему она ни половинѣ его рѣчамъ не вѣрила. Видѣлъ я Ларошево плутовство, хотѣлось было мнѣ открыть Жавотѣ тайныя сѣти, въ которыя хотѣли ее запутать; но я такъ же боялся, что если свѣдаетъ объ етомъ господинъ Шевалье, то рано или поздно онъ мнѣ вымѣститъ. Я не зналъ какъ мнѣ за ето приняться, какъ въ одинъ день когда я былъ въ звѣринцѣ, и самъ не знаю зачѣмъ, увидѣлъ я идущихъ Жавоту и Лароша, которой шелъ позади ее. Я слѣдовалъ за ними волчими шагами даже до небольшова мѣста, гдѣ они сѣли на травѣ, я спрятался за кустомъ, откуда я слышалъ весь ихъ разговоръ, который вотъ слово до слова точными рѣчами, какъ я ето въ памяти удержалъ.

Ларошъ говорилъ ей, для чево не хотѣть вѣрить тому, что я вамъ сказывалъ о милостяхъ какія мнѣ оказываетъ мой баринъ? Онъ меня никогда не оставитъ въ недостаткѣ: онъ мнѣ и вчера еще говорилъ, что ежель я буду имѣть честь на васъ жениться, то онъ не хочетъ, чтобъ я оставилъ его службу, какъ я имѣлъ намѣреніе. Онъ полагаетъ, чтобъ вы жили здѣсь въ господскомъ домѣ. Вамъ покои уже назначены. Они во флигелѣ налѣво подлѣ рощи, потому что находитъ онъ за нужное, чтобъ я жилъ подлѣ ево, и натурально чтобъ вы были тутъ же со мною. Однакожъ мы будемъ имѣть отдѣльную комнату, наконецъ чтобъ я находился ближе къ моей должности, и чтобъ не перерывать вашего спокойствія, когда онъ нечаянно будетъ ночью имѣть во мнѣ нужду.

Сіи мѣры, отвѣчала Живота, которая видѣла ясно то, что было, изрядно расположены. Я думаю еслибъ кто ихъ разстроилъ, то бы великую вамъ сдѣлалъ досаду. Етому не бывать, сказалъ на то Ларошъ, развѣ со стороны г. Шевалье, которой достоенъ всякаго роду почтенья. Еслибъ вы знали до чего простираются его ко мнѣ милости, съ какою онъ дружбою увѣряетъ меня, что онъ хочетъ стараться о моемъ благополучіи... Вы увидите, вы увидите съ какимъ онъ видомъ за ето возмется. Я увѣренъ что вы удивитесь. Ни малехонько, сказала Жавота, я ето разумѣю, и вы заслуживаете сіе благополучіе за всѣ ваши угожденія; однако, скажите мнѣ объ одной вещи; какъ я буду твоею женою, то не должна ли я буду такъ же изъ моей матерой земли доставлять угожденіе?

Думаю, что я васъ разумѣю, отвѣчалъ камердинеръ, не много усмѣхнувшись. То, какое могъ бы онъ отъ васъ потребовать, не должно вамъ причинять никакого безпокойства въ разсужденіи меня. И хотя очень много васъ люблю, однако довольно имѣю разсудка, чтобъ отдаться въ общее заблужденіе. Нѣтъ, нѣтъ, я не сотворенъ тѣмъ чтобъ вложилъ я себѣ въ голову, что вы не можете ни кому понравиться какъ только мнѣ. Былъ бы мужъ смѣшенъ, если бъ захотѣлъ онъ чтобъ ево жена была красавицею только для ево глазъ. Ахъ! Я васъ понимаю, отвѣчала Жавота, вы такой человѣкъ, которой согласится на извѣстныя не большія предпріятія, какія господинъ Шевалье могъ бы имѣть надо мною. Лучшія имѣйте обо мнѣ мысли, вдругъ подхватилъ Ларошъ. Впрочемъ я надѣюсь что можно, не согрѣшая предъ супругою благопристойностію, пропускать сотни такихъ малостей, кои не стоятъ того чтобъ ду-

мать объ нихъ, и за которыя однакожъ простяки мужья озлобляются. Я вамъ растолкую: напримѣръ я васъ положу вышедшею замужъ; г. Шевалье васъ видѣлъ; онъ знаетъ, что вы прекрасны, и увидитъ онъ то гораздо ближе, когда мы будемъ совокуплены. Мнѣ извѣстно, что онъ большой краснобай, да и все тутъ. Доброй господинъ не требуетъ больше сего: онъ станетъ вамъ разсказывать лестныя слова о вашей красотѣ, о вашихъ пріятностяхъ, да и самъ не знаю о чемъ? О тысячѣ вещахъ, которыя часто и у мужа вырываются. И такъ! не ужто я дуракъ, чтобъ сердиться за то что онъ учтивъ, ласковъ? И за то что находитъ онъ васъ по своему вкусу? Въ етомъ я не виноватъ. Я етого ему не говаривалъ, да и виду не дѣлалъ. Между нами, не очень ли бы я худо поступилъ, еслибъ сталъ ревновать за бездѣлицу, сказанную имъ тебѣ мимоходомъ? Бездѣлица, которая дѣйствительно не наноситъ никакого удара; лишь волокитныя слова какія всякой бы вамъ сказалъ, кто бъ васъ не увидѣлъ: потому, то что я объ немъ говорю, скажу ето обо всемъ свѣтѣ. Мужчины сдѣлали себѣ привычку улещать любовными словами, а женщины жадно ими насыщаться. Для чего такой силѣ противиться? Учрежденному употребленію, и такъ сказать, всѣми принятому? Истинно, сударыня, ето было бы предаться посмѣянію веселаго сердца. Если такъ, какъ я думаю, то я буду властвовать надъ симъ пунктомъ моего домоводства. То есть, отвѣчала Жавота, вы считаете имѣть всю власть, а мнѣ оставляете на подѣлъ безчестье.

Безчестье! сказалъ Ларошъ, выраженіе очень обширное, которое всякій толкуетъ на свой манеръ, и коего прямо никто не разумѣетъ, чтобъ захотѣть дать ему большее пространство. У меня разума не больше какъ и у другова; однако хорошій разсудокъ научаетъ меня мало уважать вещь саму по себѣ нелѣпую, которая будучи дѣйствительною не производитъ никакова существеннаго зла. Впрочемъ есть люди гораздо глупѣе, кои составляютъ и разсказываютъ привидѣнія рождающія другія привидѣнія, что болѣе человѣкъ показываетъ, что онъ дуракъ, то менѣе такимъ почитается. Не лучше ли наблюдать свои выгоды? Какъ! Потому что угодно было нѣкоторымъ безмозглымъ головамъ сдѣлать женщинъ хранительницами таво, что называютъ нашей честью, надобно кричать, разбой, грабятъ, если онѣ когда изъ рукъ ево упустятъ! Хотятъ чтобы я пошелъ требовать справедливости въ той бѣдѣ, какой я никогда бы не чувствовалъ если бы мой сосѣдъ, коему ни малой до того нѣтъ нужды, не вздумалъ вмѣсто меня жаловаться.

Вашего сорта мужья, сказала Жавота, долженствовались заставить сіе нравоученіе напечатать. Не думаете ли вы, промолвилъ Ларошъ, что женщинамъ было бы обидно сдѣлать вспоможеніе на ево печатаніе; онѣ тутъ столько-жъ да еще и больше имѣютъ пользы нежель мы. Я ето вамъ докажу, прибавилъ онъ, останавливая Жавоту, которая хотѣла уйти, ежели вы изволите минуту меня послушать со вниманіемъ. И не дождавшись ея отвѣта, онъ продолжалъ.

Когда ввѣряли мы вамъ подъ сохраненіе нашу честь, мы знали что худо вы ее защищать будете, и чрезъ очищеніе дурачества; да, дурачества, ето слово очень пристойно; мы употребили всѣ хитрости могущія послужить противъ непріятеля, коего извѣстны бодрость и неустрашимость. Мы очень знали, что вы поддадитесь малѣйшимъ усиліямъ, но мы захотѣли себя назначить въ томъ случаѣ дѣлать вамъ выговоры, какихъ заслуживаетъ наша невоздержность. Мы дѣлаемъ еще злѣе, больше ко стыду нашего пола нежели вашего, когда мы васъ побѣдимъ, тогда мы вами ругаемся въ видѣ недостойныхъ побѣдителей; мы веселимся вашимъ пораженіемъ, какъ будто мы ничево не теряемъ съ нашей стороны. Согласны ли вы, сударыня...

Вотъ етого довольно, сказала Жавота, прочь уходя, я больше слышать не желаю. Ларошъ еще хотѣлъ было ее удержать; но она такъ на нево гаркнула, какъ я очень видѣлъ, что нечего было ему дѣлать, ето то заставило меня взять смѣлость предложить ей, что я хочу на ней жениться для меня одного.

Не долѣе ждалъ я, какъ того же вечера нашелъ я ее одну, и напрямикъ, выляпалъ я ей то, что у меня было на сердцѣ касаясь ее, а она меня ни внутри ни на дворѣ поставила, такъ что я имѣлъ добрую надежду, къ тому же еще не знала она, что я нѣчто имѣлъ выигрышу себѣ въ Парижѣ, кое сберегалъ я возя кареты, такъ что ето дѣлало не большое сокровище очень прекрасное для дѣвушки, которая ничего не имѣла.

Два дня спустя, дѣвица Жавота, по своей милости, сказала мнѣ, что скоро она и съ матерью

своею поѣдетъ въ Парижъ стараться искать хорошаго мѣста, и ежели я хочу пріѣхать тамъ ихъ найти, то мы поговоримъ о своихъ дѣлахъ.

Что было сказано то и сдѣлано, на другой день послѣ ихъ отъѣзда, пустился я слѣдовать за ними на своемъ на двоемъ безъ копья, попрося напередъ у г. Шевалье денегъ и моего отпуску. Онъ мнѣ тотчасъ отдалъ одинъ, а за другимъ я еще и теперь таскаюсь.

Это не помѣшало нагнать мнѣ людей моихъ въ Монтлери, откуда мы прибыли въ Парижъ къ одной прачкѣ мнѣ знакомой, гдѣ Жавота и мать ея были приняты очень хорошо.

Какъ никакого мѣста не можно вдругъ найти, то мамзель Жавота и мать ея были нѣсколько времени на моихъ рукахъ, такъ что мой кошелекъ выходилъ по маленьку. Наконецъ предложилъ я женитьбу, и какъ мать видѣла что я стою ея дочери, то въ пятнадцать дней все было устроено. Послѣ свадьбы теща возвратилась домой, а я нашелъ мѣсто, о которомъ хочу говорить, куда и наша жена потомъ поступила.

ПОВѢСТЬ

о госпожѣ Аллень и о господинѣ Аббе Еврардѣ.

Ето было совсѣмъ безъ хитрости, и нечаяннымъ случаемъ, что я вошелъ въ службу къ сей госпожѣ. Какъ она въ одинъ день ѣхала по новому мосту, то извозчикъ зацѣпилъ такъ сильно за ея карету, что кучеръ ея упалъ на земь, не могши больше влѣзть на козлы. Какъ я тутъ былъ присутственъ моею особою, то и предложилъ что я сяду на козлы, что и было принято. Кучеръ ея не могши послѣ своего паденія больше править лошадьми, сдѣлала она его своимъ воротникомъ, а я заступилъ его мѣсто.

Ето была добрая госпожа, вдова бездѣтная, около сорока двухъ лѣтъ, которая бывала прекрасная женщина, и имѣла еще хорошія остатки.

Въ домѣ былъ г. Аббе Еврардъ, который все управлялъ. Онъ былъ жиренъ какъ монахъ, и если между тѣмъ кушалъ онъ только ножки; но лицо его было свѣже и красно какъ розовый цвѣтокъ, по причинѣ хорошаго бургонскаго вина, которое онъ пилъ, для укрѣпленія своего желудка противъ молитвенника; онъ не имѣлъ ни на своемъ платьѣ, ни малѣйшаго не чистаго пятна. О! это былъ человѣкъ весьма чистоплотенъ.

Сперва какъ я ево увидѣлъ взялъ ево въ друзья, по тому что имѣлъ онъ видъ весельчака однако въ послѣдствіи нашелъ я иное пропѣть.

Когда вступаютъ вновь въ такой домъ, то не знаютъ его поведенія; ето заставило меня, что я въ одинъ день заплатилъ за вино Воротнику, отъ котораго принялъ я лошадей, чтобъ наконецъ разсказалъ онъ мнѣ всѣ обряды и вдоль и поперегъ.

И такъ онъ мнѣ сказалъ: госпожа Аллень, есть наша хозяйка, наилучшая въ свѣтѣ женщина когда ей не противорѣчатъ; по тому что г. Аббе натвердилъ ей, что не надлежитъ чтобъ служитель говорилъ нѣтъ, когда господинъ сказываетъ: да; хотя бы хозяинъ и не правъ былъ; потому что слуга не годится, когда онъ разумнѣе своего господина.

Что касается до г. Аббе, то онъ былъ, какъ я его видѣлъ моими глазами, толстый кумъ, имѣющій столько разума, что одна лишь только барыня могла нѣсколько разумѣть изъ его разговоровъ; онъ всякое Воскресенье и въ праздники цѣлому дому толковалъ законъ или сказывалъ проповѣди, не веля идти въ приходскую церковь, ибо г. Еврардъ говорилъ, что попы не знаютъ, какъ надобно, хорошева закону.

Госпожа Барба, прежде бывшая няня госпожи Аллень, почти ничего въ домѣ не дѣлаетъ, по тому что она стара, а только всякое утро носитъ бульонъ къ г. Еврарду, и варитъ для него шоколадъ, когда онъ съ постели встаетъ, а послѣ обѣда подаетъ ему кофе; и барыня не хочетъ чтобъ она работала что нибудь своими пальцами, а только бъ ему служила.

Дѣвица Дусіоръ, горнишная дѣвушка, все дѣлаетъ то что надлежитъ около барыни, выключая нагрѣвать зимою грѣлкою постелю г. Аббе, когда бываетъ холодно, и прикладывать грѣлки налитыя горячимъ саломъ къ обѣимъ берцамъ, и оловянный его шаръ съ кипящею водою къ ногамъ, какъ онъ ляжетъ въ постель.

Г. Кули, поваръ, имѣетъ приказъ готовить какъ можно лучше фрикасеи, а особенно супы, ибо г. Аббе говоритъ ко всякому дѣлу, что хорошій поваръ дѣлаетъ хорошій желудокъ.

Теперь нѣтъ сахарника, по причинѣ что послѣдній сосланъ со двора. за то что не исправлялъ своей должности такъ, какъ хотѣлъ г. Еврардъ, который умѣлъ лучше нежели онъ. А выписываютъ одного изъ Турса, а другова изъ Руана, чтобъ видѣть которой изъ нихъ будетъ лучше.

Наконецъ окончательно надлежитъ, чтобъ всѣ люди повиновались господину Аббе, которой дѣлалъ все по своей головѣ, такъ какъ Шапошники, въ домѣ, въ коемъ онъ былъ властелиномъ надо всѣмъ, даже касается до денегъ, безъ счету и безъ мѣры.

Когда я хорошенько все ето узналъ, то и расположился я такъ, что больше повиновался господину нежель госпожѣ.

Со всѣмъ етѣмъ чуть было не согнали меня со двора долой. Въ одинъ день какъ я понавинился, везъ я г. Еврарда для взятія воздуха въ Веньсанскія алеи. Ѣхавши домой, захотѣлось мнѣ скорѣе другова проѣхать въ воротахъ С. Антонія, мы другъ друга зацѣпили, хотя не такъ крѣпко, однако довольно чтобъ разбудить г. Аббе, которой почивалъ въ каретѣ.

Не успѣлъ онъ домой пріѣхать, какъ пошелъ сказывать барынѣ, что я великій грубіянъ, не умѣю ѣздить, и надобно сыскать другова посмирнѣе.

Я, который не зналъ ничево изъ ничево былъ удивленъ, когда госпожа приказала меня кликнуть, для объявленія мнѣ чтобъ я завтра убирался со двора долой, и что возметъ онъ другова кучера.

Мнѣ не помѣшало спросить за что меня ссылаютъ? И г. Аббе отвѣчалъ, за то чтобъ проучить меня какъ зацѣплять, опасаясь чтобъ я не подавилъ людей, и по причинѣ что я пьяница, отъ котораго за версту виномъ пахнетъ.

Мнѣ досадно было, что за такую бездѣлицу меня ссылаютъ; но наконецъ насильно въ людяхъ не остаются. На завтра какъ шелъ я вверхъ въ комнату г. Аббе, и принять мои деньги; вотъ и жена моя принесшая мнѣ бѣлье на перемѣну, и я ей разсказалъ мое приключеніе, стоя на дворѣ. Г. Еврардъ смотрѣлъ на насъ въ окошко. Госпожа Вильгельмша стала плакать видя меня безъ мѣста; а я утѣшалъ ее какъ можно лучше, и пошелъ къ Г. Еврарду, коснуться моихъ кругляковъ.

Счетъ мой былъ уже готовъ. Какъ я мои вытирки положилъ къ себѣ въ карманъ, тогда г. Аббе сдѣлалъ мнѣ милость спросилъ меня: Какая ето молодая женщина, съ которою ты говорилъ на дворѣ? Ето, сударь, отвѣчалъ я ему, моя жена. Такъ по етому ты женатъ? Да, сударь, вы етого не вѣдали, сказалъ я ему. О! это перемѣняетъ положеніе, надобно имѣть соболѣзнованіе къ тѣмъ людямъ, кои семейство имѣютъ. Сколько у тебя дѣтей? Тотъ или та, что выйдетъ на свѣтъ, отвѣчалъ я ему, будетъ первый. Ето еще въ прибавокъ, что обязываетъ мою жалость выпросить тебѣ прощеніе, сказалъ онъ, состояніе въ какомъ находится твоя жена, и нищета въ которую можетъ быть скоро вы того узнаете, будучи безъ мѣста, заставляютъ меня забыть твои глупости. Ступай, возвратись къ твоей должности, я получу тебѣ прощеніе. Жена твоя въ здѣшнемъ ли кварталѣ живетъ? Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ я ему, она оченъ далеко живетъ отсюда. Но, продолжалъ онъ, ей очень трудно такъ далеко ходить? Я чаю здѣсь есть вверху одна небольшая комната, въ которой можно ее помѣстить; она тутъ скорѣе получитъ воспоможеніе, какого требуетъ ея состояніе. Милосердіе госпожи Аллень простирается безъ разбору на всякаго рода людей, однако натурально чтобы ея служители имѣли преимущество. Я пойду къ ней, и стану просить квартиры женѣ твоей. А ты покуль все таки вели перенести небольшіе твои пожитки.

Я такъ былъ переполошенъ, увидя столько милостей, что я остался какъ статуя бездыханная, не могши его поблагодарить. Въ то время какъ я все это пересказывалъ госпожѣ Вильгельмшѣ, хозяйка наша приказала обѣихъ насъ къ себѣ привести.

Послѣ многихъ вопросовъ и говореньевъ да и нѣтъ, по причинѣ что госпожа Аллень никогда не хотѣла имѣть у себя женатыхъ, наконецъ опредѣлено было, чтобы жена моя спала въ маленькой горенкѣ вверху надъ г. Аббе, а я въ моей обыкновенной надъ конюшнею.

Казалось мнѣ по нѣкоторымъ рѣчамъ сказаннымъ мамзелью Дусіоръ, что не очень она была довольна видѣть въ домѣ госпожу Вильгельмшу, но какъ не требовали въ томъ ея мнѣнія, то должно было ей замолчать. Не помѣшало ето спустя нѣсколько дней нашей женѣ поселиться; и еще къ большей досадѣ горнишной было то, что г. Аббе приказалъ госпожѣ Вильгельмшѣ кушать въ скатертной, а потомъ какъ приходилъ срокъ ея родовъ,

то велѣно къ ней носить въ комнату, потому что могла бы она себя повредить ходя внизъ и вверхъ; такъ что ее весьма берегли.

Я такъ былъ радъ видя всѣ хорошіе образы, что готовъ былъ я идти въ ледъ для боярыни, а въ огонь для господина Аббе, кои такъ попечительно старались о женѣ моей и о ея плодѣ, который былъ дѣвчонка, родившаяся не много ранѣе нежели госпожа Вильгельмша считала; это сдѣлало что госпожа Аллень дала ей бездѣльныя пеленки, вмѣсто хорошихъ, однако г. Аббе говорилъ г. Аллень, что тутъ нѣтъ большаго худа, ибо другія будутъ служить для перваго ребенка, какова имѣть будетъ наша жена.

Въ домѣ шло наилучшимъ образомъ, гдѣ всякій былъ доволенъ, выключая дѣвицу Дусіоръ, которая мнѣ всегда выпускала мимоходомъ нѣкоторыя язвительныя слова на счетъ госпожи Вильгельмши и господина Аббе. Однако наконецъ, ето било меня какъ молоткомъ въ голову, такъ что я за ними долгое время караулилъ не видя ничего того, что сказывала мамзель Дусіоръ, и я очень видѣлъ что она была только болтунья.

Въ одинъ хорошій день, считала она что городъ взяла, принесши ко мнѣ любовное письмо г. Аббе, такъ какъ она сказывала и что видѣла она какъ жена моя выронила ево изъ кармана. Она ево мнѣ читала много разъ съ одного конца даже до другова, не понимая тутъ ничево такова, чтобъ было что въ немъ противъ моей чести, какъ ей хотѣлось; и вы увидите по правдѣ что ничево тутъ нѣтъ такова, ибо я ево кладу вамъ предъ глаза.

«Дражайшая моя сестра».

«Наконецъ я вкушаю, съ полною пріятностью, плоды новой жизни, коея употребленію имѣлъ я честь васъ научить и вы готовы вступить въ совершенство, коего неизреченныя сладости я вамъ прославлялъ. Также съ удовольствіемъ усматриваю, что вы не имѣете больше тѣхъ сухостей, коихъ лишеніе прежде сего причиняло вамъ только несовершенное воспламененіе сердца: сухости заставляющія насъ взаимно отчаяваться, когда нибудь достигнуть до сего состоянія блаженства, составляющаго награжденіе одиноческой жизни, коея наши величайшіе и глубочайшіе учители дѣлають намъ прекраснѣйшее изображеніе. Однакожъ, какъ я считаю, и какъ я знаю собственнымъ моимъ опытомъ, что иногда не худо удаляться отъ общихъ правилъ, я не буду вамъ много повторять унять тѣ жестокія сраженія, кои заставляютъ васъ еще чувствовать сильныя колебаніи внутреннихъ прискорбностей; надобно немного удаляться отъ разсужденія вышнихъ вещей, однако не упуская ево изъ виду, чтобъ придать нѣчто болѣе къ дѣйствительности. Впредъ споспѣшествуй мнѣ, дражайшая моя сестра, въ совершенствѣ тѣхъ пріятныхъ восторговъ, коихъ ваша теплота лишала васъ до сего времени, не смотря на старанія дѣлаемыя мною, чтобъ заставить васъ вкусить ихъ въ совершенной ихъ полности».

Чтожъ вы тутъ находите къ изобличенію, сказалъ я мамзелѣ Дусіоръ, какъ она перестала читать? Тутъ ни одного слова нѣтъ такова, какъ ты изволишь меня заставлять вѣрить. Это по истинѣ хорошая и прекрасная проповѣдь, и вы хочете чтобъ я жаловался въ томъ, что господинъ Аббе хочетъ учить жену мою закону! Нѣтъ, право, я напротивъ буду имъ за то обязанъ во всю мою жизнь живущую.

О! Когда вы такъ хорошо ето понимаете, отвѣчала она, то надобно дать вамъ еще одну связку: вы, мнѣ кажется, очень хорошо будете ее носить. Бѣдный г. Вильгельмъ, жалко что у тебя такой тупой разумъ! Вы не понимаете что значатъ эти слова касаясь вашей чести? Моей чести, отвѣчалъ я? Конче твой разумъ имѣетъ куречью слѣпоту? Полно, полно, мамзель Дусіоръ ежель только такъ будутъ говорить моей женѣ, то я не опасаюсь жить подъ вывѣской, попался.

Тѣмъ лучше для вашей супруги и для вашего покоя, г. Вильгельмъ, сказала она мнѣ, но естьли вы ничего не понимаете изъ сихъ словъ, то Аббе изрядно ей ихъ растолкуетъ; безбожникъ! Я не знаю что удерживаетъ что я тебя не удавлю... Недостойной! Послѣ таво какъ онъ мнѣ обѣщалъ... И вдругъ она пошла проливъ нѣсколько слезъ, кои подали мнѣ мысль, что господинъ Аббе можетъ быть обѣщалъ ей больше масла нежели хлѣба.

Около восьми дней имѣлъ я ето воображеніе въ мысляхъ, но одна вещь, которую усмотрѣлъ я въ концѣ того времени, вложила мнѣ въ голову совсѣмъ другое, какъ объ ней, такъ и о госпожѣ Вильгельмшѣ.

Однимъ утромъ какъ я былъ въ моемъ овсяномъ амбарѣ для шевеленья его, какъ обыкновенно ето дѣлаютъ кучеры, чтобы онъ не сгорѣлся, увидѣлъ я въ окошко изъ одного угла, въ коемъ я былъ, г. Еврарда, который находился въ шлафоркѣ подлѣ боярыниной кровати, и какъ онъ говорилъ ей очень близко на ухо, такъ что я не видалъ рукъ ни таво ни другой.

Ето сдѣлало, что я въ нѣкоторой вещи усумнился, съ другою вещію бывшею прежде таво, какъ онъ оправлялъ подвязку у боярыни лежащей на шессѣ.

Ето придало мнѣ любопытства чтобы получше разсмотрѣть; но какъ сдѣлать? Въ окошкѣ могли бы меня увидѣть. Вздумалъ я самъ собою, что госпожа приказывала мнѣ приходить къ себѣ всякое утро освѣдомляться поѣдетъ ли она со двора. Ето хорошая была выдумка, чтобы къ ней вползти, какъ будто безъ всякаго умыслу. Ни одна живая душа не попалась мнѣ навстрѣчу даже до самыхъ дверей комнаты, кои были не дотворены; такъ что я однимъ глазомъ видѣлъ въ противостоящемъ зеркалѣ только половину происходящаго на постелѣ; но въ награду за то слышалъ я все то что было говорено, и это была госпожа Аллень, которая тогда говорила господину Еврарду: Чему я, любезный мой Аббе, должна приписывать холодность, чтобы не сказать безпристрастность, которую вы мнѣ даете испытывать съ нѣкотораго уже времени? Я холоденъ! Я безпристрастенъ! отвѣчалъ онъ; я никогда не бывалъ болѣе обладанъ, болѣе прельщенъ, и болѣе въ состояніи отвѣчать всѣмъ милостямъ, коими вы меня обременяете; и надлежало чтобы ето было такъ, какъ онъ сказывалъ; ибо не говорили они больше ни тотъ ни другая, какъ только слышны были слова нашпигованныя вздохами и ахами! гдѣ я ничево не разумѣлъ. И для таво пошелъ я назадъ, какъ мамзель Дусіоръ прибыла, которая спросила меня, чего я хочу. Свѣдать, сказалъ я ей, поѣдетъ ли боярыня сегодня поутру; но я не смѣлъ войти, потому какъ я думаю, она съ господиномъ Аббе въ важномъ разговорѣ, который касается только до ихъ двоихъ. Что до нее то быть такъ, отвѣчала горничная осердившись; но что до другова, то онъ мнѣ заплатитъ, иль я не дѣвка. Пойди г. Вильгельмъ, продолжала она, я велю тебѣ сказать, если ты будешь надобенъ госпожѣ: но всегда учись у меня, хоть слегка, что не должно ввѣряться маленькимъ воротникамъ.

Очень я понялъ изъ етихъ словъ то мамзель Джіоръ хотѣла сказать, какъ о себѣ такъ и госпожѣ; но я не могъ себѣ вколотить въ головищу, чтобы Аббе способенъ былъ къ вещамъ сего роду, между хозяйкою и служанкою, что довольно было бы одной изъ двухъ, для одного со всемъ человѣка: и еще пришло мнѣ то въ мысль, этотъ сметной язычишко хотѣлъ меня увѣрить, какъ будто ребенка, что госпожа Вильгельмша имѣетъ свою долю въ лепешкѣ, тѣмъ наиболѣе какъ я зналъ самъ собою, что жена моя тутъ у губъ не обманывала, а потомъ, впрочемъ, письмо его писанное къ ней, ничего такого не сказываетъ, какъ онъ говорилъ госпожѣ.

Приходя и проходя дни, какъ говоритъ иной, наступилъ между тѣмъ наконецъ, что мамзель Джіоръ зная больше нежель я о томъ, что касалось до нее со стороны господина Аббе, который не хорошо поступалъ съ нею въ этомъ случаѣ; и за то довела она ето до ушей боярыни, которая чрезъ нѣсколько времени никакого виду не показывала, чтобъ съиграть ей лучше свою игрушку, какъ вы увидите послѣ етова.

Что касается до мамзель Джіоръ, то сказала она съ своей стороны, что ѣдетъ она къ своимъ родителямъ на свою родину: но были въ домѣ люди, кои очень знали, что она голубкомъ полетѣла въ голубятню одной повивальной бабки.

Госпожа Вильгельмша заступила ея мѣсто горничной при нашей хозяйкѣ, которая приказала ей спать подлѣ своей опочивальни растворя двери, по причинѣ что съ нѣкотораго времени воображаетъ она себѣ, будто видитъ по ночамъ духовъ, коихъ она боится, и это было для ея ободренія: ибо не полагалась она на господина Аббе, который сказывалъ, что никогда не бывало съ того свѣта выходцевъ какъ только въ головѣ добрыхъ женъ. Не очень былъ доволенъ сею перемѣною, которая помѣшала мнѣ ходить къ женѣ моей, такъ какъ я иногда дѣлывалъ въ маленькой ея горенкѣ. Наконецъ я сдѣлалъ моимъ разумомъ, что ночью ходилъ я къ ней на постель, какъ уже она ляжетъ спать, темною маленькою лѣстницею, и всегда на самой зарѣ убирался прочь для чистки моихъ лошадей.

Однако въ одинъ день, не знаю какъ ето могло

сдѣлаться, такъ я крѣпко заснулъ, что и не вздумалъ по обычаю встать на развѣтѣ дня, который видѣлъ входящей въ окошко, у коего не закрывалъ я занавѣсовъ; какъ было тепло во всю ночь, то я совсѣмъ раскидался лежа на краю постели, будто зная что никто на меня смотрѣть не будетъ.

Проснувшись услышалъ я шастанье въ боярской спальнѣ, какъ будто кто ходитъ. Тотчасъ я увидѣлъ, чрезъ кроватную ножку, что ето госпожа Аллень, будучи въ одной сорочкѣ, шла въ ту комнату гдѣ я былъ. Видя себя пойманнаго, какъ лисицу во ржи, вздумалъ и сдѣлаться спящимъ, и притворился храпѣть не шевелясь ни рукой ни ногой, покуль сидѣла госпожа на своихъ креслахъ, кои стояли въ углу комнаты противъ самого меня. Знаютъ что женщина вдова была уже замужемъ, и она ужъ не ученица; это меня заставило такъ остаться какъ я былъ, не перемѣняя моего положенія, ни дѣлая подобія проснуться, чтобы не имѣть труда предъ нею извиниться: а сверхъ того, почтетъ ли она за грѣхъ что я лежалъ съ моей женой.

Какъ скоро она вышла, то и я также пошелъ къ своему дѣлу, какъ всегда бываетъ, и все прошло въ этотъ день по обыкновенному.

Въ слѣдующую потомъ ночь, хотѣлъ я идти видѣться съ госпожею Вильгельмшею, но маленькія двери нашелъ я заперты. Ето заставило меня подумать, что такъ сдѣлано было по приказу боярыни, коя не захотѣла чтобы я спалъ съ моей женой. Ето не очень мнѣ было пріятно. Постучался я тихонько у дверей; но какъ жена моя мнѣ ихъ не отперла, то подумалъ я, что теперь она въ первомъ снѣ; почему и воротился я назадъ какъ не солоно хлѣбавъ.

Поутру, какъ я въ пять часовъ съ полуночи былъ у моихъ лошадей, увидѣлъ я въ окошкѣ боярыню, которая махала мнѣ, чтобы взошелъ я по большой лѣстницѣ вверхъ; она отперла сама всѣ двери, и какъ на мнѣ были конюшенные туфли, то приказала мнѣ она оставить ихъ въ передней, чтобы не надѣлать стуку.

Не зналъ я что думать о всемъ етомъ манежѣ; ибо она была только въ одной коротенькой исподницѣ; однако сказала она мнѣ, если ты мнѣ обѣщаешься ничего о томъ не говорить, что я тебѣ покажу, то будешь имѣть случай мною хвалиться. Я все ей обѣщалъ, чего она желала, и повела она меня сквозь свою спальню въ ту комнату гдѣ спала моя жена, гдѣ я видѣлъ ее въ своей постелѣ и подлѣ ее растянувшагося Аббе, которые оба спали крѣпко.

Сіе видѣніе такъ меня сильно ужаснуло, что когда бы я не обѣщался госпожѣ Аллень ничего не говорить, то не могъ я произнести ни одного слова: боярыня вытащила меня даже въ переднюю, у которой двери заперла за нами и потомъ сказала мнѣ: ну Вильгельмъ, что ты думаешь о томъ, что теперь ты видѣлъ? Ахъ! сударыня отвѣчалъ я ей, ни какъ я этого не ожидалъ; оно весьма безчестно для человѣка сего одѣянія. Можетъ быть по причинѣ характера не осмѣлился бы я къ нему прикоснуться, но что до жены моей, которая таво не имѣетъ, то я ее вамъ такъ проучу, что скоро заговоритъ она, полно, полно! Изъ етого ни больше ни меньше не прибудетъ, бѣдной мой Вильгельмъ, сказала она, а шумъ, которой ты надѣлаешь, увѣдомитъ весь свѣтъ о томъ, о чемъ хорошо было бъ если бъ онъ не зналъ, какъ для твоей чести, такъ и для чести моего дому: однако ни мало не безпокойся, я знаю способы, какъ за тебя отмстить, и сего жъ дня увидишь ты, какъ за сто возьмусь. Окончай убирку твоихъ лошадей и въ десять часовъ пойди ты къ его преподобію отцу Симону, и скажи ему, что я прошу его притти сего дня у меня отобѣдать.

Что жъ, сударыня, сказалъ я ей, отецъ Симонъ сдѣлаетъ во всемъ етомъ? Возставитъ ли онъ мнѣ честь на голову на мѣсто той, какую собачій сынъ Аббе тутъ оставилъ? Теперь ужъ вы увидите, я не повѣрю ни попу ни черту. Ты очень хорошо сдѣлаешь, отвѣчала госпожа; я сама ихъ узнала какъ тѣхъ, такъ и другихъ: однако всетаки исполни то, что я тебѣ приказываю, вотъ тебѣ моя рука, дорогой мой Вильгельмъ, что скоро мы избавимся отъ этого бездѣльника Аббе. Ты будешь имѣть удовольствіе видѣть какъ я сгоню ево со двора. Вы бы очень хорошо сдѣлали такъ же со двора согнать и непотребную жену мою, отвѣчалъ я ей. Это можетъ быть не хуже было бъ, говорила она, однако будь терпѣливъ, все пойдетъ ладно; надѣюсь сыскать способы скоро тебя вылечить отъ етой болѣзни, кою ты получилъ открывъ поведеніе жены твоей; ты увидишь что сто зло будетъ къ лучшему: прилѣпись ко мнѣ и я сдѣлаю тебя счастливымъ; я тебя отставлю отъ ко-

нюшни, а сдѣлаю моимъ камердинеромъ. Не первая буду я женщина, которая употребляетъ для услугъ своихъ большова чернобровца какъ ты: ни кому про ето не сказывай: а дай мнѣ волю дѣлать. Послѣ сего она меня выпустила, а сама пошла въ свою спальню.

Справедливо говорятъ, что ни что такъ не вылѣчитъ всякое зло, какъ богатство; ибо одна мысль о счастіи, кое обѣщала мнѣ госпожа Алленъ, заставила меня почти забыть то, что я лишь видѣлъ: а къ тому жъ, когда жена ваша способна была такъ сбиться въ сторону, ето такъ сильно уменьшаетъ доброе мнѣніе, какое вы должны всегда объ ней имѣть.

Я расположился держаться моей стороны, и это было тотчасъ сдѣлано, потому что я шелъ отъ доброва сердца, я ничего больше не желалъ какъ только видѣть какъ подѣйствуетъ отецъ Симонъ, когда онъ придетъ обѣдать, такъ какъ онъ обѣщался, когда я звалъ его.

При ево прибытіи, у господина Аббе Еврардъ носъ длиннѣе сталъ на аршинъ: сѣли за столъ и боярыня ни мало не заботилась о томъ, что кривлялся Аббе, которой сталъ подстрачивать монаха во время обѣда, а онъ храбро ему отвѣчалъ на всѣ вещи, какія онъ предлагалъ для спорованья; но какъ боярыня взяла сторону его преподобія, противъ своего обыкновенія, то тотчасъ горчица въ носъ кинулась Еврарду, который бросилъ свою салфетку и ушелъ какъ безумной въ свою комнату думать.

Ето произвело громкое постыдное приключеніе, такъ что всѣ люди тутъ бывшіе не знали мы что подумать: но боярыня тотчасъ на полету мячъ отшибла: Вильгельмъ, сказала она мнѣ, пойди скажи господину Еврарду, когда онъ такъ худо чувствуетъ ту честь, кою я ему дѣлаю, сажая его съ собою за мой столъ, и какъ онъ не дѣлаетъ почтенья тѣмъ людямъ, которыхъ я отличаю, то сдѣлаетъ онъ мнѣ удовольствіе впредь не являться къ моему столу.

Когда бъ мнѣ дали денегъ, не столько бъ я былъ радъ, какъ сей данной мнѣ отъ боярыни комисіи, которую отнесъ я совсѣмъ горячую. Не приказалаль она тебѣ также, отвѣчалъ мнѣ Аббе, сказать мнѣ, чтобъ я вышелъ изъ ея дому? Нѣтъ, промолвилъ я ему, но ето можетъ случиться безъ всякаго чуда: когда выгнали изъ за стола, то не кладутъ болѣе быть и въ домѣ. Эти послѣднія слова мною прибавленныя изъ моего мозгу, и по причинѣ хорошей дружбы какую я ему оказалъ, сильно его разсердили, чѣмъ я много веселился. Я думалъ что станетъ онъ меня бить, и хотѣлось мнѣ тово посмотрѣть; потому что я отдалъ бы назадъ ему на спину отъ добраго сердца тѣ рога кои приставилъ онъ мнѣ къ головѣ

Къ вечеру, прислалъ Аббе спросить боярыню, изволитъ ли она дать ему время до завтра, для врученія ей отчету во всемъ томъ, что онъ имѣлъ отъ нее; и госпожа Алленъ, приказала ему сказать, что въ томъ она согласна. И такъ на другой день отдалъ онъ свой счетъ какъ хорошо, такъ и худо; но госпожа была такъ рада видя себя освободившеюся отъ нево, что и не смотрѣла пристально за мелочью, которая однакожъ оставалась важною.

Вещи его тотчасъ были вынесены, потому что онъ ихъ не имѣлъ, а комнатные уборы принадлежали къ дому. Наконецъ онъ поѣхалъ и не было ни большова ни малова ктобъ не радъ тому былъ, за выключкою госпожи Вильгельмши, которая ни чего подобнаго тому не показывала, однако не меньше о томъ думала, ибо добрая скотница спустя два дни сквозь мѣсяцъ провалилась и унесла у меня все то что я имѣлъ лучшаго и хорошаго, что таскаться за Аббе. Надобно что они далеко убрались; ибо я съ того времени не видалъ и не слыхалъ объ нихъ ниже вѣтромъ не наносило, да и я очень мало печалился.

Госпожа Алленъ по крайней мѣрѣ вдвое мнѣ пожаловала вмѣсто того что жена моя унесла у меня, что меня еще скорѣе утѣшило. Приказано мнѣ было сыскать для нее горнишную женщину и кучера и я ей обоихъ вручилъ за моимъ выборомъ.

Хотя не умѣлъ я ни читать ни писатъ ни на счетахъ класть, но взялъ я въ руки ея дѣла, чтобъ править домомъ, такъ какъ дѣлалъ Аббе, и такъ всѣ люди называли меня господинъ Вильгельмъ, толстъ какъ рука въ домѣ.

Однимъ утромъ какъ была она въ своей постелѣ, и какъ я отдавалъ ей отчетъ въ нѣкоторой вещи, она мнѣ сказала, ты видишь Вильгельмъ, какъ я много имѣю къ тебѣ довѣренности: я надѣюсь что ты не измѣнишь мнѣ, какъ тотъ бездѣльникъ Еврардъ. О! что касается до сего то

нѣтъ, сударыня, сказалъ я ей, ибо надобно чтобъ я былъ великой негодяй, и сверхъ таво, поцѣловалъ я у ней руку выставившуюся съ постели.

Какъ это! сказала она, ты еще и волокита? О! сударыня, отвѣчалъ я, желалъ бы я быть столько волокитою сколько вы прекрасны, наконецъ чтобъ вамъ быть пріятнымъ. Но знаешь ли ты, промолвила она, что ты мнѣ дѣлаешь любовное объявленіе, и что я должна за ето разсердиться? А что вамъ изъ таво прибыли будетъ, сказалъ я въ мою очередь, оно не будетъ ни больше ни меньше, а лучше было бъ когда бы вы радовались, а не сердились. Я очень знаю, что человѣкъ моей масти не достоинъ чтобъ вы отвѣчали на его сказыванье; но естьли вы имѣете ту милость, то вы въ послѣдствіи не будете раскаиваться. Я хочу етому вѣрить, отвѣчала она; или я буду очень обманута или ты честный человѣкъ; однако етого не довольно, а надобно быть скромну. О! не бойтесь, сударыня, сказалъ я ей, я нѣмъ бываю какъ карпъ когда надобно; послѣ сего она задумалась, а я взялъ ея руку, потомъ открылъ одѣяло, въ томъ мѣстѣ гдѣ была ея грудь бѣлая какъ снѣгъ. Отважился я положить палецъ на одну, потомъ всю руку, а послѣ обѣ на обѣ, какъ она была все въ задумчивости, и не могло ето ее образумить то я осмѣлился ее поцѣловать. Охъ! отъ етого она очнулась: пойди прочь Вильгельмъ, сказала она, сѣвши на постель. Ты очень смѣлъ, а я очень слаба. Изрядно, сударыня, отвѣчалъ я, такъ оставьте жъ работать моей смѣлости и вашей слабости, ето сдѣлаетъ что мы оба имѣть будемъ удовольствіе Нѣтъ, отвѣчала она, я слышу идетъ моя горнишная женщина; пойди прочь и сверхъ всего помни то, что ничемъ не можешь мнѣ понравиться, какъ только скромностію; а какъ и въ правду горнишная пришла то я выходя вонъ сказалъ боярынѣ, коли на етой ногѣ, то я считаю что дѣло мое ужъ въ мѣшкѣ.

Я ей не сказывалъ, а дѣлалъ то, о чемъ я лишь выговорилъ, потому какъ я примѣтилъ, что она уже съ извѣстнаго времени имѣла ко мнѣ добрую волю. Ето на завтра гораздо лучше объявилося, такъ что привели мы всѣ наши флейты въ согласіе, чтобъ жить въ послѣдствіи, въ доброй совершенной дружбѣ со всѣхъ родовъ обстоятельствами, наилучшими и пріятнѣйшими, такъ что бъ кто таковъ ни былъ, ни кто никогда не примѣтилъ таво, что было.

Такимъ образомъ продолжалось это болѣе десяти лѣтъ, въ кои наградила она меня довольнымъ добромъ которымъ я теперь живу благополучно: послѣ сего времени эта милостивая боярыня скончалась, оставя мнѣ еще нѣсколько вещей по духовной такъ какъ и прочимъ служителямъ.

Послѣ ея смерти, нахожусь я въ деревнѣ подлѣ Парижа, гдѣ я выучился у школьнаго мастера писать и читать книги, кои подали мнѣ охоту сдѣлать одну въ мою очередь, какъ я вижу что свѣтъ въ то вмѣшивается....

«Если сіи четыре повѣсти не нравны будутъ публикѣ, то навѣрно не противны будутъ и прочимъ. Ето меня ободритъ, и послѣ таво что мнѣ помѣшаетъ попасть въ высокіе умы? Еще, кто знаетъ что случиться можетъ въ свѣтѣ? Я вѣдь не толще другова; а при томъ академическія двери не прекрасны ль и не широки ль? Во всякомъ случаѣ чѣмъ бы могли меня попрекнуть? Что я пишу какъ извозчикъ. Есть много другихъ, которые такъ же пишутъ, однако жъ никогда они не бывали извозчиками».

Конецъ.

1478. Повѣсти и разсказы. П. Каменскаго. 2 части. Санктпетербургъ, въ типографіи III отд. собств. Е. И. В. канц 1838 года.—Въ 16 д. л., часть 1-я 266 стр. Часть 2-я 248 стр.

Книжка эта издана довольно изящно и имѣетъ 6 слѣдующихъ литографированныхъ рисунковъ, лит. Штенберга.

1. Всадникъ, скачущій на сѣромъ конѣ къ берегу моря.
2. Всадникъ съ дѣвушкою (къ повѣсти Майко).
3. Неожиданное посѣщеніе (къ разсказу Лунскаго).
4. Заключенный, сидящій въ тюрьмѣ (къ повѣсти Самуилъ-Готлибъ Гмелинъ. Академикъ).
5. Несчастное приключеніе (къ статьѣ Борманъ).
6. Дѣвушка и юноша лежащіе на могилѣ подъ крестомъ мертвыми; справа стоитъ монахъ (къ повѣсти «Конецъ міра»).

Изданіе это довольно рѣдко попадается въ настоящее время на книжномъ рынкѣ.

Гербель, Николай Васильевичъ.

Поэтъ-переводчикъ.
Род. 1827 г., ум. 8 марта 1883 г.

Павелъ Ивановичъ Каменскій—писатель школы Бестужева-Марлинскаго. Онъ оставилъ С.-Петербургскій университетъ и добровольно отправился служить юнкеромъ на Кавказъ.

Повѣсти Каменскаго (часто изъ жизни на Кавказѣ) были очень популярны. Лучшія изъ нихъ были: «Искатель сильныхъ ощущеній», «Письма Энскаго», «Конецъ міра», «Іаковъ Моло». Каменскій написалъ также драму: «Розы и маска». Въ 1838 г. вышли въ С.-Петербургѣ «Повѣсти и разсказы» Каменскаго. Въ разборѣ ихъ Бѣлинскій вполнѣ вѣрно указалъ, что дѣйствующія въ нихъ лица—призраки, а не живыя созданія.

Каменскій до того увлекался описательною стороною поэзіи, что его повѣсти и разсказы могутъ замѣнить не только статистику и топографію Кавказа, но и словари грузинскаго, черкескаго и турецкаго языка.

Умеръ П. И. Каменскій въ 70-хъ годахъ.

См. Энциклопедическій словарь Ефрона, томъ XIV, стр. 172-я.

1479. Повѣсти Новичкова. Санктпетербургъ, въ типографіи медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. 1833 года.—Въ 8 д. л., 188 стр.

Въ началѣ книги слѣдуетъ посвященіе—«Его сіятельству милостивому государю князю Ивану Александровичу Лобанову-Ростовскому, съ чувствомъ глубочайшаго почтенія посвящаетъ Я. Д—въ».

Въ слѣдующемъ листѣ находится эпиграфъ:

Чей трупъ, какъ на распутьи мгла
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи!
Престое рубище чресла,
Двѣ ленты покрываютъ очи,
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверзты!

Державинъ.

Затѣмъ далѣе помѣщено оглавленіе книги.

1. Мать предательница.

2. Художникъ.

Книга въ хорошо сохранившихся экземплярахъ почти не находима и принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся за 5 рублей.

1480. Повѣсть краткая и достовѣрная о раскольницахъ, на соблазнѣ и позорѣ, православныя нашея Восточныя церкви, въ сія послѣднія времена, прибивающихся.—Будимъ. 1848 года.—Въ 8 д. л., 46 стр.

Эта рѣдкая брошюрка издана Платономъ Афонацковичемъ епископомъ будимскимъ и напечатана славянскимъ шрифтомъ. Она содержитъ въ себѣ краткій очеркъ о началѣ раскола въ Россіи и распространеніи его австрійскими славянамя. Въ Россіи эта книжка рѣдка.

По рѣдкому экз. изъ собранія А. Бурцева.

1481. Повѣсть о приключеніи Англійскаго милорда Георга и о Бранденбургской Маркграфинѣ Фредерикъ Луизѣ. Сочиненіе Матвѣя Комарова. 3 части. Москва, 1786 года.

Эта рѣдкая книжка Матвѣя Комарова, автора жизнеописанія Ваньки Каина, въ свое время и много лѣтъ спустя послѣ своего появленія, распространялась съ необыкновеннымъ успѣхомъ; ее особенно читали невзыскательные грамотѣи низшихъ слоевъ общества.

Не смотря на свою безграмотность, это изданіе выдержало десятки изданій и книга въ настоящее время рѣдка.

Купленъ мною экземпляръ за 8 рублей.

1482. Повѣсть о смерти Петра Великаго. Сочиненіе архіепископа Ѳеофана Прокоповича. Напечатано въ С.-Петербургѣ, 1726 года.—Въ 4 д. л. 41 стр.

Въ началѣ слѣдуетъ надписаніе Л. 1-го: «О смерти Петра Великаго Императора россійскаго, краткая повѣсть». Въ концѣ: «Печатано въ санктпетербургской типографіи, 1726 года, августа 11 дня».

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова № 826.—У П. Строева № 242.

1483. Повѣсть о страстяхъ или приключенія господина Шрупа. Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ французскаго языка подпоручика Панкрата Полонскаго, въ С.-Петербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ. 1764 г.—Въ 8 д. л., часть 1-я 6+170 стр., часть 2-я 179+1 стр.

См. «Опытъ россійской библіографіи» Василія Сопикова, стр. 393 сказано. что—«это сочиненіе печатано въ количествѣ 223 экземпляровъ и было продано съ прочими книгами на вѣсъ бумаги».

Въ заключеніе своего сочиненія авторъ говоритъ:—«Сіе есть изображеніе человеческія жизни, въ которомъ показалъ натуру во всякомъ ея видѣ. Слѣдуя за нею въ слѣдъ межъ страстей, коихъ истолковалъ происхожденіе отъ колыбели даже до гроба».

Книга весьма любопытная по своему содержанію и очень рѣдка.

1484. Повѣсть о трехъ сыновьяхъ Алія

и трехъ дочеряхъ правителя Александрійскаго Сирока; турецкая сказка. Въ Москвѣ, въ университетской типографіи у Н. Новикова. 1781 года.—Въ 12 д. л., 155 стр.

Повѣсть эта переведена съ турецкаго языка на французскій въ 1760 году, а съ французскаго на русскій языкъ переложена въ 1780 году.

Книжка довольно любопытная и, безъ сомнѣнія, рѣдкая.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, изъ библіотеки Новикова, съ его отмѣткою.

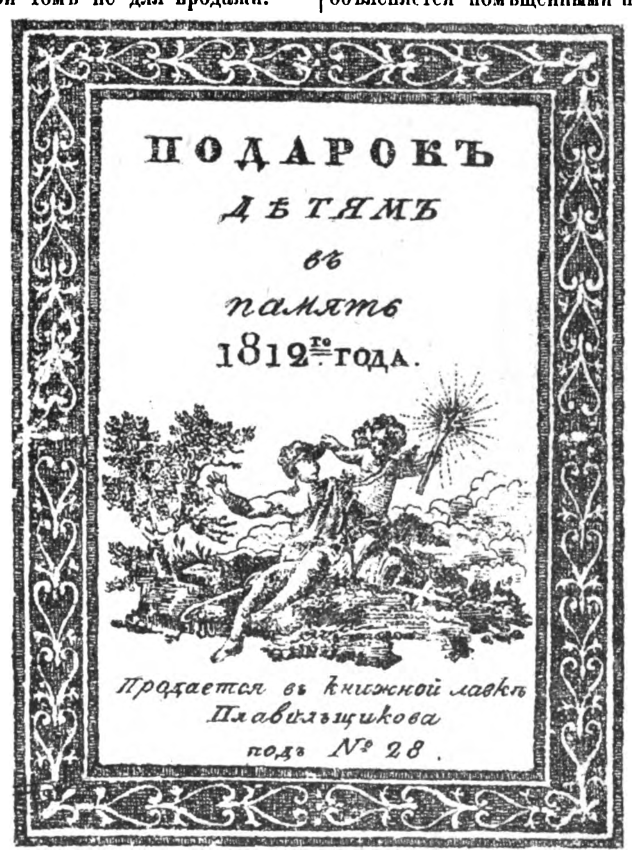
1485. Погребальные и поминальные обряды крещеныхъ татаръ Уфимской губерніи. Казань. 1899 г. Типографія университетская.—Въ 8 д. л. 35 стр.

Эта весьма любопытная брошюра издана С. М. Матвѣевымъ, въ количествѣ только пятидесяти пяти экземпляровъ и при томъ не для продажи.

1486. Подарокъ дѣтямъ въ память 1812 года, продается въ книжной лавкѣ Плавильщикова подъ № 28. Надпись эта напечатана на передней сторонѣ футляра, въ которомъ находится азбука, состоящая изъ 34-хъ картинокъ, заимствованныхъ изъ каррикатуръ 1812 года, съ двустишіями на каждую букву; всего 34 листа, 8 д. л., гравированные крѣпкой водкой, въ однихъ очеркахъ для раскраски. На задней сторонѣ футляра находится слѣдующая надпись: печатать позволено, С.-Петербургъ, 1814 года Декабря 30 дня, цензоръ стат. сов. и кавалеръ И. Тимковскій; въ типографіи Плавильщикова.

Полные экземпляры этой рѣдчайшей азбуки совсѣмъ не находимы въ книжной торговлѣ и составляютъ въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость.

Содержаніе этой рѣдчайшей азбуки, достаточно объясняется помѣщенными подъ ними двустишіями.

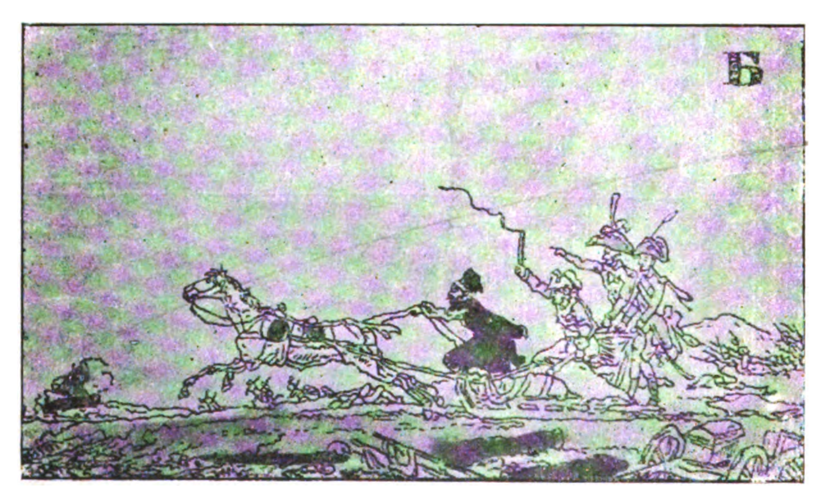

Заглавный листъ изъ книги
«Подарокъ дѣтямъ въ память 1812 года».
По рѣдкому экз. изъ собранія А. Бурцева.

А. Ась?—право глухъ мусье! что мучить старика;
Какъ надобно чего—спросите казака.

* * *

Б. Бѣда — гони скорѣй съ грабителемъ Московскимъ,
Чтобъ въ сѣти не попасть съ Даву и Понятовскимъ.

* * *

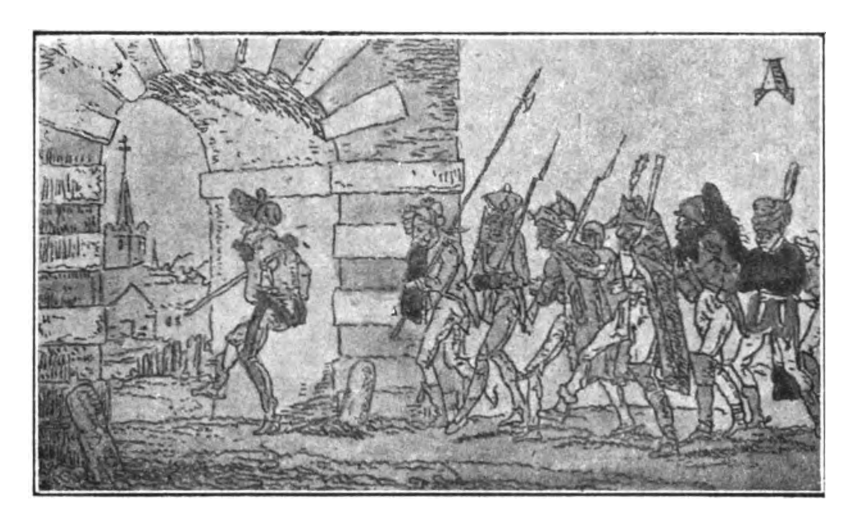
В. Ворона, какъ ворона! Нельзя-ли ножку дать?
А мнѣ изъ котелка хоть жижи полизать.

* * *

Г. Гуляй любезный сынъ, великій корсиканецъ;
Будь золъ какъ тигръ, подлъ и трусливъ, какъ заяцъ.

* * *

Д. Домой пора—маршъ, маршъ! довольно, погостили,
Безъ носу, рукъ и ногъ, въ чепцахъ насъ отпустили.

* * *

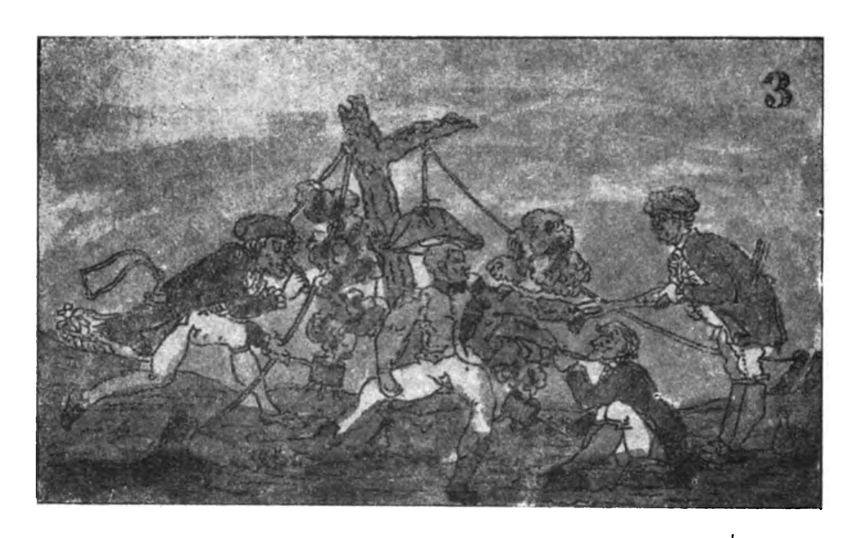
Е. Ей, ей, не отпущу, не заплачу я пеню.
Смотри ступай скорѣй, какъ разомъ пришешеню.

* * *

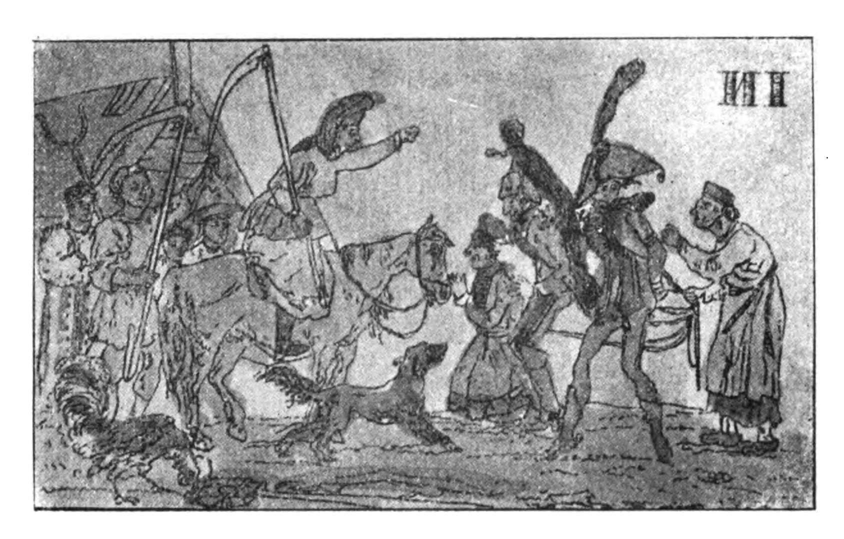
Ж. Желалъ насъ вышколить на свою погудку.
Анъ, нѣтъ, не удалось! Пляшишь подъ нашу дудку.

* * *

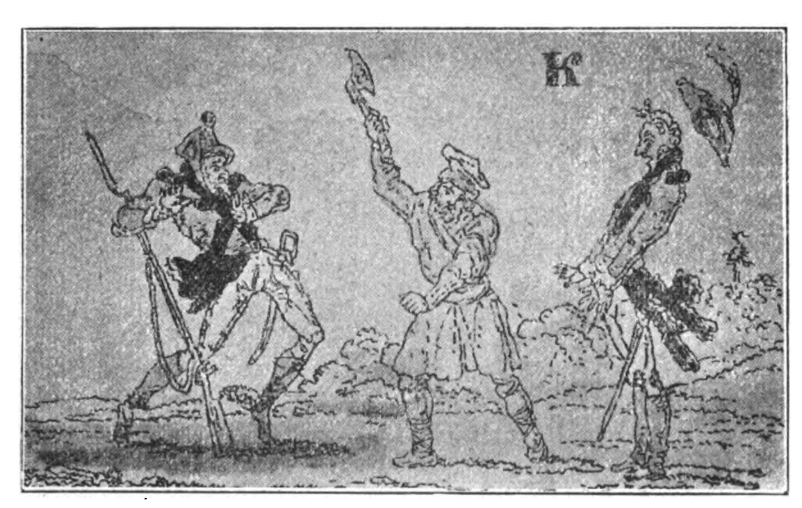
З. Заразу отъ штыковъ и ядръ россійскихъ знайте,
Окуривайте все, скорѣе помогайте.

* * *

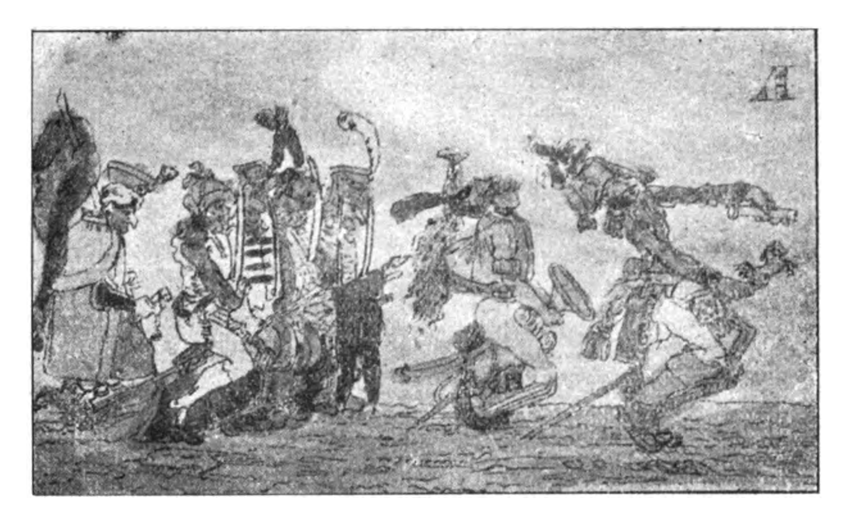
Н. І. И—і, ребятушки напартовъ здѣсь какъ много;
Слышь, Власьевна, держи на-привязи ихъ строго.

* * *

К. Какъ черному царю на Руси не царить,
Такъ имя, на рукѣ, его мнѣ не носить.

* * *

Л. Ликуй, о храбрый Галлъ; встрѣчай насъ съ торжествомъ,
Спустивъ все съ рукъ, спѣшимъ на палочкахъ верхомъ.

* * *

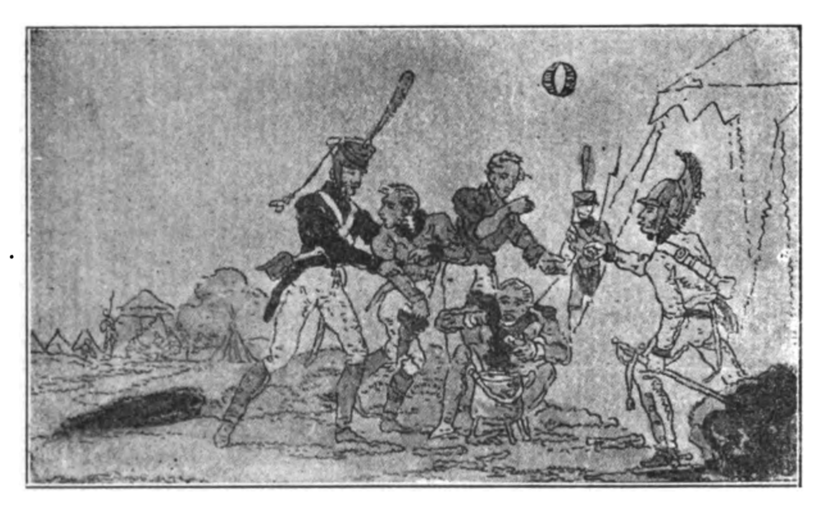
М. Москва вѣдь не Берлинъ, не Вѣна, не Мадритъ,
Здѣсь гробъ всей арміи французской былъ открытъ.

* * *

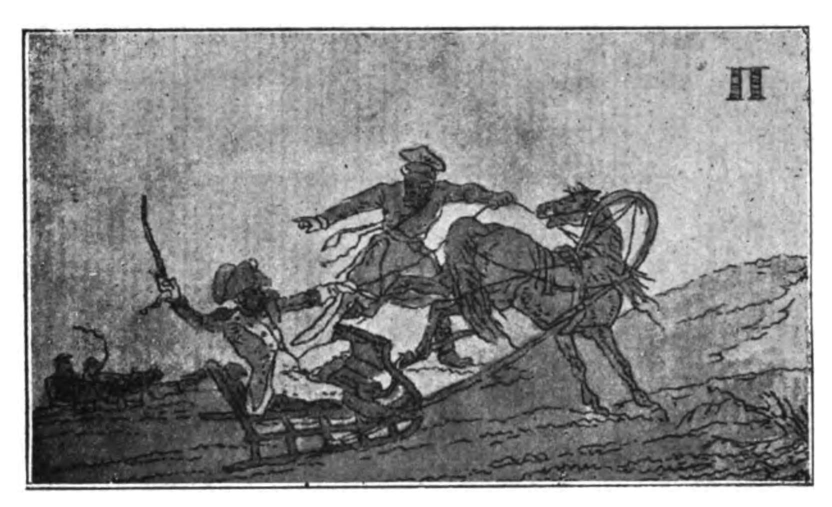
Н. Не худо—славные конскрипты Галловъ честь
А съ многихъ ли душъ! Послѣднее что есть

* * *

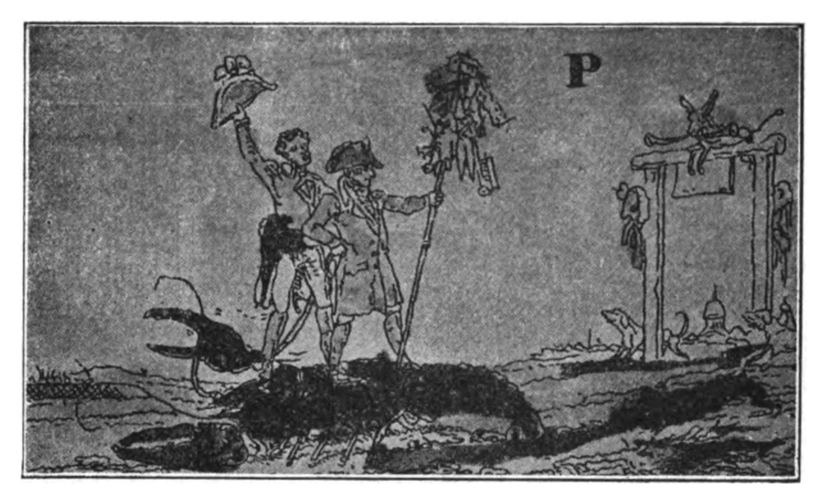
О. Одинъ лишь Россъ въ врагахъ чтитъ христіанску кровь;
Сколь месть его страшна, столь искрення любовт.

* * *

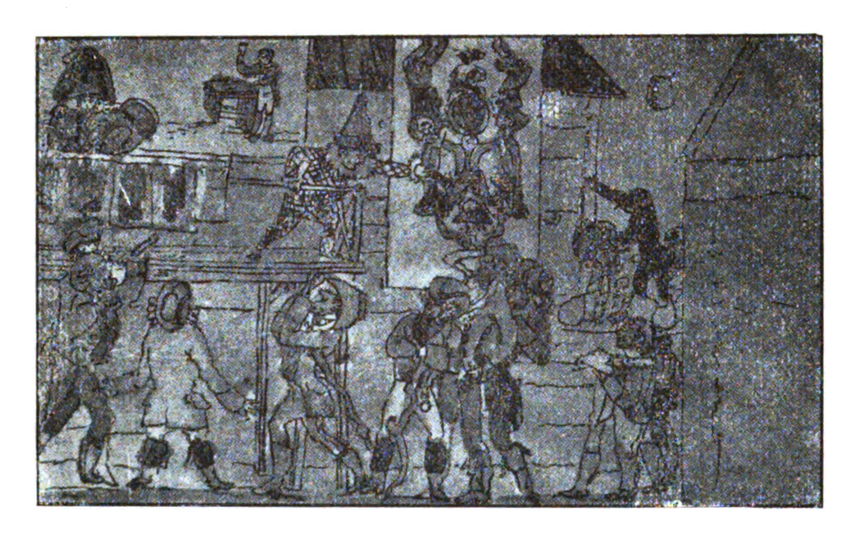
П. Постой-ка не въ свои ты сани, братъ, садишься,
Ты править нашею лошадкой не годишься.

* * *

Р. Раздайся, разступись Парижъ передо мной,
На ракѣ ѣду я съ бирюльками домой.

* * *

С. Сюда, сюда,—честные господа,
Комедіи такой не зрѣли никогда.

* * *

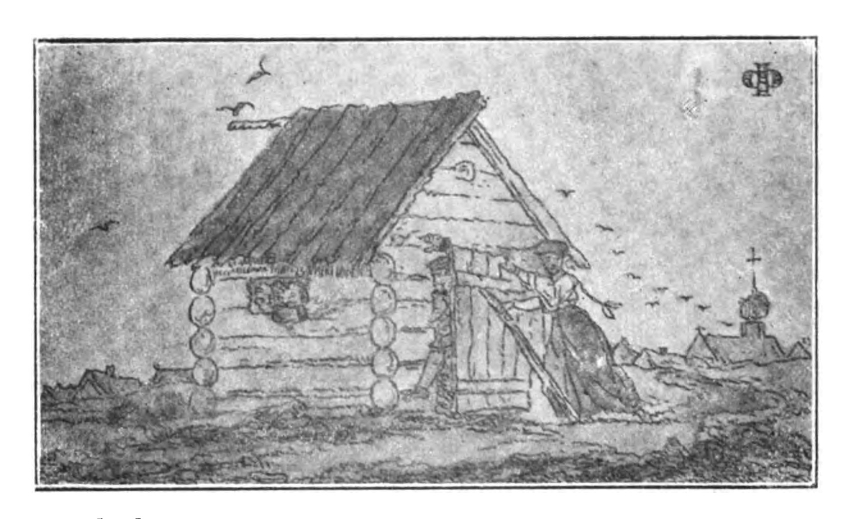
Т. Теперь хотя я нагъ пришелъ домой и босъ,
За то ужъ я принесъ огромный самый носъ.

* * *

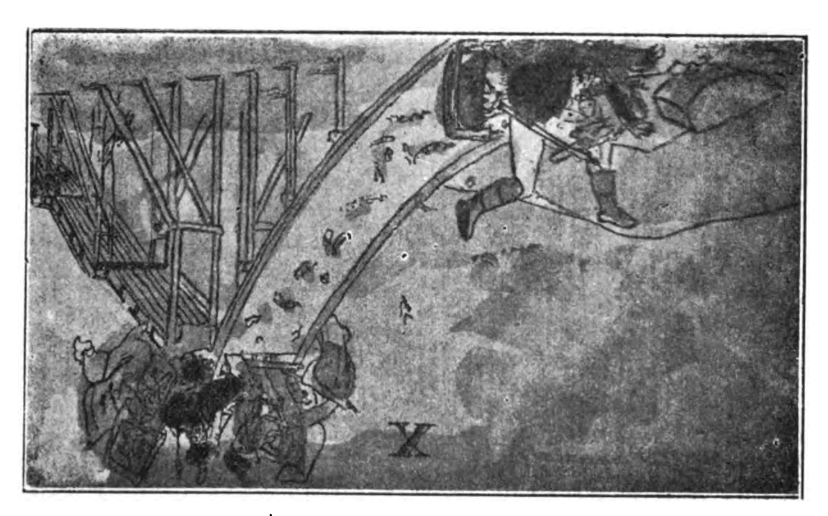
У. Ужъ какъ устала ты любезная отъ насъ.
Ну, баюшки-баю, усни еще хоть часъ!

* * *

Ф. Французовъ, какъ мышей, словили въ западню,
Ну будь ихъ духъ въ Руси, я всѣхъ предамъ огню.

* * *

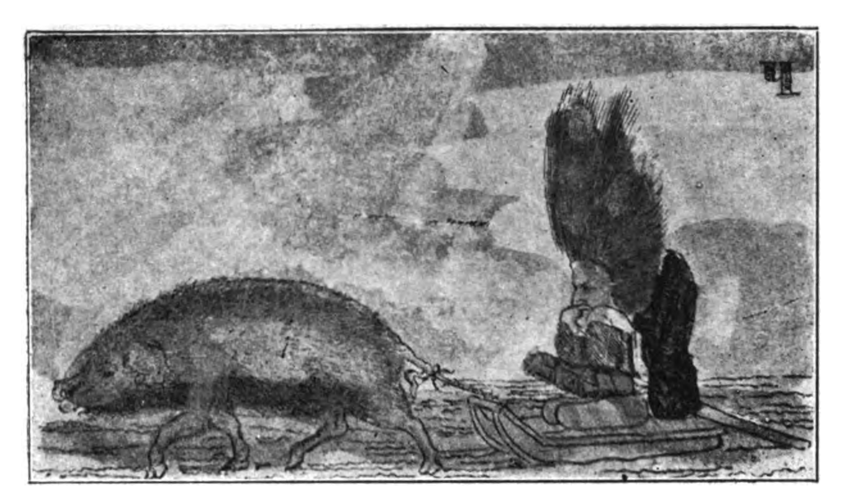
Х. Хотя высоко влѣзъ и силою гордился,
Но справить я не могъ, на Эльбу вдругъ спустился.

* * *

Ц. Цыцъ, цыцъ, негодный Ляхъ! гни спину и молчи,
И также, какъ другой, въ рядахъ моихъ торчи.

* * *

Ч. Что дѣлать! Знать пришлось свиную милость чтить.
Лошадокъ нѣтъ—пора свиньямъ меня возить.

* * *

Ш. Широкъ въ плечахъ французъ! ничто его неймётъ,
Авось либо моя нагайка зашибетъ.

* * *

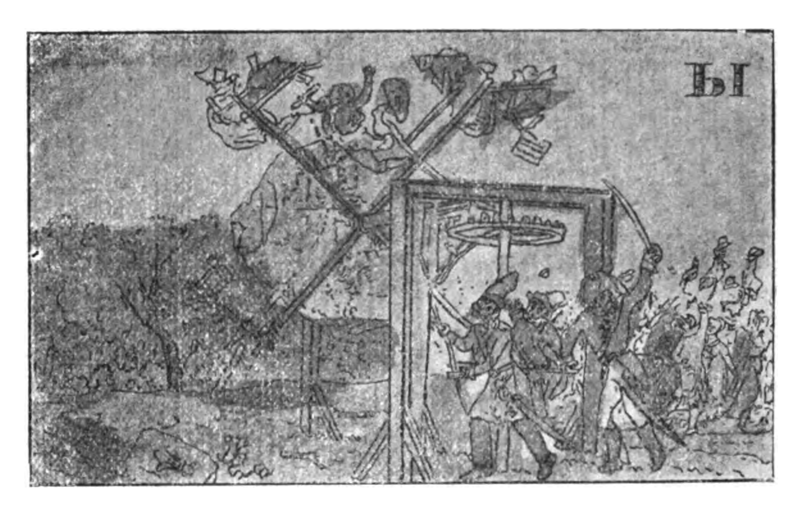

Щ. Щастье за галломъ уставъ брести пѣшкомъ.
Рѣшилось въ станъ русской скакать за казакомъ...

* * *

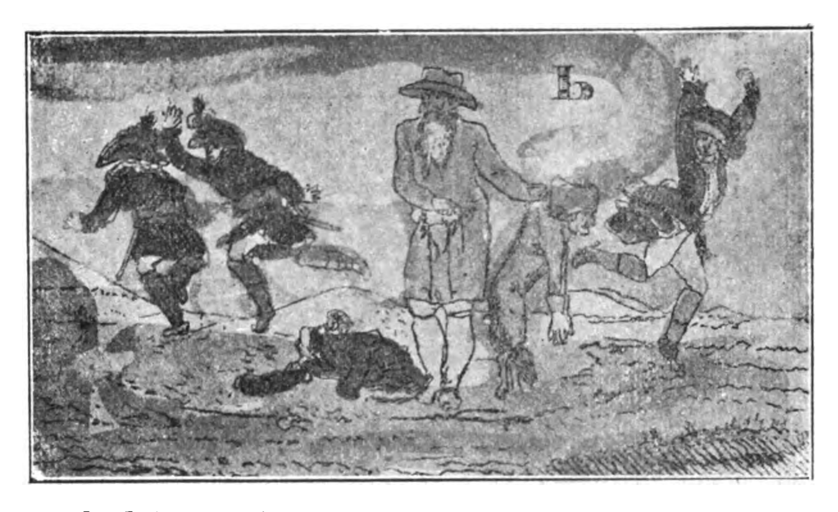
Ѣ. Ѣ—послѣдняя изъ буквъ въ россійскомъ словѣ,
И ты между людьми такимъ быть на готовѣ.

* * *

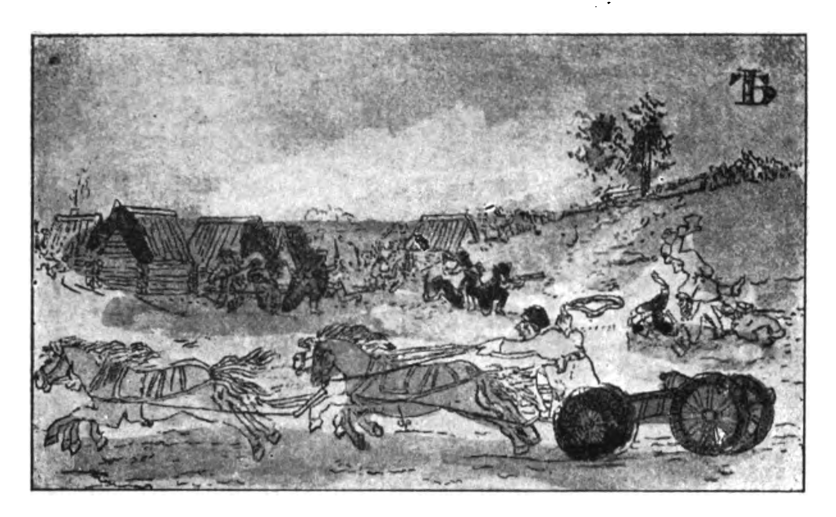
Ы. Мечты и суеты, воины, чины перены,
Слетали съ колеса капризныя фортуны.

* * *

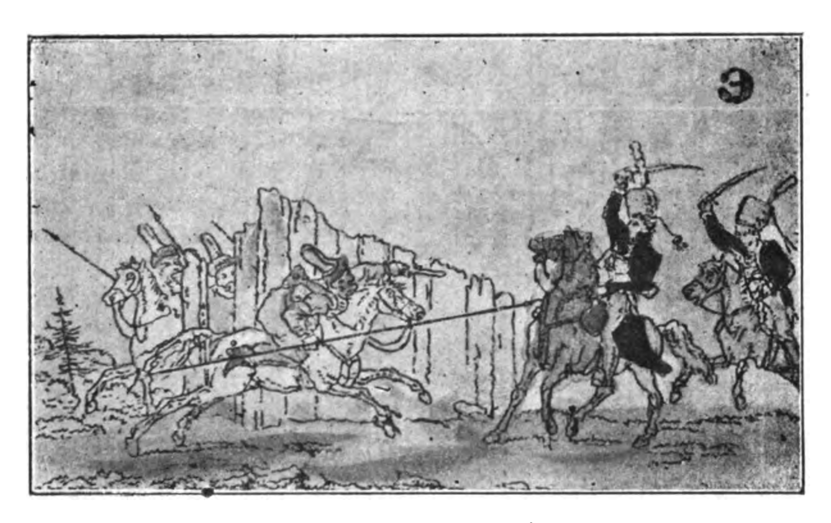
Ь. Я былъ герой, но что я сталъ теперь.
Въ рукахъ у мужика, я скорчился какъ «ь».

* * *

Ѣ. Ѣду съ французскою пушкой въ свой станъ.
Нашъ братъ не промахъ, какъ ты бусурманъ.

* * *

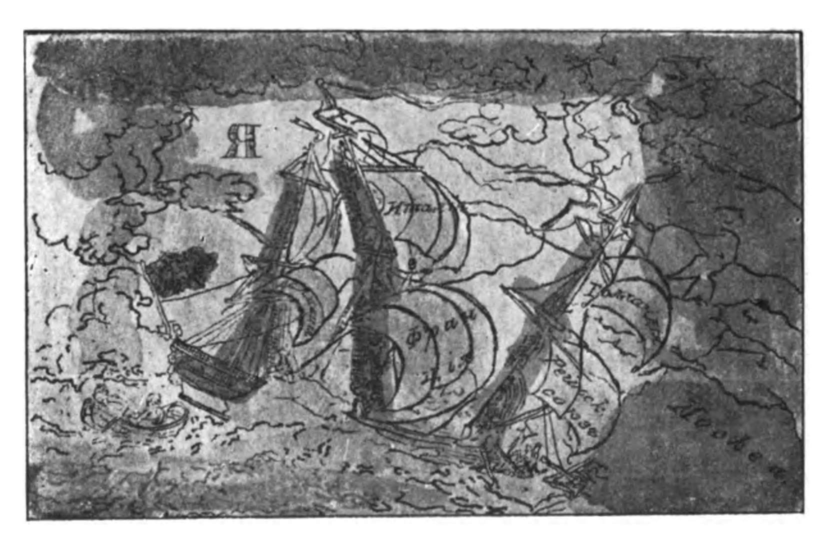
Э. Э, э, добыча есть, ребята не зѣвайте!
Я этихъ двухъ спущу, а прочихъ вы спускайте.

* * *

Ю. Юлитъ французъ всегда, и горы обѣщаетъ;
Но что онъ дѣлаетъ? — лишь юность развращаетъ.

* * *

Я. Я какъ корабль въ волнахъ погрязшій грозныхъ,
Примѣромъ послужу я для потомковъ позднихъ.

* * *

Ѳ. Возросъ какъ грибъ, и палъ познавъ ты суету,
Что дѣлаетъ теперь? весь сгорбился въ Ѳ-ту.

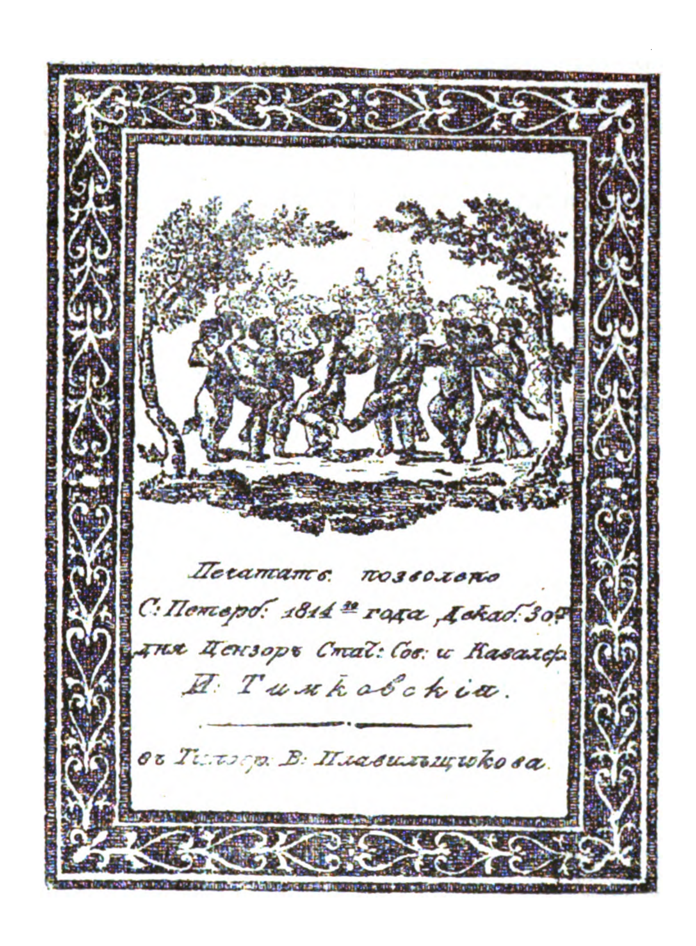
* * *

Ѵ. Вотъ видитель, что Галлъ во вѣкъ не ошибался,
Что Ѵ—цой онъ былъ здѣсь, знакъ на лбу остался.

* * *

Это изданіе состоитъ изъ 34 листовъ, наклеенныхъ на картонную бумагу. На каждомъ листочкѣ въ алфавитномъ порядкѣ изображена каррикатура на французовъ, по поводу 1812 года. Подъ каждой каррикатурой двустишіе, начинающееся словомъ съ той начальной буквою, которая выставлена на верху картинки.

См. у Остроглазова—«Книжныя рѣдкости» за № 275, гдѣ между прочимъ говорится, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ М. М. Зайцевскій продалъ экземпляръ азбуки за 75 рублей.—Есть новое изданіе Д. А. Ровинскаго.

1487. Подарокъ ученымъ на 1834 годъ о Царѣ Горохѣ. Когда царствовалъ Государь Царь Горохъ, гдѣ онъ царствовалъ и какъ Царь Горохъ перешелъ въ преданіяхъ народовъ до отдаленнаго потомства.—Москва, въ университетской типографіи. 1834 года. — Въ 8 д. л., 35 стр., съ эпиграфомъ на оберткѣ. Ergo. Мотай себѣ на усъ.

Эта любопытная брошюрка составляетъ въ настоящее время большую рѣдкость и весьма немногимъ извѣстна, но въ свое время надѣлала много шуму.—Брошюра, сочиненіе которой, по преданію, приписывается одному изъ воспитанниковъ Московскаго университета (К. К. Лебедеву, бывшему впослѣдствіи сенаторомъ). Это ловкая, мѣткая сатира на нѣкоторыхъ тогдашнихъ профессоровъ. Авторъ представляетъ чрезвычайное засѣданіе философовъ, историковъ и эстетиковъ, разсуждающихъ о Царѣ Горохѣ, имя котораго доселѣ живетъ въ прословіяхъ и сказкахъ: это нѣчто вродѣ ученаго собранія, пиквикскаго клуба, въ извѣстномъ романѣ Диккенса.

См. «Библіографическія Записки» т. I, № 1; стр. 17. «Русская Старина» 1878 г., т. XXVI, стр. 347—368.—Воспоминанія Ѳ. И. Буслаева— «Вѣстникъ Европы», 1890 г. № 11, стр. 5.—У Остроглазова — «Книжныя рѣдкости» № 276.— Березинъ-Ширяевъ—1884 г., стр. 204.—«Русская Старина»—1887 г. № 4, стр. 132.

Чтобы дать понятіе о сей библіографической рѣдкости, то прилагаю «Подарокъ ученымъ на 1834 годъ—о Царѣ Горохѣ»—изъ слова въ слово къ читателю.

О Царѣ Горохѣ.

Чрезвычайное засѣданіе философовъ, историковъ и естетиковъ.

Царь Горохъ доселѣ живетъ въ присловіяхъ и сказкахъ. Его нельзя сравнить съ попомъ Иваномъ, котораго русскіе полагаютъ въ Африкѣ, и къ которому въ Азіи было множество миссій съ Запада. Объ немъ теперь толки нашихъ ученыхъ. Вотъ перечень засѣданія:

Секретарь (восходитъ на каѳедру и читаетъ). Знаменитые Гг. засѣдатели! Во имя науки, которой совершенствованіе есть главнѣйшая и священнѣйшая наша обязанность; во имя національной славы, даруемой единственно за умственное творчество; во имя исторіи, философіи и естетики, трехъ сестеръ, трехъ музъ новѣйшаго Парнаса; по волѣ знаменитаго баккалавра, я избранъ предложить историко-философическо-художественный вопросъ на разрѣшеніе ваше: Что такое Царь Горохъ? Гдѣ, когда и точно ли былъ Царь Горохъ? Реальное и идеальное значеніе Царя Гороха. Знаменитые засѣдатели отъ А до Ѳ должны подать свое мнѣніе. Перечень сихъ мнѣній мы завѣщаемъ потомству.

А. Сколь ни боязненно для меня начать рѣшеніе столь великаго вопроса, сколь ни откровенно сознаніе моего безсилія, но занятія и вызовъ окрыляютъ меня въ семъ трудномъ дѣлѣ.

Народныя преданія — первый источникъ лѣтописца, камень преткновенія для критики — всегда облечены туманомъ аллегорій, сквозь который трудно провидѣть и проницательному взору историка. Воззрѣнія нашего времени стремящіяся къ разрѣшенію неразгаданнаго, нерѣдко попускаютъ заблуждаться юному уму и предаютъ его мученіямъ мечтательности, нерѣдко самые очевидные анахронизмы принимаютъ за подлинные, нерѣдко самое нелѣпое облекается въ ткань достовѣрности; но при сихъ ошибочныхъ воззрѣніяхъ, принявшихъ договоры Игоря и Олега, Русскую Правду и Несторову лѣтопись за факты (но объ этомъ послѣ), опытность слѣдуетъ вѣрной стезѣ: съ пламенникомъ критики она входитъ въ лавиринѳъ сказаній, циркулемъ точности измѣряетъ дедалы преданій и мѣрою сомнѣній пересыпаетъ груды баснословій. Надобно порыться, почитать подумать: Правда-ли? Есть-ли въ другихъ странахъ Цари Горохи?—Сомнительно. Не вдадимся въ обманъ; прошедшее невѣрно, можетъ статься болѣе нежели самое будущее.

Царь Горохъ не то, что Дагоберъ (du temps du roi Dagobert) французовъ. Горохъ не существуетъ ни въ фастахъ, ни въ комментаріяхъ, ни въ святцахъ. Царь Горохъ есть порожденіе грубой фантазіи, которая не поэтизировала дѣйствительныя событія, ни искажала оныя. Отсюда: куны, гривны, смердъ и проч.

Какъ ни сильно говоритъ народное преданіе, но Царь Горохъ столь же достовѣренъ, какъ и Царица-Чечевица. Однако можетъ быть и дѣй-

ствительно былъ Царь Горохъ, по крайней мѣрѣ, невозможно отвергать совершенно. Когда онъ царствовалъ? Рѣшить еще труднѣе — горохъ давно извѣстенъ. Гдѣ онъ царствовалъ?—Если царствовалъ, то въ Англіи. Нашъ рубль есть рупій Востока, деньга туда же смотритъ. Не однозначительно ли слово горохъ съ англійскимъ грогъ, грокъ (grog), или съ французскимъ gros, или съ нѣмецкимъ gross.— Въ такомъ случаѣ Царь Горохъ принадлежитъ къ позднимъ временамъ, ибо ни Серторій, ни Раумеръ не упоминаютъ о грогѣ (grog) въ своихъ твореніяхъ и среднихъ вѣкахъ.—Вотъ что могъ сказать я.

В. Щепетливость индувидуальности видоизмѣняется и видообразуется одинаково въ народѣ и въ народахъ. Тамъ она матерѣе, en gros, здѣсь дробнѣе. Индивидуальность націи, маска или личина, такъ сказать, народа, личина воздѣтая имъ для дѣйствованія на позорищѣ свѣта, подчинена условіямъ мѣста и времени; разовьемъ же сіи условія и начнемъ со времени.

Въ утробѣ матери младенецъ только сосетъ; нѣтъ никакого движенія, артикуляція нѣмотствуетъ, о душѣ и помину нѣтъ. Душа витаетъ передъ отверстіемъ и въ самый моментъ рожденія наполняетъ бренное тѣло и дѣлаетъ оное изманизированнымъ. Этотъ моментъ жизни не знаменуется никакимъ явленіемъ; человѣкъ еще не человѣкъ, онъ сосетъ и не предъявляетъ никакихъ требованій, довольствуясь или лучше не понимая, не зная, что такое довольствіе, что такое не довольствіе. Онъ развивается и ростетъ; члены, дотолѣ недвижные, дѣлаются шалнерами, принужденно движущимися, вращающимися: органы формируются и младенецъ издаетъ артикулованные звуки—междометія. Потомъ, когда внѣшній міръ скажется, скажется и человѣкъ, аукнется и душа. Тогда начнется другдружно взаимнопроникновеніе духовнаго и вещественнаго, начнется дисгармоническій бой между младенцемъ и міромъ, который встрѣчаетъ всякаго новорожденнаго, какъ злая мачиха, сурово р враждебственно. Сіе взаимно-проникновеніе созидаетъ въ своемъ развитіи тотъ архитектонизмъ отношеній и подчиненностей, цѣлей и знаній, который заповѣданъ вѣдѣнію міра, котораго интеситетъ и екстенситетъ можетъ быть метромъ человѣческаго знанія, человѣческаго преуспѣянія.

Первый моментъ сего быта, есть пантеизмъ, вешкулъ, рычагъ сего момента, есть заскорузлое чувство витальности; здѣсь человѣкъ плотенъ, онъ возгнетаетъ костеръ, восподнимающій душу горѣ всѣмъ существамъ духовнымъ и вещественнымъ, хлещетъ ощущеніями: сюда я причисляю Вишну, Кришну, Помоду, Лотосъ, Изиду и проч. За симъ, какъ за предвозслѣдствіемъ, начинается другой моментъ пантархическій; человѣкъ проглянулъ па свѣтъ Божій, вострепеталъ при первомъ воззрѣніи, апоѳезировалъ все имъ видимое, воскурилъ ѳиміамъ всѣмъ тварямъ. Теперь онъ познакомился, обглядѣлся и вмѣсто апоѳеоса, принялся за опареніе; все, по его мыслительности. чревато силою, все поставлено надъ нимъ; онъ почитаетъ себя служкою всѣхъ бытій и бытодѣйствій: сюда отношу я нашего Царя Гороха.

Г. Съ робостью начинаю я, милостивые государи, мое мнѣніе. А., почтенный по своей опытности и по своему глубокопроницанію, сказалъ все, что только можно сказать о столь таинственномъ, высокомъ предметѣ, какъ Царь Горохъ, символъ безусловной давности и шутки, совключеніе всѣхъ народныхъ своеземныхъ и своевременныхъ пословицъ и поговорокъ. Но я осмѣливаюсь взглянуть на это съ вышей точки зрѣнія, оріентировать идею Царя Гороха, возсоздать въ нашемъ мышленіи постепенное развитіе сего факта, говорю факта, ибо и миѳъ есть фактъ, но идеальный, въ мірѣ умственномъ, въ философіи.

Миѳическое сродно человѣческому духу. Видя и чувствуя явленія въ физическомъ мірѣ, человѣкъ ищетъ причины оныхъ въ природѣ, творитъ Демоновъ, Ѳебовъ, Юпитеровъ, Дріадъ, Нимфъ. Онъ олицетворяетъ силы природы: такова миѳологія индусовъ, египтянъ и первобытныхъ грековъ. Но когда пройдетъ средостремительное направленіе, когда человѣчество приближится къ центробѣжному, когда кончится предлежательное бытіе и начнется подлежательное, тогда человѣчество проявляетъ идеи въ образахъ, отвлеченныя понятія дѣлаются Кадмами, Нумами, Тезеями, Зердустами, Гостомыслами. Одинъ индивидуалъ совключаетъ въ себѣ всѣ возможныя понятія, болѣе или менѣе относящіяся къ существу его. Сіе воззрѣніе, преимущественно господствующее въ Германіи, приноситъ благодѣтельные плоды въ фактическомъ и идеалистическомъ и философскомъ. И дѣйствительно: созданія фантазіи суть порожденія всѣхъ

элементовъ дѣятельности духа и плоти, есть сосредоточиваніе всѣхъ принадлежностей жизни, религіи, философіи и домашняго быта. Человѣкъ въ младенчествѣ поэтъ, творецъ. Каждая сфера приноситъ, какъ дань, свою часть, свою природу. Все сіе производится безъ всякаго сознанія: ибо въ предлежательномъ направленіи сознаніе, то есть чувствованіе, индивидуальнаго свойства, самочувствія. Я еще не является и заключено въ зародышѣ, какъ растеніе въ сѣмени, какъ животное въ утробѣ. Мышленіе отправляется одинаково съ физическимъ дѣйствіемъ. И тамъ и здѣсь законы жизни одни: все имѣетъ начало, средину и конецъ; все видоизмѣняется по формѣ умозаключенія. Силлоизмъ есть норма всякой жизни; такимъ же силлоизмомъ руководствуется и юность народа, во всѣхъ своихъ отправленіяхъ, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ.—Я упомянулъ прежде объ общихъ отправленіяхъ: теперь разовью отношенія. Отношеніе, какъ всѣмъ извѣстно, есть взаимное соображеніе данныхъ, есть сопоставленіе принадлежностей, преимуществъ и всѣхъ качествъ одного даннаго съ другимъ или другими. Но всякій народъ, по высшему предопредѣленію, выражаетъ собою какую-либо сторону истины: грекъ изящную пластическую, римлянинъ политическую древнюю. 5508 годъ есть великій годъ въ лѣтописяхъ ума и воли и сердца человѣчества; тогда начался новый возрастъ для міра; возрастъ духовный: царство Діонисіевъ и Бахусовъ кончилось; Омиръ умолкъ и на мѣсто Римской имперіи, явилось множество новыхъ, новыхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣ народы были наслѣдниками древности, особенно германцы, овладѣвшіе землями непобѣдимыхъ прежде сыновъ Капитолія; они неминуемо должны быть классическими, творили по маштабу Квинтиліановъ и Аристотелей.... Должно-ли упоминать, что ѳеоріи сихъ критиковъ нынѣ недостаточны и отвергнуты. Романтизмъ побѣдоносно развѣялъ свои знамена на священныхъ стѣнахъ вселеннаго города. Для насъ наступило иное время, иныя требованія: но до сего умственнаго пробужденія въ Германіи, въ Англіи, въ Франціи, въ Россіи царствовало безусловное подраженіе.

Не такъ было въ первые вѣки Россіи. Нужно ли говорить о направленіи первобытной жизни Россіи? Отдѣльная отъ Запада и Востока словено-русская гармоническая дѣятельность сосредоточилась въ себѣ, развилась и повилась своими пеленами, взросла подъ своимъ небомъ, на своей почвѣ, подъ тѣнію березъ, покрытыхъ хлопками снѣга, въ своихъ землянкахъ. гдѣ точка замерзанія и точка плавильнаго жара раздѣлены одною стѣною, закопченною изнутри и заиндивавшую снаружи, подъ липами, которыя даютъ мочала и лыки, съ своихъ огородовъ, гдѣ горохъ, рѣпа, лукъ и проч. Жизнь была въ высшей степени оригинальная, совершенно самостоятельная, тогда какъ жизнь, вымыслъ, самая миѳологія на западѣ необходимо долженствовали быть классическими. У насъ, вслѣдствіе закона разъединенія, миѳологія была романтическая. Сіи два слова знаменуютъ два полюса духовной жизни.. Но возвращаюсь къ начатому. И такъ миѳологія наша должна была выбирать свои баснословія изъ противуположной среды: тамъ—на западѣ—небо; у насъ земля. Тамъ—эѳиръ; у насъ—горохъ. Съ этой точки зрѣнія смотрю я на Царя Гороха, и сознаюсь въ своемъ невѣдѣніи, не могу опереться ни на одно изъ моихъ сочиненій. Я все знаю, все постигъ, все обнялъ, кругъ моихъ занятій такъ разнообразенъ и прерывистъ, что отъ греческой и русской азбукъ до высшей философіи и математики, отъ опредѣленнаго числа алгебры до ораторскаго числа Цицерона постепенно составляли и составляютъ предметъ моихъ трудовъ...

Вотъ что могъ я сказать о Царѣ Горохѣ.

Д. Терпимость, ученые мужи, всего важнѣе въ области исторіи. Выслушивая старый скептицизмъ, вычурный пустозвонизмъ и безжизненный раціонизмъ нельзя однакоже не признать какой-либо мысли во всякой безмысленной рѣчи. Да позволятъ мнѣ сказать свое мнѣніе о Царѣ Горохѣ.

Было время, когда въ литературѣ русской господствовала аристократитеская важность; профессора смѣшивали съ ученымъ; кто безъ очковъ, тотъ неучъ, кто не желтякъ, тотъ не прилеженъ, кто не знаетъ Бургія, тотъ ничего не знаетъ. Канулъ въ вѣчность сей вѣкъ схоластики и перрюкизма. Знамена новаго поколѣнія водружены на твердомъ основаніи идеи чистаго, здраваго разума. Давно-ли карамзинская сентиментальность плакала на берегахъ патріаршихъ прудовъ?—Нынѣ патріаршіе пруды миръ вакхической радости. Давно-ли Татищевы и Щербатовы, Ломоносовъ, Эминъ (поэтическій Эминъ, Эминъ—янычаръ ?), Хилковъ, Рычковъ, Карамзинъ и вся ихъ братія

служили авторитетами?—Нынѣ ихъ забыли, затерли, изгладили; мы имѣемъ и свою исторію и свою поэзію. Я не безъ умысла вычисляю историковъ, минувшихъ дней лѣтописцевъ, не безъ умысла, милостивые государи! Сей предметъ близокъ къ моему сердцу, открытому для всѣхъ впечатлѣній высокаго, прекраснаго и благаго, сей предметъ мой—Я историкъ; съ гордымъ сознаніемъ говорю: я историкъ! Я знаю Русь и меня знаетъ Русь! Давно ли Смотрицкіе, Добровскіе безжалостно рѣзали славянскую грамоту? Нынѣ помыслы высокіе, мысли глубокія, ясныя, свѣтлыя носятся надъ роднымъ колыбельнымъ языкомъ Матери—Россіи. Такъ, милостивые государи! прошелъ вѣкъ безусловнаго подражанія: пѣвецъ Багрима, великомощный полетъ Державина, величайшаго лирика, который не зналъ ни правописанія, ни стихосложенія, сей полетъ очертилъ поэтическій зодіакъ, котораго не разгадать ни Юмамъ, ни Гротефендамъ, ни Шамполіонамъ.

Національность есть типъ жизни народа, противъ всѣхъ сознаній, мыслей и помысловъ; національность во всемъ отражается, никуда не заглядывая, національность вездѣ проявляется, нигдѣ не существуя опредѣленно. Что такое національность?—Великое дѣло!

Съ увѣрительностью могу сказать, что я былъ ревностнымъ поборникомъ національности, отсылаю къ моимъ созданіямъ, въ нихъ дышетъ народность русская. И кто же творецъ сихъ созданій? Я, нигдѣ ничому не учившійся; я, блуждавшій съ Плутархомъ по золотодонной Сибири и мечтавшій съ малыхъ ногтей быть великимъ. Я, который такъ увлекательно высказываю и которымъ должна гордиться Россія; я который перещелкалъ всѣхъ запоздалыхъ старцевъ и одинъ стою за нее на стражѣ противъ староверства; я одинъ для нея на ловлѣ европейскаго просвѣщенія... Но кто былъ моимъ учителемъ?.. Языкъ коснѣетъ предъ волею Всемогущаго.

Теорія новѣйшихъ мыслителей есть зданіе великаго объема, а Шелингъ, Кузенъ, Лерминье, Гегель, Бюше, Вико, Нибуръ, Мишле... Вотъ мои наставники, друзья, однокорытники и товарищи!.. Но я не признаю ихъ ига, я не безусловно принималъ ихъ ученіе. Шелингъ замолкъ,—а духъ развивается. Кузенъ занялся другимъ, а умъ не останавливается. Въ нѣкоторомъ смыслѣ они отстали отъ нашего вѣка. Новое поколѣніе!.. Да, милостивые государи, для вина новаго надобно и мѣхи новые. Основавшись на семъ пунктѣ, перехожу къ Царю Гороху.

Теорія названій народныхъ заключается въ стихіяхъ самой жизни народа. Сіи стихіи, многообразныя и обширныя, сосредоточиваются въ народной поэзіи. Поэзія есть радость души—вотъ почему народныя пѣсни суть радость, хотя въ нихъ нерѣдко печаль... Но печаль, милостивые, государи, та же радость: въ великомъ неземномъ восхищеніи, въ поэтическомъ восторгѣ душа ваша испытуетъ истинную радость, она уединяется и бесѣдуетъ съ собою, помыслы глубокіе обнимаютъ многодушную вашу душу—такъ и въ печали. Повторяю, что печаль и радость, въ высшемъ значеніи, въ абсолютномъ—одно и то же.

Иногда народъ называетъ предметы силою свободноразумной воли: таковы названія аллегорическія, весь Олимпъ, недавно лишившійся всѣхъ Гораціанскихъ и Марціальскихъ прелестей; иногда онъ называетъ предметы творческою мощію фантазіи: таковы всѣ прочія именованія. Только сіи два способа имѣютъ силу: но они развиваются, подраздѣляются и исчезаютъ, сливаясь въ національное знаменованіе. Къ сему-то второму способу развитія наименованій мы должны отнести и фантастическое проименованіе Царя Гороха, говорю должны: ибо мы вывели способы изъ центра всякаго мышленія...

Сей предметъ великъ и при одномъ созерцаніи обнимаетъ въ себѣ всю сферу фантасмагорій и народныхъ повѣрій, всю сущность національности... Предоставляемъ себѣ поговорить объ этомъ въ другое, болѣе свободное время, которое развиваясь само, разовьетъ и помыслы глубокіе, свѣтлые, задушевные, научая человѣчество своими испытательными облаками.

Е. Милостивые государи! изъ всѣхъ наукъ, наука природы должна занимать первое мѣсто. Человѣкъ есть природа, и наоборотъ. Съ сихъ яснѣйшихъ и простѣйшихъ началъ, я приступаю къ дальнѣйшему изложенію.

Природа есть соединеніе двухъ противоположныхъ силъ; сжимательной и расширительной, естественно предполагающихъ, по закону тройственности, третью силу, ограничивающую и уравнивающую двѣ первыя. Сія система совершенно со-

отвѣтствуетъ всѣмъ явленіямъ, всѣмъ причинамъ явленій, совершенно оправдываетъ всеобщее изреченіе: Наука проста въ своихъ началахъ.

Три вышеупомянутыя силы дѣйствительны и въ философіи и въ поэзіи.

Доселѣ господствуетъ совершенное разнородство во всѣхъ областяхъ ума: вездѣ атомистическая и динамическая системы сбиваютъ юныя познанія, какъ басня сбила философа.

Наше дѣло говоритъ о Царѣ Горохѣ; горохъ есть растеніе—предметъ естественныхъ наукъ описательныхъ; горохъ пущенный изъ ружья есть сила—предметъ механики... Положимъ, что горохъ или Царь Горохъ есть явленіе—и здѣсь не моя область, и здѣсь нѣтъ предмета физики. Гдѣ же мы найдемъ его?—Но это не имѣетъ отношенія съ настоящимъ изслѣдованіемъ. Моя мысль есть слѣдующая: Царь Горохъ есть описка и замѣщеніе (Substitutio) другого факта. И вотъ какими путями, вѣрный тремъ силамъ, дохожу я до сего изъясненія.

Атомистики предполагаютъ всю вселенную въ видѣ шариковъ: совершенно ложно! Сіи шарики есть горохъ въ объективности или въ осуществленіи. И такъ Царь Горохъ есть понятіе атомистическое. Изложимъ по нашей системѣ.

Предположимъ, допустимъ пустоту: вотъ демаркаціонная линія динамической системы. Сила расширительная дѣйствуетъ — пустота расширяется, сила сжимательная дѣйствуетъ—пустота сжимается, изъ средостремленія и средобѣжанія сихъ силъ образуется третья, ограничивающая и ту и другую, и такъ произойдетъ: пустота расширяясь и сжимаясь продолжается. Теперь не трудно приложить сей способъ къ гороху: онъ сжимается и расширяется, т. е. продолжается, и естественно, что тогда изъ гороха произойдетъ или бобъ или стручекъ, слѣдовательно: атомистическій Царь-Горохъ по динамической системѣ совершенно невозможенъ преобразоваться въ Царь-Бобъ, или Царь-Стручекъ.

Такъ просты совершенныя начала, такъ легки ясныя положенія науки!

Z. Поэтизмъ, строгая ученость и сентиментальность составляли попеременно господствующее направленіе нашего вѣка. Но какъ все это смѣшно, какъ все это странно покажется вамъ, милостивые государи, если вы взглянете глазами восточной простоты! Сія восточная простота ополчаетъ меня на оныя вышепоименованныя направленія нашего времени. Скажу откровенно: кто не знаетъ, не сможетъ знать или понять сего, тотъ оное осмѣиваетъ.

Но теперь Стернская пересмѣшка въ сторону, и я изложу свое мнѣніе классически и романтически, т. е. вверхъ головою, вверхъ ногами, т. е. по уму, по смыслу и по разумѣнію — по безсмыслію.

Въ семъ отношеніи, принявъ сіи точки за оныя категоріи, я найду слѣдующія соотвѣтствія:

1-е. Царь-Горохъ по положительности, или по воззрѣнію вверхъ ногами — есть фантастическое наименованіе народа; по романтизму—есть то національное созданіе головъ, которыя, какъ головни въ печи, обманываютъ ваше зрѣніе, сливаясь въ радужные цвѣты; по умозрѣнію—есть то достояніе одного народа, по которому онъ различается отъ прочихъ.

2-е. По отрицательности, или по воззрѣнію вверхъ головою, Царь-Горохъ — есть факиръ; по классицизму—есть титулярный горохъ, или titulärrath; по уму—есть восточное иносказаніе. А соединивъ все сіе выйдетъ оная пестрота, которую мы находимъ въ глупыхъ путешествіяхъ, въ конхъ ничего не понимая, все осмѣиваютъ.

Большаго, милостивые государи, отъ меня не ждите: кто не знаетъ ничего, тотъ смѣется надъ всѣмъ. Иной забавенъ потому, что онъ глупъ. Къ такому роду забавныхъ или смѣшныхъ глупостей принадлежатъ переводы таинственнаго замка египетскихъ жрецовъ, или египетскихъ факировъ, которые соотвѣтствуютъ нашимъ... глупымъ пересмѣшникамъ, глупымъ путешественникамъ. Къ сему роду безсмысленныхъ я тупыхъ остротъ принадлежатъ выраженія: факиръ, не хочешь-ли табачку? Я табаку не пью, и кофею не нюхаю...

Послѣ мы пропутешествуемъ къ Царю Гороху — и вы посмѣетесь; а теперь сего объ ономъ предметѣ довольно. Можетъ быть мы пояснимъ Царя-Гороха изъ умозрительной физики, которая потому для меня спѣшна, что я ее не понимаю, или изъ іероглифовъ, которые—кто понимаетъ? (потому что я, факиръ, ихъ не понимаю).

II. Царь-Горохъ вотъ предметъ, нечего долго и широко растабарывать, есть-ли Царь-Горохъ историческій фактъ, или поэтическій вымыслъ.—Какъ я смѣю произносить, скажутъ, рѣшительный при-

говоръ?—Господа! полно те справляться съ метрическими книгами. Никто болѣе моего не уважаетъ святой истины; да прильнетъ языкъ къ гортани, если скажу ложь!—Что такое великій человѣкъ? Тотъ, кто въ заскорузломъ чепанѣ придетъ и скажетъ «Знай нашихъ»!—Что такое психологическое явленіе?—Ванька удавился, Ванька бросился съ Каменнаго моста; Степанида Полуехтовна запарилась, подавилась... Позавидуйте имъ! Почему отвергать достовѣрность того или другого, и проч., если что либо есть въ лѣтописяхъ, если оно не есть хитрое сплетеніе того, кто мудрствуетъ лукаво, по счастливому выраженію поэта? Что намъ говоритъ исторія, память Божія?— Вотъ мое средство, я всегда сравниваю: если есть подобное или сходное, то—по аналогіи, по индукціи—то можетъ быть допущено, то правдоподобно. Если напримѣръ въ Ипатьевскомъ спискѣ нѣтъ слога изъ, а въ прочихъ есть, то, по моему грѣшному понятію, въ Ипатьевскомъ должно поставить слогъ изъ.— Такъ и съ Царемъ Горохомъ.

Лѣтописи среднихъ вѣковъ наполнены сказаніями о Попѣ-Царѣ Иванѣ. Я заключаю: лѣтописи должны быть наполнены о Царѣ-Горохѣ. Нигдѣ нельзя узнать опредѣленно: Когда и гдѣ царствовалъ Попъ Иванъ? Иные думаютъ въ Коби, иные въ Сагарѣ—точно то же должно полагать и о Царѣ-Горохѣ. И такъ вотъ мое положеніе: Попъ Иванъ царствовалъ (къ чему выдумали бы лѣтописцы?), слѣдовательно и Царь-Горохъ царствовалъ.

Мы множество фактовъ, доказательствъ, примѣровъ имѣемъ; доказать оными, изъяснить темныя мѣста, развить предметъ о Царѣ Горохѣ можемъ безъ оскорбленія, и проч.

Признаюсь, мнѣ прискорбно слушать, что я такую-то книгу дурно перевелъ, скомпиловалъ, издалъ. Двѣнадцать лѣтъ я безвозмездно тружусь, аки кощей... Иногда я плачу, такъ тяжка неблагонамѣреннаго обида! Кто помнитъ память изыскателей? Не я ли публикую, что такой то померъ; что правнукъ такого-то человѣка у меня воспитывается; не я ли получаю благодарности во всѣхъ, или во многихъ предисловіяхъ подъ именемъ N. N.? Да мнѣ это, какъ къ стѣнѣ горохъ! Говоря о Царѣ Горохѣ я почитаю излишнимъ всякія личности.—Съ гордостію повторяю: что мы, русскіе, обстроить, отопить, завалить своими лѣсами, своими водами, своимъ хлѣбомъ, всю Европу можемъ! и проч.— Вотъ что я могъ, ergo мотай себѣ на усъ, и проч.

Ѳ. Милостивые государи! Мнѣ кажется подавать голосъ можетъ не всякій. Иной кричитъ и невольно заставляетъ повторить слова баснописца:

«Ай моська, знать она сильна,
«Коль лаетъ на слона!»

Говорить свое мнѣніе позволяется не Косичкину, не самоучкѣ, но тому, который извѣстенъ своими твореніями и котораго творенія раскупаются: ибо раскупаютъ только достойное. Кто что ни говори, а цѣна денежная безразлична съ цѣною критики! Но мы видимъ, что раскупаютъ и дурныя, т. е. дешевыя (что дешево, то гнило) творенія въ 25 рублей рукопись. Не такія творенія разумѣю я подъ именемъ хорошихъ: въ хорошихъ твореніяхъ должно различать фасонъ... Да, фасонъ есть тайна созданія. Я и мой товарищъ, давно соединенные узами дружбы на оболочкахъ и въ предисловіяхъ, въ изданіяхъ и критикахъ, въ барышахъ и накладахъ, мы идемъ своею дорогою и не слушаемъ всѣхъ людскихъ бредней...

Иной изъ нихъ просилъ арбуза,
Другой соленыхъ огурцовъ.

Да и кто будетъ слушать всѣ ухищренія зависти, досады, злобы, за то, что насъ всѣ читаютъ и хвалятъ? т. е. я хвалю его, а онъ хвалитъ меня. Журналистика великая наука! Въ ней правило: носи шинель по вѣтру! Гдѣ хорошо, тамъ и мы. Нѣтъ ничего глупѣе, какъ характерность. Въ литературѣ

Когда смотрѣть на всѣ людскія рѣчи,
Придется и осла взвалить себѣ на плечи.

И что за выгода? Кто васъ ругаетъ — и вы того ругайте: кричите: упалъ, исписался, chut complete!

Я и онъ, ибо мы во всемъ нераздѣльны, издавна занимаемся отечественною исторіею... а какъ Царь Горохъ, прекрасный предметъ для романа, относится по существу своему къ предметамъ исторіи, то мы, я и онъ, осмѣливаемся предложить покупающей или читающей публикѣ слѣдующее:

Царь Горохъ есть подлежащее безъ смысла: ибо не имѣетъ своего сказуемаго: Царь Горохъ не

можетъ быть предметомъ романа: ибо неизвѣстно кто онъ и когда онъ былъ, слѣдовательно драпировка невозможна; безъ драпировки нѣтъ созданія: костюмъ и околичное описаніе, вотъ вся сущность романа.

Занимаясь исторіей, и преимущественно русскою, мы смѣемъ ласкать себя, что заслуживаемъ вниманіе публики; удостоенные ея довѣрія, выгоднаго и безцѣннаго, мы думаемъ, что и въ семъ предметѣ не измѣнимъ оному.

Царь Горохъ дѣло нерѣшенное Grammatici certant et ad huc judice lis est Horet (смотри толкованія Іосифа Ежевскаго).

Z. Я, милостивые государи, ничего не знаю о почтенномъ Царѣ Горохѣ:

Но горохъ ли онъ иль бобъ,
Царь Горохъ, иль Иванъ попъ,
Иль Царица Чечевица,
Или горькая горчица—

мнѣ все равно; если бы кто написалъ поэму, драму, романъ о Царѣ Горохѣ, я бы обѣщалъ, а можетъ быть, и написалъ бы предисловіе. Писать предисловіе—дѣло не шуточное. Пиша предисловіе

Я какъ бабка повиваю,
И на славу выпускаю!

А говорить о самомъ предметѣ—не мое дѣло. Я до сихъ поръ много, очень много писалъ,—но ничего не написалъ. — И такъ не спрашивайте меня о Царѣ Горохѣ: напишите—и просите предисловія.

K. Великій предметъ—о Царѣ Горохѣ! Но матушка мадамъ публика не довольствуется одними восклицаніями, яко зело простымъ веществословіемъ. Мнѣ помнится одинъ анекдотъ, сохранившійся въ архивѣ рѣдкостей моей свекрови, получившій оный въ наслѣдство отъ бабушки своего прадѣда. Наполеонъ во время пребыванія своего въ Москвѣ осматривалъ историческія достопамятности и, смотря на одну древнюю башню, спросилъ бывшаго съ нимъ маршала, когда она построена? Сей, не бѣ мужъ зело хитръ въ неукословіи, отнесся съ вопросомъ къ бывшему при Наполеонѣ русскому солдату, который и отвѣчалъ: а кто ё знаетъ! Чай при Царѣ Горохѣ! Отвѣтъ переведенъ такъ: Mais qui le sait; le thé sous le roi Choros. Не понимаю, сказалъ побѣдитель Европы и раболѣпные клевреты прибѣгнули къ искуснѣйшему транслатеру, который переложилъ такъ отвѣтъ русскаго антикварія: Mais qui le sait; je pense sous le Roi, dit le pois... Мощный завоеватель, сей новый Александръ, улыбнулся... И если онъ улыбнулся странному переложенію, кольми паче азъ грѣшный...

Симъ бью челомъ предъ вашимъ благорожденіемъ, милостивые государи!

Когда аристократы умолкли—тогда крикъ, гамъ, безалаберщина, стукотня, бѣготня, тревога... Не разслушаешь начала, средины, конца, приступа, доводовъ, слѣдствій: Царь Горохъ... Миѳъ тунеядства... Созданіе фантазіи... Объективность магнетическаго екстенситета... Символъ... Наполеонъ, гомеопатія... Прототипъ руссицизма въ творчествѣ... Идеалъ огородниковъ... Универсалъ фенеановъ... Типъ народныхъ сказаній... Галваническое возсоединеніе... Трансцендентализмъ природы и идеи хартіи... Типъ, прототипъ романизма и антитипъ классицизма... И все умолкло!

Секретарь составилъ протоколъ засѣданія. Все, въ силу публицитета, было напечатано на оберточной, какъ водится, бумагѣ; разослано по всѣмъ академіямъ; расхвалено въ журналахъ; и автографъ протокола положенъ въ архивъ.

Черезъ десять лѣтъ юноша, полный жизни и новыхъ силъ, сталъ разбирать архивъ и нашелъ протоколъ сего чрезвычайнаго засѣданія. Онъ прочелъ его, улыбнулся и улыбнулся тою самодовольною улыбкой, какой умное потомство чтитъ бредни предковъ.

Прочтя, юноша написалъ, мелкими буквами, слѣдующія слова Горація:

Credite posteri.

1488. Поденщина.—Сатирическій журналъ или ежедневныя изданія Василія Тузова. 1769 года.

«Поденщина» издавалась въ С.-Петербургѣ въ 1769 году, въ 12-ю долю листа. Всѣхъ страницъ 134. Первыя 22 страницы были выпущены 1 марта; потомъ черезъ недѣлю, журналъ этотъ выходилъ ежедневно по 4 апрѣля включительно, выдавая каждый разъ по два листа.—«Поденщина» перепечатана А. Афанасьевымъ 1858 г., 136 стр.

1489. Подлинное извѣстіе о славнѣйшей крѣпости, называемой «Склонность», ея примѣчанію достойной осады и взятія; купно съ приложеннымъ чертежемъ. Издано Георгіемъ Андреасомъ Беклеромъ, бывшимъ архитекторомъ и инженеромъ. Гликъ-Статъ, 1731 года. Переведено въ 1751 году Б. М. Печатана въ Санктпетербургѣ, при типографіи артиллерійскаго и инженернаго шляхетскаго кадетскаго корпуса. 1765 года.—Въ 8 д. л., 40 стр., съ картою.

Книга съ приложеніемъ чертежа крѣпости, называемой «Склонность», и ея достойной осады и взятія. Издано Георгіемъ Андреасомъ Беклеромъ, бывшимъ архитекторомъ и инженеромъ. Гликъ-Статъ, 1731 года, а на русскій переведено въ Санктпетербургѣ, 1751 года Б. М.—

Эта книжка составляетъ въ настоящее время большую рѣдкость.

Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

1490. Подлинное и обстоятельное описаніе, построеннаго въ Санктпетербургѣ, въ январѣ мѣсяцѣ 1740 года, «Ледянаго Дома» и всѣхъ находившихся въ немъ домовыхъ вещей и уборокъ, съ приложенными при томъ гидированными фигурами, также и нѣкоторыми примѣчаніями о бывшей въ 1740 году во всей Европѣ жестокой стужѣ; сочиненное для охотниковъ до натуральной науки, чрезъ Георга Вольфганга Крафта Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ члена и физики профессора. Печатано при Императорской Академіи Наукъ,—1741 года.—4 д. л., 56 стр. и 6 таблицъ рисунковъ.

Подробно описанный Крафтомъ «Ледяной Домъ» былъ построенъ при Императрицѣ Аннѣ Іоановнѣ, по предложенію камергера Алексѣя Татищева, и находился между Адмиралтейской крѣпостію и новымъ Зимнимъ Дворцомъ.

Въ «Ледяномъ Домѣ», который описывается въ этой книгѣ, Императрица Анна Іоановна приказала праздновать свадьбу своего придворнаго шута князя М. А. Голицына, женившагося также на шутихѣ Аннѣ Гуженниновой.

На свадебномъ пиру свѣчи горѣли въ ледяныхъ подсвѣчникахъ, и брачное ложе было устроено на ледяной кровати.

Описаніе этого дворца было напечатано въ примѣчаніяхъ къ «Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ» въ 1740 году, а въ 1741 году оно было напечатано отдѣльною книгою, въ небольшемъ количествѣ экземпляровъ. Въ 1887 году книга была издана вторымъ изданіемъ, въ городѣ Мышкинѣ Ярославской губерніи.

См. у Якова Березина-Ширяева—«Обзоръ книгъ» за 1896 г. стр. 18, гдѣ у него, между прочимъ, говорится, что книга эта составляетъ большую библіографическую рѣдкость.—Въ словарѣ Сопикова она не означена, изъ чего можно предполагать, что она не была ему извѣстна, такъ-же какъ и библіографу Лонгинову, который писалъ о ней въ 1857 году въ «Московскія Вѣдомости»:—«Книга эта такъ рѣдка, что остается только позавидовать тому, кто ее видѣлъ».—Геннади также не имѣлъ случая видѣть этой книги и поэтому она не была имъ описана.—Въ библіотекѣ Семовскаго находился полный экземпляръ книги Крафта, съ котораго онъ и перепечаталъ ее въ «Русской Старинѣ» въ 1873 году.

Купленъ мною экземпляръ этой рѣдкой книги въ хорошемъ видѣ со всѣми рисунками у книготорговца-антикварія Мелина за 12 рублей.

Вслѣдствіе вышеобъясненнаго книжка эта, составляя въ настоящее время библіографическую рѣдкость—для большинства не доступна; между тѣмъ она весьма интересна въ историческомъ отношеніи; почему я считаю не лишнимъ привести ее здѣсь полностію, съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

Подлинное и обстоятельное описаніе построеннаго въ Санктпетербургѣ въ генварѣ мѣсяцѣ 1740 года Ледянаго Дома.

Художество употребляетъ къ произведенію такихъ вещей, которыя человѣческому роду отчасти пользу, а отчасти увеселеніе приносить могутъ, многія различныя матеріи; и самая натура не производитъ почти ни одной дорогой или простой вещи, которой бы человѣкъ своимъ остроуміемъ и искусствомъ различными образами нѣкоторой пользы и пріятности придать не могъ. Ледъ между такими

Георгъ-Вольфгангъ Крафтъ.

Авторъ «Ледянаго Дома».
Съ портрета приложеннаго къ книгѣ Д. Ровинскаго «Словарь грав. портрет.».

матеріями, надъ которыми бы искусство свою силу и дѣйство показать могло, по сіе время почти никогда, или весьма рѣдко считслялся; и коль необходима нужна и полезна намъ живость воды, столь не полезна и къ дѣлу неспособна казалась твердость оныя многими художниками. Хотя отъ льду и великую пользу получить можно, когда оную воду хотя неплодною, однакожъ твердою землею дѣлать; когда чрезъ рѣки и цѣлыя озера на всѣ стороны мосты наводить; и когда въ глубокихъ и весьма крѣпкихъ погребахъ питья прохлаждаетъ, и не допускаетъ до оныхъ лѣтнія теплоты: однакожъ искусство въ томъ или ничего, или весьма мало себѣ приписать и тѣмъ похвалиться не можетъ, чтобы сіе отъ его трудовъ происходило. Одно сколько мнѣ извѣстно, что искусство надъ льдомъ по сіе время въ дѣйство произвело, есть сіе, что оной для его прозрачности иногда вмѣсто стекла употребляло, и изъ него или оконницы или стаканы въ Италіи употребительные, или зажигательныя стекла дѣлало. Въ первомъ случаѣ искусство также никакого труда не имѣло; но напротивъ того во второмъ и третьемъ большее показало стараніе, и притомъ предъявило нѣкоторые опыты, что оно надъ льдомъ прилежаніе свое оказать можетъ. Такія зажигательныя ледяныя стекла, или свойственнѣе сказать, зажигательный ледъ, еще не очень давно найдены; по послѣдней мѣрѣ Аристотель и Плиній, славные въ свое время испытатели натуры, ничего о томъ не знали. Оба вѣдали, какъ водою огонь произвести можно, ежели оную въ пустомъ стеклянномъ шарикѣ держать противъ солнечныхъ лучей; но что тожъ самое и замерзлою водою учинить можно, то было имъ неизвѣстно. Въ нынѣшнее время не трудно оное сдѣлать, а особливо такимъ образомъ, какъ славный французскій физикъ Маріотъ *) описываетъ. Ибо главное дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы ледъ былъ очень свѣтлый и прозрачный, дабы солнечные лучи свободно сквозь оной проходить могли. А понеже чрезъ искусство извѣстно, что отъ воздуху, который въ водѣ находится, ледъ становится непрозраченъ, и пузырьками наполняется, то надлежитъ изъ воды прежде замерзанія весь воздухъ выгнать. Сіе сдѣлать можно двумя способами, или антліею пневматическою, или сильнымъ вареніемъ. Маріотъ послѣдній способъ употребилъ, и чистую воду на огнѣ съ полчаса варилъ, дабы тѣмъ изъ воды воздухъ выгнать. Потомъ онъ сію отъ воздуха очищенную воду въ жестокую стужу на свободный воздухъ выставя заморозилъ, и такимъ образомъ получилъ такой ледъ, который почти совершенную прозрачность имѣлъ. Для приведенія его въ такую форму, какая къ зажигательному стеклу необходимо потребна, положилъ онъ его въ небольшой пустому полушару подобный сосудъ и держалъ надъ горячими угольями, дабы отъ льду столько оттаяло, сколько потребно было къ приведенію онаго въ такую форму, какую судно имѣло. Когда такимъ способомъ одна сторона получила надлежащій выпуклый видъ, то онъ тоже учинилъ и съ другою стороною. Чрезъ сіе получилъ онъ такое шару подобное и на обѣ стороны выпуклое прозрачное тѣло, которое съ зажигательнымъ стекломъ совершенное сходство имѣло. Оное взялъ онъ съ обѣихъ краевъ въ перчаткахъ, чтобы его отъ теплоты голыхъ рукъ не повредить, и такимъ образомъ держа противъ солнца происходящею отъ него зажигательною точкою зажигалъ порохъ. Между тѣмъ сіе подлинно, что такой чрезъ искусство къ зажиганію приготовленный ледъ равнаго совершенно

*) Oeuvre de Mr. Mariotte, à Zeide, 1717, Tomo II, p. 607.

прозрачному хрустальному стеклу дѣйства имѣть не можетъ. Ибо всегда еще въ немъ остаются воздушные пузырьки, которые въ совершенной его прозрачности препятствуютъ, а особливо когда воздухъ изъ воды однимъ только вареніемъ выгнанъ былъ. Равнымъ образомъ и сдѣланное изъ густо выкрашеннаго стекла зажигательное стекло такого сильнаго дѣйства не имѣетъ, какъ бѣлое чистое стекло: однакожъ оно до тѣхъ поръ зажигаетъ, пока краска еще не всю прозрачность отняла, что синею краскою довольно густо выкрашеннымъ стекломъ легко показать можно, потому что въ его зажигательной точкѣ порохъ отъ солнца тотчасъ загорится, хотя нѣкоторые ученые люди, которые того не отвѣдывали, весьма тому повѣрить не хотѣли *).

Въ томъ состоитъ все то, что искусство изъ льду по сіе время произвело; для того что оно или для чувствительной рукамъ стужи работы свои продолжать не могло; или разсуждая, что его труды надъ такою матеріею, которая въ наибольшихъ частяхъ земнаго круга весьма не долго держится, напрасны и безполезны будутъ. Хотя обѣ оныя причины и довольно важны, однако же онѣ насъ вовсе удержать не могутъ, чтобы надъ льдомъ долотами и рѣзцами болѣе не дѣйствовать, дабы чрезъ то или нѣчто нечаянное произвести, или о вещахъ, которыя въ другихъ небесныхъ тѣлахъ всегда непремѣнны бываютъ, подать нѣкоторое понятіе. Ибо ледъ не вездѣ во всемъ свѣтѣ такъ коротко пребываетъ, какъ у насъ на земли. Коль подлинно сіе, что желѣзо, которое намъ труднѣе другихъ всѣхъ металловъ растопить, въ солнечномъ тѣлѣ всегда жидкою матеріею было; и что ежели бы въ солнечномъ тѣлѣ жители обрѣтались, то бы они текущимъ желѣзомъ мыться и оное пить могли; коль же и сіе подлинно, что жители, которыхъ мы въ планетахъ Венерѣ и Меркуріи въ умѣ себѣ представить можемъ, могли бы равнымъ образомъ свинецъ и олово употреблять: толь подлинно и то, что вода наша, которую мы по большей части видимъ какъ жидкое тѣло, въ планетѣ Сатурнѣ всегда бы была камень подобной твердостію мрамору, которой однакожъ сіе свойство имѣлъ, чтобы отъ великаго огня растаять могъ. Ибо сіе необходимо слѣдуетъ, что всегда пребывающая въ Сатурнѣ для его безмѣрнаго отъ солнца отдаленія, жестокая стужа гораздо въ большемъ градусѣ надъ водою тоже производитъ, что у насъ посредственная стужа дѣлаетъ. И такъ ежели въ Сатурнѣ есть вода, то оная тамъ не инако, какъ подъ образомъ мрамора быть можетъ; ежели обрѣтаются въ оной планетѣ жители, которымъ бы нужда велѣла домы себѣ строить, то бы они конечно сей водяной камень на то употребляли: напослѣдокъ, ежели бы у насъ нашелся художникъ, который бы будучи поощренъ награжденіемъ отъ какой нибудь знатной особы такую вещь произвелъ, за которую бы онъ хотя денегъ получить не могъ; однакожъ бы тѣмъ способствовалъ къ распространенію нашего познанія, и представилъ бы намъ напримѣръ такой увеселительный домъ, какой въ Сатурнѣ быть можетъ; или бы великолѣпный столбъ, которымъ бы какой нибудь художникъ въ Сатурнѣ вѣчно имя свое хотѣлъ прославить, отъ чего бы смотрители нѣкоторое увеселеніе имѣть могли. Жестокая стужа, которую въ прошлую зиму 1740 года вся Европа чувствовала, и отъ которой еще и нынѣ находятся печальные слѣды, произвела и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ то весьма необыкновенно бываетъ, такое множество оной матеріи, о которой я здѣсь говорю, что трудолюбивые и тщательные люди приняли отъ того случай оказать свое искусство надъ льдомъ, и чрезъ то такою вещью, которая намъ впрочемъ вредительна, хотя недѣйствительную пользу, однакожъ нѣкоторое пріятное подать увеселеніе.

Одинъ примѣръ, о которомъ я извѣстился, былъ въ Либекѣ, гдѣ господинъ порутчикъ фонъ Мейнеръ, пока жестокая стужа продолжалась, передъ Голштинскими воротами изо льду льва длиною въ 7 футовъ такъ искусно изобразилъ, что онаго бы никакой рѣщикъ изъ дерева лучше вырѣзать не могъ. Около сего льва сдѣлалъ онъ также изо льду больверкъ, а на ономъ 5 пушекъ, одного солдата и бутку *).

Но здѣсь въ Санктпетербургѣ художество гораздо знатнѣйшее дѣло изо льда произвело. Ибо мы видѣли изъ чистаго льду построенной домъ, который по правиламъ новѣйшей архитектуры расположенъ, и для изряднаго своего виду и рѣд-

*) Junckeri Chemia Tab XIX, p. 454.

*) Kurtz abgefasste Historische Nachrichten auf das Jahr 1740 XIII-tes Stück, p. 256.

кости достоинствъ былъ, чтобъ по крайней мѣрѣ таковожъ долго стоять, какъ наши обыкновенные домы, или чтобъ въ Сатурнѣ какъ въ число звѣздъ перенесенъ былъ. Первое о строеніи сего дому похвалы достойное предложеніе учинилъ господинъ камергеръ Алексѣй Даниловичъ Татищевъ, а Высочайшее на то соизволеніе, и потребное къ сему достопамятному строенію немалое иждивеніе происходило отъ милости и щедролюбія Ея Императорскаго Величества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, которая великая Монархиня остроумныхъ, и иногда къ одному только увеселенію склоняющихся трудовъ своихъ поданныхъ своею милостію не оставляла. По принятіи сего намѣренія въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1739 года начато было немедленно, и со всякою ревностію оное строеніе сперва на льду Невы рѣки передъ Императорскимъ зимнимъ домомъ, при чемъ была та способность, что потребные къ строенію матеріалы, а именно твердая и житкая вода тамъ въ близости находились. Но какъ архитектура по большой части чрезъ прежнія многія погрѣшности въ строеніи до нынѣшняго своего совершенства дошла, такъ тожъ самое и здѣсь случилось. Ледъ Невы рѣки, которой и тогда не гнется, когда многіе тысячи вооруженныхъ людей на немъ стоятъ; когда изъ большихъ пушекъ и мортиръ на немъ стрѣляютъ; когда цѣлую крѣпость изо льду построенную и гарнизономъ обороняемую наступатели приступомъ берутъ, какъ то лѣтъ за семь передъ симъ для военнаго увеселенія дѣйствительно учинено; если ледъ, говорю я, началъ при возвышеніи сего строенія гнуться, и чрезъ то показывать, что ни какой тягости болѣе нести не можетъ; однакожъ сей случай происходилъ не столько отъ чрезвычайной тягости строенія, столько отъ того, что работы начаты были прежде, нежели фундаментъ потребную твердость получить могъ, и что въ самое то время оттепель сдѣлалась, которой послѣ чрезъ всю зиму не было. Между тѣмъ сіе начатаго намѣренія ни мало не остановило, но еще больше ревности къ строенію ледянаго дому возбудило. Потребные къ тому матеріалы Нева рѣка въ довольномъ числѣ подавала, и надлежало только выбрать такое мѣсто, которое бы сіе достопомятное строеніе способнѣе нести могло. Оное найдено было въ знатнѣйшей части сея столицы и между двумя весьма достопамятными строеніями, а именно между созданною отъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Императора Петра Перваго Адмиралтейскою крѣпостью, и построеннымъ отъ блаженныя жъ и вѣчнодостойныя памяти Государыни Императрицы Анны новымъ зимнимъ домомъ, которой для своего великолѣпія достоинъ всякаго удивленія. На семъ мѣстѣ строеніе опять началось; самой чистой ледъ на подобіе большихъ квадратныхъ плитъ разрубали, архитектурными украшеніями убирали, циркуломъ и линѣйкою размѣривали, рычагами одну ледяную плиту на другую клали, а каждою въ рядъ водою поливали, которая тотчасъ замерзала, и вмѣсто крѣпкаго цементу служила. Такимъ образомъ чрезъ краткое время построенъ былъ домъ, который былъ длиною въ 8 саженъ, или въ 56 лондонскихъ футовъ, шириною въ 2 сажени съ половиною, а вышиною вмѣстѣ съ кровлею въ 3 сажени: гораздо великолѣпнѣе казался, нежели когда бы онъ изъ самаго лучшаго мрамора былъ построенъ, для того что казался сдѣланъ былъ будто бы изъ одного куска, и для ледяной прозрачности и синяго его цвѣту на гораздо дражайшей камень, нежели на мраморъ походилъ.

И дабы благосклонный читатель могъ о семъ чрезвычайномъ домѣ, также и о наружномъ и внутреннемъ его украшеніи, и о прочемъ приборѣ, которое все изъ чистаго льду сдѣлано было, подлинное и ясное понятіе получить, и сколько можно въ тогдашнемъ нашемъ удовольствіи участіе имѣть: то намѣренъ я съ нимъ каждую оную часть по приложеннымъ здѣсь придорованнымъ фигурамъ разсмотрѣть. Главное онаго дому строеніе съ посторонними украшеніями представляетъ таблица 1. Фасадъ или лице дому нум. 1, а планъ нум. 2, причемъ находится также и масштабъ, на которомъ наималѣйшее раздѣленіе значитъ вершки, которые 16 на аршинъ считаютъ; слѣдующее потомъ посредственное раздѣленіе значитъ аршины, которыхъ 3 сочиняютъ сажень; а напослѣдокъ самое большое раздѣленіе показываетъ сажени, изъ которыхъ каждая содержитъ 7 лондонскихъ футовъ. На каждой день всякому позволено было въ сіе строеніе ходить, и оное смотрѣть, но отъ того произошла было безпрестанная тѣснота, такъ что вскорѣ тамъ надлежало караулъ поставить, дабы оной при чрезвычайномъ собраніи народа, которой туда для смотрѣнія приходилъ, содержалъ нѣко-

торой порядокъ. Для помянутой же причины около всего ледянаго строенія воткнуты были деревянные колышки и соединены брусками, что на таблицѣ 1 подъ нум. 2 подъ лит. A, B, C, D видно. Напереди передъ домомъ стояло 6 ледяныхъ точеныхъ пушекъ подъ лит. E, F, G, H, I, K, табл. 1, нум. 2, которыя имѣли колеса и станки ледяныя жъ, что и о всемъ послѣдующемъ разумѣть должно, развѣ что неледяное случится, о чемъ именно упомянуто будетъ. Помянутыя пушки величиною и размѣромъ противъ мѣдныхъ трехъ фунтовыхъ сдѣланы и высверлены были. Изъ оныхъ пушекъ не однократно стрѣляли, въ которомъ случаѣ кладено въ нихъ пороху по четверти фунта, а при томъ посконное или желѣзное ядро закачивали. Такое ядро нѣкогда въ присутствіи всего Императорскаго придворнаго штата въ разстояніи 60 шаговъ доску толщиною въ два дюйма насквозь пробило. Изображеніе такой пушки находится на VI таблицѣ подъ лит А. Ещежъ стояли въ томъ же ряду съ пушками двѣ мортиры подъ лит. Z, M, табл. 1, нум. 2, которая на VI таблицѣ подъ лит. B. изображены. Оныя мортиры сдѣланы были по размѣру мѣдныхъ мортиръ противъ двухъ пудовой бомбы, изъ которыхъ многократно бомбы бросали, при чемъ на зарядъ въ гнѣздо по четверти фунта пороха кладено. Напослѣдокъ въ томъ же ряду у воротъ стояли два дельфина подъ лит. N, O, табл. 1, нум. 2, и подъ лит. C и D. Сіи дельфины помощію насосовъ огонь отъ зажженной нефти изъ челюсти выбрасывали, что ночью пріятную потѣху представляло. Позади помянутаго ряда пушекъ и мортиръ сдѣланы были около всего дому изъ ледяныхъ балясъ нарядныя перилы, между которыми въ равномъ разстояніи четвероугольные столбы стояли, которые на табл. 1, подъ нум. 1 и 2 лит. a. означены. Когда на оной домъ изъ близи смотрѣли, то съ удивленіемъ видна была вверху на кровлѣ четвероугольными столбами и точеными статуями украшенная галерея, а надъ входомъ преизрядной фронтишпицъ въ разныхъ мѣстахъ статуями украшенной, какъ сіе на табл. 1 нум. 1 подъ лит. bc, dc и cd явствуетъ. Самой домъ имѣлъ дверные и оконишные косяки также и пилястры, выкрашенные краскою на подобіе зеленаго мрамора. Въ ономъ же домѣ находились крыльцо и двое двери, какъ на табл. 1, нум. 2, подъ лит. b, c видно, при входѣ въ домъ были сѣни (табл. 1, нум. 2, подъ лит. P), а по обѣимъ сторонамъ покои (подъ лит. Q R) безъ потолоку, съ одною только крышею, какъ сіе на табл. II, III, IV и V показано. Въ сѣняхъ были четыре окна, а въ каждомъ покоѣ по пяти оконъ, въ которыхъ какъ рамки, такъ и стекла изъ тонкаго чистаго льду сдѣланы были. Ночью въ оныхъ окнахъ неоднократно много свѣчъ горѣло, и почти на каждомъ окнѣ видны были на полотнѣ писанныя смѣшныя картины, какъ сіе на табл. 1 подъ нум. 1 изображено, причемъ сіяніе сквозь окна и стѣны проницающее преизрядный и весьма удивительный видъ показывало. Въ перилахъ кромѣ главнаго входа (табл. 1, нум. 2 подъ лит. F) находились еще двое стороннія ворота g, h и на нихъ горшки съ цвѣтами, и съ померанцевыми деревьями, а подлѣ нихъ простыя ледяныя деревья, листья и вѣтви ледяныяжъ имѣющія, на которыхъ сидѣли птицы, что все съ изряднымъ мастерствомъ сдѣлано было, какъ сіе на табл. 1 нум. 1 подъ лит. h и i изображено. Теперь посмотримъ, какимъ образомъ убраны были покои. Половина покоя Q (табл. 1, нум. 2, на табл. II) въ разрѣзѣ представляется тою стороною, гдѣ окна (k и l) находятся. Тутъ стоялъ уборный столъ, на которомъ находились зеркало, нѣсколько шандаловъ съ свѣчами, которыя по ночамъ будучи нефтью намазаны горѣли, карманные часы и всякая посуда, а на стѣнѣ висѣло зеркало. Другая половина покоя (табл. 1, нум. 2) въ томъ же видѣ на табл. III представляется тою стороною, гдѣ окна (m и n) находятся. Тутъ видны были преизрядная кровать съ завѣсомъ, постелею, подушками и одѣяломъ, двои туфли, два колпака, табуретъ и рѣзной работы комель, въ которомъ лежащія ледяныя дрова нефтью намазанныя многократно горѣли. Половина покоя R (табл. 1, нум. 2) на IV табл. видна въ разрѣзѣ тою стороною, которая имѣетъ окно лит. p назначенное. Тамъ стоялъ столъ, а на немъ лежали столовые часы, въ которыхъ находящіяся колеса сквозь свѣтлый ледъ видны были. Сверхъ сего на столѣ въ разныхъ мѣстахъ лежали для игранія приморожённыя подлинныя карты съ марками. Подлѣ стола по обѣимъ сторонамъ стояли рѣзной работы два долгіе стула, а въ углахъ двѣ статуи. Другая половина покоя R (табл. 1, нум. 2) на V табл. въ разрѣзѣ представлена тою стороною, гдѣ двери подъ лит. q находятся. Тутъ стоялъ по

правую руку рѣзной угольный поставецъ съ разными небольшими фигурами; а внутри онаго стояла точеная чайная посуда, стаканы, рюмки и блюда съ кушаньемъ. Всѣ оныя вещи изъ льду сдѣланы, и приличными натуральными красками выкрашены были.

Наружное и прочее сего дому украшеніе состояло въ слѣдующихъ вещахъ. Во первыхъ, на всякой сторонѣ на пьедесталѣ съ фронтишпицомъ поставлено было по четвероугольной пирамидѣ, что лит. 1, 3, на 1 табл. подъ нум. 1 и 2 показываютъ. Помянутыя пирамиды внутри были пусты, которыя сзади отъ дому входъ имѣли. На каждой оныхъ сторонѣ высѣчено было по круглому окну, около которыхъ снаружи размалеванныя часовыя доски находились, а внутри осьмиугольный бумажный большой фонарь висѣлъ, у котораго на каждой сторонѣ всякія смѣшныя фигуры намалеваны были, и въ которомъ ночью свѣчи горѣли. Оный фонарь, находившійся внутри потайной, человѣкъ вкругъ оборачивалъ, дабы сквозь каждое окно изъ помянутыхъ фигуръ одну за другою смотрители видѣть могли.

Второе, по правую сторону дома изображенъ былъ слонъ, въ надлежащей его величинѣ (табл. 1 нум. 1 и 2 лит. t), на которомъ сидѣлъ персіанинъ съ чеканомъ въ рукѣ, а подлѣ его еще два персіанина въ обыкновенной человѣческой величинѣ стояли. Сей слонъ внутри былъ пустъ, и такъ хитро сдѣланъ, что днемъ воду вышиною 24 фута пускалъ, которая изъ близконаходящагося канала Адмиралтейской крѣпости трубами проведена была, а ночью съ великимъ удивленіемъ всѣхъ смотрителей горящую нефть выбрасывалъ. Сверхъ же того могъ онъ какъ живой слонъ кричать, который голосъ потаенный въ немъ человѣкъ трубою производилъ. Третій, на лѣвой сторонѣ дома (табл. I нум 1 и 2 лит. n), по обыкновенію сѣверныхъ странъ изо-льда построена была баня, которая казалась, будто бы изъ простыхъ бревенъ сдѣлана была, и которую нѣсколько разъ топили, и дѣйствительно въ ней парились.

Такого состоянія былъ сей ледяной домъ; а понеже жестокая стужа съ начала января мѣсяца по самый мартъ почти безпрерывно продолжалась, то оный домъ до того же времени стоялъ безъ всякаго поврежденія. Въ исходѣ марта мѣсяца началъ онъ къ паденію клониться, и помаленьку, особенно съ полуденной стороны валиться; при чемъ изъ обвалившихся льдинъ самыя большія въ Императорскій ледникъ отвезены были. Кромѣ того увеселенія, которые сей ледяной домъ въ каждомъ смотрителѣ производилъ, можемъ мы оный еще и за дѣйствительный физическій опытъ почесть, который тѣмъ больше пользы имѣетъ, что учиненъ великимъ числомъ ледяной матеріи. Въ такомъ разсужденіи распространяемъ мы свое познаніе, какъ я уже выше упомянулъ, и будучи увѣренъ чрезъ самое искусство, видимъ теперь ясно, что изо-льда, при жестокой стужѣ можно строить, льдины поливая водою въ скоромъ времени сплачивать, также и ледъ точить, сверлить, рубить, красить, и способомъ намазанной нефти огонь производить, и притомъ еще изъ онаго стрѣлять, не употребляя того, какъ нѣкоторые думали, чтобъ порохъ въ жестяной трубѣ туда вкладывать. Все сіе познали мы при семъ предпріятіи, и о истинѣ того совершенно увѣрены, хотя въ нѣмецкой землѣ нѣкоторые нашлись, которымъ наибольшая часть вышеупомянутаго описанія не вѣроятна и вымышленна казалась. И сія невѣроятность часъ отчасу больше возрасти можетъ, чѣмъ далѣе въ полуденныя страны слухъ о ледяномъ домѣ распространится. Никто тому спорить не можетъ, чтобъ огнестрѣльный порохъ не имѣлъ разрывающей силы, и для того нѣкоторымъ то неимовѣрно показалось, что ледяныхъ нашихъ пушекъ при первомъ выстрѣлѣ на мелкіе куски не разорвало. Однако же должны разсудить, что разрывающая пороховая сила свое дѣйство къ той сторонѣ показываетъ, гдѣ она наималѣйшее сопротивленіе находитъ. И такъ, ежели ледъ изъ котораго пушки сдѣланы, плотнѣе держится, и пороху больше противится, нежели спереди закаченное ядро, и положенный сверхъ онаго пыжъ, что зарядъ каждой пушки всегда требуетъ: то разрывающая пороховая сила обращаетъ свое дѣйство къ самой слабой части, и такимъ образомъ ледъ не разрываетъ. Въ жестокую стужу и ледъ на подобіе другихъ твердыхъ тѣлъ сильное сопротивленіе показываетъ, и я самъ неложными надъ ледяными шарами учиненными опытами узналъ, что ледъ нарочитую эластическую силу имѣетъ, и оною нѣсколько раздается, а потомъ опять прежнюю свою величину получаетъ. Еще же и того отрицать не можно,

что огнестрѣльный порохъ влажность къ себѣ притягаетъ, и тогда уже не загорается: но твердо замерзлый ледъ влажности не имѣетъ, однако же я самъ видѣлъ, что на ледъ изъ ледника взятый, положенная кучка пороху въ солнечное сіяніе въ іюлѣ мѣсяцѣ отъ зажигательнаго стекла тотчасъ загорѣлась.

Не хочу больше медлить и отвѣтствовать на предложенныя намъ сомнительства, но доволенъ тѣмъ, что правду всего того, что я выше о ледяномъ нашемъ домѣ показалъ, многія тысячи здѣсь чрезъ долгое время видѣли, чего ради къ другому разсужденію приступаю. Безъ сомнѣнія бы то несказанную пользу учинило, ежели бы такія жестокія зимы, каковы были въ 1709, и недавно въ 1740 года, заранѣе предвидѣть, и тотъ годъ, въ которой она опять будетъ, напередъ объявить можно было. Хотя сіе трудно, и почти учинить не возможно, однако жъ могло бы оно служить къ нѣкоторымъ догадкамъ, ежели бы всѣ зимы, въ которыя случалась жестокая стужа въ исторіяхъ записанныя замѣчать и смотрѣть, не по порядку ли какому, который бы узнать было можно, одна за другою послѣдуютъ. Къ сему надлежитъ еще обстоятельную роспись всѣхъ студенныхъ зимъ имѣть, для сочиненія которой отъ данныхъ временъ зачавши, многія историческія книги прилежно читать надобно: однакожъ я здѣсь нѣкоторый опытъ предложу, который можетъ быть тѣ, которые въ томъ меня искуснѣе, гораздо пространнѣе учинить могутъ.

И такъ безмѣрно студеныя зимы были въ послѣдующихъ годахъ.

До Рождества Христова.

Въ 177 году. Въ ту зиму всѣ деревья замерзли, и сильные вѣтры вѣяли, которые цѣлые домы повалили. Сифъ Калвицій въ своей хронологіи, изъ Ливія.

Послѣ Рождества Христова.

Въ 443. Необычайно великой снѣгъ съ полгода лежалъ, отъ чего великое множество скота и людей померло. Калвизіи изъ Сигонія.

Въ 605. Всѣ деревья и виноградъ вымерзли, послѣ чего лѣтомъ мыши всѣ пашни опустошили и великій голодъ воспослѣдовалъ. Калвизіи изъ Павла Діакона.

Въ 670. Была продолжительная жестокая зима, которая много людей и скота умертвила. Калвизіи изъ Кедрина.

Въ 717. Въ Азіи снѣгъ чрезъ сто дней лежалъ на земли, отъ чего люди и скотъ умерали. Калвизій изъ Кедрина.

Въ 764. Въ февралѣ мѣсяцѣ принесло изъ Чернаго моря въ Константинопольское устье превеликія льдины, на которыхъ больше 30 человѣкъ уставиться могло, отъ чего городскія стѣны повредились. Та зима началась еще въ исходѣ прежняго года съ такою стужею, что отъ того на Черномъ морѣ льду толщиною въ 30 футовъ намерзло. Калвизіи изъ разныхъ писателей.

Въ 801. Все Черное море по прежнему замерло. Калвизіи изъ лѣтописи Фултской.

Въ 821. Всѣ рѣки въ Европѣ чрезъ 30 дней такой твердой ледъ имѣли, что колясками по оному ѣздить можно было. Калвизіи изъ Эймона.

Въ 823. Была жестокая и долго продолжавшаяся зима, отъ которой люди и скотъ мерзли. Калвизіи изъ Эймона.

Въ 859. Адріатское море такъ замерзло, что въ Венецію пѣшкомъ проходить было можно. Калвизіи изъ лѣтописи Фултской.

Въ 992. Была долго продолжавшаяся и жестокая зима, въ которую на день Рождества Христова сѣверное сіяніе видно было. Калвизіи...

Въ 1092. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ выпалъ великій снѣгъ, отъ чего жестокая стужа воспослѣдовала. Калвизіи.

Въ 1125. Въ исходѣ мая выпалъ великой снѣгъ съ жестокою стужею, отъ чего деревья и травы замерзли. Калвизіи.

Въ 1334. Въ исходѣ апрѣля выпалъ глубокой снѣгъ, который всѣ деревья повредилъ, токмо потомъ воспослѣдовалъ плодородный годъ. Калвизіи изъ исторіи польской.

Въ 1400. Такъ студено было; что моря померзли. Калвизіи изъ лѣтописцовъ Фландрскихъ.

Въ 1608. Была жестокая и долгопродолжавшаяся стужа, отъ которой множество деревъ померзло, но потомъ плодоносное лѣто воспослѣдовало. Мезереева исторія о Франціи.

Въ 1709. Была, какъ еще многимъ памятна, въ всей Европѣ чрезмѣрно жестокая зима, отъ которой многія тысячи людей, звѣрей и деревъ погибли: а при томъ отъ оной же, какъ Акен-

скія темницы *), такъ и около Венеціи Адріатское море замерзло **).

Въ 1740. Напослѣдокъ была еще во всей Европѣ весьма жестокая студеная зима, которая ежели прежней не больше, то по крайней мѣрѣ съ оною сравниться можетъ.

Ежели бы позволено было на такихъ догадкахъ утверждаться, которыя нѣкоторый видъ вѣроятности имѣютъ, то кажется, что такія необыкновенно студеныя зимы всегда черезъ 30 лѣтъ съ небольшимъ случались. Ибо отъ 1709 по 1740 годъ, о которыхъ обѣихъ студеныхъ зимахъ мы довольно извѣстны, прошло 31 годъ, отъ 177 до Рождества Христова точно прошло 20-тью 31 годъ. И такъ можно догадываться, что между обѣими тѣми студеными зимами, такіяжъ 19 были, но объ нихъ никакого извѣстія не осталось. Между 443 и 605 прошло 162 года, то есть, почти 5-тью 32 года; между 605 и 670 считается 65 лѣтъ, то есть, дважды 32, и такъ далѣе. Ежели угодно сіи догадки точнѣе изслѣдовать, то оставя 717, 801, 823 годы, отъ чего писателямъ оныхъ невеликая обида произойти можетъ, выдетъ слѣдующая таблица, которая показываетъ извѣстныя жестокія зимы, и то время, которое между ими проходило, также и близкое ихъ сходство съ числомъ тридцать.

До Рождества Христова 177. 620. 20-тью 31.
Послѣ Рождества Христова 443. 162. 5-тью 32.
605. 65. 2-жды 32.
670. 94. 3-жды 31.
764. 57. 2-жды 29.
821. 38. 1-жды 38.
859. 133. 4-жды 33.
992. 100. 3-жды 33.
1092. 33. 1-жды 33.
1125. 209. 6-тью 35.
1335. 66. 2-жды 33.
1400. 208. 6-тью 35.
1608. 101. 3-жды 34.
1709. 31. 1-жды 31.
1740.

Отъ сего явно, что учиненныя догадки не совсѣмъ безосновательны находятся; также и такихъ слѣдствій, которыя отъ искусства происходятъ, отметать не должно, а происходящую отъ того пользу при разныхъ вещахъ повседневно видимъ. Такъ напримѣръ, хотя мы точно еще не знаемъ всѣхъ оныхъ причинъ, которыя приливъ и отливъ производятъ, однакожъ мы уже давно научились, такъ исправно опредѣлять время сего морскаго движенія какъ къ пользѣ и прибыли нашей потребно.

Теперь къ намѣренію моему ничего больше не осталось, какъ только жестокую стужу 1740 году прилежнѣе по натуральнымъ ея обстоятельствамъ разсмотрѣвши, благосклонному читателю предложить, и тѣмъ о такомъ необыкновенномъ случаѣ натуры, которой ни отъ какой человѣческой силы не зависитъ, память оставить. Физика гораздо въ недавномъ времени своими термометрами способъ нашла, чтобъ довольно исправную мѣру стужи или теплоты потомкамъ оставить: чего ради предосудительно бы было, ежели бы сіе при случаѣ 1740 году пренебречь. Когда художество старалось сію стужу на долгое время въ человѣческой памяти сохранить, то тожъ самое и науки должны учинить, и сіе воздушное дѣйство прилежнѣе описать, нежели какъ то въ 1709, и во всѣхъ прежнихъ подобныхъ тому годахъ учинено. Чтожъ касается до оной стужи, которую мы здѣсь въ Санктпетербургѣ чувствовали, то была она весьма велика въ слѣдующіе дни; а именно въ 1739 году ноября съ 10 по 14, и съ 20 по 24 число по старому стилю; съ 5 декабря по 13; и съ 25 по 31 число. А въ 1740 году чрезъ весь январь мѣсяцъ стужа безпрерывно продолжалась; въ февралѣ первые 18 дней, да послѣдніе 3 дни; въ мартѣ съ 1 по 3 и съ 8 по 16 число. Изъ всѣхъ дней по сходству учиненныхъ обсервацій января 25 дня былъ наижесточайшій морозъ; ибо въ тотъ день на здѣшней Императорской обсерваторіи термометръ Фаренгейтова раздѣленія въ 7 часовъ по утру на 30 градусовъ ниже 0 опустился. Въ сѣняхъ каменныхъ палатъ, въ которые надворный воздухъ свободно проходить не могъ, повѣшенный термометръ черезъ весь тотъ день на 3-емъ градусѣ подъ 0 стоялъ. Небо было весьма ясно, кромѣ того, что нижній воздухъ тонкимъ туманомъ былъ наполненъ, а притомъ дулъ небольшой сѣверный вѣтеръ, барометръ скоро къ верху поднялся, и остановился на $20^3/_5$ дюймахъ, которыхъ 12 англійскій футъ составляютъ.

Для большаго изъясненія о жестокости сей

*) Thomae Sydenham Opera Medica p. 790.

**) Ibid. p. 792.

зимы объявимъ мы еще нѣсколько другихъ опытовъ, а именно въ 1739 году февраля 4 и 5 числа выставлена была скляница съ крѣпкою французскою водкою на ночь на свободный воздухъ, въ которой по утру сверху водка крѣпко замерзла, а подъ льдомъ была только густа на подобіе мягкаго воску. Повѣшенной притомъ термометръ амстердамскаго художника Принса на Фаренгейтовъ образецъ сдѣланный показывалъ 13 градусовъ ниже 0.

Того жъ 1739 году февраля 8 дня выставлены были на свободный воздухъ нижеслѣдующія вещи, которыя передъ тѣмъ черезъ нѣсколько дней въ покояхъ стояли, и начали замерзать въ ниже показанное время, а именно.

	час.	мин.
Соленая вода въ . . .	1	10
Вареная вода въ . . .	0	19
Рѣчная вода въ	0	19
Пиво въ	1	25
Красное вино въ . . .	1	45

Термометръ показывалъ притомъ 1 градусъ ниже 0, а по прошествіи 6 часовъ соляная вода, пиво и вино совсѣмъ замерзли.

Того жъ году декабря 2 дня налито было въ скляницу на воду орѣховаго масла вышиною $^2/_3$ дюйма, и черезъ 19 минутъ вода подъ масломъ начала мерзнуть, и вскорѣ потомъ въ ледъ оборотилась, а напротивъ того масло жидкости своей не потеряло.

1740 году марта 4 дня здѣсь въ Санктпетербургѣ въ нѣкоторомъ между домами находящемся саду счищенъ былъ снѣгъ до самой земли, которой глубиною былъ на два фута, а какъ глубже въ замерзлую землю прокопали, то подъ ледянымъ черепомъ видно было, что земля была тала, и только на $^1/_4$ фута промерзла.

Въ другихъ мѣстахъ нѣмецкой земли, откуда мы извѣстіе получить могли, помянутая стужа была слѣдующая.

Въ Лейпцигѣ господинъ докторъ Миллеръ наибольшую стужу усмотрѣлъ въ 1740 году февраля 24, 25 и 26 чиселъ по новому штилю, причемъ его термометръ на Фергантово раздѣленіе приведенной 20 градусовъ ниже 0 показывалъ.

Во Франкфуртѣ при Майнѣ наибольшая стужа примѣчена въ томъ же году января 10 дня по новому штилю по Флорентинскому термометру, которой на Фаренгейтовъ приведенной тогда 40 градусовъ ниже 0 показывалъ. Хотя такая стужа по климату того города неимовѣрна, чего ради оную безъ всякаго сомнѣнія уже давно примѣченной несправедливости такихъ термометровъ приписать надлежитъ, однакожъ притомъ сіе примѣчаніе достойно, что симъ же инструментомъ и въ студеную зиму 1709 года, бывшую въ одномъ мѣстѣ, примѣчали, и черезъ сравненіе обѣихъ зимъ усмотрѣли, что во Франкфуртѣ зима 1709 года двумя градусами была студенѣе.

Въ Упсалѣ славный профессоръ господинъ Цельсій жесточайшую стужу усмотрѣлъ февраля 5 дня 1740 года по старому штилю, причемъ термометръ опустился на 18 градусовъ ниже 0.

Въ Базелѣ славный профессоръ господинъ Даніилъ Бернуллій наижесточайшую стужу примѣтилъ въ 1740 году февраля 25 дня по новому штилю, въ которую термометръ показывалъ 4 градуса ниже 0.

Въ Веймарѣ господинъ докторъ Либертъ жесточайшую стужу усмотрѣлъ того жъ февраля 25 дня 1740 года на 11 градусовъ ниже 0, и черезъ сравненіе произвелъ, что зима 1740 года гораздо была студенѣе зимы, бывшей въ 1709 году.

И такъ, во окончаніи сего, вышеобъявленныя обсерваціи, также и нѣкоторыя другія изъ публичныхъ вѣдомостей собранныя предложу я купно съ именами тѣхъ, которые оные учинили, на слѣдующей таблицѣ, въ которой дни по старому штилю, а градусы всѣ ниже 0, по Фаренгейтову термометру поставлены.

Наибольшая стужа.

	Декабря.	Градусы.	Обсерваторы.
Въ Гданскѣ 1739 года .	30	10	Гановъ
Въ Франкфуртѣ	30	46	
Въ Гамбургѣ	30	8	
Въ Га	30	9	
Въ Гарлемѣ	31	$1^1/_2$	
Въ Виртембергѣ	31	10	Вейдлеръ
	Января.		
Въ Петербургѣ 1740 года .	25	30	Делилъ
Въ Берлинѣ	27	9	Гришовъ

Наибольшая стужа.		Градусы.	Обсерваторы.
Февраля.			
Въ Упсалѣ	5	18	Цельсій
Въ Базелѣ	14	4	Бернуллій
Въ Лейпцигѣ	14	20	Миллеръ
Въ Веймарѣ	14	8	Либертъ
Въ Лондонѣ дня не показано		8	

КОНЕЦЪ.

1491. Подлинные реэстры книгамъ, взятымъ, по Высочайшему повелѣнію изъ палатъ Н. И. Новикова въ Московскую духовную и свѣтскую цензуру. Санктпетербургъ, 1869 года.—Въ 8 д. л., 36 стр.

Означенная брошюра очень рѣдка.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 3 рубля.

1492 Подробное историческое извѣстіе о всѣхъ наводненіяхъ, бывшихъ въ С.-Петербургѣ.—Санктпетербургъ, въ Морской типографіи, 1826 года.—Въ 8 д. л., 86 стр.

«Подробное историческое извѣстіе о всѣхъ наводненіяхъ, бывшихъ въ С.-Петербургѣ» перво-

Константинъ Павловичъ.

Великій князь, второй сынъ Имп. Павла Петровича. Род. въ 1779 г., ум. въ 1831 г.
Съ рѣдкаго портрета изъ собранія А. Бурцева.

начально было напечатано въ «Запискахъ» адмиралтейскаго департамента, а въ 1826 году В. Н. Бергомъ было издано отдѣльною книгою въ 8 д. л., 86 стр. которая въ настоящее время составляетъ антикварную рѣдкость.

1493. Подробное описаніе происшествія, случившагося въ Санктпетербургѣ 14 декабря 1825 года.—Санктпетербургъ, 1825 года, 21 декабря (копія). — 8 д. л., 14 стр.

Это одинъ изъ самыхъ важныхъ и драгоцѣнныхъ историческихъ памятниковъ, относящихся къ событіямъ 14-го декабря 1825 года.

Кромѣ этого, въ моемъ (А. Е. Бурцева) собраніи книгъ, имѣется большое количество разныхъ документовъ, относящихся исключительно къ декабрьскимъ событіямъ и состоящихъ изъ манифестовъ, рапортовъ, приказовъ, писемъ, указовъ, грамотъ и проч., поименованіе которыхъ привожу здѣсь ниже въ слѣдующемъ порядкѣ, а именно:

1. Божіею милостію, Мы Николай Первый, Императоръ и Самодержецъ всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая.—Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ, декабря 14-го дня 1825 года.—Въ 8 д. л., 8 стр.

По чрезвычайной рѣдкости этого манифеста, считаю не лишнимъ привести его здѣсь полностію.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

Мы, Николай Первый,

Императоръ и Самодержецъ всероссійскій,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ под даннымъ.

Въ сокрушеніи сердца, смиряясь предъ неисповѣдимыми судьбами Всевышняго, среди всеобщей горести, насъ, императорскій нашъ домъ и любезное отечество наше объявшей, въ единомъ Богѣ мы ищемъ твердости и утѣшенія. Кончиною въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича, любезнѣйшаго брата нашего, мы лишилися Отца и Государя, двадесять пять лѣтъ Россіи и намъ благотворившаго.

Когда извѣстіе о семъ плачевномъ событіи въ 27 день ноября мѣсяца до насъ достигло въ самый первый часъ скорби и рыданій, мы укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго, и слѣдуя движенію сердца, принесли присягу вѣрности старѣйшему брату нашему, Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу, яко законному, по праву первородства, Наслѣднику Престола Всероссійскаго.

По совершеніи сего священнаго долга, извѣстились мы отъ Государственнаго Совѣта, что въ 15 день октября 1823 года предъявленъ оному, за печатью покойнаго Государя Императора, конвертъ съ таковою на ономъ Собственноручною Его Величества надписью: Хранить въ Государственномъ Совѣтѣ до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины, раскрыть прежде всякаго другаго дѣйствія въ чрезвычайномъ собраніи; что сіе Высочайшее повелѣніе Государственнымъ Совѣтомъ исполнено, и въ ономъ конвертѣ найдено: 1) Письмо Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича къ покойному Государю Императору отъ 14 января 1822 года, въ коемъ Его Высочество отрекается отъ наслѣдія Престола, по праву первородства ему принадлежащаго. 2) Манифестъ, въ 16 день августа 1823 года Собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ утвержденный, въ коемъ Государь Императоръ, изъявляя свое согласіе на отреченіе Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича, признаетъ наслѣдникомъ насъ, яко по немъ старѣйшаго и по коренному закону къ наслѣдію ближайшаго. Вмѣстѣ съ симъ донесено намъ было, что таковые же акты и съ тою же надписью хранятся въ Правительствующемъ Сенатѣ, Святѣйшемъ Синодѣ и въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ.

Свѣдѣнія сіи не могли перемѣнить принятой нами мѣры. Мы въ актахъ сихъ видѣли отреченіе Его Высочества, при жизни Государя Императора учиненное и согласіемъ Его Величества утвержденное; но не желали и не имѣли права, сіе отреченіе, въ свое время всенародно необъявленное и въ законъ не обращенное, признавать навсегда невозвратнымъ. Симъ желали мы утвердить уваженіе наше къ первому коренному отечественному закону, о непоколебимости въ порядкѣ наслѣдія Престола. И вслѣдствіе того, пребывая вѣрными присягѣ, нами данной, мы настояли, чтобъ и все Государство послѣдовало нашему примѣру; и сіе

учинили мы не въ пререканіе дѣйствительности воли, изъявленной Его Высочествомъ, и еще менѣе въ преслушаніе воли покойнаго Государя Императора, общаго нашего Отца и Благодѣтеля, воли, для насъ всегда священной; но дабы оградить коренной законъ о порядкѣ наслѣдія Престола отъ всякаго прикосновенія, дабы отклонить самую тѣнь сомнѣнія въ чистотѣ намѣреній нашихъ, и дабы предохранить любезное Отечество наше отъ малѣйшей, даже и мгновенной неизвѣстности о законномъ его Государѣ. Сіе рѣшеніе, въ чистой совѣсти, предъ Богомъ Сердцевѣдцемъ нами принятое, удостоено и личнаго Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, любезнѣйшей родительницы нашей, благословенія.

Между тѣмъ, горестное извѣстіе о кончинѣ Государя Императора достигло въ Варшаву прямо изъ Таганрога 25-го ноября, двумя днями прежде нежели сюда. Пребывая непоколебимо въ намѣреніи своемъ, Государь Цесаревичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ, на другой же день, отъ 26-го ноября, призналъ за благо снова утвердить оное двумя актами, любезнѣйшему брату нашему, Великому Князю Михаилу Павловичу, для доставленія сюда врученными. Акты сіи суть слѣдующіе: 1) Письмо къ Государынѣ Императрицѣ, любезнѣйшей родительницѣ нашей, въ коемъ Его Высочество, возобновляя прежнее его рѣшеніе, и укрѣпляя силу онаго грамотою покойнаго Государя Императора, въ отвѣтъ на письмо Его Высочества, во 2 день февраля 1822 года состоявшеюся, и въ спискѣ при томъ приложенною, снова и торжественно отрекается отъ наслѣдія Престола, присвояя оное въ порядкѣ, кореннымъ закономъ установленномъ, уже намъ и потомству нашему. 2) Грамота Его Высочества къ намъ; въ оной повторяя тѣ же самыя явленія воли, Его Высочество даетъ намъ титулъ Императорскаго Величества: себѣ же предоставляетъ прежній титулъ Цесаревича и именуетъ себя вѣрнѣйшимъ нашимъ подданнымъ.

Сколь ни положительны сіи акты, сколь ни ясно въ нихъ представляется отреченіе Его Высочества непоколебимымъ и невозвратнымъ; мы признали однако же чувствамъ нашимъ и самому положенію дѣла сходственнымъ, пріостановиться возвѣщеніемъ оныхъ, доколѣ не будетъ получено окончательное изъявленіе воли Его Высочества на присягу, нами и всѣмъ Государствомъ принесенную.

Нынѣ получивъ и сіе окончательное изъявленіе непоколебимой и невозвратной Его Высочества воли, извѣщаемъ о томъ всенародно, прилагая при семъ 1) Грамоту Его Императорскаго Высочества Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича къ покойному Государю Императору Александру Первому. 2) Отвѣтную Грамоту Его Императорскаго Величества. 3) Манифестъ покойнаго Государя Императора, отреченіе его Высочества утверждающій и насъ Наслѣдникомъ признавающій. 4) Письмо Его Высочества къ Государынѣ Императрицѣ, любезнѣйшей родительницѣ нашей. 5) Грамоту Его Высочества къ намъ.

Въ послѣдствіе всѣхъ сихъ актовъ, и по коренному закону Имперіи о порядкѣ наслѣдія, съ сердцемъ исполненнымъ благоговѣнія и покорности къ неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла насъ ведущаго, вступая на прародительскій нашъ Престолъ Всероссійскія Имперіи и на нераздѣльные съ нимъ Престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, повелѣваемъ; 1-е) Присягу въ вѣрности подданства учинить намъ и Наслѣднику нашему, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Александру Николаевичу, любезнѣйшему сыну нашему. 2) Время вступленія нашего считать съ 19 ноября 1825 года.

Наконецъ мы призываемъ всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ соединить съ нами теплыя мольбы ихъ ко Всевышнему, да ниспошлетъ намъ силы къ понесенію бремени, Святымъ Промысломъ Его на насъ возложеннаго; да укрѣпитъ благія намѣренія наши, жить единственно для любезнаго Отечества, слѣдовать примѣру оплакиваемаго нами Государя; да будетъ Царствованіе наше токмо продолженіемъ Царствованія его и да исполнится все, чего для блага Россіи желалъ тотъ, коего священная память будетъ питать въ насъ и ревность и надежду, стяжать благословеніе Божіе и любовь народовъ нашихъ.

Данъ въ Царствующемъ градѣ Санктпетербургѣ, въ дванадесятый день декабря мѣсяца, въ 1825-е лѣто отъ Рождества Христова, Царствованія же нашего въ первое.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ, декабря 14-го дня 1825 года.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако

Николай.

(М. П.)

II. Письмо Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича къ покойному Государю Императору, отъ 14 января 1822 г., въ коемъ Его Высочество отрекается отъ наслѣдія Престола, по праву первородства ему принадлежащаго.

—

III. Письмо Императора Александра Перваго. Печатано въ С.-Петербургѣ, февраля 2-го дня 1822 г.—Въ 8 д. л., 2 стр.

—

IV. Божіею милостію мы Александръ Первый Императоръ и самодержецъ всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.—Данъ въ Царскомъ Селѣ, 16-го августа 1823 года; собственноручнымъ подписаніемъ утвержденный, въ коемъ Государь Императоръ изъявляетъ свое согласіе на отреченіе Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича.

—

V. Письмо къ Государынѣ Императрицѣ отъ Цесаревича Константина—«любезнѣйшей родительницѣ нашей»,—въ коемъ Его Высочество возобновляетъ прежнее его рѣшеніе, укрѣпляя силу онаго грамотою покойнаго Государя Императора—въ отвѣтъ на письмо Его Высочества во 2 день февраля 1822 года.

—

VI. Письмо Цесаревича Константина къ Государю Императору Александру Первому. Варшава, отъ 26 ноября 1826 г.

—

VII. Клятвенное обѣщаніе Его Императорскому Величеству, Своему Истинному и Природному Всемилостивѣйшему Великому Государю Императору Николаю Павловичу, Самодержцу Всероссійскому и Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола Наслѣднику, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Александру Николаевичу. С.-Петербургъ, 1825 г.—Въ 8 д. л. 2 стр.

—

VIII. Отъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича и Великаго князя Константина Павловича Господину Министру Юстиціи, генералу отъ инфантеріи князю Лобанову-Ростовскому.

«Служащій въ Правительствующемъ Сенатѣ за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ, коллежскій совѣтникъ Никитинъ, доставилъ ко мнѣ отъ Вашего Сіятельства пакетъ съ надписью: Его Императорскому Величеству Константину Павловичу Всеподданнѣйшій рапортъ отъ министра юстиціи.

Не почитая себя въ правѣ принять оный, я обращаю его къ Вашему Сіятельству съ тѣмъ же самымъ чиновникомъ, какъ мнѣ по означенному титулу не слѣдующій. Варшава, 8-го декабря 1825 года». Въ листъ, 2 стр.

—

IX. Высочайшій указъ, данный капитулу россійскихъ орденовъ. Декабря 10-го числа 1825 г., въ С.-Петербургѣ.

—

X. Письмо Его Императорскаго Величества къ графу Милорадовичу. 14-го декабря 1825 года (то есть въ тотъ самый день, когда онъ былъ раненъ бунтовщиками на Петровской площади).

—

XI. Божіею милостію мы Николай Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ.

Печальное происшествіе, омрачившее 14-й день сего мѣсяца, день обнародованія манифеста о восшествіи нашемъ на Престолъ, извѣстно уже въ его подробностяхъ изъ перваго публичнаго о немъ объявленія.—Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ, декабря 20 дня 1825 года.

—

XII. Письмо Государя Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича къ Государю Импе-

ратору Николаю Павловичу. Варшава, 20 декабря 1825 года.

—

XIII. Высочайшій указъ данный Правительствующему Сенату декабря 26-го числа 1825 г.— Сказано: «Въ справедливомъ вниманіи къ заслугамъ покойнаго генерала отъ инфантеріи графа Милорадовича, который смертію своею запечатлѣлъ неограниченное усердіе свое къ престолу и отечеству, желая почтить память его, Всемилостивѣйше повелѣваю сестрѣ его родною вдовствующей дѣйствительной статской совѣтницѣ Маріи Стороженковой производить въ пенсіонъ по смерть по 10000 руб. въ годъ изъ государственнаго казначейства.

—

XIV. Высочайшій рескриптъ; данный 25-го декабря 1825 г. въ С.-Петербургѣ митрополиту Новгородскому и Санктпетербургскому Серафиму.

—

XV. Высочайшій рескриптъ, данный 25-го декабря 1825 года въ С.-Петербургѣ митрополиту Кіевскому Евгенію.

—

XVI. Высочайшій рескриптъ, данный 25-го декабря 1825 г. въ С.-Петербургѣ архіепископу Московскому Филарету.

—

XVII. Приказъ начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, въ С.-Петербургѣ, января 8 дня 1826 г. № 2. Подписалъ начальникъ Главнаго Штаба баронъ Дибичъ.

—

XVIII. Приказъ начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, въ Санктпетербургѣ, января 9 дня 1826 года № 3. Подписалъ баронъ Дибичъ.

—

XIX. Копія съ рапорта, полученнаго 6-го Января 1826 года въ 10 часовъ утра главнокомандующимъ 1-ю арміею генераломъ отъ инфантеріи графомъ Саксеномъ, отъ командира 9-го пѣхотнаго корпуса генералъ-лейтенантъ Рота, отъ 3-го тожъ генваря изъ д. Трилезы, за № 16.

—

XX. Приказъ начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества въ С.-Петербургѣ, января 20 дня 1826 г. за № 7. Подписалъ баронъ Дибичъ.

—

XXI. Высочайшая грамота, данная командиру 3-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-лейтенанту Роту. Въ С.-Петербургѣ, 10 января 1826 года.

—

XXII. Высочайшая грамота командиру 2-й бригады 3-й гусарской дивизіи генералъ-маіору барону Гейсману. Въ С.-Петербургѣ января 14 дня 1826 года.

—

XXIII. Высочайшій указъ, данный капитулу россійскихъ орденовъ 16-го января 1826 года въ награду отличной службы и точнаго исполненія своихъ обязанностей пожалованы кавалеріи: ордена св. Владиміра; 3-й степени: полковникъ Гебель, и 4-й степени маіоръ Козловъ; св. Анны: 2-й степени подполковникъ Трухинъ, и 3-й степени штабсъ-капитанъ Павловъ.

—

XXIV. Высочайшій рескриптъ, данный на имя генерала отъ кавалеріи Н. Н. Рагоскаго. Въ С.-Петербургѣ. Января 23 дня 1826 года.

—

XXV. Приказъ начальника Главнаго штаба Его Императорскаго Величества. Въ С.-Петербургѣ, января 26 дня 1826 года.

—

XXVI. Высочайшій рескриптъ, данный на имя начальника главнаго штаба первой арміи, генералъ-лейтенанта, генералъ-адъютанта, барона Толя 1-го. С.-Петербургъ, 28 января 1826 года.

—

XXVII. Слѣдственная коммисія, учрежденная по особенному повелѣнію Его Императорскаго Величества. С.-Петербургъ, 29 января, въ листъ 2 стр.

—

XXVIII. Указъ Правительствующему Сенату.— «Во изъявленіе особеннаго вниманія нашего къ гг. генералъ-штабъ-и-оберъ-офицерамъ гвардейскаго корпуса, за точное исполненіе ими своихъ обязанностей по случаю происшествія, случившагося въ здѣшней столицѣ 14-го декабря 1825 года». — Въ 8 д. л., 2 стр.

—

XXIX. Донесеніе слѣдственной коммисіи.—Въ военной типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества печатано по Высочайшему повелѣнію. 1826 г.—Въ 8 д. л., 88 стр.

—

XXX. Божіею милостію мы Николай Первый, Императоръ и Самодержецъ всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.

Изъ манифеста нашего 19-го декабря минувшаго года изъ послѣдовавшихъ всенародныхъ объявленій извѣстно уже о семъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ существованіе злыхъ умысловъ на ниспроверженіе престола, на превращеніе государственнаго порядка, отечественныхъ законовъ, всего въ Россіи священнаго.—С.-Петербургъ при Сенатѣ, іюня 2 дня 1826 года, 6 стр.

—

XXXI. Мятежъ 14-го декабря 1825 года. — Эти листки содержатъ подробное описаніе «Мятежа 14 декабря».

—

XXXII. Указъ Правительствующему Сенату.— Вслѣдствіе манифеста нашего, въ сей день состоявшагося, повелѣваемъ: 1) предсѣдателемъ въ верховномъ уголовномъ судѣ быть дѣйствительному тайному совѣтнику 1-го класса князю Лопухину, а на случай болѣзни его—дѣйствительному тайному совѣтнику князю Куракину. — Въ С.-Петербургѣ, 1-го іюня 1826 года.

—

XXXIII. Списокъ лицъ, кои по дѣлу о тайныхъ злоумышленныхъ обществахъ предаются по высочайшему повелѣнію верховному уголовному суду, въ силу манифеста отъ 1-го числа іюня 1826 года.

—

XXXIV. Высочайшая грамота нашему военному министру генералу отъ инфантеріи Татищеву. Въ Царскомъ Селѣ, 25 іюня 1826 года.

—

XXXV. Божіею милостію мы Николай Первый, Императоръ и Самодержецъ всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Верховный уголовный судъ, манифестомъ 1-го іюня сего года составленный, для сужденія государственныхъ преступниковъ, совершилъ ввѣренное ему дѣло. Приговоры его, на силѣ законовъ основанные, смягчить, сколько долгъ правосудія и государственная безопасность дозволяли, обращены нами къ надлежащему исполненію и изданы во всеобщее извѣстіе. 13 іюля 1826 года.

—

XXXVI. Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ Правительствующаго Сената объявляется во всенародное извѣстіе:

Правительствующій Сенатъ въ общемъ собраніи (Спб.) департаментовъ, выслушавъ переданный въ оный, изъ верховнаго уголовнаго суда въ спискѣ протоколъ, состоявшійся въ 11-й день сего іюля, при коемъ приложены въ копіяхъ: во 1-хъ всеподданнѣйшій Его Императорскому Величеству докладъ онаго суда, съ росписью государственнымъ преступникамъ, осужденныхъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ; во 2-хъ именной Высочайшій указъ, данный верховному уголовному суду въ 10-й день сего же іюня о пощадахъ, Его Императорскимъ Величествомъ даруемыхъ осужденнымъ преступникамъ.— С.-Петербургъ, іюля 13 дня 1826 года.

—

XXXVII. Всепресвѣтлѣйшему державнѣйшему, Великому Государю Императору и Самодержцу всероссійскому верховнаго уголовнаго суда всеподданнѣйшій докладъ.

Верховный уголовный судъ, манифестомъ 1-го іюня сего года для сужденія государственныхъ

преступниковъ составленный, всеподданнѣйше представляетъ на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества существо приговора, о нихъ состоявшагося, изобразивъ предварительно тотъ порядокъ, коимъ дѣло сіе въ немъ было производимо. 13 іюня 1826 года, въ листъ, 2 листа.

—

XXXVIII. Роспись государственнымъ преступникамъ, приговоромъ верховнаго уголовнаго суда осужденнымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ. Царское Село, 19-го іюля 1826 года, въ листъ, 8 стр.

—

XXXIX. Выписка изъ протокола верховнаго уголовнаго суда, отъ 11-го іюля 1826 года.

Подлинный протоколъ за подписаніемъ предсѣдателя и членовъ верховнаго уголовнаго суда.

—

XL. Его Императорское Величество въ присутствіи Своемъ, къ Царскомъ Селѣ, іюля 12-го дня 1826 года, соизволилъ отдать слѣдующій приказъ... — Подписалъ генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ. 2 листа.

—

XLI. Приказъ Россійскимъ войскамъ, отъ 14 іюля 1826 года, 2 стр.

—

XLII. Указъ Правительствующаго Сената.

По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ въ общемъ московскихъ департаментовъ собраніи слушали предложеніе г-на Министра Юстиціи, генерала отъ инфантеріи и кавалера князя Дмитрія Ивановича Лобанова-Ростовскаго, что г. Военный Министръ, за отсутствіемъ г-на Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, препроводилъ къ нему, для внесенія въ Правительствуюшій Сенатъ засвидѣтельствованную копію... Спб., іюля 9 дня 1826 года.

—

XLIII. Указъ Правительствующему Сенату, отъ 22-го августа 1826 года. Москва.

—

XLIV. Высочайшій рескриптъ на имя начальника Главнаго Штаба Моего г. генералъ-адъютанта барона Дибича.—Москва, 26 августа 1826 года.

—

XLV. Указъ Правительствующему Сенату.

Опредѣленныя приговоромъ верховнаго уголовнаго суда наказанія государственнымъ преступникамъ.—10 іюля 1826 года. (С.-Петербургъ).

—

XLVI. Приказъ Россійскимъ войскамъ.

Храброе Россійское воинство! Защитники Царя и Отечества. Декабря 15 дня 1825 года.

—

XLVII. Указъ Правительствующему Сенату.

Желая въ день коронованія Нашего оказать новую милость лицамъ, подвергшимся наказаніямъ за преступленія политическія и по изъявляемому ими раскаянію и безукоризненному поведенію, заслужившимъ одобрительные отзывы, Мы даровали имъ разныя облегченія, о коихъ объявлено въ манифестѣ Нашемъ отъ сего числа.

Изъ означенныхъ лицъ, осужденныхъ по приговору верховнаго суда 13-го іюля 1826 года, постановленіемъ военно-судныхъ коммиссій того же года и 18-го августа 1827 года и мнѣнію государственнаго совѣта 24-го февраля 1829 года, за участіе въ замыслахъ и дѣйствіяхъ тайныхъ обществъ, открытыхъ въ 1825 и 1827 годахъ, даруются нами слѣдующія милости (далѣе слѣдуютъ указанія). Москва, 26-го августа 1856 года. — Въ листъ, 2 стр.

—

XLVIII. Нѣсколько словъ изъ исторіи князя Чернышева о смерти Императора Александра Павловича, о перепискѣ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ и о заговорѣ во 2-й арміи (рукопись).

—

XLIX. Копіи документовъ, касающихся 14 декабря 1825 года (подлинникъ находится въ дѣлахъ канцеляріи дежурнаго генерала, по секретной части, за 1826 годъ, № 266, стр. 85).

—

L. Сообщеніе военнаго министра отъ 7 февраля 1826 года, за № 291 на имя барона Дибича.

—

LI. Инструкція фельдъегерскаго корпуса фельдъегерямъ.

—

LII Донесеніе г. тобольскаго гражданскаго губернатора отъ 1 февраля 1827 г. за № 10.

—

LIII. Господину управляющему Главнымъ Штабомъ Его Императорскаго Величества.

Донесеніе тобольскаго граждапскаго губернатора.

—

LIV. Письмо Екатерины Муравьевой, Государю Императору, отъ 6 февраля 1826 года.

—

LV. Письмо Анны Анненковой Государю Императору, отъ 6 февраля 1826 года.

—

LVI. Пестель Павелъ Ивановичъ, сынъ тайнаго совѣтника, бывшаго генералъ-губернатора томскаго, тобольскаго и иркутскаго (1806—1812 гг.).

—

Кромѣ всего вышепоименованнаго, въ моемъ собраніи имѣется еще болѣе 300 №№ различныхъ историческихъ памятниковъ, относящихся къ разнымъ событіямъ и печатанныхъ въ разное время, какъ-то: манифестовъ, указовъ, донесеній, деклацій, положеній, докладовъ, рапортовъ, приказовъ, писемъ, грамотъ и договоровъ.

1494. Подробное описание путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію вь 1633, 1636 и 1638 годахъ, составленное сокретаремъ посольства Адамомъ Олеаріемъ. Перевелъ съ нѣмецкаго Павелъ Барсовъ. Изданіе Императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Москва. 1840 года.—8 д. л., XIV+1038+32+X стр.

Полнаго перевода путешествія Олеарія на русскомъ переводѣ до сихъ поръ еще не было, есть только незначительные отрывки, появлявшіеся въ разное время въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ (въ «Заволжскомъ Муравьѣ», «Архивѣ» и проч.). Самый большой такой отрывокъ, именно—3-я книга, переведена со 2-го подлиннаго изданія 1656 г. г. Михайловымъ; помѣщенъ въ 3-й и слѣдующихъ книгахъ «Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи» 1859 года, съ предисловіемъ г. Костомарова, а при составленіи настоящаго изданія, предлагаемый здѣсь переводъ сдѣланъ съ 3-го подлиннаго изданія самого Олеарія, вышедшее при его жизни, 1663 года; въ него вошло все это изданіе вполнѣ и самое путешествіе въ Персію, которое для насъ русскихъ весьма любопытно и занимательно, такъ какъ оно представляетъ описаніе страны, сосѣдней съ Россіей. — Въ заключеніе приведемъ еще нѣсколько свѣдѣній. — Гадебушъ приводитъ одно извѣстіе, связывающее еще разъ имя Олеарія съ Россіею. Онъ говоритъ, что Олеарій былъ первый и истинный изобрѣтатель Готтарскаго мѣднаго глобуса, который устроенъ былъ по его указанію мастеромъ Андреемъ Бушемъ (Лимбургеръ). Въ 1713 году глобусъ этотъ герцогъ Христіанъ Августъ подарилъ Петру Великому, который и перевезъ его въ Петербургъ. Здѣсь отъ пожара въ 1747 году глобусъ этотъ сильно попортился и сдѣлался негоднымъ къ употребленію, но потомъ исправленъ съ измѣненіемъ въ немъ прежняго механизма и съ 1754 года помѣщенъ въ особомъ домѣ при Петербургской академіи, гдѣ Гадебушъ и видалъ его еще въ 1767 году. Это извѣстный готтарскій большой глобусъ, находящійся, кажется, и теперь въ Петербургской академіи.

1495. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Составилъ Д. А. Ровинскій. Изданіе съ 700 фототипными портретами. 4 тома. Санктпетербургъ, типографія Императорской Академіи Наукъ, 1886 года. — Въ 4 д. л. I томъ «А. Д.»; 2 томъ «Е. О.»; 3 томъ «П Ѳ.»; 4 томъ 852 стр.

Въ началѣ книги помѣщено предисловіе отъ автора Д. А. Ровинскаго, въ которомъ онъ говоритъ, что: «Словарь русскихъ гравированныхъ

портретовъ назначается преимущественно для руководства любителей и собирателей русскихъ гравюръ. Онъ заключаетъ въ себѣ краткій перечень портретовъ, нѣкоторыя замѣтки о рѣдкости и цѣнности ихъ; указаніе изданій и книгъ, изъ которыхъ можно ихъ позаимствовать и перечисленіе заграничныхъ торговцевъ, занимающихся продажею русскихъ гравюръ. Главная цѣль словаря состоитъ въ томъ, чтобъ возбудить въ нашихъ собирателяхъ охоту къ русскимъ гравюрамъ и чтобы сохранить эти послѣднія, отъ конечной гибели». Далѣе онъ говорятъ, что: «у насъ и въ прежнее время было довольно много собирателей гравюръ, но только гравюръ иностранныхъ. Въ этомъ отношеніи, у Власова, Иванчика-Писарева и Олферова были такія собранія, которыя по красотѣ и цѣнности экземпляровъ мало уступали лучшимъ собраніямъ въ Европѣ; но къ отечественнымъ произведеніямъ этого рода, наши собиратели относились съ крайнимъ пренебреженіемъ. Не спорно, что западныя гравюры по красотѣ своей могутъ доставить любителю болѣе высокое художественное наслажденіе, но вѣдь цѣль собиранія русскихъ листовъ совсѣмъ другая; въ нихъ важно не художественное достоинство, а то, что они раскрываютъ передъ нами, такъ сказать, вчерашній день русской жизни, и въ этомъ отношеніи для каждаго представляютъ насущный и кровный историческій интересъ». Авторъ Д. А. Ровинскій говоритъ, что: «въ послѣдніе 15 лѣтъ, число собирателей русскихъ гравюръ и портретовъ увеличилось въ значительныхъ размѣрахъ. Многіе изъ собирателей иностранныхъ гравюръ перешли къ собиранію русскихъ листовъ, цѣны на русскія гравюры сильно повысились; рѣдкіе листы раскупаются теперь на расхватъ; на аукціонахъ на нихъ дѣлаются огромныя надбавки, такъ что зачастую онѣ продаются дороже рѣдкихъ и цѣнныхъ гравюръ нѣмецкихъ и голландскихъ мастеровъ. Такъ напримѣръ, Елисавета Петровна Чемесова (съ Токке), которая лѣтъ 20 тому назадъ не находила покупателей и по 3 рубля за экземпляръ, — въ послѣдніе годы не продавала дешевле 50 и 75 рублей; портретъ самого Чемесова заказанъ у Фельтена двумя собирателями по 200 руб. за экземпляръ; два экземпляра портрета Виніуса, — заплачены въ прошломъ году по 500 руб. каждый, съ г. Тюляева за власовскій экземпляръ его въ Москвѣ, просятъ почти вдвое дороже; Лестокъ Штенглина, въ 1879 году, на аукціонѣ у Синяго моста, дошелъ до 85 рублей; Елисавета Петровна, работы Шмидта, экземпляръ до подписи былъ проданъ Вейгелемъ въ 1860 году за 50 талеровъ; въ 1872 году — онъ купленъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ—за 200 рублей, а при распродажѣ его вещей въ 1882 году, купленъ графомъ Д. И. Толстымъ.—за 500 рублей». Д. А. Ровинскій говоритъ: «я-бы съ охотою заплатилъ за этотъ листъ и 1000 рублей. Портретъ П. И. Потемкина, работы Блотелинга, проданъ Драгулинымъ въ 1872 году — за 60 талеровъ, а въ 1885 году онъ проданъ три раза по 300 и 310 флориновъ (голландскихъ); портретъ графа Разумовскаго, работы Шмидта, до подписи купленъ Олферовымъ у Вейгеля, въ 1866 году, за 20 талеровъ, а на аукціонѣ Олферова, пріобрѣтенъ П. Ѳ. Самаринымъ въ 1869 году, — за 227 флориновъ. Даже дрянные, неизданные Бекетовскіе портреты, которые въ прежнее время не имѣли никакой цѣнности, г. Требиновъ платилъ въ Москвѣ, въ 1873—1875 годахъ, отъ 10 до 25 рублей за каждый», «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ» Д. А. Ровинскаго, составленный съ возможною полнотою, долженъ до нѣкоторой степени удовлетворить этой потребности своею полнотою и подробностію, въ которомъ поименовано въ алфавитномъ порядкѣ болѣе 6000 гравированныхъ портретовъ русскихъ людей и иностранцевъ, жившихъ въ Россіи. При каждомъ портретѣ упоминается его величина, способъ гравировки, имя художника и гравера и цѣнность оттисковъ. Кромѣ того, сдѣлано указаніе на всѣ рѣдкіе экземпляры и коллекціи, въ которыхъ они находятся. Книга Ровинскаго есть драгоцѣнное пособіе для всѣхъ любителей и собирателей русскихъ гравированныхъ портретовъ. Это рѣдкое изданіе куплено мною за 40 рублей, въ хорошемъ видѣ и на слоновой бумагѣ.

1496. Подробный списокъ всѣхъ корпусовъ, составлявшихъ французскую армію, вышедшую въ походъ противъ Россіи въ 1812 году, съ росписаніемъ потерь оной съ начала компаніи до вступленія въ Москву.—Москва, въ типографіи Селивановскаго, 1813 года.—Въ 4 д. л., 30 стр.

Авторъ этой рѣдкой и весьма любопытной брошюрки—графъ Ростопчинъ.

См. «Всеобщую библіотеку Россіи или каталогъ книгъ для изученія нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ, собранныхъ Чертковымъ, за № 246».

1497. Подщипа. Шуто - трагедія въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе Ивана Андреевича Крылова, 1800, въ селѣ Казацкомъ (изъ журнала «Русская Старина»).

Настоящій списокъ «Подщипа» или «Трумфа» написана неизвѣстною рукою, не писарскою, со множествомъ поправокъ, изъ коихъ многія, несомнѣнно, принадлежатъ Крылову. На заглавномъ листѣ находится свидѣтельство о времени сочиненія пьесы: сочинена въ Казацкомъ въ 1800 г.; помѣщенные въ концѣ настоящаго изданія шуто-трагедіи Крылова—варіанты извлечены изъ двухъ рукописей, найденныхъ Я. К. Гротомъ въ бумагахъ Державина и изъ берлинскаго, кстати сказать—весьма плохаго изданія—«Трумфа» 1859 года. Обѣ Державинскія рукописи, написаны писарскою рукою, и обѣ не полны; въ одной изъ нихъ, видимо старѣйшей, находимъ въ одномъ листѣ незначительную поправку, сдѣланную рукою Крылова. Что-же касается до берлинскаго изданія, то оно отличается такою - же чрезвычайною неточностію, и множествомъ совершенно произвольныхъ искаженій (см. ниже приложеніе), какія обыкновенно встрѣчаются въ позднѣйшихъ спискахъ «Трумфа»; многочисленность ихъ доказываетъ, что эта пьеса Крылова, была весьма распространена въ публикѣ и возбуждала ея интересъ.

Это оффиціальное произведеніе нашего баснописца впервые является въ русской, не-заграничной печати. Первые издатели полнаго собранія сочиненій И. А. Крылова не внесли его въ свое изданіе, потому что нашли это невозможнымъ; но что именно казалось имъ предосудительнымъ въ этой пьесѣ, не объяснено. Полагаютъ обыкновенно, что «Трумфъ», составляетъ сатиру на время 1796 — 1801 годовъ. Но гдѣ точки соприкосновенія между событіями этой эпохи и событіями, изложенными въ этой пьесѣ? Гдѣ указанія на дѣятелей того времени и на самый ея характеръ? — преданіе о томъ умалчиваетъ. Преданіе однако утвердилось и заграничная русская пресса, еще 11 лѣтъ тому назадъ, обратила вниманіе на «Трумфа»; но нашему мнѣнію она оказала въ этомъ случаѣ медвѣжью услугу. Послѣ берлинскаго изданія «Трумфъ», сколько извѣстно, никогда не подвергавшійся запрещенію, сталъ какъ-бы запретнымъ плодомъ. Небудь этого предвзятаго взгляда, «Трумфъ» сдѣлался-бы такимъ-же общимъ достояніемъ, какъ «Почта духовъ», «Каибъ», и множество басенъ, которыя также чуть было не подверглись запрещенію, но были спасены покойнымъ генераломъ Дубельтомъ; въ этомъ можно быть увѣреннымъ потому, что въ «Подщипѣ», въ Слюняѣ, въ Дурдуранѣ—героиняхъ и герояхъ шуто-трагедіи — весьма трудно отыскать, что-либо русское, и скаредство двора Вакулы — прямо противорѣчитъ обычаямъ Петербургскаго Двора, который въ прошломъ столѣтіи такъ часто подвергался упрекамъ въ роскоши. Нѣкоторые-же старики даютъ «Трумфу» другое объясненіе: въ Вакулѣ они видятъ австрійскаго императора Франца I; въ «Подщипѣ»—его дочь Марію-Луизу, впослѣдствіи супругу Наполеона, но прежде обѣщанную какому-то нѣмецкому принцу, представленному въ лицѣ Слюняя; Царскій Совѣтъ долженъ представлять знаменитый гофъ-кригсъ-ратъ и Трумфъ — самого Наполеона; но и это объясненіе нельзя почесть достойнымъ вѣроятія, потому что, какъ извѣстно, событія, на которыя оно намекаетъ—совершились позже. Сочиненіе пьесы, да и самая ея развязка не согласуется съ ними. Не правильнѣе ли будетъ предположить, что «Трумфъ» есть просто пародія на классическую трагедію, господствовавшую на нашей сценѣ въ эпоху его появленія. См. «Русскую Старину» за 1871 годъ, т. Ш, стр. 164, В. Ѳ. Кеневича.

1498. Пожарскій, трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе М. Крюковскаго. Изданіе И. Зайкина. Санктпетербургъ, типографія Эксп. Заг. Государственныхъ Бумагъ, 1828 года.—Въ 4 д. л.

Въ этой очень рѣдкой книжкѣ помѣщенъ фронтиспись съ надписью: «Нѣтъ, нѣтъ, россіяне восторгомъ ослѣплены!»

Это изданіе въ настоящее время принадлежитъ къ числу рѣдкихъ книгъ.

1499. Поздравительная и благодар-

ственная рѣчь отъ Сената и всѣхъ вѣрноподданныхъ Ея Величеству Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ... на случай торжествованія мира съ Оттоманскою Портою. Читана генераломъ-прокуроромъ въ Грановитой Палатѣ, 10 іюля 1775 года, печатана въ Москвѣ при Сенатѣ.—Въ 4 д. л., 12 стр.

Брошюра издана въ 4 д. л, 12 стр. въ одинъ столбецъ, на одномъ русскомъ языкѣ, по случаю торжественнаго мира съ Оттоманскою Портою.

Хорошо сохранившіеся экземпляры этой книги почти не находимы и принадлежатъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

1500. Позорище странныхъ и смѣшныхъ обрядовъ при бракосочтаніяхъ разныхъ чужеземныхъ и въ Россіи обитающихъ народовъ; при томо нѣчто для холостыхъ и женатыхъ. Г. Г. въ Санктпетербургѣ, 1797 года, безъ означенія мѣста печати.—Въ 8 д. л., 301 стр.

Эта рѣдкая книга начинается съ краткаго предисловія отъ автора Г. Громова, гдѣ между прочимъ говорится, что блаженъ и преблаженъ по истинѣ тотъ народъ, у коего брачные союзы безъ наималѣйшаго примѣса подлой корысти, единственно по собственной доброй волѣ и сердечному соглашенію сочетавающихся лицъ совершаются.

Напротивъ сего нѣтъ и не можетъ быть злополучнѣе той страны, гдѣ при таковыхъ сопряженіяхъ богатство и чины сколь бы сильно прямое сердце склоненіе ни противоборствовало, дѣлаютъ всегда перевѣсъ. Здѣсь вскорѣ открываются и навсегда остаются темная скука и изнурительное омерзѣніе и убійственный раздоръ. — Затѣмъ въ концѣ книги помѣщено нѣчто для холостыхъ и женатыхъ.

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова за № 8472.

Купленъ мною экземпляръ за 6 рублей.

1501. Поизмятая роза или забавное похожденіе прекрасной Ангелики съ двумя удальцами. Переводъ съ италіанскаго. Санктпетербургъ, 1790 года.— Въ 12 д. л., 216 стр.

Эта рѣдкая книжка, есть восточная повѣсть, въ которой весьма подробно описывается любовь и приключеніе Ангелики, красавицы Кашемира, рыцаря Роланда и графа Анжерскаго, племянника императора Карла Великаго.

См. у Якова Березина-Ширяева. — Послѣдніе матеріалы для библіографіи. стр. 236-я, гдѣ сказано:—«книжка очень рѣдкая».

1502. Показаніе всеобдержности двуперстнаго сложенія въ древней православной церкви и погрѣшностей противу святаго Евангелія въ новообрядствующей грекороссійской церкви. Яссы, 1888 года. Типографія Б. Н. П....къ. — Въ 8 д. л. (олд.).

Въ книгѣ приведено очень подробное и обстоятельное изложеніе двуперстнаго сложенія въ древней православной церкви. При чемъ должно замѣтить, что авторъ впадаетъ въ большія погрѣшности въ своемъ мнѣніи. Книга по изданію рѣдка.

Купленъ мною экземпляръ за 3 рубля.

1503. Покореніе Сибири. Историческое изслѣдованіе Павла Небольсина. Санктпетербургъ, въ типографіи И. Глазунова, 1849 года.—Въ 8 д. л., 146 стр. и сибирскія лѣтописи—112 стр.

Это весьма обстоятельное изслѣдованіе, доставившее автору почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ, отличается не только богатствомъ собраннаго матеріала, но и строго научнымъ характеромъ.

Книга написана замѣчательно яснымъ и красивымъ языкомъ и читается съ большимъ интересомъ.

При книгѣ портретъ «Ермака Тимофѣевича» (завоевателя Сибири), грав. М. Богучаровымъ.

Это рѣдкое изданіе куплено мною за 7 руб.

1504. Поколѣнная роспись или родословіе князей Вадбольскихъ, которое сочинилъ игуменъ Ювеналій Воейковъ. Печатано иждивеніемъ капитана князь Михаила княжъ Иванова сына Вадбольскаго. Москва, въ университетской типографіи у В. Окорокова 1792.—8°, 28 нум. стр. и родословная таблица.

Всѣ означенныя подъ №№ родословія и стихи

Устряловъ, Николай Герасимовичъ.

Знаменитый русскій историкъ. Род. 4 мая 1805 г., ум. 8 іюня 1870 г.
Съ грав. Л. А. Сѣрякова.

переплетены въ одну книгу, на лицевой сторонѣ которой вытиснуты золотомъ государственный гербъ и слова: «Его сіятельству князю Гавріилу Петровичу Гагарину, милостивому государю, подноситъ старецъ Ювеналій Воейковъ».

Эта довольно любопытная книжка была издана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, и притомъ не для продажи.

1505. Полезная книжка для женатыхъ и холостыхъ, желающихъ счастливаго супружества. Въ трехъ отдѣленіяхъ. Москва. Въ губернской типографіи, у А. Рѣшетникова, 1799 года.—8 д. л., 10+172 стр.

На оборотѣ заглавнаго листа сказано: съ дозволенія Московской цензуры, а затѣмъ слѣдуетъ содержаніе, гдѣ сказано, какое супружество можетъ доставить радости, а далѣе слѣдуетъ предисловіе отъ переводчика, гдѣ между прочимъ говорится, что всѣ люди хотятъ жить счастливо; счастіе есть такая цѣль, къ которой всѣ стремятся, и которой однакожъ весьма не многіе достигаютъ. Для чего жъ счастіе уподобляютъ иные гитару, а я сравниваю, говоритъ авторъ, его съ флейтою, которую невѣжа мѣняетъ на простую дудочку, и которая для него издаетъ только непріятный голосъ, хотя въ рукѣ мастера издаетъ очаровательные тоны.

Ежели бы кто познакомилъ людей съ истиннымъ счастіемъ и научилъ ихъ снискивать и удерживать оное, и тѣмъ быть счастливыми, тотъ бы великую оказалъ заслугу человѣчеству.

Счастіе такъ близко къ намъ, какъ истина. Обѣ онѣ присѣдятъ у дверей нашихъ, и просятъ о дозволеніи имъ входа. Мы ходимъ мимо ихъ и не видимъ: взываютъ къ намъ, а мы не слышимъ, потому, что ищемъ счастія тамъ, гдѣ его нѣтъ; ищемъ его въ пышности и блескѣ, когда оно скромно и безмолвно присѣдитъ у вратъ нашихъ, въ простой одеждѣ, на лонѣ тихой истины. Тутъ, друзья мои, находите вы его, и вводите въ обители ваши только вмѣстѣ съ истиною, ибо безъ сея оно либо съ мѣста не сойдетъ, либо въ мигъ скроется.

Херасковъ, Михаилъ Матвѣевичъ.

Знаменитый драматическій писатель.

1506. Полезное увеселеніе, на 1760, 1761 и 1762 гг.—Печатано при Императорскомъ московскомъ университетѣ.

Этотъ весьма любопытный литературный журналъ, въ стихахъ и прозѣ, началъ издаваться съ января 1760 года и прекратился въ іюнѣ 1762 года. Редакторомъ журнала былъ М. М. Херасковъ, а главными сотрудниками его были—жена Хераскова Елизавета Васильевна, студенты московскаго университета Д. и П. фонъ-Визины, С. Дакашневъ, В. Приклонскій, Н. Поповскій, А. Нартовъ П. Потемкинъ, А. С. Нарышкины, Н. Хрищевъ, И. Богдановичъ, В. Санковскій, А. Ржевскій, И. Соколовъ, Я. Булгаковъ, В. Рубанъ, А. Каринъ, В. Лопотницкій, Д. Аничковъ, и Вансловъ и др.

См.—статью М. Н. Лонгинова въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 1857 годъ, № 36. — «Опытъ россійской библіографіи» Василія Сопикова — № 3839; у Неустроева стр. 82-я; у Геннади—«Книж. рѣд.»—№ 20;—у Плавильщикова—№ 38; у Остроглазова—«Книж. рѣд.» № 280; Майковъ—стр. 397.—Буличь—стр. 205-я.

Полные и хорошо сохранившіеся экземпляры довольно рѣдки. Купленъ мною экземп. за 15 руб.

Вслѣдствіе того, что изданіе это, составляя въ настоящее время антикварную рѣдкость—почти недоступно большинству любителей, я въ виду интереснаго содержанія этого журнала считаю не лишнимъ познакомить съ нимъ современныхъ читателей, для чего привожу здѣсь выписку одного номера, а именно:—см. № 3.

Пастушій вѣкъ.

Идиллія.

Вѣкъ, что жизнью золотою
Въ первыхъ названъ временахъ,
Что за лютою судьбою
Ты остался лишь въ стихахъ!

—

Сладкое воспоминовенье
О тебѣ намъ грусть даетъ,
Какъ лица изображенье,
Коего ужъ въ свѣтѣ нѣтъ.

—

Изобильной шаръ плодами
Съединялъ всѣ красоты,
Вѣчной осени съ дарами,
Вѣчной осени цвѣты.

—

Цѣлый свѣтъ одно былъ поле,
Люди пастухи на немъ:
Кто былъ меньше, или болѣ
Тамъ не знали ни о чемъ.

—

Въ таковомъ они равенствѣ
Провождали вѣкъ златой,
И во общемъ благоденствѣ
Наслаждались тишиной.

—

Ихъ одежда вѣтви были,
Ихъ защита тѣнь древесъ;
Алтарями холмы чтили,
Храмъ ихъ былъ зеленый лѣсъ.

—

Не было въ златые годы
Ни пороковъ, ни суетъ;
Страсть не портила природы,
Злыхъ забавъ не вѣдалъ свѣтъ.

—

Тамъ обманъ и заблужденье
Яду въ сердце не пускалъ;
Человѣкъ все разсужденье
Лишь къ природѣ обращалъ.

—

Небеса, сіявъ надъ ними,
Ихъ въ порядкѣ берегли:
Были, должно быть, какими;
Лучше нашей жизнь вели.

—

Не было законовъ тамо,
Чтобъ преступниковъ судить;
Но разумны были прямо,
Коль умѣли въ счастьѣ жить.

—

Не было еще извѣстно
Утомленье отъ работъ,
Упражненье было честно
Собирать готовый плодъ.

—

Отъ игры ихъ и забавы
Сладко пѣнье началось;
Просвѣтя ихъ праздны нравы,
Стихотворство родилось.

—

Въ ихъ жилищѣ не извѣстны
Были скука и печаль,
Не влекли надежды лестны,
Ихъ маня къ мученью въ даль.

—

Злато въ нѣдрахъ сокровенно,
Не блистало на земли;
Браней не было возжено,
Водъ въ пучину не текли.

—

Отъ спокойнаго наслѣга
Тамъ пастухъ не отходилъ,
И не зналъ другаго брега,
Кромѣ гдѣ-отъ отъ дѣтства жилъ.

—

Въ дружбу ввѣряся глубоку,
Жизнь невинную вели,
Младость жили безъ пороку,
Къ старости спокойно шли.

—

Смерть, что къ намъ летитъ крылами,
Тихо приближалась къ нимъ,
Жизнь развратными дѣлами
Роскошь не сѣкала имъ.

—

Всякой день бывалъ прославленъ
Новыхъ пѣсней торжествомъ,
И любовницамъ оставленъ
Выигрышъ былъ въ собраньѣ томъ.

—

Только лишь стрѣлой златою
Ихъ сердца амуръ язвилъ,
И притворной слѣпотою
Ихъ своею не ловилъ.

—

Возмущенье и пороки
Передъ нимъ не шли впередъ;
Отвращенье, слезны токи
Не текли за нимъ во слѣдъ.

—

Красота очамъ извѣстна,
Не старалась духъ плѣнить,
Знала, что она прелестна,
Знала паче долгъ хранить.

—

Лугъ служилъ ей украшеньемъ,
Зеркаломъ хрустальный токъ,
Чисты воды орошеньемъ,
Перлы составлялъ цвѣтокъ.

—

Какъ овечки просты были,
Такъ былъ простъ нарядъ ее,
Изъ волны простой носили
Одѣяніе свое.

—

Всѣхъ пастушекъ утѣшенье
Было тучны пасть стада,
Ихъ другимъ въ убереженье
Не давали никогда.

—

О! счастливый вѣкъ природы,
Кто тебя намъ возвратитъ?
Не напрасно-ль всѣ народы
Вѣкъ такой счастливый льститъ?

—

Не мечту-ли я вѣщаю?
Точно ли бывалъ сей вѣкъ?
Но свидѣтелей не знаю,
Кто бы мнѣ его нарекъ.

—

Всѣ тѣ повѣсти напрасны,
Къ предкамъ зависть вся тщетна;
Люди завсегда несчастны,
И всегда ихъ жизнь бѣдна.

Переводилъ *М. Х.*

1507. Политиколѣпная апофеосіе достохвальныя храбрости Всероссійскаго Геркулеса пресвѣтлѣйшаго и великодержавнѣйшаго, Богомъ вѣнчаннаго, и богомъ укрѣпляемаго, и богомъ прославляемаго Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Императора и Автократора по преславной викторіи надъ химероподобными дивами гордынею рекше неправдою и хищеніемъ свѣйскимъ. На генеральной баталіи въ нынѣшнемъ 1709 году въ 27 и 30 день мѣсяца іунія бывшей подъ Полтавою близъ Переволочной и на иныхъ премногихъ Марсовыхъ случаяхъ со подвигоположнымъ и побѣдоноснымъ православнымъ воинствомъ своимъ всенароднымъ радованіемъ возвращающагося въ царствующій градъ свой Москву въ премудрыя Аѳины (сіе есть палады) великороссійскія Ареопагъ. Узаконенная отъ еллинословенолатинскія же Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества академіи московскія торжествована лѣта Господня 1709, міроздания же 7218 мѣсяца декемврія въ день.—Въ 4 д. л., 8 + 178 стр.

Книга содержитъ въ себѣ историческое описаніе тріумфальныхъ воротъ, бывшихъ въ Москвѣ по случаю полтавской побѣды.

Книга издана Ѳеофилактомъ Лапатинскимъ, въ 4 д. л., 8+178 стр.

Полные экземпляры этого изданія считаются весьма рѣдкими.

1508. Политическій процессъ русскихъ галичанъ вообще, редактора «Слова» въ особенности. По поводу десятилѣтней годовщины процеса написалъ В. М. Площанскій. Вильна, типографія А. Г. Сыркина, 1892 года.—Въ 8 д. 102 стр.

Въ началѣ книжки слѣдуетъ нѣсколько словъ отъ издателя, гдѣ онъ говоритъ, что:

«Десять лѣтъ тому назадъ, въ 1882 г., происходило въ Галицкой Руси нѣчто необычайное: вѣрноподданные Австро-Венгріи стояли въ лицѣ своихъ представителей предъ львовскимъ судомъ, обвиняемые въ государственной измѣнѣ!

Гоненія галицко-русскаго народа достигли своей кульминаціонной точки: людей ни въ чемъ неповинныхъ преслѣдовали домашними обысками, сажали въ слѣдственныя тюрьмы, держали ихъ тамъ по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ и, наконецъ, въ оправданіе своихъ поступковъ, изыскали способъ обвинить одиннадцать изъ нихъ въ государственной измѣнѣ и приговорить четырехъ представителей разныхъ сословій къ тюремному заключенію «за нарушеніе общественнаго спокойствія».

Этимъ процессомъ австрійское правительство совершило дѣяніе, которому нѣтъ подходящаго названія.

Оно легкомысленно нарушило мирную, правильную и законную жизнь преданныхъ ему жителей; оно, разрушая бытъ и счастье многихъ семействъ, обнаружило собственное свое глумленіе надъ своими

же законами, своимъ правосудіемъ и государственнымъ авторитетомъ.

Австрія, подъ крыломъ которой русскіе галичане надѣялись найти надежную охрану естественныхъ своихъ правъ, отнеслась къ нимъ не лучше Польши прошлыхъ временъ; благодаря тому же вліянію, какое содѣйствовало въ свое время разложенію послѣдней, австрійская Русь должна испытывать всѣ ужасы прежняго своеволія и неурядицы.

Несчастье Австріи и вѣрныхъ ей народовъ— это переходъ власти въ руки ихъ коварныхъ враговъ, которые согласились достигнуть собственныхъ цѣлей подъ кровомъ, фирмой и на счетъ монархіи Габсбурговъ.

Имъ-то обязана эта монархія вызваннымъ на сцену процессомъ Ольги Грабаръ и др., извѣстныхъ подъ названіемъ «великаго политическаго процесса русскихъ въ Галиціи 1882 г.».

1509. Полиція рабочихъ въ Англіи въ XIV вѣкѣ, и мировые судьи, какъ судебные разбиратели споровъ между предпринимателями и рабочими. Максима Ковалевскаго. Лондонъ. Печатано въ типографіи Бильберга. 1876 года.—Въ 8 д. д., 36 отр.

Брошюрка чрезвычайно любопытна по своему содержанію и рѣдка въ Россіи.

Купленъ мною экземпляръ за 3 рубля.

1910. Полное описаніе дѣяній Его Величества Государя Императора Петра Великаго, сочиненное Ѳеодоромъ Туманскимъ. Часть первая. Во градѣ святаго Петра. Печатано съ дозволенія указаннаго въ книгопечатнѣ Шнора, 1788 года. —Въ 8 д. л. 282 стр. съ гравированнымъ заглавнымъ листомъ и 11 портретами и 5 виньетками.

Книга имѣетъ еще другое заглавіе, а именно: «Жизнь и дѣянія Государя Императора Петра Великаго. Во градѣ Св. Петра. Соч. Ѳедоръ Туманскій».

Къ этой рѣдчайшей книгѣ приложены слѣдующіе портреты:

1) Петръ. 2) Патріархъ Филаретъ. 3) Ксенія. 4) Михаилъ Ѳеодоровичъ. 5) Алексѣй Михайловичъ. 6) Наталья Кирилловна. 7) Ѳеодоръ Алексѣевичъ. 8) Медаль на рожденіе Петра Великаго, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Алексѣя Михайловича и Натальи Кирилловны, а на другой— царицы, принимающей отъ ангела младенца Петра. 9) Софія Алексѣевна. 10) Артамонъ Матвѣевъ. 11) Іоаннъ Алексѣевичъ.

Всѣ портреты и виньетки безъ означенія имени граверовъ.

Авторъ этого изданія Ѳедоръ Туманскій, издавая записки о Петрѣ I, хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ, извлечь изъ нихъ исторію его царствованія, но предпріятіе это ограничилось первымъ томомъ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры въ настоящее время составляютъ библіографическую рѣдкость

Купленъ мною экземпляръ хорошо сохранившійся, въ современномъ кожаномъ переплетѣ, изъ библіотеки Д. М. за 25 руб.

См. у Геннади «Русск. книж. рѣд.» № 62, гдѣ авторъ говоритъ: «Сужу о рѣдкости этой книги по тому, что долго искалъ ее, и съ трудомъ нашелъ полный экземпляръ со всѣми портретами за 15 руб.—У Сопикова—№ 7687, сказано: «книга очень рѣдкая».—У Остроглазова—«Книж. рѣд.»— № 281.— У Черткова—1838 г. стр. 14, сказано:—«рѣдка».—У Якова Березина-Ширяева—стр. 45, сказано, что книга сдѣлалась весьма рѣдкою.—У Губерти ч. II, № 121.—У Ровинскаго— т. IV, стр. 39.

Вольтеръ Франсуа Мари—Аруэ.

Знаменитый литературный дѣятель XVIII вѣка.

1511. Полное собраніе всѣхъ до нынѣ переведенныхъ на россійскій языкъ и въ

печать изданныхъ сочиненій Г. Вольтера; изданіе 2-е съ поправленіемъ противъ прежнихъ и съ присовокупленіемъ жизни сего знаменитаго писателя и многихъ вновь переведенныхъ его сочиненій, кои никогда еще изданы не были. 3 части, собрано и издано И. Рахмановымъ въ городѣ Козловѣ 1791 года.

Это рѣдкое изданіе, хотя на заглавіи мѣстомъ печатанія и названъ Козловъ, но надо полагать, что книга печатана въ селѣ Козинѣ Козловскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, въ собственной типографіи И. Рахманова; издатель имѣлъ намѣреніе собрать все, что было переведено на русскій языкъ изъ сочиненій Вольтера, но трудъ его прекратился съ третьею частью, вслѣдствіе запрещенія частныхъ типографій. См. у Сопикова за № 2601, гдѣ сказано, что она очень рѣдка; у Геннади «Книжныя рѣдкости» за № 74; у Губерти, II ч. за № 167; означенное изданіе составляетъ теперь библіографическую рѣдкость и цѣнится любителями отъ 40 до 60 рублей.

1512. Полное собраніе сочиненій А. Марлинскаго. Изданіе четвертое. С.-Петербургъ въ типографіи Министерства государственныхъ имуществъ, 1847 года. — Въ 16 д. л., 4 тома

Томъ I-й—3 части. 1-я часть 150 стр., II-я часть 158 стр. и III-я 162 стр.

Томъ II-й—3 части. IV-я 165 стр., V-я 165 стр. и VI-я 234 стр.

Томъ III-й—3 части. VII-я 198 стр., VIII-я 179 стр. и IX-я 189 стр.

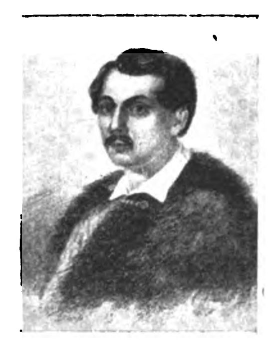
Томъ IV-й—3 части. X-я 197 стр., XI-я 224 стр., и XII-я 85 стр.

Въ началѣ этой рѣдкой книги авторъ говоритъ, что—«Многіе обрекли меня на остракизмъ—не читавши, иные возстали по знакомству съ моими антагонистами, другіе по инстинкту, третьи для магическаго слова—такъ!

«Сухая ученость, не приправленная шуточками, никакъ не понравится юному вкусу нашей публики, словомъ—вниманіе читателей надо привлекать, какъ электричество, остротами.

«Если я точно заслуживаю нареканія въ желаніи блеснуть остротами, то увлеченный природною веселостію, я самъ въ себѣ не виноватъ въ изысканности.

«Хорошое можетъ найтись и въ забытыхъ филіактахъ Боброва и даже Тредьяковскаго. Отъ здравой критики разлетаются неумѣстныя похвалы друзей и неправая брань недоброжелателей; мнѣніе большинства склоняется на сторону послѣдней — брани, потому, что рѣдкій захочетъ новѣрить чужіе толки».—Изданіе распроданное и книга рѣдка.—Купленъ мною экземпляръ за 12 рублей.

Бестужевъ,
Александръ Александровичъ.

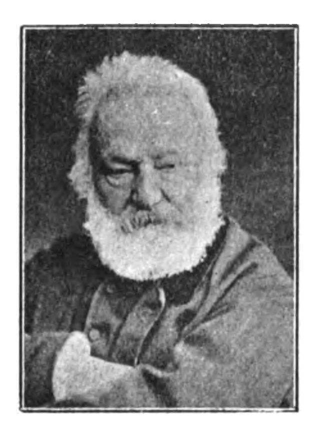
Извѣстный подъ псевдонимомъ Марлинскаго. Род. 23 октября 1797 г., убитъ на Кавказѣ 7 іюля 1837 г. Извѣстный беллетристъ и критикъ.

1513. Полное собраніе россійскихъ пѣсенъ. Изданіе Михаила Чулкова. Москва, въ университетской типографіи Н. Новикова. 1780 года.—Въ 8 д. л., 6 частей— 1-я часть 208 стр., 2-я 210, 3-я 202, 4-я 200, 5-я 174 и 6-я 200 стр. (6-я часть напечатана въ 1781 году).

Это рѣдчайшее изданіе содержитъ въ себѣ пѣсни любовныя, пастушескія, шутливыя, простонародныя, хоральныя, свадебныя, святочныя, съ присовокупленіемъ пѣсенъ изъ разныхъ россійскихъ оперъ и комедій. — Этотъ пѣсенникъ въ настоящее время составляетъ величайшую библіографическую рѣдкость и почти не находимъ въ продажѣ.—У Сопикова за № 10944.—У Остроглазова—«Русскій Архивъ», за 1892 г. за № 196.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся отъ 40 до 50 рублей.

1514. Полное собраніе сочиненій Виктора Гюго въ переводѣ русскихъ писате-

Гюго Викторъ.

Знаменитый французсскій поэтъ, создатель романтизма во Франціи. Род. въ Безансонѣ 26 февраля 1802 г., ум. 22 мая 1885 г.

лей. Томъ второй. Съ фрацузскаго изданія «Ne varietur». Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. 1892 года.—Въ 4 д. л., 989 стр.

Въ этомъ томѣ помѣщены два романа В. Гюго: 1) «Несчастные» переводъ Ю. Допельмайеръ (подъ редакціей В. Крестовскаго-псевдонимъ) и 2) «Зубоскалъ или человѣкъ, который смѣется»—переводъ Э. К. Ватсона.

Въ началѣ книги слѣдуетъ краткое предисловіе автора, въ которомъ онъ говоритъ, что:

«Пока существуютъ законы и обычаи въ ихъ настоящей формѣ; пока проклятіе, тяготѣющее надъ обществомъ, искусственно создаетъ цѣлый адъ въ нѣдрахъ цивилизаціи и роковымъ образомъ совращаетъ человѣка съ пути, начертаннаго ему самимъ Богомъ; пока не разрѣшены три великія міровыя задачи: пролетаріатъ, убивающій трудовыя силы, голодъ, влекущій женщину къ паденію, и умственный мракъ, парализующій силы ребенка, пока держится незыблемо удушающій соціальный строй, говоря короче—пока на землѣ существуютъ нищета и невѣжество, такія книги, какъ эта—не безполезны».

Изданіе это весьма рѣдкое.

Купленъ мною экземпляръ за 15 рублей.

1515. Полное собраніе гравюръ учениковъ Рембрандта и мастеровъ, работавшихъ въ его манерѣ. 478 фототипій, безъ ретуши. 2 тома. Собралъ и привелъ въ порядокъ Д. Ровинскій.—Санктпетербургъ; въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. 1894 года —Въ листъ.

Близкое знакомство Д. А. Ровинскаго съ искусствомъ гравированія и тщательная разработка собраннаго имъ матеріала, гравюръ учениковъ Рембрандта, придаютъ сочиненію серьезное значеніе и большой интересъ.

Это полное собраніе гравюръ, состоящее въ двухъ большихъ томахъ, въ листъ, куплено мною за 50 рублей.

1516. Полный послужной списокъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Александровича. Составленъ по 1-е января 1885 г. (Безъ означенія года и мѣста печати). — Въ 4 д. л., 21 стр.

Это чрезвычайно любопытное и не поступавшее въ продажу изданіе имѣетъ историческій интересъ.

Кромѣ этого въ моей библіотекѣ имѣются еще слѣдующія изданія, напечатанныя въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и также не поступившія въ продажу:

1. Списокъ лицъ свиты Ихъ Величествъ съ царствованія Императора Петра I, по старшинству дня назначенія. Дополненія и перемѣны къ изданіямъ 1886 и 1891 г. по 6 декабря 1895 г.—Въ 8 д. л., 23 стр.

—

2. Списокъ чинамъ канцеляріи по принятію прошеній на Высочайшее имя приносимыхъ. С.-Петербургъ, 1893 года.—Въ 8 д. л., 13 стр.

—

3. Циркуляры командующаго Императорскою главною квартирою генералъ-адъютанта графа Адлерберга 2-го за 1879 годъ.—Въ 4 д. л., 70 стран.

—

4. Циркуляры командующаго Императорскою главною квартирою генералъ-адъютанта графа Адлерберга 2-го за 1880 годъ.— Въ 4 д. л. 69 стр.

—

5. Циркуляры командующаго Императорскою главною квартирою генералъ - адъютанта графа Адлерберга 2-го за 1881 годъ. — Въ 4 д. л., 80 стр.

—

6. Циркуляры командующаго Императорскою главною квартирою генералъ-адъютанта Рихтера за 1882 годъ.—Въ 4 д. л., 67 стр.

—

7. Циркуляры командующаго Императорскою главною квартирою генералъ-адъютанта Рихтера за 1883 годъ.—Въ 4 д. л.

—

8. Циркуляры командующаго Императорскою главною квартирою генералъ-адъютанта Рихтера за 1884 годъ.—Въ 4 д. л.

—

9. Циркуляры командующаго Императорскою главною квартирою генералъ-адъютанта Рихтера за 1885 годъ.—Въ 4 д. л

—

10. Циркуляры командующаго Императорскою главною квартирою генералъ-адъютанта Рихтера за 1886 годъ.—Въ 4 д. л.

—

11. Циркуляры командующаго Императорскою главною квартирою генералъ-адъютанта Рихтера за 1887 годъ.—Въ 4 д. л.

—

12. Циркуляры командующаго Императорскою главною квартирою генералъ-адъютанта Рихтера за 1888 годъ.—Въ 4 д. л.

—

13. Циркуляры командующаго Императорскою главною квартирою генералъ-адъютанта Рихтера за 1889 годъ.—Въ 4 д. л.

—

14. Циркуляры командующаго Императорскою главною квартирою генералъ-адъютанта Рихтера за 1890 годъ.—Въ 4 д. л.

—

15. Циркуляры кемандующаго Императорскою главною квартирою генералъ-адъютанта Рихтера за 1891 годъ.—Въ 4 д. л.

—

16. Циркуляры временно-командующаго Императорскою главною квартирою генералъ-адъютанта Воейкова за 1892 годъ.—Въ 4 д. л.

—

17. Циркуляры командующаго Императорскою главною квартирою генералъ-адъютанта Рихтера за 1893 годъ.—Въ 4 д. л.

—

18. Циркуляры командующаго Императорскою главною квартирою генералъ-адъютанта Рихтера за 1894 годъ.—Въ 4 д. л.

—

19. Циркуляры командующаго Императорскою главною квартирою генералъ-адъютанта Рихтера за 1895 годъ.—Въ 4 д. л.

—

20. Циркуляры командующаго Императорскою главною квартирою генералъ-адъютанта Рихтера за 1896 годъ.—Въ 4 д. л.

—

21, Циркуляры командующмго Императорскою главною квартирою генералъ-адъютанта Рихтера за 1897 годъ.—Въ 4 д. л.

—

22. Полковые праздники на 1894 голъ.—Росписаніе праздниковъ частей войскъ, коихъ Государь Императоръ изволитъ быть шефомъ или въ спискахъ которыхъ изволитъ числиться, а также всей гвардіи.—Въ 8 д. л.

—

23. Полковые праздники съ 1895 по 1898 годъ включительно.

24. Отчетъ председателя Высочайше учрежденной въ 1895 г. коммиссіи для изученія и общаго направленія работъ по образованію переселенческихъ запасныхъ участковъ. Спбургъ, 1896 года.— Въ 4 д. л., 129 + 140 стр.

—

25. Сводъ узаконеній, касающихся учрежденій рекетмейстерской части и коммиссіи прошеній, извлеченныхъ въ хронологическомъ порядкѣ изъ полнаго собранія законовъ Россійской Имперіи (1720—1884 гг.).

—

26. Высочайшее повелѣніе объ упраздненіи коммиссіи прошеній, 30 мая 1884 года. — Въ листъ, 27 стр.

—

27. Списокъ генералъ-маіорамъ, состоявшимъ по списку въ свитѣ по 18 февраля 1855 года, т. е. по день кончины Императора Николая I, а потомъ постепенное назначеніе ихъ вновь въ свиту въ царствованіе Императора Александра II-го и выбытіе разными случаями. Спбургъ.— Въ листъ.

—

28. Списокъ генералъ-адъютантамъ, состоявшимъ по списку по 18 февраля 1855 года, т. е. по день кончины Императора Николая I-го и потомъ постепеннее назначеніе ихъ вновь генералъ-адъютантами въ царствованіе Императора Александра II-го и выбытіе разными случаями. Спбургъ.— Въ листъ.

—

29. Списокъ флигель-адъютантамъ, состоявшимъ по списку по 18 февраля 1855 года, т. е. по день кончины Императора Николая I-го и потомъ постепенное назначеніе ихъ вновь флигель-адъютантами въ царствованіе Императора Александра II-го и выбытіе разными случаями. Спб.— Въ листъ.

—

30. Соображенія генералъ-адъютанта Воейкова по вопросу о преобразованіи канцеляріи по принятію прошеній на Высочайшее имя приносимыхъ. Спб. (Безъ означенія года). Въ листъ—8 стр.

—

31. Списокъ дамъ участвующихъ въ поднесеніи иконы Казанской Божіей Матери Ея Императорскому Высочеству Великой Княжнѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.—Въ листъ, 4 стр.

—

32. Списокъ лицъ свиты Государя Императора Николая II-го. (Безъ означенія года). Спбургъ.— Въ листъ, 12 стр.

—

33. Замѣтка по вопросу о преобразованіи канцеляріи по принятію прошеній на Высочайшее имя приносимыхъ. Спбургъ.—Въ листъ, 4 стр.

—

34. Краткая историческая записка по учрежденію коммиссіи прошеній на Высочайшее имя приносимыхъ. Спбургъ.—Въ листъ, 7 стр.

—

35. Всенародное объявленіе герольдами о погребеніи въ Петропавловскомъ соборѣ тѣла въ Бозѣ почившаго Императора Александра Александровича. На одномъ продолговатомъ листѣ.

—

36. О дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ общегражданскихъ и по отправленію ими духовныхъ требъ. Спбургъ. 1888 г.

—

37. Списокъ иностраннымъ особамъ и иностраннымъ депутаціямъ, прибывающимъ къ погребенію тѣла въ Бозѣ почившаго Императора Александра III. Спбургъ.—Въ листъ, 13 стр.

—

38. Высочайше утвержденный церемоніалъ перенесенія тѣла въ Бозѣ почившаго Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра III со станціи Николаевской желѣзной дороги въ Петропавловскій соборъ для погребенія въ ономъ. Спб.— Въ листъ, 23 стр.

1507. Дѣло Императора Александра III, какъ логическое развитіе идей 1613 года. Предварительныя соображенія. Рѣчь

К. П. Побѣдоносцева — что сдѣлалъ Императоръ Александръ III?—Настоятельная необходимость отвѣтить на этотъ вопросъ.—Психологическая сущность идеи самодержавія. — Логическая необходимость предварить оцѣнку подвига Царя-замирителя отчетливымъ уясненіемъ смысла царствованія Императора Александра II. Глава I. Царь-Освободитель. Глава II. Царь-замиритель. Заключеніе. Въ 35-ю годовщину эры свободы и труда. Спб. Типографія В. Киршбаума. — Въ листъ 115 стр.

Эта замѣчательная рѣчь К. П. Побѣдоносцева была произнесена въ достопамятномъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, происходившемъ подъ августѣйшимъ предсѣдательствомъ Государя Императора 6-го апрѣля.

Высокохудожественная по формѣ, глубокомысленная по содержанію, она вмѣстѣ съ тѣмъ проникнута была такимъ искреннимъ, горячимъ самозабвеннымъ чувствомъ, что помимо воли, и даже незамѣтно для самого оратора, привела его къ выводу, отрицающему основное положеніе рѣчи, сводящему на нѣтъ усилія огромнаго ума найти отвѣтъ на самый животрепещущій вопросъ нашей дѣйствительности.

Это изданіе, при самомъ своемъ появленіи въ свѣтъ въ 1896 году сдѣлалось чрезвычайною библіографическою рѣдкостью. Напечатано было всего 20 экземпляровъ, которые были разосланы по особому назначенію.

Купленъ мною экземпляръ за 50 рублей.

1518. Служба съ акаѳистомъ и житіе преподобнаго отца нашего Ануфрія, великаго пустынножителя.—Печатается по благословенію блаженнаго патріарха Герасима Іерусалимскаго иждивеніемъ игумена храма св. Ануфрія на мѣстѣ «Селокрови», Схимонахомъ о. Кирилломъ. Въ Іерусалимѣ, 1895 года.—Въ 8 д. л.

Изданіе въ продажу не поступало. См. «Алфавитный каталогъ изданій на русскомъ языкѣ, запрещенныхъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи».—№ 59.

1519. Исторія С.-Петербургскаго комитета грамотности, состоявшаго при Императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ (1861—1895 гг.). Составилъ Д. Д. Протопоповъ. С.-Петербургъ. Скоропечатня А. Н. Цѣпова. 1898 года.—Въ 8 д. л. 370 стр. и приложеніе XLI стр.

Исторія комитета грамотности, составленная на основаніи печатнаго и рукописнаго матеріала, сохранившагося въ его архивѣ, представляетъ изъ себя весьма полезный матеріалъ для историка народнаго образованія.

Купленъ мною экземпляръ за 5 рублей.

1520. Книга псалмовъ или псалтирь съ параллельнымъ еврейскимъ текстомъ. Изданіе британскаго иностраннаго библейскаго общества. Вѣна 1895 года.—Въ 8 д. л.

Изданіе въ продажу не поступало. См. «Алфавитный каталогъ изданій на русскомъ языкѣ, запрещенныхъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи» —№ 60

1521. Путеводитель по С.-Петербургу, окрестностямъ и дачнымъ мѣстностямъ, съ планомъ столицы. Изданіе Г. В. Ровкина. С.-Петербургъ 1895 года. — Въ 8 д. л.

Изданіе по выходѣ въ свѣтъ было изъято изъ обращенія.

См. «Алфавитный каталогъ изданій на русскомъ языкѣ, запрещенныхъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи».—№ 130.

1522. Записка сенаторская объ употребленіи евреями христіанской крови. Безъ означенія года и мѣста печати.—Въ листъ, 407 стр.

Эта чрезвычайно рѣдкая записка была напечатана безъ особаго заглавнаго листа, въ количествѣ только двѣнадцати экземпляровъ, не для продажи.

Купленъ мною экземпляръ за 50 рублей.

1523. Полный списокъ шефовъ, полковыхъ командировъ и офицеровъ лейбъ-гвардіи коннаго полка съ 1731 по 1864 годъ. СПБургъ, въ типографіи товарищества Общественная Польза, 1864 г., 344 и 16 стр.—Въ 8 д. л.

Книга эта была напечатана, по порученію командира лейбъ-гвардіи коннаго полка князя Голицына, въ самомъ маломъ количествѣ экземпляровъ и въ продажу не поступала.

1524. Положеніе для учрежденія третейскаго суда въ помѣстьяхъ графини Строгоновой, урожденной княжны Голицыной, составленное самою помѣщицею. Санктпетербургъ. Печатано въ типографіи вдовы Плюшаръ. 1829 года.—Въ листъ.

1) О третейскомъ судѣ и его обязанностяхъ, въ листъ, 41 стр.

2) Дополненіе первое къ положенію о третейскомъ судѣ, напечатанному и подписанному графинею Строгоновой, урожденною княжною Голицыною, въ мартѣ мѣсяцѣ 1819 года, въ листъ, 10 стр.

3) Дополненіе второе къ положенію третейскаго суда, утвержденному графинею Строгоновою, въ мартѣ мѣсяцѣ 1819 года

4) Форма баллотирующимся, избраннымъ въ третейскій судъ, учрежденный въ селѣ Ильинскомъ, съ показаніемъ какъ писать, кому изъ нихъ сколько положено избирательныхъ и неизбирательныхъ шаровъ.

5) Дополненіе третіе къ положенію о третейскомъ судѣ, изданному въ 1819 году. Въ листъ, 2 стр.

6) Дополненіе четвертое къ положенію третейскаго суда, утвержденному графинею Строгоновою, въ мартѣ 1819 года, въ листъ, 8 стр.

7) Дополненіе пятое къ положенію о третейскомъ судѣ, утвержденному графинею Строгоновою, въ 1819 году, 2 стр.

8) Дополненіе шестое къ положенію о третейскомъ судѣ, утвержденному графинею Строгоновою, въ 1819 году, 2 стр.

9) Положеніе для заводскихъ судовъ и правъ въ помѣстьяхъ графини Строгоновой, составленное самою помѣщицею въ ноябрѣ 1821 года. Въ листъ, 6 стр.

Изданіе въ настоящее время весьма рѣдко.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 5 рублей.

1525. Положеніе для посѣтителей Императорской Публичной Библіотеки, Высочайше разсмотрѣнное 7-го мая 1848 года. Въ типографіи Императорской Академіи наукъ. 1850. (8) 15 стр.

Означенная брошюра очень рѣдка и въ хорошо сохранившихся экземплярахъ почти не находима.

Купленъ мною экземпляръ въ хорошемъ видѣ за 1 рубль.

1526. Положеніе, назначенное православной Россіи божественнымъ провидѣніемъ или призваніе Россіи къ возстановленію западной православно-каѳолической церкви. Авербека, доктора богословія и философіи профессора. Съ нѣмецкаго перевелъ православной Веймарской Маріи-Магдалинской церкви протоіерей Владиміръ Лодинскій. Веймаръ, въ типографіи Пеце, 1870 года.—Въ 12 д. л., 100 стр.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры рѣдки. — См. «Обзоръ книгъ, брошюръ, художественныхъ изданій, гравюръ и портретовъ, русскихъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ, находящихся въ библіотекѣ Як. Березина-Ширяева», стр. 172, гдѣ сказано —«книжка рѣдка и не находима въ продажѣ».

Куплена мною книга за 2 рубля.

1527. Положеніе рабочаго класса въ Россіи. Наблюденія и изслѣдованія Н. Флеровскаго. С.-Петербургъ. Изданіе Н. П. Полякова. 1869 года. — Въ 8 д. л., II + 494 стр., съ картою тридцати шести губерній Европейской Россіи

Въ началѣ книги слѣдуетъ оглавленіе 3 частей книги; часть первая—работникъ Сибири, сѣверной и пустынной Россіи;—часть вторая—работникъ земледѣльческой Россіи; — часть третья—работникъ промышленной Россіи и заключеніе, а затѣмъ слѣдуетъ краткое предисловіе Н. Флеровскаго, въ которомъ онъ говоритъ:—«Я имѣлъ въ виду отвлечь наше общество отъ погони за мелочными цѣлями, которыя ему выставляются, какъ всякія насущныя потребности, разными заинтересованными сторонами, или которыми стараются занять его страсти, придавая имъ видъ прекрасной прогрессивной дѣятельности. Я старался по-

казать, какая въ немъ лежитъ дѣйствительно великая обязанность, и если съ перваго взгляда, это великое дѣло покажется ему неосуществимымъ или невозможнымъ, то пусть же оно подумаетъ объ немъ серьезно. Только съ серьезной думой, съ глубокимъ чувствомъ можно совершить дѣйствительно прекрасное. Общество не должно забывать, что первая обязанность образованнаго человѣка—это плодить жизнь на землѣ; отъ этой обязанности онъ не имѣетъ права отрекаться, или же долженъ отречься также и отъ человѣческаго своего достоинства.

Между интеллектуальной дѣятельностію и матеріальной работой существуетъ самая тѣсная связь. Люди, которые считаютъ для себя выгоднымъ накладывать руку на матеріальный трудъ, будутъ врагами и интеллектуальной дѣятельности: рабовладѣльцу не нуженъ агрономъ и еще менѣе нуженъ юристъ; чѣмъ болѣе фабрикантъ имѣетъ власти надъ рабочимъ и надъ публикой посредствомъ низкой заработной платы и протекціонной системы, тѣмъ менѣе для него необходимы техникъ и политико-экономъ, — онъ тогда не ищетъ честнаго и знающаго чиновника и судью, а ему надо невѣжественнаго взяточника, котораго легко подкупить и заставлять сѣчь и притѣснять рабочихъ. Интеллектуальный работникъ тогда только будетъ нуженъ капиталисту и землевладѣльцу, когда изъ капитала и изъ земли нельзя будетъ извлекать дохода въ ущербъ работникамъ и въ ущербъ покупателямъ произведеній, и когда для этого нужно будетъ возвышать производительную силу капитала и земли. Желая разъяснить великую солидарность интересовъ въ нашей общественной жизни, я,—говоритъ авторъ,—не пускался въ мелочныя описанія и разъясненія жизни отдѣльныхъ рабочихъ. Бралъ только самыя крупныя группы и описывалъ ихъ въ великихъ отличительныхъ чертахъ ихъ жизни. Нѣкоторыя главы изъ этого сочиненія уже были напечатаны въ повременныхъ изданіяхъ, но здѣсь онѣ являются съ существенными дополненіями. -- Далѣе авторъ говоритъ, — я избѣгалъ повтореній, но повторенія эти всетаки вкрались, потому что въ разныхъ частяхъ книги мнѣ приходилось описывать работниковъ одного и того же рода, но въ разныхъ мѣстностяхъ, или работниковъ различнаго рода, но одной мѣстности,—приходилось мнѣ говорить такимъ образомъ и о чертахъ общихъ всѣмъ или очень многимъ рабочимъ группамъ. Не описаны мною двѣ большія и интересныя группы рабочихъ:—рабочіе столицъ и казаки; но это потому, что такое описаніе, само по себѣ очень интересное, не соотвѣтствовало бы однако же цѣли настоящаго сочиненія, точно такъ же, какъ напримѣръ, описаніе жизни колонистовъ. Всѣ эти описанія представляли бы картины совершенно побочныя, были бы лишнимъ бременемъ при развитіи идеи, и не вели бы къ общему заключенію. Поэтому, я, напримѣръ,—казаковъ, башкиръ, колмыковъ, коснулся именно лишь настолько, насколько они нужны были для общей цѣли. Точно также поступилъ я и со всѣми другими группами.

Изслѣдованіе дало мнѣ массу фактовъ. Факты дали мнѣ выводы. Когда выводы были получены, я оставлялъ конечно только тѣ факты, которые къ нимъ привели и ихъ объясняли, а остальные отбросилъ. Это пріемъ неизбѣжный не только въ наблюдательныхъ, но и во всѣхъ опытныхъ наукахъ. Если бы химикъ повѣщалъ ученому міру о всѣхъ неудачныхъ попыткахъ, которыя были имъ сдѣланы, или о всѣхъ не приведшихъ къ результату опытахъ, то ему, безъ всякаго сомнѣнія, замѣтили бы, что науку трудно обнять по множеству нужныхъ фактовъ, а обременять ее еще излишними,—крайне неумѣстно, что если онъ хочетъ сообщить ученому міру что-нибудь интересное, то онъ долженъ описать не тѣ опыты, которые ни къ чему не повели и показали только его неловкость, а тѣ, которые дали для науки полезный результатъ. См. «Алфавитный каталогъ изданіямъ на русскомъ языкѣ запрещеннымъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи» — за № 1243.

Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

1528. Польскій революціонный катехизисъ. Изданный въ Вильнѣ, 1865 г.— Въ 8 д. л., 8 стр.

Это изданіе заключаетъ въ себѣ весьма подробное описаніе различныхъ іезуитскихъ наставленій и правилъ, составленныхъ въ антигосударственномъ духѣ по отношенію къ Россіи и рекомендуемыхъ полякамъ, какъ національный политическій катехизисъ, коимъ слѣдуетъ руководствоваться всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Польши.

Въ виду исключительнаго интереса, представ-

ляемаго названнымъ изданіемъ по своему содержанію, я считаю не лишнимъ привести его здѣсь полностію, изъ слова въ слово.

Польскій катехизисъ.

Въ настоящій великій часъ возрожденія нашей возлюбленной ойчизны, каждый, считающій себя ея вѣрнымъ сыномъ, обязанъ, по силамъ своимъ и средствамъ, приносить посильную лепту на алтарь отечества и поддерживать на немъ ту божественную искру, которая всегда сохраняла народъ польскій во всѣхъ его тяжкихъ бѣдствіяхъ, и приготовляла его къ новому великому возрожденію, на погибель злостныхъ и коварныхъ враговъ.

Искра сія въ настоящее время еще тлѣетъ, но настанетъ время, когда она вспыхнетъ и великимъ пламенемъ охватитъ всю вселенную, и народъ польскій, какъ чудная саламандра, возрожденный и облистанный огнемъ своего патріотизма, явится освободителемъ угнетенныхъ націй и представителемъ цивилизующей европейской миссіи. Время это настанетъ, но надо вооружиться терпѣніемъ, твердостью характера и силою воли. Вспомнимъ, братья, что Финикія, Венеція владѣли міромъ не силою оружія, но умомъ, просвѣщеніемъ и богатствомъ, послѣдуемъ ихъ примѣру и будемъ наблюдать прилагаемыя здѣсь правила, составленныя человѣкомъ опытнымъ и преданнымъ своей родинѣ безпредѣльно.

Польша нынѣ является, по преимуществу, страною для торговли и цивилизаціи. Была пора владычества Польши силою ея непобѣдимаго и славнаго оружія; но судьбы Божіи неисповѣдимы; теперь предстоитъ ей владычество надъ тѣми странами, силою ума, торговли и просвѣщенія. Взгляните на Англію: нація исключительно торговая, сильнѣйшая въ мірѣ и владычица всего міра. Англія на морѣ,—Польша на сушѣ. У Англіи колоніи все ея богатство, но онѣ удалены; у Польши есть своя Индія: Украина и Литва,—колоніи эти съ Польшею составляють одно цѣлое, и, при умѣ и знаніи вести дѣло, никогда въ матеріальномъ отношеніи не будутъ отъ нея отторгнуты. Мы предлагаемъ нашимъ братьямъ по крови и вѣрѣ принять слѣдующіе не безполезные для нихъ совѣты, для болѣе единообразнаго дѣйствованія, къ достиженію общей цѣли.

1) Въ забранныхъ краяхъ, помѣщики должны стараться всѣми мѣрами не выпускать изъ рукъ своихъ имѣній, а если необходимость заставитъ разстаться съ ними, то продавать своимъ только соотечественникамъ, или, въ крайнемъ случаѣ, — жидамъ, но не давать развиваться тамъ русскому элементу. Помогать во всѣхъ нуждахъ своимъ братьямъ; русскимъ же помѣщикамъ дѣлать всякаго рода непріятности, ничего имъ не продавать и не покупать у нихъ и т. д. Заводить съ ними процессы, кои легко будутъ ими проигрываемы, по случаю занятія судебныхъ мѣстъ въ тамошнемъ краѣ, нашими же единовѣрцами,—словомъ, дѣлать все, чтобы принудить ихъ продать свои неправопріобрѣтенныя имѣнія и выѣхать изъ этого края въ свою Московію; продающіяся же русскія имѣнія стараться хоть общими силами, въ компаніяхъ, пріобрѣтать въ свое владѣніе. Чрезъ это достигнемъ, современемъ, въ этихъ странахъ исключительно польскаго господства и средоточія богатствъ края въ рукахъ нашихъ братій — на помощь и пользу своей ойчизны.

Пускай алчная Россія считаетъ Украйну и Литву своею собственностью, но кто ими будетъ пользоваться матеріально, того она, конечно, понимать не будетъ.

Кромѣ того, предлагаемыя средства будутъ препятствовать слiянію этихъ губерній съ ненавистною Московіею, а если будемъ пользоваться тупоуміемъ и неразвитостью тамошнихъ поповъ, то дѣйствуя на корыстолюбіе ихъ деньгами, можемъ усыпить и этихъ лютѣйшихъ по своему изувѣрству, нашихъ враговъ; усыпивъ же сихъ . . . . . *) и дѣйствуя съ хитростью и умомъ на народъ, будемъ въ состояніи, если не отвратить его отъ своей схизматической вѣры, то поколебать довѣріе къ своимъ попамъ, чего и достаточно, чтобы народъ смотрѣлъ на нихъ непріязненно.

2) Такъ какъ русскіе, большею частію, необразованы, лѣнивы и безпечны, то стараться полякамъ какъ можно болѣе образовать себя спеціально, чтобъ имѣть всегда преимущество предъ русскими въ занятіи лучшихъ, выгоднѣйшихъ мѣстъ, и тѣмъ самымъ подчинить себѣ эту грубую націю морально.

3) Людямъ, спеціально образованнымъ, стараться непремѣнно служить въ Россіи, не обра-

*) Здѣсь пропущено слово, неприличное въ печати.

щая вниманія на возгласы неразвитыхъ людей (не посвященныхъ въ тайны политики), что «служить русскому правительству для поляка — безчестно»; служа на пользу своей родины въ Россіи, каждый полякъ являетъ въ себѣ великую миссію и самоотверженіе для блага своихъ соотчичей.

4) Если ты намѣренъ вступить въ русскую службу, то служи только тамъ, гдѣ можно разсчитывать на вѣрный доходъ, и какъ скоро наживешь достаточный капиталъ, оставляй службу и поселяйся на жительство въ твоей ойчизнѣ, чтобы нажитыя тобою деньги въ Россіи сдѣлать достояніемъ твоихъ собратій. Этимъ ты не только искупишь свое служеніе ненавистной тебѣ странѣ, но еще принесешь пользу своей ойчизнѣ; ибо всякая мѣра, которая можетъ вести къ обѣдненію общаго врага ойчизны, не только дозволительна, но и необходима,— средствомъ этимъ ты подрѣзываешь ему когти.

Стараться всѣми мѣрами, гдѣ только откроется возможность нажиться на счетъ русской казны; это не лихоимство и не порокъ, а добродѣтель, потому что, обирая русскую казну, ты черезъ то самое обезсиливаешь враждебное тебѣ государство и обогащаешь свою родину, а слѣдовательно, дѣлаешь добро своимъ собратіямъ, и святая церковь проститъ тебѣ такое преступленіе. Самъ Господь Богъ, запретившій убивать ближняго, разрѣшилъ черезъ своихъ святыхъ мужей обнажать оружіе на покореніе врага израильскаго. Предлагаемое же здѣсь оружіе— не смертельно, и тѣмъ болѣе достойно уваженія, что, отымая отъ все-грабящаго награбленныя имъ богатства, ты передаешь ихъ бѣднѣйшимъ твоимъ собратіямъ; когда-же твое отечество будетъ богато, то оно будетъ и сильно.

5) Стараться достигнуть всякаго вліятельнаго мѣста; а получивъ такое мѣсто и сдѣлавшись сильнымъ, покровительствуй своимъ собратіямъ и доставляй имъ въ свою очередь выгодныя и доходныя мѣста. Для достиженія этой цѣли, всякія средства дозволительны, хотя бы они казались для другихъ низкими; помни, что ты все это дѣлаешь для пользы своей ойчизны, а потому и униженіе твое должно въ глазахъ твоихъ соотчичей считаться великою жертвою; а что говорятъ противъ тебя другіе,—не соотчичи твои, на то не обращай вниманія и дѣлай свое дѣло. Русскій въ особенности любитъ лесть и, отуманенный ею, готовъ скорѣе дать мѣсто тебѣ, чѣмъ своему, можетъ быть, и достойнѣйшему тебя собрату, но не способному, по своей грубой натурѣ, къ вѣжливому обращенію, а потому лесть, какъ могущественный рычагъ противъ человѣка русскаго, по преимуществу употребляй вездѣ, гдѣ изъ нея можешь извлечь выгоду въ своихъ планахъ. Когда же такимъ образомъ всѣ вліятельныя мѣста въ Россіи будутъ въ рукахъ поляковъ, то и Россія незамѣтнымъ образомъ сдѣлается нашею данницей.

6) Въ войскѣ русскомъ долго не служи, чтобы, дослужившись до высшихъ степеней, не сдѣлаться невольнымъ орудіемъ ненавистнаго твоему народу правительства,—исполнителемъ его плановъ. Вообще служи до того времени, пока изсякнутъ доходы и средства къ твоему обогащенію, послѣ чего, не гоняясь за увлеченіями и постыдными украшеніями, покидай свою службу и скорѣе поселяйся въ кругу своихъ соотчичей, чтобы пріобрѣтеннымъ тобою сокровищамъ не дать перейти въ руки враговъ твоихъ.

7) Въ гражданской же службѣ служи сколько достанетъ силъ твоихъ и всходи на самыя высокія ступени; отказывайся однако отъ занятія первыхъ государственныхъ должностей, а добивайся только всѣми мѣрами быть помощникомъ вельможъ, товарищемъ и вообще приближеннымъ къ нимъ лицамъ. Въ первомъ случаѣ правительство будетъ смотрѣть на тебя недовѣрчиво и ты не будешь посвященъ въ его планы; во второмъ, если съумѣешь взять своего начальника въ руки и пріобрѣсти его довѣренность, то тебѣ сдѣлаются извѣстны всѣ тайны правительства, а слѣдовательно и твоимъ соотчичамъ. Если правительство откроетъ обманъ, то отвѣтитъ твой начальникъ, а ты будешь въ сторонѣ и сохранишь себя для новаго служенія твоей родинѣ.

8) Будь во всемъ правою рукою твоего начальника и для достиженія его довѣрія не щади ничего, брани въ его глазахъ даже своихъ соотчичей и осуждай ихъ дѣйствія. Ничего нѣтъ легче, какъ этимъ средствомъ убѣдить каждаго русскаго въ преданности твоей къ Россіи и правительству. Вкравшись въ довѣріе твоего начальника, тебѣ будетъ легче покровительствовать тайно твоимъ собратіямъ.

9) Если замѣтишь вреднаго для твоей родины вліятельнаго члена въ русскомъ обществѣ, старайся всѣми средствами приблизиться къ нему и снискать

его расположеніе для твоихъ собратій, черезъ что если не уничтожишь его, то зная всѣ замыслы врага, можешь отвратить грозящее бѣдствіе, противопоставивъ ему равносильное оружіе. Когда же, такимъ образомъ, во всѣхъ управленіяхъ Россіи будутъ наши агенты и все государство будетъ покрыто, какъ бы сѣтью единодушно дѣйствующихъ нашихъ собратій, то оно будетъ въ нашихъ рукахъ и, современемъ, дѣйствуя систематически на русское общество, затрогивая нѣжныя чувства состраданія, мы подготовимъ его къ увѣренности въ необходимости отдѣленія Польши. Все это можетъ произойти безъ всякой вооруженной силы и кровопролитія, а черезъ то мы будемъ еще крѣпче и могущественнѣе въ будущности.

10) Помни, что Россія — первый твой врагъ, а православный есть еретикъ (схизматикъ), и потому не совѣстись лицемѣрить и увѣрять, что они твои кровные братья, что ты противъ русскихъ ничего не имѣешь, а только противъ правительства, но тайно старайся мстить каждому русскому; онъ, по своей ненависти къ римской церкви и къ полякамъ, не будетъ никогда твоимъ другомъ и всегда поддержитъ въ насиліи противъ тебя свое правительство.

11) Между русскими всегда говори что нѣмцы— первые враги русскихъ и поляковъ, что они, для политическихъ цѣлей, всегда разстраиваютъ своими козлями дружеское согласіе между обоими народами. Русскіе ненавидятъ нѣмцевъ, а потому всегда этому вѣрятъ. Это самыя лучшія ширмы, для прикрытія твоихъ дѣйствій и, увѣривъ непріятеля въ искренней къ нему дружбѣ, ты легко усыпишь его. Во всякихъ обнаруженныхъ твоихъ планахъ, сваливай вину на нѣмцевъ, чрезъ то ты обратишь ударъ въ другую сторону и будешь способствовать уничтоженію одного врага посредствомъ другого, а самъ избѣгнешь подозрѣнія.

Говоря съ русскимъ, старайся выводить его изъ терпѣнія: по всей глупой и откровенной натурѣ, въ спорахъ, русскій выскажется, а это тебѣ только и нужно; зная цѣль врага, ты противопоставишь ему вѣрное оружіе.

12) Въ обществахъ русскихъ старайся болѣе молчать и не высказывать своихъ убѣжденій, потому что это не выгодно. На русскаго, въ своемъ обществѣ, старайся нападать, — сначала на ненавистное правительство, которому онъ, какъ рабъ, служитъ, потомъ на угнетеніе имъ другихъ народностей, и наконецъ на безчувственность его и черствость сердца къ угнетеннымъ братьямъ полякамъ.

Старайся подѣйствовать на самолюбіе русскаго, и тогда къ концу разговора сдѣлаешь изъ него преданнаго тебѣ слугу въ твоихъ предпріятіяхъ. Русскій при своей простодушной и грубой натурѣ весьма самолюбивъ, и названіе варвара его бѣситъ; чтобъ избавиться отъ этого ненавистнаго прозвища, онъ готовъ всадить ножъ въ ребро своего собрата. Затрогивай искусно самолюбіе руссмаго и пользуйся имъ.

13) Если имѣешь дѣло съ сильнымъ и хитрымъ врагомъ, который тебя разгадываетъ, всѣми средствами старайся его уничтожить и избери для этого оружіе надежнѣйшее, именно: содѣйствіе вліятельнаго нѣмца. Нѣмецъ, по враждѣ своей къ русскому элементу, тебѣ поможетъ, — врагъ твой погибнетъ, но будетъ думать, что обязанъ своимъ паденіемъ нѣмецкому вліянію. Этимъ средствомъ ты еще болѣе докажешь, что истинный врагъ русскихъ—нѣмецъ, а самъ, ни въ чемъ не подозрѣваемый, сдѣлаешь изъ врага себѣ пріятеля и усерднаго помощника въ твоихъ планахъ.

1529. Половая жизнь и анализъ средствъ способствующихъ зачатію. Общедоступное изложеніе врача М. Н. Паргамина, дѣйствительнаго члена кіевскаго акушерско-гинекологическаго общества.

> „Ни одинъ изъ органовъ нашего организма не испытываетъ при своемъ физіологическомъ отправленіи, столько пріятнаго чувства, какъ половые органы при совокупленіи; отъ того-то и случаются очень часто злоупотребленія этими органами, ведущія къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ“.
>
> Ambroise Pare.

> „Лѣчить есть долгъ врача; предупреждать болѣзнь—его высшее назначеніе.
>
> В. М. Тарновскій,

Кіевъ. Типографія А. Давиденко, 1890 года.—Въ 16 д. л., V+56 стр.

«Заглавіе предлагаемой книги говоритъ о цѣляхъ, преслѣдуемыхъ въ ней авторомъ. Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію сути заданной себѣ задачи, авторъ полагаетъ, что половая функція у обоихъ половъ начинается съ извѣстнаго возраста, а затѣмъ, постепенно усиливаясь, доходитъ (употребляя termini technici) до acme своего развитія тоже въ опредѣленномъ возрастѣ и съ этого времени начинаетъ постепенно угасать. Признавая также, что выдѣленіе плодотворнаго сѣмени у мужчинъ можетъ продолжаться до глубокой старости, а половая производительная дѣятельность у женщинъ продолжается только до такъ называемыхъ климактерическихъ годовъ (Anni climacterici), авторъ считаетъ необходимымъ начать изложеніе съ момента развитія половой функціи у человѣка вообще, т. е. со времени наступленія возмужалости (pubertas). Описаніе этого періода жизни у обоихъ половъ и дѣятельность половыхъ органовъ въ этомъ возрастѣ составитъ содержаніе первой части предлагаемой книги.

Во второй части авторъ займется разборомъ половаго акта и всѣхъ тѣхъ моментовъ, которые могутъ вредно или благодѣтельно отзываться, какъ на общемъ состояніи организма, такъ и на функціи половыхъ органовъ и на ихъ дальнѣйшей дѣятельности; выяснитъ также вліяніе моментовъ половаго акта, споспѣшествующихъ и служащихъ препятствіемъ зачатію.

Благодаря важности и цѣлесообразности намѣченныхъ задачъ, авторъ надѣется, что предлагаемая книга встрѣтитъ сочувственный пріемъ у благосклоннаго читателя.

Зная, что у меня далеко не хватаетъ знаній и умѣнія изложить всѣ означенные отдѣлы этой книги съ той полнотой, какой они заслуживаютъ, я, какъ видитъ читатель изъ прилагаемаго библіографическаго указателя, старался пользоваться и чужими знаніями и опытностью. Но, живя вдали отъ университетскаго города, я не могъ сдѣлать болѣе серьезнаго выбора источниковъ, трактующихъ о предметѣ, заглавіемъ котораго служитъ моя книжка, а долженъ былъ пользоваться безъ разбора тѣми сочиненіями, журналами, брошюрами и газетами, какими богата наша бѣдная провинція; но и за то я считаю необходимымъ выразить свое сердечное спасибо, ссудившимъ мнѣ эти источники. Я же съ своей стороны прошу у читателя, вслѣдствіе сказанной причины, снисхожденія за недостатки предлагаемой ему книги. Искреннее мое желаніе, чтобы моя книжка была принята съ тою же теплотою чувствъ, каковыми авторъ былъ воодушевленъ при ея составленіи... Honny soit qui mal y pense». Это рѣдкое изданіе куплено мною за 5 руб.

1530. «Полярная звѣзда» на 1855, 1856, 1857, 1858, 1859, 1860 и 1861, года, издаваемая Искандеромъ и Н. Огаревымъ.

«Да здравствуетъ разумъ!»
Пушкинъ.

Лондонъ. Вольная русская типографія. — Въ 8 д. л., каждая книжка около 366 стр.

Русскій уроженецъ и знаменитый публицистъ Александръ (Искандеръ) Герценъ, незаконнорожденный сынъ Яковлева, переселился изъ Москвы въ Лондонъ. Тайно перевелъ къ себѣ значительныя суммы денегъ, принадлежавшія его отцу, и началъ издавать ругательныя сочиненія противъ бывшаго своего отечества. Когда сочиненія эти стали извѣстны въ Россіи, всѣ благомыслящіе люди съ негодованіемъ отвергли ихъ и предавали забвенію. (См. изданную Н. Елагинымъ книгу—«Искандеръ Герценъ». Берлинъ. Типографія Карла Шультце, стр. 1-я).

1531. Поморскіе отвѣты. Напечатаны въ Мануиловскомъ Никольскомъ монастырѣ. 1892 года.—Въ 8 д. л.

Въ предисловіи этой книги говорится, что— «Эти поморскіе отвѣты издаются первый разъ печатно, подъ названіемъ «Поморскіе отвѣты», какъ это названіе усвоено имъ по странѣ отвѣтчиковъ, ибо страна, гдѣ находится Выговская пустынь, называется «Поморье». — Авторомъ ихъ былъ настоятель Выговскаго пустынножительства Андрей Денисовъ, мужъ ученый и церковнаго писанія премного начитанный, какъ сіе самое изложеніе отвѣтовъ показуетъ. Жаль только того, что первоначальная ихъ редакція не сохранилась по всѣмъ спискамъ одинаковаго содержанія, но въ большинствѣ ихъ встрѣчается чрезъ кого-то впослѣдствіи добавленною многими витіеватыми и излишними вставками, не токмо затемняющими яс-

Заглавный листъ изъ книги
«Полярная звѣзда».
По рѣдкому экз. изъ собранія А. Бурцева.

ный смыслъ отвѣтовъ сихъ, но мѣстами даже и до противорѣчія искажающими. Посему для настоящаго изданія избрали первоначальную ихъ редакцію, позаимствовавъ для сего списокъ ихъ изъ библіотеки бѣлокрыницкой метрополіи, списокъ весьма старый, и по надписи, сдѣланной въ немъ другою рукою, на полѣ, при первомъ отвѣтѣ, слѣдующаго содержанія: «симъ отвѣтамъ отъ сего 6794 года будетъ 78 лѣтъ»—предположительно, что современный самому ихъ сочиненію».

Изданіе это довольно рѣдкое.

Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

1532. Панорама Санктпетербурга. Санктпетербургъ, въ типографіи вдовы Плюшара съ сыномъ. 1834 года.—Въ 12 д. л. 3 тома. Томъ I-й XVII + 263 стр. и въ концѣ «Очерки медалей царствованія Петра I. Спб. 1835 г. 20 стр. и 12 медалей. Томъ II-й VIII+271 стр. и томъ III-й VII+279 стр.

Означенное сочиненіе Александра Павловича Бушицкаго въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость; почему считаю не лишнимъ помѣстить здѣсь болѣе подробное описаніе

Заглавный листъ изъ книги

«Панорама Санктпетербурга».

Изд. Башуцкаго. По рѣдкому экз. изъ собранія А. Бурцева.

какъ самой книги, такъ и приложенныхъ къ ней рисунковъ и плановъ.

Въ началѣ первой части помѣщенъ фронтиспись, изобр. Петра Великаго на скалѣ, гравир. на стали Ѳ. Райтомъ—и очеркъ медали на заложеніе Петербурга.

На заглавномъ листѣ, во второй части—очеркъ медали, выбитой по случаю перевезенія камня «Грома», съ слѣдующею вокругъ надписью: «Дерзновенію подобно. Генваря 20. 1740 г.» — и 4 рисунка внѣ текста: I. Планъ и фасадъ «ледяного дома»; II. Рисунокъ, изображающій Телушкина, починяющаго крестъ на Петропавловскомъ соборѣ. III. Чертежъ очистительнаго колодца: IV. Маляры, рис. А. Брюлова, грав. Ѳ. Райтомъ, и затѣмъ 4 таблицы: I Метрологическія сравнительныя таблицы; II. Употребительнѣйшія монеты иностранныя, приведенныя въ россійскіе рубли и копѣйки. III. Табель приблизительныхъ количествъ главнѣйшихъ жизненныхъ потребностей и предметовъ промышленности. IV. Первая и вторая статистическія таблицы по городу Санктпетербургу 1832 года. V. Третья статистическая таблица по городу Спб., въ коей показаны части и кварталы, на которые городъ былъ раздѣленъ. Дома и мѣста казеннаго вѣдомства или частнаго владѣнія, лавки, амбары и кладовыя; оцѣнка сихъ имуществъ и процентный сборъ, поступившій съ оныхъ въ городскую думу въ 1804 и 1833 годахъ.

Въ III томѣ на заглавномъ листѣ помѣщено изображеніе медали на учр. губерній, съ слѣдующею надписью: «Исполняя — достигнешь. 1775 года», и 7 рисунковъ внѣ текста: отъ 1-го до 5-го изобр. петербургскіе экипажи и парную упряжь; 6-й рисунокъ—видъ полицейской будки и каланчи съ пожарными сигналами; 7-й рисунокъ—изображеніе гербовъ уѣздовъ Петербургской губерніи.

Это чрезвычайно важное изданіе окончено не было. Оно должно было состоять изъ четырехъ частей текста, съ принадлежащими къ нему: виньетками, рисунками медалей (на главныхъ листахъ) и маленькими планами и изъ собранія девяносто восьми гравированныхъ на стали видовъ, и шести плановъ столицы и ея окрестностей и двухъ тетрадей съ рисунками медалей. Планы и виды должны были быть раздѣлены на 12 тетрадей: въ десяти тетрадяхъ по восьми—80, въ двухъ тетрадяхъ по девяти—18, и 6 плановъ.

Со времени появленія части изданія, первоначальная подписка по 80 руб. за экземпляръ, прекратилась, какъ уже было объявлено.

Цѣна экземпляра 100 руб. Изъ оныхъ считается: за текстъ 25 руб., за 12 тетрадей видовъ по 5 руб. за каждую = 60 руб. за двѣ тетради плановъ по 7 руб. 50 коп. = 15 руб. Подписка не принимается инако, какъ на полное изданіе, т. е. на текстъ съ видами и планами. При подпискѣ вносятъ 50 руб., а при полученіи на сію сумму (по вышеприведенному разсчету) вносятъ остальныя 50 руб. За пересылку не прилагается ничего.

Но вмѣсто всего этого вышли лишь три части текста и пять тетрадей видовъ, въ четверку, съ 40 видами, подъ заглавіемъ: «Собраніе гравированныхъ на стали видовъ для панорамы Санктпетербурга, посвященной Его Величеству Государю

Императору Николаю I. — Спб. 1843 года, въ типографіи Плюшара.

Въ первой тетради помѣщены слѣдующіе виды:

I. Монументъ Суворова, съ частію Марсова поля и Лѣтняго сада.

II. Католическая церковь Св. Екатерины, на Невскомъ проспектѣ.

III. Фасадъ собственнаго Его Императорскаго Величества Дворца, обращенный къ Александринской площади.

IV. Египетскій цѣпной мостъ, на Фонтанкѣ, между мостами Измайловскимъ и Калинкинымъ.

VI. Угловой фасадъ Императорской Публичной Библіотеки.

VII. Зданіе Ассигнаціоннаго Банка.

LXXX. Соборъ Преображенія Господня.

LXXXI. Часть лѣваго берега Невы, съ зданіями Академіи Наукъ, Кунтскамеры, одинъ изъ биржевыхъ маяковъ, и частію крѣпости.

Во второй тетради:

V. Эрмитажный театръ и арка, соединяющая его съ Эрмитажемъ; при истокѣ Зимней канавки изъ Невы.

IX. Каменный (большой) театръ.

XXVII. Лѣтній дворецъ Императрицы Елисаветы Петровны, на мѣстѣ нынѣшняго Инженернаго замка; при истокѣ Мойки изъ Фонтанки.

XXVIII. Тюремный замокъ.

XXIX. Зданіе Россійской Академіи.

XXX. Лютеранская церковь св. Анны.

XXXI. Московскій въѣздъ, съ находящимся за нимъ дворомъ для продажи пригоннаго скота.

XXXII. Часть гранитной набережной большой Невы; на правомъ берегу ея видны зданія биржевыя, таможенныя и церковь св. Екатерины Мученицы.

Въ третей тетради.

XXXIII. Троицкій соборъ въ Александро-невской лаврѣ.

XXXIV. Соборъ Петра и Павла, въ крѣпости.

XXXV. Цѣпной пѣшеходный мостъ на Екатерининскомъ каналѣ, между Казанскимъ и Каменнымъ мостами.

XXXVI. Тріумфальныя ворота, за Нарвскимъ въѣздомъ.

XXXVII. Боковой фасадъ Зимняго Дворца, противъ Адмиралтейства.

XXXVIII. Начало Литейнаго проспекта; прямо—Литейный домъ; влѣво—Новый Арсеналъ; вправо—зданіе, занимаемое Артиллерійскимъ Департаментомъ и часть стараго Арсенала.

XXXIX. Больница Всѣхъ Скорбящихъ (домъ умалишенныхъ), на Петергофской дорогѣ.

XL. Невскій проспектъ, отъ собственнаго Его Императорскаго Величества Дворца къ Адмиралтейству.

Въ четвертой тетради.

XLI. Домъ, занимаемый Главноуправляющимъ Путями Сообщеній; видъ взятъ изъ саду.

XLII. Горный Институтъ, съ видомъ отъ него на Неву.

XLIII. Маріинская больница для бѣдныхъ, на Литейномъ проспектѣ;—въ дали видны: колокольня и главы церкви Владимірской.

XLIV. Зданіе департамента Удѣловъ; передъ нимъ бывшій домъ Ливіо, въ которомъ помѣщается Землемѣрское Училище.

XLV. Видъ Главнаго Адмиралтейства, отъ угла дома Императорскаго Экономическаго Общества; на первомъ планѣ балконъ этого дома и часть тротуара Невскаго проспекта; вдали видна арка Сенатскаго зданія.

XLVI. Новый боковой фасадъ Императорской Публичной Библіотеки, снятый изъ сквера.

XLVII. Александринскій театръ.

XLVIII. Фасадъ манежа лейбъ-гвардіи Коннаго полка.

Въ пятой тетради.

XLIX. Дворецъ въ Стрѣльнѣ.

L. Театральный мостъ въ три арки, на разныя стороны, чрезъ Екатерининскій каналъ и Мойку. Вправо—часть Императорскихъ конюшенъ; влѣво — садъ Его Императорскаго Высочества Михаила Павловича; прямо—Екатерининскій каналъ и зданія, принадлежащія Конюшенному Двору; вдали виденъ Соборъ Казанской Божіей Матери.

LI. Въѣздъ на Троицкій мостъ и видъ Петропавловской крѣпости, съ соборомъ Петра и Павла и Монетнымъ Дворомъ, надъ куполомъ котораго поднимается дымъ.

LII. Церковь въ Ямской и водопроводный мостъ, по ящикамъ котораго Лиговъ каналъ переливается чрезъ Обводный каналъ, протекающій подъ мостомъ.

LIII. Камеронова колоннада въ Царскомъ Селѣ.

LIV. Казарма 1-го баталіона л.-г. Преображенскаго полка; на мѣстѣ, гдѣ былъ нѣкогда Дворецъ Петра I. Арка и эрмитажный театръ видны съ противоположной рис. V-му стороны.

LV. Полтава, первый корабль строенный въ С.-Петербургѣ (снято съ современнаго рисунка).

LVI. Зданія министерствъ: Просвѣщенія и Внутреннихъ дѣлъ у Чернышева моста, котораго часть видна на первомъ планѣ.

СОБРАНІЕ
гравированныхъ на стали видовъ
для
ПАНОРАМЫ
САНКТПЕТЕРБУРГА,
посвященной
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ
НИКОЛАЮ I.
Четвертая тетрадь.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1834 года.

Заглавный листъ изъ книги
«Панорама Санктпетербурга».
Изданія Башуцкаго. по рѣдкому экз. изъ собранія А. Бурцева.

„On le peut, je l'essaie,
un plus savant le fasse".
(La Fontaine).

Мы не имѣемъ исторіи Петербурга, — Петербурга, столицы славной Имперіи, изъ безплодныхъ болотъ Ингерманладскихъ возникшій по манію Великаго Петра, и смѣлою рукою безсмертнаго основателя своего поставленный высоко на поприщѣ политическаго могущества!

Треть второго вѣка едва успѣла совершить кругъ свой надъ сѣверной столицею нашею,—этотъ мигъ, — едва замѣтный въ бытописаніяхъ другихъ городовъ, былъ свидѣтелемъ ея основанія, приращенія и чудеснаго украшенія, въ этотъ мигъ, она

сдѣлала исполинскій шагъ отъ рожденія къ мужественной зрѣлости. Подобно баснословнымъ русскимъ богатырямъ, Петербургъ росъ не по годамъ, а по часамъ; геній основателя носился надъ его колыбелью, а духъ твердости разума, предпріимчивости, неизмѣнной, постоянной непоколебимой силы — духъ народа русскаго, лелѣялъ, ростилъ, вскормлялъ богатыря своего.

Явленіе чудесное въ мірѣ вещественномъ и нравственномъ, — явленіе, ознаменованное яркою печатію могущественной, безпредѣльной творческой воли Царя и силы преданнаго ему народа; Петербургъ, въ которомъ совершилось перерожденіе Россіи; Петербургъ, явившійся внезапно на отдаленномъ сѣверѣ, какъ огромный свѣтильникъ, къ которому невольно обратился взоръ міра; Петербургъ цвѣтущій, свѣжій, не оскверненный рукою чуждаго завоевателя, первенствующій среди столицъ Европейскихъ своею чудесною исторіею, своею красотою, благодѣтельнымъ вліяніемъ на обширнѣйшую Имперію, во дни наши носившую въ рукѣ своей судьбу Европы! Петербургъ, безпрерывно напоминающій Петра I, котораго: «на что въ Россіи ни взгляни: все началомъ имѣетъ, и чтобъ впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ» *), не имѣетъ исторіи, или лучше, мы не имѣемъ исторіи Петербурга.

Ужели предметъ не заслуживаетъ особеннаго вниманія просвѣщеннаго, мыслящаго наблюдателя? Ужели онъ не довольно важенъ, не довольно богатъ? Или мы должны равнодушно утрачивать одно а другимъ всѣ великія воспоминанія, поучительныя для человѣчества, безцѣнныя для сердца русскаго? Или мы будемъ ожидать... Чего?—это наше достояніе! Разроемъ землю, на которой основанъ прекрасный городъ; въ этой недавно пустынной землѣ, оживленной геніемъ Петра I, мы не найдемъ мѣста, гдѣ бъ могучая мысль не оставила прочнаго слѣда; не найдемъ мѣста, на коемъ бы не было положено имъ начала чему либо великому, полезному. Собрать эти плодотворныя сѣмена, брошенныя рукою мудраго сѣятеля, сохранить эти священные остатки, передать вѣкамъ дѣянія здѣсь совершенныя, употребить кисть, перо и рѣзецъ, чтобы показать ихъ современникамъ, въ достойномъ видѣ, чтобъ свято, вѣрно, чисто завѣщать ихъ внукамъ нашимъ,—это дѣло, это долгъ русскаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что онъ скоро будетъ совершенъ.

Обратимся къ предмету не столько важному, но тѣсно связанному съ предшествовавшимъ.

Мы не имѣемъ исторіи Петербурга, мы не имѣемъ и статистики его, не имѣемъ даже описанія, руководителя, простого указателя, который бы, въ тѣсной рамѣ ручной книги, представлялъ хотя очерки этой огромной картины.

Недостатокъ странный. Умалчивая о пользѣ подобныхъ сочиненій, какъ бы они впрочемъ ни казались неважными, скажемъ только, что необходимость ихъ очевидна: она неопровержимо доказана существованіемъ оныхъ не въ однихъ знатнѣйшихъ, но почти во всѣхъ городахъ Европы.

Петербургъ, со дня на день обращающій на себя большее вниманіе просвѣщеннаго міра, городъ, сосредоточивающій въ себѣ жизненную дѣятельность Россіи, ведущій обширную торговлю, посѣщаемый жителями всѣхъ странъ, заключающій въ себѣ много истинно изящнаго и великаго, требующій по нраву и быту русскихъ и по незнанію Европою нашего языка, и по тысячѣ другихъ причинъ — не поверхностнаго обозрѣнія, а изученія основательнаго и довольно глубокаго, мало знакомый своимъ — чужимъ конечно извѣстенъ еще менѣе. Могло ли быть иначе, когда духъ корыстолюбія или неблагонамѣренности безусловно водилъ доселѣ перомъ описателей? Можетъ ли быть иначе и впредь, если молча мы будемъ только читать по прежнему извѣстія о столицѣ нашей, въ коихъ недостатокъ фактовъ смѣло замѣняется преизбыткомъ вымысла, въ коихъ всѣ почти показанія и мнѣнія дѣлятся на четыре главные разряда: на неосновательныя, ошибочныя, превратныя и ложныя!

Между тѣмъ, иностранцы и русскіе, убѣжденные въ необходимости и вмѣстѣ въ недостаткѣ книги, о которой мы говоримъ, ожидали появленія оной.

Мы вознамѣрились сдѣлать опытъ. — Если бъ можно было всегда дѣйствовать сообразно желанію своему, мы посвятили бы подобному занятію десять, пятнадцать лѣтъ жизни; мы потщились бы изобразить предметъ въ полнѣйшемъ его объемѣ, и, можетъ быть, постояннымъ терпѣніемъ пре-

*) Журналъ Ив. Ив. Неплюева

возмогли бы тысячи затрудненій и преградъ,—которыя и при опытѣ, нынѣ представляемомъ, нерѣдко останавливая насъ, лишили возможности дѣйствовать всегда сообразно предначертанному плану, и даже грозили необходимостію оставить трудъ неоконченнымъ.

Составляя панораму С.-Петербурга, мы имѣли въ виду начертать въ уменьшенномъ видѣ обширную и разнообразную картину столицы, сохраняя сколь можно точность въ размѣрахъ и мѣстный цвѣтъ красокъ, обозрѣвая постепенно все, представляющееся взору, показать красоты и недостатки, дать читателю возможность усмотрѣть ходъ усовершенствованій, успѣхи наукъ, искусствъ, ремеслъ, проникнуть въ развитіе образованности; уловить главныя черты нравовъ, привычекъ, народнаго быта, общежитія различныхъ сословій, наконецъ доставить всѣ возможныя облегченія, всѣ свѣдѣнія къ скорѣйшему и точнѣйшему познанію Петербурга.

Читатель видитъ изъ сего, что мы не хотѣли писать ни отдѣльной исторіи, ни отдѣльной статистики столицы; мы не желали однако же ограничиться изданіемъ простого указателя.

Въ двухъ первыхъ книгахъ сего сочиненія, представляя повѣствованіе о началѣ и распространеніи Петербурга, по день кончины Петра I, и статистическую о столицѣ записку, заключающую въ довольно полномъ объемѣ вѣрныя, основанныя на фактахъ свѣдѣнія, въ послѣдующихъ затѣмъ книгахъ, при постепенномъ описаніи различныхъ предметовъ, мы помѣщали только тѣ историческія и статистическія извѣстія, которыя были найдены или необходимыми, или по чему либо достойными особеннаго вниманія.

Знакомя такимъ образомъ читателя съ Петербургомъ, мы представляемъ ему не только картину настоящаго положенія сего города, но изображаемъ начало и важнѣйшія перемѣны по сіе время.

Подобная книга, безъ плановъ и видовъ во многомъ не удовлетворила бы любопытства: во многомъ осталось бы не полною, неясною, безцвѣтною. Такъ мы думаемъ, и потому съ изданіемъ текста соединили художественную часть, выполненіе коей требовало не только наивозможной отчетливости, но изящества, даже роскоши. Почему? спросятъ насъ. Потому, что въ художественныхъ произведеніяхъ, представляемыхъ публикѣ, не должно быть дурного; потому, что взыскательный вкусъ избалованнаго въ семъ отношеніи вѣка, не можетъ терпѣть того, что ниже посредственности.

Да позволено намъ будетъ нѣсколько остановиться на этомъ предметѣ. Говоря о планахъ и видахъ Петербурга, какъ не сознаться, что мы претерпѣваемъ и въ этомъ ощутительный недостатокъ.

Роскошный, огромный планъ столицы, на 24 листахъ, гравированный при Императорскомъ военно-топографическомъ депо, превосходенъ, какъ все, тамъ производимое; но онъ составленъ не для всегдашняго употребленія жителя, проѣзжаго или любопытствующаго; затѣмъ мы обязаны Г. Савинкову за ежегодно издаваемый имъ планъ, которымъ пользуются всѣ, лучшаго нѣтъ, а во второй трети XIX вѣка, кажется, должно было бы въ Петербургѣ имѣть нѣчто лучшее. Виды Петербурга, славящагося своими зданіями, заключаются въ собраніи литографій, которыя были издаваемы въ различное время. Увы! о достоинствѣ ихъ всякій изъ насъ могъ судить! Правда, тогда появлялись, какъ блестящіе метеоры, одинъ, два отдѣльные вида; въ послѣднее время начали издаваться нѣкоторые уже гораздо лучшіе правильностію рисунка и отдѣлкою; но и тутъ, какъ сжимался художникъ, съ какою робостію онъ приступалъ къ дѣлу! Странно — мы какъ будто бы боимся произвесть что-либо прекрасное: въ работахъ сего рода у насъ всегда замѣтны страхъ и желаніе скорѣе выручить издержки. Отчего это?—Между тѣмъ подобныя изображенія столицы, покупаемыя здѣсь наиболѣе иностранцами, увозятся въ чужіе края, какъ воспоминанія о Петербургѣ и вмѣстѣ, какъ образцы нашихъ искуствъ! Прискорбна эта бѣдность въ сравненіи съ смѣлыми, обширными и превосходными по исполненію современными предпріятіями, которыя постоянно улучшаясь, почти ежедневно появляются въ Европѣ. Усовершенствованное въ Германіи и доведенное въ Англіи до высшей степени гравированіе на стали, передающее бумагѣ несмѣтное количество оттисковъ, доставляетъ возможность окупать чрезвычайныя издержки, огромнымъ сбытомъ, которому способствуютъ изящество работы и вкусъ къ хорошимъ произведеніямъ художествъ, повсемѣстно укоренившійся въ образованномъ свѣтѣ; увѣренность же въ успѣшной распродажѣ не только поощряетъ предпріимчивость, и возрождаетъ

довѣренность и желаніе дальнѣйшихъ усовершенствованій, но дѣлаетъ искусства доступными людямъ самаго ограниченнаго состоянія; она-то распространяетъ повсюду произведенія сего рода, позволяя назначать имъ цѣну по возможности низкую; доставляетъ пріятное, и очищая вкусъ, возбуждаетъ любопытство къ полезнымъ знаніямъ.

Кто можетъ сказать, что мы не любимъ своего, русскаго? Это чувство противно природѣ человѣка. Кто можетъ сказать, что мы не любимъ художественныхъ произведеній, заслуживающихъ вниманія? Развѣ огромныя количества сихъ издѣлій, привозимыхъ изъ чужихъ краевъ, не раскупаются здѣсь чрезвычайно охотно, и не продаются весьма выгодно?

Отчего же мы не имѣемъ собственныхъ? Оттого ли, что у насъ нѣтъ художниковъ? Оттого ли, что обратно у насъ нѣтъ... Оставляемъ другимъ рѣшать эти вопросы.

Мы невольно отдалились отъ предмета.

Текстъ представляемой нынѣ книги состоитъ изъ трехъ частей; мы не жалѣли ничего на изданіе; мелкій шрифтъ избранъ нами по слѣдующимъ причинамъ: крупный былъ бы во всѣхъ отношеніяхъ пріятнѣе, но увеличилъ бы объемъ книги. При данномъ ей нынѣ форматѣ и расположеніи содержанія, обозрѣвающій столицу, положивъ въ карманъ ту часть панорамы, которая нужна для справокъ, можетъ заглядывать въ нее, осматривая предметы.

Намъ предлежали различные способы распредѣленія огромныхъ матеріаловъ, которые надлежало сжать въ раму сколь можно тѣсную. При желаніи сохранить ясность, отчетливость, несбивчивость, при желаніи представить полную живую картину С.-Петербурга, мы рѣшились избрать аналогическій порядокъ. Расположеніемъ свѣдѣній по сродству или сходству оныхъ, мы избѣжали скучной и сухой алфавитной номенклатуры и (если не ошибаемся) дали изложенію форму удобнѣйшую; ибо не препятствуя единству цѣлаго, собрали отдѣльно систематически всѣ необходимыя, частныя свѣдѣнія.

Мы хотѣли въ продолженіе цѣлаго сочиненія именовать источники, но принуждены были оставить сіе: это увеличило бы (и можетъ быть безъ пользы) объемъ сочиненія. Впрочемъ, въ заключеніе сочиненія мы собирательно укажемъ главнѣйшія.

Все почти, писанное о Петербургѣ, было разсмотрѣно и рачительно свѣрено, но мы наиболѣе справлялись съ архивами, основывались на актахъ: это источники прямые и достовѣрнѣйшіе.

Панорама С.-Петербурга переведена на французскій и нѣмецкій языки.

Художественная часть состоитъ изъ девяноста восьми видовъ и шести плановъ: они раздѣлены на четырнадцать тетрадей. Въ двѣнадцати находятся виды *), въ двухъ планы **).—Какъ текстъ, такъ планы и виды изображаютъ Петербургъ настоящій, и Петербургъ, какимъ онъ былъ прежде.

Предпринявъ составленіе книги, совершенно у насъ новой, издавая ее въ совершенно новомъ у насъ видѣ и объемѣ, мы не щадили ничего, чтобъ доставить соотечественникамъ нашимъ и иностранцамъ пріятное и вмѣстѣ полезное. Достигнемъ хотя вмалѣ цѣли своего желанія, рѣшитъ время и судъ публики.

Если русскому откроются въ семъ опытѣ новыя свѣдѣніи о столицѣ его отечества, подробное изученіе котораго должно быть постоянною, священною обязанностію каждаго гражданина;—если иностранцу представится вѣрная картина Петербурга, и любопытство его, удовлетворенное отчетливымъ описаніемъ, найдетъ въ немъ руководителя опытнаго, систематическаго;— если просвѣщенный житель Европы, остановивъ взоръ на издаваемой нынѣ книгѣ, утратитъ хотя одно изъ прежнихъ предубѣжденій,—измѣнитъ хотя одно изъ прежнихъ понятій своихъ; — если философъ вздумаетъ пробѣжать страницы этой неважной книги, и закроетъ ее не отъ скуки;—если планы и виды заслужатъ одобреніе любителя-знатока; — если опытность и критика просвѣщенная, благонамѣренная, почтитъ насъ совѣтами (которые будутъ приняты съ чувствомъ искренней признательности); — если, наконецъ, книга наша можетъ быть ими исправлена и пополнена, если когда либо удостоится чести втораго тисненія,—мы будемъ вполнѣ награждены за трудъ сей!

---

*) Въ десяти тетрадяхъ по восьми видовъ, а въ двухъ по девяти.

**) Въ каждой по три плана.

1533. По поводу письма профессора Захарьина къ издателю «Московскихъ Вѣдомостей». Письмо къ редактору «Кіевлянина» профессора С. И. Чирьева. Кіевъ. Типографія Кушнерева. 1894 года.—Въ 12 д. л., 13 стр.

въ С. Петербургѣ.

Заглавный листъ альманаха

«Полярная Звѣзда».

По рѣдкому экз. изъ собранія А. Бурцева.

Эта брошюрка содержитъ въ себѣ историческіе факты о кончинѣ Императора Александра III.

Отпечатана въ количествѣ пятидесяти экземпляровъ, но только не для продажи.

1534. Портной. Съ 14-ю политипажами. Описаніе быта портныхъ, начиная отъ возрожденія портного мальчуги включительно до портного высшаго полета. Сочиненіе Н. Матвѣевскаго. Санктпетербургъ. 1857 года.—Въ 12 д. л., 95 стр.

Виньетка на заглавномъ листѣ и одиннадцать рисунковъ внѣ текста, изображающіе разные эпизоды изъ исторіи жизни портного. — Всѣ рисунки исполнены знаменитымъ нашимъ художникомъ М. Микѣшинымъ и гравированы на деревѣ П. Куренковымъ, Муравьевымъ и Ѳ. Фрейндъ.

Книга эта въ настоящее время весьма рѣдко попадается на книжномъ рынкѣ.

1535. Портреты ихъ Императорскихъ

Величествъ. Изданіе Ивана Пушкарева. Въ Санктпетербургѣ (безъ означенія года).

Это замѣчательное и довольно рѣдкое собраніе портретовъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, рисованныхъ П. Ивановымъ и роскошно отпечатанныхъ красками въ литографіи Главнаго Управленія Путей Сообщенія и публичныхъ зданій (К. пом. директор.), распредѣляется въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Государь Императоръ Николай I, 2) Государыня Императрица Александра Θеодоровна, 3) Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Александръ Николаевичъ, 4) Государыня Цесаревна Великая Княгиня Марія Александровна, 5) Великій Князь Николай Александровичъ, 6) Великая Княгиня Александра Александровна, 7) Великій Князь Константинъ Николаевичъ, 8) Великій Князь Николай Николаевичъ, 9) Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, 10) Великій князь Михаилъ Павловичъ, 11) Великая Княжна Елена Павловна, 12) Великая Княжна Марія Николаевна и Супругъ Ея Герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій, 13) Великая Княгиня Ольга Николаевна и Супругъ Ея Карлъ Наслѣдный Принцъ Виртембергскій, 14) Великая Княжна Марія Михайловна и 15) Великая Княжна Екатерина Михайловна.

1536. Посланіе другу моему Василью Сергѣевичу Ефимьеву. Въ Санктпетербургѣ, съ дозволенія Управы Благочинія. 1791 года.—Въ 4 д. л., 7 стр.

Авторъ этого посланія Александръ Клюшинъ показанъ въ концѣ брошюры.

См. «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки» за 1875 годъ, стр. 87.

1537. Посланіе индѣйскаго брамина и гимнъ солнцу. Сочинненіе Державина. Съ дозволенія С.-Петербургскаго гражданскаго губернатора. Санктпетербургъ, въ типографіи Императорскаго театра, 1803 года.—Въ м. листъ.

При книгѣ одна гравюра внѣ текста, исполненная тѣневымъ контуромъ (работы Сандерсона, съ эскиза Егорова), изображающая брамина на скалѣ подъ деревомъ, а внизу левъ. Кромѣ гравюры, въ концѣ посланія, имѣется еще одна виньетка, безъ подписи. — Книга довольно рѣдкая, и обыкновенно, она встрѣчается безъ гравюры.

1538. Посланіе къ слугамъ моимъ: Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ. Санктпетербургъ, 1790 года.—Въ 8 д, л., 10 стр.

Это чрезвычайно рѣдкое лубочное изданіе конца прошлаго столѣтія. — У Сахарова — см. «Русскія народныя сказки», стр. LXXI, говорится, что — «Есть на Руси изданія народныя: сѣрая бумага, блестящая раскраска картинокъ, дурные оттиски, неправильный рисунокъ—составляютъ главныя отличія лубочныхъ изданій. Это исключительное художество принадлежитъ русскимъ мужичкамъ: они вырѣзываютъ деревянныя доски, они печатаютъ на нихъ картины, они раскрашиваютъ ихъ и они же продаютъ».

Мы не въ состояніи теперь отдать отчетъ, почему русскій народъ эти сѣро-бумажныя картины и изданія называетъ: лубочными, суздальскими, а въ Сибири панками.

Это шуточное посланіе въ первомъ изданіи составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость, въ виду чего считаю не лишнимъ привести здѣсь его перепечатку полностію и съ сохраненіемъ орѳографіи.

Къ слугамъ моимъ.

Скажи Шумиловъ мнѣ, на что сей созданъ свѣтъ?
И какъ мнѣ въ ономъ жить, подай ты мнѣ совѣтъ?
Любезной дядька мой, наставникъ и учитель!
И денегъ, и бѣлья, и дѣлъ моихъ рачитель!
Боишься Бога ты, боишься сатаны?
Скажи, прошу тебя, на что мы созданы?
На что сотворены, медвѣдь, сова, лягушка?
На что сотворены и Ванька и Петрушка?
На что ты созданъ самъ, скажи Шумиловъ мнѣ:
На то ли, чтобъ свой вѣкъ провелъ ты въ крѣпкомъ снѣ?
О таинство отъ насъ сокрытое судьбою!
Трясешь Шумиловъ ты сѣдой своей главою.
«Не знаю, говоришь, не знаю я того,
«Мы созданы на свѣтъ и кѣмъ, и для чего.
«Я знаю то, что намъ быть должно вѣкъ слугами,
«И вѣкъ работать намъ руками и ногами,
«Что долженъ я смотрѣть за всей твоей казной,
«И помню только то, что власть твоя со мной,
«Я знаю что я мужъ твоей любезной няньки,
«На что сей созданъ свѣтъ, изволь спросить у Ваньки».

Къ тебѣ я обращу теперь мои слова,
Широкія плеча! большая голова,
Малѣйшаго ума пространная столица!
Во области твоей кони и колесница *)
И стало наконецъ угодно небесамъ,
Чтобъ слушался тебя извощикъ мой и самъ;
На свѣтску суету вседневно ты взираешь,
И стоя назади Петрополь *) обтекаешь,
Готовься на вопросъ премудрой дать отвѣтъ.
Вѣщай великій мужъ, на что сей созданъ свѣтъ?
Какъ тучи ясной день внезапно помрачають,
Такъ Ванькинъ ясный взоръ слова мои смущаютъ.
Сумнѣніе его тревожить начало,
Наморщилась его и харя и чело.
Вѣщаетъ съ гнѣвомъ мнѣ: «на всѣ твои затѣи,
«Не могутъ отвѣчать и сами грамотѣи,
«И мнѣ-ль о томъ судить, когда мои глаза,
«Не могутъ отличить отъ ижицы аза?
«Съ утра до вечера держася на каретѣ,
«Мнѣ тряско разсуждать о Богѣ и о свѣтѣ.
«Не ловко помышлять о томъ и во дворцѣ,
«Гдѣ часто я стою смиренно на крыльцѣ,
«Откуда каждой часъ друзей моихъ гоняютъ
«И палочьемъ гостей къ каретамъ провожаютъ.
«Но если на вопросъ должно дать отвѣтъ,
«Такъ слушайтежъ каковъ мнѣ кажется сей свѣтъ.
«Москва и Петербургъ довольно мнѣ знакомы:
«Я знаю въ нихъ почти всѣ улицы и домы;
«Шатаясь по свѣту и вдоль и поперегъ,
«Что могъ увидѣть, я того не простерегъ.
«Видалъ и трусовъ я, видалъ я и нахаловъ,
«Видалъ простыхъ господъ, видалъ и генераловъ;
«А чтобъ не завести напрасный съ вами споръ,
«Такъ знайте, что весь свѣтъ считаю я за вздоръ.
«Довольно на вѣку я свой животъ помучилъ,
«И ѣздить назади я истинно наскучилъ.
«Извощикъ, лошади, карета, хомуты,
«И всѣ, мнѣ кажется, на свѣтѣ суеты.
«Здѣсь вижу мотовство, а тамъ я вижу скупость,
«Куда ни обернусь, вездѣ я вижу глупость;
«Да сверхъ того еще примѣтилъ я, что свѣтъ
«Столь много времени неправдою живетъ,
«Что нѣтъ уже такихъ кащеевъ на примѣтѣ,
«Которы-бъ истину запомнили на свѣтѣ.
«Попы стараются обманывать народъ,
«Слуги дворецкаго, дворецкіе господъ,
«Другъ друга господа; а знатные бояра,
«Не рѣдко обмануть хотятъ и Государя,
«И всякой, чтобъ набить потуже свой карманъ,
«За благо разсудилъ приняться за обманъ.
«До денегъ лакомы посадскіе, дворяне,
«Судьи, подъячіе, солдаты и крестьяне.
«Смиренны пастыри душъ нашихъ и сердецъ,
«Изволятъ собирать оброкъ съ своихъ овецъ.
«Овечки женятся, плодятся, умираютъ,
«А пастыри при томъ карманы набиваютъ.
«За деньги чистыя прощаютъ всякой грѣхъ,
«За деньги множество въ раю сулятъ утѣхъ.
«Но если говорить на свѣтѣ правду можно,
«Такъ мнѣніе мое, скажу я вамъ, не ложно;
«За деньги самого Всевышняго Творца
«Готовы обмануть и пастырь и овца.
«Что дуренъ здѣшній свѣтъ, то всякій понимаетъ,
«Да для чего онъ есть, того никто не знаетъ;
«Довольно я мололъ, пора и помолчать;
«Петрушка, можетъ быть, вамъ станетъ отвѣчать».
«Я мысль мою скажу, вѣщаетъ мнѣ Петрушка:
«Весь свѣтъ, мнѣ кажется, ребятская игрушка.
«Лишь только надобно потверже то узнать,
«Какъ лучше живучи игрушкой той играть.
«Что нужды, хоть потомъ и возьмутъ душу черти,
«Лишь только-бъ удалось получше жить до смерти?
«На что молиться намъ, чтобъ далъ Богъ видѣть рай?
«Жить весело и здѣсь, лишь ближними играй.
«Играй, хоть отъ игры и плакать ближній будетъ.
«Щечи его казну, твоя казна прибудетъ;
«А чтобъ пріятнѣе еще казался свѣтъ,
«Бери, лови, хватай все, что ни попадетъ.
«Всякъ долженъ своему послѣдовать разсудку,
«Что ставишь въ дѣло ты, другой то ставитъ въ шутку.
«Не часто-ль отъ того родится всѣмъ бѣда,
«Чѣмъ тѣшиться хотятъ большіе господа.
«Которы нашими играютъ господами
«Такъ точно, какъ они играть изволятъ нами.
«Создатель твари всей, себѣ на похвалу,
«По свѣту насъ пустилъ, какъ куколъ по столу.
«Иные рѣзвятся, хохочутъ, пляшутъ, скачутъ,
«Другіе морщатся, грустятъ, тоскуютъ, плачутъ.
«Вотъ какъ вертится свѣтъ! А для чего онъ такъ,
«Не вѣдаетъ того ни умный, ни дуракъ;
«Однако ежели какими чудесами,

*) Ванькѣ поручено было смотрѣніе надъ каретою и лошадьми.

**) Сіе посланіе писано въ С.-Петербургѣ,

«Изволили спознать вы ту причину сами,
«Скажите намъ ее?» Симъ рѣчь окончилъ онъ,
За рѣчію его послѣдовалъ поклонъ.
Шумиловъ съ Ванькою хваля догадку ону,
Отвѣсили за нимъ мнѣ также по поклону,
И трое всѣ они возвыся громкій гласъ,
Вѣщали: «не скрывай ты таинства отъ насъ:
«Яви ты намъ свою въ рѣшеніяхъ удачу,
«Рѣши ты намъ свою премудрую задачу»,
А вы внемлите мой, друзья мои, отвѣтъ,
И самъ не знаю я, на что сей созданъ свѣтъ.

1539. Посидѣлки, слѣдствіе, яма. Комическая опера въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе А. Княжнина. Музыка А. Титова. Санктпетербургъ, въ типографіи Александра Смирдина. 1809 года.—Въ 8 д. л., 68 стр.

«Посидѣлки» А. Княжнина въ первомъ изданіи составляютъ большую рѣдкость.

На первыхъ страницахъ этой книги помѣщено краткое предисловіе автора, написанное имъ стихами, которые считаю не лишнимъ привести здѣсь полностію, съ сохраненіемъ ореографіи подлинника.

Я видѣлъ странный сонъ,
Что будто невзначай я влѣзъ на Геликонъ,
И съ кучей риѳмачей толпясь у храма славы,
Со всѣми на-ряду хотѣлъ въ него войти.
Но, ахъ! ни кто изъ насъ не могъ дверей найти,
И я увидѣлъ тутъ, что мы не вовсе правы:
Что Аполлоновъ храмъ
Къ піитамъ дюжиннымъ весьма, весьма упрямъ.
Однакожъ авторы надежды не теряли,
Не шли отъ храма прочь, сердилися, кричали:
Иной съ досады грызъ претолстую тетрадь,
То есть, свое творенье,
Со злобой говоря: погибло просвѣщенье!
Ужъ и меня, меня въ храмъ славы не пускать!
Я одами гремлю и въ пышномъ, важномъ слогѣ
На случай имянинъ,
Иль свадьбы, иль крестинъ,
Писалъ и ждалъ вельможъ въ передней на порогѣ!
Иной съ досадою плечами пожималъ
И говорилъ: ужъ я-ль театръ не снабдѣвалъ!
Однихъ плаксивыхъ драмъ въ пять лѣтъ такъ не съиграешь,
Въ нихъ все найдешь, чего желаешь:
Садовникъ, конюхъ, принцъ, вельможа, скороходъ
И даже къ драмамъ весь ненадобный народъ
Со всѣми наряду... А тамъ другая сцена,
Ужъ на театрѣ перемѣна:
Иль садъ, иль улица, иль домъ, или тюрьма;
Ну! вотъ, что дѣйствіе, такъ перемѣнъ въ немъ тьма;
А я за то теперь толкусь у храма славы,
Какъ будто ни во что мой ставятъ важный трудъ.
Коль авторовъ такихъ, какъ я, пренебрегутъ,
Погибъ, погибъ Парнасъ! О времена! о нравы!
Иной подъ пазухой съ премножествомъ бумагъ
Кричитъ: не отступлю отсюда ни на шагъ!
Хоть тресни Аполлонъ! а въ храмѣ дай мѣстечко!
Я въ притчахъ, сказочкахъ и въ басняхъ славенъ сталъ,
Своимъ умомъ слоновъ снабжалъ,
И у звѣрей моихъ умора—что словечко.
Эзопъ, Федръ, Лафонтенъ передо мной ничто,
Хемницеръ, Дмитріевъ, Сумароковъ,
Какъ басни сочинять, мнѣ не дадутъ уроковъ.
Чтобы ихъ посрамить, я созданъ лишь на то!
Иной съ нахмуреннымъ лицомъ былъ очень гнѣвенъ,
И говорилъ: нѣтъ, богъ Парнаса сталъ ужъ древенъ,
Талантамъ истиннымъ не познаетъ цѣны;
Мои способности въ ничто обращены!
Двѣнадцать мѣсяцевъ работать вѣдь не шутка!
Рѣшился!—Выдаю въ столицѣ я журналъ:
Вѣдь на годъ для него провизью собиралъ.
На столько времени гдѣ взять ума, разсудка?
Къ тому же цензоръ я!
Ужъ такъ заведено! кто въ журналисты входитъ,
Тотъ въ цензоры себя безъ спроса производитъ
И неотъемлемо его вся часть сія.
Хотя бъ онъ былъ ни что и не извѣстенъ въ свѣтѣ,
Съ подпиской на журналъ имѣетъ то въ предметѣ,
Чтобъ про себя сказать: я цензоръ и хочу
Надъ Ломоносовымъ начать трудиться снова
И также разбирать Державина, Шишкова!
Объ нихъ въ рецензіи своей не умолчу!
А я все выполнилъ, хоть нѣтъ журналу года;
Но театральныхъ тьму піесъ перебранилъ!
Чтобъ быть на вышинѣ, всегда въ раекъ ходилъ.
Тамъ сидя посреди различнаго народа,

Актеровъ и актрисъ игру я примѣчалъ,
Потомъ на все, на все, рецензіи писалъ.
Теперь забытъ мой трудъ! у храма тщетно бьюся!
Добро! и я ужъ отомщу!
Журналъ вдругъ я прекращу:
Когда не пустятъ въ храмъ, банкротомъ назовуся.
И такъ всѣ авторы одинъ передъ другимъ,
Себя всѣхъ выше ставя,
Въ безмѣрной гордости свои творенья славя,
Считали Фебовъ храмъ, какъ собственнымъ своимъ.
Ну! какъ уймешь содомъ писателей надменныхъ?
Кто авторовъ худыхъ переувѣрить могъ,
Что ввѣкъ не попадутъ въ число творцовъ почтенныхъ?
Нѣтъ, нѣтъ! такихъ чудесъ не дѣлывалъ самъ Богъ!
Сей вздорный, наглый шумъ не кончился бъ межъ нами,
Но Момусъ прибѣжалъ, знакомецъ общій нашъ.
Съ смѣющимся лицомъ, съ предлинными ушами,
Кричитъ: молчите всѣ—я покровитель вашъ!
Онъ тотчасъ унялъ шумъ, и тишину возставилъ;
Потомъ сказалъ намъ про себя:
Я богъ дурачества, и васъ душей любя,
Съ тѣмъ путь сюда направилъ,
Чтобъ Феба попросить явиться къ вамъ хоть разъ,
Чтобы онъ разобралъ побожески всѣхъ васъ.
Изъ кучи авторовъ быть можетъ и найдется,
Который кое-какъ въ храмъ славы проберется,
А я изъ списка моего,
Вонъ выскоблю того.
Мой трудъ былъ не напрасенъ,
Ужъ Аполлонъ согласенъ,
Чтобъ удостоить васъ присутствіемъ своимъ.
Смотрите, скоро вы явитесь передъ нимъ.
И подлинно, какъ вдругъ предъ нами храмъ открылся!
Богъ вкуса и ума съ сіяющимъ вѣнцомъ,
Имѣя девять Музъ передъ своимъ лицомъ,
Съ великолѣпіемъ, со славою явился.
Однакожъ Музы къ намъ
Не милостивы были,
Не знаю почему! По нашимъ-ли грѣхамъ,
Но лица всѣ свои отъ насъ отворотили!
Одинъ лишь Аполлонъ
Звалъ каждаго съ себѣ, допрашивая строго,
И видѣлъ, что у всѣхъ написано хоть много,
Да нѣтъ бездѣлицы:—ума искалъ въ нихъ онъ,
И не найдя его, сталъ морщиться, кривляться.
Все было брошено, что онъ ни прочиталъ.
А какъ явился я, Фебъ гнѣвомъ воспылалъ!
Что вижу! какъ! и ты смѣлъ на гору забраться,
Гдѣ храмъ безсмертія постановленъ творцамъ?
Прости мою вину, я отвѣчалъ со страхомъ.
Дерзать-ли мнѣ на то? въ словесности бывъ прахомъ,
Какой судьбой я здѣсь—ей! ей—не знаю самъ!
Признаніе мое пришло ему по нраву.
Послушай, онъ сказалъ:
Тотъ, кто нашелъ къ намъ путь, свою обрѣтши славу,
Всегда съ бездѣлицъ начиналъ.
Ты мелочи пиши, и болѣе старайся
Мысль обработывать и вычищать свой слогъ;
Сперва въ бездѣлкахъ упражняйся,
Чтобы со временемъ писать ты дѣло могъ.
Но помни мой совѣтъ, чтобъ мысли были здравы
Во всемъ, что хочешъ ты перомъ произвести:
Тогда я, можетъ быть, у храма славы
Позволю одному всегда крыльцо мести.
Я Аполлону поклонился;
По дарованіямъ своимъ доволенъ былъ.
Потомъ Фебъ къ Момусу со гнѣвомъ обратился,
И отдалъ свой приказъ, чтобъ онъ насъ проводилъ,
То есть, — столкнулъ съ горы, за смѣлость дерзновенну,
Что сами мы собой всползли на Геликонъ.
Хотя сей строгъ приказъ, но правъ и Аполлонъ!
Не лѣзь тотъ никогда на гору возвышенну,
Кому бродить въ низу осуждено на-вѣкъ.
Исполнилъ Момусъ то, что Аполлонъ изрекъ.
И мы невидимою силой,
Всѣ свергнуты съ горы, высокой и крутой.
Летѣлъ тутъ романистъ слезливой, томной, милой;
Тамъ переводчиковъ летѣло цѣлый рой,
Летѣли трагики, и комики летѣли;
Всѣ тѣ, которые въ поэмахъ, въ одахъ пѣли,
Одинъ передъ другимъ стремглавъ съ горы летятъ,
Сатирики, эпиграммисты,
Иные журналисты,
Эзопы мнимые, худые оперисты,
А въ томъ числѣ и я, что дѣлать, виноватъ!
Туда-же брошенъ былъ.—Отъ страха содрогнулся,
Какъ бездну подъ собой узрѣлъ.
О! чудо, до земли еще не долетѣлъ,

Все, все исчезло вдругъ! и я проснулся.
Но, вспомня тотъ совѣтъ, который Фебъ мнѣ далъ,
Чтобъ дѣло написать, пиши сперва бездѣлки,—
Я бросился къ столу, и оперку скропалъ.
Давъ имя: Посидѣлки,
Тебѣ почтеннѣйшій читатель подношу.
Потрать хоть полчаса! о томъ тебя прошу.
Доволенъ буду тѣмъ, коль взявъ ее ты въ руки,
Отъ праздности, или отъ скуки,
Прочтя, ты скажешь такъ:
Смѣшнаго много есть—забавенъ сей пустякъ!

1540. Посланіе къ N. N, о наводненіи Петрополя, бывшемъ въ 1824 году 7 ноября. Сочиненіе графа Хвостова. Санктпетербургъ. Въ типографіи при канцеляріи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1825 года.—Въ 4 д. л.

Эта рѣдкая брошюрка напечатана на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.—Посланіе это, написанное къ издателю «Московскаго Телеграфа» Н. А. Полевому, содержитъ въ себѣ описаніе бывшаго въ Петербургѣ наводненія, которое такъ превосходно изобразилъ А. С. Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи «Мѣдный Всадникъ», гдѣ между прочимъ упоминаетъ и объ означенномъ сочиненіи, говоря:—

«Графъ Хвостовъ,
Поэтъ любимый небесами,
Ужъ пѣлъ безсмертными стихами
Несчастье невскихъ береговъ.

1541. Пословицы русскаго народа. Сборникъ русскихъ пословицъ, поговорокъ, реченій, присловій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, повѣрій и проч. Собраніе Владиміра Даля. Изданіе второе, безъ перемѣнъ. С.-Петербургъ, типографія Вольфа. 1879 года. 2 тома.—Въ 8 д. л., 1 т. LXIII + 685 стр., 2 т. VI + 638 стр.

Это замѣчательное собраніе русскихъ народныхъ пословицъ, поговорокъ, реченій, присловій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, повѣрій и проч., собранное извѣстнымъ любителемъ русскаго слова—В. Далемъ. Первое изданіе этого сборника въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость.

Куплены мною: экземпляръ перваго изданія за 12 рублей, а второго изданія за 5 рублей.

1542. По слѣдамъ запорожцевъ. Сочиненіе Д. И. Эварницкаго. С.-Петербургъ. Типо-литографія и фототипія П. Бабкина. 1898 года.—Въ 8 д. л., 324 стр.

Въ этой весьма замѣчательной книгѣ содержится описаніе обычаевъ вольности запорожцевъ въ частной и общественной жизни.

Всѣ представленные въ немъ типы, сцены, встрѣчи и приключенія взяты авторомъ Д. И. Эварницкимъ, большимъ знатокомъ запорожскихъ казаковъ, прямо съ натуры, выхвачены изъ дѣйствительной жизни.

Изданіе рѣдкое.

Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

Въ книгѣ помѣщены слѣдующія весьма любопытныя статьи: 1) Въ поискахъ за казацкими древностями. 2) Въ поискахъ за фамильными документами. 3) Три неожиданныя встрѣчи. 4) Слѣпой баянъ Ѳома Провора. 5) Дурному ни въ людяхъ ни дома. 6) Чоловикъ на работи у чорта. 7) Запорожець та мертвякъ. 8) Якъ чоловикъ клада соби найшовъ. 9) Чудова коробочка. 10) Съ чого забогативъ бидный чоловикъ. 11) Безъ Бога ни до порога. 12) Щыра любовь. 13) Дуже розумный чоловикъ. 14) Якъ треба и якъ не треба казать. 15) Якъ чоловикъ высыжувавъ лебедятъ. 16) Шо буде якъ жинци дать власть. 17) Русалка та коваль. 18) Зъ святымъ Мыколою не шуткуй. 19) Изъ чого кукушка, ластивка та соловейко. 20) Яки бувають инколи парубкы. 21) Хто найвирнійшій у чоловика другъ. 22) Немудрящій Хома и премудри кацапы. 23) Яки есть на свити чорты. 24) Якъ чорты помоглы парубку женытьця на дивци. 25) Чоловикъ у чорта на позычкахъ. 26) Премудрый Хома. 27) Видъ чого скотъ дрочится, а вивци душутця. 28) Стареча брехня. 29) Марко богатый. 30) У подножья рясной могилы. 31) Въ ожиданіи подводчика. 32) Въ поискахъ за архивными документами. 33) Отъ Новаго-Кодака до Каменно-Потоцкаго. 34) Славный городъ Ногайскъ, онъ же городъ черныхъ пауковъ. 35) По низовью Днѣпра. 36) Отъ города Екатеринослава до деревни Капуливки, и 37) На пепелищѣ Чортомлыцкой Сичи.

1543. Послѣдняя дань благоговѣнія, къ незабвенной памяти, въ Бозѣ почившаго Государя Великаго Князя Михаила Павловича и воспоминаніе о пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ Его Императорскаго Высочества, какъ генералъ-фельдцехмейстера, бывшемъ 28 января 1848 года. С.-Петербургъ, въ типографіи Вингебера. 1849 года.—Въ 4 д. л., 60 стр., съ литогр. портретомъ.

Брошюра напечатана крупнымъ шрифтомъ, съ бордюрами по страницамъ и съ виньетками въ текстѣ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры этого изданія рѣдки.

Купленъ мною экземпляръ за 2 рубля.

1544. Послѣднее слово о польскомъ вопросѣ въ Россіи. Берлинъ, 1869 года.— Въ 8 д. л., 72 стр.

Въ этой довольно любопытной книжкѣ помѣщены слѣдующія статьи:

I. Опора польской національности въ Россіи.

II. Бывшее уніятское духовенство.

III. Поляки въ Россіи.

IV. Русскіе чиновники въ западномъ краѣ.

V. Вопіющая несправедливость.

VI. Водвореніе русскаго элемента въ западномъ краѣ.

VII. Полумѣры.

Книжка куплена мною за 2 рубля.

1545. Послѣдніе дни жизни незабвеннаго монарха въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра I. — Все здѣсь писанное взято изъ достовѣрныхъ записокъ очевидцевъ, — приближенныхъ покойнаго Государя. Съ видомъ Таганрога и планомъ дворца.—Издано Иваномъ Зойкинымъ. Санктпетербургъ. Печатано въ типографіи Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, 1827 года. — Въ 8 д. л., 2+55 стр.

Въ началѣ этой книжки авторъ говоритъ: — «Глубокомысленный наблюдатель безпристрастно, разсматривающій исторію Россійскаго государства, будетъ удивляться чуднымъ путямъ, которыми Россія достигла настоящаго высокаго положенія своего, и въ сцѣпленіи обстоятельствъ, которыми судьба, кажется, какъ бы ведущею Россію на высочайшую степень величія, удивится съ чувствомъ глубочайшаго почитанія. Мудрые пути Провидѣнія! Въ продолженіи многихъ столѣтій сіе самое Провидѣніе замѣняло почти всегда потерю многолюбиваго повелителя другимъ, котораго мужество и внутреннія качества были сообразны времени и различнымъ обстоятельствамъ, — пятнадцатое, восемнадцатое и девятнадцатое столѣтія представляютъ разительные тому примѣры. Также замѣчательна вѣрность и неограниченная любовь, которую россіяне, въ продолженіи тысячелѣтняго историческаго бытія своего, питали всегда къ законному поколѣнію повелителей своихъ. Сіе видно будетъ и въ семъ небольшомъ сочиненіи, писанномъ въ горестные дни, когда печальная вѣсть о кончинѣ возлюбленнаго Государя разнеслась въ столицѣ. Нѣкоторыя обстоятельства замедлили появленіе онаго въ свѣтъ, но кто въ оное время находился въ Петербургѣ, или изъ вѣрныхъ разсказовъ зналъ о тогдашнемъ расположеніи духа въ сей столицѣ, тотъ не будетъ сомнѣваться въ вѣрности изображенія».

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры со всѣми рисунками считаются рѣдкими.

1546. Послѣдніе часы жизни Императора Николая Перваго. Санктпетербургъ, въ типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1855 кода.—Въ 8 д. л., 39 стр.

На первой страницѣ сказано:

Блажени мертвіи умирающіе о Господѣ.
(Апок. Гл. 14, ст. 15).

А на послѣдней страницѣ:

Блажени чистые сердцемъ: тіи Бога узрятъ.
(Ев. отъ Матѳея гл. 5, ст, 8).

Эта рѣдкая книга печатана съ Высочайшаго соизволенія и по выходѣ въ свѣтъ была скоро распродана и теперь рѣдка.

1547. Постановленія о литераторахъ, издателяхъ и типографіяхъ. С.-Петербургъ. 1859 года.—Въ 8 д л., 102 стр.

Эта небольшая, но довольно любопытная книжка,

Молодой писатель

А. И. Свирскій.

Изображенъ въ костюмѣ бродяги - босяка, въ которомъ онъ скитался по ночлежнымъ домамъ и вертепамъ для изученія ютящихся тамъ трущобныхъ типовъ. Результатъ своихъ наблюденій А. И. Свирскій изобразилъ въ трехъ томахъ подъ названіемъ: «Погибшіе люди». Томъ I. «Міръ трущобный». Томъ II. «Міръ тюремный». Томъ III. «Міръ нищихъ и пропойцъ». Спб. изд. А. Морозова, 1898 года. Портретъ заимствованъ изъ журн. «Отдыхъ».

содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) О цензурѣ; 2) О духовной цензурѣ; 3) О правахъ собственности; 4) О типографіяхъ,—и затѣмъ общія правила.

Книжка эта въ настоящее время весьма рѣдко попадается въ книжной торговлѣ.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 3 рубля, у букиниста Семенова.

1548. Посѣщеніе Императорской Публичной Библіотеки питомицами воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ. С.-Петербургъ. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. 1856. (8) 11 стр.

Эта рѣдкая брошюра была издана въ количествѣ 150 экземпляровъ. Содержаніе ея взято изъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» 1856 г., № 49.

1549. Поученіе о обрядахъ христіанскихъ или слово къ народу каѳолическому. Кіевъ. 1779 года.—Въ 4 д. л.

Въ этой рѣдкой книгѣ посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ объясняются всѣ таинства и обряды грековосточной церкви.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры этого изданія чрезвычайно рѣдки.

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, за № 354.

1550. Поучительныя слова Кирилла Архіепископа Іерусалимскаго. Книга напечатанная въ Москвѣ при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и при Патріархѣ Іосифѣ въ 1644 г.—Въ листъ. 571 листъ или 1142 стр.

Книга содержитъ въ себѣ 57 «Словъ» или «Поученій»; на послѣдней ея страницѣ напечатано: «И тако по повелѣнію Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всея Руссіи самодержца, начата была печатати сія книга въ самомъ царствующемъ градѣ въ Москвѣ въ лѣто 7151 г. мѣсяца Августа въ 24 день, на память святого священномученика и апостола Евтихія, ученика святому Іоанну Богослову и иже во святыхъ отца нашего Петра, митрополита Кіевскаго и всея Руссіи чудотворца, въ 31 лѣто благочестивыя державы царства его, государя царя и великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи. Совершена же быть сія книга въ лѣто 7152 мѣсяца Апрѣля въ 21 день, на память святаго священномученика Іануарія и иже съ нимъ и Ѳедора, иже въ пергіи въ тридесять первое же лѣто царство его государя царя и великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Руссіи. И при сынѣ его государѣ нашемъ, благовѣрномъ царевичѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, всея Руссіи. И при отцѣ ихъ и богомольцѣ Кирѣ Іосифѣ, патріархѣ московскомъ и всея Руссіи, въ третье лѣто патріаршества его, въ славу и хвалу вседержителю Богу во вѣки аминь».

Книга эта принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ и почти не находима въ продажѣ. Очень малое количество экземпляровъ ея, сохранившихся въ библіотекахъ любителей, считается ими величайшей рѣдкостію.

1551. Похвальное слово Императрицѣ Екатеринѣ II-й. Во градѣ Св. Петра въ Императорской типографіи, 1793 года. 4 + 138 стр.

Книга безъ заглавнаго листа, имѣющая слѣдующее начало: — «Сіе сочиненіе въ похвалу Ея Императорскаго Величества Россіи Екатрины II-й, написалъ стихами рабъ Божій посланикъ Маххомедъ сынъ Маххомеда Мохсина, по прозванію Ашрефа и проч. 4 на персидскомъ и русскомъ языкѣ».—Страницы идутъ по восточному обычаю—справа на лѣво, на послѣдней (или по нашему—на оборотѣ первой) одна сторона по персидски, другая по русски. Всѣхъ стиховъ счетомъ 967.

На стр. 4-й авторъ говоритъ, что онъ посланъ отъ своего свѣтлѣйшаго Хана Муртазы Кули, дабы объяснить Императрицѣ «Колико претерпѣлъ онъ насильственныхъ обидъ».

Стихи—948—955.

«Если кто нибудь и писалъ похвалу Государынѣ
Кромѣ меня на свѣтѣ;
Но знаю, что никто на персидскомъ языкѣ
Не сочинялъ похвалы сей великой Монархинѣ;
То симъ только однимъ и могу оказать мое усердіе;
Пошлю сіе въ Персію, въ свое отечество:
Да будетъ тамъ сочиненіе принято вмѣсто китайскаго москуса».
Далѣе слѣдуетъ любопытное описаніе дворцовъ и эрмитажа.

Эта книга состоитъ изъ 32 главъ: 1) Путешествіе изъ Персіи въ Россію; 2) Правосудіе, великолѣпіе; 3) Управленіе государствомъ; 4) Согласіе и великодушіе, 5) Обширность государства; 6) Бракъ наслѣдника; 7) О министрахъ; 8) Присутственныя мѣста; 9) Храбрость войскъ; 10)

Войска въ столицѣ, гвардія; 11) О сердоболіи къ птицамъ и звѣрямъ; 12) О порядкѣ государства; 13) Почты; 14) О домахъ для больныхъ и умалишенныхъ, 15) О наукахъ и художествахъ; 16) О богадѣльняхъ и сиротскихъ домахъ; 17) Описаніе столицъ; 18) Монументъ Петра I-го; 19) О Петербургѣ; 20) Дворецъ; 21) Мраморный домъ; 22) Эрмитажъ и брилліанты; 23) Рѣки, каналы, мосты; 24) Освѣщеніе улицъ; 25) Ассигнаціи; 26) Богатство народа; 27) Любовь къ Монарху; 28) Петергофъ; 29) Пруды и рыбы; 30) Уничтоженіе смертной казни; 31) Молитва; 32) Заключеніе.

Книга эта, въ хорошо сохранившихся экземплярахъ, почти не находима и принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

См. «Каталогъ книгъ Чертковской библіотеки— № 872».

1552. Походъ боярина и Большаго полку воеводы Алексѣя Семеновича Шеина къ Азову, взятіе сего и Лютика города и торжественное оттуда возвращеніе въ Москву. Съ имяннымъ спискомъ, бывшихъ при томъ войскѣ и учиненныхъ онымъ наградъ. — Издалъ въ свѣтъ Василій Рубанъ. Въ С.-Петербургѣ, 1773 г.— Въ 8 д, л., 12+226 стр.

Въ началѣ книги помѣщено посвященіе отъ автора В. Рубана графу П. И. Панину въ слѣдующихъ стихахъ:

Чѣмъ благодарность я предъ свѣтомъ изъявилъ
За одолжающи твоихъ щедротъ залоги?
Свидѣтельствуютъ ихъ твои писанья многи,
Отправлены ко мнѣ въ различны времена:
Ихъ память принести въ позды племена,
Въ неупустительный долгъ росски музы свѣтъ.

Василій Рубанъ въ предувѣдомленіи своемъ говоритъ, что эта современная записка объ Азовскомъ походѣ (1696) издана имъ по списку, находящемуся въ его библіотекѣ и сличенному со многими другими. Тамъ же упомянуто, что въ С.-Петербургской Императорской Кунстъ-камерѣ находится болѣе 500 татарскихъ монетъ, битыхъ въ городѣ Азовѣ. См. Чертковъ—№ 173.

1553. Похожденіе двухъ богачей и красавицъ,приведшихъихъ къ познанію себя и свѣта. Въ С.-Петербургѣ, напечатано съ дозволенія указаннаго 1787 г.—Въ 8 д. л., 220 стр.

Эта книга въ настоящее время весьма рѣдко попадается въ книжной торговлѣ. См. «Опытъ россійской библіографіи и переводовъ» Василія Сопикова, гдѣ сказано за № 8601, что она рѣдка; хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся до 4 рублей.

1554. Похожденія бѣглаго кантониста (не вымышленная исторія). Ѳ. В. Ливанова. Перепечатана съ дозволенія цензуры изъ журнала „Вѣкъ“ № 42-го, гдѣ было напечатано въ 1861 году. Пермь, въ типографіи Сунгуровой, 1868 года. — Въ 8 д. л„ 36 стр.

Эта рѣдкая брошюрка содержитъ въ себѣ описаніе похожденій кантониста Антона Савельева, выдавшаго себя за іеромонаха аѳонской горы и за архимандрита и настоятеля китайской лавры.—По приговору суда Савельевъ былъ наказанъ шпицрутенами въ Новгородѣ на торговой площади: прошелъ четыре раза чрезъ строй ста человѣкъ солдатъ и получилъ четыреста ударовъ.

1555. Похожденіе Ивана гостинаго сына и другія повѣсти и сказки. Часть первая, Санктпетербургъ, 1785 года. Въ 8 д. л., 200 стр. Разныя повѣсти и сказски, принадлежащія къ похожденію Ивана гостинаго сына. Часть II, а III печатается, описанныя какъ и I-я Ив. Новик.. въ Санктпетербургѣ, 1786 года. — Въ 8 д. л., 219 стр.

Книжка эта въ настоящее время принадлежитъ къ числу величайшихъ библіографическихъ рѣдкостей. Она содержитъ въ себѣ 50 забавныхъ разсказовъ, большею частію въ родѣ повѣстей Бокаччіо, заимствованныхъ изъ иностранныхъ сборниковъ, изъ коихъ нѣкоторыя передѣланы на русскій ладъ. Между прочимъ здѣсь пересказано старинное сказаніе о Фролѣ Скобѣевѣ. Объ этой книгѣ распространяется М. Михайловъ въ «Библіотекѣ для чтенія», т. CXXVI (1854) № 9. — Геннади говоритъ въ «Книж. рѣдкостяхъ» за № 57: — «Книга напечатана дурно въ неизвѣстной типографіи. Писана безграмотно, нескладно, грубымъ слогомъ, смѣсью искуственныхъ переводныхъ выра-

ПОХОЖДЕНІЕ

ИВАНА

ГОСТИНАГО СЫНА,

и

другія

ПОВѢСТИ И СКАСКИ

Часть первая.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
1785 года.

Заглавный листъ на книгѣ:

«Похожденіе Ивана гостинаго сына и другія повѣсти и скаски».

По рѣдкому экз. изъ собранія А. Бурцева.

женій съ простонародными оборотами, но вѣроятно, по разнообразному содержанію и сказочному интересу, имѣла много читателей, а потому стала въ настоящее время величайшею рѣдкостью».

См. «Опытъ россійской библіографіи» Василія Сопикова—№ 8603.—У Плавильщикова—№ 4672. У Смирдина — № 8433. У Остроглазова «Русск. книж. рѣдк.»—№ 286.—«Библіотека для чтенія» 1854 г., № 9.

Это рѣдкое изданіе цѣнится въ настоящее время отъ 100 до 200 руб., смотря по степени сохранности.

1556. Похожденія новгородской жительницы Ѳедоры Ивановны. Альбомъ каррикатуръ изданія г. Дурова. Санктпетербургъ, 1859 года.

Этотъ весьма любопытный альбомъ состоитъ изъ 16 литографированныхъ рисунковъ, изображающихъ разныя каррикатуры, а именно:

Федора Ивановна,

Новгородская жительница.

1) Өедора Ивановна. 2) Ахъ ты черный волчекъ. 3) Нѣтъ крестьянъ. 4) Өедорѣ ставятъ піявки. 5) Хоть бы шестьсотъ. 6) Послѣ качулу. 7) По усамъ текло. 8) Вотъ это часть моя. 9) Вотъ я привезъ больную. 10) Тому пять лѣтъ. 11) Воздвигну памятникъ. 12) Выпей еще. 13) Сымайте пожалуй. 14) Ты больно умна 15) Такимъ же образомъ. 16) И безобразно и мило.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры довольно рѣдки.

1557. Похожденія трехъ кокетокъ или тюллерійскія прогулки. Переведены съ нѣмецкаго языка П. П. въ Санктпетербургѣ, 1766 года.—Въ 16 д. л., 143 стр.

Довольно любопытная и безъ сомнѣнія рѣдкая книжка, въ которой весьма подробно описывается похожденія трехъ кокетокъ, ихъ любовныя приключенія и проч.

Въ началѣ книжки говорится нѣсколько словъ «читающимъ сіи похожденія трехъ кокетокъ, безъ сомнѣнія, подумаютъ, что я не мало не должна была сопротивляться, покамѣстъ вознамѣрилась представить ихъ предъ очи всего свѣта. Өни состоятъ изъ безчестнѣйшихъ, поноснѣйшихъ и подлѣйшихъ любовныхъ слабостей, каковымъ почти всѣ женщины подвержены часто бываютъ. Признаюсь, что было такое время, въ которое я, вмѣсто того, чтобы мнѣ стыдиться, а я напротивъ своею слабостію хотѣла себѣ пріобрѣсти извѣстность, и одно причудное приключеніе въ состояніи было открыть глаза мои и произвести во мнѣ совершенное раскаяніе въ моемъ порокѣ. Не постыдилась-бы объявить я объ моемъ имени, есть ли бы стыдъ и порокъ меня отъ того не удерживалъ и есть ли бы я не опасалась, что срамъ мой коснется такихъ особъ, которыя мнѣ очень дороги! Что касается до

моихъ родителей, то они понынѣ не знаютъ ничего о моей судьбѣ, препровождаютъ дни свои въ несказанной горести. И такъ уповаю, позволено мнѣ будетъ скрыть подлинное мое имя и замѣнить его вымышленнымъ. Я могу увѣрить, что читатель этой книги, кромѣ сего имени, баснословнаго въ сихъ похожденіяхъ не найдетъ».

Похожденія трехъ кокетокъ въ свое время имѣли большой успѣхъ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры довольно рѣдки.

1558. Похожденія Христіана Христіановича Віольдамура и его Аршета. Сочиненіе В. Луганскаго; съ альбомомъ картинъ на пятидесяти одномъ листѣ, рисованныхъ извѣстнымъ русскимъ художникомъ. 2 части. Изданіе М. Олехина. Санктпетербургъ. Въ типографіи Жернокова. 1844 года.—Въ 4 д. л., часть 1-я 21 стр., часть 2-я 41 стр. и 50 листовъ рисунковъ.

Это любопытное сочиненіе В. Луганскаго составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость. Авторъ книги говоритъ въ предисловіи:—«если вы, почтенный читатель, подшучивали когданибудь надъ дѣвицей, которая хвалилась, какъ своей работой, турецкимъ всадникомъ, вышитымъ ею по готовымъ клѣточкамъ канвы и по готовому узору, то конечно позабавились-бы при случаѣ и на мой счетъ, не напиши только я этого предисловія. Дѣло въ томъ, что художникъ передалъ мнѣ пятьдесятъ готовыхъ картинъ, съ предложеніемъ написать къ нимъ объясненіе. Вотъ какимъ образомъ составилась повѣсть. Я подбиралъ только тѣни, отсчитывалъ стежки и старался прятать узлы и концы подъ-исподъ».

Владиміръ Ивановичъ Даль родился 10 ноября 1801 года на Луганскомъ заводѣ и воспитывался въ Петербургѣ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ; потомъ въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ докторомъ медицины. Онъ написалъ много повѣстей, разсказовъ и сказокъ, издавая ихъ подъ псевдонимомъ казака Луганскаго. Главный его трудъ составляетъ толковый словарь великорусскаго языка, надъ которымъ трудился онъ нѣсколько десятковъ лѣтъ и окончилъ его не за-долго до своей смерти. В. И. Даль умеръ въ Москвѣ 22 октября 1872 года и похороненъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

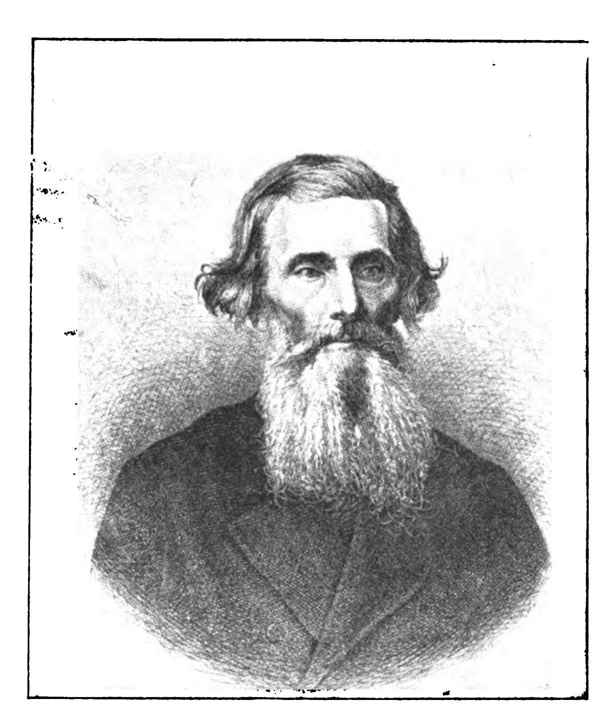
1559. Поѣздка въ Бѣлокрыницкій монастырь Н. С—на. Москва, въ университетской типографіи, 1864 года.—Въ 8 д. л., 6+43 стр.

Эта брошюрка начинается съ краткаго предисловія отъ автора, гдѣ между прочимъ говорится, что—«Прошло семнадцать лѣтъ, какъ существуетъ у раскольниковъ такъ называемая австрійская іерархія. Въ этотъ короткій періодъ времени она успѣла очень широко раскинуть свою дѣятельность. Сколько явилось архіереевъ, ведущихъ духовную власть свою отъ Амвросія? Есть ли хоть одно раскольниче селеніе, которое не имѣло бы своего собственнаго попа, благодаря заботливости раскольничьихъ архіереевъ объ умноженіи такого рода пастырей? Но въ этотъ короткій промежутокъ времени таинственная австрійская іерархія успѣла ясно обнаружить и всю свою внутреннюю несостоятельность, и безжизненность, успѣла состариться и подгнить, подобно извѣстнымъ скороспѣлымъ произростаніямъ изъ природы тайно-брачныхъ. Въ эти семнадцать лѣтъ эфемернаго существованія австрійской іерархіи ясно обнаружилось, что за народъ не только эти австрійскіе попы изъ пастуховъ и фабричныхъ, но и сами ихъ первосвятители—эти Антоніи, Геннадіи, Софроніи... А послѣднія, столь любопытныя событія въ старообрядчествѣ,—продолжаетъ авторъ,—не показываютъ-ли дѣйствительно, что въ австрійской іерархіи происходитъ ничѣмъ неотразимый процессъ внутренняго разложенія, быстро приближающій ее къ естественному концу всѣхъ гніющихъ и разлагающихся организмовъ?»

Далѣе авторъ говоритъ.—«И такъ, австрійская іерархія въ наше время, на нашихъ глазахъ возникла, широко раскинулась и быстро приближается къ самоистребленію. И однакоже, много ли извѣстно намъ о всѣхъ этихъ явленіяхъ ея быстотечной, но тѣмъ не менѣе, чрезвычайно интересной для насъ жизни? Не богаты мы особенно свѣдѣніями о первыхъ временахъ существованія австрійской іерархіи,—ея основаніи и первоначальномъ появленіи въ предѣлахъ Россіи. За исключеніемъ извѣстной (впрочемъ, весьма рѣдкой) книжки Платона Афонацковича, еще болѣе извѣстной книги

игумена Парѳенія «О промыслѣ», да изданной раскольниками третьей части Церковной исторіи, совсѣмъ почти не имѣется печатныхъ извѣстій объ этомъ любопытнѣйшемъ времени существованія новой раскольничьей іерархіи. Мы увѣрены поэтому, что читатели съ большимъ любопытствомъ встрѣтятъ помѣщенный ниже разсказъ о сношеніяхъ московскаго раскольничьяго общества съ Бѣлокриницкою метрополіей, происходившихъ именно въ первый годъ ея существованія,—разсказъ, составленный непосредственнымъ участникомъ этихъ сношеній».

Затѣмъ авторъ разсказываетъ, что онъ по порученію почтеннѣйшихъ прихожанъ Рогожскаго кладбища ѣздилъ въ Бѣлую-Криницу для присутствованія при мѵровареніи, которое тамъ должны были совершить новоявившіеся раскольничьи архіереи по просьбѣ самихъ же московскихъ раскольниковъ. Гдѣ,— говоритъ авторъ, «что ему приходилось такимъ образомъ видѣть такія мѣста, встрѣчаться съ такими лицами и быть свидѣтелемъ такихъ событій, которыя имѣютъ не малое значеніе въ первоначальной исторіи австрійской іерархіи». И дѣйствительно, онъ передаетъ объ немъ не мало любопытныхъ подробностей, которыя сообщаютъ его разсказу живой интересъ. Въ самомъ дѣлѣ, интересно слышать отъ очевидца о такихъ лицахъ, какъ напримѣръ инокъ Павелъ, самъ Амвросій, или Геронтій съ Іеронимомъ, Кириллъ, Онуфрій и другіе, игравшіе такую важную роль въ учрежденіи Бѣлокриницкой митрополіи и получившіе такое значеніе въ современной ея исторіи; или о такихъ типическихъ, многимъ памятныхъ личностяхъ московскихъ раскольниковъ, какъ напримѣръ Гусевъ и Жигаревъ, этихъ искусникахъ, занимавшихся переводомъ русскихъ выходцевъ за австрійскую границу, о разныхъ Гурьяхъ Ильичахъ, Тимошкахъ и Денискахъ. А также, авторомъ ярко обрисовываются первоначальныя отношенія московскаго раскольничьяго общества къ Бѣлокриницкой митрополіи и существовавшій тогда способъ сношенія русскихъ раскольниковъ съ заграничными, образъ жизни въ пресловутомъ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, въ молдавскихъ раскольничьихъ скитахъ и вообще у заграничныхъ раскольниковъ и тому подобныя обстоятельства, о которыхъ такъ мало извѣстно намъ и съ которыми нѣсколько знакомитъ насъ авторъ этого разсказа.

Даль, Владиміръ Ивановичъ.

Извѣстный лексикографъ. Род. 10 ноября 1801 г., ум. 22 октября 1872 г.

1560. Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Вакаціонные дни профессора С. Шевырева въ 1847 году. Въ двухъ частяхъ, съ 25-ю литографированными рисунками. Москва, въ университетской типографіи, 1850 года.—Въ 8 д. л., томъ 1-ый 154 стр., томъ 2-ой 134 стр.

Авторъ говоритъ въ предисловіи, что: «я давно желалъ взглянуть на предѣлы нашего сѣвера; особенно хотѣлось мнѣ посѣтить Бѣлозерскія мѣста, съ которыми связана память преподобнаго Кирилла, одного изъ просвѣтителей тамошнихъ краевъ въ эпоху татаръ. Лѣтомъ 1847 года удалось мнѣ исполнить это желаніе. Кратокъ по времени былъ мой отдыхъ и путь, но много впечатлѣній прошло по душѣ; много новыхъ свѣдѣній собрала память. Не хочу чтобы это пропало даромъ и рѣшаюсь передать читателямъ». Книга содержитъ въ первой части: 1) Троицкая Лавра. 2) Александръ. 3) Переславль Залѣсскій. 4) Ростовъ. 5) Ярославль. 6) Дорога въ Вологду. Грязновецъ. 7) Вологда и настоящее Батюшково. 8) Дорога изъ Вологды въ Кирилловъ. 9) Кирилловъ монастырь. Жизнь и посланія угодника. Памятники и древности монастыря и его ризницы. Бѣлозерскъ. Кирилло-Новоезерская обитель. Крохинъ посадъ. Нилосорская пустынь. Упраздненный Ѳеропонтовъ монастырь. Послѣдніе часы въ Кирилловской обители и возвратный путь. Книга замѣчательная, какъ по содержанію, такъ и по рѣдкости изданія. Купленъ мною экземпляръ за 7 рублей.

1561. Поэма на разрушеніе Лиссабона, переведена стихами И. Богдановичемъ, съ возраженіемъ, писаннымъ къ автору Ж. Жакомъ Руссо.—С.-Петербургъ, 1802 года.—Въ 12 д. л.

Въ «Опытѣ россійской библіографіи или полномъ словарѣ сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова сказано за № 2588—«книга рѣдка.»— Цѣнится въ настоящее время отъ 8 до 10 рублей, смотря по степени сохранности.

1562. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. Опытъ сравнительнаго изученія славянскихъ преданій и вѣрованій въ связи съ миѳическими сказаніями другихъ родственныхъ народовъ. Сочиненіе А. Афанасьева. Изданіе К. Солдатенкова. Москва 1865 года.—Въ 8 д. л. 3 тома. I томъ 800 стр. II томъ 784 стр. III томъ 840 стр.

Опытъ сравнительнаго изученія славянскихъ преданій и вѣрованій въ связи съ миѳическими сказаніями другихъ родственнымъ народовъ—знаменитаго археолога А. Н. Афанасьева, ревностно занимавшагося изученіемъ славянской миѳологіи и языческихъ преданій и вѣрованій русскихъ, и послѣ ряда статей (въ «Отечеств. Запискахъ» и «Современникѣ»), авторъ изложилъ свои изслѣдованія въ настоящемъ обширномъ трудѣ, который можно назвать — самымъ капитальнымъ въ области поэтическаго воззрѣнія славянъ на природу.

Книга эта въ настоящее время сдѣлалась библіографическою рѣдкостію и цѣнится отъ 20 до 25 рублей, смотря по степени сохранности.

1563. Появленіе въ Россіи перваго ужаснаго самозванца Дмитрія—Григорія Отрепьева и его низверженіе. Историческое сказаніе. Сочиненіе г.***. Москва, въ типографіи Кирилова, 1839 года.—Въ 16 д. л, 48 стр.

Эта не большая, но довольно любопытная книжка, начинается съ краткаго предисловія отъ автора, въ которомъ онъ говоритъ: «Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ», сказалъ одинъ изъ нашихъ поэтовъ; слѣдственно все, что только относится до нашей пространной благословенной Россіи, могу сказать, что все описываемое историческое, основанное на достовѣрныхъ фактахъ, должно почитаться, какъ святая истина; какъ добродѣтель, которыя суть лучшія стези въ жизни каждаго человѣка. И такъ, это историческое сказаніе о появленіи въ Россіи перваго ужаснаго самозванца Дмитрія, хотя и есть извлеченіе изъ полной исторіи Россійскаго Государства, но при всемъ томъ, вѣрно, оно обратитъ вниманіе многихъ читателей ибо, не каждый имѣетъ средства читать исторію всю. Что же касается до того, что имя Григорія Отрепьева извѣстно каждому русскому, изъ всѣхъ сословій гражданъ, объ этомъ сомнѣваться не должно. А потому это сказаніе вѣрно найдетъ своихъ читателей. Григорій Отрепьевъ, боярскій сынъ, жившій въ XVI столѣтіи, въ нынѣшней Костромской губерніи, уѣздномъ городѣ Галичѣ. Это

сочиненіе въ настоящее время довольно рѣдкое по своему историческому содержанію.

1564. Правда о мужчинѣ и женщинѣ, основанная на медицинскомъ и физіологическомъ изслѣдованіяхъ, или лицевая сторона безбрачности и брака. Ѳ. А. Ѳедорова. Санктпетербургъ, въ типографіи Эдуарда Веймара, въ 1858 г. — Въ 12 д. л. VIII+161 стр.

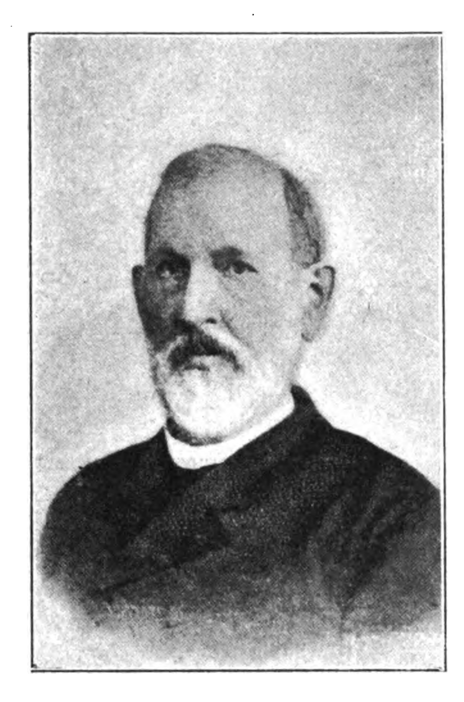
Заглавіе «Правда о мужчинѣ и женщинѣ» дано предлежащей книгѣ потому, что она наполнена истинами, засвидѣтельствованными на дѣлѣ первоклассными врачами и лучшими знатоками человѣческаго сердца, особенно сердца женщины,— знаменитымъ Бальзакомъ и геніальной писательницей графиней д'Агу, извѣстной подъ псевдонимомъ Даніэля Стерна.—Цѣль, которая побудила автора написать подобную книгу, состоитъ въ томъ, чтобы ознакомить читателей, непосвященныхъ въ таинства брачной жизни, съ нѣкоторыми подробностями и случайностями, нераздѣльными съ званіемъ супруга или супруги. Цѣлая жизнь женщины есть исторія страстей. Сердце для нее — вселенная, сказалъ кто-то, она отпускаетъ склонности на страхъ; она отдаетъ свою собственную душу въ мѣнѣ чувствованій—и горе, если ее постигнетъ кораблекрушеніе; дѣло ея безнадежно. Это—банкротство сердца: узнать ей покороче мужчину, для котораго любовь служитъ, по большей части, музыкою въ междудѣйствіяхъ, статья не послѣдняя въ календарѣ ея любознательности. Мужчину занимаетъ женщина, женщину—мужчина. Оба они созданы для совмѣстной жизни, для единой цѣли—размноженія человѣческаго рода. Отсюда понятно, что мужчина и женщина должны быть сильно заинтересованы взаимнымъ изученіемъ, какъ со стороны медицины, такъ и со стороны физіологической. Мужчина есть существо вольное и дѣятельное, женщина, напротивъ, болѣе прикована къ мѣсту: жизнь ея— домашняя и мечтательная. Мужчина—искатель выгодъ и славы: женщина вся создана для любви. Натуры ихъ различны, общественныя отношенія— противоположны. Между ними необходимы единство и гармонія во всѣхъ отношеніяхъ, какъ-то въ чувствахъ, понятіяхъ, возрастѣ и наклонностяхъ. А то часто бываетъ противное, особенно въ быту супружескомъ. Отдать себя другъ другу не трудно, но испытать несчастіе въ бракѣ—легко. Безъ того, молодые, почти всегда — разрушители своего счастія: они не думая и не примѣчая, портятъ все вокругъ себя, точно такъ же, какъ предаются излишеству въ любви. Находя все въ самихъ себѣ, они не заботятся о будущемъ. Они, какъ дѣти, нуждаются въ совѣтахъ, наставленіяхъ. Я почту себя достаточно счастливымъ, если книга моя послужитъ для нихъ спасительной доскою для перехода черезъ проливъ супружеской жизни. Вотъ главное и единственное желаніе: да будетъ союзъ любви для всѣхъ супруговъ, настоящихъ и будущихъ, символомъ довольства и счастія, да не исчезнутъ очарованія бытія: любите, любите! — Любовь не осязаема, но она видима. Она имѣетъ свою зарю, свое солнце, свои тучи, свою ночь: счастливы тѣ, для которыхъ свѣтитъ только солнце любви. Мужчина, не умѣющій любить, не есть совершенное созданіе Божіе. Любовь — это Божественная печать, которая облагораживаетъ и очищаетъ все, до чего прикасается. Повѣрьте, что женщина даже самая глупая способна любить, а мужчина, иногда и самый умный, подъ-часъ становится жалкимъ любовникомъ, наряжаясь въ дурацкій колпакъ.

Въ концѣ предисловія авторъ говоритъ: «Чувствую, что на меня обрушится громъ проклятій за эту, быть можетъ, неумѣстную диссертацію; сознаю, что я попаду подъ судъ литературнаго ареопага, что неумолимые члены его назовутъ меня вольнодумцемъ, глашатаемъ оригинальныхъ сужденій,—но я отдаюсь на благосклонность читателей и напередъ прошу у нихъ снисхожденія за смѣлый набѣгъ мой въ привольные оазисы брачной и безбрачной жизни.—Fial lux!»

Книжка по выходѣ въ свѣтъ была изъята изъ обращенія, какъ противная нравственности. — См. Остроглазова «Книжныя рѣдкости» въ «Русской Старинѣ» за 1891 годъ. — Купленъ мною экземпляръ за 3 рубля.

1565. Правда воли монаршей во опредѣленіи наслѣдника державы своей уставомъ державнѣйшаго Государя нашего Петра Великаго, отца отечества, Императора и Самодержца Всероссійскаго и прочая, и прочая, и прочая, сего 1722 году, февраля въ 14 день публикованнымъ, утверждена и всенародною присягою сви-

дѣтельствована, здѣ пространнѣе, простосердечныхъ ради, но маловѣдушихъ человѣкъ показуется. Печатается въ Московской типографіи, лѣта Господня 1722, августа въ 7 день.

Буслаевъ, Ѳедоръ Ивановичъ.

Проф. Московскаго университета и академикъ. Род. 13 апр. 1818 г. въ г, Керенскѣ. Умеръ 31 іюля 1897 г. подъ Москвой.

Эта рѣдчайшая брошюра напечатана гражданскимъ шрифтомъ въ листъ. На первыхъ страницахъ помѣщено краткое предисловіе къ читателю, а затѣмъ слѣдуетъ текстъ, написанный Ѳеофаномъ Прокоповичемъ.

Первое изданіе этой брошюры напечатано было въ количествѣ 1200 экземпляровъ; въ настоящее же время эта брошюра составляетъ библіографическую рѣдкость.

1566. Правда о пожарѣ Москвы. Сочиненіе графа Ѳ. Ростопчина. Переводъ съ французскаго А. Волкова. — Москва, въ университетской типографіи, 1823 г.— Въ 8 д. л., 69 стр.

Эта чрезвычайно любопытная брошюра посвящена И. И. Дмитріеву, Изданіе принадлежитъ Ширяеву.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры довольно рѣдки.

См. «Каталогъ книгъ Чертковской библіотеки», отдѣленіе первое—280.

1567. Правила боевыхъ порядковъ для пѣхоты, собираемой при г. Вознесенскѣ въ 1837 году. Санктпетербургъ, 1837 г.— Въ 16 д. л. 12 стр.

Въ концѣ книжки находятся 5 листовъ боевыхъ порядковъ, гдѣ полки означены красками.

Книжка довольно рѣдкая.

Кушенъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 2 рубля.

1568. Правила Высочайше утвержденныя для посѣтителей Императорской Публичной Библіотеки, съ пріобщеніемь перевода оныхъ на языки: латинскій, нѣмецкій и французскій. Спб. Въ типографіи Дрехслера, 1814 г. (8) 36 стр.

Это есть извлеченіе изъ подробныхъ правилъ, установленныхъ для управленія библіотекою.

Брошюра въ настоящее время довольно рѣдкая.

1569. Правила для составленія каталоговъ Императорской Публичной Библіотеки по азбучному порядку. Мая дня 1819 г. Печатано отъ начальства Императорской Публичной Библіотеки. Спб. Въ типографіи Императорскихъ театровъ 1819 г.—Въ листъ, 18 стр.

Эта рѣдкая брошюра была напечатана въ очень небольшомъ числѣ экземпляровъ, для употребленія только въ самой библіотекѣ, и въ продажу никогда не поступала.

1570. Правила, требованія и программы испытанія въ коммисіи физико-математической по отдѣленію естественныхъ наукъ, утвержденныя г. министромъ народнаго просвѣщенія 10-го декабря 1890 года. Одесса. Типографія штаба одесскаго военнаго округа, 1897 г.—Въ 8 д. л, 86 стран.

Эти правила изданы въ количествѣ только пятидесяти экземпляровъ и притомъ не для продажи

Корфъ, Модестъ Андреевичъ.

Графъ, русскій госуд. дѣятель, съ 1849 по 1861 годъ состоялъ директоромъ Спб. Публичной Библіотеки. Род. 1800 г., ум. 1872 г.

1571. Правила, требованія и программы испытаній въ коммиссіи физико-математическихъ наукъ. Утвержденныя г. министромъ народнаго просвѣщенія 19-го декабря 1890 года. Одесса, въ типографіи штаба одесск. воен. округа, 1897 г.— Въ 8 д. л., 36 стр.

Правила эти изданы въ количествѣ только пятидесяти экземпляровъ.

1572. Правило о пяти чинѣхъ архитектуры Якова Бороція де Вигнола. — Москва, 1709 года.—Въ 8 д. л.

См. объ этомъ рѣдкомъ изданіи «Отчетъ Импер. Публич. Библіотеки» за 1861 годъ, стр. 32-я, № 15.

1573. Право естественное, сочиненное профессоромъ Императорскаго Лицея Александромъ Куницинымъ. Спбургъ, въ типографіи Іоаннесова, 1818 г.—Въ 8 д. л., 3—3 и 135 стр.

Яковъ Березинъ-Ширяевъ въ своихъ «Матеріалахъ для библіографіи» говоритъ, что—«Это сочиненіе, состоящее изъ двухъ частей, заключаетъ въ себѣ первую книгу; вторая же книга, имѣющая четыре части, была издана въ 1820 году. Въ то время, когда Магницкій принялъ стѣснительныя мѣры противъ преподаваемыхъ въ лицеѣ и университетахъ наукъ и ихъ профессоровъ, обвиняемыхъ въ вольнодумствахъ, то книга Куницына была признана имъ столь зловредною, что ее осудили на сожженіе въ 1820 г., а въ 1821 году предали суду Куницына и профессоровъ университета Германа, Раупаха, Галича и Арсеньева. Вслѣдствіе этого, Куницынъ былъ уволенъ отъ всѣхъ должностей по министерству народнаго просвѣщенія и нѣсколько лѣтъ не могъ поступить на службу. Обѣ книги Куницына были сожжены въ большомъ количествѣ экземпляровъ, изъ которыхъ весьма немногіе, случайно сохранившіеся отъ истребленія, сдѣлались чрезвычайно рѣдкими».

Александръ Петровичъ Куницынъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, родился въ 1783 г. въ Тверской губерніи, Кашинскаго уѣзда, въ селѣ Коѣ. Сначала онъ воспитывался въ тверской семинаріи, а потомъ въ петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, гдѣ и окончилъ курсъ нравственно-политическихъ наукъ. По возвращеніи изъ заграницы въ 1811 году, онъ поступилъ адъюнктъ-профессоромъ въ царско-сельскій лицей и преподавалъ въ немъ философію и правовѣдѣніе. Послѣ постигшаго его несчастія и злобы къ нему Магницкаго, въ 1826 году, онъ поступилъ на службу во 2 Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, а потомъ состоялъ и по другимъ вѣдомствамъ. Кромѣ книги «Право естественное» Куницынъ написалъ еще нѣсколько другихъ сочиненій, какъ-то: «Краткое изображеніе взаимной связи государственныхъ свѣдѣній:» «Естественное частное и публичное право;» разныя литературныя и до наукъ относящіяся статьи, помѣщенныя въ «Сынѣ Отечества» и проч. Есть также нѣсколько историческихъ его сочиненій не изданныхъ. Куницынъ умеръ 1 іюля 1840 года, 57 лѣтъ отъ роду.

1574. Право на трудъ въ его историческомъ развитіи. Д-ра Рудольфа Зингера. Переводъ съ нѣмецкаго В. Д. Ульриха, съ предисловіемъ и примѣчаніями переводчика. — С.-Петербургъ, въ типо-

графіи Брауде, 1896 года.—Въ 8 д. л., 162 стр.

Предлагая вниманію русской публики переводъ брошюры д-ра Рудольфа Зингера, мы позволяемъ себѣ обратить вниманіе читателей на тотъ фактъ, что эта брошюра принадлежитъ къ числу тѣхъ работъ названнаго автора, которыя установили за нимъ репутацію серьезнаго изслѣдователя по вопросу права соціологіи. И дѣйствительно, трудъ д-ра Зингера отличается не только значительной эрудиціею, но и спокойнымъ, научно объективнымъ тономъ изложенія и полнымъ отсутствіемъ тенденціозности.

1575. Православная церковь въ Финляндіи. Напечатано по распоряженію Г-на оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода. Санктпетербургъ, сѵнодальная типографія, 1893 года.—Въ 8 д. л., 106 + 47 стр.

Очень обстоятельное и весьма добросовѣстное описаніе о состояніи Православной церкви въ Финляндіи—области, столь рѣзко отличающейся отъ прочихъ частей имперіи по своему административному, общественному и бытовому устройству.

Книга была издана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и притомъ не для продажи.

Согласно принятому въ нашей церковно-исторической наукѣ мнѣнію *), въ 1895 году исполнится триста лѣтъ со времени учрежденія на Финляндской окраинѣ каѳедры православнаго епископа корельскаго, викарія новгородскаго. Поэтому въ настоящее время представляется особенно желательнымъ и своевременнымъ привести, по возможности, въ ясность положеніе Православной церкви въ Финляндіи,—области, столь рѣзко отличающейся отъ прочихъ частей Имперіи по своему административному, общественному и бытовому устройству.

Историческая судьба Православной Российской церкви въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій была настолько богата событіями внѣшними и значительна по характеру внутренней церковной жизни, что вопросъ о томъ, какъ отразилась эта судьба на одной изъ недалекихъ областей Имперіи, можетъ быть весьма поучителенъ. Къ этимъ вѣкамъ относится и перенесеніи центра религіозной жизни изъ Москвы въ Петербургъ и необычайный подъемъ православно-народнаго самосознанія въ 1612, 1812 и 1876—8 гг.; за это же время, и особенно за послѣднее, просвѣтительно-миссіонерская дѣятельность Православной Россійской церкви получила такое развитіе, что должна была распространить свое попеченіе и на далекихъ жителей предѣловъ Центральной Азіи, Китая, Японіи и Америки.

Но вопросъ о современномъ состояніи Православной церкви въ Финляндіи, кромѣ того, настойчиво требуетъ изученія особенно въ виду цѣлаго ряда общихъ мѣропріятій, предпринятыхъ въ послѣдніе годы въ цѣляхъ объединенія этой окраины съ остальными частями Имперіи, однимъ изъ существенныхъ элементовъ государственной жизни коей, несомнѣнно, является дѣло Православія.

Нѣкоторыя подробности изъ внутренней церковно-приходской жизни православнаго населенія Финляндіи, а также изъ области взаимныхъ отношеній православныхъ жителей и инославнаго населенія той же окраины сдѣлались достояніемъ общей печати и невольно вызываютъ на размышленія о причинахъ и взаимной связи обсуждаемыхъ въ этой печати церковныхъ настроеній. Сюда относятся напр. появившіяся въ одномъ изъ петербургскихъ духовныхъ изданій **) слѣдующія извѣстія, подтверждаемыя и отчетомъ ревизора православныхъ финляндскихъ школъ: въ Либелицъ-Тайбольскомъ приходѣ, въ особенности вдоль западнаго берега озера Війни-Ярви, среди православнаго населенія значительно распространено сектантское ученіе хихулизма. Въ настоящее время главные дѣятели этой секты принадлежатъ къ православной средѣ. Секта хихулистовъ, отличающаяся особеннымъ фанатизмомъ, по ученію же своему довольно близкая къ русской сектѣ хлыстовъ, получила свое начало еще въ пятидесятыхъ годахъ въ финскихъ приходахъ Норвежской Лапландіи отъ нѣкоего пастора Лестадіуса и оттуда распространялась по сѣверной и средней Финляндіи странствующими проповѣдниками и проповѣдницами. Упомянутая мѣстность около озера Війни-Ярви чрезвычайно бѣдна православно-просвѣтительными средствами. Въ двухъ пунктахъ ежегодно на двѣ недѣли останавливается передвижная церковно-приходская школа, да

*) Проф. И. Чистовъ. Исторія Православной церкви въ Финляндіи и Эстляндіи. С.-Петербургѣ. 1856 г., стр. 47—49.

**) „Церк. Вѣстникъ“ 1889 г. № 32, ст р. 567.

разъ или два въ годъ сюда пріѣзжаетъ для вѣроучительной борьбы православный священникъ. Насколько такія средства борьбы съ возникающимъ зломъ недостаточны, можетъ свидѣтельствовать тотъ же упомянутый отчетъ, по которому Либелицъ-Тайбольскій приходъ оказывается вполнѣ «олютеранившимся», будучи при томъ поголовно грамотнымъ. Изъ глуши Куопіоской губерніи перенесемся въ населенные города западной Финляндіи, гдѣ есть и православные исповѣдники и православныя церкви. За рѣдкими исключеніями, здѣсь не бываетъ установленныхъ крестныхъ ходовъ, напр. обнесенія вокругъ храма плащаницы на утрени въ субботу Страстной недѣли, а выносъ православныхъ умершихъ изъ дома въ храмъ бываетъ или поздно вечеромъ или безъ священника, чтобы тѣмъ избѣжать неумѣстныхъ и кощунственныхъ выходокъ со стороны финской инославной толпы. Мало того, въ недавнее сравнительно время, на улицахъ Гельсингфорса былъ случай оскорбленія дѣйствіемъ православнаго священника, носившаго по исконному обычаю длинные волосы; при этомъ виновный остался безнаказаннымъ, такъ какъ, по свѣдѣніямъ мѣстной полиціи, онъ оказался ушедшимъ на морской промыселъ. Въ восточной Финляндіи, въ изстари православной Кореліи, старинный храмъ служитъ складомъ для сѣна, а молитвенный домъ едва ли не помѣщеніемъ для финскихъ лошадей. Такъ, къ г. Кексгольму принадлежитъ древняя крѣпостная церковь, упраздненная въ 1836 году. Колокольня, куполъ церковный и полъ этого зданія еще цѣлы; стоитъ и перегородка, на которой помѣщался иконостасъ, но стѣны и крыша очень ветхи, а оконъ и дверей совсѣмъ нѣтъ. Путешественникъ съ ужасомъ видитъ, что внутри этой упраздненной церкви свалено сѣно и чрезъ бывшія царскія врата равнодушно проходятъ въ шапкахъ даже православные люди. Въ Иломанскомъ приходѣ, на самой границѣ Олонецкой губерніи, лѣтъ двадцать тому назадъ, процвѣтали два большіе раскольническіе скита: Пайхкаламби и Мегри. Теперь эти скиты оставлены раскольниками. Говорятъ, что только одинъ начетчикъ-старикъ еще живетъ въ Мегри. Зимою 1890—1891 года въ сосѣднемъ лѣсу производились большія работы: по словамъ православныхъ, рабочіе фины, лютеране, держали въ молитвенномъ домѣ въ Пайхаламби своихъ лошадей, а иконы, къ прискорбію православныхъ, побросали изъ него вонъ. Какого письма, стараго или новаго, были эти иконы, вопросъ здѣсь посторонній: важно то, что священнымъ предметамъ, почитаемымъ церковью православной, оказано было открытое и крайнее пренебреженіе и даже поруганіе. Къ перечисленнымъ явленіямъ слѣдуетъ отнести также извѣстіе объ открытіи дѣйствій въ Финляндіи пресловутой «арміи спасенія». Если сопоставить между собою ту страшную энергію и громадныя матеріальныя средства, какими вообще располагаетъ эта армія, съ одной стороны, и ту разрозненность, бѣдность матеріальную и духовную, какою обыкновенно характеризуются православные исповѣдники въ Финляндіи, съ другой, то необходимость скорѣйшаго уясненія условій предстоящей борьбы не можетъ подлежать сомнѣнію. Можно было бы указать и еще нѣсколько случаевъ страннаго и непонятнаго на первый разъ положенія православнаго дѣла въ одной изъ областей православнаго государства. Но и перечисленнаго, полагаемъ, достаточно для того, чтобы побудить изслѣдователя приподнять завѣсу, закрывающую состояніе православной церкви въ Финляндіи отъ глазъ православныхъ исповѣдниковъ остальныхъ частей Имперіи, и, насколько возможно, освѣтить эту туманную картину, столь необычную для всякаго истинно русскаго человѣка.

Таковы поводы къ составленію предлежащаго очерка состоянія православной церкви въ Финляндіи. Разсматривать это состояніе только въ настоящемъ времени было бы неправильно, потому что это настоящее объясняется его прошлымъ и, до нѣкоторой степени, является его слѣдствіемъ. Поэтому въ составъ нашего очерка входятъ какъ церковно-историческія справки, такъ рядомъ съ ними и нѣкоторыя свѣдѣнія по этнографіи, статистикѣ и исторіи политической.

Матеріаломъ для очерка служили личныя наблюденія и свѣдѣнія, добытыя на мѣстѣ, въ Финляндіи, источники печатные, архивные документы и наконецъ текущая переписка заинтересованныхъ въ дѣлахъ православной церкви присутственныхъ мѣстъ. Вотъ важнѣйшіе изъ перечисленныхъ матеріаловъ:

а) Печатные:

1) Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи, особенно IV вып. С.-ПБ. 1875 г., стр. 1—271.

2) Кронидъ Малышевъ. Общее Уложеніе Финляндіи и дополнительныя къ нему узаконенія. С.-ПБ. 1891 г. I—XI, 1—1004 стр.

3) Финляндская окраина Россіи. Сборникъ статей, издан. редакціею Московскихъ Вѣдомостей. I вып. Москва. 1891 г. 1—635 стр.

4) Валаамскій монастырь и его подвижники. 2-е изд. Валаамскаго монастыря. С.-ПБ. 1889 г. 1—334 стр.

5) Еленевъ. Финляндскій современный вопросъ С.-ПБ. 1891 г. 1—225 стр.

6) Чистовичъ. Исторія Православной церкви въ Финляндіи и Эстляндіи. С.-ПБ. 1856 г. 1—112 стр.

7) Statistik Arsbok for Finland. 1889—90 и 1890—1891 г., годовой финляндскій альманахъ.

8) Шульцъ. О Финляндскихъ крестьянахъ. С.-ПБ. 1858 г. 1—34 стр.

9) Отдѣльный оттискъ статей изъ Церковнаго Вѣстника за 1888 г. №№ 32—39, 41—47. Изъ поѣздки по Финляндіи.

10) Статьи того же изданія 1888 г. №№ 40, 41; 1889 г. №№ 15, 32.

11) Статьи въ журналѣ Странникъ за 1863 г. XII кн. и 1866 XI кн.

12) Свящ. Оранскій. Двадцатипятилѣтіе русской народной школы въ Гельсингфорсѣ (1861—1889 г.) С.-ПБ. 1890. 1—24 стр.

13) Миронъ Смирновъ. Голосъ корела. Путевыя замѣтки и корельская поэзія. С.-ПБ. 1890 г. стр. 1—337.

14) Листки изъ настоящаго и прошлаго Финляндіи. Изд. Фрасера. С.-ПБ. 1891 г. 1—192 стр.

15) Уставъ и годовые отчеты русскаго благотворительнаго общества въ Финляндіи, съ 1872 по 1891 г.

16) Уставъ и годовые отчеты финляндскаго Православнаго братства св. Сергія и Германа съ 1885 по 1891 г.

17) Оттискъ ст. Русскаго Вѣстника «Русскій языкъ въ Финляндіи». Статья эта составлена, между прочимъ, на основаніи ст. Ю. Н. Верещагина: а) Знакомство съ Россіею въ Финляндскихъ школахъ и б) Финляндская элементарная школа въ ея прошломъ и настоящемъ.

18) Экземпляры Высочайшихъ Его Императорскаго Величества постановленій и объявленій по отдѣльнымъ вопросамъ, изъ которыхъ важнѣйшіе:

а) Объ общинномъ устройствѣ 1865 г.

б) Лютеранское Церковное Уложеніе 1869 г.

в) Законъ о православныхъ школахъ и духовенствѣ 1883 г. 5 марта.

19) Matrikeli Ludv. Wennerström, 1885 г. Отсюда нами заимствованы свѣдѣнія о матеріальномъ довольствѣ лютеранскаго духовенства Выборгской губерніи.

20) Отдѣльныя справки: въ трудѣ г. Оградина «Покореніе Финляндіи», въ историческихъ трудахъ Карамзина, Соловьева, Костомарова и Иловайскаго, а также въ соч. Преосвященнаго Филарета: «Житія Святыхъ».

б) Важнѣйшіе матеріалы архивные.

1) Дѣло Святѣйшаго Синода 1869—76 гг. По архиву № 178-а на 369 писанныхъ и печатныхъ листахъ.

2) Дѣло Св. Синода 1810 г. № 84.

3) Дѣло Канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода 1813—1824 гг. № 4711.

1576. Православное исповѣданіе вѣры, соборныя и апостольскія церкви восточныя.—Сочиненіе Кіевскаго Митрополита Петра Могилы. Исправленное и утвержденное на соборѣ, бывшемъ въ Яссахъ 1643 года, и одобренное отъ четырехъ восточныхъ патріарховъ греческихъ; переведено съ простаго греческаго языка, въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ. 1696 г.—Въ листъ.

Петръ Могила сочинилъ эту книгу на греческомъ и на латинскомъ языкахъ, для утвержденія и предохраненія православныхъ отъ возникшей въ тѣхъ краяхъ уніи, и послалъ свое сочиненіе на разсмотрѣніе греческимъ восточнымъ патріархамъ. По смерти уже сочинителя, книга была переведена на славянскій языкъ въ 1685 году, при Адріанѣ патріархѣ, самъ же митрополитъ Могила не успѣлъ

Петръ Могила.

Знаменитый Кіевскій Митрополитъ; род. 1596, ум. 1647 г.
Авторъ извѣстныхъ произведеній: «Евангеліе учительное», 1637 г., «Анѳологіонъ» изд. 1636 г., «Требникъ» изд. 1646 г. и др.

Автографъ Кіевскаго Митрополита

Петра Могилы.

издать оной въ свѣтъ на русскомъ языкѣ, по причинѣ скоропослѣдовавшей кончины его.

Книга замѣчательная, какъ по содержанію, такъ и по рѣдкости изданія.

1577. Православное исповѣданіе вѣры каѳолическія и апостольскія церквѣ восточныя.—Безъ означенія мѣста и года печати (1781 года).—368 страницъ (въ совр. кожанномъ переплетѣ).

Эта книга не была допечатана вслѣдствіе запрещенія за нѣкоторыя смѣлыя примѣчанія, присовокупленныя издателемъ П. Алексѣевымъ. Она прерывается на 368 стр. на 31 мъ вопросѣ, требующемъ объясненія о первомъ изъ блаженствъ Евангельскихъ.

Купленъ мною, хорошо сохранившимся, экземпляръ сего изданія за 6 рублей.

1578. Православный молитвенникъ, съ переводомъ на русскій языкъ и объясненіемъ смысла повседневныхъ и другихъ молитвъ, и проч. — С.-Петербургъ, типографія К. Вольфа, 1869 года.

Книга по выходѣ въ свѣтъ была изъята изъ обращенія и теперь весьма рѣдка.

См. каталогъ изданіямъ на русскомъ языкѣ, составленный Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати, по 1-е января 1894 года, № 918.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 5 рублей.

1579. Празднованіе двадцатипятилѣтія службы генералъ-адъютанта князя Владиміра Андреевича Долгорукова въ должности Московскаго генералъ-губернатора 31 августа 1890 года. Москва, въ университетской типографіи, 1891 г.—Въ 8 д. л., 288 стр.

Въ началѣ книги помѣщенъ высочайшій рескриптъ Его Императорскаго Величества, данный на имя Московскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта князя В. А. Долгорукова.—Далѣе слѣдуютъ телеграммы ихъ императорскихъ высочествъ, и затѣмъ—общій очеркъ дѣятельности князя В. А. Долгорукова.

Книга издана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и въ продажу не поступала.

1580. Практическіе совѣты начинающимъ заниматься библіографіей. Сочин. Вл Изм. Межовъ. С.-Петербургъ, типографія Габермана. 1881 года.—Въ 32 д. л., 31 стр.

Межовъ, Владиміръ Измаиловичъ.

Извѣстный русскій библіографъ. Род. 1831 г. ум. 1894 г.

Въ началѣ этой рѣдкой брошюрки авторъ говоритъ, что изъ всѣхъ занятій едва ли существуетъ неблагодарнѣе занятія библіографіей. На литературныхъ рынкахъ библіографическій трудъ цѣнится дешевле другихъ и спросъ на него менѣе значителенъ, чѣмъ, напримѣръ, на переводъ съ иностранныхъ языковъ. Если къ этому прибавить кропотливость и сухость труда, то не покажется удивительнымъ, что у насъ такъ мало истинныхъ библіографовъ, всецѣло преданныхъ занятіямъ библіографіею и съ любовью заносящихъ изо-дня въ день въ свою лѣтопись—заглавія книгъ и статей въ литературѣ и наукахъ.—Это чернорабочій, котораго трудъ не замѣчается, не оцѣнивается по достоинству, и много-много, если о немъ дастъ благосклонный отзывъ присяжный рецензентъ какого-либо періодическаго изданія. Часто ошибки и пропуски, которыхъ иногда и не въ состоянія избѣжать самый внимательный человѣкъ, ставятся ему въ огромную вину. Я говорю это по опыту, потому что самъ прошелъ чрезъ кавдійскіе фуркулы журнальной критики.

А между тѣмъ,—продолжаетъ далѣе авторъ,—библіографія, для всякаго серьезно занимающагося наукою, есть предметъ первой необходимости, безъ котораго онъ не можетъ сдѣлать шагу впередъ

на пути своихъ научныхъ изслѣдованій. Принявъ все это въ соображеніе, кажется страннымъ, даже непонятнымъ такое равнодушіе ученой публики къ библіографическимъ трудамъ.

Во все продолженіе своихъ занятій библіографіей, говоритъ В. И. Межовъ, я не издалъ на свой счетъ ни одного библіографическаго указателя или каталога, будучи вполнѣ убѣжденъ, что не только не вознагражу свой трудъ, но даже не выручу и четвертой части потраченныхъ на изданіе денегъ. Доказательствомъ этому можетъ служить ежегодно издаваемая мною на счетъ географическаго общества «Литература русской географіи, этнографіи и статистики», которой въ настоящее время вышелъ 21-й выпускъ за 1879 г.— Я, говоритъ авторъ, отпечатывалъ собственно для себя сто экземпляровъ и пустилъ ихъ въ продажу по весьма умѣренной цѣнѣ. И едва-едва всякими правдами и неправдами могъ сбывать въ теченіи двухъ лѣтъ отъ 60 до 80 экземпляровъ.

1581. Представленіе его папскому Святѣйшеству Пію VI о исправленіи въ римской церкви находящагося злоупотребленія.—Переводъ съ французскаго рукописнаго сочиненія Р. де-Ларіера, переведено Раутентштраухомъ въ Вѣнѣ, 1782 года.— Въ 8 д. л., 30 стр.

Это сочиненіе Р. де-Ларіера на французскомъ языкѣ; на русскій перевелъ Раутентштраухъ въ Вѣнѣ. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова за № 7013, сказано, что книга въ Россіи очень рѣдка.

1582. Прекрасная россіянка. 2 части. Съ дозволенія Управы Благочинія. Въ С.-Петербургѣ. Печатано въ вольной типографіи у Галченкова. 1784 года.— Въ 16 д. л. Часть 1-я 127 стр., часть 2-я 120 стр.

«Прекрасная россіянка» историческая повѣсть, переводъ съ нѣмецкаго языка, Спб. 1784 года, напечатана съ дозволенія Управы Благочинія. Авторъ книги говоритъ въ первой части, что— «нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ при описаніи какихъ-либо приключеній, выводить поколѣнія дѣйствующихъ лицъ отъ самой древности, украшать ихъ славными дѣлами и представлять читателямъ пространное оныхъ родословіе, думая чрезъ то придать своему сочиненію большую пріятность. Симъ затмѣваютъ они не токмо настоящее повѣствованіе, но отводятъ оное отъ точнаго разумѣнія и, ласкаясь увеселить читателя, наводятъ вмѣсто того ему не малую скуку; но я будучи отъ сихъ мыслей удаленъ, вывожу предпріемлемое повѣствованіе не отъ дальныхъ какихъ временъ, или древности, не описываю пространно государственныхъ дѣлъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ здѣсь замыкающихся, но говорю объ нихъ весьма кратко, поколику могутъ они быть надобными къ уразумѣнію сего повѣствованія. А что не объявляю я настоящихъ именъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ здѣсь особъ и оныя перемѣнилъ, къ тому побудили меня,—авторъ говоритъ, — особыя причины, о которыхъ всякой легко узнать можетъ».— См. «Опытъ россійской библіографіи» В. Сопикова, за № 9857. Книга въ настоящее время рѣдка.

Купленъ мною экземпляръ за 3 рубля.

1583. Прелести и ужасы разврата. Любопытные анекдоты и случаи. Сочиненіе О. Писарева. Москва, 1870 года.— Въ 8 д. л.

Эта рѣдкая книга содержитъ въ себѣ прелести и ужасы разврата публичнаго, тайнаго, женскаго, мужскаго, корыстнаго, безкорыстнаго, его исторію, статистику, современное состояніе, характеристическія особенности, обычаи и отношенія къ нему обществъ и правительствъ; любопытные анекдоты и случаи; жизнеописаніе знаменитыхъ своимъ развратомъ женщинъ всѣхъ временъ и народовъ, въ блескѣ и грязныхъ трущобахъ.

1584. Прерванные разсказы Искандера. Лондонъ. Русская книгопечатня, 1854 года—Въ 12 д. л. 197 стр.

Эта книжка содержитъ въ себѣ слѣдующіе весьма оригинальные разсказы: I.—Долгъ прежде всего. II.—Поврежденный. III.—Мимоѣздомъ. IV.— У доктора Крупова.

Книжка въ хорошо сохранившихся экземплярахъ рѣдка.

Купленъ мною экземпляръ за 5 рублей.

1585. Прибыль духовная, новымъ проявленіемъ моленій, еже о страстѣхъ Хри-

стовыхъ, о преславномъ имени Іисусовѣ, о покаяніи и проч. Въ Москвѣ, 1762 года.— Въ 12 д. л.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры сего изданія рѣдки.

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ, напечатанныхъ на словенскомъ и россійскомъ языкахъ отъ начала заведенія типографіи до 1813 года», за № 908.

1586. Привѣтствіе Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ отъ академіи кіевскія. Напеч. въ Кіевѣ, 1744 года.— Въ листъ, 84 стр.

Августѣйшей непобѣдимой Императрицѣ Ея Священнѣйшему Цесарскому Величеству, Елисаветѣ Петровнѣ, Самодержицѣ Всероссійской, природной своей всемилостивѣйшей Государынѣ: благополучнѣйшаго, отъ давнихъ лѣтъ, всѣмъ превождѣленнаго, въ прародительную свою отчину, богоспасаемый градъ Кіевъ, съ любезнѣйшимъ ея племянникомъ и наслѣдникомъ, внукомъ Петра Перваго, Его Императорскимъ Высочествомъ, Благовѣрнымъ Государемъ, Великимъ Княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ, купно со обрученною невѣстою его, Ея Императорскимъ Высочествомъ, Благовѣрною Государынею, Великою Княжною Екатериною Алексіевною, пришествія, со всеподданнѣйшимъ и ревностнѣйшимъ долголѣтственнаго благополучнаго самодержавствія желаніемъ, трегубымъ діалектомъ (русскимъ, латинскимъ и польскимъ) сложенными рѵѳми, привѣтствуетъ и тыжде всеподданнѣйше приноситъ православная академія кіевская, 1744 года, августа. Печатано въ Кіевопечерской типографіи.

Затѣмъ на второмъ листѣ помѣщено заглавіе на латинскомъ, а на третьемъ—на польскомъ языкахъ. Потомъ слѣдуетъ одобреніе. — См. «Опытъ россійск. библіографіи» Вас. Сопикова, № 909, и объяснительное описаніе старопечатныхъ книгъ П. Строева—№ 252.

1587. Пригожая повариха или похожденіе развратной женщины. Часть 1-я Въ Санктпетербургѣ, 1770 года. — Въ 12 д. л., 8+109 стр.

Эта рѣдчайшая книга начинается посвященіемъ «Его высокопревосходительству дѣйствительному камергеру и разныхъ орденовъ кавалеру премногомилосердому государю» и проч.— Далѣе, въ предисловіи своемъ авторъ говоритъ:— «не называю этого вельможи, чтобы не ошибиться, потому что иногда посвященіе книги похоже на сатиру лица, кому она подносится»;—посвящаетъ же онъ свое сочиненіе—«Его в—ву, ибо титулъ этотъ украшаетъ книгу». — Затѣмъ слѣдуетъ самое посвященіе, съ общими мѣстами и въ концѣ его сказано, что имя знатнаго лица, кому она подносится, узнаетъ общество тогда, когда будетъ имѣть счастье пользоваться его благодѣяніями. — За этимъ слѣдуетъ «предувѣдомленіе»:

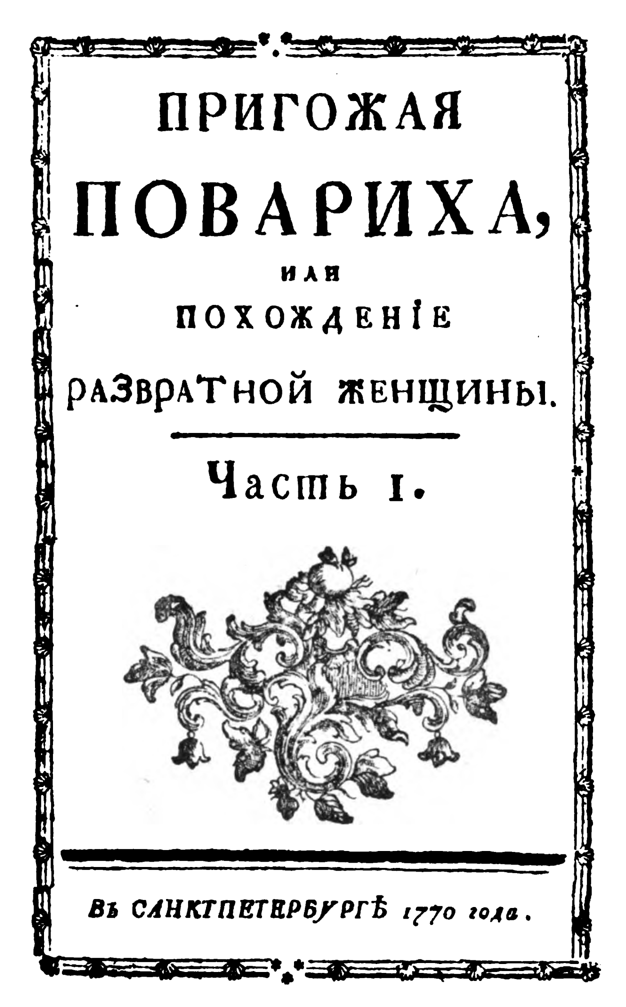
«Ни звѣри, ни скоты наукъ не разумѣютъ,
Ни рыбы, ни гады, читать не умѣютъ,
Не спорятъ о стихахъ между собою мухи
И все летающіе духи».

Подробное описаніе этой весьма замѣчательной книжки смотри въ «Библіографическихъ Запискахъ»—«Пригожая повариха», по словамъ г. Лонгинова, имѣла въ свое время большой успѣхъ. Авторъ не объявилъ своего имени, и неизвѣстно почему ограничился изданіемъ одной только первой части.—Въ росписи Смирдина сочинителемъ «Пригожей поварихи» означенъ М. Чулковъ.

См. у Губерти—часть 2-я, № 166. — У Сопикова—№ 13099; гдѣ сказано—«книга прерѣдкая».—У Геннади въ «Книжныхъ рѣдкостяхъ»—№ 47.—У Плавильщикова—№ 4687.— У Смирдина—№ 8435.—У Остроглазова—въ «Книжныхъ рѣдкостяхъ»—№ 91.— У Лонгинова—въ «Современникѣ» за 1856 г. № VIII, — У Бурцева — томъ IV, № 728.

Эта библіографическая рѣдкость цѣнится въ настоящее время отъ 60 до 100 рублей, смотря по степени сохранности.

Вслѣдствіе вышеобъясненнаго, книжка эта, какъ величайшая рѣдкость, для большинства—не всегда доступна. Въ виду же ея историческаго интереса она заслуживаетъ особаго къ себѣ вниманія. Поэтому, я счелъ не лишнимъ для любителей привести ее здѣсь полностію, въ достословной перепечаткѣ, съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника.

ПРИГОЖАЯ

ПОВАРИХА,

или

ПОХОЖДЕНІЕ

РАЗВРАТНОЙ ЖЕНЩИНЫ.

Часть I.

Въ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1770 года.

Заглавный листъ на книгѣ
«Пригожая повариха»,
соч. М. Чулкова. По рѣдкому экз. изъ собранія А. Бурцева.

Его Высокопревосходительству

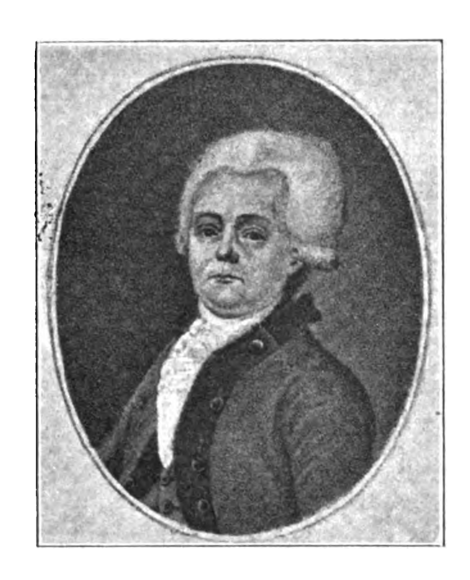
Дѣйствительному камергеру и разныхъ орденовъ

кавалеру

Премногомилосердному моему Государю.

Здѣсь имени его не будетъ по причинѣ той, чтобъ не ошибиться. Книги приписываются людямъ, смотря по содержанію ихъ, и по сложенію тѣхъ людей, кому онѣ приносятся. Я же видалъ много такихъ книгъ, которыя приносилися знатнымъ господамъ, но вмѣсто того, чтобы добродѣтели ихъ увеличить, послужили онѣ имъ сатирою. Такъ какъ бы кто желая похвалить своего мецената, но не зная въ похвалахъ толку и умѣренности, весьма нелѣпо его выругалъ. И такъ опасаяся сего, и сверхъ того не зная доброты сочиненной мною книги, никому именно ее не приписываю. Титулъ же высокопревосходительства украшаетъ человѣка, того ради и я поставилъ его для украшенія моей книги, однако не высокопревосходительствомъ желая ее украсить, но тѣми только буквами, изъ которыхъ слово сіе набрано и напечатано; и слѣдующее письмо приношу всякому высокопревосходительному и высокодобродѣтельному господину генералу камергеру и кавалеру, котораго изрядныя качества, снисхожденія и милости выхвалять отъ искренняго моего сердца неусыпно желаю.

———

Чулковъ М. Д.

Ваше Высокопревосходительство

Милостивый Государь!

Все, что ни есть на свѣтѣ составлено изъ тлѣна, слѣдовательно, и приписуемая вамъ сія мною книга сдѣлана изъ тлѣна. Все на свѣтѣ коловратно; и такъ книга сія теперь есть, нѣсколько времени побудетъ, наконецъ истлѣетъ, пропадетъ и выдетъ у всѣхъ изъ памяти. Человѣкъ родится на свѣтъ обозрѣти славу, честь и богатство, вкусить радость и утѣху, пройти бѣды, печали и грусти; подобно и книга сія произошла на свѣтъ съ тѣмъ, чтобы снести ей нѣкоторую тѣнь похвалы, переговоры, критику, негодованіе и поношеніе. Всьо сіе съ нею сбудется, и наконецъ превратится въ прахъ, какъ и тотъ человѣкъ, который ее хвалилъ, или порочилъ.

Подъ видомъ и подъ названіемъ книги желаніе мое предпоручить самово себя подъ покровительство вашего высокопревосходительства: желаніе общее всѣхъ людей, которые не имѣютъ у себя царскихъ портретовъ. Производятся люди достойные, слѣдовательно разумъ, добродѣтели и снисхожденія ваши возвели васъ на сію высокую степень. Вамъ сродно оказывать милости неимущимъ, а я удобенъ заслуживать оныя со всякимъ усердіемъ. Кто же вы таковъ, о томъ узнаетъ общество тогда, когда будетъ имѣть щастіе пользоваться вашими благодѣяніями.

Вашего Высокопревосходительства

Милостиваго Государя

нижайшій слуга

Сочинитель сея книжки.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Ни звѣри, ни скоты наукъ не разумѣютъ,
Ни рыбы, ни гады читати не умѣютъ,
Не спорятъ о стихахъ между собою мухи
И все летающіе духи.
Ни прозой, ни стихомъ они не говорятъ,
Такъ стало, что они и въ книгу не глядятъ.
По сей причинѣ зримой
Читатель мой любимой
Конечно будетъ человѣкъ,
Который весь свой вѣкъ
Въ наукахъ и дѣлахъ трудится
И выше облака понятіемъ мостится
И будто бы тово онъ въ мысляхъ не имѣлъ,
Что разуму ево и волѣ есть предѣлъ.
Всѣхъ тварей оставляю,
Къ тебѣ о человѣкъ! я рѣчь мою склоняю,
Ты чтецъ,
Дѣлецъ,
Писецъ,
И словомъ вымолвить ты многое умѣешь,
Въ верхъ дномъ ты книги взять конечно не умѣешь,
А станешь съ головы разсматривать ее,
И будешь видѣть въ ней искуство все мое,
Погрѣшности мои всѣ въ оной находи,
Но только ты мой другъ не строго ихъ суди,
Ошибки сродны намъ, а слабости приличны,
Погрѣшности творить всѣ смертные обычны.
Съ начала вѣка мы хотя въ наукахъ бродимъ.
Однако мудреца такова не находимъ,
Который бы въ весь вѣкъ ошибки не имѣлъ,
Хотя бы онъ къ тому и танцовать умѣлъ,
А я не поученъ ни въ дудку, ни плясать,
Такъ слѣдовательно могу и промахъ дать.

ПРИГОЖАЯ ПОВАРИХА.

Я думаю, что многія изъ нашихъ сестеръ назовутъ меня нескромною; но какъ сей порокъ по большой части женьщинамъ сроденъ, то не желая противъ природы величатьсн скромною, пускаюся въ него съ охотою. Увидитъ свѣтъ, увидѣвъ, разберетъ; а разобравъ и взвѣся мои дѣла, пускай наименуетъ меня, какою онъ изволитъ.

Извѣстно всѣмъ, что получили мы побѣду подъ Полтавою, на которомъ сраженіи убитъ нещастной мужъ мой. Онъ былъ не дворянинъ, не имѣлъ за собою деревень, слѣдовательно осталася я безъ всякаго пропитанія, носила на себѣ титулъ сержантской жены, однако была бѣдна. Отъ роду мнѣ было тогда девятнадцать лѣтъ, и для тово бѣдность моя казалася мнѣ еще несноснѣе; ибо не знала я обхожденія людскова, и не могла пріискать себѣ мѣста, и такъ сдѣлалася вольною по причинѣ той, что насъ ни въ какія должности не опредѣляютъ.

Въ самое ето время наслѣдила я пословицу: «Шей де вдова широки рукава, было бы куда класть небыльныя слова». Весь свѣтъ на меня опрокинулся, и столько въ новой моей жизни меня возненавидѣлъ, что я не знала, куда приклонить мнѣ голову.

Всѣ обо мнѣ переговаривали, винили и порочили меня тѣмъ, чево я совсѣмъ не знала. Такимъ образомъ ударилася было я въ слезы; но честная старушка, которая извѣстна была всему городу Кіеву, ибо въ ономъ я тогда находилась, взяла меня подъ свое покровительство, и столько сожалѣла о моемъ нещастіи, что на другой день поутру сыскала молодова и статнаго человѣка для моего увеселенія. Сперва показалася была я упорною, но черезъ два дни охотно предпріяла слѣдовать ея совѣтамъ, и позабыла совсѣмъ свою печаль, которую чувствовала я невступно двѣ недѣли по кончинѣ моего супруга. Сей человѣкъ былъ больше молодъ, нежели хорошъ, а я пригожа довольно, а «на красненькой цвѣточекъ и пчелка летитъ». Онъ былъ Дворецкой нѣкотораго господина, и тратилъ деньги безъ остановки потому, что онѣ были прямо господскія, а не ево собственныя. Такимъ образомъ были онѣ доказательствомъ любви ево ко мнѣ, и служили вѣчнымъ залогомъ. Въ скоромъ времени почти весь гостинной дворъ узнали, что я великая охотница покупать нужныя вещи и бездѣлицы, и поминутно почти прирастали въ нашемъ домѣ пожитки, и прибывало имѣніе.

Я твердо знала сію пословицу, что «богатство рождаетъ честь». И такъ наняла себѣ служанку, и начала быть госпожею. Умѣла ли я людьми командовать, или нѣтъ, о томъ и сама не знаю, да мнѣ и не было тогда нужды входить въ такую мелочь, а довольно тово, что я ни за что сама приняться не хотѣла, и ѣхала на моей служанкѣ такъ, какъ дуракъ на ослѣ. Господинъ Камердинеръ и самъ желалъ не меньше меня господствовать, того ради нанялъ мальчишку, чтобъ оной прислуживалъ ему тогда, когда бесѣдуетъ онъ у меня, а у меня бывалъ онъ безвыходно, слѣдовательно господство наше ни на минуту не прерывалось, и мы кричали на слугъ такъ, какъ на своихъ собственныхъ, били ихъ и бранили, сколько намъ угодно было, по пословицѣ: «на что етова боля, когда дураку есть воля». Да мы же поступали такъ, что: «били дубьемъ, и платили рублемъ».

Чѣмъ больше имѣетъ убранства женщина, тѣмъ больше бываетъ въ ней охоты прохаживаться по городу, и отъ тово наши сестры многія портятся, и попадаютъ подъ худыя слѣдствія. Я была довольна всѣмъ, и всякой ясной день бывала на гульбищахъ, многіе меня узнали, и многіе хотѣли завести со мною знакомство.

Нѣкогда близко полуночи стучался у нашихъ воротъ человѣкъ, который не столько просился, а больше хотѣлъ вломиться силою. Мы бы ево и не пустили. однако силы нашей не доставало, а господина Камердинера у насъ тогда не было: такимъ образомъ послала я слугу отпирать, старуха моя готовилася ево встрѣтить, а я тогда спряталася и думала, что не Парисъ ли пріѣхалъ за Еленою по причинѣ той, что я была завидная женщина въ томъ городѣ; или по крайней мѣрѣ такъ о себѣ думала.

Отперли имъ ворота, и вошли они въ горницу двое, одинъ казался изъ нихъ слугою, а другой господинъ, хотя и одѣтъ былъ похуже перваго. Не говоря ни слова, сѣлъ онъ за столъ, и немного посидя вынулъ табакерку, осыпанную алмазами. Старуха моя тотъ часъ ее обозрѣла, отъ чево трусость ее перемѣнилася въ радость, и перестала

она сихъ людей почитать непріятелями нашего рода. Молодой етотъ и пригожей человѣкъ спрашивалъ у нее, не здѣсь ли живетъ Мартона, а такъ называлася я, на что отвѣчала она, я етова не знаю, а спрошу у моево хозяина. И такъ прибѣжавши ко мнѣ, говорила, что бы я имъ показалась, и что золотая табакерка увѣрила ее о нѣкоторомъ щастіи, и притомъ примолвила сію пословицу: «азъ не безъ глазъ, про себя вижу». Въ такихъ случаяхъ и я была не промахъ, и къ щастію моему, что я не была еще тогда раздѣта, такимъ образомъ появилася къ новому моему Адониду съ торжественнымъ лицомъ и благородною ошибкою, и правду сказать, что принята имъ была хотя не за Венеру, однако за посредственную Богиню, по притоворкѣ: «по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ». Въ самой первой разъ показался онъ мнѣ столько пѣженъ, что въ угодность ево охотно бы я бросила Камердинера, а какъ подарилъ онъ мнѣ эту табакерку, то уже мнѣ и подло показалось имѣть сообщеніе съ холопомъ. По золотому съ алмазами подарку заключила я, что сей человѣкъ не простова роду, въ чемъ и не ошиблась. Онъ былъ господинъ, и господинъ не послѣдней. Первое сіе свиданіе было у насъ торгомъ, и мы ни о чемъ больше не говорили, какъ заключали контрактъ, онъ торговалъ мои прелести, а я уступала ему оныя за приличную цѣну, и обязалися мы потомъ росписками, въ которыхъ была посредникомъ любовь; а содержательница моя свидѣтелемъ; а какъ такіе контракты не объявляются никогда въ Полиціи, то остался онъ у насъ и безъ всякаго приказнаго порядка ненарушимымъ. Господинъ положилъ посѣщать меня часто, а я обѣщалася принимать ево во всякое время и такъ съ тѣмъ расталисъ.

По выходѣ ево, не столько радовалася Венера данному ей яблоку, сколько любовалася я подаренной мнѣ табакеркою. Перевертывала я ее въ рукахъ, сколько хотѣла, казала сто разъ старухѣ, слугѣ и служанкѣ, и когда что говорила, то указывала всегда табакеркою, и всѣ примѣры дѣлала ею. А когда чрезвычайная сія радость позволила успокоить мнѣ взбѣшенной отъ подарка разумъ и утомленные отъ неумѣреннаго кривлянія члены, тогда положила я ее противъ кровати на столикѣ и уснула; но впрочемъ и во снѣ живо она представлялася передо-мною по пословицѣ: «кто новаго не видалъ, тотъ и поношенному радъ». Правду сказать, что табакерка была нѣсколько побита; но для меня казалася она нова, ибо я отъ роду такихъ вещей у себя не имѣла, и имѣть ихъ никогда не надѣялась.

Въ десятомъ часу по полуночи пожаловалъ ко мнѣ прежній мой волокита; признаюсь, что такъ скоро отбоярить ево совѣсть меня зазрѣла, а не желая имѣть съ нимъ компаніи, притворилася я больною; а любезной для меня подарокъ позабыла снять со столика, и какъ скоро онъ его увидѣлъ, то взявъ въ руку, и посмотря нѣсколько спрашивалъ меня, гдѣ я взяла такую вещь? я ему сказала, что я купила. Постой моя сударыня, говорилъ онъ мнѣ: я съ тобой инаково передѣлаюся. Табакерка ета моево господина, и онъ вчерась только ее проигралъ въ карты, какъ самъ мнѣ о томъ сказалъ, такъ скоро купить тебѣ ее негдѣ, и она тебѣ подарена какимъ нибудь мотомъ, то ето станется. Я по сихъ поръ думалъ, что я одинъ только знакомъ тебѣ, а теперь вижу, что и весь городъ посѣщаетъ тебя по очереди. Я тотъ часъ покажу всѣмъ, сколько ты великолѣпна, теперь же пойду, и приведя лошадей, оберу тебя до нитки, наживай отъ инова, а мое возврати все до капли. Выговоривъ сіе онъ ушолъ, и оставилъ меня въ ужасномъ страхѣ, мы не знали, что тогда дѣлать, бѣжать намъ было некуда, а защитить насъ было некому; ибо у такихъ людей, какова была я тогда, пріятелей не бываетъ, причиною тому неумѣренная наша гордость. И такъ положили ждать непремѣннаго несчастія и разставанія съ нашимъ господствомъ. На новаго любовника еще я столько не надѣялась, и думала, что когда увидитъ онъ меня бѣдною, то конечно броситъ. Всякое предвѣщеніе тогда для насъ было худо, и я бы согласилась тогда лучше умереть, нежели разстаться съ моимъ имѣніемъ, столько то я ево почитала и любила.

Съ полчаса времени спустя, пришолъ ко мнѣ новой любовникъ къ пущему моему несчастію; что мнѣ должно было дѣлать? Я была тогда вся въ безпорядкѣ, погибель ко мнѣ приближалася, и еще новой человѣкъ долженъ быть свидѣтелемъ нещастія моего и ругательства. Увидѣвъ меня въ слезахъ, привязался онъ ко мнѣ, и началъ меня спрашивать, я ему ничево не отвѣчала и бросилась въ постелю. Въ самое то время вошолъ ка-

мердинеръ во дворъ, и идучи въ горницу кричалъ: я съ тобою передѣлаюсь; но увидѣвъ стоящаго у кровати моей человѣка, схватилъ съ головы своей шляпу и очень струсилъ, такъ что не могъ говорить больше ни слова. Новой мой любовникъ спрашивалъ ево, съ кѣмъ онъ поссорился, и за чѣмъ зашолъ въ такое мѣсто. Трусость ево не дозволяла ему хорошенько изъясниться, и такъ солгалъ онъ раза два или три безъ правилъ, а какъ господинъ закричалъ ему, чтобы онъ пошолъ домой, то тѣмъ дѣло и кончилось.

Въ одну минуту, какъ превеликая гора съ плечъ моихъ свалила, и мнѣ казалось, что ужасная туча бѣдъ моихъ такъ скоро пробѣжала, что не успѣла закрыть и солнца. Не трудно мнѣ было разобрать, что промѣняла я слугу на господина, и узнала совершенно, что гнѣвъ камердинеровъ въ то время не опасенъ, когда ево же господинъ держитъ мою сторону. Мнѣ надобно было совсѣмъ переодѣться, то есть перевернуться изъ страхъ въ несказанную радость, а какъ я часто читывала книжку «Бабьи увертки», и прилежала, чтобъ научиться мнѣ, то превращеніе сіе казалось мнѣ не весьма мудренымъ.

Начала я помаленьку охать такъ, какъ будто бы еще училась въ случаѣ нужды разнемогаться, и сказала Свѣтону, такъ назывался мой любовникъ: что сдѣлался мнѣ нѣкоторой припадокъ. Тутъ то узнала я ево благосклонность ко мнѣ и раченіе. Въ одну минуту послалъ онъ за лѣкаремъ, которой хотя и пріѣхалъ, однако совсѣмъ былъ не надобенъ, а господинъ Свѣтонъ и однимъ словомъ удобенъ былъ исцѣлить меня отъ самой сильной горячки. Съ етихъ поръ опредѣлилъ онъ мнѣ двухъ человѣкъ своихъ собственныхъ къ моимъ услугамъ, прислалъ мнѣ въ тотже день серебреной сервизъ иль попросту посуду; и въ самой первой разъ какъ сѣла я кушать съ моею старухою, которая, правду выговорить, не умѣла сѣсть къ ставцу лицомъ и приняться за ложку, да и я была тогда немного ее посмысленѣе, то выговорила про себя сію пословицу: «доселева Макаръ гряды копалъ, а нынѣ Макаръ въ воеводы попалъ». Щастіе никому не даетъ отчоту въ своихъ дѣлахъ, вольно ему пожаловать и осла Губернаторомъ, и Филина произвести въ воеводскіе товарищи.

Адонидъ мой былъ человѣкъ свѣтской и зналъ дѣйствительно, какъ поступается въ дѣлахъ любовныхъ. Поутру прислалъ ко мнѣ своего камердинера, а моего прежняго полюбовника, чево онъ не вѣдалъ, съ подарками. Оной привезъ мнѣ цѣлую ношу женскихъ уборовъ, и кланялся мнѣ такъ, какъ госпожѣ, а не такъ какъ своей любовницѣ, и когда я просила ево, чтобы онъ сѣлъ, то отвѣчалъ онъ мнѣ весьма учтиво, что етой чести для нево очень много. Чудно мнѣ было очень, что одна ночь сдѣлала меня госпожею и повелительницею надъ моимъ бывшимъ командиромъ. Приняла я подарки съ важнымъ и благороднымъ видомъ такъ, какъ надлежитъ любовницѣ знатнаго господина, и вынувъ изъ кармана полуимперіалъ дала ево камердинеру, которой принялъ у меня и вздохнулъ весьма отъ чистаго сердца, потомъ просилъ, чтобы я выслушала у нево нѣчто насдинѣ, и когда вышли мы въ другую комнату, то сталъ онъ передо мною на колѣни и говорилъ слѣдующее: Государыня моя! теперь я уже не тотъ, которой намѣренъ былъ обобрать у васъ всіо, я вамъ всіо уступаю, владѣйте имъ по пословицѣ: «деньги желѣзо, платье тлѣнъ; но кожа всево намъ дороже». Прошу васъ объ одной только милости, не сказывайте моему господину, что я былъ вамъ знакомъ; а въ благодарность за это я буду держать вашу сторону и помогу вамъ раззорять ево до конца. Признаюсь, сколько я ни была безсовѣстна и сребролюбива, однако такое камердинерово усердіе къ своему господину показалось мнѣ негоднымъ. Впрочемъ добродѣтель мнѣ была и издали не знакома, и такъ на двухъ словахъ согласилися мы съ прежнимъ моимъ любовникомъ проматывать ево господина; однако не удалося намъ произвести намѣренія нашего въ дѣйство, по пословицѣ: «не всегда-де коту масленица, бываетъ и великой постъ». А что воспрепятствовало, то можно увидѣть далѣе, ежели господинъ читатель не скучилъ еще читать мое похожденіе.

Съ недѣлю времени наслаждалася я венеринымъ достоинствомъ и не промѣняла бы участи моей ни на какое сокровище въ свѣтѣ; но какъ всѣмъ извѣстно, что щастіе недолговѣчно, и нѣтъ ничево ево непостояннѣе, то фортуна моя поскользнулась и пошла совсѣмъ уже другимъ порядкомъ. Свѣтонъ получилъ письмо отъ отца, который писалъ ему, что бы онъ весьма скоро былъ по причинѣ той, что отецъ ево чувствовалъ себя гораздо слабымъ и отчаяннымъ сей жизни. Писмо сіе привело въ

такую задумчивость моего любовника, что онъ не зналъ, что со мною дѣлать, отцовская болѣзнь была ему чувствительна, но разставаніе со мной превосходило оную несказанно. Нѣжности любовныя уступили на время выдумкамъ, оныя начиналися о мнѣ, о мнѣ и кончилися, я была предметомъ Свѣтонова безпокойства, и я одна утѣшала ево въ сей печали, и онъ бы охотно желалъ лишиться отца, только бы не разлучиться со мною.

Добрый конь не безъ сѣдока, а честной человѣкъ не безъ друга. Сосѣдъ Свѣтоновъ, видя ево въ великой печали, предложилъ ему такое средство. Свѣтону ѣхать со мною вмѣстѣ, и привезя меня, оставить въ ево деревнѣ, которая отъ Свѣтоновыхъ деревень отстоитъ только шестью верстами; а онъ отпишетъ къ своему брату о принятіи меня по угощеніи, и назоветъ меня близкою жениною роднею, и что Свѣтонъ, можетъ посѣщать меня тамо, когда онъ изволитъ, безъ всякаго помѣшательства. Какъ предложено, такъ и сдѣлано, и за такую хорошую выдумку подарилъ любовникъ мой сосѣду своему перстень, цѣною въ пятьсотъ рублевъ. Въ тотъ же самой день собрались мы и поѣхали. Питомица моя не хотѣла за мною слѣдовать, и такъ оставила я ее на своемъ мѣстѣ, и наградила столько щедро, сколько надобно было любовницѣ знатнаго господина; а разсталася съ нею безъ слезъ; ибо я не знала, что то есть на свѣтѣ благодарность, и о томъ ни отъ ково не слыхивала, а думала, что и безъ нее прожить на свѣтѣ возможно.

Въ срединѣ нашего пути объявилъ мнѣ Свѣтонъ, что онъ женатъ, и женился недавно, и увѣрилъ меня, что жены своей не любитъ, причина тому, что родители часто женятъ своихъ дѣтей не на тѣхъ, ково захотятъ дѣти, но условливаются сами между собою, и приневоливаютъ къ тому дѣтей, отъ чево рѣдко бываетъ согласіе между мужемъ и женою. Свѣтонъ увѣрилъ меня, что такъ же и съ нимъ поступлено; однако вѣдомость сія стоила мнѣ добрыхъ пилюль, и отъ тово я въ два дни такъ похудѣла, какъ будто бы съ мѣсяцъ лежала въ горячкѣ. Я не грустила о томъ, что лишуся моего любовника, но боялася я нечево, которое гораздо пострашнѣе было любовной разлуки. Я бы могла, или чувствовала себя способною въ одинъ перенести три разлученія съ любовникомъ, неужели одинъ такой пріомъ, которымъ потчиваютъ благородныя жены нашу братью за похищеніе ихъ мужей; а сердце мое прямо предчувствовало такую бурю, и я бы охотно согласилась назадъ воротиться, нежели слѣдовать за Свѣтономъ, но онъ, любя меня къ нещастію моему весьма много, не хотѣлъ о томъ и слышать и уговаривалъ меня, что жена должна ему повиноваться и принимать всіо то за хорошее, что только ему угодно.

Такая пѣсня была бы мнѣ пріятна въ городѣ, но тутъ чѣмъ ближе подъѣзжала я къ деревнѣ, тѣмъ больше страхъ во мнѣ часъ отъ часу умножался: «знаетъ де кошка, чье мясо она съѣла». Наконецъ привезли меня въ назначенное мнѣ мѣсто, гдѣ принята была я съ великою радостію, ибо братъ тово, который писалъ писмо, подумалъ и въ подлинну, что я жены ево родня. Такимъ образомъ поблагодарила я Свѣтона, что онъ дѣлалъ мнѣ товарищество въ дорогѣ, и осталась тутъ всѣмъ довольною.

На другой день по утру еще не успѣло разсвѣнуть, любовникъ мой пожаловалъ ко мнѣ для посѣщенія, онъ меня чрезвычайно обрадовалъ, сказавъ, что отецъ ево совсѣмъ выздоровѣлъ, и что мы очень скоро опять отправимся въ городъ. Жена моя хочетъ со мною ѣхать, говорилъ онъ мнѣ еще, но ето такъ немудрено передѣлать, какъ дважды два четыре, и она опять останется здѣсь. Такимъ образомъ готовяся опять въ дорогу, имѣли весьма нерѣдкое свиданіе, и правду сказать, что господинъ Свѣтонъ больше находился со мною, нежели былъ дома, что и здѣлалося наконецъ причиною моего нещастія.

Супруга не умедлила подозрѣвать своего сожителя, и увѣдавъ отъ людей, хотя и накрѣпко имъ было заказано сказывать о моемъ пребываніи, послала она за хозяиномъ таво дома, въ которомъ я находилась, и безъ дальнихъ околичностей разобрала тотъ часъ мое достоинство, и согласилась съ хозяиномъ, вывѣдать то совершенно для тово, что и тотъ уже подозрѣвалъ меня, по пословицѣ: «шило въ мѣшкѣ не утаишь», или «видѣнъ соколъ и по полету».

Въ нѣкоторое время, когда сидѣли мы одни съ Свѣтономъ, и по слабости человѣческой впустилися въ любовь, въ самое то время отворился шкафъ, которой на бѣду мою стоялъ въ той комнатѣ, изъ онаго вышла женщина и сказала намъ, часъ доброй друзья мои! Любовникъ мой спрыг-

нулъ, а я вскочила, онъ ушолъ изъ комнаты, а я вытерпѣла ударовъ съ десятокъ ладонью по щекамъ, ето было начало; а о концѣ я не скажу изъ учтивости къ себѣ. Довольно и тово, что въ скоромъ времени появилася я на чистомъ полѣ, не имѣя ничево и безъ проводника. Горько мнѣ тогда было, и чувствовала я прямо свое нещастіе, которое окружало меня со всѣхъ сторонъ, но чтожъ было дѣлать? «неправъ медвѣдь, что корову съѣлъ, неправа и корова, что въ лѣсъ забрела».

Лѣса и поля мнѣ были незнакомы, они были мнѣ не любовники, не прельщались моей красотою, и мнѣ ни чево не давали, слѣдовательно находилася я въ крайней бѣдности. Къ вечеру набрела я на нѣкоторую деревню, гдѣ принуждена была промѣнять шолковое платье на крестьянскую одежду; ибо совѣсть меня зазирала путешествовать въ ономъ, а въ то время еще не прижилася я во оной. Такимъ образомъ обмундировалася терпѣніемъ и тою одеждою и пустилася въ путь. Въ дорогѣ ничево со мною важнаго не случилось, выключая тово, что я изъ важныхъ бѣдныхъ была важная бѣдная, но такія описанія не всякой читаетъ съ охотою. Богатой боится бѣдности, а скудному она уже наскучила. И такъ толкованіе о пути моемъ отлагаю въ сторону; а буду говорить о томъ, что можетъ увеселить читателя.

По календарнымъ знакамъ прибыла я въ Москву въ среду, а день сей означается у насъ древнимъ языческимъ богомъ Меркуріемъ, Меркурій же былъ богъ плутовства, и такъ какъ будто бы его помощію опредѣлилася я въ поварихи къ секретарю. Иной веселой человѣкъ примолвитъ, что попалсяде огонь къ сѣну; однако не рѣдко и ошибаться можно. Секретарь былъ человѣкъ набожной; онъ никогда не вставалъ и не ложился спать не помоляся Богу, передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ читалъ обыкновенныя молитвы въ слухъ, и умывалъ завсегда руки, не пропускалъ ни одного воскресенья, и бывалъ всегда у обѣдни, а въ двападесятые праздники ѣздилъ развозить поклоны, или принималъ оныя самъ отъ челобитчиковъ. Всякое утро стоялъ онъ по два часа на молитвѣ, а жена ево въ то время въ передней горницѣ упражнялася во взяткахъ и принимала всячиною. Когда же садилися они пить чай, то маленькой ихъ сынъ подавалъ ему реэстръ поимянно всѣхъ людей, бывшихъ у него въ то утро, и кто что и сколько принесъ, такимъ образомъ смотря по величинѣ приноса, рѣшилъ онъ и дѣла въ приказѣ. Въ сіе время узнала я, что всѣ служители секретарскіе пользуются взятками такъ, какъ и ихъ господинъ. Когда поѣдетъ онъ въ приказъ, то сожительница ево начинаетъ пересматривать подарки, многія беретъ себѣ, а другими дѣлитъ служителей. Въ одну недѣлю получила я платковъ съ восемь, выключая кренделей и яблоковъ, которыми мы всякой день довольствовались.

Сперва секретарская жена меня полюбила, по причинѣ той, что: «рыбакъ рыбака далеко въ плюсѣ видитъ». Она была женщина податливая и чаще измѣняла мужу, нежели старалася наблюдать къ нему вѣрность, чево правду сказать не пристально онъ и требовалъ для тово, что прибытокъ наблюдалъ онъ больше, нежели свою честность; ибо онъ думалъ, что и безъ чести домъ ево можетъ быть изобиленъ такъ, какъ полная чаша. Сверхъ сего похвальнаго дарованія супруга ево придерживалася различныхъ винъ, въ которыхъ не имѣла она никогда нужды, слѣдовательно была она только тогда трезвою, когда вставала поутру съ постели. Я же не имѣла за собой сего порока, и такъ не могла дѣлать ей компаніи въ етомъ; но впрочемъ во всемъ была ее наперсницею. Счастливое мое состояніе вышло было у меня совсѣмъ изъ головы, но напомнилъ мнѣ оное безграмотной канцеляристъ, который жилъ у секретаря въ домѣ для переписки съ чернаго на бѣло. Весьма мнѣ было удивительно, что онъ, не умѣя грамотѣ, умѣлъ въ меня влюбиться, а я прежде думала, что любовь никогда не заходитъ въ подьяческія сердца. Чуденъ онъ былъ въ должности канцеляриста, но въ должности любовника показался мнѣ еще чуднѣе. Узналъ онъ любовь, но только не вѣдалъ тово, съ котораго конца за нее ухватиться, и какъ къ ней пристать. Во первыхъ началъ онъ мнѣ примигивать и кивать головою, я поняла ево намѣреніе, и предпріяла надъ нимъ посмѣяться. Желая прежде увѣдать ево разумъ, задала я ему три задачи, чтобы онъ мнѣ оныя рѣшилъ: кто умнѣе всѣхъ въ городѣ, кто ученѣе, и кто добродѣтельнѣе всѣхъ.

На другой день поутру изъяснялся онъ мнѣ такъ: я не нахожу никово умнѣе нашего секретаря, которой рѣшитъ всѣ дѣла безъ остановки и докладываетъ объ ихъ всегда по порядку; а уче-

нѣе нѣтъ нѣкотораго стряпчаго, которой читаетъ почти всѣ указы наизусть, и часто заставляетъ молчать судей, ктожъ добродѣтельнѣе всѣхъ, объ этомъ я не вѣдаю, да думаю, что и многіе изъ канцелярскаго племени о томъ тебѣ не скажутъ; ибо рѣдко мы слышимъ с добродѣтели. Выслушавъ ево, я усмѣхнулась, а онъ продолжалъ говорить. Что развѣ ты думаешь, что стихотворцы умнѣе всѣхъ людей съ своими ковычками и точками, ежелибы попалися они къ намъ въ приказъ, то позабыли бы ставить точки, когда бы съ оными насидѣлися безъ хлѣба. А намедни не знаю, какъ занесли къ намъ оду какова-то Ломоносова, такъ мы всѣмъ приказомъ разобрать ее не умѣли, да что больше говорить, самъ секретарь сказалъ, что ето бредни и не стоитъ она послѣдней канцелярской записки.

Такъ толковалъ любовникъ мой о ученыхъ людяхъ, и я чаю, первому бы изъ нихъ не далъ онъ у себя мѣста и въ копистахъ. Разобралъ же онъ скоро, что разумъ ево былъ не на мой вкусъ, и онымъ мнѣ онъ не понравился, такимъ образомъ предпріялъ угодить подарками. Чего ради началъ прилежать переписывать дѣла, и правду сказать, то по состоянію ево дарилъ онъ меня довольно; ибо за всякую переписку бралъ онъ всегда тройную цѣну, и сказываютъ, что у нихъ такъ ведіотся когда приказной подъ покровительствомъ секретарскимъ, то за всіо про всіо получаетъ въ трое. Въ ето время потужила я о Свѣтонѣ, и иногда сравнивала канцеляриста съ нимъ, плакала горько, а это происходило отъ тово, что я была глупа, а нынѣ наши сестры поступаютъ не такъ, онѣ всегда желаютъ лишиться скорѣе знатнаго господина, чтобъ отыскать въ скорости другова, и начать снова разживаться, и для тово то ни одной нашей сестры, то есть, такой же пригожей поварихи, какъ я, въ цѣломъ государствѣ не отыщешь вѣрной, чтобъ которая не хотѣла имѣть вдругъ по три и по четыре любовника.

Попеченіями и трудами канцеляристовыми имѣла я на себѣ платьице уже почище, и такъ пріѣзжающіе къ госпожѣ секретарихѣ воздыхатели начали взглядывать на меня поумильнѣе, нежели на хозяйку, что ей очень не понравилось, такимъ образомъ отказала она мнѣ отъ своей службы.

Вышедши изъ етова дома не тужила я много; ибо не съ кѣмъ было разставаться, слѣдовательно ничево я и не лишалась. На другой день пожаловалъ ко мнѣ сводчикъ, изъ лица ево увидѣла я, что онъ сыскалъ мнѣ изрядное мѣсто, а для нево ето было прибыльно для тово, что каково мѣсто, такая ему и плата за отысканіе онаго. Сказалъ онъ мнѣ, чтобы я прибралася получше, ибо тамъ, гдѣ я буду жить, не услуги мои потребны, но нужно лицо. Могу сказать, что одѣваться я умѣла, лишь только бы было во что; принарядившись довольно изрядно, отправились мы въ путь, и когда пришли къ тому двору, то велѣлъ онъ мнѣ постоять у воротъ, а самъ пошелъ увѣдомить хозяина о моемъ пришествіи и спросить ево, можноли мнѣ войти къ нему, и потомъ выбѣжалъ очень скоро, и велѣлъ мнѣ итти за собою. Когда вошла я въ горницу, то увидѣла человѣка совершенныхъ уже лѣтъ, имѣвшаго долгіе віющіеся усы и орлиной носъ. Онъ былъ отставной подполковникъ, служившій въ гусарскихъ полкахъ. Тогда сидѣлъ онъ въ креслахъ и считалъ серебряныя деньги, увидѣвъ меня, привсталъ нѣсколько, сказалъ мнѣ, здравствуй сударыня, и просилъ, чтобы я сѣла, потомъ приказалъ слугѣ нагрѣть воды на чай, и началъ со мною разговаривать.

Я, сударыня, человѣкъ вдовой, и уже етому будетъ дней съ восемь, какъ умерла моя жена, мнѣ же лѣтъ уже довольно, и доживаю я седьмой десятокъ, такъ присматривать за домомъ великая для меня тягость. Мнѣ непремѣнно потребна женщина такихъ лѣтъ, какъ вы, чтобъ вездѣ могла присмотрѣть, то есть въ кладовой, въ погребѣ, на кухнѣ и въ моей спальнѣ, а мнѣ уже право не подъ лѣты таскаться всякой день по всѣмъ этимъ мѣстамъ. На слугъ я не полагаюсь, правда есть у меня и повариха, но ей болѣе уже сорока лѣтъ, слѣдовательно она нестолько проворна, какъ молодая особа, и многое просмотрѣть можетъ. Чтожъ касается до платы, то отнюдь рядиться я не намѣренъ, а смотря по услугамъ, такъ и я благодарить буду, мнѣ вить не Аредовы вѣки жить, а какъ умру, то и всіо останется, и совсѣмъ не знаю кому, ибо я человѣкъ чужестранной, и здѣсь у меня родни никово нѣту. А когда же надзирательница моя придетъ мнѣ по сердцу, то я сдѣлаю ее наслѣдницею всево моего имѣнія. Я слышалъ сударыня! примолвилъ онъ, что вы ищете такова мѣста, то есть ли вамъ угодно, пожалуйте останьтесь въ моемъ домѣ, я буду вамъ чрезвычайно радъ,

и не сомнѣваюсь въ томъ, чтобы вы не знали очень хорошо домашней экономіи. Я не такъ была глупа, чтобъ стала отговариваться отъ такова предложенія. Имѣніе стариково мнѣ понравилось, и я тотчасъ предпріяла угождать ево деньгамъ! Когда же я согласилася на то, то пожаловалъ онъ сводчику пять рублевъ денегъ, и нѣсколько еще домашняго запасу за то, что пріискалъ онъ ему надзирательницу по сердцу, оное примѣтила я изъ глазъ и изъ щедрости подполковничьей.

Сказала я ему, что мнѣ надобно съѣздить и перевести маленькое мое имѣніе, но онъ не хотѣлъ на то согласиться, и говорилъ, что мнѣ ничево не надобно. Вотъ вамъ ключи, сударыня, ото всево женинова платья, оно вамъ конечно будетъ впору, употребляйте ево, какъ вы изволите, а ево будетъ довольно. Такимъ образомъ въ одинъ часъ приняла я власть въ домѣ, и всіо ево имѣніе къ себѣ на руки, а часа съ два спустя получила команду и надъ хозяиномъ, ибо онъ не умедлилъ открыться мнѣ, что чрезвычайно въ меня влюбился, и что есть ли я ево оставлю, говорилъ онъ мнѣ, то онъ, не доживъ вѣка, скончается.

Жадность къ нарядамъ немного времени позволяла мнѣ медлить, пошла я по сундукамъ, въ которыхъ нашла довольно изряднаго платья; но болѣе всего жемчугу, котораго я еще отъ роду не видывала и не имѣла на себѣ. Обрадовавшись тому слишкомъ, и забывъ благопристойность, въ самой первой день начала ево перенизывать по своему, а господинъ гусарской подполковникъ, надѣвши очки, помогалъ мнѣ въ моей работѣ, и выбирая крупныя зерна, подавалъ мнѣ для низанья, и целовалъ мои руки. Когда приспѣло время къ обѣду, я съ нимъ обѣдала, съ нимъ ужинала, и послѣ ужина была съ нимъ вмѣстѣ.

Дни наши текли въ великомъ удовольствіи со стороны моево любовника, правду выговорить, и я была не недовольна, богатство меня веселило, по пословицѣ: «золото хотя не говоритъ, однако добра много творитъ». Но старость ево нѣсколько меня безпокоила; однако сносила я оное терпѣливо такъ, какъ великодушная и постоянная женщина. Впрочемъ изъ дому мнѣ никуда не позволялося выйти, развѣ только въ церковь, да и то весьма рѣдко; а въ одни дванадесятые праздники. Ето мнѣ казалося нѣсколько немило по причинѣ той, что женьщинѣ такихъ лѣтъ, въ каковыхъ я была тогда, не столько потребна пища, сколько надобно гулянье да я же была и всѣмъ довольна; а въ великомъ удовольствіи домашняя неволя пуще крѣпкой тюрьмы. Жили мы тогда у Николы (что на курьихъ ножкахъ). Такимъ образомъ во время праздника собралася я къ обѣдни, и нарядилась столько великолѣпно, сколько мнѣ заблагоразсудилось, и такъ подъ смотрѣніемъ древняго моего любовника пришла въ церковь, и стала тутъ, гдѣ обыкновенно становятся боярыни. А какъ провожалъ меня подполковникъ съ великою учтивостію, то всякой не смѣлъ потѣснить меня, или чѣмъ нибудь обезпокоить, понеже платье и почтеніе моево любовника дѣлали меня великою госпожею. А я, чтобъ не уронить мнѣ къ себѣ людскова почтенія, смотрѣла на всѣхъ гордо, и не говорила ни съ кѣмъ ни слова.

Подлѣ праваго клироса стоялъ, не знаю какой-то, молодчикъ, собою былъ онъ очень хорошъ и одѣтъ не дурно. Онъ во всю обѣдню не спускалъ съ меня глазъ, и въ благопристойное время дѣлалъ мнѣ иногда такіе знаки, которые извѣстны только намъ да еще ревнивымъ мужьямъ и любовникамъ. Оное примѣтилъ мой старикъ, и не дожидаяся окончанія обѣдни, подошелъ ко мнѣ и звалъ меня весьма учтиво, чтобы я пошла домой. Оное показалося мнѣ весьма не благопристойно, и такъ не согласовалась я съ ево прошеніемъ. Любовникъ мой, опасаяся прогнѣвить меня, принужденъ былъ остаться до окончанія; однако не отошелъ отъ меня и сталъ подлѣ. Я примѣчала, но думаю, что и другіе не упустили то же сдѣлать, видъ лица любовника моего поминутно перемѣнялся, иногда казался онъ блѣденъ такъ, какъ будто бы готовился къ сраженію, иногда бросало ево въ жаръ, и дѣлался онъ краснѣе кармазину, иногда лице ево покрывалося холоднымъ потомъ, и словомъ, онъ былъ въ такомъ безпорядкѣ, какъ будто бы человѣкъ сумасшедшій. По окончаніи обѣдни взялъ онъ меня за руку такъ крѣпко, что я принуждена была напомнить ему о моей боли. Рука ево столь сильно тряслась, что и я находилась отъ тово въ движеніи. И такъ въ такомъ не описанномъ безпорядкѣ пришли мы домой.

Какъ скоро вошли въ горницу, то подполковникъ говорилъ мнѣ слѣдующее. Нѣтъ, сударыня, мало я знаю разбирать женскую красоту и прелести, вы больше прекрасна, нежели я объ васъ думалъ; въ чемъ извинить вы меня можете. По-

истинѣ сказать, вы русская Елена, а что сказываютъ о Венерѣ, то такимъ бреднямъ я не вѣрю. Всѣ молокососы збираются быть Парисами и продаютъ глаза свои на васъ. Избавь меня судьба, чтобъ участь нещастнаго Менелая не воспослѣдовала со мною. Однако сколько силъ моихъ будетъ стану противиться етимъ похищеніямъ. Я имѣю разумъ, силу и богатство, но что они мнѣ помогутъ, есть ли ты прекрасная не будешь чувствовать ко мнѣ такой любови, кокую я имѣю къ тебѣ. При семъ словѣ бросился онъ передо мною на колѣни и облился слезами. Такимъ образомъ принуждена я была вступить въ должность страстной любовницы, подняла ево съ колѣней и въ знакъ моево увѣренія цаловала въ губы, и говорила ему такъ. Дражайшій мой, возможно ли, чтобы я была тебѣ невѣрною и измѣнила въ самомъ началѣ горячей моей любви, одна смерть меня съ тобою разлучитъ; но и во гробѣ буду я воспоминать твое ко мнѣ почтеніе. Въ твою угодность отрицаюся я ото всего свѣта мущинъ, и ни единъ прельстить меня не можетъ, успокойся мой дражайшій: вѣрная и нелицемѣрная твоя любовница Мартона проситъ о томъ тебя со слезами.

Выслушавъ сіе беззубой мой Адонисъ, нѣсколько угомонился; однако столь много стоили ему взгляды молодова человѣка на меня, что онъ, не обѣдавши, легъ спать и въ полчаса разъ пять пробуждался и кричалъ иногда, прости, изо всей силы, иногда постой, а иногда пропалъ я; ибо грезилося ему, что меня похитили, или я ему измѣнила.

Спустя нѣсколько дней, пришолъ человѣкъ въ нашъ домъ и просилъ подполковника, чтобы онъ взялъ ево къ себѣ въ службу. Старикъ отказалъ ему съ перваго раза, но человѣкъ весьма усиливался и выхвалялъ самъ себя изо-всей мочи. Вынявъ пашпортъ, хотѣлъ казать ево подполковнику и говорилъ, что ни одинъ человѣкъ столько атестатовъ не имѣетъ, сколько онъ. Слова ево показалися мнѣ довольно вразумительны. ибо кто чѣмъ вознамѣрился прокормить свою голову, то непремѣнно прилежать долженъ, чтобы знать искуство то совершенно. Такимъ образомъ взяла я у нево посмотрѣть атестаты, и перебирая опыя, нашла между ними письмо, подписанное на мое имя, выняла я ево осторожно и положила въ карманъ, а атестаты отдала слугѣ назадъ и сказала, чтобы онъ пришолъ завтра поутру и мы подумаемъ, принять ли ево, или нѣтъ,

Хотя я была и невеликая охотница измѣнять своимъ любовникамъ, но врожденное въ насъ непостоянство не давало мнѣ болѣе медлить, ушла въ другую комнату, развернула письмо и нашла въ немъ слѣдующее изъясненіе.

Государыня моя!

«Полюбить кого нибудь состоитъ ето не въ нашей власти. Все прекрасное на свѣтѣ притягиваетъ къ себѣ чувства наши и разумъ. Вы прекрасна, и для того полонили мое сердце тогда, когда я въ первой разъ увидѣлъ васъ въ церкви, мнѣ казалося тогда, что прекрасные глаза ваши говорили вмѣсто вашего сердца. И такъ увѣрясь симъ отважился вамъ изъясниться, въ несомнѣнной будучи надеждѣ, что вы меня хотя и не полюбили; однако можетъ быть не вовсе ненавидите».

Обожатель красоты вашея Ахаль.

Я не знаю, можноли кому нибудь похвалиться, чтобы онъ во всякое время твердо наблюдалъ добродѣтель, и угождая ея строгости, отказался отъ лучшаго естественнаго удовольствія. Я держалася всегда такова мнѣнія, что все на свѣтѣ не постоянно, когда солнце имѣетъ затмѣнія, небо безпрестанно покрывается облаками, время въ одинъ годъ перемѣняется четыре раза, море имѣетъ приливъ и отливъ, поля и горы то зеленѣютъ, то бѣлѣютъ, птицы линяютъ и философы перемѣняютъ свои системы; то какъ уже женщинѣ, которая рождена къ перемѣнамъ, можно любить одново до кончины ея вѣка. Я смѣюся нѣкоторымъ и мужьямъ, которые хвалятся вездѣ вѣрностію своихъ женъ, а кажется, что лучше молчать о такихъ дѣлахъ, которые находятся въ полной жениной власти. Я была не стоической секты и совсѣмъ не держалася ихъ системы; того ради требующему отъ меня снисхожденія отказать не хотѣла. Поутру когда пришелъ слуга, о проворствѣ котораго по глазамъ ево я была увѣрена, для тово отвѣчала ему такъ: я на всіо согласна что отъ меня ни потребно, а господинъ подполковникъ не хочетъ тебя принять къ себѣ въ домъ; но мнѣ ка-

жется до тово тебѣ нужды нѣтъ, ты и безъ него сыскать дорогу можешь ко твоему благополучію. Ето правда, примолвилъ мой любовникъ, въ Москвѣ людей много, не у меня, такъ у другова наняться можешь. Слуга отвѣтомъ нашимъ былъ доволенъ и пошолъ отъ насъ съ благодарностію.

Жизнь наша основана на заботахъ, такимъ образомъ предпріяла и я суетиться, и чѣмъ прекраснѣе казался мнѣ Ахаль, тѣмъ больше чувствовала я охоты измѣнить сѣдому моему Купидону, а о благодарности къ нему я тогда и не помышляла, когда новая любовь поселялася въ моемъ сердцѣ, по причинѣ той, что рѣдкая женьщина подвержена такой добродѣтели. А я была изъ числа тѣхъ красавицъ, которыя думаютъ о себѣ, что онѣ никому не обязаны на свѣтѣ, и раздаютъ сами благодѣянія свои великодушно.

Во первыхъ прибѣгнула я къ нашей поварихѣ, и открыла ей тайности моего сердца. Чудно мнѣ казалось, что она безъ всякаго отъ меня обнадеживанія обѣщалася служить мнѣ со всею охотою, по сему то я и узнала, что богатому человѣку всѣ люди служить согласятся, то есть въ добромъ и зломъ ево намѣреніи. Съ сего времени къ свиданію моему съ Ахалемъ пошли различныя выдумки. и можно сказать, что выдумка выдумку побивала. Я совѣтовала хорошо, но наперсница моя еще тово лучше. Мы опредѣлили, чтобы преобразиться на время Ахалю въ женщину, и тѣмъ со мною познакомиться, чтобъ безъ подозрѣнія имѣли мы всегда свиданіе; а другова способа къ оному мы не находили, ибо содержали меня послѣ тово столь крѣпко, что рѣдко позволяли мнѣ подходить и къ окошку.

«Лакома овца къ соли, коза къ воли, а вѣтренная женщина къ новой любови». Не хотѣли мы откладывать выдумки своей ни на сколько, того ради совѣтница моя полетѣла на другой день искать моего любовника, и хотя не знала ево дому, однако нашла очень скоро, по пословицѣ: «языкъ и до Кіева доводитъ». Ахаль принялъ ее съ великою радостію и одарилъ прямо по любовничьи. Она пересказала ему наше намѣреніе, на что онъ ни мало не медля согласился, и отпустилъ ее ко мнѣ съ письмомъ, въ которомъ увѣрялъ меня, что въ мою угодность пойдетъ онъ и на дно Океана.

Ето правда, въ что онъ въ угодность мою тотчасъ и исполнилъ мое повелѣніе. Въ томъ домѣ, въ которомъ онъ жилъ, сказалъ хозяину, что отпросился на время въ деревню и поѣдетъ завтра, а у него оставитъ слугу съ нѣкоторою частію имѣнія, и просилъ ево о сохраненіи онаго. Когда настало утро, то взявши съ собою что надобно, поѣхалъ онъ со двора долой, и пріѣхавъ въ ямскую остановился. Потомъ послалъ мальчишку своего въ городъ, или самъ поѣхалъ, етова я не знаю, и накупилъ женскаго платья для себя и для мальчишки весьма довольно. Такимъ образомъ нарядились они оба, и изготовились къ новомодной комедіи. Послалъ онъ слугу своего искать для себя покоевъ, и велѣлъ сказывать о себѣ, что они пріѣхали изъ другова города увидѣться здѣсь съ сестрою. Сыскали, наняли и переѣхали.

Наша повариха бѣгала къ нимъ, съ ними условилась, и, прешедъ ко мнѣ, сказывала такъ: что Ахаль назовется моею сестрою и пришлетъ ко мнѣ своего слугу подъ именемъ и подъ образомъ дѣвки, сказала мнѣ о ихъ именахъ и научила меня, какъ я должна мнимую ту дѣвку встрѣтить. И такъ начала я ожидать съ превеликою радостію исполненія моего желанія.

День уже клонился къ вечеру, какъ сказалъ мнѣ слуга, что спрашиваетъ меня какая-то дѣвочка. Подполковникъ, услышавши сіе, приказалъ привести ее въ горницу: ибо наблюдалъ весьма прилежно мои поступки; а повариха мигнула мнѣ тогда осторожно, почему я тотчасъ догадалась, что ето Меркурій отъ моево Юпитера и такъ какъ скоро онъ вошолъ, то и закричала благимъ матомъ, голубушка моя, какимъ ето образомъ я вижу тебя здѣсь, развѣ матушка сюда пріѣхала? Никакъ нѣтъ, сударыня, отвѣчалъ онъ мнѣ: матушка осталася дома, а пріѣхала сюда большая ваша сестрица. Вы не изволили писать къ намъ очень долго, и такъ пріѣхала она съ вами повидаться. Потомъ подошедши къ мнѣ, целовалъ у меня руку, и сдѣлалъ всю церемонію такъ, какъ ведутся. Я спрашивала у нево, всѣ ли въ домѣ здоровы и обо всемъ, а онъ отвѣчалъ мнѣ такъ хорошо, какъ будто бы десять лѣтъ учился обманывать людей. Спрашивала у нево, гдѣ они остановились и вознамѣрилися жить, на что онъ мнѣ сказалъ, что отъ насъ очень далеко, а тогда уже было поздно, и такъ отложила я свиданіе съ сестрицею до другова дни, и просила моего содержателя, чтобы

онъ приказалъ сходить слугѣ и поздравить ее отъ меня съ пріѣздомъ, и притомъ просить ее завтрашней день ко мнѣ отужинать. Хотя ето будетъ и неучтиво, наказывала я слугѣ, мнѣ было самой должно ѣхать, но какъ она не совсѣмъ еще осмотрѣлась, то я могу пріѣздомъ моимъ ее обезпокоить, да сверхъ же тово между близкою роднею учтивости совсѣмъ не годятся. Такимъ образомъ первое вступленіе довольно изрядно было съиграно и слуги наши пошли къ моей сестрицѣ.

Признаюсь, что я никогда столько не радовалась, какъ въ ето время, что могла столько удачливо обмануть моего неусыпнаго надзирателя; но и мальчишка такъ былъ искусенъ представлять дѣвку, что ежели бы я не знала, то конечно бы обмануться могла. Въ ето время образумился мой старикъ, и началъ спрашивать меня, какова я роду, чево ему никогда и въ голову не приходило; ибо выключая любви, ничево тогда въ умѣ ево не находилось. О родѣ моемъ сказала я ему такъ хорошо, что ни онъ, ни я не могли дѣйствительно растолковать, какова я происхожденія; но впрочемъ не дала ему вдаль распространять такова разговора, который бы не принесъ мнѣ много прибыли; а начала выхвалять изрядныя качества пріѣзжей моей сестры, и сверхъ того говорила, что она хороша и гораздо меня прелестнѣе. Не влюбися душа продолжала я говорить, держа его подъ бороду, я опасна, чтобы ты, прельстившись ею, меня не покинулъ. Покинь меня лучше бѣлой свѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ твердымъ и увѣрительнымъ голосомъ, я охотникъ любить до смерти, а не такъ, какъ нынѣшіе вертопрахи каждой день перемѣняютъ любовницъ, и ищутъ случаевъ, какъ бы почаще измѣнять. Какая бы красавица ни была, меня уже прельстить не можетъ, когда ты, моя душа любишь меня ото-всего искренняго твоего сердца. Признаюсь же тебѣ, что я очень рѣдко нахаживалъ такихъ женщинъ, какъ ты, ты столько вѣрна, что я чаю и не подумаешь объ измѣнѣ, да и правду сказать оное вѣдь и порочно. По такому отъ нево атестату увѣряла я ево, что я постояннѣе всего свѣта, чему онъ и вѣрилъ и почиталъ столько меня, что готовъ былъ хотя поуши въ воду, лишь бы только мнѣ оное угодно было.

Ночью, поутру и въ день ни о чемъ я больше не думала, какъ о назначенномъ свиданіи, того ради не пожалѣла я ничево, что могло красоту мою увеличить. Время уже настало и сестра моя пріѣхала, свиданіе наше было хотя и некровное, но однако прямо любезное, и когда мы бросилися другъ другу въ объятія, то насилу насъ и растащили.

Пріятность за пріятностью и поцѣлуй за поцѣлуемъ слѣдовали, сестра моя прижимала меня къ сердцу и целовала весьма часто въ груди, а я ей отвѣчала такою же благодарностію, словомъ, всѣхъ нашихъ поцалуевъ никакой бы исправной ариѳметикъ исчислить не могъ безъ ошибки. Мы были сестры примѣрныя, да и такія, которыхъ я чаю и во всемъ свѣтѣ не бывало. За ужиномъ мы ничево не ѣли, но только довольствовались однимъ глядѣніемъ другъ на друга, я находила въ сестрѣ моей поминутно новыя прелести, и она съ своей стороны можетъ быть также, и казалось намъ, что мы цѣлую бы жизнь могли проводить безъ пищи, когда бы были другъ съ другомъ неразлучны. Старой мой любовникъ признался передъ нами, что онъ почитаетъ насъ нѣкакимъ чудомъ, ибо, говорилъ онъ, не видывалъ я никогда такой пылающей любви между сестрами. Безъ всякихъ обиняковъ можно васъ почесть любовниками, и когда бы одѣть одну изъ васъ въ мужское платье, тогда бы никто не повѣрилъ, что вы сестры родныя. Хвалю вашу добродѣтель и искренніи сердца, вотъ прямо родныя, которыя достойны всякаго почтенія.

Мы уже лѣтъ съ пять не видалися другъ съ другомъ, говорила сестра моя ему, а разлучились почитай еще младенцами, и для тово не удивительно, государь мой, что мы не можемъ другъ на друга наглядѣться. Насъ и всѣхъ не много, матушка и мы только двѣ, а остались послѣ отца своего сиротами. Тѣмъ то еще и похвальнѣе ваша добродѣтель, что вы и въ бѣдности другъ друга не оставляете и любите столько, что я и изъяснить уже етова не могу, а кажется вы другъ на друга нимало не похожи, да полно, не всегда одного отца дѣти удаются въ одинъ образъ. Я имѣлъ у себя также брата, который однако на меня ничуть не походилъ.

Ужинъ нашъ такимъ образомъ кончился, за которымъ старикъ пилъ больше обыкновеннаго и не старался примѣчать ничево, чево ему однако и въ голову не входило, и Ахалю столько пристало женское платье, что никакова подозрѣнія имѣть было не можно. Впрочемъ сестрица мнѣ столько

понравилась, что я не хотѣла отпустить ее ночевать домой, а просила, чтобы она осталася у меня. Ахаль на то не соглашался съ намѣреніемъ, чтобъ принудить просить старика, и когда показалася я недовольною, что она не соглашается на мою просьбу, тогда принялся подполковникъ и уговорилъ ее къ тому конечно; а изъ почтенія къ гостьѣ уступилъ намъ свою постелю, и пожелавъ доброй ночи, пошолъ въ другіе покои.

Совѣсть меня не зазирала нимало, ибо я думала, что есть на свѣтѣ люди гораздо меня отважнѣе, которые и въ одну минуту надѣлаютъ больше худова, нежели я въ три дни. Стоитъ только отдать себя порокамъ, то оные завсегда будутъ казаться пріятнѣе и милѣе добродѣтели.

Такимъ образомъ препроводили мы ночь съ сестрою моею во всякомъ удовольствіи, и поутру разстались на разсвѣтѣ, чтобы ничуть не примѣтно было наше проворство. Я пошла къ моему любовнику и, извиняя сестру мою, сказала, что ей непремѣнно надобно было такъ рано уѣхать, для нѣкоторыхъ ей надобностей. Въ етотъ день мы у нее ужинали, и когда пріѣхали домой, то любовникъ мой хвалилъ ее изо всей мочи и не зналъ чѣмъ ее одобрить. Такимъ образомъ бывали мы другъ у друга каждой день неотмѣнно и всіо текло у насъ въ хорошемъ порядкѣ. Старикъ былъ мною доволенъ, что я ево весьма искусно обманывала, а я благодарила ево за то, что онъ позволяетъ проводить себя безъ всякой къ тому примѣты. Ахаль съ своей стороны почиталъ себя благополучнымъ, что получалъ отъ меня безъ всякаго труда то, чево иногда съ двухлѣтнимъ стараніемъ получить не можно, и что онъ имѣетъ дѣло съ такимъ человѣкомъ, котораго легко дурачить можетъ, и который не думаетъ запримѣтить тово нимало.

Я знала, что вѣрность любовная въ нынѣшнемъ вѣкѣ такой гость, которой, пришедши, говоритъ, здравствуй, и въ то же время вертится на языкѣ у нево, прощай. Любовникъ бываетъ вѣренъ до тѣхъ только поръ, когда не видитъ еще никакой благосклонности отъ любимой имъ особы. Тогда онъ вздыхаетъ, охаетъ, стоя передъ нею на колѣняхъ, притворно плачетъ и клянется вѣрностію такою, которая царствуетъ на однихъ только театрахъ. Но когда же получитъ онъ отъ нее всіо, тогда по слабости памяти человѣческой въ одну минуту позабудетъ всѣ клятвы и растеряетъ ихъ изъ своего понятія. Ето я видала надъ собою, не одинъ еще разъ; однако дѣло теперь о любви моей къ Ахалю, а до другихъ оно дойдетъ еще по порядку. Въ нѣкоторое время представилъ онъ мнѣ, что жизнь моя бѣдственна и скоро можетъ приближиться къ великому нещастію, да сверхъ же тово она и порочна. Оное я знала всіо сама, но какъ не видала и не находила способа оную перемѣнить, то и поневолѣ оставалася въ такомъ состояніи. Я, сударыня, говорилъ онъ мнѣ: посвятилъ вамъ жизнь мою до гроба и ласкаю себя надеждою, что благосклонности вашей лишенъ никогда не буду. Вы отдали мнѣ ваше сердце, я тѣмъ доволенъ, а чтобъ показать вамъ, что я благодаренъ, то намѣренъ сочетаться съ вами бракомъ, ежели только вамъ оное угодно. Я дворянинъ, хотя и недостаточный, однако не почитаю себя бѣднымъ. Отца я не имѣю, и матери также, слѣдовательно живу по своей волѣ. Сочетаться съ вами бракомъ никто мнѣ воспрепятствовать не можетъ. И такъ ежели вы на сіе согласны, то дайте мнѣ ваше слово, и будемъ къ тому приготовляться. Вамъ непремѣнно надобно уйти или уѣхать изъ сего города, чтобъ избѣжать съ вашей стороны препятствіевъ. Деревня моя будетъ вамъ убѣжищемъ, а должность супруга вашего защищеніемъ и покровительствомъ. Тогда уже никто не будетъ имѣть права требовать васъ отъ меня. И такъ жизнь ваша конечно будетъ благополучна. Не надобно было просить меня о томъ въ другой разъ, по причинѣ той, что и умѣла раздѣлить худое отъ хорошаго и могла выбрать, что для меня полезно и что вредно: того ради приняла предложеніе ево съ великою охотою, и казалося мнѣ, что онъ былъ тому чрезвычайно радъ. И хотя я далѣе видѣла, нежели обо мнѣ думали, однако притворство ево разобрать не могла, и въ семъ случаѣ узнала я дѣйствительно, что какъ бы женщина ни была остра и замысловата, однако всегда подвержена обманамъ мужчины, а особливо въ то время, когда она имъ страстна.

Уговоръ нашъ послѣдовалъ весьма скоро, и мы тотчасъ образовалися и обручились, и съ этихъ поръ начала я называть сестру мою мужемъ, а она меня женою. На другой день предложилъ мнѣ Ахаль, что за пребываніе мое у подполковника должна я получить отъ нево хорошую плату, а какъ онъ на сіе не согласится, то совѣтовалъ

мнѣ мой мужъ обобрать у нево всіо то, что находилося подъ моимъ смотрѣніемъ, и прежде нежели приступлю къ браку, тѣмъ что я унесу очистился бы въ совѣсти. Наречанной мой супругъ во образѣ сестры моей, какъ находился всегда у меня, или присутствовала я у него, то и нетрудно намъ было таскать пожитки стараго моего любовника, и мы охотилися больше переносить отъ него жемчугъ и деньги, ибо сіи вещи другихъ угомоннѣе, и ихъ можно укласть въ сундукъ и въ чемоданъ безъ всякаго подозрѣнія. Наконецъ какъ разсудилося намъ, что таскано уже довольно, и мы можемъ прожить тѣмъ хотя не во всю нашу жизнь, однако двѣ трети оной въ довольномъ благополучіи: такимъ образомъ начали собираться уѣхать, а помощію денегъ все дѣлается скоро. Лошади были готовы и мужъ мой отправился въ дорогу, условяся со мною, что будетъ ожидать меня у нѣкоторой заставы.

Во время ночи, когда любовникъ мой находился въ полномъ сонномъ удовольствіи, встала я потихоньку съ постели и ушла со двора благополучно, и прибѣжавши на тотъ дворъ, на которомъ дожидалися меня лошади, сѣла въ коляску и полетѣла за моимъ супругомъ; однако по нещастію моему и безъ всякой думы наслѣдила я участь нещастной Филлиды. Демофонтъ мой меня обманулъ и уѣхалъ не знаю куда. Въ семъ случаѣ растолковала я, что онъ имѣлъ больше нужды въ пожиткахъ моево любовника, нежели во мнѣ и прельщался не красотою моею, но червонцами и жемчугомъ.

Спрашивала я на заставѣ, но отвѣчали мнѣ, что описанію моему подобной никто не проѣзжалъ и они не видали. Такимъ образомъ поплакавъ немного, принуждена я была возвратиться, но только не знала куда; того ради помѣстилася въ Ямской на постояломъ дворѣ. Прямая Филлида не досадовала на измѣну Демофонтову, но только о томъ сожалѣла, а я столько была зла, что соглашалась разорвать его пополамъ, ежели бы онъ былъ въ моей власти и доставало бы къ тому моихъ силъ; но что сколько я ни рвалась, однако пособить тому было не возможно. Собственная моя жизнь была мнѣ дороже, нежели ево плутовская, и для тово предпріяла я размышлять о себѣ. Сомнѣніе, страхъ и отчаяніе терзали меня неотступно, и я не знала, что мнѣ тогда должно было предпріять. Непомѣрная любовь ко мнѣ подполковничья увѣряла меня, что онъ конечно проститъ мнѣ мою погрѣшность, но стыдъ признать себя невѣрною, глупою и обманутою, запрещалъ мнѣ совсѣмъ къ нему показаться, и я бы согласилась тогда претерпѣвать лучше всякую бѣдность, нежели признаться въ томъ, что я обманута.

Можно ли быть было тогда во мнѣ человѣколюбію, объ этомъ я чаю задумается господинъ читатель, но чтобъ вывести ево скорѣе изъ етова сомнѣнія, то я скажу, что и порочныя женщины не совсѣмъ лишены разсудка, и естьли бы не побѣждали ихъ непостоянство и вѣтренная роскошь, то конечно были бы онѣ добродѣтельнѣе ростовщиковъ и скупова. Для успокоенія моего старика, презрѣла я досаду и опасность и предпріяла идти къ нему съ повинною, надѣяся при томъ на свое искуство, что въ случаѣ ево суровости, могла бы я легко и обмануть ево.

Такимъ образомъ поѣхала я къ нему, наполнена будучи страхомъ и самою малою надеждою къ моему благополучію. Какъ только вошла я на дворъ, то встрѣтившейся со мною ево управитель наградилъ меня такою исправною пощочиною, что посыпалися изъ глазъ моихъ искры. Съ такимъ почтеніемъ встрѣча не предвѣщала мнѣ ничево добраго, и я опредѣлила себя на всѣ суровости прогнѣванной мною судьбины, потому что уйти мнѣ уже было невозможно. Бросилась я весьма поспѣшно искать подполковника; ибо надѣялась я, что найду въ немъ больше снисхожденія, нежели въ ево слугахъ. Нашла ево въ спальнѣ, онъ лежалъ въ постелѣ, и былъ окруженъ лѣкарями. Какъ только онъ меня увидѣлъ, то закричалъ столь громко, что испужалъ всѣхъ тутъ предстоящихъ. Потомъ, вскочилъ съ постели и обнявъ меня, началъ рыдать неутѣшно и образумѣвшись нѣсколько, говорилъ такъ: Не сонъ ли льститъ меня пріятною сею мечтою, не лестная ли надежда обманываетъ мой разумъ? Прекрасная Мартона! тебя ли я имѣю въ моихъ объятіяхъ, твои ли то уста, въ которые я теперь цалую, твои ли то красы, которые я вижу, ты ли передо мною, говори, отвѣчай прекрасная, или уже лишился я тебя на вѣки? Я не знала какъ скоро печаль моя перемѣнилася въ радость, обнявъ ево отъ чистаго сердца, проливала я слезы, которыя у меня еще на дворѣ были заготовлены отъ управительской размашки,

оной изготовяся ударить меня, не велѣлъ мнѣ посторониться, и такъ текли онѣ у меня ручьемъ, и которыя принялъ мой любовникъ раскаяніемъ и искреннимъ признаніемъ моимъ передъ нимъ проступка; однако я сказала, что ушла отъ нево за тѣмъ только, что хотѣла извѣдать вѣрность ево ко мнѣ, лишившися меня, будетъ ли онъ крушиться или нѣтъ. На сіе отвѣтствовалъ мнѣ подполковникъ, что не только крушиться, но и въ гробъ сойти уже готовился. Такимъ образомъ, наслѣдовала я прежнюю ево любовь и ото всѣхъ ево слугъ прежнее къ себѣ почтеніе; что же я у нево унесла и отдала моему обманщику, то о томъ онъ и не упоминалъ, ибо считалъ меня дороже и самово себя.

Съ етихъ поръ началъ любовникъ мой готовиться къ смерти; ибо по уходѣ моемъ бѣгалъ онъ вездѣ и искалъ меня по всѣмъ мѣстамъ; но какъ бѣгалъ весьма неосторожно и въ великомъ отчаяніи, то есть безъ памяти и притомъ безъ очковъ, то полетѣлъ съ крыльца съ самой первой ступеньки лѣстницы весьма неосторожно и переломилъ себѣ крестецъ и отъ сего то слабое ево здоровье часъ отъ часу начало приходить въ упадокъ. Я столько была огорчена управителемъ, что всякую минуту старалася отомстить ему, и какъ только сказала моему любовнику, что поступилъ онъ со мною весьма неполитично, то подполковникъ насилу отдохнулъ отъ такова увѣдомленія, и не принимая никакова отъ нево оправданія, наказалъ ево весьма жестоко, и приказалъ согнать со двора, не заплатя за ево службу, чему я была чрезвычайно рада.

Доброе дѣло никогда безъ награжденія не остается, рано или поздно конечно уже будетъ за него уплачено. Какъ скоро милой мой подполковникъ преселился съ сего свѣта, то тотчасъ взяли меня подъ караулъ, и заключили въ крѣпкую темницу. По смерти моево любовника отыскалася ево сестра, которую онъ при жизни своей не пускалъ къ себѣ на дворъ, и не хотѣлъ объ имени ея слышать. Управитель къ ней подбился и расказалъ обо всемъ, что спросила у брата ея въ домѣ, такимъ образомъ вознамѣрилася она потребовать отъ меня отчоту судомъ, которой казался мнѣ страшнѣе и самой смерти. Бросили меня въ каменной погребъ, не давъ мнѣ ничево, на чемъ бы я могла отдохнуть во время ночи. Пищу подавали мнѣ каждой день по два раза, а оная состояла изъ хлѣба и воды, и такъ принуждена я была держать весьма великой постъ, о которомъ прежде никогда мнѣ и въ голову не приходило. Воздержная сія жизнь выбила у меня изъ головы всѣ любовныя мысли, не думала я тогда ни объ украшеніи тѣлесномъ, ни о прельщеніи любовниковъ, и находилась въ такомъ состояніи недѣли двѣ, или болѣе. Всякой день ронила я столько слезъ, сколько доставало ихъ въ моихъ глазахъ, и крушалася весьма несказанно.

Въ нѣкоторое ночное время, когда лежала я на полу, положа голову на камень, отворилася дверь у моей темницы, и вошолъ ко мнѣ Ахаль съ другимъ офицеромъ. Увидя меня въ толь горестномъ состояніи, пришолъ онъ въ сожалѣніе, и просилъ пришедшаго съ нимъ офицера, чтобы оной вывелъ меня куда нибудь въ другое мѣсто, и приказалъ бы смотрѣть за мной получше, покамѣстъ выведетъ онъ меня совсѣмъ изъ сего заключенія. Я ево благодарила, а онъ, поцаловавъ меня, сказалъ, что долженъ избавить меня изъ сей моей неволи, такимъ образомъ жалѣя меня, оба расталися со мною. Съ четверть часа не прошло времени, какъ взяли меня изъ сего ада, и посадили въ изрядной покой, гдѣ изготовлена была для меня кровать, столъ и стулъ. Не могу я изъяснить сколько тогда обрадовалась, и благодарила заочно Ахаля отъ искренняго моего сердца, легла на постелю и не имѣвъ долго покою, проспала съ лишкомъ половину сутокъ. Караульной офицеръ, какъ я уже послѣ узнала, приходилъ ко мнѣ раза съ четыре, и видя меня въ крѣпкомъ снѣ, не хотѣлъ безпокоить, сто онъ мнѣ самъ разсказывалъ, и говорилъ мнѣ съ великимъ почтеніемъ, по чему заключила я, что онъ въ меня влюбился, въ чемъ и не обманулася. Онъ былъ тутъ на караулѣ цѣлую недѣлю и находился у меня безвыходно; а когда пришолъ другой ему на смѣну, то онъ упросилъ ево и остался другую недѣлю. Въ сіе время Ахаль и онъ, соединенными силами, избавили меня изъ заточенія, и взявъ изъ сего судебнаго мѣста, отдали меня на руки нѣкоторой весьма неубогой старушкѣ, которая въ самой первой день обмундировала меня всякими для меня потребностями. Лице мое и поступки доказывали ей, что я не весьма дешево продаю мои прелести, и никогда по зимней цѣнѣ съ рукъ ихъ не спускаю; того

ради усердне она старалася нарядить меня и успокоить.

Нещастіе скорѣе забывается, нежели благополучіе; а особливо въ тѣхъ людяхъ, которые держатся моего промысла. Въ три дни я совсѣмъ исправилась, лице мое получило прежнюю красоту, а тѣло наполнилось прежнею бѣлизною и нѣжностію, и совсѣмъ не было тѣхъ знаковъ, что я сидѣла въ тюрьмѣ, и была изнурена прежестоко, а казалася всѣмъ, что я теперь еще только начинаю раздавать прелести мои мужскому полу по моей благосклонности.

Дни съ четыре не были у меня мои освободители, не знаю для чево; на конецъ пріѣхали они вмѣстѣ, и увидѣвъ меня въ прежнемъ или еще лучшемъ состояніи, растаяли, и одинъ передъ другинъ старалися получить преимущество въ моемъ сердцѣ. Ахаль былъ ко мнѣ ближе, и для тово поступалъ со мною вольнѣе, а Свидаль, такъ именовался другой, былъ чрезвычайно учтивъ и нѣженъ, и боялся малымъ поступкомъ прогнѣвить меня, слѣдовательно искалъ онъ нѣжностію мѣста въ моемъ сердцѣ. Ахалю поступать со мною вольно, запретить мнѣ было не можно по прежнему нашему знакомству, а Свидалю казалося сіе инако, онъ думалъ, что я полюбила больше Ахаля, нежели ево. Такимъ образомъ должность моя была въ удобное къ тому время увѣрить Свидаля, что я даю во всемъ ему преимущество передъ ево соперникомъ

Наслѣдное имѣніе съ трудомъ раздѣляютъ двое, а любовницу, безъ ссоры никогда раздѣлить имъ не можно. Ахаль бралъ передъ другимъ всегда преимущество, и я хоть по неволѣ, однако должна была ему повиноваться, а Свидаля, сколько ни старалась я увѣрить, что люблю ево больше, нежели Ахаля, однако онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ тому не вѣрилъ и началъ ревновать, а ревность, какъ всѣмъ извѣстно, странныя дѣла дѣлаетъ, и конецъ ея бываетъ всегда нехорошъ. Весьма въ скоромъ времени узнала я, что нашей сестрѣ весьма тягостно имѣть дѣло съ военными людьми; а особливо тогда, когда пылаютъ они ревностію, и не хотятъ подѣлиться другъ съ другомъ полученною ими добычею. Въ вечеру сидѣли мы всѣ трое за столомъ, и составляли изъ себя треугольникъ, а именно играли въ ломберъ. По правиламъ ломберной игры не должно было никому заглядывать къ другому въ карты; но Ахаль на сто не взиралъ, онъ весьма часто портилъ правила треугольника, и подвигался ко мнѣ близко. Свидаль сперва говорилъ ему учтиво, чтобы онъ не заглядывалъ въ мои карты, потомъ выговаривалъ ему сердяся, что онъ очень не учтивъ, и лѣзетъ въ глаза къ дамѣ противу ея воли, а на конецъ они и поссорились. Ахаль говорилъ ему, что онъ имѣетъ надо мною полную власть, и что Свидалю тутъ вступаться не должно, гдѣ ево совсѣмъ не принимаютъ въ совѣты; а тотъ отвѣтствовалъ, что надобно спросить еще у меня, кто изъ нихъ имѣетъ надо мною большую силу. Вопросъ таковъ они мнѣ предложили, однако я на оной ничево не отвѣчала, и уговаривала ихъ, чтобы они перестали ссориться; но слова мои не помогали, и разбранились они довольно изрядно такъ, что чуть было не дошло у нихъ до драки. Свидаль уѣхалъ и оставилъ меня съ Ахалемъ, который радовался, что одержалъ надъ непріятелемъ побѣду, и приказывалъ мнѣ очень строго, чтобы я не имѣла никакова знакомства со Свидалемъ, и не пускала бы ево къ себѣ на дворъ. Сей приказъ былъ мнѣ весьма несносенъ; однако я въ угодность ево обѣщала притворно волю его исполнить. Въ семъ случаѣ узнала я, что Ахаль влюбленъ въ меня смертельно и что не досада дѣйствовала въ немъ въ то время, но прямая ево любовь.

Съ полчаса спустя времени пришелъ слуга отъ Свидаля, принесъ письмо и отдалъ ево въ руки Ахалю, а оно было слѣдующаго содержанія.

Государь мой!

«Я вами обиженъ, а поношеніе чести вы знаете чѣмъ платится, такъ сдѣлайте мнѣ удовольствіе. Завтрѣ въ десятомъ часу по полуночи пожалуйте въ Марьину Рощу, гдѣ я буду ожидать васъ, а естьли вы не будете, то опасайтесь, чтобъ не поступилъ съ вами такъ, какъ поступаютъ съ площадными мошенниками».

Слуга вашъ Свидаль.

Прочитавъ сіе письмо, Ахаль поблѣднѣлъ, повидимому струсилъ, по причинѣ той, что онъ весьма былъ неискусенъ къ назначеннымъ поединкамъ, и сіе случилося съ нимъ въ первой разъ во всю

его жизнь. Однако собравши хотя послѣднія силы, сказалъ онъ слугѣ, что удовольствуетъ ево господина, какъ ему угодно, и очень мало посидя у меня безъ всѣхъ любовныхъ церемоній со мною растался, и поѣхалъ отъ меня весьма смущенъ и въ превеликой трусости. Надобно признаться, что назначенной ихъ поединокъ, какъ меня, такъ и мою надзирательницу привелъ въ изрядное движеніе, мы не знали, что тогда дѣлать, куда бѣжать, и гдѣ скрыться, ибо я уже узнала, каково хорошо сидѣть въ тюрьмѣ за крѣпкими сторожами. Всю ночь мы проплакали и нимало не спали, я опасалася худова изъ тово слѣдствія и отъ искренняго моего сердца жалѣла Свидаля, по чему узнала, что я ево полюбила. Двѣ неизъясненныя страсти терзали мое сердце и не давали мнѣ ни на минуту покою, и когда наступилъ тотъ часъ, въ которой должно было происходить ихъ сраженіе, лишилась я всѣхъ чувствъ, бросилась безъ памяти въ постелю, и находилась въ ономъ безпамятствѣ часа съ два или болѣе. Всѣ наши домашніе, стоя подлѣ меня, плакали, они сожалѣли меня и боялись собственной своей погибели, однимъ словомъ, домъ нашъ наполненъ былъ тогда плачемъ и рыданіемъ, а я находилася безъ памяти. Впрочемъ хотя я была и не совсѣмъ изряднаго поведенія, но въ такомъ случаѣ не сомнѣваюсь, чтобы я многимъ добродѣтельнымъ людямъ показалася жалкою и достойною ихъ помощи.

Въ началѣ двѣнадцатаго часа прибѣжалъ въ мою комнату Ахаль, и ухвативъ меня за руку, поднялъ съ постели. Онъ едва удерживалъ свое дыханіе и былъ въ великой трусости, бросился передо мною на колѣни и говорилъ такъ: Государыня моя! не входя въ ваше состояніе любилъ я васъ чрезвычайно, недостатки мои были причиною тому, что я васъ обманулъ, но уѣхавъ отъ васъ узналъ я тогда, что никакъ мнѣ не можно было безъ васъ быть спокойнымъ, того ради возвратился я въ Москву, и узнавъ, что вы находитесь въ нещастіи, старался всѣми силами вамъ помочь, что мнѣ и удалось. На конецъ положилъ я непремѣнно исполнить мое данное вамъ обѣщаніе, и возвратился на васъ жениться; но немилосердая судьба лишаетъ меня сего удовольствія, въ етотъ же часъ долженъ я оставить Москву и всю Россію. Я нещастливой человѣкъ и подверженъ теперь жестокому истязанію. Прости прекрасная на вѣки, я застрѣлилъ Свидаля. При семъ словѣ, ошибъ меня обморокъ, и я упала въ постелю, онъ же поцѣловавъ мою руку, ушолъ отъ меня успѣшно съ великими слезами и огорченіемъ, приписывая мой обморокъ моему съ нимъ раставанію.

Въ семъ то случаѣ узнала я прямо, что то есть дѣйствительная страсть любовная. Услышавъ о погибели Свидаля, кровь во мнѣ остыла, гортань мой изсохъ и губы запеклися, и я насилу произносила мое дыханіе. Думала, что лишилася всего свѣта, когда лишилася Свидаля, и лишеніе моей жизни представлялося тогда мнѣ ни во что, я совсѣмъ готова была послѣдовать ему въ преисподнюю. Всякая напасть въ умѣ моемъ не могла сравняться съ симъ моимъ нещастіемъ. Отворилися ключи изъ глазъ моихъ, и катилися по лицу слезы безъ всякаго воздержанія, представлялся онъ весьма живо предо-мною, всѣ ево прелести, нѣжности и учтивство обитали въ глазахъ моихъ неотступно, рвалася я безъ всякой пощады, и неутолимая скорбь съѣдала мое страждущее сердце. Всякая погибель тогда уже была мнѣ нестрашна, и я готова была всіо претерпѣть и приступить безъ робости къ смерти, только чтобы оплатить Свидалю за потеряніе ево жизни, чему была причиною я, изъ всѣхъ нещастливая на свѣтѣ.

Надзирательница моя много разъ приступала ко мнѣ, и совѣтовала бѣжать изъ города, но я нестолько думала о своей погибели, сколько сожалѣла о кончинѣ Свидалевой. Въ самомъ мучительномъ безпокойствѣ приводила я тотъ день и слѣдующую ночь, и совсѣмъ отчаявалась въ своей жизни. По утру лежала я въ постелѣ въ великомъ безпорядкѣ и воображала мертваго Свидаля. Вдругъ предсталъ онъ предо-мною и, бросясь ко мнѣ, цаловалъ мои руки. Сколько силъ моихъ было, я закричала и пришла въ безпамятство. Домашніе всѣ бросились ко мнѣ и увѣряли меня, что Свидаль стоитъ передо мною не мертвой, но живой, и что ето не привидѣніе, но истинная быль. Сколько трудно мнѣ было изъ великаго отчаянія прійти въ чрезмѣрную радость, оное чувствовала я въ моей внутренности, отъ чево послѣ немогла я долго. Вскочивъ съ постели, бросилась въ его объятія, но и тутъ еще не вѣрила, что онъ живъ находится предо-мною; однако въ такихъ случаяхъ

увѣреніе дѣлается скоро. Онъ началъ говорить, и увѣрять меня въ своей любви, а мертвые никогда не изъясняются въ такой страсти. Такимъ образомъ узнала я дѣйствительно, что онъ живъ, и любитъ меня столько-же, сколько я ево, или можетъ быть и меньше, въ чемъ мы съ нимъ не рядились, а полюбили другъ друга безъ всякаго торгу. Восхищенія нашего въ семъ случаѣ описывать я не буду для тово, что лишнее будетъ входить во всѣ подробности словъ, дѣйствій и движеній, которые производятся въ любовномъ безпамятствѣ, и многіе уже различными опытами удостовѣрились, что спустя нѣсколько времени страсть восхищеннаго совсѣмъ пропадаетъ, и совсѣмъ позабываетъ всіо, что любовникъ тогда говорилъ, точно такъ какъ больной послѣ горячки или сумасшедшій опамятовавшись.

Должность только одна отъ начала свѣта, и она принуждаетъ насъ къ доброму, для тово не всякому и мила, и такъ надѣлали мы произвольно разныхъ должностей, которыя обязуютъ насъ ко всячинѣ. Изъ сихъ должностей выбрала я одну, по которой спросила моево любовника, какимъ образомъ освободился онъ отъ смерти, на что отвѣчалъ онъ мнѣ такими словами: прямая любовь всегда сопряжена съ ревностью, онѣ, совокупяся вмѣстѣ, сдѣлали меня догадливымъ и разумнымъ. Во первыхъ искалъ я случая поссориться съ Ахалемъ; а какъ оное мнѣ удалось, то я для отмщенія моего, вознамѣрился перевѣдаться съ симъ на шпагахъ, но въ семъ случаѣ дѣйствовала весьма изрядная выдумка. Опасался я только тово, чтобы онъ не отказался отъ поединка. Вчерашняго дня въ назначенной отъ меня часъ, дожидался я уже ево въ рощѣ, и какъ только онъ пріѣхалъ, и оставя свою карету шаговъ за пятьсотъ, пришолъ ко мнѣ въ рощу, я, вынувъ свою шпагу, велѣлъ ему изготовиться, къ чему приступилъ онъ съ великою трусостію, я же, давая ему послабленіе, и желая лучше обмануть ево, сказалъ ему, что не изволитъ ли онъ перевѣдаться со мною на пистолетахъ. Онъ на сіе охотнѣе согласился, ибо стрѣляетъ онъ чрезвычайно хорошо. Такимъ образомъ вынулъ я изъ кармана два пистолета, совсѣмъ изготовленные безъ пуль, чего онъ въ трусости примѣтить не могъ, одинъ далъ я ему, а другой оставилъ у себя, и отошедъ на нѣкоторое разстояніе, дали другъ другу знаки къ сраженію и выстрѣлили оба вмѣстѣ. Я упалъ и притворился застрѣленнымъ. Слуги мои бросились ко мнѣ, и начали выть и кричать, какъ онымъ было приказано. Ахаль думалъ, что и подлинно застрѣлилъ меня, бросился въ карету и вчера же въ вечеру уѣхалъ изъ города. Послѣ ево словъ начали мы хохотать, а послѣ смѣха благодарили судьбину за ея къ намъ снисхожденіе. Такимъ образомъ досталася я Свидалю въ полную ево волю, и онъ радовался болѣе, нежели тщеславной предводитель о завоеваніи непріятельской крѣпости, а Ахаль, думаю, въ єто время погонялъ своихъ лошадей, и уѣзжалъ отъ мнимой своей погибели.

Любовникъ мой читывалъ негдѣ, что Купидонъ позолотилъ свои стрѣлы, и сею хитростію покорилъ себѣ все смертное поколѣніе, и для тово въ нынѣшнемъ вѣкѣ всякое сердце желаетъ быть пронзено золотою стрѣлою, а въ случаѣ бѣдности и самая красота не очень плѣняетъ. Такимъ образомъ, для подтвержденія взаимной нашей страсти, опредѣлилъ онъ мнѣ по двѣ тысячи годоваго жалованья, выключая подарковъ и другихъ моихъ прихотей; сверхъ же тово обѣщалъ подарить мнѣ тысячу рублевъ, ежели рожу я сына, и онъ будетъ походить на него, и такъ начала я молить Бога, а то и позабыла, что небо не обязано благословлять наши беззаконія, хотя бы впрочемъ начинали мы оные и съ молитвою. Богатство сіе меня не веселило; ибо я уже видала онаго довольно, но предпріяла быть поосторожнѣе, и вознамѣрилася запастись для нужнаго случая. Опредѣлила шкатулку, въ которую клала чистые червонцы, чтобъ въ случаѣ перемѣны щастія послужила она мнѣ подпорою.

Въ сіе время судьба даровала мнѣ подругу, она была купеческая жена, но дворянская дочь, женщина весьма искусная и знающая, какъ показывать видъ такой женщины, которая имѣетъ великое богатство, а въ самомъ дѣлѣ имѣла она посредственное имѣніе, но изъ кротости и добраго домостроительства будто бы она не хотѣла признаться достаточною. Купецъ взялъ ее не за имя и не за приданое, а единственно за ее красоту, онъ ее любилъ чрезвычайно; однако жилъ съ нею въ розныхъ покояхъ для сбереженія собственной своей чести, а больше жизни. Жена ево была остра и на всякіе выдумки способна, чево онъ такъ опасался, какъ моровова повѣтрія. И въ первой мѣ-

сяцъ послѣ брака, хотѣлъ онъ ее оставить охотно, она была изъ тѣхъ женщинъ, которыя сочиняютъ романы и пишутъ предувѣдомленія къ онымъ стихами, чево ради собиралося къ ней множество остроумныхъ молодыхъ людей, кои для хорошихъ ихъ наукъ и художествъ посѣщали ее всегда въ отсутствіе ея мужа, и кто былъ поискуснѣе прочихъ, тотъ пріискивалъ для нее богатыя риѳмы. Такимъ образомъ занята она будучи риѳмотворною сею наукою, рѣдко и спала со своимъ мужемъ.

Въ первый разъ, какъ я къ ней пріѣхала, то нашла ее весьма великолѣпною, сидѣла она тогда въ постелѣ, а около ее находилося премножество людей ученыхъ, изъ которыхъ у каждаго торчала изъ кармана писаная бумага, и они по очереди передъ собраніемъ прочитывали свои сочиненія, и полагалися на вкусъ и разсужденіе хозяйки. Не удивительно мнѣ казалось, что учтивые господа просили въ томъ ее совѣтовъ, но то представлялось мнѣ чудно, что она бралася за всіо, и всякое сочиненіе хвалила и хулила такъ, какъ ей за благоразсудилось; а когда вошелъ ея мужъ, то всѣ встали, сдѣлали ему почтеніе, и вилися ему въ душу такъ, какъ будто всіо сіе собраніе были ему истинные и искренніе друзья. Я съ хозяйкою обошлася весьма ласково и безъ всякихъ дальнихъ учтивостей, ибо были мы съ нею одново ремесла, а для начала нашего знакомства часа въ полтора переговорили мы столько, что цѣлая бы школа не вычили тово въ недѣлю, я узнала, кто она такова, а она увѣдомилась обо мнѣ подробно, и такъ познакомилися мы съ нею совершенно, и назвалися сестрами до тѣхъ поръ, покамѣстъ не придетъ случай намъ разбраниться.

На другой день была я у нее на вечеринкѣ, и тутъ то насмотрѣлася различныхъ интермедій. Домъ ея показался мнѣ обитаніемъ любови, и всѣ люди ходили и сидѣли въ немъ попарно. Чуднѣе всѣхъ показался мнѣ одинъ старикъ, которой уговаривалъ тринадцатилѣтнюю дѣвушку, чтобы согласилася она выйти за нево за мужъ. Сколько уговаривалъ онъ ее словами, столько приманивалъ яблоками и апельсинами, которые очень часто вынималъ онъ изъ кармановъ и подавалъ ей съ великою учтивостію, а та не разумѣя политики, пожирала ихъ такъ исправно, какъ будто бы вѣкъ оныхъ не видала.

Въ углу сидѣлъ какой то молодецъ съ бабушкою и разговаривалъ весьма скромно. Сего молодаго человѣка хотѣла было я похвалить за то, что имѣетъ онъ почтеніе къ своимъ предкамъ, и въ угодность своей бабушки оставляетъ вертопрашныя увеселенія, но хозяйка увѣрила меня, что ето любовникъ съ любовницею. Молодой человѣкъ увѣряетъ ее, что онъ ее чрезвычайно любитъ, и убѣгая отъ хронологіи, которая престарѣлымъ кокеткамъ не весьма пріятна, говоритъ ей: вы сударыня весьма пріятны, вѣтренности въ васъ никакой быть не можетъ, и всѣхъ тѣхъ пороковъ, которые молодости приличны, зрѣлыя лѣта имѣютъ свою цѣну, и вы будете обузданіемъ моей молодости. Онъ имѣлъ намѣреніе на ней жениться съ тою надеждою, что сія беззубая Грація не проживетъ на свѣтѣ больше года, а достаточное ее приданое сдѣлаетъ молодцу изрядное удовольствіе.

Высокій и пузатой дѣтина былъ тутъ всѣхъ вольнѣе, по причинѣ той, что онъ въ случаѣ нужды служилъ въ великое удовольствіе хозяйкѣ; хохоталъ такъ громко, что заглушалъ басовую скрыпицу. Онъ игралъ въ карты съ нѣкоторою дѣвицею, которая такъ была тучна, что весьма много походила на скелета. Ето была ево невѣста, которую онъ съ высоты своей премудрости назначилъ къ себѣ на ложе.

Тамъ позолоченой офицеръ повертывался около одной судейской жены и училъ ее умноженію. Индѣ красавица приставала къ задумчивому щеголю и представляла ему себя ко услугамъ. Посерединѣ сидѣлъ малорослой стихотворецъ, и прокрикивалъ стихи изъ сочиненной имъ трагедіи, потъ валитъ съ нево какъ градъ, а сожительница ево въ то время бѣлымъ платкомъ утирала напольнаго офицера. Однимъ словомъ, нашла я тутъ любовную школу, или домъ беззаконія. Впрочемъ хозяйка имѣла передо-всѣми преимущество, съ кѣмъ бы какой кавалеръ ни началъ свою любовь, то съ хозяйкою непремѣнно оную окончаетъ, по причинѣ той, что она была женщина всякой похвалы достойна, и любила сожителя своего гораздо издалека. Свидаль за мною заѣхалъ, и такъ простившися со всѣми поѣхала я домой, тутъ вселилося въ меня разсужденіе о женщинахъ. Многія бываютъ изъ насъ черезвычайно вѣтрены, и для тово нѣкоторые ученые люди и господа философы всѣ вообще насъ ненавидятъ, однако по разсужденію моему нашла я, что хула ихъ сама

по себѣ ничево не значитъ; ибо для прелестей сего пола нерѣдко дурачились господа философы. Сократъ почти былъ главной неприятель рода нашего; однако не могъ обойтится безъ женитьбы, и въ воздаяніе за презрѣніе къ намъ имѣлъ онъ жену самую своенравную, которая съѣдала ево сердце такъ, какъ ржа желѣзо.

Былъ у меня въ службѣ малороссіянинъ, дѣтина проворный и услужливой, онъ выкидывалъ разныя штуки, какъ то глоталъ ножи и вилки, выпускалъ изъ яицъ голубятъ, и продѣвалъ сквозь щеку иглу, запиралъ губы замкомъ и прочая, по чему заключили объ немъ, что онъ колдунъ. По утру разсказывалъ онъ мнѣ, что служанка моей знакомки открыла ему нѣкоторую тайность, а именно, съ полгода уже тому времени госпожа ея ищетъ такова человѣка, который бы извелъ ея мужа, но чтобы было ето безпримѣтно, и дастъ за ето сто рублевъ, и просила моево слугу, чтобы онъ вступился въ ето дѣло. Я не отказался, продолжалъ онъ, и хочу ей услужить. Услышавъ отъ нево такое намѣреніе, я испугалась и говорила ему, что я на ето не согласна и конечно намѣреніе ево объявлю всѣмъ людямъ. При семъ словѣ онъ усмѣхнулся, и сказалъ, вы конечно сударыня еще немного искусилися въ свѣтѣ, и думаете, что люди дѣлаются врагами себѣ самопроизвольно. Я знаю, что отвѣчать за ето тяжело, и для тово конечно не впущусь въ дурныя слѣдствія, намѣренъ сыграть комедію, за представленіе которой получу я сто рублевъ, невинной же купецъ останется живъ, первое вступленіе начну я сево дня, увольте меня къ нимъ. Я ево отпустила и онъ пошолъ, однако разсудилось мнѣ, что при играніи сей комедіи должно быть мнѣ самой и открыть ее Свидалю, чтобъ не произошло изъ тово какова худа. Какъ я думала такъ и сдѣлала.

Слуга мой пришолъ, и принесъ пятьдесятъ рублевъ, которые взялъ онъ у нихъ на составленіе яду, ибо онъ разсказывалъ имъ, что ядъ, который начинаетъ дѣйствіе свое черезъ недѣлю, становится весьма дорого. Свидаль спрашивалъ ево, что же онъ намѣренъ дѣлать? Составить ядъ, отвѣчалъ онъ: вы увидите, что и я непослѣдней медикъ, а составивъ оной, при васъ же выпью ево рюмку, чтобы вы не опасались изъ того худыхъ слѣдствій. И такъ варилъ онъ нѣкакія травы, и составлялъ тотъ ядъ часа съ два, а какъ спросили мы ево, во что онъ ему сталъ, то онъ сказалъ намъ, что въ шесть копѣекъ съ полушкою. Наливши ево въ склянку, остатки выпилъ при насъ, и сказалъ, что естьли принять сей составъ въ пивѣ, то дней черезъ пять на полчаса времени столько разсердится человѣкъ, что готовъ будетъ переколоть всѣхъ своихъ домашнихъ, или кто ему ни попадется, и послѣ никакова вреда чувствовать отъ тово не будетъ. Мы ему въ томъ повѣрили, и отпустили ево съ составомъ къ моей знакомкѣ, которой далъ онъ наставленіе, какъ поступать въ то время, когда будетъ дѣйствовать данной ему ядъ. Въ пятой день по утру, какъ сказывали намъ, купецъ взбѣсился и метался на всѣхъ своихъ домашнихъ, такимъ образомъ связали ему руки и ноги и положили въ постелю. Знакомка моя послала за всею роднею, которые собрались видѣть ее нещастіе, къ чему приглашена была и я, Свидаль также хотѣлъ тово поглядѣть, и такъ поѣхали мы оба. Въ то время, какъ мы пріѣхали, пересталъ уже ядъ дѣйствовать, и купецъ находился въ прежнемъ своемъ разсудкѣ; однако всѣ люди утверждали, что онъ безъ ума, и что разумъ ево совсѣмъ помѣшался, онъ доказывалъ, что онъ въ трезвомъ разсудкѣ; только никто тому не вѣрилъ, и развязывать ево не хотѣли. Наконецъ принялся онъ просить ихъ, чтобы они ево освободили, но изъ сожалѣнія къ нему сдѣлать етова не хотѣли. Потомъ началъ онъ всѣхъ ругать, и говорилъ, что конечно въ етотъ день весь свѣтъ сошолъ съ ума, такимъ образомъ пріятели и родные принялися ево уговаривать, а жена, сидя противъ ево, плакала, и приказывала людямъ, чтобы они держали ево крѣпче, онъ скрежеталъ на нее зубами и хотѣлъ перекусить ее пополамъ.

Жена увѣряла всѣхъ, что онъ уже безнадеженъ, и для того хотѣла при всѣхъ освидѣтельствовать, сколько у нево векселей и другихъ записокъ, и какъ стали вынимать у нево для тово ключи, то началъ онъ кричать караулъ, разбой, грабятъ и прочая. Чего ради многіе присовѣтовали окурить ево ладономъ, и крестить поминутно, чтобы отогнать отъ нево нечистую силу, которая невидимо мучила ево несказанно. Нещастной купецъ не зналъ, что тогда и дѣлать, принялся онъ за слезы, и началъ весьма горестно плакать. Всѣ слезамъ ево соотвѣтствовали, однако никто

развязать ево не хотѣлъ, ибо жена и всѣ ихъ домашніе сказывали, что онъ всѣхъ было перерѣзалъ, и что вѣрить ему ни въ чемъ уже не надобно; ибо онъ совсѣмъ рехнулся. Не было ему избавленія ни въ комъ, того ради началъ онъ просить отца духовнаго. Въ одну минуту за нимъ послали, и когда онъ пришолъ, то вышли всѣ изъ комнаты и оставили ихъ двоихъ.

Съ полчаса спустя времени, вышелъ оттуда священникъ и говорилъ всѣмъ, что онъ находитъ ево въ совершенномъ умѣ, и въ надлежащей памяти, и вы напрасно такъ строго съ нимъ поступаете, примолвилъ онъ: развяжите ево, я васъ увѣряю, что онъ нимало не помѣшался въ разумѣ, и такъ оставилъ онъ ихъ домъ, смѣяся можетъ быть ихъ дурачеству. Всѣ тутъ бывшіе хотѣли безпрекословно священникову приказу повиноваться, а одна только жена тому противилась, и просила всѣхъ со слезами, чтобъ не развязывали ея супруга, однако ее не послушались и развязали. Человѣкъ, столь огорченной, конечно позабудетъ всякую благопристойность и вознамѣрится отомстить своему злодѣю, купецъ бросился на свою жену, и ухватя ее за волосы повалилъ на полъ. Всѣ, сколько тутъ ни было людей, бросилися на него, и не смотря ни на сопротивленіе ево, ни на просьбу, скрутили ево опять, и положили въ постелю, приговаривая, теперь уже ты насъ не обманешь, изволько опочивать спокойно, а то ты неугомоненъ.

Купецъ, не видя способа ко избавленію своему, умолкъ и попустилъ свирѣпствовать надъ собою несчастію, о которомъ думалъ онъ, что оно по прошествіи злова времени угомонится, и что люди, пришедши въ разумъ, признаютъ ево не сумасшедшимъ, и такъ положилъ онъ покориться бѣснующемуся року.

Время уже подходило къ обѣду, а хозяинъ страдалъ еще въ пеньковыхъ оковахъ, наконецъ принужденъ онъ былъ признаться, что онъ дѣйствительно сходилъ съ ума, и теперь благодаря судьбину, пришолъ въ прежнее чувство, такимъ образомъ, далъ онъ клятву, что никово больше обезпокоивать не будетъ, и разрѣшился отъ связанія. Весело было тогда смотрѣть, какъ онъ ходилъ по горницѣ задумавшись, и всѣ боялись подступить къ нему, и ходили около ево кругомъ. Что ему тогда представлялось, когда всѣ люди почитали ево неправильно съумасшедшимъ? На конецъ набрали на столъ и всѣ сѣли, на всемъ столѣ не было ни одново ножа, ни вилки, ибо опасалися, чтобъ тутъ не нашолъ на нево благой часъ, и не закололъ бы онъ ково нибудь. Въ самое ето время пріѣхали гости, оныхъ увѣдомили еще въ передней о нещастіи хозяина, вошедши они стали у дверей, и говорили ему оттуда: здравствуй государь мой, а подступить къ нему боялись, и сѣвши за столъ, глядѣли на нево съ удивленіемъ, такъ какъ на сущаго дурака. Досада написана была на ево лицѣ, онъ хотѣлъ въ сіюжъ минуту отомстить своей злодѣйкѣ, но боялся опять быть связаннымъ. Хотѣлося ему хотя исподволь увѣдомиться о своей судьбинѣ, и лишь только спросилъ онъ, почему вы сочли меня безумнымъ, то всѣ было бросились опять ево вязать, ибо думали, что опять блажъ на него нашла. Поистинѣ казался онъ мнѣ жалокъ, что будучи въ домѣ хозяиномъ, не могъ ни женѣ, ни слугамъ своимъ выговорить ни слова.

Свидаль съ позволеніемъ хозяевъ вышелъ на часъ изъ за стола, и пришедши оттуда, говорилъ хозяину, что есть у него слуга, которой великой мастеръ сказывать сказки, не угодно-ли вамъ, пускай онъ скажетъ одну для разогнанія безпокойныхъ вашихъ мыслей. Хозяинъ былъ тому чрезвычайно радъ, и говорилъ съ Свидалемъ почти сквозь слезъ. Свидаль кликнулъ нашего малороссіянина и приказалъ ему сказывать, а выходя научилъ ево, что говорить и какъ, а слуга приказъ ево совершенно долженъ былъ исполнить, и такъ началъ онъ свою сказку, которая не только всѣхъ, но и меня чрезвычайно удивила для тово, что я совсѣмъ о томъ не думала. а Свидаль сдѣлалъ ето изъ одново сожалѣнія къ хозяину, о которомъ соболѣзновалъ онъ уже нестерпимо.

СКАЗКА.

«Нѣкоторой богатой купецъ, пришедши въ совершенной возрастъ, и не имѣя у себя ни отца, ни матери вздумалъ жениться. Онъ не искалъ приданаго, а искалъ красавицу и добродѣтельную, и чтобы была она обучена всѣмъ тѣмъ художествамъ и наукамъ, которыя бы дѣлали ее разумною матерью, попечительною хозяйкою и любови достойною женою, но какъ нынѣ весьма трудно

сыскать такую женьщину, то напалъ онъ на дочь нѣкотораго секретаря, которая была довольно хороша, и знала ту науку наизусть, которая не позволяетъ оставлять молодова мущину въ нуждѣ. Впрочемъ была она и не безъ приданаго и принесла за собою весьма много имѣнія, которое состояло въ недѣйствительныхъ рукоприкладныхъ бумажкахъ, пространныхъ требованіяхъ и въ нелестной надеждѣ, что получитъ она наслѣдство послѣ своего дяди, который теперь находится за дѣлами въ Сибири, и естьли онъ умретъ, не женяся, бездѣтенъ и не оставивъ послѣ себя духовной»...

При семъ словѣ хозяинъ, обернулся къ слугѣ, сказалъ, пожалуй на часъ. И потомъ говорилъ Свидалю, государь мой, ето настоящая моя исторія, и ее бы я чаю ни самой лучшей сочинитель описать такъ живо не могъ. Извольте слушать, сказалъ ему Свидаль, окончаніе ея вамъ будетъ весьма пріятно, а хозяюшкѣ вашей поносно, но пороки всегда публично наказываются, и ето я дѣлаю изъ сожалѣнія къ вамъ. Я знаю, что вы не безъ ума, будьте хозяинъ въ своемъ домѣ и прикажите ей сидѣть и слушать. А знакомка моя хотѣло было тогда итти вонъ, хозяинъ ей приказалъ, чтобы она сидѣла, и естьли ты что сдѣлала дурно, то пускай и родители твои ето услышатъ, а они теперь находятся съ нами. Изволь продолжать, говорилъ хозяинъ слугѣ нашему, а милостію твоего господина я очень много обязанъ, и вижу, что безумство мое выходитъ теперь наружу, чему я чрезвычайно радъ.

«Бракъ ихъ совершился, и она въ половинѣ перваго мѣсяца мужемъ своимъ наскучила, и начала успокоевать натуральное къ нему омерзѣніе съ нѣкоторыми риѳмосплетателями, которые посѣщали ее всякой часъ. Сожитель ея такое посѣщеніе хотя и щиталъ подозрительнымъ, однако говорить ей о томъ не смѣлъ, ибо переливалася въ жилахъ его благородная кровь, такъ онъ опасался ее обезчестить. На конецъ познакомилася она съ нѣкоторою госпожею, которая называется Мартона и у которой находился во услугахъ малороссіянинъ Ораль. Оной слуга зналъ различные фокусы, и для тово почитали ево колдуномъ. Супруга тово купца ево подговорила, чтобы онъ отравилъ ея мужа, и обѣщала ему за то сто рублевъ. Ораль взялся и объявилъ ето своей госпожѣ, которая опасаясь худово слѣдствія, спрашивала своего слуги, какой намѣренъ онъ составить ядъ? А какъ тотъ ее увѣдомилъ, что онъ къ безбожному столь дѣлу приступить не намѣренъ, а желаетъ только получить обѣщанныя ему деньги, и купецкую ту жену обмануть. И такъ составивъ ядъ, выпилъ онъ самъ прежде предъ своею госпожею яду тово рюмку; слѣдовательно было то дѣйствительнымъ доказатекьствомъ, что ядъ тотъ не вреденъ. Взялъ тотъ слуга съ госпожи купецкой жены денегъ пятьдесятъ рублевъ для составу того яду: онъ сдѣлалъ въ шесть копѣекъ съ полушкою и отдалъ ей въ руки. Она поднесла своему мужу съ тѣмъ намѣреніемъ, что онъ умретъ; и какъ сдѣлался съ нимъ нѣкоторой припадокъ, то ево связали и положили на постелю. А окончаніе моей сказки сдѣлалося съ вами господинъ хозяинъ: вы оное знаете, да и всѣ ваши гости, слѣдовально доказывать я вамъ не буду».

Послѣ сего слова вскочилъ хозяинъ съ своего мѣста и поцаловалъ нашего слугу въ темя, благодаря ево за избавленіе свое отъ смерти, и далъ ему еще четыреста пятьдесятъ рублевъ, имѣй ты теперь пятьсотъ за твою добродѣтель. Что же касается до жены моей, то я скажу данное намъ отъ праведныхъ правило: «уклонися отъ зла и сотвори добро», и совсѣмъ отомщевать ей за ея беззаконіе не намѣренъ. Будите ли вы довольны сударыня, говорилъ онъ ей, я куплю вамъ деревню на ваше имя: вы извольте туда ѣхать и живите тамъ благополучно. Мнѣ вы не надобны, и я жить съ вами больше не намѣренъ, а чтобы не понести вашей чести, то я нигдѣ о нещастіи моемъ и говорить не буду.

Такимъ образомъ кончилась комедія, въ которой былъ первымъ дѣйствующимъ лицемъ мой слуга, и который былъ хозяиномъ чрезвычайно доволенъ. Купецъ вознамѣрился дѣйствительно купить деревню своей женѣ, и ее туда сослать, благодарилъ моево любовника за посрамленіе ево сожительницы. И такъ разсталися мы съ ними въ тотъ вечеръ, хотя и не думали, чтобъ на долго, однако противъ чаянія нашего на вѣки.

Вся наша жизнь состоитъ въ провожденіи времени. Нѣкоторые люди проводятъ ее въ трудахъ и въ дѣлахъ обществу полезныхъ, и другіе въ праздности и бездѣлкахъ, не смотря на то, что

роскошь и праздность, какъ два сосца всѣхъ пороковъ, подъ видомъ сладости вливаютъ въ душу нашу и тѣло зловредную язву, наносятъ бѣдность и смертельныя болѣзни, а въ любви всѣ люди упражняются на досугѣ.

Свидаль отъ гражданскихъ дѣлъ былъ завсегда свободенъ; а я необязана была никакою должностію; слѣдовательно были мы люди праздные, или бездѣльные, такимъ образомъ ни одного часа и ни одной минуты не упускали упражняться въ любовныхъ обращеніяхъ.

По прошествіи довольнаго времени получила я письмо слѣдующаго содержанія.

Государыня моя!

«Природа производитъ человѣка на свѣтъ съ тѣмъ, чтобъ по испытаніи разныхъ коловратностей онаго умереть, слѣдовательно никто избѣгнуть не можетъ опредѣленной сей части. Щастливъ тотъ человѣкъ, который умираетъ благополучно, и не чувствуя никакой бѣды, оставляетъ сей свѣтъ безъ сожалѣнія. А я пренещастливой смертный, лиша пріятеля моего жизни, лишился черезъ то любовницы, и нынѣ для той же причины лишаюся жизни... Несносное мученіе! ужасъ меня объемлетъ, когда приступаю увѣдомить васъ о моемъ нещастіи. Я принялъ ядъ, готовлюся къ смерти, и ожидаю оныя весьма скоро, и осмѣливаюся просить васъ, чтобы вы удостоили меня увидѣть васъ въ послѣдній разъ. Слуга мой скажетъ вамъ гдѣ я, ожидающій васъ съ нетерпѣливостію».

Ахаль.

Хотя гонители премудрости и наперстники Венерины господа петиметры и говорятъ, что сожалѣнію нашей сестрѣ ни мало не сродно; однако я почитаю, что они въ семъ случаѣ столько знающи, сколько философы въ доказательствѣ о томъ, что есть поцалуй. Прочитавъ сіе письмо, почувствовала я въ себѣ ужасное сокрушеніе. Дурной противъ меня поступокъ Ахалевъ совсѣмъ истребился изъ моей памяти, и одни только ево благодѣянія представлялися живо въ моемъ понятіи. Я плакала о ево кончинѣ и сожалѣла ево столько, сколько сожалѣетъ сестра о родномъ своемъ братѣ, которой наградилъ ее приданымъ, и отъ котораго не остается ей въ наслѣдство ни капли. Послала я тотчасъ увѣдомить о семъ Свидаля, которой ни мало не медля пріѣхалъ ко мнѣ и велѣлъ мнѣ готовиться ѣхать къ Ахалю, чтобъ застать ево въ живыхъ. Такимъ обрасомъ весьма въ скорое время мы собралися и поѣхали оба вмѣстѣ, а слуга Ахалевъ былъ у насъ провожатымъ.

То мѣсто, въ которомъ Ахаль находился, было отъ Москвы верстъ за двадцать, и когда мы начали подъѣзжать къ нему, то Свидаль вышелъ изъ кареты и велѣлъ мнѣ одной ѣхать, а самъ хотѣлъ показаться Ахалю послѣ, и просилъ меня и слугу ево, чтобы мы не сказывали Ахалю, что Свидаль находится въ живыхъ; ибо онъ самъ хотѣлъ передъ нимъ извиниться и испросить у него прощенія въ толь гнусномъ и неумышленномъ проступкѣ.

Какъ только взъѣхала я на дворъ, то услышала ужасной плачъ ото-всѣхъ домашнихъ; ибо етотъ былъ дворъ Ахалевъ, которой купилъ онъ на мои деньги. Я думала, что онъ уже скончался, ноги мои подогнулись, и я находилася тогда внѣ себя, какъ выходила изъ кареты; однако увѣдомили меня, что онъ еще живъ. Когда я вошла въ комнату, то видъ оной представился мнѣ весьма страшнымъ: она обита была, какъ полъ, такъ стѣны и потолокъ, и словомъ все черною фланелью, кровать стояла съ такимъ же занавѣсомъ, на которомъ положена была бѣлая высѣчка, столъ покрытъ также чернымъ, а другой столъ впереди; на ономъ видѣнъ былъ крестъ, подъ которымъ лежалъ черепъ человѣческой головы и двѣ кости, а передъ образомъ стояла лампада. Ахаль сидѣлъ за столомъ и читалъ книгу, на немъ былъ черной шлафоркъ и черной колпакъ съ бѣлою обивкою: онъ, читая, плакалъ черезвычайно горестно. Услышавши, что я вошла, взглянувъ на меня съ великимъ прискорбіемъ и, залившись пуще слезами, говорилъ такъ: Государыня моя, вы видете такова человѣка, которой оставляетъ сей свѣтъ и отходитъ въ неизвѣстную ему дорогу. Различныя вображенія терзаютъ мое сердце, и неукротимая совѣсть, какъ первой судія дѣлъ нашихъ, представляетъ мнѣ ясно, что я всѣмъ на свѣтѣ гнусенъ, сдѣлавшись смертоубійцею самопроизвольно, душа, пораженная моею рукою, кажется мнѣ, что стоитъ у престола правосудія, и проситъ праведнаго мнѣ отмщенія; и такъ предупреждая гнѣвъ судьбины, наказалъ я самъ себя за сдѣланное мною злодѣйство. Сядьте сударыня, я раскажу вамъ мое нещастіе.

Какъ приступилъ я къ богопротивному дѣлу и умертвилъ Свидаля, о томъ я чаю увѣдомлены вы отъ ково нибудь; а я будучи въ заблужденіи моево разума, разсказать вамъ не въ силахъ. Простившися съ вами, предпріялъ я бѣжать отъ моего беззаконія и лишиться того мѣста, которое представляло мнѣ живо мое злодѣйство и грозило за то правильнымъ и безчестнымъ наказаніемъ. Отъ мѣста я удалялся, но отъ терзанія совѣсти моей удалиться не могъ: оно за мною всюду слѣдовало, вездѣ меня мучило и приводило въ раскаяніе. Наконецъ напалъ на меня ужасный страхъ, и когда я засыпалъ, то Свидаль, приходя будилъ меня, и стоя передо мною плакалъ весьма горько. Ужасъ меня обуялъ, и я ни днемъ, ни ночью не имѣлъ покоя. Гдѣ я ни ходилъ, страхъ за мною слѣдовалъ, и наконецъ собственная моя совѣсть приводила меня въ ужасъ. Не видавъ никакова способа къ моему избавленію, предпріялъ я окончать поносную жизнь и лишиться того свѣта, котораго я ненавидѣлъ, можетъ быть неосновательно, и которой возненавидѣлъ меня справедливо. Возвратился я сюда, и какъ скоро прибылъ, то учредивъ всіо къ моей кончинѣ, выпилъ ядъ, и почитаю уже себя мертвымъ, а при кончинѣ жизни моей вижу, что я еще щастливъ и могу проститься съ тою, для которой я жилъ и пострадалъ. Увѣрялъ я васъ въ моей жизни, что я васъ люблю, и при кончинѣ оной тоже подтверждаю. Вотъ вамъ крѣпость на сей дворъ, которой я купилъ на ваши деньги; и она писана на ваше имя, вотъ вамъ и моя духовная; я безроденъ, и отказалъ всіо сіе имѣніе вамъ. Симъ свидѣтельствую, что вы мнѣ были милы.

При сихъ словахъ не могла я удержаться отъ слезъ, и была уже не въ силахъ сокрывать ту тайну, о которой просилъ меня Свидаль, и какъ только вознамѣрилася было говорить ему объ оной, то увидѣла, что лицо ево перемѣнилось, глаза остановилися, ужасное трясеніе вступило во всѣ ево члены. Онъ не говорилъ больше ни слова, и жалъ весьма крѣпко мою руку. Я подумала, что уже конечно послѣдній часъ ево жизни наступаетъ, и выпитой имъ ядъ начинаетъ свое дѣйствіе. Чего ради закричала я, чтобы вошли къ намъ люди! Отъ голосу моего пришолъ онъ нѣсколько въ себя и сталъ просить у меня извиненія въ томъ, что можетъ быть въ чемъ нибудь онъ меня обезпокоилъ, и говорилъ уже весьма смутно такъ, что ни начала, ни окончанія ево рѣчи примѣтить было невозможно, и казался онъ мнѣ совсѣмъ отчаяннымъ жизни. Я просила ево слугъ, чтобы постаралися они сыскать Свидаля и увѣдомить ево, что Ахаль уже отходитъ, и чтобы онъ спѣшилъ принести ему свое извиненіе. Услышавъ имя Свидаля пришолъ онъ въ пущей безпорядокъ; ужасъ ево обнялъ и мало подкрѣпляющій ево разумъ совсѣмъ уже оставилъ. Въ великомъ иступленіи говорилъ онъ такъ, ужасная тѣнь! хотя при послѣднемъ моемъ издыханіи оставь меня въ покоѣ. Я знаю, что мщеніе твое справедливо, справедливъ твой гнѣвъ и твой убійца достоинъ отъ тебя всякаго наказанія. Я трепещу, и безъ великаго ужаса взглянуть на тебя не смѣю. Ты представляешься мнѣ въ крови, безъ дыханія и безъ гласа. Всіо оное я у тебя отнялъ, всему причиною я, и достоинъ всякаго истязанія во адѣ. Я готовъ на всѣ муки, какія только тебѣ и огорченной мной судьбинѣ угодны. Я мерзокъ самъ себѣ, и для тово самъ и прекратилъ ненавистные дни мои, и сожалѣю, что лютая смерть еще медлитъ вырвать изъ меня съ мученіемъ мою душу. Я уже готовъ и всіо къ тому учреждено.

Всѣ, сколько насъ тутъ ни было, старалися подавать ему помощь. Я плакала неутѣшно, а слуги ево ревѣли несказанно; ибо онъ милостивой до нихъ господинъ. Посылала я за лѣкарями, но мнѣ сказано, что запрещено имъ подъ проклятіемъ никакова не привозить къ нему, и что они дали въ томъ ему присягу; слѣдовательно, что мнѣ взошло только на умъ, тѣмъ я ево и пользовала. Нѣсколько онъ опамятовался и просилъ меня, чтобы я не трудилась въ подаваніи ему помощи, ибо она уже для меня ненадобна, говорилъ онъ. Въ самое сто время вбѣжалъ весьма поспѣшно Свидаль. Какъ скоро увидѣлъ ево почти базчувственной Ахаль, рванулся изъ нашихъ рукъ и пришолъ въ ужасное иступленіе; бился онъ и рвался, кричалъ, сколько силы ево дозволили, и походилъ совсѣмъ на съумасшедшаго. Сколько силъ нашихъ было, мы ево держали, и прикрыли наконецъ одѣяломъ, чтобъ нѣсколько собралъ онъ расточеннаго своего разума, и лишился бы того ужаса, которой онъ почувствовалъ, увидѣвши убитаго имъ Свидаля, какъ онъ объ етомъ думалъ и представлялъ, что злодѣйство его выше всякаго беззаконія на свѣтѣ.

———

1588. Придворный мѣсяцесловъ на лѣто отъ Рождества Христова 1780 года, которое есть високосное. С.-Петербургъ, при Императорской Академіи Наукъ. — Въ 16 д. л., съ гравюрой.

См. «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки» за 1878 годъ, гдѣ сказано, что календари, изданные до 1825 года составляютъ большую библіографическую рѣдкость, ибо не разошедшіеся экземпляры уничтожены во время пожара Зимняго Дворца, въ 1837 году, и не имѣются даже экземпляры въ канцеляріи Министерства Императорскаго Двора.

1589. Придворный календарь или мѣсяцословъ на лѣто отъ Рождества Христова 1768, которое есть високосное, содержащее 366 дней. — Въ Санктпетербургѣ. Печатанъ при Императорской Академіи Наукъ. 24°. 68 нен. стр.

Изданіе очень любопытное и рѣдкое. — См. «Матеріалы для русской библіографіи» Н. В. Губерти—№ 152.

1590. Придорожные кресты въ Чехіи и Моравіи и византійское вліяніе на Западѣ. М. Сперанскаго. Москва, въ типографіи товарищества А. И. Мамонтова. 1895 года.—Въ 8 д. л., 23 стран. и 2 таблицы рисунковъ.

Отдѣльный оттискъ изъ «Археологическихъ извѣстій и замѣтокъ» (№ 12, 1895 г.), отпечатанный въ количествѣ только пятидесяти экземпляровъ—не для продажи.

1591. Признательность псковскихъ гражданъ. (Историческія сцены 1812 года). Н. Лебедева.—Санктпетербургъ, въ типографіи Трусова. 1854 года — Въ 8 д. л., 34 стр.

Это рѣдкое сочиненіе подраздѣляется на три сцены, происходящія въ Псковѣ: 1-я, въ домѣ купца Шарина; 2-я, въ общественномъ городскомъ залѣ; 3-я, въ корпусной квартирѣ графа Витгенштейна, въ мызѣ Соколицѣ.

См. списокъ рѣдкихъ книгъ, помѣщенныхъ барономъ Богушевичемъ въ «Библіографѣ» за 1880 годъ.

1592. Приказы по 1-й Арміи. 1824—1826 годовъ. Главная квартира. Могилевъ.—Въ 4 д. л., 109 приказовъ.

Въ этомъ чрезвычайно рѣдкомъ изданіи помѣщено 109 приказовъ по 1-й арміи; всѣ приказы за подписью главнокомандующаго генералъ-фельдмаршала графа Сакенъ.

Изданіе въ продажу не поступало.

1593. Приказы дѣйствующей арміи во время компаніи 1830—1831 годовъ.—Въ 4 д. л.

Это изданіе въ настоящее время принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

См. «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки» за 1852 годъ, стр. 79-я.

1594. Приключеніе четырехъ россійскихъ матросовъ къ острову Шпицбергену бурею принесенныхъ, гдѣ они шесть лѣтъ и три мѣсяца прожили.— Переведено съ нѣмецкаго. Въ С.-Петербургѣ. 1772 года.—Въ 16 д. л., 71 стр.

Это крайне рѣдкое и чрезвычайно любопытное изданіе. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, за № 9084.

Купленъ мною экземпляръ за 3 рубля въ хорошемъ видѣ.

1595. Приключенія молодого матроса на пустынномъ островѣ, или двѣнадцатилѣтній Робинзонъ. Сочиненіе г-жи Болье. Переводъ съ французскаго. Москва, типографія Селивановскаго. 1823 года. — Въ 12 д. л.

Въ этомъ рѣдкомъ изданіи заглавный листъ украшенъ превосходною виньеткою и кромѣ того къ книгѣ приложены четыре гравюры внѣ текста, съ слѣдующими надписями: 1) Возгорѣніе. Сундукъ вскрылся; 2) Сраженіе съ обезьянами; 3 и 4) изображаютъ Робинзона, кормящаго ребенка молокомъ.

Это весьма любопытное дѣтское изданіе куплено мною за 2 рубля.

1596. Приложеніе къ маршруту путешествія Его Императорскаго Высочества

Государя Наслѣдника Цесаревича изъ Владивостока чрезъ Хабаровку, Благовѣщенскъ, Иркутскъ, Томскъ, Омскъ и Оренбургъ до Уральска. — Въ 16 д. л., 75 стр.

Въ этомъ маршрутѣ на лѣвой сторонѣ страницы показаны города и станціи и время прибытія, а на правой сторонѣ страницы описаны войска, военныя управленія, заведенія и учрежденія, находящіяся въ попутныхъ пунктахъ и краткія историческія и статистическія свѣдѣнія о послѣднихъ.

Эта брошюра, имѣющая историческое значеніе, была напечатана въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, для раздачи по особому назначенію.

Это рѣдкое изданіе куплено мною за 10 рублей.

1597. Приложеніе къ сказаніямъ Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи. С.-Петербургъ, въ типографіи Замысловскаго (безъ означенія года). — Въ листъ, съ рисункомъ и планами.

Въ началѣ этой книги говорится нѣсколько словъ:

Къ изданію сказаній Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи археографическая коммиссія опредѣлила приложить портретъ Массы, планъ Москвы (1606 г.) и планъ дворца Лжедимитрія I (см. стр. 166). Портретъ Массы и планъ Москвы исполнены по заказу князя Михаила Андреевича Оболенскаго за границей и принесены въ даръ коммиссіи сотрудникомъ ея княземъ Григоріемъ Дмитріевичемъ Хилковымъ.

Григоровичъ, Дмитрій Васильевичъ.

Знаменитый писатель. Авторъ извѣстныхъ произведеній: «Антонъ-горемыка», «Деревня», «Гутаперчевый мальчикъ» и др.
Род. 19 марта 1822 г., ум. 22 Дек. 1899 г.

Портретъ Массы, гравированный Матамомъ, написанъ извѣстнымъ голландскимъ художникомъ Галсомъ, въ 1635 году, когда ученому географу было сорокъ восемь лѣтъ. На этомъ портретѣ находится слѣдующая, любопытная для біографіи Массы, надпись: «Преслѣдуемый ненавистью и завистью, онъ, ища себѣ чести, принималъ участіе въ посольствахъ къ царю и королю, своею службою пріобрѣлъ ихъ милость и штаты выказывали ему свое довѣріе. Когда же ихъ расположеніе къ нему, преслѣдуемому завистью, охладѣло, онъ, укрѣпляясь надеждою на Господа Бога, добился самой значительной милости со стороны Готскаго государя *) и посмѣялся надъ завистью. Теперь, возвысившись **) и разбогатѣвъ, онъ съ покойнымъ духомъ ожидаетъ вѣчнаго блаженства».

Планъ Москвы, на которомъ внизу находится надпись («Это есть вѣрное изображеніе города Москвы съ ея стѣнами и рѣками») есть снимокъ съ замѣчательнаго по своей вѣрности, какъ свидѣтельствуетъ Масса, плана, начертаннаго однимъ русскимъ дворяниномъ (см. стр. 187—189).

На этомъ планѣ изображена мѣстность, расположенная по обоимъ берегамъ р. Москвы, отъ Хорошевскаго колѣна внизъ по ея теченію и по ея притокамъ съ лѣвой стороны: Ходынкѣ, Неглинной и Яузѣ.

На правомъ берегу р. Москвы, къ западу отъ города Москвы. посреди крутыхъ прибрежныхъ обрывовъ, близъ нынѣшняго села Кунцова, на планѣ означена церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, что на городищѣ, памятникомъ существованія которой въ настоящее время служатъ только надгробныя плиты, нѣкогда существовавшаго при ней кладбища.

Между крестьянами села Кунцова и деревень Мазилова, Филей, Крылатскаго и другихъ, прилегающихъ къ бывшему городищу, на которомъ нѣкогда стояла эта церковь, сохранилось слѣдующее преданіе: церковь, что на городищѣ, ушла въ землю вмѣстѣ съ крестомъ, стоявшимъ на ея главѣ, ушла же потому, что была поставлена на идольскомъ требищѣ, вслѣдствіе чего мѣсто, нѣкогда занятое церковью, и кладбище, окруженное теперь густымъ лѣсомъ, слыветъ проклятымъ *).

Близъ нынѣ существующаго Дорогомиловскаго кладбища изображены на планѣ два шатра, раскинутые на высокомъ берегу р. Москвы для встрѣчи Марины и подлѣ нихъ царская колесница (описаніе ея на стр, 183 и 184). Направо отъ этихъ шатровъ, за рѣчкой Сѣтунью, видѣнъ городокъ и лагерь изъ бѣлыхъ палатокъ, устроенный самозванцемъ для отдыха въ немъ Марины послѣ ея путешествія отъ Самбора до Москвы съ 2 марта по 9 мая 1606 г. Ея торжественный въѣздъ изъ лагеря въ Москву изображенъ на планѣ.

Путь, по которому Марина должна была проѣхать въ Кремлевскій Вознесенскій дѣвичій монастырь—легко замѣтить на планѣ. Путь этотъ идетъ отъ Дорогомиловскаго моста Арбатомъ до воротъ Бѣлаго города, затѣмъ поворачиваетъ влѣво вдоль стѣны этого города мимо Никитскихъ до Тверскихъ воротъ и отсюда Тверскою улицею черезъ мостъ на р. Неглянной и Воскресенскія ворота Китая города, по Красной площади къ Спасскимъ Кремлевскимъ воротамъ. На всемъ этомъ пути были разставлены войска.

Черезъ р. Неглинную, которая изображена на планѣ такою же широкою, какъ и р. Москва, перекинуты четыре моста: Кузнецкій, Воскресенскій, Троицкій и Боровицкій. Москворѣцкій мостъ и мостъ на р. Яузѣ означены на планѣ тамъ же, гдѣ они находятся и теперь. Кремль, Китай городъ, а также и Бѣлый городъ соединены укрѣпленіями. Близъ того моста, гдѣ нынѣ воздвигается храмъ Христа Спасителя, на берегу р. Москвы находится обширное укрѣпленіе.

Въ Бѣломъ городѣ, на мѣстѣ нынѣшней Лубянской площади до Солянки находится на планѣ пустырь, имѣющій холмистую поверхность. Онъ простирается внизъ по теченію р. Неглинной къ сѣверной стѣнѣ Китая города.

Улицы: Воздвиженка, Никитская, Тверская, Дмитровка, Петровка и другія имѣютъ то же направленіе, какое онѣ имѣютъ и теперь. Иванъ Великій, церковь Василія Блаженнаго и нѣкоторыя другія зданія легко могутъ быть узнаны по ихъ начертанію.

---

*) То есть государя московскаго.

**) Въ подл. geadelt. О томъ, что это слово нельзя переводить буквально см. Linde, II, LXXXI.

*) Въ межевой описи Кунцовской дачи 1649 г., хран. въ москов. арх. мин. юст., есть указаніе на существованіе церкви на мѣстѣ, нами указанномъ.

1598. Премiеръ-Маiоръ или помѣщикъ прошедшаго столѣтiя. Повѣсть давно-минувшихъ дней. Санктпетербургъ, въ типографiи Морскаго Кадетскаго Корпуса. 1857 года.—Въ 8 д. л., 143 стр.

Это весьма рѣдкая книжка представляетъ собою картину былаго, гдѣ въ довольно забавной формѣ выведены не существующiе теперь уже типы, сошедшiе съ житейской сцены вмѣстѣ съ своимъ временемъ. — Въ данной повѣсти главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является премiеръ-маiоръ съ его взглядами и понятiемъ о любви, а также разсказывается о томъ, кто таковы были головни, и какъ одного изъ нихъ Настасья Григорьевна нарядила въ колпакъ.

Книжка въ хорошо сохранившихся экземплярахъ считается рѣдкою.

Купленъ мною экземпляръ за 3 рубля.

1599. Примѣчанiя и историческiя объясненiя на объявленiе Его Величества Короля Шведскаго, изданное «въ Гелзингфорсѣ» въ 21 день iюля 1788 года. — Въ 4 д. л., 89 стр.

Эта рѣдкая и имѣющая историческое значенiе брошюрка напечатана была въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

На страницѣ 82 помѣщенъ «Россiйскiй Императорскiй Манифестъ» о войнѣ со Швецiею.

Брошюра куплена мною за 5 рублей.

1600. Примѣчанiя топографическiя на знатнѣйшiя мѣста путешествiя Ея Императорскаго Величества въ бѣлорусскiя намѣстничества. Санктпетербургъ, при Императорской Академiи Наукъ, 1780 года, —Въ 8 д. л.

Въ этомъ чрезвычайно рѣдкомъ и весьма любопытномъ изданiи помѣщено 23 гравированныя виньетки въ текстѣ.

Чистые и хорошо сбереженные экземпляры очень рѣдки.

1601. Приношенiе знаменитому пѣвцу Фелицы отъ искренняго почитателя его славы. (Безъ означенiя года и мѣста печати).—Въ 4 л. л., 8 нумер. стран.

См. объ этомъ чрезвычайно рѣдкомъ изданiи «Отчетъ Императорской Публичной Библiотеки» за 1868 годъ, представленный г. министру народнаго просвѣщенiя директоромъ библiотеки, тайнымъ совѣтникомъ Деляновымъ, стр. 68, № 1.

1602. Притчи Александра Сумарокова. Книга первая. С.-Петербургъ, 1762 года, 2+70+6 стр., книга вторая—72+8 стр., книга третья—1769 года, 72+6 стр.—Въ 12 д. л.

Эта книга посвящена авторомъ Цесаревичу Павлу Петровичу и содержитъ въ себѣ нравоучительныя басни, написанныя стихами.—Книга рѣдкая, какъ и всѣ отдѣльно изданныя сочиненiя Сумарокова—считаются рѣдкими.

Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ.

Генiальный русскiй поэтъ, род. въ Москвѣ 2 октября 1814 г., убитъ на дуэли 15-го iюня 1841 г.

1603. Притчи Езоповы и при томъ Гомера стихотворца греческаго «Жаба» и «Мышей бой или брань». Переводъ Ильи Копiевскаго; на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Амстердамъ 1700 года. — Въ 8 д. л.

Переводчикъ этой рѣдкой книги Илья Копiевскiй, родомъ бѣлоруссъ, обучался въ Голландiи, гдѣ, принявъ реформатское исповѣданiе, былъ кандидатъ-пасторомъ въ Амстердамѣ.—Когда Государь Петръ Великiй во время своего путешествiя по Европѣ былъ въ Голландiи, тогда имѣлъ случай

узнать въ Копіевскомъ способнаго къ услугамъ своимъ человѣка, по основательному его знанію славяно-русскаго языка, и давъ ему званіе своего переводчика коллегіи иностранныхъ дѣлъ, препоручилъ ему переводить и сочинять разныя книги для россійскаго юношества, съ тѣмъ, чтобы печатать ихъ славянскими буквами, въ заведенной по контракту голландскимъ типографщикомъ Тесингомъ—славянской типографіи. Изъ реэстра книгъ, приложеннаго къ латино-русской грамматикѣ, сочиненной и напечатанной Копіевскимъ въ Амстердамѣ 1700 г., видно, что онъ до тѣхъ поръ напечаталъ уже восемь книгъ, а тринадцать приготовилъ къ печатанію.

См. у В. Сопикова—за № 912, сказано—«книга рѣдкая».

1604. Причины нашего государственнаго кризиса. Москва, въ типографіи П. Станкевича. 1887 года.—Въ 12 д. л., 106 стр.

На оборотѣ заглавнаго листа этой чрезвычайно рѣдкой и замѣчательной книги напечатано: «разрѣшено цензурой съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено безплатно 10 экземпляровъ въ министерство путей сообщенія—въ назиданіе будущимъ поколѣніямъ». Москва, 2-го августа 1887 г.

Эта книжка составляетъ въ настоящее время большую рѣдкость.

Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

1605. «Пріятное и полезное препровожденіе времени». Литературный журналъ, издававшійся въ 1794—1798 гг. въ Москвѣ. Библіографически описанъ А. Н. Неустроевымъ. Санктпетербургъ. Типографія «Общественная польза». 1875 г.—Въ 8 д. л., 26 стр.

Книжка, въ количествѣ 150 экземпляровъ—не для продажи—была издана извѣстнымъ нашимъ библіографомъ А. Н. Неустроевымъ и содержаніе ея состоитъ изъ подробнаго описанія этого вышеназваннаго рѣдкаго журнала. Въ началѣ этой книжки говорится, что

Полежаевъ, Александръ Ивановичъ.

Знаменитый поэтъ. Род. 1805, ум. 1838.

Издателями періодическихъ листовъ журнала «Пріятное и полезное препровожденіе времени», равно какъ и «Московскихъ Вѣдомостей», явились новые арендаторы послѣднихъ и содержатели университетской типографіи книгопродавецъ и коммиссіонеръ Христофоръ Ридигеръ и прапорщикъ Христофоръ Клаудій; редакція же этихъ листовъ принадлежала Василію Сергѣевичу Подшивалову совмѣстно съ Павломъ Афанасьевичемъ Сохацкимъ, а за послѣдній годъ журналъ редактировался однимъ уже Сохацкимъ. Строго говоря, «Пріятное и полезное препровожденіе времени» не новый журналъ, онъ есть только продолженіе выходившаго въ 1791—1793 гг. «Чтенія для вкуса», котораго послѣдніе два года составлялись тѣмъ же В. С. Подшиваловымъ. При окончаніи въ 1793 году журнала «Чтеніе для вкуса» Подшиваловъ помѣстилъ въ XII части на стр. 248, этого изданія такое заявленіе:

«... Какъ бы то ни было, мы приближаемся къ концу труда своего; однакожъ не думаемъ ограничить тѣмъ своей приверженности къ литературѣ. Изъ Московскихъ же Вѣдомостей почтенные читатели наши видѣли, что съ новаго года будутъ выходить при нихъ листки подъ названіемъ «Пріятное и полезное препровожденіе времени». Кажется, что сіе названіе довольно просто; и такъ мы присовокупимъ только увѣреніе, что будемъ въ нихъ можетъ быть больше помѣщать сочиненій, можетъ быть больше краткихъ и важныхъ піэсъ, наблюдая вообще какъ въ слогѣ, такъ и въ выборѣ оныхъ большую разборчивость». (Къ сожалѣнію, содержанія этого объявленія, по неотысканію «Москов. Вѣдом.» за эти годы, мы привести не можемъ). «Пріятное и полезное препровожденіе времени» выходило (1794—1798 гг.), также какъ и «Чтеніе для вкуса», по два раза въ недѣлю (при каждомъ нумерѣ «Москов. Вѣдом.»), по листу, изъ 16 стр., внизу котораго помѣчалось: «часть такая-то, нумеръ такой-то». Такихъ нумеровъ въ годъ выдавалось отъ 104 до 105-ти; а 26 или 27 такихъ нумеровъ составляли отдѣльную часть. Всего же составилось за пять лѣтъ изданія подъ этимъ заглавіемъ журнала (онъ продолжался слѣдующіе 1799—1801 гг.—подъ названіемъ «Иппокрена»), двадцать частей. Цѣна ему была на простой бумагѣ 5 руб., а на бѣлой 6 руб. за годъ. Въ немъ принимали дѣятельное участіе, кромѣ начинающихъ талантовъ, почти всѣ извѣстные въ то время писатели, но всѣ болѣе подъ псевдонимами, рѣдко подписывая свою фамилію, другіе же и вовсе не подписывались

Такъ: Карамзинъ помѣстилъ свои труды вовсе безъ подписи. И. И. Дмитріевъ ставилъ подъ своими статьями однѣ только буквы (А., Б., И., М., въ, Ъ.), В. С. Подшиваловъ (В. П.), Г. Р. Державинъ (Д-нъ или и вовсе безъ подписи), Смирновъ (Дауреңъ-Номохонъ), В. В. Измайловъ (2—8), Дмитрій Вельяшевъ-Волынцовъ (—й—въ—въ), Е. П. Люценко (Николецъ, Элцюконъ, Цкнлеою, Л. Ц., Л. Э., Эв. и Лцы), А. Ѳ. Лабзинъ (А. Л. нъ), князь Павелъ Гагаринъ (К. П. Г.), М. Вышеславцовъ (М. В., М. Вшсл.), М. Бранкевичъ (М.Б-чъ), М. Бакаревичъ (Мхл. Бккрвъ), А. Максимовичъ (Мк-чъ 1.40—76, 40 76), Иванъ Крыловъ (Ново-Волыркъ), А. Ханенко (А. Х.), Н. Хлопинъ (Н. Х.), Яковъ Дунинъ-Барковскій (Я. Д. Б.), А. Скворцовъ (А. С—въ), Н. Столыпинъ (Н. С—нъ), А. Аргамаковъ (Ал. Ар—въ), Алекс. Аргам. (Ал. Арг.), В. Пушкинъ (Вcл. Пшкн., В. Н.), Ѳ. Кошелевъ (Ѳед. Кош.), А. Столыпинъ (Арк. Ст—нъ), П. Бекетовъ (Пл. Б.), М. Магницкій (М. М.). П. Пельскій (П. П. 80—80), князь Григорій Хованскій (К. Г. Х.), В. Загорскій (В. З—й), Г. Городчаниновъ (Гргр. Грдчнв.), А. Дашковъ (Дш.), А. Мерзляковъ (А. А. А., А. М., А. Мрзл., Мк.), С. Кулешовъ (С—нъ Клшвъ), князь Ѳедоръ Сибирскій (К. Ѳ. С.), П. Сумароковъ (Пнкрт. Смркв.), Н. Леонтьевъ (Нкл. Лнтв.), С. Бабиковъ (Стпн. Ббкв.), П. Ю. Львовъ (Пав. Льв., П.ль., П. Л—въ.), А. Лопухинъ (А. Ло—нп, Ав. Л.), Яценко (Я., Я—о.), И. Тимковскій (И—я Тмквск.), Х. Ященко (Хрлмп. Я—о), князь Петръ Шаликовъ (кнз. Птр. Шлкв.), П. Шаповъ (Птр. Шрпв.), А. Котельницкой (А. Ктлнцк. Аа. К. к., Ктлнцк. А. Ктл.), П. Политковскій (Н. Плтк.), П. Приклонскій Пвл. Прклнск.), Десницкій (Днцк., Дсн.), Ѳ. Покровской (философъ горы Алцанской, Пки. Ѳфт. Пкр.н, Ѳф., Алцанецъ Ѳефу), И. Запольскій (И—ъ Зпльск.), князь Александръ Черкаской (К. Ал—дръ Ч—ской), С. Сазоновичъ (Смн. Сзнвч.), Н. Ибрагимовъ (Н. Ибр.), П. Миловановъ (П. Млвнв.), Д. Кавелинъ (Д. Квлнъ), П. Соковнинъ (П. С—нъ), А. Чемесовъ (Алк—ръ Че—въ), Вельяминовъ-Зерновъ (—въ—въ), Ѳедоръ Барановъ (Ѳ. Б.), П. Терликовъ (Птр. Трлкв.), А. Побѣдинскій (Ал. Побѣд.), А. Храновицкій (Асн.

Хрпвцк.), А. Воейковъ (А—В—въ) и многія другія лица, подписываясь или полной своею фамиліей, или однѣми буквами, или даже цифрами, послѣднихъ мы не могли опредѣлить. Въ журналѣ этомъ участвовали также и женщины, какъ-то: А. Магницкая, Н. Магницкая, княжна А. Шаликова, княжна К. Щербатова, М. Боске, Е. Баскакова, Н. Кологривова, М. Неронова, Е. Масалова, Е. Титова, княжна Н. Оболенская, А. Турчанинова и подписывавшіяся однѣми буквами. М. П., К. А—ой, Е. П., К. Н., Н. В., Н. С. а, К. а. С., К. С., К. С. а. и К. С. на. Но кто подъ этими буквами изъ писательницъ скрылся — неизвѣстно.

1607. Програма серенады предъ Петровскимъ дворцомъ 8 мая 1896 г.

Програма отпечатана на французскомъ языкѣ, черной краской на желтоватой, приготовленной на подобіе древней, бумагѣ (въ 28 см. высоты при 23 см. ширины). На верху програмы помѣщается грифонъ герба дома Романовыхъ, тисненный краснобронзовой краской, конгревскимъ способомъ.

Отпечатана въ Москвѣ у Левенсона въ количествѣ 200 экземпляровъ.

1608. Програма этпографическихъ свѣдѣній о крестьянахъ центральной Россіи. Составленная на основаніи соображеній, изложенныхъ въ книгѣ В. Н. Тенишева «Дѣятельность человѣка», князем В. Н. Тенишевымъ при участіи гг. В. Н. Добровольскаго и А. Ѳ. Булгакова 1897 года въ 8 д. л., 150 стр. и дополненіе къ программѣ. Смоленскъ, 1896 года.—Въ 8 д. л., 36 стр.

Въ началѣ програмы слѣдуетъ краткое пре-

Даргомыжскій, Александръ Сергѣевичъ.

Знаменитый русскій композиторъ. Род. 2 февраля 1813 г., ум. 5 января 1869 г.

1606. Програма бальной музыки во время обѣда посламъ и посланникамъ 25 мая 1896 года. Москва, типографія Левенсона.

Програма на русскомъ и французскомъ языкахъ, отпечатана на листахъ бристольскаго картона съ золотымъ обрѣзомъ; надъ текстомъ помѣщенъ золотой орелъ.

дисловіе отъ автора князя В. Н. Тенишева, въ которомъ онъ говоритъ, что

Настоящая программа составлена на основаніи соображеній, которыя мною изложены въ сочиненіи «Дѣятельность человѣка», Спб. 1897 г.

Нѣкоторые вопросы заимствованы изъ источниковъ, указанныхъ въ перечнѣ на стр. 5—6.

Сотрудникъ долженъ постоянно помнить, что отъ него требуются факты, а не выводы; поэтому къ вопросамъ программы необходимо пріурочить отдѣльныя наблюденія, поставивъ себя въ положеніе достовѣрнаго свидѣтеля о видѣнномъ и слышанномъ въ народномъ быту.

Общіе же выводы будутъ сдѣланы въ моемъ центральномъ этнографическомъ бюро, въ С.-Петербургѣ.

При собираніи отвѣтовъ не требуется чтобы сотрудникъ исчерпалъ всѣ вопросы программы или даже значительную ихъ часть. Нѣтъ надобности, чтобы онъ держался намѣченнаго въ программѣ порядка. Но безусловно необходимо, чтобы сотрудникъ указалъ на главу и номеръ вопроса программы, къ которымъ относится присылаемое имъ описаніе сдѣланнаго наблюденія, разсказъ, свѣдѣніе, документъ и т. п.

На практикѣ, при наблюденіяхъ неизбѣжно въ программѣ окажутся пропуски, на которые гг. сотрудники приглашаются сдѣлать указаніе.

Достовѣрность доставленныхъ свѣдѣній составляетъ непремѣнное условіе успѣшнаго выполненія намѣченныхъ программою задачъ. Поэтому безусловно необходимо, чтобы гг. сотрудники съ точностью передавали фактическія наблюденія съ указаніемъ времени и мѣста, гдѣ они были произведены. Относительно свѣдѣній, добытыхъ путемъ разспросовъ, должно сообщать насколько существуетъ полная увѣренность въ ихъ правдивости.

При собираніи свѣдѣній желательно, чтобы разговоры крестьянъ между собою, ихъ разсказы и отвѣты гг. сотрудниками были записываемы и передаваемы въ подлинныхъ словахъ. По вопросамъ, гдѣ являются документы, какъ напр. при рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, приговорахъ сельскихъ сходовъ, договорахъ о наймѣ, арендѣ и проч., желательно имѣть копіи такихъ документовъ.

Въ настоящей программѣ можетъ казаться, что нѣкоторые вопросы повторяются, но это обусловлено тѣмъ, что вопросъ въ одномъ отдѣлѣ относится къ цѣлой мѣстности или имѣетъ общій характеръ, тогда какъ въ другомъ отдѣлѣ вопросъ этотъ дѣлается совершенно конкретнымъ. Въ особенности отдѣлъ подъ лит. К. можетъ представить подобныя недоразумѣнія. Здѣсь надо имѣть въ виду, что къ этому отдѣлу относятся всѣ выходящія изъ ряда явленія въ жизни, въ особенности, когда встрѣчаются затрудненія въ выполненіи необходимыхъ потребностей общественной и индивидуальной жизни.

Долгомъ считаю здѣсь выразить мою признательность господину В. Н. Добровольскому, составившему отдѣлъ о вѣрованіяхъ и господину А. Θ. Булгакову, извлекшему изъ источниковъ вопросы, вошедшіе въ настоящую программу.

Князь В. Н. Тенишевъ.

Г. Смоленскъ,
имѣніе Талашкино,
15 іюня 1897 г.

1609. **Прогрессъ нравственности (L'Evolution de la morale). Изслѣдованіе Ш. Летурно, президента антропологическаго общества. Перевела съ французскаго Элеонора Зауэръ. С.-Петербургъ. Изданіе Ф. Павленкова. Печатано въ типографіи «Новости».—Въ 8 д. л., 10 + VI + 384 стр.**

Эта рѣдкая книга содержитъ въ себѣ XX главъ, расположенныхъ въ слѣдующемъ порядкѣ, а именно: глава I. — Живая доисторія. II. — Происхожденіе нравственныхъ наклонностей. III. Образованіе нравственныхъ наклонностей (продолженіе). IV. Стадіи нравственной эволюціи.—Животная нравственность. V. Животная нравственность (продолженіе). VI. Жовотная нравственность (продолженіе). VII. Животная стадія нравственности (продолженіе). VIII. Вторая стадія этики.—Дикарская нравственность. IX. Дикая нравственность (продолженіе). X. Дикарская нравственность (продолженіе). XI. Третья стадія этики. — Нравственность варваровъ. XII. Нравственность варваровъ. XIII. (Продолженіе). XIV. (Продолженіе). XVI. Нравственность варварской стадіи (продолженіе). XVII. Четвертая стадія этики. — Промышленная или американская мораль. XVIII. Вліяніе религій на нравственность.— Метафизическія ученія о нравственности. XX. Утилитарное и транформистское ученіе о нравственности.

Эта книга въ настоящее время только случайно появляется въ продажѣ и цѣнится дорого любителями библіографическихъ рѣдкостей.

Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

1610. Прогулки вокругъ Тобольска въ 1830 г. Москва, въ типографіи Селивановскаго, 1834 года.—Въ 8 д. л., VIII + 176 + 14 стр., съ 6 таблицами.

На VIII страницѣ слѣдуетъ краткое предувѣдомленіе сочинителя Петра Словцова, который былъ другомъ Сперанскаго.

Эта книга, въ хорошо сохранившихся экземплярахъ, почти не находима и составляетъ въ настоящее время антикварную рѣдкость; цѣнится отъ 5 до 12 рублей, смотря по степени сохранности.

Полторацкій, Сергѣй Дмитріевичъ.

Извѣстный библіофилъ и библіографъ. Род. 1803 г., ум. 1884 г.

1611. Продолженіе «Русскихъ біографическихъ и библіографическихъ лѣтописей». Статья С. Д. Полторацкаго. 1846 года. (Сѣв. Пчела).

«Лѣтописи» заключаютъ въ себѣ различныя свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ (первопечатныя басни И. А. Крылова; переводы сочиненій Карамзина на иностр. языки и др.) и были перепечатаны съ дополненіями и поправками въ «Иллюстраціи» Кукольника—т. II. 1846 года, стр. 129, 150, 177 и томъ V—№ 33.

1612. Продѣлки на Кавказѣ. Сочиненіе Е. Хамаръ-Дабанова. 2 части. С.-Петербургъ, въ типографіи Жернакова, 1844 года.– Въ 12 д. л., 250 + 189 стр.

См. «Книжныя рѣдкости» Геннади за № 185, сказано: псевдонимъ скрываетъ женщину-автора Г-жу Лич—ву, вѣроятно за изображеніе лицъ, дѣйствовавшихъ на Кавказѣ. Этотъ романъ, хотя и былъ допущенъ въ продажу, но вскорѣ отобранъ и сталъ рѣдкостью, въ современныхъ журналахъ нѣтъ на него рецензіи, вѣроятно переводъ этой книги на нѣмецкомъ и значится въ каталогѣ иноязычныхъ сочиненій о Россіи. См. отчетъ «Императорской Публичной Библіотеки». Означенное сочиненіе въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость.

1613. Проектъ медали, посвящаемой россійскимъ войскамъ въ день вступленія ихъ въ Парижъ 1814 года 19 марта. Безъ означенія мѣста печати, въ 4 д. л. 8 + 6 стр., съ 2 грав. рисунками медали.

Въ началѣ этой довольно рѣдкой книги слѣдуетъ посвященіе автора П. Галахова Его Императорскому Величеству Всемилостивѣйшему Государю Императору Александру I.

Подлинникъ сего проекта представленъ Государю Императору его сіятельствомъ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ. Текстъ описанія на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Въ началѣ этого проекта говорится:

Отъ Москвы до стѣнъ Парижа продолжая жестокую войну, упорный врагъ не преставалъ мечтать о покореніи себѣ вселенной. Великому Государю нашему надлежало, чрезъ поля ужасныхъ боевъ и вмѣстѣ славныхъ побѣдъ, вступить въ столицу Франціи; предъ воинствомъ его пали страшныя силы враговъ; предъ Нимъ исчезли распри, разрушились ковы политики, сокрушилось исполинское владычество Французской Имперіи и мощь властелина ея. Европа свободна. И такъ сердце Александра провозмогло въ терпѣніи всѣ лютости изступленныхъ народовъ; любовь и кротость Его даровали миръ и тишину человѣчеству.

Сѣряковъ, Лаврентій Авксентьевичъ.

Академикъ, знаменитый граверъ Его Императорскаго Величества.
Род. 1824 г., ум. 1881 г. Съ грав. Матюшина.

Государь предъ Всемогущимъ повергнулъ силу Свою, предъ Творцемъ преклонилъ колѣна, и за нимъ стала на колѣна вся Европа. Ему народы воскликнули честь и хвалу; но Онъ отдалъ всю славу Богу и устами Его, устами великодушнаго Монарха, вновь отдался во всѣ части свѣта замолкшій было сладкій, восхищенный гласъ Царя-Пророка: «Кто Богъ велій яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса!» *) Вѣчная истина! засвидѣтельствованная такимъ образомъ и нынѣ безсмертнымъ Героемъ и поразительными событіями.

Сначала революціи, съ 1789 года и до 19 марта 1814, неправда, зло и буйство, ниспровергнувъ во Франціи святый законъ и законнаго Государя, подобно пламени разливались по всему свѣту. Двадцать три года сряду въ раздорахъ и крови горѣла Европа; побѣдитель враговъ Александръ Первый явился побѣдителемъ зла, и, подъ знаменіемъ Спасителя Бога—любовію и правдою, вновь соединилъ раздробленное великое семейство Европы.

Монументы, достойные величія эпохи нашего времени, передадутъ ее изъ потомства въ потомства. Миръ, дарованный свѣту побѣдителемъ Европы, возвѣститъ современникамъ нашимъ безпримѣрную славу Императора Александра I и оружія Его; безсмертная исторія сохранитъ оную на вѣки. Но да позволено будетъ соотечественнику героевъ, въ память того дня, въ который рѣшилась судьба Европы, посвятить имъ медаль. Въ ограниченномъ пространствѣ сего оттиска желалъ онъ явить взору

*) Въ письмѣ Государя Императора къ Императрицѣ, Вселюбезнѣйшей Родительницѣ Своей, по взятіи Лейпцига отъ 7 октября 1813 года въ заключеніи написано: „Храбрость войскъ союзныхъ нельзя описать; отъ генерала до послѣдняго солдата всѣ покрыли себя въ сіи достопамятные четыре дни безсмертною славою. Единая десница Всевышняго всѣмъ управляла, все устроила. — Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса!“

въ совокупности и мгновенно то, что нынѣ разрушено и что вновь создано.

Приложенный рисунокъ медали, при которомъ слѣдуетъ и описаніе оной, пусть будетъ хоть тѣнью достойнаго изображенія благословенныхъ событій нашего времени.

Описаніе медали.

На гуртикѣ:

Посвящена россійскимъ войскамъ въ день вступленія ихъ въ Парижъ подъ предводительствомъ Государя Императора Александра I. Марта 19 1814.

На одной сторонѣ № 1.

Вверху при окружномъ бантикѣ медали, видна въ лучезарномъ сіяніи, изъ тонкаго облака рука благословляющая россійскаго двуглаваго орла, на груди котораго щитъ съ Августѣйшимъ вензелемъ А. Орелъ, съ распростертыми крылами, кажется исполняющимъ высокую волю небесъ. Нижняя половина орла закрывается мрачными тучами гнѣва Божія, несущимися надъ нечестивою громадою бывшей имперіи Французской. Сія громада представлена слѣдующимъ образомъ:

Внизу медали находятся эмблемы безвѣрія, безначалія и безчеловѣчія, въ видѣ разбросанныхъ фигуръ: распятія, короны, щита съ лиліями, скипетра, человѣческихъ костей и тіары, въ знакъ, что по всѣмъ частямъ разрушенный порядокъ, со времени революціи, былъ основаніемъ французскаго правительства, и мнимой знаменитости сего государства во всѣхъ его бывшимъ измѣненіяхъ.

На чертѣ горизонта медали является анархія въ слѣдующемъ изображеніи:

Между статуями вольности и разума находится фигура раздора съ пламенникомъ и сѣкирою въ рукахъ. Она изображена бѣгущею по грудамъ человѣческихъ костей и череповъ, попирающею ногами лилію и вѣсы правосудія. Диски правъ человѣка (droits de l'homme), гилiотина, знамена, ружья въ безпорядкѣ, пики обвѣшанныя колпаками и проч. суть признаки бывшаго безначалія.

Изъ сего смертоноснаго хаоса возвышается подножіе республики. На ономъ республика въ видѣ сидящей женщины съ обыкновенно присвоенными ей изображеніями. Горделивый и самонадеянный видъ ея отличаетъ совершенное убѣжденіе ея въ томъ, что царство ея твердо и долговѣчно,

Изъ самаго основанія груды сихъ предметовъ крутыми оборотами возрастая колоссальная бывшая французская имперія превышаетъ ихъ. Она представлена въ видѣ вавилонскаго столпа, посреди котораго находится гербъ сей имперіи. У подошвы столпа расположены вокругъ военныя укрѣпленія и орудія, въ знакъ того, что Франція, въ буйную свою эпоху, безопасность и могущество свое полагала единственно въ военномъ своемъ искусствѣ. Столпъ сей обвитъ, въ барельефѣ, чертежами тѣхъ государствъ, которыя подъ игомъ минувшаго царствованія, нынѣ отвергнутой династіи Франціи, стенали. Скрѣпы столпа, изъ тяжкихъ цѣпей составленныя, окружаютъ начертанія помянутыхъ государствъ, въ символѣ жестокаго ихъ бывшаго порабощенія. На верхнемъ концѣ столпа доска съ изображеніемъ Москвы. Разрушитель вознесъ ее трофеемъ своимъ яко верхъ тѣхъ подвиговъ, которыми онъ мечталъ основать всемірную монархію. На столпѣ храмъ бывшей мнимой славы и знаменитости Франціи. Но изъ грозныхъ тучъ гнѣва Божія, когтями сѣвернаго орла, въ стрѣлахъ молніи низринутаго, храмъ славы, съ фамою и со всѣмъ его громаднымъ подножіемъ пораженный, является разрушеннымъ, объятымъ пламенемъ и густымъ дымомъ. На стрѣлахъ молніи надписи: Тарутино, Малоярославецъ, Красное, Полоцкъ, Клястицы, Кульмъ, Лейпцигъ, Лаонъ, Бріенъ, Ферщамненоазъ, Монмартръ. Вдали виденъ Парижъ. Столица сія, принявшая побѣдителей, осталась въ цѣлости и невредима.

Для означенія періода времени отъ самаго порожденія революціи до начала побѣдъ, одержанныхъ россійскимъ оружіемъ надъ Наполеономъ, яко начала разрушенія французской имперіи, поставлены числа годовъ, внизу на сѣкирѣ фигуры раздора 1789, а надъ изображеніемъ Москвы, на верху столпа, 1812.

Округъ медали на бантикѣ надпись: Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса!

Такъ Россія, во свѣтѣ религіи, подъ управленіемъ Императора Александра, благословляема свыше, съ помощію Божіею, побѣдами оружія своего надъ безчисленными врагами, освободивъ

угнетенные народы, разрушаетъ ту ужасную имперію, которая, со времени революціи возгромождалась болѣе и болѣе. Пылающая древняя столица Россіи, Москва и прочіе грады любезнаго нашего отечества, воззвали громы побѣдъ нашихъ, и обратили ихъ на гордую выю сего возвышающагося капища тщеславія. Молніеносныя стрѣлы, опаливъ и проникнувъ всѣ составы сей уродливой груды кичевія, ниспровергли оную совершенно. Надпись на сей сторонѣ медалей объясняетъ собственными словами, чьею силою кроткій, миролюбивый и неустрашимый Государь Императоръ Александръ I совершилъ побѣдный и безсмертный подвигъ сей.

На другой сторонѣ медали № 2.

Вверху при крайней окружности медали, въ лучезарномъ сіяніи изъ тонкаго облака, видна благословляющая рука. На двухъ первыхъ отъ благословенія простертыхъ перстахъ надѣта ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія лента, проходящая сквозь тонкія облака, ограничивающія лучезарное сіяніе. Къ сей лентѣ прикрѣпленъ овальный щитъ съ изображеніемъ Россійскаго герба, отъ котораго на обѣ стороны, правильнымъ кругомъ, расположены таковые-же щиты прежнихъ гербовъ всѣхъ уничтоженныхъ или во время деспотизма Франціи подъ власть ея подпавшихъ державъ. Щиты сіи соединены между собою крестиками, которые такимъ образомъ и составляютъ цѣпь державъ Европейскихъ. Щиты гербовъ союзныхъ Государей находятся вверху. Всѣ окружаютъ бюстъ Всеавгустѣйшаго Монарха нашего Государя, находящійся въ срединѣ лавроваго вѣнка. Сіе изображеніе и кругъ щитовъ расположены на большомъ крестѣ, занимающемъ всю величину медали до бантика эмблемъ. Сей бантикъ раздѣленъ на части, въ которыхъ помѣщены эмблемы правосудія, земледѣлія, мореходства, торговли, витійства, свободныхъ художествъ и математическихъ наукъ. Между угловъ креста раздѣленная надпись: Оживлены Тобою.

Такъ благословенная свыше Россія, на знамени христіанства, соединила собою, союзами порядка и крѣпостей, законныя державы Европы. Здѣсь онѣ являются вновь, подъ своими древними, уваженными щитами, въ мирѣ и торжествѣ, послѣ бѣдствій и злоключеній надъ ними бывшихъ. Виновникъ всеміриаго блаженства, не лестію, не раболѣпствомъ, но самыми событіями увѣнчанъ побѣдоносным лавровымъ вѣнкомъ и великими дѣлами мира. Надпись: оживлены Тобою, означаетъ, что Имъ оживлены царства, что оживлены Имъ правосудіе, земледѣліе, мореходство, торговля, науки и художества. Вообще вмѣ изображенія сей медали суть не вымыселъ національной хвастливости; нѣтъ, они являютъ одни только событія. На одной сторонѣ оличены: безпорядокъ, устроенія гордыни, признаки браней, тиранствъ, безчеловѣчія, мракъ и пораженіе; на другой—напротивъ: свѣтъ, миръ, союзъ христіанствомъ, порядокъ, торжественный видъ возстановленныхъ прежнихъ законныхъ державъ. Священныя свойства скромности, неприсвоенія самому себѣ никакихъ успѣховъ Виликаго Государя нашего, ни одною чертою въ сихъ изображеніяхъ не нарушены: всѣ спасительные подвиги благословены свыше, — и брань, и торжество. Россія даже, виновница сихъ благодатныхъ событій, находится наравнѣ съ прочими въ общемъ кругу великаго семейства Европы.

Въ семъ видѣ, казалось, можно было представить Россійскимъ воинамъ великіе подвиги ихъ, и посвятить имъ изображеніе Возлюбленнѣйшаго Государя нашего Августѣйшаго ихъ Вождя къ безсмертной славѣ.

1614. Проектъ положенія о бѣглыхъ, всякаго званія, людяхъ. Санктпетербургъ, въ типографіи комиссіи составленія законовъ.—Въ 8 д. л., 111 стр., безъ означенія года.

Проектъ положенія о бѣглыхъ, всякаго званія, людяхъ. § 1.—Общее опредѣленіе о бѣглыхъ людяхъ и о родахъ ихъ; § 2. О пристанодержательсвѣ и о преступившихъ въ неисполненіи закона; глава I-я — о бѣглыхъ людяхъ; отдѣленіе I — о мѣрахъ для предупрежденія бѣгства и пристанодержательства; отдѣленіе II—объ особыхъ мѣрахъ для предупрежденія бѣгства и укрытія солдатъ; глава III — о взысканіи денежныхъ штрафовъ; глава IV—о наказаніяхъ за побѣгъ; глава V—о вѣдомствѣ и порядкѣ дѣлопроизводства; глава VI—о возвращеніи бѣглыхъ, глава VII — о взысканіи податей за бѣглыхъ казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ; глава VIII — о силѣ и дѣйствіи сего положенія.—Это не большая, но довольно рѣдкая книжка цѣнится въ настоящее время до 3 рублей.

1615. Проектъ уголовнаго уложенія въ Россійской Имперіи, составленный въ комиссіи законовъ. 3 части. Санктпетербургъ. 1813 года.—Въ 4 д. л.

Книга «Уголовное уложеніе въ Россійской Имперіи» составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость, совсѣмъ почти не находима въ книжной торговлѣ. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, за № 9132, сказано, что «книга весьма рѣдка».

1616. Проектъ правилъ о производствѣ еврейской переписи. Князя Н. Н. Голицына. Каменецъ-Подольскъ, 1874 года. — Въ листъ, 144 стр.

Проектъ правилъ помѣщенъ на 33 страницахъ, а остальныя—приложенія къ нему.

Книга напечатана въ самомъ маломъ числѣ экземпляровъ и не для продажи.

1617. Проектъ устава съ программами школы золотаго, серебрянаго и ювелирнаго дѣла съ нѣкоторыми редакціонными измѣненіями, сдѣланными особою коммиссіею въ засѣданіи 23-го февраля 1896 года. А. Лобановъ. Москва, въ типографіи товарищества И. Н. Кушнерева и К°.—Въ 8 д. л., 23 стр.

Это отдѣльный оттискъ изъ «Трудовъ» коммиссіи по техническому образованію при Московскомъ отдѣленіи Императорскаго русскаго техническаго общества, отпечатанный въ количествѣ пятидесяти экземпляровъ.

1618. Проектъ швейцарскаго уголовнаго уложенія. С. К. Гегеля. С.-Петербургъ, типографія правительствующаго сената, 1898 года.—Въ 8 д. л., 74 стр.

Это отдѣльный оттискъ изъ «Журнала Министерства Юстиціи», мартъ и апрѣль 1898 года.

Отпечатано въ количествѣ пятидесяти экземпляровъ не для продажи.

1619. Происхожденіе народа имени россійскаго въ Высочайшее тезоименитство Елизаветы Петровны, въ публичномъ собраніи Академіи Наукъ, сентября 6 дня 1749 года, изъясненное Герардомъ Фридрихомъ Миллеромъ, императорскимъ исторіографомъ, университета ректоромъ и профессоромъ Императорской Академіи и королевскаго Англинскаго, Соціетета членомъ С.-Петербургскаго, печатано Императорскою Академіею Наукъ, 1749 года.—Въ 4 д. л., 56 стр.

См. «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки» за 1858 годъ, стр. 57, сказано, что изданіе чрезвычайно рѣдкое, ибо экземпляры латинскаго подлинника рѣчи вмѣстѣ съ ея русскимъ переводомъ, были отобраны и уничтожены вслѣдствіе доноса Ломоносова, доказавшаго, что мнѣніе Миллера, будто наши первые князья были норманы или шведы, крайне оскорбительны для чести Государя. Эта брошюрка въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость, есть у Геннади «Книжныя рѣдкости» № 16.

1620. Прокламація, изданная въ Краковѣ 24 февраля 1864 года польскими мятежниками гласила такъ:

Польская нація!

По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, крестьяне, не понимая въ чемъ дѣло, нападаютъ на дворянъ. Эти безпорядки произошли отъ засѣданія нѣсколькихъ лицъ въ народовомъ правительствѣ. Что возлагаетъ на меня обязанность соединить всю власть въ моихъ рукахъ. Доводя объ этомъ моемъ рѣшеніи до свѣдѣнія жителей Кракова, вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщаю, что я поручилъ моей стражѣ никого ко мнѣ не пускать, кромѣ являющихся съ донесеніями, а съ донесеніями должны являться только имѣющіе сообщить о какомъ-либо совершившемся событіи. Что же касается до подачи совѣтовъ, плановъ и проектовъ, то къ таковымъ допускаются только тѣ, которые будутъ къ тому особо приглашаемы.

Краковъ, 24 февраля 1864 года.

Подписали: Янъ Тысовскій.

Секретарь Рогаевскій.

1621. Прологъ. Романъ изъ начала шестидесятыхъ годовъ. Часть I. Прологъ пролога. Лондонъ. Наборня «Впередъ». 1877 года.—Въ 12 д. л., 225 стр.

Каждый, кто жилъ въ Петербургѣ во время, описываемое въ романѣ, каждый сколько нибудь знакомый съ исторіей того времени, и имѣющій хоть легкое представленіе о дѣйствующихъ лицахъ шестидесятыхъ годовъ, узнаетъ живыхъ людей, скрытыхъ авторомъ подъ именами Волгина (Чернышевскаго), Левицкаго (Добролюбова), Соколовскаго, Рязанцева (Кавелинъ), Савелова (Валуевъ), графа Чаплина (Муравьевъ) и др.

Это все живые портреты, съ поразительною точностію срисованные искусною рукою.

1622 Пропалъ. Романъ изъ быта сельскаго духовенства и раскольниковъ. Соч. Н. Александрова. С.-Петербургъ, 1875 года.—Въ 8 д. л.

Эта книга, по выходѣ въ свѣтъ, была изъята изъ обращенія и потому тепера рѣдка.

См. «Алфавитный каталогъ изданіямъ на русскомъ языкѣ, запрещеннымъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи» за 1894 г.

Кромѣ названныхъ выше сочиненій въ моей библіотекѣ имѣются еще нѣсколько очень рѣдкихъ статей, которыя считаю не лишнимъ поименовать здѣсь:

1. Съ чего забогативъ бидный чоловѣкъ. — Д. И. Эварницкаго.

2. Що буде, якъ жинци дать власть.—Д. И. Эварницкаго.

3. Дѣло объ утопленіи опереточной канканерки Юзи Пршенакальской вольнымъ наѣздникомъ сводной закутиловской молодежи, Васей Полупьяновымъ.—Статья графа Алексиса Жасминова.

4. Болгарскія происшествія и начало новаго переселенія въ Россію.

5. Полемика г. Каткова съ издателемъ «Колокола».

6. Книга Задлера.

7. Бѣдная русская мысль. Писарева (изъ «Рускаго слова»).

8. Письмо къ редактору (по поводу предло-

Благосвѣтловъ, Григорій Евлампіевичъ.

Извѣстный журналистъ и критикъ. Род. 1824 г., ум. 1880 г. Снимокъ съ портрета, приложеннаго къ его сочиненію.

женія нѣкоторыхъ петербургскихъ дворянъ въ чрезвычайномъ собраніи).

9. Клевета въ юродствѣ.

10. Изъ Бѣлоруссіи то, что есть, хотя и не то, что кажется друзьямъ московскимъ.

11. Вопли нашихъ крайнихъ клерикаловъ.

12. Два случая по крестьянскому дѣлу въ Смоленской губерніи.

13. Житіе юродиваго Виктора.

14. О выкупѣ. Записки, читанныя въ с.-петербургскомъ чрезвычайномъ губернскомъ собраніи 1862 года.

15. О нашемъ духовенствѣ и духовно-учебныхъ заведеніяхъ

16. Письма изъ захолустья.

17. Замѣтка объ областныхъ учрежденіяхъ въ Россіи.

18. Два вечера на дачѣ.

19. Сельскія школы.

20. Воззваніе Мадзини въ итальянцамъ.

21. О размѣнѣ кредитныхъ билетовъ,

22. Передовые люди высказались.

23. Нѣчто о должности палача.

24. Нашъ русскій Мадзини.

25. Какія бываютъ дворянскія собранія.

26. Судъ надъ составителями тайнаго общества и корреспонденція «Сѣверной Почты».

27. Чѣмъ силенъ русскій расколъ.

28. По поводу замѣтки о полковыхъ писаряхъ (помѣщенной въ № 143-мъ «Сына Отечества»).

29. Объ англійской конституціи.

30. Сказка о Митяяхъ. Сказка первая

31. Областныя земскія собранія и совѣты.

32. Въ отвѣтъ на статью отъ 11 іюня въ № 126 «Сѣверной Почты».

33. Годъ и семь мѣсяцевъ въ военной службѣ или мелочь изъ воспоминаній прошлаго.

34. Въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей» (по дѣлу чеховъ въ имѣніи Диканкѣ).

35. Крестьянское дѣло.

36. Регламентація и бюрократія.

37. Общественное училищевѣдѣніе.

38. Воспоминаніе телеграфиста.

39. Московское комендантское управленіе.

40. Кремуцій Кордъ. Н. И. Костомарова, Спб. 1862 года.

41. Альманахъ «Звѣздочки», 1826 года.

42. Два слова о лекціяхъ Костомарова.

43. Изъ Москвы. Маленькое разсужденіе вмѣсто предисловія.— Кое что о гг. Катковѣ, Молинари и Мозадѣ.—Подметныя письма.— Разговоръ между наборщиками. — Старая исторія и новый анекдотъ.

44. Высоконравственные люди.

45. Полковой лекарь. (Изъ записокъ судебнаго слѣдователя).

46. Изъ испанскихъ мотивовъ. Сентъ-Яго.

47. Встрѣча царя іудейскаго царемъ израильскимъ. (Отъ собственнаго корреспондента. См. «Русскій Трудъ»:— Пророкъ Вури (старинная легенда).

48. Студенты передъ судомъ «Свѣточи».—Въ 8 д. л., 8 стр.

49. Стачка рабочихъ въ Лондонѣ. Статья Ев. Θеоктистова.—Въ 8 д. л., 40 стр.

50. Новости женскаго дѣла. Статья С. Шашкова.—Въ 8 д. л.

51. Итоги.—Въ 8 д. л., 40 стр.—(Изъ «Современника»).

52. Стачки рабочихъ во Франціи и въ Англіи.— Въ 8 д. л., 36 стр. (изъ «Современника»)

55. Объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія. Статья Фердинанда Лассаля.—Въ 8 д. л., 44 стр.

1623. Дурные пастыри. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Октава Мирбо. Переводъ съ французсквго Э. А. Г — ой. Харьковъ, 1900 г. Изданіе Н. П. Головкина.—Въ 16 д. л., 128 стр.

Книжка по выходѣ въ свѣтъ скоро была распродана и ко второму изданію не разрѣшена.

57. Статья «Московскихъ Вѣдомостей» № 320, 1873 г. объ отношеніяхъ господъ къ прислугѣ и о мировомъ институтѣ.—Въ 8 д. л., 128 стр.

59. 18 марта 1871 года. Статья П. Лаврова. Поучительные выводы (заключ. глава). Изд. 1881 года.—Въ 8 д. л., 37 стр.

60. Съ того берега. А. Герцена. Изданіе второе, Москва, 1861 года.— Въ 8 д. л., 110 стр.

61. Крещенная собственность. А. Герцена. Москва, 1861 года.—Въ 8 д. л., 16 стр.

62. Юрьевъ день! Юрьевъ день! (русскому дворянству). А. Герцена, Москва, 1861 года. — Въ 8 д. л., 32 стр.

63. Русскій народъ и соціализмъ. Письмо Искандера къ Н. Мишле.

64. Старый міръ и Россія. Письмо Искандера къ редактору В. Линтону, 1854 г.

Леонтьевъ, Павелъ Михаиловичъ.

Извѣстный филологъ и педагогъ. Род. 1822 г., ум. 1874 г. Съ грав. Пуцъ.

1624. Пропилеи, сборникъ статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевымъ. Москва, въ университетской типографіи, 1851 года.—Въ 8 д. л., 5 томовъ: т. 1-й III+359 стр., т. 2-й 4 + 256+224 стр., т. 3-й 420+206 стр., т. 4-й 32+584+VII стр., т. 5-й 93 + 336 + 12+4 стр., съ рисунками.

Это обширный и многосторонній трудъ замѣчательнаго нашего ученаго П. Леонтьева, начинается съ краткаго предисловія, въ которомъ говоритъ авторъ, что пропилеями — назывались у грековъ — священныя врата, вводившія въ ограды храмовъ и акрополей, — врата главныя, всегда довольно пространныя и богато украшенныя колоннадами внутри, и портиками спереди и сзади. Это было преддверіе, настроивавшее должнымъ образомъ того, кто шелъ къ внутреннимъ святилищамъ; привлекательное приглашеніе приблизиться къ зданіямъ, которыя по самой своей натурѣ были менѣе доступны. Согласно съ этимъ, названіе— пропилеевъ прилично въ литературѣ такимъ сочиненіямъ или изданіямъ, которыхъ назначеніе— облегчать знакомство съ какою-либо важною областью человѣческой жизни и возбуждать въ читателяхъ то настроеніе, съ которымъ та область хочетъ быть разсматриваема. Въ этомъ смыслѣ, Гете назвалъ пропилеями изданіе, предпринятое для утвержденія и распространенія болѣе вѣрныхъ понятій объ искусствѣ, преимущественно между художниками. Въ этомъ же значеніи дано имя пропилеевъ и тому изданію; наши «Пропилеи», нисколько не имѣютъ притязаній равняться съ «пропилеями» геніальнѣйшаго изъ нѣмецкихъ писателей. Цѣль нашихъ «пропилеевъ»,—говоритъ авторъ,— совершенно иная и гораздо болѣе скромная: они хотятъ не исправлять господствующія понятія и создавать новыя, а знакомить съ событіями, данными исторіею, и съ воззрѣніями, уже выработавшимися въ наукѣ. Они надѣются помѣщать отъ времени до времени и такія статьи, которыя говорятъ новое слово въ наукѣ; но общее ихъ назначеніе состоитъ болѣе въ томъ, чтобы знакомить съ современною наукою, нежели въ томъ, чтобы переобразовать науку и двигать ее впередъ. Они отличаются отъ Гетевыхъ «Пропилеевъ» еще и тѣмъ, что ихъ направленіе не теоретическое, а историческое. Предметомъ статей, входящихъ въ составъ ихъ служитъ одна изъ эпохъ исторіи человѣчества, и свой интересъ они черпаютъ главнѣйшимъ образомъ въ важности и занимательности этой эпохи, но съ другой стороны одинаковость имени, не есть что либо чисто внѣшнее. Не побуждая къ сравненію, но вызывая воспоминаніе, она получаетъ знаменательность. Безсмертный геній одного изъ величайшихъ воспитателей XIX столѣтія можетъ, кажется, осѣнять скромное начинаніе, которой имъ преимущественно возстановлено въ современномъ сознаніи.— Далѣе говоритъ авторъ книги:—Наши «Пропилеи» должны вводить въ храмъ классической, т. е греческой или римской древности, въ тотъ изящный и стройный міръ, въ которомъ человѣкъ впервые начинаетъ жить по человѣчески и наслаждаться жизнію, въ которомъ впервые начинало являться міросозерцаніе собственно человѣческое и являться со всею обоятельною свѣжестью первой цвѣтущей молодости. Въ эту многозначительную и вѣчно привлекательную область «Пропилеи» должны вводить по пути широкому и легкому, не требующему ни большаго

запаса предварительнаго труда, ни особенныхъ усилій при шествіи, но въ то же время по пути прямому, вѣрно ведущему къ цѣли. Планъ изданія состоитъ въ помѣщеніи статей по части классической древности, написанныхъ языкомъ по возможности легкимъ и общепонятнымъ, въ томъ родѣ, какъ обыкновенно пишутся журнальныя статьи, но написанныхъ съ знаніемъ дѣла и посильною добросовѣстностью. Редакція «Пропилеевъ» обязана весьма многимъ почтеннымъ ученымъ за неожиданное содѣйствіе по части сборника «Пропилеи».— «Пропилеи» выходили книжками около 30 листовъ большаго формата, очень убористой печати, въ неопредѣленные сроки. Каждая книжка состояла изъ жизни двухъ античныхъ народовъ во всѣхъ ея проявленіяхъ, о ихъ религіи, искусствѣ, литературѣ, наукѣ, политической исторіи, общественномъ и домашнемъ бытѣ, характеристикѣ замѣчательныхъ эпохъ, библіографическіе очерки знаменитыхъ лицъ древняго міра, а также переводы первоклассныхъ произведеній древней литературы. Во второй части помѣщались біографіи великихъ ученыхъ, занимавшихся классической древностью въ новое время, общіе обзоры исторіи ея изученія, обозрѣніе новыхъ книгъ, выходящихъ по этой части за границею и преимущественно въ Россіи.—Къ книгѣ приложены 8 таблицъ рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ и съ многими въ текстѣ.

Рисунокъ 1. Агрипина старшая, жена Германика, дочь Агрипины отъ Ливія, родная внучка Августа.

2. Мессалина, супруга Клавдія, мать Октавіи и Британика.

3. Агрипина младшая, мать Нерона·

4. Императоръ Тиверій, съ монеты надпись «Tiberius Caesar Aqvistoi I (Iulius) imperator».

5. Императоръ Калигула, бронзовый бюстъ, находящійся въ Луврѣ, въ Парижѣ.

6. Императоръ Клавдій, съ монеты.

8 и 9. Поппея, Сабина, римскія женщины съ двухъ монетъ.

Это изданіе въ настоящее время весьма рѣдко встрѣчается въ полномъ видѣ, а особенно томъ 4-й и 5-й совсѣмъ не находимы въ книжной торговлѣ и составляютъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость.—Купленъ мною экземпляръ «Пропилей» за 40 рублей.

1625. Прославленная любовь, или разсужденіе о истинной премудрости и истинномъ счастіи по тройственному свѣту божественному: благодати, святаго писанія и здраваго смысла. Переводъ съ французскаго. Москва, въ университетской типографіи. 1818 года.—Въ 12 д. л., XXVIII+300+1 стр.

Эта книга содержитъ въ себѣ религіозно-нравственныя разсужденія.

Въ началѣ помѣщена статья отъ переводчика Якова Бородовскаго—о переводѣ книги.

Это изданіе запрещено къ перепечатанію и въ настоящее время книга сдѣлалась рѣдкою.

1626. Простые душеполезные разсказы. Изданіе Св.-Андреевскаго скита на Аѳонѣ. Одесса. Типо-литографія Е. Фесенко. 1885 года.

Книга, по содержанію своему, вполнѣ заслуживаетъ данное ей наименованіе, такъ какъ помѣщенные въ ней разсказы изъ священнаго писанія, въ дѣйствительности, могутъ принести несомнѣнную пользу для души каждаго человѣка.

Отпечатана она была въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и притомъ не для продажи. Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 3 рубля.

1627. Простонародныя сказки, изданныя Виландомъ. Переведено съ нѣмецкаго языка Василіемъ Поляковымъ. 6 частей. Изданіе 2-е. Орелъ, въ типографіи И. Сытина. 1822 года. — Въ 16 д. л., ч. 1-я 249, ч. 2-я 183, ч. 3-я 228, ч. 4-я 204, ч 5-я 228 и ч. 6-я 204 стр.

Въ 1822 году Василіемъ Поляковымъ было выпущено изданіе подъ заглавіемъ: «Простонародныя сказки», которыя въ означенномъ сборникѣ значились подъ слѣдующими наименованіями: 1) Вѣрность любви. 2) Лѣсъ. 3) Искатель кладовъ. 4) Нимфа колодца. 5) Рихильда — повѣсть. 6) Перстень. 7) Мелехсала. 8) Похищеніе. 9) Соперники. 10) Нѣмая любовь. 11) Источникъ красоты. 12) Либусса и 13) Пять сказокъ о Рюбецалѣ.

Это изданіе въ настоящее время весьма рѣдко попадается въ книжной торговлѣ.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившийся, за 6 рублей.

Виландъ, К. М.

Знаменитый нѣмецкій писатель.

1628. Простосердечное наставленіе о молитвѣ: во 1-хъ, какъ сердце въ усердной молитвѣ внутреннимъ предразмышленіемъ возбуждается и уготовляется; во 2-хъ, какъ Адамъ и Христосъ въ насъ суть, а не внѣ насъ на сіе цѣлое Св. Писаніе указуетъ; въ 3-хъ, чего ради Христомъ повелѣно молиться, хотя Богъ издалече насъ предупреждаетъ благами своими, прежде нежели молимся мы. Переводъ съ нѣмецкаго языка. Москва.— Въ 8 д. л., безъ означенія года и мѣста печати.

Книга замѣчательная, какъ по содержанію, такъ и по рѣдкости изданія. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова за № 9122, сказано: «книга рѣдка». Хорошо сохранившіеся экземпляры сей книги чрезвычайно рѣдки.

1629. Протестъ Ивана Яковлевича на господина Прыжова, за названіе его лжепророкомъ. Сочиненіе Я. Горицкаго. Москва, въ типографіи Семена. 1861 года.— Въ 8 д. л. 39 стр.

См. У Якова Березина-Ширяева—стр. 203, гдѣ у него говорится:—«Авторъ защищаетъ извѣстнаго московскаго предсказателя Ивана Яковлевича Корейшу отъ нападокъ Прыжова, который въ 1860 г. написалъ брошюру о житіи Ивана Яковлевича, имѣвшую большой успѣхъ, и сдѣлалась библіографической рѣдкостію».

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры рѣдки.

Куплена мною брошюра за 1 рубль.

1630. Процессъ соціалистовъ Валерьяна Осинскаго, Софіи Лешернъ-фонъ-Герцфелдъ и Варѳоломія Волошенко. Краткій отчетъ засѣданія Кіевскаго военно-окружнаго суда 5 мая 1879 года. Женева. 1879 года.—Въ 8 д. л. 16 стр.

Изданіе Элпидина. — См. «Списокъ русскихъ книгъ, напечатанныхъ внѣ Россіи, за послѣднее десятилѣтіе 1875—1885 гг.», стр. 19.

1631. Прошедшее философіи. Опытъ соціологическаго изслѣдованія общихъ законовъ развитія философской мысли. Сочиненіе Деро6ерти. Общедоступное изданіе. Въ одномъ томѣ. Москва. 1887 года.—Въ 8 д. л.

Читатель найдетъ здѣсь сжатый и ясный критическій очеркъ философіи и соціологическаго изслѣдованія общихъ законовъ развитія философской мысли.

Означенное изданіе было напечатано въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и въ продажу не поступало.

Книга очень рѣдкая.

1632. Псалтирь или пѣсни духовныя. Твореніе пророка и царя Давида и другихъ боговдохновенныхъ мужей. Переводъ съ греческаго. Изданная докторомъ врачебныхъ наукъ Франциском Скариною изъ Полоцка.—Въ 8 д. л.

См. у Сопикова, за № 930, говорится, что «единственный экземпляръ сего изданія находится въ библіотекѣ кандидата Московскаго университета К. Ѳ. Калайдовича, и выходного листа не имѣется. Очень вѣроятно, что книга эта напечатана въ Вильнѣ около 1525 года, потому что оттискъ и буквы

совершенно сходны съ «Апостоломъ» и «Канонникомъ», изданными Скариною».

1633. Псалтирь со возслѣдованіемъ напечатанная въ Москвѣ въ 1638 году, снисканіемъ и труды многогрѣшнаго раба Василія Федорова сына Бурцова. Начата печатаніемъ 23 іюля 7145 (1637 г.) а кончена 23 апрѣля 7146 (1638 г.).—Въ листъ, 3+687 листовъ.

Авторъ этой весьма рѣдкой книги Василій Бурцовъ былъ патріаршій дьякъ при московскомъ патріархѣ Филаретѣ.

См. «Отчетъ Императ. Публичной библіотеки» за 1886 годъ, стр. 72-я.—У Ундольскаго № 461.—У Каратаева—№ 367.

1634. Псалтирь, переведенная съ славянскаго на польскій; въ Евю, 1638—Въ 12 д. л.

Это изданіе замѣчательно тѣмъ, что начало каждаго псалма, или первый стихъ онаго, на славянскомъ языкѣ напечатано русскими церковными, а прочее нѣмецкими буквами.

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова за № 1737, сказано: «книга рѣдкая».

1635. Псалтирь съ мѣсяцословомъ, переложенная стихами іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ. Москва, въ верхней типографіи, 1680 года.—Въ листъ.

Это рѣдкое изданіе въ настоящее время почти не находимо и принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

См. «Опытъ россійской библіографіи» Василія Сопикова—№ 1030, сказано: «книга очень рѣдка».

1636. Псалтирь художествомъ риѳмотворнымъ преложенная, іеромонаха Симеона Полоцкаго. Помѣщается заглавный листъ: «Во славу Господа Бога, въ Троицѣ мцъ, въ единствѣ естества, славимаго. Псалтирь царя и пророка Давида, художествомъ риѳмотворнымъ, равномѣрно слоги и согласноконечно по различнымъ стиховъ родомъ преложенная. Повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго государя нашего, царя и великаго князя Ѳеодора Алексіевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, благословеніемъ же въ духовномъ чину отца его и богомольца, великаго господина святѣйшаго Киръ Іоакима патріарха Московскаго и всея Россіи, издается въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ типографіи верхней, въ лѣто отъ сотворенія міра (7188) отъ рождества же по плоти Бога Слова (1680), индикта (3), мѣсяца Априлліа. Стихотворилъ Іеромонахъ Сѵмеонъ Полоцкій». — Въ л., 116 (332 стр.), съ гравюрой.

Въ началѣ этой чрезвычайно рѣдкой книги помѣщена гравюра работа А. Трухменскаго, сдѣланная съ рисунка Симона Ушакова и изображающая царя Давида. Эта первая въ Россіи, по времени, гравюра на мѣди.

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова—№ 1030.—У Каратаева—№ 863.—У Хлудова—№ 257.—У Царскаго—№ 209.

1637. Псалтирь, писанная отъ руки гусинымъ перомъ (на березовой корѣ) церковно-славянскимъ шрифтомъ въ концѣ XVII столѣтія.—Въ 16 д. л., 536 стр.

Эта замѣчательная библіографическая рѣдкость любопытна тѣмъ, что вся она писана на березовой корѣ.

Глядя на эту, по истинѣ артистическую и оригинальную работу переписчика, невольно удивляешься тому запасу трудолюбія и терпѣнія, которыя потребовались отъ него для выполненія столь необыкновенно труднаго и кропотливаго дѣла, поглотившаго, вѣроятно, не малое количество времени, прежде чѣмъ творецъ его могъ любоваться своимъ законченнымъ произведеніемъ.

Но за то все это потрачено было не даромъ: замѣчательное произведеніе искусства пережило не только своего исполнителя и его время, но и чрезъ 2 столѣтія достигло до насъ: и какъ удивляло и останавливало на себѣ вниманіе тогда, такъ точно своей оригинальностію, чистотою и тонкостію исполненія интересуетъ и теперь всѣхъ и каждаго.

Въ особенности же замѣчательно въ этой рѣд-

Изображеніе св. царя Давида.

Изъ «Псалтири Симеона Полоцкаго». По рѣдкому экз. изъ собранія Бурцева.

кости: изображеніе царя Давида, такъ-же какъ и весь псалтирь, сдѣланное отъ руки и на берестѣ. Но при всемъ томъ, выполненное съ замѣчательною точностію, чистотою и тонкостію работы.

Кто же былъ авторъ этого оригинальнаго труда, кто былъ его исполнителемъ и почему онъ остановился на столь странной, хотя и оригинальной мысли, какъ переписка цѣлаго псалтиря, да еще съ рисункомъ—на березовой корѣ?

Отвѣтить на вышеприведенные вопросы мы не можемъ — потому что на псалтирѣ нѣтъ нигдѣ и никакой надписи, и поэтому можно дѣлать разныя предположенія, не зная какое вѣрнѣе изъ нихъ. Можетъ быть переписывалось по обѣту, можетъ изъ любви къ искусству и оригинальности, а можетъ быть просто за извѣстное вознагражденіе деньгами или чѣмъ либо другимъ.

Но такъ или иначе— вещь эта крайне интересной была въ свое время, и таковою останется навсегда, и въ глазахъ любителя всегда будетъ имѣть цѣнное значеніе.

Купленъ мною экземпляръ за 200 рублей.

1638. Псалтирь, подъ заглавіемъ: Да-

вида пророка и царя пѣсни, рекше псалмы, съ преложеніемъ на общій нашъ и обычайный языкъ изъ вулгаты давно переведенныхъ псалмовъ, тоже въ увѣдомленіе нѣкоторыхъ славенскихъ рѣченій изящныхъ, неудобовразумительныхъ, въ пользу же благовѣйно читати обыкшихъ; въ монастырѣ почаевскомъ 1798 года.— Въ 8 д. л.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры сего изданія составляютъ величайшую библіографическую рѣдкость.

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, за № 984, сказано: — «книга очень рѣдка».

1639. Психопаты благотворительности и дѣйствительные филантропы (изъ записокъ умершаго). С.-Петербургъ, въ типографіи Балашова. 1888 года.—Въ 8 д. л., 185 стр.

Въ началѣ этой чрезвычайно рѣдкой книги слѣдуетъ нѣсколько словъ отъ издателя, гдѣ онъ говоритъ, что:

«Печатая, по просьбѣ жены покойнаго Милосерднаго, его записки, въ которыхъ описываются имъ, повидимому, съ натуры темныя и свѣтлыя стороны нашей благотворительности, мы исполняемъ симъ волю покойнаго и руководимся только той пользою, которую онѣ могутъ принести дѣлу благотворенія».

При этомъ считаемъ необходимымъ высказать слѣдующее замѣчаніе.

Помѣстивъ нѣсколько главъ означенныхъ очерковъ въ одной изъ газетъ, мы были крайне изумлены полученіемъ заявленія отъ Статскаго Совѣтника Лавра Ильича Ильина, почему то предположившаго, что именно онъ описанъ въ нашихъ очеркахъ. Уступая его желанію, мы тотчасъ же заявили печатно, что описанный нами Илья Ильичъ Лаврушкинъ ничего общаго не имѣетъ съ почтеннѣйшимъ благотворителемъ Лавромъ Ильичемъ Ильинымъ, извѣстнымъ намъ лично, что еще разъ и подтверждаемъ въ настоящемъ случаѣ.

Матеріалъ, оставленный намъ Милосерднымъ, весьма обширенъ и обнимаетъ сферы нашихъ благотворителей по всей Россіи, почему мы, если читатели отнесутся къ настоящему изданію нашему сочувственно, не преминемъ издать и вторую часть очерковъ.

Филантроповъ.

1640. Псовый охотникъ, содержащій въ себѣ о свойствахъ названія и должности онаго, о высворкѣ борзыхъ и наѣздкѣ гончихъ собакъ и проч. Изданіе любителя псовой охоты Р. Б. Москва, въ типографіи И. Лопухина. 1785 г., VI + 104 стр.

Въ предисловіи отъ издателя сказано, что это старинный переводъ съ польскаго, перепpавленный и дополненный издателемъ. Въ книгѣ много любопытныхъ свѣдѣній о псовой охотѣ. Въ концѣ приложенъ алфавитъ о кличкахъ борзыхъ и гончихъ собакъ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры рѣдки.

Купленъ мною экземпляръ за 4 рубля.

1641. Пустомеля. Сатирическій журналъ. Ежемѣсячное сочиненіе на 1770 годъ. Санктпетербургъ, 1770 года.—Въ 16 д. л., 112 стр.

Этого рѣдчайшаго журнала вышло только двѣ книжки—за іюнь и іюль. Издатель неизвѣстенъ. Содержаніе журнала разнообразное: статьи въ прозѣ и стихахъ. Объ немъ упоминаетъ Буличъ въ сочиненіи о Сумароковѣ и А. Афонасьевъ (въ «Русскіе Сатирическіе Журналы», Москва, 1859 года, 246 страницъ), который перепечаталъ этотъ журналъ, какъ библіографическую рѣдкость, 1858 г. въ Москвѣ.

См. «Книжныя рѣдкости» Геннади, за № 35.

1642. Путеводитель къ премудрости. Сочиненіе Лудовика Вивеса. Перевелъ съ латинскаго языка Семенъ Гамалѣя. Спбургъ, при морскомъ шляхетскомъ корпусѣ, 1768 г. — Въ 12 д. л., 10 и 156 стр.

Авторъ книги Людовикъ Вивесъ родился въ 1442 г. въ испанскомъ городѣ Валентіи, былъ кардиналомъ въ Толедо, а потомъ жилъ въ Англіи, гдѣ обучалъ королевскую принцессу Марію латинскому языку и словесности, впослѣдствіи онъ по-

селился въ Фландріи, въ городѣ Бругѣ, гдѣ и умеръ въ 1540 г.

Книга эта содержитъ въ себѣ нравоучительныя правила.

Изданіе замѣчательное и рѣдкое.

1643. Путеводитель отъ Курска до Москвы и описаніе Крыма. Въ 3 частяхъ. Составленъ Штакельбергомъ. Санктпетербургъ, въ типографіи Морскаго Министерства. 1858 г. — Въ 8 д. л. Часть I-я 88, часть 2-я 87 и часть 3-я VII + 91 стр.

Этотъ весьма рѣдкій путеводитель содержитъ въ себѣ:

1) Описаніе замѣчательнѣйшихъ городовъ и селеній, равно какъ и общія обозрѣнія губерній, лежащихъ по пути отъ г. Перекопа до предѣловъ Курской губерніи.

2) Записка о мѣрахъ къ развитію сельской промышленности на югѣ Россіи.

3) Описаніе замѣчательнѣйшихъ городовъ и селеній и общія обозрѣнія губерній, лежащихъ по пути отъ предѣловъ Курской губерніи до Москвы.

4) Очеркъ замѣчательнѣйшихъ предметовъ на Крымскомъ полуостровѣ. Административные вопросы Крыма и объ отношеніяхъ татаръ къ помѣщикамъ въ Крыму.

Путеводитель составленъ по свѣдѣніямъ печатнымъ и доставленнымъ нѣкоторыми лицами, поименованными въ 1-мъ выпускѣ, по порученію великаго князя Константина Николаевича. Изданіе это въ продажу не поступало. Среди свѣдѣній, помѣщенныхъ въ этой книгѣ, находимъ краткія описанія городовъ и мѣстъ, лежащихъ по пути и нѣкоторыя историческія воспоминанія и статистическія данныя. Кромѣ настоящей—существуютъ и другія книги въ этомъ родѣ, изданныя для путешествія высочайшихъ особъ и неизвѣстныя библіографамъ. См. объ этой книгѣ у Геннади «Русскія книжныя рѣдкости» № 200.

Купленъ мною экземпляръ въ С.-Петербургѣ у В. И. Клочкова за 4 рубля.

1644. Путеводитель отъ Москвы до Санктпетербурга и обратно. Сообщающій историческія, статистическія и другія свѣдѣнія о замѣчательныхъ городахъ, мѣстахъ и предметахъ, находящихся по дорогѣ между обѣими столицами.—«Да извощики-то на чтожъ?» Составилъ и издалъ И. Д. (Дмитріевъ). Москва, въ университетской типографіи, 1839 года.—Въ 16 д. л., 612 стр.

Это рѣдкая книга, имѣющая виньетку на заглавномъ листѣ.

На второмъ листѣ слѣдуетъ посвященіе князю Д. В. Голицыну

1645. Путеводитель по Императорской Публичной Библіотекѣ. Спбургъ, 1852 г.—Въ типографіи II-го отд. Собственной Е. И. В. Канцеляріи. 140 и 2 нен. стр. и 13 видовъ и плановъ.

Въ этой весьма любопытной книжкѣ помѣщены слѣдующіе отдѣлы: историческій обзоръ, стр. 1—18; открытіе библіотеки, стр. 18—23; зданія, стр. 23—27; прежній составъ библіотеки, постепенныя въ немъ приращенія и ея настоящее, стр. 28—53; описаніе зданія по этажамъ и заламъ, съ обозначеніемъ нѣкоторыхъ примѣчательныхъ книгъ, рукописей и проч.; заключеніе, стр. 62—140.

На литографированныхъ картинкахъ изображены: 1) домъ Варшавской библіотеки Залусскихъ; 2 и 3) старое и новое зданіе Публичной Библіотеки; 4) одна изъ торфяныхъ печей въ сѣняхъ; 5) пріемная зала; 6) хранилище рукописей; 7) эстрада дежурнаго чиновника въ читальной залѣ; 8) шкафъ—столъ для храненія эстамповъ; 9) зала изящной словесности; 10) овальная зала бельэтажа; 11) станокъ съ вращающимися витринами; 12) ваза на парадной надворной лѣстницѣ; 13) планъ мѣстности Публичной Библіотеки и 14) планы двухъ этажей.

См. «Литературу русской библіографіи» Г. Геннади—№ 328.

1646. Путеводитель по саду и городу Павловску, составленный П. Шторхомъ. Съ двѣнадцатью видами, рисованными съ натуры В. А. Жуковскимъ и планомъ, сдѣланнымъ въ чертежной Е. И. В. великаго князя Михаила Павловича. Изданіе литографа И. Селезнева. С.-Петербургъ. Тип. военно-учебныхъ заведеній. 1843 года.—Въ 16 д. л.

Въ этомъ весьма рѣдкомъ изданіи помѣщено 12 литографированныхъ рисунковъ внѣ текста и планъ города Павловска.

1647 Путеводитель отъ Москвы чрезъ Ярославль внизъ по Волгѣ до Астрахани. Часть 1-я. Составлена В. Фуксомъ и М. Кунинымъ. С.-Петербургъ. Въ типографіи Морскаго Министерства. 1858 года.—Въ 8 д. л., IX+65 стр.—Часть 2-я. Продолженіе описанія пути внизъ по Волгѣ отъ города Самары. С.-Петербургъ. 1858 г.—Въ 8 д. л., 53 стр.—Часть 3-я. Записки о Волгѣ, бурлакахъ и Нижегородской ярмаркѣ. С.-Петербургъ. 1858 г.—Въ 8 д. л., 63 стр.—Часть 4-я и 5-я. Общія обозрѣнія по пути отъ Москвы чрезъ Ярославль внизъ по Волгѣ. С.-Петербургъ, 1858 г.—Въ 8 д. л., (V) 123 стр. и (V) 154 стр.

Этотъ весьма интересный путеводитель отъ Москвы чрезъ Ярославль внизъ по Волгѣ до Астрахани, составленъ по порученію Его Императорскаго Высочества великаго князя Константина Николаевича, августѣйшаго предсѣдателя русскаго географическаго общества, дѣйствительными членами этого общества В. Фуксомъ и М. Кунинымъ, по плану, предположенному первымъ изъ нихъ. Дѣйствительнымъ членомъ Фуксомъ обработаны слѣдующія части: описаніе дороги отъ Москвы до предѣловъ Симбирской губерніи, описаніе Нижегородской ярмарки и общія обозрѣнія губерній: Московской, Владимірской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Казанской, Симбирской и Самарской; дѣйствительнымъ же членомъ Кунинымъ: описаніе дороги отъ предѣловъ Симбирской губерніи до Астрахани, свѣдѣнія о Волгѣ и бурлакахъ, общія обозрѣнія губерній Саратовской и Астраханской и относящіяся къ этому краю изслѣдованія по разнымъ вопросамъ.

См. у Геннади «Книжныя рѣдкости» № 200, сказано:—«изданы въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и въ продажу не поступали».

Купленъ мною экземпляръ у В. И. Клочкова въ С.-Петербургѣ за 14 рублей.

Савельевъ. Павелъ Степановичъ.

Извѣстный русскій археологъ. Род. 1814 г., ум. 1859 г.

1648. Путевыя записки. Вадима. Москва, въ типографіи Селивановскаго, 1834 года.—Въ 8 д. л., 180 стр.

Эта небольшая, но весьма любопытная книжка подробно знакомитъ читателя съ историческими воспоминаніями о казачествѣ Малороссіи и Украины, и о другихъ минувшихъ историческихъ событіяхъ.

Книжка эта въ настоящее время рѣдка.

1649. Путешествіе въ Москву во время пребыванія въ оной французовъ. Москва, въ типографіи С. Селиванскаго. 1813 года.—Въ 8 д. л., 39 стр.

Эта рѣдкая брошюрка посвящена авторомъ, К. С. М.,—«его высокоблагородію, милостивому государю Лукіяну Яковлевичу Яковлеву въ знакъ искренной благодарности и глубочайшаго почитанія».

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 2 рубля.

1650. Путешествіе въ Памиръ и Среднюю Азію. Графа Дунморъ. Одесса, типографія штаба округа. 1896 г.—Въ 8 д. л., 28 стр.

Эта любопытная брошюрка содержитъ въ себѣ докладъ, прочитанный въ «Атенеумѣ» въ ноябрѣ 1893 года и отпечатанный въ количествѣ двадцати пяти экземляровъ—не для продажи.

1651. Путешествіе въ Персію. Письма кн. А. Д. Салтыкова съ портретомъ Нассръ-Эдина-Мурзы валіата (наслѣдника), нынѣ шаха Персіи. Москва. Въ Университетской типографіи, 1849 года.—Въ листъ, 75 стр.

Въ началѣ книги, превосходной работы—портретъ Нассръ-Эдина-Мирзы валіата, нынѣ шаха Персіи,—а затѣмъ, краткое предисловіе отъ автора, въ которомъ говорится относительно путешествія въ Персію. Авторъ говоритъ: «Еще въ дѣтствѣ познакомился я съ извѣстнымъ нашимъ художникомъ Орловскимъ. Онъ былъ на Кавказѣ и его кисть тогда уже переносила мое воображеніе на востокъ. Въ то же время я узналъ о персидскомъ посольствѣ въ Россію, и ждалъ его съ нетерпѣніемъ. Наконецъ оно прибыло въ 1816 году въ С.-Петербургъ. Нетерпѣливое ожиданіе мое разрѣшилось трепетнымъ чувствомъ довольства. У окна моего дома, на Дворцовой набережной, раздался торжественный звукъ кавалергардскихъ трубъ и вдали появились двѣ громады, которыя медленно, съ страннымъ колебаніемъ подвигались впередъ. Это были слоны, предшествующіе поѣзду посольства, въ чудномъ убранствѣ, фантастически росписанные и въ сапогахъ, эти движущіяся колоннады прошли, какъ чудныя созданія невѣдомаго міра. Слѣдомъ ѣхали два абиссинца въ бархатной шитой золотомъ одеждѣ, на ярыхъ жеребцахъ. За ними угрюмые персіяне, въ своемъ обычномъ нарядѣ, вели подъ узцы двѣнадцать коней. Потомъ слѣдовала толпа персидскихъ всадниковъ, въ великолѣпныхъ парчевыхъ и шалевыхъ одеждахъ, и, наконецъ, придворная золотая карета, цугомъ, съ скороходами и камеръ-пажами; въ ней сидѣлъ посолъ Фетъ-Али-Шахъ-Мурза-Абдулъ-Гассанъ-Ханъ, въ бѣлой шалевой одеждѣ, съ алмазной звѣздой и зеленой лентой ордена «Льва и Солнца». Его сопровождали девять персидскихъ всадниковъ, съ заводными, странно осѣдланными конями. Весь поѣздъ заключался казачьимъ полкомъ и кирасирскимъ эскадрономъ. Это странное видѣніе произвело на меня сильное впечатлѣніе и породило страстное желаніе видѣть востокъ, и особенно Персію. Спустя долгое время желаніе мое исполнилось: я былъ въ Персіи, прожилъ два года въ Индіи, изъѣздилъ ее во всѣхъ направленіяхъ; любопытство мое еще не вполнѣ удовлетворилось, а тоска по отчизнѣ томила уже меня, и я возвратился въ Россію. Ожидалъ чувствами, но страсть къ путешествію завлекла уже чувства мои. Европу я видѣлъ, она уже мнѣ опостылѣла. Въ Италіи и Испаніи мнѣ казалось все пошло и несносно. Въ Англіи, Германіи и Франціи мелочно и нестерпимо. Индія возстала въ памяти моей столь плѣнительной, что желаніе пожить еще въ этой волшебной природѣ, посреди первоначальныхъ обычаевъ, народовъ и нравовъ, не искаженныхъ мнимою образованностію,—было во мнѣ непреодолимо. Я поѣхалъ въ Индію, пробылъ тамъ цѣлый годъ въ безпрестанныхъ поѣздкахъ, осмотрѣлъ много мѣстъ, которыхъ не удалось видѣть въ первое мое путешествіе, но второе впечатлѣніе было не на столько уже облечено очарованіемъ, какъ первое. Снова пожелалъ я родины, но любовь къ Индіи еще не изсякла, и можетъ быть, я навѣщу ее въ

третій разъ и взгляну болѣе безпристрастнымъ взглядомъ, болѣе изучу и природу и бытъ народа, столь строго и неуклонно живущаго въ исконныхъ обычаяхъ своихъ».

Шелиховъ, Григорій Ивановичъ.

Род. 1748. Рыльскій мѣщанинъ, потомъ купецъ мореходъ занялъ Курильскіе и Алеутскіе острова и часть американскаго материка, и основалъ россійско-американскую компанію. † 20 іюня 1795. Импер. Екатерина II пожаловала его семьѣ потомственное дворянство.

1652. Путешествіе г. Шелихова съ 1783 по 1790 годъ, изъ Охотска по Восточному океану къ американскимъ берегамъ и возвращеніе его въ Россію, съ обстоятельнымъ увѣдомленіемъ объ открытіи новообрѣтенныхъ имъ острововъ— Кыктака и Афагнака, до коихъ не достигалъ и славный англійскій мореходецъ капитанъ Кукъ, и съ пріобщеніемъ описанія образа жизни, нравовъ, обрядовъ, жилищъ и одеждъ обитающихъ тамъ народовъ, покорившихся подъ россійскую державу. Также климатъ, годовыя перемѣны, звѣри, домашнія животныя, рыбы, птицы, земныя произрастанія и многіе другіе любопытные предметы, тамъ находящіеся, что все вѣрно и точно описано имъ самимъ въ двухъ частяхъ, съ картинкою. Санктпетербургъ, въ типографіи губернскаго правленія, 1812 года. — Въ 16 д. л., часть 1-я 172, часть 2-я 90 стр.

Прекрасная книга г. Шелихова содержитъ въ себѣ подробное описаніе его путешествія изъ Охотска по Восточному океану къ американскимъ берегамъ и возвращеніе его въ Россію; съ собственнымъ увѣдомленіемъ объ открытіи новопріобрѣтенныхъ имъ острововъ: Кыктака и Афагнака, до коихъ не достигъ и главный англійскій мореходъ капитанъ Кукъ. — Эта книга въ настоящее время весьма рѣдко попадается въ продажѣ, очень рѣдка. Куплена мною за 3 рубля.

1653. Путешествіе Государя Наслѣдника Цесаревича и Государыни Цесаревны въ 1869 году. Москва, типографія Каткова, 1869 г.—Въ 16 д. л., 84 стр.

Въ началѣ этой маленькой, но довольно любопытной книжки, говорится, что: — «Въ воскресенье 13-го числа, въ 9½ часовъ утра, Москва проводила Государя Наслѣдника Цесаревича и Государыню Цесаревну на путь въ Нижній Новгородъ. День былъ жаркій—ни вѣтерка. Почти на каждой станціи собирались густыя толпы рабочаго населенія, которымъ такъ богата промышленная Владимірская губернія, посмотрѣть на Августѣйшую чету; и всѣ остались удовлетворенными. Его Высочество вмѣстѣ съ Государыней Цесаревной изволили выходить почти на каждой станціи на платформу своего вагона, такъ что народъ могъ видѣть ихъ свободно; но любо было посмотрѣть на этихъ зрителей, видѣть эту массу здоровыхъ, довольныхъ лицъ, сіяющихъ всѣми чертами, и слышать этотъ любезный русскому сердцу громовой привѣтъ народа Царю и Царскому дому. Конечно, если есть въ мірѣ хоръ безъ фальшивой ноты, то здѣсь можно его услышать. Русская душа, народная душа радуется. Въ живомъ лицѣ Царя и Сына Царскаго, она себя узнаетъ и видитъ и слышитъ жизнь и судьбу свою».

Книжка эта въ настоящее время довольно рѣдка.

1654. Путешествіе діавола и глупости, или причины возмущеній Франціи, Бра-

банта, соединенныхъ областей и проч. Печатано въ Лунѣ, маія 1793 году, въ четвертое лѣто царствованія канибаловъ (людоѣдовъ) и находится во многихъ европейскихъ книжныхъ лавкахъ. — Печатано при I кадетскомъ корпусѣ, 1806 года.—Въ 16 д. л., XIV+226 стр.

Въ началѣ помѣщено предисловіе автора барону Гольберу и подписано буквами: де, е, ю, е, Р, Ф, а, Затѣмъ текстъ юмористическаго и сатирическаго содержанія. Книга въ русскомъ переводѣ посвящена переводчикомъ «Его превосходительству Николаю Андреевичу Грекову, генералъ-маіору и кавалеру, въ знакъ признательности, любви и почтенія, посвящаю имени вашему переведенную мною на счетъ нынѣшнихъ нашихъ враговъ, любезнаго нашего отечества, продѣлку, которая въ шуточныхъ изрѣченіяхъ много открываетъ истины, и если вы при чтеніи оной столько же получите удовольствія и забавы, сколько избавился я скуки при переводѣ оной на русскій языкъ, то намѣреніе мое тѣмъ выполнится и сочтетъ себя обязаннымъ за благосклонность вашу. Съ искреннимъ почтеніемъ къ вамъ, пребывающей Петръ Петровъ». См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова за № 9120. Есть у Як. Березина-Ширяева «Дополнительные матеріалы», стр. 175. Куплена мною книжка у Шибанова въ Москвѣ за 3 рубля. По каталогу за 1895 годъ, отмѣчена очень рѣдкою.

1655. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Сочиненіе А. Н. Радищева. — «Чудовище обло, озарно, огромно, стозѣвно и лаяй». — 1790, въ Санктпетербургѣ. (Заглавіе и посвященіе А. М. К.). 3+453 стр.

Извѣстное «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», Радищева, при самомъ появленіи своемъ въ свѣтъ, въ 1790 году, сдѣлалось чрезвычайною библіографическою рѣдкостью, когда эта книга по приказанію Императрицы Екатерины была арестована, а самъ авторъ подвергся преслѣдованію и былъ приговоренъ къ смертной казни, замѣненной ссылкою на 10 лѣтъ въ Сибирь.—Книги уцѣлѣло нѣсколько десятковъ экземпляровъ, которые считаются въ настоящее время величайшею библіографическою рѣдкостію. Попытокъ переиздать «Путешествіе» Радищева было сдѣлано нѣсколько въ Лондонѣ, съ предисловіемъ А. И. Герцена, но съ значительными отступленіями отъ подлинника: во многихъ мѣстахъ выпущены цѣлыя фразы, одни выраженія замѣнены другими, слогъ вообще подновленъ, сглажены шероховатости, и т. п., такъ что отъ подобныхъ поправокъ нерѣдко искажается даже самый смыслъ сказаннаго Радищевымъ. Въ 1860 году сынъ автора «Путешествія», Павелъ Александровичъ Радищевъ, обращался къ Императору Александру II съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ о дозволеніи напечатать сочиненіе отца. Прошеніе это было препровождено въ главное управленіе цензуры, которое признало тогда несвоевременнымъ переизданіе «Путешествія». Въ 1865 году Радищевъ возобновилъ свое ходатайство,—но столь же безуспѣшно. Въ 1867 году петербургскій книгопродавецъ Шигинъ напечаталъ тогда подъ именемъ «Путешествія» не подлинный текстъ этого сочиненія, а лишь извлеченіе изъ него, съ большими пропусками, причемъ самъ заявилъ цензурному комитету, что имъ тщательно исключено изъ книги Радищева все, что было въ противорѣчіи съ цензурными установленіями. Въ 1872 году были напечатаны подъ редакціею П. А. Ефремова, въ двухъ томахъ, сочиненія Александра Николаевича Радищева, куда вошло и «Путешествіе» безъ всякихъ сокращеній, или измѣненій. Изданіе г. Ефремова не появилось въ свѣтъ и было уничтожено. Въ 1873 году «Путешествіе» напечатано въ Лейпцигѣ въ XVII томѣ, такъ называемой «Международной библіотеки», но это лейпцигское изданіе есть не что иное, какъ дословная перепечатка лондонскаго изданія, и потому въ немъ, какъ и въ лондонскомъ, встрѣчается безчисленное множество разнаго рода уклоненій отъ подлинника. А. С. Суворинъ, въ виду этого и чрезвычайной рѣдкости книги, обратился чрезъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати Е. М. Ѳеоктистова къ г. министру внутреннихъ дѣлъ графу Д. А. Толстому съ просьбою о дозволеніи ему перепечатать «Путешествіе» Радищева, въ количествѣ ста экземпляровъ. Графъ Д. А. Толстой въ виду цѣлей этого изданія, разрѣшилъ ему эту перепечатку безъ всякихъ затрудненій. Вышедшее теперь «Путешествіе» Радищева, изданіе А. С. Суворина, есть воспроизведеніе съ изданія 1790 года изъ строки къ строку, изъ буквы въ букву. Приблизительно такимъ же

шрифтомъ, со всѣми опечатками подлинника. Такимъ образомъ, изданіе А. С. Суворина, доставляетъ точную копію 1790 года, и для литературныхъ изслѣдованій можетъ вполнѣ замѣнить оригиналъ. Оно напечатано, какъ уже сказано выше, всего въ количествѣ ста экземпляровъ. Этого изданія: на японской бумагѣ большого формата—25 экземпляровъ по 60 рублей, на японской бумагѣ малаго формата—30 экземпляровъ по 50 рублей; на слоновой бумагѣ—45 экземпляровъ по 25 рублей,—и всѣ они были раскуплены почти въ одинъ день.

См. А. С. Суворина «Путешествіе» Радищева, изданіе 1888 г.,—отъ издателя.

У Сопикова за № 9240, сказано: «нерѣдкая, ибо вышло въ свѣтъ оной не болѣе 50 экземпляровъ».—У Губерти—II, № 153.—У Геннади—въ «Книжныхъ рѣдкостяхъ» за № 71.—«Якушкинъ, Радищевъ и Пушкинъ». Москва, 1888. — П. А. Ефремова. — Як. Березинъ-Ширяевъ. — Остроглазовъ—«Книжныя рѣдкости».

Радищевъ родился въ 1749 году 20 августа, умеръ отъ отравы крѣпкою водкой 11 сентября 1802 года.

Въ виду того, что «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» А. Н. Радищева составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость и слѣдовательно для большинства любителей книга недоступна, между тѣмъ она по своему историческому содержанію весьма любопытна, поэтому я считаю не лишнимъ привести ее здѣсь полностію съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника.

ПУТЕШЕСТВІЕ,

ИЗЪ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ,

„Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно, и лаяй.„

Тилемахида, Томъ II. Кн: XVIII. стих: 514.

1790.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Заглавный листъ на книгѣ

«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву».

А. Радищева.

Радищевъ,

авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву».

А. М. К.

Любезнѣйшему другу.

Что бы разумъ и сердце произвести ни захотѣли, тебѣ оно, О! сочувственникъ мой, посвящено да будетъ. Хотя мнѣнія мои о многихъ вещахъ различествуютъ съ твоими, но сердце твое бьетъ моему согласно—и ты мой другъ.

Я взглянулъ окрѣстъ меня—душа моя, страданіями человѣчества уязвленна стала. Обратилъ взоры мои во внутренность мою — и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ непрямо на окружающіе его предметы. Уже ли, вѣщалъ я самъ себѣ, природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно, сокрыла истину на вѣки? Уже ли сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобъ чувствовали мы бѣдствія, а блаженство николи? Разумъ мой вострепеталъ отъ сея мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. «Отъими завѣсу съ очей природнаго чувствованія — и блаженъ буду». Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергли меня чувствительность и состраданіе; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію; и—веселіе неизрѣченное! я почувствовалъ, что возможно всякому соучастникомъ быть во благоденствіи себѣ подобныхъ. —Се мысль побудившая меня начертать то, что ты читать будешь. Но если, говорилъ я самъ себѣ, я найду кого либо, кто намѣреніе мое одобритъ, кто ради благой цѣли, неопорочитъ неудачное изображеніе мысли; кто состраждетъ со мною надъ бѣдствіями собратіи своей; кто въ шествіи моемъ подкрѣпитъ; не сугубой ли плодъ произойдетъ отъ подъятаго мною труда?.. Почто почто мнѣ искать далеко кого либо? Мой другъ! ты близъ моего сердца живешь—и имя твое да озаритъ сіе начало.

ВЫѢЗДЪ.

Отужинавъ съ моими друзьями, я легъ въ кибитку. Ямщикъ по обыкновенію своему поскакалъ во всю лошадинную мочь, и въ нѣсколько минутъ я былъ уже за городомъ. Разставаться трудно, хотя на малое время съ тѣмъ, кто намъ нуженъ сталъ на всякую минуту бытія нашего. Разставаться трудно: но блаженъ тотъ, кто разстаться можетъ не улыбаяся; любовь или дружба стрегутъ его утѣшеніе. Ты плачешь, произнося прости; но воспомни о возвращеніи твоемъ, и да исчезнутъ слезы твои при семъ воображеніи, яко роса предъ лицемъ солнца. Блаженъ возрыдавшій надѣяйся на утѣшителя; блаженъ живущій иногда въ будущемъ; блаженъ живущій въ мечтаніи. Существо его усугубляется, веселія множатся и спокойствіе упреждаетъ нахмуренность грусти, распложая образы радости въ зерцалахъ воображенія. — Я лежу въ кибиткѣ. Звонъ почтоваго колокольчика, наскучивъ моимъ ушамъ, призвалъ наконецъ благодѣтельнаго Морфея. Горесть разлуки моея преслѣдуя за мною въ смертоподобное мое состояніе представила меня воображенію моему уединенна. Я зрѣлъ себя въ пространной долинѣ, потерявшей отъ солнечнаго зноя всю пріятность и пестроту зелености; не было тутъ источника на прохлажденіе, не было древесныя сѣни на умѣреніе зноя. Единъ, оставленъ, среди природы пустыникъ! Вострепеталъ.—Нещастной возопилъ я, гдѣ ты? гдѣ дѣвалося все, что тебя прельщало? гдѣ то, что жизнь твою дѣлало тебѣ пріятною? Неужели веселости тобою вкушенныя были сонъ и мечта?—По щастію моему случившаяся на дорогѣ рытвина, въ которую кибитка моя толкнулась, меня разбудила. — Кибитка моя остановилась. Приподнялъ я голову. Вижу на пустомъ мѣстѣ стоитъ домъ въ три жилья. Что такое спрашивалъ я повощика моего? —Почтовый дворъ. — Да гдѣ мы?—Въ Софіи. И между тѣмъ выпрягалъ лошадей.

СОФІЯ.

Повсюду молчаніе. Погруженный въ размышленіяхъ, не примѣтилъ я, что кибитка моя давно уже безъ лошадей стояла. Привезшій меня извощикъ извлекъ меня изъ задумчивости.— Баринъ, батюшка, на водку.—Сборъ сей хотя не законный, но охотно всякій его платитъ, дабы не ѣхать по указу. — Двадцать копѣекъ послужили мнѣ въ пользу. Кто ѣзжалъ на почтѣ, тотъ знаетъ, что подорожная есть оберегательное письмо, безъ котораго всякому кошельку, генеральскаго, можетъ быть исключая, будетъ накладно. Вынувъ ее изъ кармана, я шелъ съ нею, какъ ходятъ иногда для защиты своей со крестомъ.

Почтоваго комисара нашелъ я храпящаго; легонько взялъ его за плечо.—Кого чортъ давитъ? Что за манеръ выѣзжать изъ города ночью. Лошадей нѣтъ; очень еще рано; взойди пожалуй въ трактиръ, выпей чаю, или усни. Сказавъ сіе г. комисаръ отворотился къ стѣнѣ и паки захрапѣлъ. Что дѣлать? Потрясъ я комисара опять за плечо.—Что за пропасть, я уже сказалъ, что нѣтъ лошадей; и обернувъ голову одѣяломъ, г. комисаръ отъ меня отворотился. Если лошади всѣ въ разгонѣ, размышлялъ я, то не справедливо, что я мѣшаю комисару спать. А если лошади въ конюшнѣ... Я вознамѣрился узнать, правду ли г. комисаръ говорилъ. Вышелъ на дворъ, сыскалъ конюшню, и нашелъ въ оной лошадей до двадцати; хотя правду сказать, кости у нихъ были видны, но меня бы дотащили до слѣдующаго стана. Изъ конюшни я опять возвратился къ комисару; потрясъ его гораздо покрѣпче. Казалося мнѣ, что я къ тому имѣлъ право, нашедъ, что комисаръ солгалъ. Онъ въ торопяхъ вскочилъ, и, не продравъ еще глазъ, спрашивалъ кто пріѣхалъ не... но опомнившись увидя меня, сказалъ мнѣ, видно молодецъ ты обыкъ такъ обходиться съ прежними ямщиками. Ихъ бивали палками; но нынѣ не прежняя пора. Со гнѣвомъ г. комисаръ легъ спать въ постелю. Мнѣ его такъ же хотѣлось поподчивать, какъ прежнихъ ямщиковъ, когда они въ обманѣ при

личались; но щедрость моя, давая на водку городскому повощику, побудила Софійскихъ ямщиковъ запречь мнѣ поскорѣе лошадей, и въ самое то время, когда я намѣрялся сдѣлать преступленіе на спинѣ комисарской, зазвенѣлъ на дворѣ колокольчикъ. Я пребылъ доброй гражданинъ. И такъ двадцать мѣдныхъ копѣекъ избавили миролюбиваго человѣка отъ слѣдствія, дѣтей моихъ отъ примѣра невоздержанія во гнѣвѣ, и я узналъ, что разсудокъ есть рабъ нетерпѣливости.

Лошади меня мчатъ; извощикъ мой затянулъ пѣсню по обыкновенію заунывную. Кто знаетъ голоса русскихъ народныхъ пѣсенъ, тотъ признается, что есть въ нихъ нѣчто скорбь душевную означающее. Всѣ почти голоса таковыхъ пѣсенъ суть тону мягкаго. — На семъ музыкальномъ расположеніи народнаго уха, умѣй учреждать бразды правленія. Въ нихъ найдешь образованіе души нашего народа. Посмотри на русскаго человѣка; найдешь его задумчива. Если захочетъ разогнать скуку, или какъ то онъ самъ называетъ, если захочетъ повеселиться, то идетъ въ кабакъ. Въ веселіи своемъ порывистъ, отваженъ, сварливъ. Если что либо случится не по немъ, то скоро начинаетъ споръ или битву. — Бурлакъ, идущій въ кабакъ повѣся голову, и возвращающійся обагренный кровію отъ оплеухъ, многое можетъ рѣшить доселѣ гадательное въ Исторіи Россійской.

Извощикъ мой поетъ. — Третій былъ часъ по полуночи. Какъ прежде колокольчикъ, такъ теперь его пѣсня произвела опять во мнѣ сонъ.—О природа, объявъ человѣка въ пелены скорби при рожденіи его, влача его по строгимъ хребтамъ боязни, скуки и печали чрезъ весь его вѣкъ, дала ты ему въ отраду сонъ. — Уснулъ и все скончалось.— Несносно пробужденіе нещастному. О сколь смерть для него пріятна. А естьли она конецъ скорби.—Отче всеблагій, не ужели отвратишь взоры свои, отъ скончевающаго бѣдственное житіе свое мужественно. Тебѣ источнику всѣхъ благъ, приносится сія жертва. Ты единъ даешъ крѣпость когда естество трепещетъ, содрогается. Се гласъ Отчій взывающій къ себѣ свое чадо. Ты жизнь мнѣ далъ, Тебѣ ее и возвращаю, на земли она стала уже безполезна.

ТОСНА.

—

Поѣхавши изъ Петербурга я воображалъ себѣ, что дорога была наилучшая. Таковою ее почитали всѣ тѣ, которые ѣздили по ней въ слѣдъ Государя. Такова она была дѣйствительно, но на малое время. Земля насыпанная на дорогѣ, сдѣлавъ ее гладкою въ сухое время, дождями разжиженная, произвела великую грязь среди лѣта, и сдѣлала ее не проходимую... Обезпокоенъ дурною дорогою, я вставъ изъ кибитки вошелъ въ почтовую избу, въ намѣреніи отдохнуть. Въ избѣ нашелъ я проѣзжающаго, которой сидя за обыкновеннымъ длиннымъ крестьянскимъ столомъ, въ переднемъ углу, разбиралъ бумаги, и просилъ почтоваго комисара, чтобы ему поскорѣе велѣлъ дать лошадей. На вопросъ мой, кто онъ былъ? узналъ я, что то былъ стараго покрою стряпчій, ѣдущій въ Петербургъ съ великимъ множествомъ изодранныхъ бумагъ, которыя онъ тогда разбиралъ. Я немедля вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и вотъ моя съ нимъ бесѣда. Милостивый государь! Я нижайшій вашъ слуга, бывъ регистриторомъ при разрядномъ архивѣ, имѣлъ случай употребить мѣсто мое себѣ въ пользу. Посыльными моими трудами я собралъ родословную на ясныхъ доводахъ утвержденную, многихъ родовъ Россійскихъ. Я докажу княжеское или благородное ихъ происхожденіе на нѣсколько сотъ лѣтъ. Я возстановлю не рѣдкаго въ княжеское достоинство, показавъ отъ Владимира Мономаха или отъ самаго Рюрика его происхожденіе. Милостивый государь! продолжалъ онъ, указывая на свои бумаги, все великороссійское дворянство долженствовало бы купить мой трудъ, заплатя за него столько, сколько ни за какой товаръ не платятъ. Но съ дозволенія вашего высокородія, благородія или высокоблагородія, не вѣдаю какъ честь ваша, они не знаютъ что имъ нужно. Извѣстно вамъ сколько блаженныя памяти благовѣрный Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, Россійское дворянство обидѣлъ, уничтоживъ мѣстничество. Сіе строгое законоположеніе поставило многія честныя княжескія и царскія роды наравнѣ съ Новгородскимъ дворянствомъ. Но благовѣрный же Государь Императоръ Петръ Великій совсѣмъ привелъ ихъ въ затмѣніе своею табелью о рангахъ. Открылъ онъ путь чрезъ службу военную и гражданскую всѣмъ, къ пріобрѣтенію дворянскаго титла, и древнее дворянство, такъ сказать, затопталъ въ грязь. Нынѣ Всемилостивѣйше Царствующая Наша Мать, утвердила прежніе Указы Высочайшимъ о дворянствѣ положеніемъ, которое было всѣхъ степенныхъ нашихъ востревожило, ибо древніе роды поставлены въ дворянской книгѣ ниже всѣхъ. Но слухъ носится, что въ дополненіе вскорѣ изданъ будетъ Указъ, и тѣмъ родамъ, которые дворянское свое происхожденіе докажутъ за 200 или 300 лѣтъ, приложится титло маркиза или другое знатное, и они предъ другими родами будутъ имѣть нѣкоторую отличность. По сей причинѣ, милостивѣйшій государь! трудъ мой долженъ весьма быть пріятенъ всему древнему благородному обществу; но всякъ имѣетъ своихъ злодѣевъ.

Въ Москвѣ завернулся я въ компанію молодыхъ господчиковъ и предложилъ имъ трудъ, дабы благосклонностію ихъ возвратить хотя истраченную бумагу и чернилы, но вмѣсто благопріятства попалъ въ посмѣяніе, и съ горя оставивъ столичный сей градъ, вдался пути до Питера, гдѣ, извѣстно, гораздо больше просвѣщенія. Сказавъ сіе поклонился мнѣ объ руку и вытянувшись прямо стоялъ передо мною съ величайшимъ благоговѣніемъ. Я понялъ его мысль, вынулъ изъ кошелька... и давъ ему совѣтовалъ, чтобы пріѣхавъ въ Петербургъ онъ продалъ бы бумагу свою на вѣсъ разнощикамъ, для обертки; ибо мнимое маркизство скружитъ можетъ многимъ голову, и онъ причиною будетъ возрожденію истребленнаго въ Россіи зла, хвастовства древнія породы.

———

ЛЮБАНИ.

Зимою ли я ѣхалъ или лѣтомъ, для васъ думаю равно. Можетъ быть и зимою и лѣтомъ. Не рѣдко то бываетъ съ путешественниками, поѣдутъ на саняхъ, а возвращаются на телѣгахъ.— Лѣтомъ — бревешками вымощенная дорога замучила мои бока; я вылѣзъ изъ кибитки и пошелъ пѣшкомъ. Лежа въ кибиткѣ мысли мои обращены были въ неизмѣримость міра. Отдѣляяся душевно отъ земли, казалося мнѣ, что удары кибиточные были для меня легче. — Но упражненія духовныя не всегда насъ отъ тѣлесности отвлекаютъ; и для сохраненія боковъ моихъ пошелъ я пѣшкомъ. — Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги увидѣлъ я пашущаго ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрѣлъ я на часы. — Перваго сорокъ минутъ. — Я выѣхалъ въ субботу. — Сегодня праздникъ.—Пашущій крестьянинъ принадлежитъ, конечно, помѣщику, который оброку съ него не беретъ. — Крестьянинъ пашетъ съ великимъ тщаніемъ. — Нива, конечно, не господская.—Соху поворачиваетъ съ удивительною легкостію. — Богъ въ помощь, сказалъ я, подошедъ къ пахарю, который не остонавливаясь доканчивалъ зачатую борозду.—Богъ въ помощь, повторилъ я.—Спасибо баринъ, говорилъ мнѣ пахарь, отряхая сошникъ и переноси соху на новую борозду. — Ты конечно раскольникъ, что пашешь по воскресеньямъ.—Нѣтъ баринъ я прямымъ крестомъ крещусь, сказалъ онъ, показывая мнѣ сложенныя три перста. А Богъ милостивъ съ голоду умирать не велитъ, когда есть силы и семья. — Развѣ тебѣ во всю недѣлю нѣтъ времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь да еще въ самой жаръ.—Въ недѣлѣ то баринъ шесть дней, а мы шесть разъ въ недѣлю ходимъ на барщину; да подъ вечерокъ возимъ оставшее въ лѣсу сѣно на господской дворъ, коли погода хороша; а бабы и дѣвки для прогулки ходятъ по праздникамъ въ лѣсъ по грибы да по ягоды. Дай Богъ (крестяся), чтобъ подъ вечеръ сего дня дождикъ пошелъ. Баринъ, коли есть у тебя свои мужички, такъ они, того же у Господа молятъ.—У меня мой другъ мужиковъ нѣтъ и для того никто меня не клянетъ. Велика ли у тебя семья?—Три сына и три дочки. Первинькому то десятой годокъ.—Какъ же ты успѣваешь доставать хлѣбъ, коли только праздникъ имѣешь свободнымъ?—Не одни праздники и ночь наша. Не лѣнись нашъ братъ, то съ голоду не умретъ. Видишь ли одна лошадь отдыхаетъ! а какъ эта устанетъ, возьмусь за другую; дѣло то и споро.—Такъ ли ты работаешь на господина своего?—Нѣтъ, баринъ, грѣшно бы было такъ же работать. У него на пашнѣ сто рукъ для одного рта, а у меня двѣ для семи ртовъ, самъ ты щетъ знаешь. Да хотя растянись на барской работѣ, то спасибо не скажутъ. Баринъ подушныхъ не заплатитъ, ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла ни уступитъ. То ли житье нашему брату, какъ гдѣ баринъ оброкъ беретъ съ крестьянина, да еще безъ прикащика. Правда, что иногда и добрые господа берутъ болѣе трехъ рублей съ души; но все лучше барщины. Нынѣ еще повѣрье заводится отдавать деревни какъ то называется на аренду. А мы называемъ это отдавать головой. Голой наемникъ деретъ съ мужиковъ кожу; даже лучшей поры намъ неоставляетъ. Зимою не пускаетъ въ извозъ, ни въ работу въ городъ; все работай на него, для того что онъ подушныя платитъ за насъ. Самая дьявольская выдумка, отдавать крестьянъ своихъ чужому въ работу. На дурнаго прикащика хотя можно пожаловаться, а на наемника кому? — Другъ мой ты ошибаешься, мучить людей законы запрещаютъ.—Мучитъ? Правда, но не бось, баринъ, не захочешь въ мою кожу.—Между тѣмъ пахарь запрягъ другую лошадь въ соху и начавъ новую борозду со мною простился.

Разговоръ сего земледѣльца возбудилъ во мнѣ множество мыслей. Первое представилось мнѣ не равенство крестьянскаго состоянія. Сравнилъ я крестьянъ казенныхъ съ крестьянами помѣщичьими. Тѣ и другіе живутъ въ деревняхъ; но одни платятъ извѣстное, а другіе должны быть готовы платить то, что господинъ хочетъ. Одни судятся своими равными; а другіе въ законѣ мертвы, развѣ

по дѣламъ уголовнымъ.—Членъ общества становится только тогда извѣстенъ правительству его охраняющему, когда нарушаетъ союзъ общественный, когда становится злодѣй! Сія мысль всю кровь во мнѣ воспалила.—Страшись помѣщикъ жестокосердный, на челѣ каждаго изъ твоихъ крестьянъ вижу я твое осужденіе.—Углубленный въ сихъ размышленіяхъ я нечаянно обратилъ взоръ мой на моего слугу, которой сидя на кибиткѣ передо мной качался изъ стороны въ сторону. Вдругъ почувствовалъ я быстрый мразъ протекающій кровь мою, и прогоняя жаръ къ вершинамъ нудилъ его распростираться по лицу. Мнѣ такъ стало во внутренности моей стыдно, что едва я не заплакалъ. Ты во гнѣвѣ твоемъ, говорилъ я самъ себѣ, устремляеться на гордаго господина, изнуряющаго крестьянина своего на нивѣ своей; а самъ не то же ли или еще хуже того дѣлаешь. Какое преступленіе сдѣлалъ бѣдный твой Петрушка, что ты ему воспрещаешь пользоваться усладителемъ нашихъ бѣдствій, величайшимъ даромъ природы нещастному, сномъ.—Онъ получаетъ плату, сытъ, одѣтъ, никогда я его не сѣку ни плетьми, ни батожьемъ. (О умѣренной человѣкъ!)—и ты думаешь, что кусокъ хлѣба и лоскутъ сукна тебѣ даютъ право поступать съ подобнымъ тебѣ существомъ, какъ съ кубаремъ, и тѣмъ ты только хвастаешь, что не часто подсѣкаешь его въ его вертѣніи. Вѣдаешь ли, что въ первенственномъ уложеніи, въ сердцѣ каждаго написано? Если я кого ударю, тотъ и меня ударить можетъ. — Вспомни тотъ день, какъ Петрушка пьянъ былъ и не поспѣлъ тебя одѣть. Вспомни о его пощечинѣ. О есть ли бы онъ тогда, хотя пьяной опомнился, и тебѣ отвѣчалъ бы соразмѣрно твоему вопросу!—А кто тебѣ далъ власть надъ нимъ?—Законъ—Законъ? И ты смѣешь поносить сіе священное имя? Нещастный... Слезы потекли изъ глазъ моихъ; и въ таковомъ положеніи почтовыя клячи дотащили меня до слѣдующаго стана.

ЧУДОВО.

Не успѣлъ я войти въ почтовую избу, какъ услышалъ на улицѣ звукъ почтоваго колокольчика, и чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ избу пріятель мой Ч... Я его оставилъ въ Петербургѣ, и онъ намѣренія не имѣлъ оттуда выѣхать такъ скоро. Особливое происшествіе побудило человѣка нраву крутаго, какъ то былъ мой пріятель, удалиться изъ Петербурга и вотъ что онъ мнѣ разсказалъ.

Ты былъ уже готовъ къ отъѣзду, какъ я отправился въ Петергофъ. Тутъ я препроводилъ праздники столь весело, сколько въ шуму и чаду веселиться можно. Но, желая поѣздку мою обратить въ пользу, вознамѣрился съѣздить въ Кронштадтъ и на Систербекъ, гдѣ сказывали мнѣ, въ послѣднее время сдѣланы великія перемѣны. Въ Кронштадтѣ прожилъ я два дня съ великимъ удовольствіемъ, насыщаяся зрѣніемъ множества иностранныхъ кораблей, каменной одежды крѣпости Кронштадтской, и строеній стремительно возвышающихся. Любопытствовалъ посмотрѣть новаго Кронштадту плана, и съ удовольствіемъ предъусматривалъ красоту намѣреваемаго строенія; словомъ, второй день пребыванія моего кончился весело и пріятно. Ночь была тихая, свѣтлая, и воздухъ благорастворенной вливалъ въ чувства особую нѣжность, которую лучше ощущать, нежели описать удобно. Я вознамѣрился въ пользу употребить благость природы, и насладиться еще одинъ хотя разъ въ жизни, великолѣпнымъ зрѣлищемъ восхожденія солнца, котораго на гладкомъ водяномъ горизонтѣ мнѣ еще видѣть не удавалось. Я нанялъ морскую 12-ти весельную шлюпку, и отправился на С....

Версты съ четыре плыли мы благополучно. Шумъ веселъ единозвучностію своею, возбудилъ во мнѣ дремоту, и томное зрѣніе едвали воспрядало отъ мгновеннаго блеска падающихъ капель воды съ вершины веселъ. Стихотворческое воображеніе переселяло уже меня въ прелестные луга Пафоса и Амаѳонта. Внезапу острый свистъ, возникающаго въ дали вѣтра, разгналъ мой сонъ, и отягченнымъ взорамъ моимъ представлялися сгущенныя облака, коихъ черная тяжесть, казалось, стремила ихъ намъ на главу и паденіемъ устрашала. Зерцаловидная поверхность водъ начинала рябѣть, и тишина уступала мѣсто начинающемуся плесканію валовъ. Я радъ былъ и сему зрѣлищу; соглядалъ величественныя черты природы и не въ чванство скажу, что другихъ устрашать начинало, то меня веселило. Восклицалъ изрѣдка какъ Вернетъ, ахъ какъ хорошо! Но вѣтръ, усиливаяся постепенно, понуждалъ думать о достиженіи берега. Небо отъ густоты непрозрачныхъ облаковъ, совсѣмъ померкло. Сильное стремленіе валовъ отнимало у кормила направленіе, и порывистый вѣтеръ, то вознося насъ на мокрые хребты, то низвергая въ утесистыя рытвины водяныхъ зыбей, отнималъ у гребущихъ силу шественнаго движенія. Слѣдуя по неволѣ направленію вѣтра, мы носилися на удачу. Тогда и берега начали бояться; тогда и то, чтобы насъ при благополучномъ плаваніи утѣшать могло, начинало приводить въ отчаяніе. Природа завистливою намъ на сей часъ казалася, и мы на нее негодовали теперь за то, что не распростирала ужаснаго своего величества, сверкая въ молніи и слухъ тревожа громовымъ трескомъ. Но надежда, преслѣдуя человѣка до крайности, насъ укрѣпляла, и мы, елико намъ возможно было, ободряли другъ друга.

Носимые валами, внезапу судно наше остановилось недвижимо. Всѣ наши силы, совокупно употребленныя, не были въ состояніи совратить его съ того мѣста, на которомъ оно стояло. Упражняясь въ сведеніи нашего судна съ мели, какъ то мы думали, мы не примѣтили, что вѣтръ между тѣмъ почти совсѣмъ утихъ. Небо помалу очистилося отъ затмѣвавшихъ синеву его облаковъ. Но восходящая заря вмѣсто того, чтобъ принести намъ отраду, явила намъ бѣдственное наше положеніе. Мы узрѣли ясно, что шлюпка наша не на мели находилась, но погрязла между двухъ большихъ камней, и что не было никакихъ силъ для ея избавленія оттуда невредимо. Вообрази, мой другъ, наше положеніе, все что я ни скажу, все слабо

будетъ въ отношеніи моего чувствія. Да и еслибъ я могъ достаточныя дать черты каждому души моея движенію, то слабы еще были бы онѣ для произведенія въ тебѣ подобнаго тѣмъ чувствованіямъ, какія въ душѣ моей возникали и тѣснилися тогда. Судно наше стояло на срединѣ гряды каменной, замыкающей заливъ до С... простирающійся. Мы находились отъ берега на полторы версты. Вода начинала проходить въ судно наше со всѣхъ сторонъ и угрожала намъ совершеннымъ потопленіемъ. Въ послѣдній часъ, когда свѣтъ отъ насъ преходить начинаетъ и отверзается вѣчность, низпадаютъ тогда всѣ степени, мнѣніемъ между человѣковъ воздвигнутые. Человѣкъ тогда становится просто человѣкъ: такъ, видя приближающуюся кончину, забыли всѣ мы, кто былъ какого состоянія, и помышляли о спасеніи нашемъ, отливая воду какъ кому сподручно было. Но какая была въ томъ польза? Колико воды союзными нашими силами было изчерпаемо, толико во мгновеніе паки накоплялося. Къ крайнему сердецъ нашихъ сокрушенію ни въ дали, ни въ близи не видно было мимоидущаго судна. Да и то, которое бы подало намъ отраду явясь взорамъ нашимъ, усугубило бы отчаяніе наше, удаляяся отъ насъ и избѣгая равныя съ нами участи. Наконецъ судна нашего правитель, болѣе нежели всѣ другіе къ опасностямъ морскихъ произшествій обыкшій, взиравшій по неволѣ, можетъ быть, на смерть хладнокровно, въ разныхъ морскихъ сраженіяхъ, въ прошедшую Турецкую войну въ Архипелагѣ; рѣшился насъ спасти спасаяся самъ, или погибнуть въ семъ благомъ намѣреніи; ибо стоя на одномъ мѣстѣ, погибнуть бы намъ должно было. Онъ вышелъ изъ судна и перебираяся съ камня на камень направилъ шествіе свое къ берегу, сопровождаемъ чистосердечнѣйшими нашими молитвами. Сначала продолжалъ онъ шествіе свое весьма бодро, прыгая съ камня на камень; переходя воду, гдѣ она была мелка, переплывая ее, гдѣ она глубже становилась. Мы съ глазъ его не спускали. Наконецъ увидѣли, что силы его начали ослабѣвать, ибо онъ переходилъ камни медлительнѣе, останавливаяся почасту, и садяся на камень для отдохновенія. Казалося намъ, что онъ находился иногда въ размышленіи и нерѣшимости о продолженіи пути своего. Сіе побудило одного изъ его товарищей ему преслѣдовать, дабы подать ему помощь, если онъ увидитъ его изнемогающа въ достиженіи берега! или достигнуть онаго, если первому въ томъ будетъ неудача. Взоры наши стремилися во слѣдъ то за тѣмъ, то за другимъ, и молитва наша о ихъ сохраненіи была нелицемѣрна. Наконецъ послѣдній изъ сихъ подражателей Моисея въ прохожденіи, безъ чуда, морскія пучины своими стопами, остановился на камнѣ недвижимъ, а перваго совсѣмъ мы потеряли изъ виду.

Сокровенныя доселѣ внутреннія каждаго движенія, заклепанныя такъ сказать ужасомъ, начали являться при исчезаніи надежды. Вода между тѣмъ въ суднѣ умножалася, и трудъ нащъ возрастая въ отливаніи оной утомлялъ силы наши примѣтно. Человѣкъ яраго и нетерпѣливаго сложенія рвалъ на себѣ волосы, кусалъ персты, проклиналъ часъ своего выѣзда. Человѣкъ робкія души и чувствовавшій долго можетъ быть тягость удручительныя неволи, рыдалъ орошая слезами своими скамью, на которой ницъ распростертъ лежалъ. Иной воспоминая домъ свой, дѣтей и жену, сидѣлъ яко окаменѣлый, помышляя не о своей, но о ихъ гибели, ибо они питалися его трудами. Каково было моей души положеніе, мой другъ, самъ отгадывай, ибо ты меня довольно знаешь. Скажу только тебѣ то, что я прилежно молился Богу. Наконецъ начали мы всѣ предаваться отчаянію; ибо судно наше болѣе половины водою натекло, и мы стояли всѣ въ водѣ по колѣно. Не рѣдко помышляли мы вытьти изъ судна и шествовать по каменной грядѣ къ берегу, но пребываніе одного изъ нашихъ сопутниковъ на камнѣ уже нѣсколько часовъ, и скрытіе другаго изъ виду, представляло намъ опасность перехода, болѣе можетъ быть, нежели она была въ самомъ дѣлѣ. Среди таковыхъ горестныхъ размышленій увидѣли мы близь противоположнаго берега, въ разстояніи отъ насъ какомъ то было, точно опредѣлить не могу, два пятна черныя на водѣ, которыя, казалося, двигалися. Зримое нами нѣчто черное и движущееся, казалося, помалу увеличивалось; наконецъ приближаяся представило ясно взорамъ нашимъ, два малыя судна прямо идущія къ тому мѣсту, гдѣ мы находилися среди отчаянія, во сто кратъ надежду превосходящаго. Какъ въ темной храминѣ, свѣту совсѣмъ неприступной, вдругъ отверзается дверь, и лучъ денный, влетѣвъ стремительно въ среду мрака, разгоняетъ оный, распростираяся по всей храминѣ до дальнѣйшихъ ея предѣловъ; тако увидѣвъ суда, лучъ надежды

ко спасенію протекъ наши души. Отчаяніе превратилося въ восторгъ, горесть въ восклицаніе, и опасно было, чтобы радостныя тѣлодвиженія и плесканія не навлекли намъ гибели скорѣе, нежели мы будемъ исторгнуты изъ опасности. Но надежда житія возвращаяся въ сердца, возбудила паки мысли о различіи состояніи, въ опасности уснувшія. Сіе послужило на сей разъ къ общей пользѣ. Я укротилъ излишнее радованіе во вредъ обратиться могущее. По нѣсколькомъ времени увидѣли мы двѣ большія рыбачьи лодки къ намъ приближающіяся, и при настиженіи ихъ до насъ, увидѣли въ одной изъ нихъ нашего спасителя, который прошедъ каменною грядою до берега, сыскалъ сіи лодки для нашего извлеченія изъ явной гибели. Мы немѣшкавъ ни мало вышли изъ нашего судна и поплыли въ пріѣхавшихъ судахъ къ берегу, не забывъ снять съ камня сотоварища нашего, которой на ономъ около семи часовъ находился. Не прошло болѣе получаса, какъ судно наше стоявшее между камней, облегченное отъ тяжести, всплыло и развалилося совсѣмъ. Плывучи къ берегу среди радости и восторга спасенія, Павелъ, такъ звали спасшаго насъ сопутника, разсказалъ намъ слѣдующее:

Я оставя васъ въ предстоящей опасности, спѣшилъ по камнямъ къ берегу. Желаніе васъ спасти дало мнѣ силы чрезъ естественныя; но саженъ за сто до берега силы мои стали ослабѣвать, и я началъ отчаяваться въ вашемъ спасеніи и моей жизни. Но полежавъ съ полчаса на камени, воспрянувъ съ новою бодростію, и неотдыхая болѣе доползъ, такъ сказать, до берега. Тутъ я растянулся на травѣ, и отдохнувъ минутъ десять, всталъ и побѣжалъ вдоль берега къ С... что имѣлъ мочи. И хотя съ немалымъ истощеніемъ силъ, но воспоминая о васъ добѣжалъ до мѣста. Казалось, что небо хотѣло испытать вашу твердость и мое терпѣніе, ибо я не нашелъ ни вдоль берега ни въ самомъ С... никакого судна для вашего спасенія. Находясь почти въ отчаяніи, я думалъ, что нигдѣ неможно мнѣ лучше искать помощи, какъ у тамошняго начальника. Я побѣжалъ въ тотъ домъ, гдѣ онъ жилъ. Уже былъ седьмой часъ. Въ передней комнатѣ нашелъ я тамошней команды сержанта. Расказавъ ему коротко за чемъ я пришелъ, и ваше положеніе, просилъ его чтобы онъ разбудилъ Г..., которой тогда еще почивалъ. Г. сержантъ мнѣ сказалъ: другъ мой, я не смѣю.—Какъ; ты не смѣешь? Когда двадцать человѣкъ тонутъ, ты не смѣешь разбудить того, кто ихъ спасти можетъ? Но ты бездѣльникъ лжешь, я самъ пойду... Г. сержантъ взявъ меня за плечо не очень учтиво, вытолкнулъ за дверь. Съ досады чуть я не лопнулъ. Но помня болѣе о вашей опасности, нежели о своей обидѣ и о жестокосердіи начальника съ его подчиненнымъ, я побѣжалъ къ караульной, которая была версты съ двѣ разстояніемъ, отъ проклятаго дома, изъ котораго меня вытолкнули. Я зналъ, что живущіе въ ней солдаты содержали лодки, въ которыхъ ѣздя по заливу собирали булыжникъ на продажу для мостовыхъ, я и не ошибся въ моей надеждѣ. Нашелъ сіи двѣ не большія лодки и радость теперь моя несказанна; вы всѣ спасены. Если бы вы утонули, то и я бы бросился за вами въ воду. Говоря сіе Павелъ обливался слезами. Между тѣмъ достигли мы берега. Вышедъ изъ судна я палъ на колѣни, возвелъ руки на небо.—Отче всесильный, возопилъ я: Тебѣ угодно да живемъ, Ты насъ водилъ на испытаніе, да будетъ воля Твоя.—Се слабое мое другъ изображеніе того, что я чувствовалъ. Ужасъ послѣдняго часа прободалъ мою душу, я видѣлъ то мгновеніе, что я существовать перестану. Но что я буду? Не знаю. Страшная неизвѣстность. Теперь чувствую; часъ бьетъ; я мертвъ; движеніе, жизнь, чувствіе, мысль, все исчезнетъ мгновенно. Вообрази себя, мой другъ, на краю гроба, не почувствуешь ли корчущій мразъ ліющійся въ твоихъ жилахъ и завременно жизнь пресѣкающій. О мой другъ!—Но я удалился отъ моего повѣствованія.

Совершивъ мою молитву, ярость вступила въ мое сердце. Возможно ли, говорилъ я самъ себѣ, что въ нашъ вѣкъ, въ Европѣ, подлѣ столицы, въ глазахъ великаго государя совершалося такое безчеловѣчіе! Я воспомянулъ о заключенныхъ агличанахъ въ темницѣ Бенгальскаго Субаба *).

---

*) Англичане приняли въ свое покровительство ушедшаго къ нимъ въ Калкуту чиновника Бенгальскаго, подвергшаго себя казни своимъ издоимствомъ. Справедливо раздраженный Субабъ, собравъ войско, приступилъ къ городу, и оной взялъ. Аглинскихъ военноплѣнныхъ, велѣлъ ввергнуть въ тѣсную темницу, въ коей они въ полсутки издохли. Осталося отъ нихъ только двадцать три человѣка. Нещастные сіи сулили стражѣ великія деньги, да возвѣститъ владѣльцу о ихъ положеніи. Вопль ихъ и стенаніе возвѣщало о томъ народу о нихъ соболѣзнующему; но никто не хотѣлъ возвѣстить о томъ властителю. По-

Воздохнулъ я во глубинѣ души.—Между тѣмъ дошли мы до С... Я думалъ, что начальникъ проснувшись накажетъ своего сержанта, и претерпѣвшимъ на водѣ дастъ хотя успокоеніе. Съ сею надеждою пошелъ я прямо къ нему въ домъ. Но поступкомъ его подчиненнаго столь былъ раздраженъ, что я не могъ умѣрить моихъ словъ. Увидѣвъ его, сказалъ, государь мой! Извѣстили ли васъ, что за нѣсколько часовъ предъ симъ двадцать человѣкъ, находились въ опасности потерять животъ свой на водѣ, и требовали вашея помощи. Онъ мнѣ отвѣчалъ, съ наивеличайшею холодностію, куря табакъ: мнѣ о томъ сказали недавно, а тогда я спалъ.—Тутъ я задрожалъ въ ярости человѣчества.—Ты бы велѣлъ себя будить, молоткомъ по головѣ, буде крѣпко спишь, когда люди тонутъ и требуютъ отъ тебя помощи. Отгадай, мой другъ, какой его былъ отвѣтъ. Я думалъ, что мнѣ сдѣлается ударъ отъ того, что я слышалъ. Онъ мнѣ сказалъ: не моя то должность. Я вышелъ изъ терпѣнія.—Должность ли твоя людей убивать, скаредной человѣкъ; и ты носишь знаки отличности, ты начальствуешь надъ другими!.. Окончать не могъ моея рѣчи, плюнулъ почти ему въ рожу и вышелъ вонъ. Я волосы дралъ съ досады. Сто дѣлалъ расположеній, какъ отмстить сему звѣрскому начальнику не за себя, но за человѣчество. Но опомнясь, убѣдился воспоминаніемъ многихъ примѣровъ, что мое мщеніе будетъ безплодно, что я же могу прослыть или бѣшеннымъ или злымъ человѣкомъ; смирился.

Между тѣмъ люди мои сходили къ священнику, которой насъ принялъ съ великою радостію, согрѣлъ насъ, накормилъ, далъ отдохновеніе. Мы пробыли у него цѣлыя сутки, пользуясь его гостепріимствомъ и угощеніемъ. На другой день нашедъ большую шлюпку, доѣхали мы до Ораніенбаума благополучно. Въ Петербургѣ я о семъ разсказывалъ тому и другому. Вcѣ сочувствовали мою опасность, всѣ хулили жестокосердіе начальника, никто не захотѣлъ ему о семъ напомнить. Если бы мы потонули, то бы онъ былъ нашимъ убійцею.—Но въ должности ему не предписано васъ спасать, сказалъ нѣкто.—Теперь я прощусь съ городомъ на вѣки. Не въѣду николи въ сіе жилище тигровъ. Единое ихъ веселіе грызть другъ друга; отрада ихъ, томить слабаго до издыханія, и раболѣпствовать власти. И ты хотѣлъ, чтобъ я поселился въ городѣ. Нѣтъ, мой другъ, говорилъ мой повѣствователь вскочивъ со стула, заѣду туда, куда люди не ходятъ, гдѣ не знаютъ что есть человѣкъ, гдѣ имя его неизвѣстно. Прости;—сѣлъ въ кибитку и поскакалъ.

чиваетъ онъ, отвѣтствовано умирающимъ агличанамъ; и не единъ человѣкъ въ Бенгалѣ не мнилъ что для спасенія жизни ста пятидесяти нещастныхъ, должно отъяти сонъ мучителя на мгновеніе.

Но чтожъ такое мучитель? Или паче, чтожъ такое народъ обыкшій къ игу мучительства? Благоговѣніе-ль или боязнь, тягчитъ его согбенна? Есл и боязнь, то мучитель ужаснѣе боговъ, къ коимъ человѣкъ возсылаетъ или молитву или жалобу. во время нощи или въ часы денныя. Если благоговѣніе, то возможно человѣка возбудить на почитаніе содѣлателей его бѣдствій; чудо возможное единому суевѣрію. Чему болѣе удивляться, звѣрству ли спящаго Набаба или подлости несмѣющаго его разбудить. Рейналь Исторія о Индіяхъ. Томъ II.

СПАСКАЯ ПОЛѢСТЬ.

—

Я въ слѣдъ за моимъ пріятелемъ скакалъ такъ скоро, что настигъ его еще на почтовомъ стану. Старался его уговорить, чтобъ возвратился въ Петербургъ, старался ему доказать, что малыя и частныя неустройства въ обществѣ, связи его не разрушатъ, какъ дробинка падая въ пространство моря, не можетъ возмутить поверхности воды. Но онъ мнѣ сказалъ на отрѣзъ: когда бы я малая дробинка пошелъ на дно, то бы конечно на Финскомъ заливѣ бури не сдѣлалось, а я пошелъ бы жить съ тюленями. И съ видомъ негодованія простясь со мною, легъ въ свою кибитку и поѣхалъ поспѣшно.

Лошади были уже впряжены; я уже ногу занесъ, что бы влѣзть въ кибитку; какъ вдругъ дождь пошелъ.—Бѣда не велика, размышлялъ я: закроюсь циновкою и буду сухъ. Но едва мысль сія въ мозгѣ моемъ пролетѣла, то какъ будто меня окунули въ прорубь. Небо неспросясь со мною разверзло облако и дождь лилъ ведромъ.— Съ погодою не сладишь; по пословицѣ тише ѣдешь далѣ будешь—вылѣзъ я изъ кибитки и убѣжалъ въ первую избу. Хозяинъ уже ложился спать и въ избѣ было темно. Но я и въ потемкахъ выпросилъ позволеніе обсушиться. Снялъ съ себя мокрое платье и что было посуше, положивъ подъ голову, на лавкѣ скоро заснулъ. Но постеля моя была не пуховая, долго нѣжиться не позволила. Проснувшись услышалъ я шопотъ. Два голоса различить я могъ, которые между собою разговаривали. — Ну мужъ, разскажитка, говорилъ женской голосъ. — Слушай жена. —

Жилъ былъ — и подлинно на сказку похоже; да какъ же сказкѣ вѣрить, сказала жена въ полголоса, зѣвая ото сна; повѣрю ли я, что были Полканъ, Бова или Соловей разбойникъ.—Да кто тебя толкаетъ въ шею, вѣрь коли хочешь. Но то правда что встарину силы тѣлесныя были въ уваженіи, и что силачи оныя употребляли во зло. Вотъ тебѣ Полканъ. А о Соловьѣ разбойникѣ читай мать моя истолкователей русскихъ древностей. Они тебѣ скажутъ, что онъ Соловьемъ названъ краснорѣчія своего ради.—Не перебивай же моей рѣчи. И такъ, жилъ былъ гдѣ то государевъ намѣстникъ. Въ молодости своей таскался по чужимъ землямъ, выучился ѣсть устерсы, и былъ до нихъ великой охотникъ. Пока деньжонокъ своихъ было мало, то онъ отъ охоты своей воздерживался, ѣдалъ по десятку и то когда бывалъ въ Петербургѣ. Какъ скоро полѣзъ въ чины, то и число устерсовъ на столѣ его начало прибавляться. А какъ попалъ въ намѣстники и когда много стало у него денегъ своихъ, много и казенныхъ въ распоряженіи, тогда сталъ онъ къ устерсамъ какъ брюхатая баба. Спитъ и видитъ, чтобы устерсы кушать. Какъ пора ихъ приходитъ, то нѣтъ никому покою Всѣ подчиненные становится мучениками. Но во что бы то ни стало, а устерсы ѣсть будетъ.—Въ правленіе посылаетъ приказъ, чтобы наряженъ былъ немедленно курьеръ, котораго онъ имѣетъ въ Петербургъ отправить съ важными донесеніями. Всѣ знаютъ, что курьеръ поскачетъ за устерсами, но куда ни вертись, а прогоны выдавай. На казенныя денежки дыръ много. Гонецъ снабженный подорожною, прогонами, совсѣмъ готовъ, въ курткѣ и чикчерахъ явился предъ его высокопревосходительство.— Поспѣшай, мой другъ, вѣщаетъ ему унизанной орденами, поспѣшай, возьми сей пакетъ, отдай его въ Большой Морской.—Кому прикажите—прочти адресъ— его... его...— не такъ читаешь — государю моему гос...—врешь... господину Корзинкину, почтенному лавошнику, въ С.-Петербургѣ въ Большой Морской.—Знаю Ваше Высокопревосходительство.— Ступай же, мой другъ, и какъ скоро получишь, то возвращайся поспѣшно и ни мало не медли; я тебѣ скажу спасибо не одно.

И ну, ну, ну, ну, ну, ну; по всѣмъ по тремъ, вплоть до Питера, къ Корзинкину прямо на дворъ.— Добро пожаловать. Куды какой Его Высокопревосходительство затѣйникъ, изъ за тысячи верстъ шлетъ за какою дрянью. Только баринъ доброй. Радъ ему служить. Вотъ устерсы теперь лишь съ биржи. Скажи не меньше ста пятидесяти бочка, уступить нельзя, самимъ пришли дороги. Да мы

съ его милостію сочтемся. — Бочку взвалили въ кибитку; поворотя оглобли курьеръ уже опять скачетъ; успѣлъ лишь зайти въ кабакъ и выпить два крючка сивухи.

Тинь тинь... Едва у городскихъ воротъ услышали звонъ почтоваго колокольчика, караульной офицеръ бѣжитъ уже къ намѣстнику (то ли дѣло какъ гдѣ все въ порядкѣ) и рапортуетъ ему, что вдали видна кибитка и слышенъ звонъ колокольчика. Не успѣлъ выговорить, какъ шасть курьеръ въ двери.— Привезъ Ваше Высокопревосходительство. — Очень къ стати (оборотясь къ предстоящимъ): Право человѣкъ достойной, исправенъ и не пьяница. Сколько уже лѣтъ, по два раза въ годъ ѣздитъ въ Петербургъ; а въ Москву сколько разъ, упомнить не могу. Секретарь пиши представленіе. За многочисленные его въ посылкахъ труды, и за точнѣйшее оныхъ исправленіе удостоиваю его къ повышенію чиномъ. — — —

Въ расходной книгѣ у казначея записано: по предложенію Его Высокопревосходительства дано курьеру Н. Н. отправленному въ С. П. съ наинужнѣйшими донесеніями, прогонныхъ денегъ въ оба пути на три лошади изъ экстраординарной суммы... Книга казначейская пошла на ревизію, но устерсами не пахнетъ.

По представленію Господина Генерала и проч. ПРИКАЗАЛИ: быть сержанту Н. Н. прапорщикомъ.— — — Вотъ жена, говорилъ мужской голосъ, какъ добиваются въ чины, а что мнѣ прибыли, что я служу безпорочно, не поддамся впередъ ни на палецъ. По указамъ велѣно за добропорядочную службу награждать. Но Царь жалуетъ, а псарь не жалуетъ. Такъ то нашъ г. казначей; уже другой разъ по его представленію меня отсылаютъ въ уголовную палату. Когда бы я съ нимъ былъ заодно, то бы было не житье, а масленица.—И... Полно, Клементьичь, пустяки томолоть. Знаешь ли за что онъ тебя не любитъ, за то что ты промѣнъ берешь со всѣхъ, а съ нимъ не дѣлишься.— Потише, Кузминична, потише; не равно кто подслушаетъ.—Оба голоса умолкли и я опять заснулъ.

Поутру узналъ я, что въ одной избѣ со мною ночевалъ присяжной съ женою, которые до свѣта отправились въ Новгородъ.

Между тѣмъ какъ въ моей повозкѣ запрягали лошадей, пріѣхала еще кибитка тройкою запряженная. Изъ нее вышелъ человѣкъ закутанной въ большую япанчу, и шляпа съ распущенными полями глубоко надѣтая препятствовала мнѣ видѣть его лице. Онъ требовалъ лошадей безъ подорожной; и какъ многіе повозчики окруживъ его съ нимъ торговались, то онъ не дожидаясь конца ихъ торга, сказалъ одному изъ нихъ съ нетерпѣніемъ: запрягай поскорѣе, я дамъ по четыре копѣйки за версту! Ямщикъ побѣжалъ за лошадьми. Другіе видя, что договариваться уже было не о чемъ, всѣ отъ него отошли.

Я находился отъ него не далѣе какъ въ пяти саженяхъ. Онъ подошедъ ко мнѣ и не снимая шляпы сказалъ: милостивый государь, снабдите чѣмъ ни есть человѣка нещастнаго. Меня сіе удивило чрезмѣрно, и я не могъ вытерпѣть, чтобъ ему не сказать, что я удивляюсь прозьбѣ его о вспоможеніи, когда онъ не хотѣлъ торговаться о прогонахъ, и давалъ противъ другихъ вдвое. Я вижу, сказалъ онъ мнѣ, что въ жизнь вашу поперечнаго вамъ ничего не встрѣчалося. Столь твердой отвѣтъ мнѣ очень понравился, и я не медля ни мало вынувъ изъ кошелька . . . . не осудите, сказалъ, болѣе теперь вамъ служить не могу; но если доѣдемъ до мѣста, то можетъ быть, сдѣлаю что нибудь больше. Намѣреніе мое причемъ было то, чтобы сдѣлать его чистосердечнымъ; и я не ошибся. Я вижу, сказалъ онъ мнѣ, что вы имѣете еще чувствительность, что обращеніе свѣта и снисканіе собственной пользы не затворили входъ ея въ ваше сердце. Позвольте мнѣ сѣсть на вашей повозкѣ, а служителю вашему прикажите сѣсть на моей. Между тѣмъ лошади наши были впряжены, я исполнилъ его желаніе—и мы ѣдемъ.

Ахъ государь мой, не могу себѣ представить, что я нещастливъ. Не болѣе недѣли тому назадъ я былъ веселъ, въ удовольствіи, недостатка не чувствовалъ, былъ любимъ, или такъ казалося; ибо домъ мой всякой день былъ полонъ людьми заслужившими уже знаки почестей; столъ мой былъ всегда какъ великолѣпное нѣкое торжество. Но если тщеславіе толикое имѣло удовлетвореніе, равно и душа наслаждалася истиннымъ блаженствомъ. По многихъ сперва безплодныхъ стараніяхъ, предпріятіяхъ и неудачахъ наконецъ получилъ я въ жены ту, которую желалъ. Взаимная наша горячность, услаждая и чувство и душу, все представляла намъ въ ясномъ видѣ. Не зрѣли мы облачнаго дня. Блаженства нашего достигали мы вер-

шины. Супруга моя была беременна и приближался часъ ея разрѣшенія. Все сіе блаженство опредѣлила судьба да рушится однимъ мгновеніемъ.

У меня былъ обѣдъ и множество такъ называемыхъ друзей собравшись, насыщали праздной свой городъ на мой щетъ. Одинъ изъ бывшихъ тутъ, которой внутренно меня не любилъ, началъ говорить съ сидѣвшимъ подлѣ него, хотя въ полголоса, но довольно громко, чтобы говоренное женѣ моей и многимъ другимъ слышно было. Неужели вы не знаете, что дѣло нашего хозяина въ уголовной палатѣ уже рѣшено.—

Вамъ покажется мудрено, говорилъ спутникъ мой, обращая ко мнѣ свое слово, чтобы человѣкъ незаслужащій и въ положеніи мною описанномъ, могъ подвергнуть себя суду уголовному. И я такъ думалъ долго, да и тогда, когда мое дѣло прошедъ нижніе суды, достигло до высшаго. Вотъ въ чемъ оно состояло: я былъ въ купечествѣ записанъ; пуская капиталъ мой въ обращеніе, сталъ участникомъ въ частномъ откупу. Неосновательность моя причиною была, что я довѣрилъ лживому человѣку, которой лично попавшись въ преступленіи, былъ отъ откупу отрѣшенъ и по свидѣтельству будто его книгъ, сдѣлался повидимому на немъ большой начетъ. Онъ скрылся, я остался въ лицахъ и начетъ положено взыскать съ меня Я сдѣлавъ выправки, сколько могъ, нашелъ, что начету на мнѣ или совсѣмъ бы не было или бы былъ очень малой, и для того просилъ, что бы сдѣлали разсчетъ со мною; ибо я по немъ былъ порукою Но вмѣсто того, чтобы сдѣлать должное по моему прошенію удовлетвореніе, велѣно недоимку взыскать съ меня. Первое неправосудіе. Но къ сему присовокупили и другое. Въ то время какъ я сдѣлался въ откупу порукою, имѣнія за мною ни какого не было, но по обыкновенію послано было запрещеніе на имѣніе мое въ гражданскую палату. Странная вещь запрещать продавать то, чего не существуетъ въ имѣніи! Послѣ того купилъ я домъ, и другія сдѣлалъ пріобрѣтенія. Въ то же самое время случай допустилъ меня перейти изъ купеческаго званія въ званіе дворянское получа чинъ. Наблюдая свою пользу я нашелъ случай продать домъ на выгодныхъ кондиціяхъ, совершивъ купчую въ самой той же палатѣ, гдѣ существовало запрещеніе. Сіе поставлено мнѣ въ преступленіе; ибо были люди, которыхъ удовольствіе помрачалось блаженствомъ моего житія. Стряпчій казенныхъ дѣлъ сдѣлалъ на меня доносъ, что я избѣгая платежа казенной недоимки, домъ продалъ, обманулъ гражданскую палату, назвавшись тѣмъ званіемъ, въ коемъ я былъ, а не тѣмъ, въ которомъ находился при покупкѣ дома. Тщетно я говорилъ, что запрещеніе не можетъ существовать на то, чего нѣтъ въ имѣніи, тщетно я говорилъ, что по крайней мѣрѣ надлежало бы сперва продать оставшееся имѣніе и выручить недоимку сей продажею, а потомъ предпринимать другія средства; что я званія своего не утаивалъ, ибо въ дворянскомъ уже купилъ домъ. Все сіе было отринуто, продажа дому уничтожена, меня осудили за ложной мой поступокъ лишить чиновъ, и требуютъ теперь, говорилъ повѣствователь, хозяина здѣшняго въ судъ, дабы посадить подъ стражу до окончанія дѣла.

Сіе послѣднее повѣствуя, разсказывающій возвысилъ свой голосъ. Жена моя едва сіе услышала, обнявъ меня вскричала: нѣтъ мой другъ и я съ тобою.—Болѣе выговорить не могла. Члены ея всѣ ослабѣли и она упала безчувственна въ мои объятія. Я поднялъ ее со стула вынесъ въ спальную комнату и не вѣдаю какъ обѣдъ окончился.

Пришедъ чрезъ нѣсколько времени въ себѣ, она почувствовала муки, близкое рожденіе плода горячности нашей возвѣщающія. Но сколь ни жестоки онѣ были, воображеніе, что я буду подъ стражею, столь ее тревожило, что она только и твердила: и я пойду съ тобою. Сіе нещастное приключеніе ускорило рожденіе младенца цѣлымъ мѣсяцомъ, и всѣ способы бабки и доктора для пособія призванныхъ, были тщетны и не могли воспретить, что бы жена моя не родила чрезъ сутки. Движенія ея души нетокмо съ рожденіемъ младенца не успокоились, то усилившись гораздо, сдѣлали ей горячку.—Но что распространяться мнѣ въ повѣствованіи? Жена моя на третій день послѣ родовъ своихъ умерла. Видя ея страданіе, можете повѣрить, что я ее не оставлялъ ни на минуту. Дѣло мое и осужденіе въ горести позабылъ совершенно. За день до кончины моей любезной, недозрѣлой плодъ нашея горячности также умеръ. Болѣзнь матери его занимала меня совсѣмъ, и потеря сія была для меня тогда невелика. Вообрази, вообрази, говорилъ повѣствователь мой взявъ обѣими руками себя за волосы, вообрази мое положеніе, когда я видѣлъ, что возлюбленная моя со мною

разставалася на всегда.—На всегда! вскричалъ онъ дикимъ голосомъ. Но зачѣмъ я бѣгу? Пускай меня посадятъ въ темницу: я уже не чувствителенъ; пускай меня мучатъ, пускай лишаютъ жизни.—О варвары, тигры, змѣи лютые, грызите сіе сердце, пускайте въ него томной вашъ ядъ. — Извините мое изступленіе, я думаю, что я лишусь скоро ума. Сколь скоро воображу ту минуту, когда любезная моя со мною разставалася, то я все позабываю и свѣтъ въ глазахъ меркнетъ. Но окончу мою повѣсть. Въ толико жестокомъ отчаяніи, лежащу мнѣ надъ бездыханнымъ тѣломъ моей возлюбленной, одинъ изъ искреннихъ моихъ друзей прибѣжалъ ко мнѣ. — Тебя пришли взять подъ стражу, команда на дворѣ. Бѣги отсель, кибитка у заднихъ воротъ готова, ступай въ Москву, или куда хочешь и живи тамъ, доколѣ можно будетъ облегчить твою судьбу. — Я не внималъ его рѣчамъ, но онъ усилясь надо мною и взявъ меня съ помощію своихъ людей, вынесъ и положилъ въ кибитку; но вспомня, что надобны мнѣ деньги, далъ мнѣ кошелекъ въ которомъ было только пятьдесятъ рублей. Самъ пошелъ въ мой кабинетъ, чтобы найти тамъ денегъ и мнѣ вынести; но нашедъ уже офицера въ моей спальнѣ, успѣлъ только прислать ко мнѣ сказать, чтобы я ѣхалъ. Не помню какъ меня везли первую станцію. Слуга пріятеля моего разсказавъ все происшедшее простился со мною, а я теперь ѣду, по пословицѣ—куда глаза глядятъ.

Повѣсть сопутника моего тронула меня несказанно. Возможно ли, говорилъ я самъ себѣ, чтобы въ толь мягкосердое правленіе, каково нынѣ у насъ, толикія производилися жестокости? Возможно ли, чтобы были столь безумные судіи, что для насыщенія казны (можно дѣйствительно такъ назвать всякое неправильное отнятіе имѣнія для удовлетворенія казеннаго требованія), отнимали у людей имѣніе, честь, жизнь? Я размышлялъ, какимъ бы образомъ могло сіе происшествіе достигнуть до слуха верховныя власти. Ибо справедливо думалъ, что въ самодержавномъ правленіи она одна въ отношеніи другихъ можетъ быть безпристрастна.—Но не могу ли я принять на себя его защиту? Я пишу жалобницу въ высшее правительство. Уподроблю все происшествіе и представлю неправосудіе судившихъ и невинность страждущаго.— Но жалобницы отъ меня не примутъ. Спросятъ, какое я на то имѣю право; потребуютъ отъ меня вѣрющаго письма.—Какое имѣю право? Страждущее человѣчество. Человѣкъ, лишенный имѣнія, чести, лишенный половины своея жизни, въ самовольномъ изгнаніи, дабы избѣгнуть поносительнаго заточенія. И на сіе надобно вѣрющее письмо? Отъ кого? Ужели сего мало, что страждетъ мой согражданинъ?—Да и въ томъ нѣтъ нужды. Онъ человѣкъ: вотъ мое право, вотъ вѣрющее письмо. — О Богочеловѣкъ! Почто писалъ Ты законъ Твой для варваровъ. Они крестятся во имя Твое, кровавыя приносятъ жертвы злобѣ. Почто Ты для нихъ мягкосердъ былъ? Вмѣсто обѣщанія будущія казни, усугубилъ бы казнь настоящую, и совѣсть возжигая по мѣрѣ злодѣянія, не далъ бы имъ покоя денноночно, доколь страданіемъ своимъ не загладятъ все злое, еже сотворили. Таковыя размышленія толико утомили мое тѣло, что я уснулъ весьма крѣпко и не просыпался долго.

Возмущенные соки мыслію, стремилися, мнѣ спящу, къ головѣ, и тревожа нѣжный составъ моего мозга, возбудили въ немъ воображеніе. Нещетныя картины представлялись мнѣ во снѣ, но исчезали, какъ легкіе въ воздухѣ пары. Наконецъ, какъ то бываетъ, нѣкоторое мозговое волокно, тронутое сильно, восходящими изъ внутреннихъ сосудовъ тѣла парами, задрожало долѣе другихъ на нѣсколько времени, и вотъ что я грезилъ.

Мнѣ представилось, что я Царь, Шахъ, Ханъ, Король, Бей, Набабъ, Султанъ, или какое то сихъ названій нѣчто, сѣдящее во власти на престолѣ.

Мѣсто моего возсѣданія было изъ чистаго злата, и хитро изкладенными драгими разнаго цвѣта каменьями, блистало лучезарно. Ничто сравниться не могло со блескомъ моихъ одеждъ. Глава моя украшалася вѣнцемъ лавровымъ. Вокругъ меня лежали знаки власть мою изъявляющіе. Здѣсь мечъ лежалъ на столпѣ, изъ сребра изваянномъ, на коемъ изображалися морскія и сухопутныя сраженія, взятіе городовъ и протчее сего рода; вездѣ видно было въ верху имя мое носимое Геніемъ славы, надъ всѣми сими подвигами парящимъ. Тутъ видѣнъ былъ скипетръ мой, возлежащій на снопахъ обильными класами отягченныхъ, изваянныхъ изъ чистаго злата и природѣ совершенно подражающихъ. На твердомъ коромыслѣ возвѣшенныя зрѣлися вѣсы. Въ единой изъ чашъ лежала книга съ надписью Законъ Милосердія; въ другой же съ надписью Законъ Совѣсти. Держава изъ единаго

камня изсѣченная, поддерживаема была грудью младенцевъ изъ бѣлаго мрамора изсѣченныхъ. Вѣнецъ мой возвышенъ былъ паче всего и возлежалъ на раменахъ сильнаго исполина, возкраіе же его поддерживаемо было истиною. Огромной величины змія, изъ свѣтлыя стали изкованная, облежала вокругъ всего сѣдалища при его подножіи, и конецъ хвоста въ зѣвѣ держаща изображала вѣчность.

Но не единыя бездыханныя изображенія возвѣщали власть мою и величество. Съ робкимъ подобострастіемъ, и взоры мои ловящи стояли вокругъ престола моего чины государственные. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ престола моего толпилося безчисленное множество народа, коего разныя одежды, черты лица, осанка, видъ и станъ, различіе ихъ племени возвѣщали. Трепетное ихъ молчаніе увѣряло меня, что они всѣ воли моей подвластны. По сторонамъ на нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ, стояли женщины въ великомъ множествѣ въ прелестнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ одеждахъ. Взоры ихъ изъявляли удовольствіе на на меня смотрѣть, и желанія ихъ стремились, на предъупрежденіе моихъ, если бы они возродились.

Глубочайшее въ собраніи семъ присутствовало молчаніе; казалося, что всѣ въ ожиданіи были важнаго какого происшествія, отъ коего спокойствіе и блаженство всего общества зависѣли. Обращенный самъ въ себя и чувствуя глубоко вкоренившуюся скуку въ душѣ моей, отъ насыщающаго скоро единообразія происходящую, я долгъ отдалъ естеству, и ротъ разинувъ до ушей, зѣвнулъ во всю мочь. Всѣ вняли чувствованію души моей. Внезапу смятеніе распростерло мрачной покровъ свой по чертамъ веселія, улыбка улетала со устъ нѣжности, и блескъ радованія съ ланитъ удовольствія. Искаженные взгляды и озираніе являли нечаянное нашествіе ужаса и предстоящія бѣды. Слышны были вздохи, колющіе предтечи скорби; и уже начинало раздаваться задерживаемое присутствіемъ страха стенаніе. Уже скорыми въ сердца всѣхъ стопами шествовало отчаяніе и смертныя содроганія, самыя кончины мучительнѣе.—Тронутыя до внутренности сердца толико печальнымъ зрѣлищемъ, ланитныя мышцы нечувствительно стянулися ко ушамъ моимъ, и растягивая губы, произвели въ чертахъ лица моего кривленіе, улыбкѣ подобное, за коимъ я чхнулъ весьма звонко. Подобно какъ въ мрачную атмосферу, густымъ туманомъ отягченную, проникаетъ полуденный солнца лучъ, летитъ отъ жизненной его жаркости сгущенная парами влага, и раздѣленная въ составѣ своемъ частію улегчася, стремительно возносится въ неизмѣримое пространство эѳира, и частію удержавъ въ себѣ одну только тяжесть земныхъ частицъ падаетъ низу стремительно. Мракъ присутствовавшій повсюду въ небытіи свѣтозарнаго шара исчезаетъ весь вдругъ, и сложивъ поспѣшно непроницательной свой покровъ, улетаетъ на крыльяхъ мгновенности, не оставляя по себѣ ниже знака своего присутствія. Тако при улыбкѣ моей развѣялся видъ печали на лицахъ всего собранія поселившійся; радость проникла сердца всѣхъ быстротечно, и не осталося косаго вида неудовольствія нигдѣ. Всѣ начали восклицать: да здравствуетъ нашъ великій Государь, да здравствуетъ на вѣки. Подобно тихому полуденному вѣтру, помавающему листвія деревъ и любострастное производящему въ дубравѣ шумленіе, тако во всемъ собраніе радостное шептаніе раздавалось. Иной въ полголоса говорилъ: онъ усмирилъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, расширилъ предѣлы отечества, покорилъ тысячи разныхъ народовъ своей державѣ. Другой восклицалъ: онъ обогатилъ Государство, расширилъ внутреннюю и внѣшнюю торговлю, онъ любитъ науки и художества, поощряетъ земледѣліе и рукодѣліе. Женщины съ нѣжностію вѣщали: онъ не далъ погибнуть тысячамъ полезныхъ согражданъ, избави ихъ до сосца еще гибельныя кончины. Иной съ важнымъ видомъ возглашалъ: онъ умножилъ государственные доходы, народъ облегчилъ отъ податей, доставилъ ему надежное пропитаніе. Юношество съ восторгомъ руки на небо простирая рекло: онъ милосердъ, правдивъ, законъ его для всѣхъ равенъ, онъ почитаетъ себя первымъ его служителемъ. Онъ законодатель мудрый, судія правдивый, исполнитель ревностный, онъ паче всѣхъ Царей великъ, онъ вольность даруетъ всѣмъ.

Рѣчи таковыя, ударяя въ тимпанъ моего уха, громко раздавалися въ душѣ моей. Похвалы сіи истинными въ разумѣ моемъ изображалися, ибо сопутствуемы были искренности наружными чертами. Таковыми ихъ пріемля душа моя возвышалася надъ обыкновеннымъ зрѣнія кругомъ; въ существѣ своемъ расширялась и, все объемля, каса-

лася степеней Божественной премудрости. Но ничто не сравнилося съ удовольствіемъ самоодобренія при раздаваніи моихъ приказаній. Первому военачальнику повелѣвалъ я идти съ многочисленнымъ войскомъ на завоеваніе земли, цѣлымъ небеснымъ поясомъ отъ меня отдѣленной. Государь, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, слава единая имени твоего побѣдитъ народы оную землю населяющіе. Страхъ предшествовать будетъ оружію твоему, и возвращуся приносяй дань царей сильныхъ.—Учредителю плаванія я рекъ: да корабли мои разсѣятся по всѣмъ морямъ, да узрятъ ихъ невѣдомые народы; флагъ мой да извѣстенъ будетъ на сѣверѣ, востокѣ, югѣ и западѣ.—Исполню, Государь.—И полетѣлъ на исполненіе яко вѣтръ опредѣленный надувать вѣтрила корабельныя.— Возвѣсти до дальнѣйшихъ предѣловъ моея области, рекъ я хранителю законовъ, се день рожденія моего, да ознаменится онъ въ лѣтописяхъ на вѣки отпущеніемъ повсемѣстнымъ. Да отверзутся темницы, да изыдутъ преступники, и да возвратятся въ домы свои, яко заблудшіе отъ истиннаго пути.—Милосердіе твое, Государь! есть образъ всещедраго существа. Бѣгу возвѣстити радость скорбящимъ отцамъ по чадѣхъ ихъ, супругамъ по супругамъ ихъ. — Да воздвигнутся, рекъ я первому зодчію, великолѣпнѣйшія зданія для убѣжища музъ, да украсятся подражаніями природы разновидными; и да будутъ они ненарушимы, яко небесныя жительницы, для нихъ же они уготовляются.—О премудрый, отвѣчалъ онъ мнѣ, егда велѣніямъ твоего гласа стихіи повиновалися, и совокупя силы свои учреждали въ пустыняхъ и на дебряхъ обширные грады, превосходящіе великолѣпіемъ славнѣйшіе въ древности; колико маловаженъ будетъ сей трудъ для ревностныхъ исполнителей твоихъ велѣній. Ты рекъ, и грубыя строенія припасы уже гласу твоему внемлютъ. Да отверзется нынѣ, рекъ я, рука щедроты, да изліются остатки избытка на немощствующихъ, сокровища ненужныя да возвратятся къ ихъ источнику.—О всещедрый Владыко, всевышнимъ намъ дарованный, отецъ своихъ чадъ, обогатитель нищаго, да будетъ твоя воля.—При всякомъ моемъ изреченіи всѣ предстоящіе восклицали радостно и плесканіе рукъ нетокмо сопровождало мое слово, но даже предъупреждало мысль. Единая изъ всего собранія жена, облегшаяся твердо о столпъ, испускала вздохи скорби и являла видъ презрѣнія и негодованія. Черты лица ея были суровы и платье простое. Глава ея покрыта была шляпою, когда всѣ другіе съ обнаженными стояли главами. Кто сія? вопрошалъ я близь стоящаго меня. Сія есть странница намъ неизвѣстная, именуетъ себя Прямовзорой и глазнымъ врачемъ. Но есть Волхвъ опаснѣйшій, носяй ядъ и отраву, радуется скорби и сокрушенію; всегда нахмуренна, всѣхъ презираетъ и поноситъ; даже не щадитъ въ руганіи своемъ священныя твоея главы. — Почтожъ злодѣйка сія терпима въ моей области? Но о ней завтра. Сей день есть день милости и веселія. Пріидите, сотрудники мои въ ношеніи тяжкаго бремени правленія, пріимите достойное за труды и подвиги ваши воздаяніе. Тогда, возставъ отъ мѣста моего, возлагалъ я различныя знаки почестей на предстоящихъ; отсутствующіе забыты не были, но тѣ, кои пріятнымъ видомъ словамъ моимъ шли во срѣтеніе, имѣли большую во благодѣяніяхъ моихъ долю.

По семъ продолжалъ я мое слово: пойдемъ, столпы моея державы, опоры моея власти, пойдемъ усладиться по трудѣ. Достойно бо да вкуситъ трудившійся плода трудовъ своихъ. Достойно Царю вкусити веселія, онъ же изливаетъ многочисленныя всѣмъ. Покажи намъ путь къ уготованному тобою празднеству, рекъ я къ учредителю веселій. Мы тебѣ послѣдуемъ. — Постой, вѣщала мнѣ странница отъ своего мѣста, постой и подойди ко мнѣ. Я врачъ присланный къ тебѣ и тебѣ подобнымъ, да очищу зрѣніе твое. — Какія бѣльма сказала она съ восклицаніемъ.—Нѣкая невидимая сила нудила меня идти предъ нее, хотя всѣ меня окружавшіе мнѣ въ томъ препятствовали, дѣлая даже мнѣ насиліе.

На обоихъ глазахъ бѣльма, сказала странница, а ты столь рѣшительно судилъ о всемъ. Потомъ коснулся обоихъ моихъ глазъ, и сняла съ нихъ толстую плену, подобно роговому раствору. Ты видишь, сказала она мнѣ, что ты былъ слѣпъ и слѣпъ всесовершенно.—Я есмь истина. Всевышній, подвигнутый на жалость стенаніемъ тебѣ подвластнаго народа, ниспослалъ меня съ небесныхъ круговъ, да отжену темноту проницанію взора твоего препятствующую. Я сіе исполнила. Всѣ вещи представятся здѣсь въ естественномъ ихъ видѣ взорамъ твоимъ. Ты проникнешь во внутренность сердецъ. Не утаится болѣе отъ тебя змія, крыющаяся въ излучинахъ душевныхъ. Ты познаешь

вѣрныхъ своихъ подданныхъ, которыя въ дали отъ тебя, не тебя любятъ, но любятъ отечество; которые готовы всегда на твое пораженіе, если оно отмститъ порабощеніе человѣка. Но не возмутятъ они гражданскаго покоя безвременно и безъ пользы. Ихъ призови себѣ въ друзей. Изжени сію гордую чернь, тебѣ предстоящую и прикрывшую срамоту души своей позлащенными одеждами. Они то истинные твои злодѣи, затмѣвающіе очи твои, и входъ мнѣ въ твои чертоги воспрещающіе. Единъ разъ являюся я Царямъ во все время ихъ царствованія, да познаютъ меня въ истинномъ моемъ видѣ; но я никогда не оставляю жилища смертныхъ. Пребываніе мое не есть въ чертогахъ царскихъ. Стража, обсѣвшая ихъ вокругъ и бдящая денноночно стоглазно, воспрещаетъ мнѣ входъ въ оные. Если когда проникну сію сплоченную толпу, то поднявъ бичъ гоненія, всѣ тебя окружающіе тщатся меня изгнать изъ обиталища твоего; бди убо да паки неудалюся отъ тебя. Тогда словеса ласкательства, ядовитые пары издыхающія, бѣльма твои паки возродятъ, и кора свѣтомъ непроницаемая покрыетъ твои очи. Тогда ослѣпленіе твое будетъ сугубо; едва на шагъ одинъ взоры твои досязать будутъ. Все въ веселомъ являться тебѣ будетъ видѣ. Уши твои не возмутятся стенаніемъ; но усладится слухъ сладкопѣніемъ ежечасно. Жертвенныя куренія обыдутъ на лесть отверстую душу. Осязанію твоему подлежать будетъ всегда гладкость. Никогда не раздеретъ благотворная шероховатость въ тебѣ нервовъ осязательности. Возтрепещи теперь за таковое состояніе. Туча вознесется надъ главой твоей, и стрѣлы карающаго грома готовы будутъ на твое пораженіе. Но я вѣщаю тебѣ, поживу въ предѣлахъ твоего обладанія. Егда восхощешь меня видѣти, егда осажденная козьнями ласкательства душа твоя взалкаетъ моего взора; воззови меня изъ твоея отдаленности; гдѣ слышенъ будетъ твердый мой гласъ, тамъ меня и обрящешь. Не убойся гласа моего николи. Если изъ среды народныя возникнетъ мужъ, порицающій дѣла твоя, вѣдай что той есть твой другъ искренній. Чуждый надежды мзды, чуждый рабскаго трепета, онъ твердымъ гласомъ возвѣститъ меня тебѣ. Блюдись и не дерзай его казнити, яко общаго возмутителя. Призови его, угости его яко странника. Ибо всякъ, порицающій Царя въ самовластіи его, есть странникъ земли, гдѣ все предъ нимъ трепещетъ. Угости его вѣщаю, почти его, да возвратившися возможетъ онъ паче и паче глаголати нельстиво. Но таковыя твердыя сердца бываютъ рѣдки; едва единъ въ цѣломъ столѣтіи явится на свѣтскомъ ристалищѣ. А дабы бдѣтельность твоя не усыплялася нѣгою власти, се кольцо дарую тебѣ, да возвѣститъ оно тебѣ твою неправду, когда на нее дерзать будешь. Ибо вѣдай, что ты первѣйшій, въ обществѣ можешь быть убійца, первѣйшій разбойникъ, первѣйшій предатель, первѣйшій, нарушитель общія тишины врагъ лютѣйшій устремляющій злость свою на внутренность слабаго. Ты виною будешь, если мать восплачетъ о сынѣ своемъ, убіенномъ на ратномъ полѣ, и жена о мужѣ своемъ; ибо опасность плѣна едва оправдать можетъ убійство, войною называемое. Ты виною будешь, если запустѣетъ нива, если птенцы земледѣлателя лишатся жизни у тощаго безъ здравыя пищи сосца матерня. Но обрати теперь взоры свои на себя и на предстоящихъ тебѣ, возри на исполненіе твоихъ велѣній, и если душа твоя не содрогнется отъ ужаса при взорѣ таковомъ, то отъиду отъ тебя и чертогъ твой загладится навсегда въ памяти моей.

Изрекшія странницы лице, казалося веселымъ и вещественнымъ сіяющее блескомъ. Возрѣніе на нее вливало въ душу мою радость. Уже не чувствовалъ я въ ней зыбей тщеславія и надутлости высокомѣрія. Я ощущалъ въ ней тишину; волненіе любочестія и обуреваніе властолюбія ея не касалися. Одежды мои, столь блестящія, казалися замараны кровію и омочены слезами. На перстахъ моихъ видѣлися мнѣ остатки мозга человѣческаго; ноги мои стояли въ тинѣ. Вокругъ меня стоящіе являлися того скареднѣе. Вся внутренность ихъ казалась черною и сгараемою тусклымъ огнемъ ненасытности. Они метали на меня и другъ на друга искаженные взоры, въ коихъ господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть. Военачальникъ мой, посланный на завоеваніе, утопалъ въ роскоши и веселіи. Въ войскахъ подчиненности не было; воины мои почиталися хуже скота. Не радѣли ни о ихъ здравіи, ни прокормленіи; жизнь ихъ ни во что вмѣнялася; лишались они установленной платы, которая употреблялась на ненужное имъ украшеніе. Большая половина новыхъ воиновъ умирали отъ небреженія начальниковъ или ненужныя и безвременныя строгости. Казна опредѣленная на содержаніе всеополченія была въ ру-

кахъ учредителя веселостей. Знаки военнаго достоинства не храбрости были удѣломъ, но подлаго раболѣпія. Я зрѣлъ предъ собою единаго знаменитаго по словесамъ военачальника, коего я отличными почтилъ знаками моего благоволенія; я зрѣлъ нынѣ ясно, что все его отличное достоинство состояло въ томъ только, что онъ пособіемъ былъ въ насыщеніи сладострастія своего начальника; и на оказаніе мужества не было ему даже случая, ибо онъ издали не видалъ непріятеля. Отъ такихъ то воиновъ я ждалъ себѣ новыхъ вѣнцовъ. Отвратилъ я взоръ мой отъ тысящи бѣдствъ, представившихся очамъ моимъ.

Корабли мои назначенные, да прейдутъ дальнѣйшія моря, видѣлъ я плавающими при устьѣ пристанища. Начальникъ, полетѣвшій для исполненія моихъ велѣній на крылѣхъ вѣтра, простерши на мягкой постелѣ свои члены, упоялся нѣгою и любовію въ объятіяхъ наемной возбудительницы его сладострастія. На изготованномъ велѣніемъ его чертежѣ, совершеннаго въ мечтаніи плаванія, уже видны были во всѣхъ частяхъ міра новые острова, климату ихъ свойственными плодами изобилующіе. Обширныя земли и многочисленные народы израждалися изъ кисти новыхъ сихъ путешествователей. Уже при блескѣ нощныхъ свѣтильниковъ, начерталося величественное описаніе сего путешествія и сдѣланныхъ пріобрѣтеній, слогомъ цвѣтущимъ и великолѣпнымъ. Уже златыя дски уготовлялися на одежду столь важнаго сочиненія. О Кукъ! по что ты жизнь свою провелъ въ трудахъ и лишеніяхъ? По что скончалъ ее плачевнымъ образомъ? Если бы возсѣлъ на сіи корабли, то въ веселіяхъ начавъ путешествіе, и въ веселіяхъ его скончая, столь же бы много сдѣлалъ открытій, сидя на одномъ мѣстѣ, (и въ моемъ государствѣ) толико же бы прославился; ибо ты бы почтенъ былъ твоимъ государемъ.

Подвигъ мой, коимъ въ ослѣпленіи моемъ душа моя наиболѣе гордилася, отпущеніе казни и прощеніе преступниковъ, едва видны были въ обширности гражданскихъ дѣяній. Велѣніе мое, или было совсѣмъ нарушено, обращаяся не въ ту сторону, или не имѣло желаемаго дѣйствія превратнымъ онаго толкованіемъ, и медлительнымъ исполненіемъ. Милосердіе мое сдѣлалося торговлею, и тому, кто давалъ больше, стучалъ молотъ жалости и великодушія. Вмѣсто того, чтобы въ народѣ моемъ чрезъ отпущеніе вины прослыть милосердымъ, я прослылъ обманщикомъ, ханжею и пагубнымъ комедіантомъ. Удержи свое милосердіе, вѣщали тысящи гласовъ, не возвѣщай намъ его великолѣпнымъ словомъ, если не хощешь его исполнити. Не соплощай съ обидою насмѣшку, съ тяжестію ея ощущеніе. Мы спали и были покойны, ты возмутилъ нашъ сонъ, мы бдѣть не желали, ибо не надъ чемъ.—Въ созиданіи городовъ видѣлъ я одно расточеніе государственныя казны, нерѣдко омытой кровію и слезами моихъ подданныхъ. Въ воздвиженіи великолѣпныхъ зданій къ расточенію нерѣдко присовокуплялося и непонятіе о истинномъ искусствѣ. Я зрѣлъ расположеніе ихъ внутреннее и внѣшное безъ малѣйшаго вкуса. Виды оныхъ принадлежали вѣку готфовъ и вандаловъ. Въ жилищѣ для Муссъ уготованномъ не зрѣлъ я ліющихся благотворно струевъ Касталіи и Ипокрены; едва пресмыкающееся искусство дерзало возводить свои взоры выше очерченой обычаемъ округи. Зодчіе, согбенные надъ чертежемъ зданія, не о красотѣ онаго помышляли, но какъ пріобрѣтутъ ею себѣ стяжаніе. Возгнушался я моего пышнаго тщеславія и отвратилъ очи мои.—Но паче всего уязвило душу мою изліяніе моихъ щедротъ. Я мнилъ въ ослѣпленіи моемъ, что ненужная казна общественная, на государственныя надобности, не можетъ лучше употребиться, какъ на вспоможеніе нищаго, на одѣяніе нагого, на прокормленіе алчущаго, или на поддержаніе погибающаго противнымъ случаемъ, или на мзду нерадящему о стяжаніи достоинству и заслугѣ. Но сколь прискорбно было видѣть, что щедроты мои изливалися на богатаго, на льстеца, на вѣроломнаго друга, на убійцу иногда тайнаго, на предателя и нарушителя общественной довѣренности, на уловившаго мое пристрастіе, на снисходящаго моимъ слабостямъ, на жену кичащуюся своимъ безстыдствомъ. Едва, едва досязали слабые источники моея щедроты застѣнчиваго достоинства и стыдливыя заслуги. Слезы пролились изъ очей моихъ, и сокрыли отъ меня толь бѣдственныя представленія безразсудной моей щедроты.—Теперь ясно я видѣлъ, что знаки почестей мною раздаваемые всегда доставалися въ удѣлъ недостойнымъ. Достоинство неопытное, пораженное первымъ блескомъ сихъ мнимыхъ блаженствъ, вступало въ единый путь съ ласкательствомъ и подлостію духа, на снисканіе почестей, вожделѣнной смертныхъ меч-

ты; но влача косвенно стопы свои, всегда на первыхъ степеняхъ изнемогало, и довольствоваться было осуждаемо собственнымъ своимъ одобреніемъ, ю увѣреніи, что почести мірскія суть пепелъ и дымъ. Видя во всемъ толикую превратность отъ слабости моей и коварства министровъ моихъ проистекшую; видя, что нѣжность моя обращалася на жену, ищущую въ любви моей удовлетворенія своего только тщеславія, и внѣшность только свою на услажденіе мое устрояющую, когда сердце ея ощущало ко мнѣ отвращеніе; возревѣлъ я яростію гнѣва. Недостойные преступники, злодѣи! вѣщайте, почто во зло употребили довѣренность Господа вашего? предстаньте нынѣ предъ судію вашего. Возтрепещите въ окаменѣлости злодѣянія вашего. Чѣмъ можете оправдать дѣла ваши? Что скажете во извиненіе ваше? Се онъ, его же призову изъ хижины уничиженія. Пріиди вѣщалъ я старцу, коего созерцалъ въ краѣ обширныя моея области, кроющагося подъ заросшею мхомъ хижиною, пріиди облегчить мое бремя; пріиди и возврати покой томящемуся сердцу и возтревоженному уму.—Изрекши сіе, обратилъ я взоръ мой на мой санъ, познала обширность моея обязанности, познала откуда проистекаетъ мое право и власть. Возтрепеталъ во внутренности моей, убоялся служенія моего. Кровь моя пришла въ жестокое волненіе, и я пробудился.—Еще неопомнившись, схватилъ я себя за палецъ, но терноваго кольца на немъ не было. О если бы оно пребывало хоти на мизинцѣ царей!

Властитель міра, если читая сонъ мой, ты улыбнешься съ насмѣшкою, или нахмуришь чело, вѣдай, что видѣнная мною странница отлетѣла отъ тебя далеко, и чертоговъ твоихъ гнушается.

ПОДБЕРЕЗЬЕ.

Насилу очнуться я могъ отъ богатырскаго сна, въ которомъ я столько сгрезилъ. — Голова моя была свинцовой тяжелѣе, хуже, нежели бываетъ съ похмѣлья у пьяницъ, которые по недѣлѣ пьютъ запоемъ. Не въ состояніи я былъ продолжать пути и трястись на деревянныхъ дрогахъ (пружинъ у кибитки моей не было). Я вынулъ домашній лѣчебникъ; искалъ нѣтъ ли въ немъ рецепта отъ головной дурноты, происходящей отъ бреду во снѣ и наяву. Лѣкарство со мною хотя всегда ѣздило въ запасѣ, но по пословицѣ на всякаго мудреца довольно простоты, противъ бреду я себя не предостерегъ и отъ того голова моя, пріѣхавъ на почтовый станъ, была хуже болвана.

Вспомнилъ я, что нѣкогда блаженной памяти нянюшка моя Клементьевна, по имени Прасковья, нарочейная Пятница, охотница была до кофею и говаривала что помогаетъ онъ отъ головной боли. Какъ чашекъ пять выпью, говаривала она, такъ и свѣтъ вижу, а безъ того умерла бы въ три дни.

Я взялся за нянюшкино лѣкарство, но не привыкнувъ пить вдругъ по пяти чашекъ, поподчивалъ излишне для меня свареннымъ, молодаго человѣка, который сидѣлъ на одной со мной лавкѣ, но въ другомъ углу у окна.—Благодарю усердно, сказалъ онъ, взявъ чашку съ кофеемъ.—Привѣтливый видъ, взглядъ неробкой, вѣжливая осанка, казалось не къ стати были къ длинному полукафтанью, и къ примазаннымъ квасомъ волосамъ. Извини меня, читатель, въ моемъ заключеніи, я родился и выросъ въ столицѣ, и если кто некудрявъ и ненапудренъ, того я ни во что не чту. Если и ты деревенщина и волосъ не пудришь, то не осуди буде я на тебя не взгляну и пройду мимо.

Слово за слово я съ новымъ моимъ знакомцемъ поладилъ. Узналъ, что онъ былъ изъ Новгородской семинаріи, и шелъ пѣшкомъ въ Петербургъ повидаться съ дядею, который былъ секретаремъ въ губернскомъ штатѣ. Но главное его намѣреніе было, чтобъ сыскать случай для пріобрѣтенія науки. — Сколь великій недостатокъ еще у насъ въ пособіяхъ просвѣщенія, говорилъ онъ мнѣ. Одно свѣдѣніе латинскаго языка не можетъ удовлетворить разума алчущаго науки. Виргилія, Горація, Тита, Ливія, даже Тацита почти знаю наизустъ, но когда сравню знанія семинаристовъ съ тѣмъ, что я имѣлъ случай по счастію моему узнать, то почитаю училище наше принадлежащимъ къ прошедшимъ столѣтіямъ. Классическіе авторы намъ всѣ извѣстны, но мы лучше знаемъ критическія объясненія текстовъ, нежели то, что ихъ доднесь дѣлаетъ пріятными, что вѣчность для нихъ уготовало. Насъ учатъ философіи, проходимъ мы логику, метафизику, ѳику, богословіе, по словамъ Кутейника въ Недорослѣ, дойдемъ до конца философскаго ученія и возвратимся вспять. Чему дивиться; Аристотель и схоластика до нынѣ царствуютъ въ семинаріяхъ. Я по счастію моему знакомъ сталъ, въ домѣ одного изъ губернскихъ членовъ въ Новѣгородѣ, имѣлъ случай пріобрѣсти въ ономъ малое знаніе во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и пользовался книгами хозяина того дома. Какая разница въ просвѣщеніи временъ, когда одинъ латинскій языкъ былъ въ училищахъ употребителенъ, съ нынѣшнимъ временемъ! Какое пособіе къ ученію, когда науки не суть таинства, для свѣдущихъ латинскій языкъ токмо отверстыя, но преподаются на языкѣ народномъ! — Но для чего, прервавъ онъ свою рѣчь продолжалъ, для чего не заведутъ у насъ высшихъ училищъ, въ которыхъ бы преподавалися науки на языкѣ россійскомъ? Ученіе всѣмъ бы было внятнѣе; просвѣщеніе доходило бы до всѣхъ поспѣшнѣе, и однимъ поколѣніемъ позже, за одного латинщика, нашлось бы двѣсти человѣкъ просвѣщенныхъ; по крайней мѣрѣ въ каждомъ судѣ былъ бы хотя одинъ членъ, понимающій, что есть юриспруденція или законоученіе.—Боже мой! продолжалъ онъ съ восклицаніемъ, если бы привести примѣры изъ размышленій и разглагольствованій судей нашихъ о дѣлахъ! Что бы сказали Гроцій, Монтескью, Блекстонъ.— Ты читалъ Блекстона,—читалъ первыя двѣ части

на россійскій языкъ переведенныя. Не худо бы было заставлять судей нашихъ имѣть сію книгу вмѣсто святцовъ, заставлять ихъ чаще въ нее заглядывать, нежели въ календарь. Какъ не потужить, повторилъ онъ, что у насъ нѣтъ училищъ, гдѣ бы науки преподавалися на языкѣ народномъ.

Вошедшій почталіонъ помѣшалъ продолженію нашей бесѣды. Я успѣлъ семинаристу сказать, что скоро желаніе его исполнится, что уже есть повелѣніе о учреждении новыхъ университетовъ, гдѣ науки будутъ преподаваться по его желанію. — Пора, государь мой, пора...

Между тѣмъ, какъ я платилъ почталіону прогонныя деньги, семинаристъ вышелъ вонъ. Выходя выронилъ небольшой пукъ бумаги. Я поднялъ упадшее, и не отдалъ ему. Не обличи, меня любезной читатель, въ моемъ воровствѣ; съ такимъ условіемъ, я и тебѣ сообщу, что я подтибрилъ. Когда же прочтешь, то знаю, что кражи моей наружу не выведешь; ибо не тотъ одинъ воръ кто кралъ, но и тотъ кто принималъ, такъ писано въ законѣ русскомъ. Признаюсь, я на руку нечистъ; гдѣ что немного похожее на разсудительное увижу, то тотъ часъ стяну; смотри, ты не клади мыслей плохо.— Читай, что мой семинаристъ говоритъ:

Кто міръ нравственной уподобилъ колесу, тотъ сказавъ великую истину, неиное что можетъ быть сдѣлалъ, какъ взглянулъ на круглой образъ земли и другихъ великихъ въ пространствѣ носящихся тѣлъ, изрекъ только то, что зрѣлъ. Поступая въ познаніи естества, откроютъ можетъ быть смертные, тайную связь веществъ духовныхъ или нравственныхъ, съ веществами тѣлесными или естественными; что причина всѣхъ перемѣнъ, превращеній, превратностей міра нравственнаго или духовнаго зависитъ можетъ быть отъ кругообразнаго вида нашего обиталища, и другихъ къ солнечной системѣ принадлежащихъ тѣлъ, равно какъ и оно кругообразныхъ, и коловращающихся... На Мартиниста похоже; на ученика Шведенборга... Нѣтъ, мой другъ! я пью и ѣмъ не для того только, чтобъ быть живу, но для того, что въ томъ нахожу немалое услажденіе чувствъ. И покаюся тебѣ, какъ отцу духовному, я лучше ночь просижу съ пригоженькою дѣвочкою, и усну упоенный сладострастіемъ въ объятіяхъ ее, нежели зарывшись въ еврейскія или арабскія буквы, въ цыфири, или египетскіе іероглифы, потщуся отдѣлить духъ мой отъ тѣла и рыскать въ пространныхъ поляхъ бредоумствованій, подобенъ древнимъ и новымъ духовнымъ витязямъ. Когда умру, будетъ время довольно на неосязательность, и душенька моя набродится до сыта.

Оглянись назадъ, кажется еще время то за плечами близко, въ которое царствовало суевѣріе, и весь его причетъ, невѣжество, рабство, инквизиція, и многое кое что. Давно ли то было, какъ Вольтеръ кричалъ противъ суевѣрія до безголосицы; давно ли Фридрихъ неутолимой его былъ врагъ нетокмо словомъ своимъ и дѣяніями, но что для него страшнѣе, державнымъ своимъ примѣромъ. Но въ мірѣ семъ все приходитъ на прежнюю степень, ибо всѣ въ разрушеніи свое имѣетъ начало. Животное, прозябаемое, родится, ростетъ, дабы произвести себѣ подобныхъ, потомъ умереть и уступить имъ свое мѣсто. Бродящіе народы, собираются во грады, основываютъ царства, мужаютъ, славятся, слабѣютъ, изнемогаютъ, разрушаются. Мѣста пребыванія ихъ не видно; даже имена ихъ погибнутъ. Христіанское общество въ началѣ было смиренно, кротко, скрывалося въ пустыняхъ и вертепахъ, потомъ усилилось, вознесло главу, устранилось своего пути, вдалося суевѣрію; въ изступленіи шло стезею народамъ обыкновенною; воздвигло начальника, расширило его власть, и Папа сталъ всесильный изъ царей. Лутеръ началъ преобразованіе, воздвигъ расколъ, изъялся изъ подъ власти его, и много имѣлъ послѣдователей. Зданіе предъубѣжденія о власти папской рушиться стало, стало исчезать и суевѣріе; истина нашла любителей, попрала огромной оплотъ предразсужденій, но недолго пребыла въ сей стезѣ. Вольность мыслей вдалася необузданности. Не было ничего святаго, на все посягали. Дошедъ до краевъ возможности, вольномысліе возвратится вспять. Сія перемѣна въ образѣ мыслей предстоитъ нашему времени. Не дошли еще до послѣдняго края безпрепятственнаго вольномыслія, но многіе уже начинаютъ обращаться къ суевѣрію. Разверни новѣйшія таинственныя творенія, возмнишь быти во времена схоластики и словопреній, когда о рѣченіяхъ заботился разумъ человѣческій, немысля о томъ, былъ ли въ рѣченіи смыслъ. Когда задачею любомудрія почиталося и на рѣшеніе изслѣдователей истины отдавали вопросъ, сколько на игольномъ остріи можетъ умѣститься душъ.

Если потомкамъ нашимъ предложитъ заблужденіе, если оставя естественность гоняться будутъ за мечтаніями, то весьма полезной бы былъ трудъ писателя, показавшаго намъ изъ прежнихъ дѣяній, шествіе разума человѣческаго, когда сотрясшій мглу предъубѣжденій онъ началъ преслѣдовать истину до выспренностей ея, и когда утомленный такъ сказать своимъ бодрствованіемъ, растлѣвать начиналъ паки свои силы, томиться и ниспускаться въ туманы предразсудковъ и суевѣрія. Трудъ сего писателя безполезенъ не будетъ: ибо обнажая шествіе нашихъ мыслей къ истинѣ и заблужденію, устранитъ хотя нѣкоторыхъ отъ пагубныя стези, и заградитъ полетъ невѣжества; блаженъ писатель, если твореніемъ своимъ могъ просвѣтить хотя единаго, блаженъ если въ единомъ хотя сердцѣ посѣялъ добродѣтель.

Щастливыми назваться мы можемъ: ибо не будемъ свидѣтели крайняго посрамленія разумныя твари. Ближніе наши потомки щастливѣе насъ еще быть могутъ. Но пары, въ грязи омерзѣнія почившіе, уже воздымаются и предъопредѣляются объяти зрѣнія кругъ. Блаженны, если не узримъ новаго Магомета; часъ заблужденія еще отдалится. Внемли, когда въ умствованіяхъ, когда въ сужденіяхъ о вещахъ нравственныхъ и духовныхъ начинается ферментація и возстаетъ мужъ твердый и предпріимчивый, на истинну или на прельщеніе, тогда послѣдуетъ перемѣна царствъ, тогда перемѣна въ исповѣданіяхъ.

На лѣстницѣ, по которой разумъ человѣческій нисходить долженствуетъ во тьму заблужденій, если покажемъ что либо смѣшное и улыбкою содѣлаемъ добро, блаженны наречемся.

Бродя изъ умствованія въ умствованіе, о возлюбленные, блюдитеся, да не вступите на путь слѣдующихъ изслѣдованій.

Вѣщалъ Акиба: вошедъ по стезѣ Равви Іозуа въ сокровенное мѣсто, я позналъ тройственное. Позналъ 1-е: не на Востокъ и не на Западъ, но на Сѣверъ и Югъ обращатися довлѣетъ. Позналъ 2-е: не на ногахъ стоящему, но возсѣдая надлежитъ изпражняться. Позналъ 3-е: не дѣсницею, но шуйцею отирать надлежитъ заднія. На сіе возразилъ Бенъ Газасъ: дотолѣ обезстудилъ еси чело свое на учителя, да извергающаго присматривалъ? Отвѣтствовалъ онъ: сіи суть таинства закона; и нужно было, да сотворю сотворенное, и ихъ познаю.

Смотри Белевъ словарь, статью Акиба.

НОВГОРОДЪ.

Гордитеся тщеславные созидатели градовъ, гордитесь, основатели государствъ, мечтайте, что слава имени вашего будетъ вѣчна; столпите, камень на камень до самыхъ облаковъ; изсѣкайте изображенія вашихъ подвиговъ, и надписи дѣла ваши возвѣщающія. Полагайте твердыя основанія правленія, закономъ непремѣннымъ. Время съ острымъ рядомъ зубовъ смѣется вашему киченію. Гдѣ мудрые Солоновы и Ликурговы законы, вольность Афинъ и Спарты утверждавшие?—Въ книгахъ.—А на мѣстѣ ихъ пребыванія пасутся рабы самовластія. — Гдѣ пышная Троя, гдѣ Карѳага.—Едва ли видно мѣсто, гдѣ гордо онѣ стояли. — Курится ли таинственно единому существу нетлѣнная жертва во славныхъ храмахъ древняго Египта. Великолѣпные оныхъ остатки служатъ убѣжищемъ блѣющему скоту во время средиденнаго зноя. Не радостными слезами благодаренія всевышнему Отцу они орошаемы, но смрадными изверженіями скотскаго тѣла.—О! гордость. О! надменность человѣческая, возри на сіе, и познай колико ты ползуща!

Въ таковыхъ размышленіяхъ подъѣзжалъ я къ Новугороду, смотря на множество монастырей вокругъ онаго лежащихъ.

Сказываютъ, что всѣ сіи монастыри, даже и на пятнадцать верстъ разстояніемъ отъ города находящіеся, заключалися въ ономъ; что изъ стѣнъ его могло выходить до ста тысячъ войска. Извѣстно, по лѣтописямъ, что Новгородъ имѣлъ народное правленіе. Хотя у ихъ были князья, но мало имѣли власти. Вся сила правленія заключалася въ посадникахъ и тысяцкихъ. Народъ въ собраніи своемъ на вѣчѣ былъ истинный государь. Область Новгородская простиралася на сѣверѣ даже за Волгу. Сіе вольное государство стояло въ Ганзейскомъ союзѣ. Старинная рѣчь, кто можетъ стать противъ Бога и великаго Новагорода, служить можетъ доказательствомъ его могущества. Торговля была причиною его возвышенія. Внутреннія несогласія и хищный сосѣдъ совершили его паденіе.

На мосту вышелъ я изъ кибитки моей, дабы насладиться зрѣлищемъ теченія Волхова. Не можно было, чтобы не пришелъ мнѣ на память поступокъ царя Ивана Васильевича по взятіи Новагорода. Уязвленный сопротивленіемъ сея республики, сей гордый, звѣрскій, но умный властитель, хотѣлъ ее раззорить до основанія. Мнѣ зрится онъ съ долбнею на мосту стоящъ, такъ иные повѣствуютъ, приносяй на жертву ярости своей старѣйшихъ и начальниковъ Новогородскихъ. Но какое онъ имѣлъ право свирѣпствовать противъ нихъ; какое онъ имѣлъ право присвоять Новгородъ? То ли, что первые великіе князья Россійскіе жили въ семъ городѣ? Или что онъ писался царемъ всея Руссіи? Или что новгородцы были славенскаго племени? Но на что право, когда дѣйствуетъ сила? Можетъ ли оно существовать, когда рѣшеніе запечатлѣется кровію народовъ? Можетъ ли существовать право, когда нѣтъ силы на приведеніе его въ дѣйствительность. Много было писано о правѣ народовъ; нерѣдко имѣютъ на него ссылку; но законоучители не помышляли, можетъ ли быть между народами судія. Когда возникаютъ между ими вражды, когда ненависть, или корысть устремляетъ ихъ другъ на друга, судія ихъ есть мечъ. Кто палъ мертвъ или обезоруженъ, тотъ и виновенъ; повинуется непрекословно сему рѣшенію, и апелляціи на оное нѣтъ. Вотъ почему Новгородъ принадлежитъ царю Ивану Васильевичу. Вотъ для чего онъ его раззорилъ и дымящіеся его остатки себѣ присвоилъ.— Нужда, желаніе безопасности и сохранности, созидаютъ царства; разрушаютъ ихъ несогласіе и сила. — Чтожъ есть право народное? — Народы, говорятъ законоучители, находятся одинъ въ разсужденіи другаго въ такомъ же положеніи, какъ человѣкъ нахотится въ отношеніи другого, въ естественномъ состояніи.— Вопросъ: въ естественномъ состояніи человѣка какія суть его права? Отвѣтъ: взгляни на него. Онъ нагъ, алчущъ, жаждущъ. Все что взять можетъ на удовлетвореніе своихъ нуждъ, все присвояетъ. Если бы что тому воспрепятствовать захотѣло, онъ препятствіе удалитъ, разрушитъ, и пріобрѣтетъ желаемое. Вопросъ: если на пути удовлетворенія нуждамъ своимъ, онъ обрящетъ це-

добнаго себѣ, если напримѣръ, двое чувствуя голодъ, восхотятъ насытиться однимъ кускомъ; кто изъ двухъ больше къ пріобрѣтенію имѣетъ право? Отвѣтъ: тотъ кто кусокъ возьметъ. Вопросъ: кто же возьметъ кусокъ? Отвѣтъ: кто сильнѣе. — Неужели сіе есть право естественное, неужели сіе основаніе права народнаго!—Примѣры всѣхъ времянъ свидѣтельствуютъ, что право безъ силы было всегда въ исполненіи почитаемо пустымъ словомъ.—Вопросъ: что есть право гражданское? Отвѣтъ: кто ѣдетъ на почтѣ, тотъ пустяками не занимается, и думаетъ, какъ бы лошадей поскорѣе промыслить.

Изъ лѣтописи Новогородской.

Новгородцы съ великимъ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ вели войну, и заключили писменное примиреніе.—

Новгородцы сочинили письмо для защищенія своихъ вольностей и утвердили оное пятидесятью осьмію печатьми.—

Новгородцы запретили у себя обращеніе чеканной монеты, введенной татарами въ обращеніе.—

Новгородъ въ 1420 году началъ бить свою монету.—

Новгородъ стоялъ въ Ганзейскомъ союзѣ.—

Въ Новѣгородѣ былъ колоколъ, по звону котораго народъ собирался на вечѣ, для разсужденія о вещахъ общественныхъ.

Царь Иванъ письмо и колоколъ у новгородцевъ отнялъ.—

— Потомъ. Въ 1500 году—въ 1600 году—въ 1700 году — Новгородъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ.

Но не все думать о старинѣ, не все думать о завтрешнемъ днѣ. Если безпрестанно буду глядѣть на небо, не смотря на то что подъ ногами, то скоро споткнусь и упаду въ грязь... размышлялъ я. Какъ ни тужи, а Новагорода по прежнему не населишь. Что Богъ дастъ впередъ.—Теперь пора ужинать. Пойду къ Карпу Деменьтичу.

Ба! ба! ба! добро пожаловать, откуда Богъ принесъ, говорилъ мнѣ пріятель мой Карпъ Деменьтичъ, прежде сего купецъ третьей гильдіи, а нынѣ имянитой гражданинъ. По пословицѣ щастливой къ обѣду. Милости просимъ садиться.—Да что за пиръ у тебя?—Благодѣтель мой, я женилъ вчера парня своего.—Благодѣтель твой, подумалъ я, не безъ причины онъ меня такъ величаетъ. Я ему какъ и другіе пособилъ записаться въ имянитые граждане. Дѣдъ мой будто долженъ былъ по векселю 1000 рублей; кому, того незнаю, съ 1737 года. Карпъ Деменьтичъ въ 1780 вексель гдѣ то купилъ, и какой то приладилъ къ нему протестъ. Явился онъ ко мнѣ съ искуснымъ стряпчимъ, и въ то время взяли они съ меня милостиво одни только проценты за 50 лѣтъ, а занятой капиталъ мнѣ весь подарили.— Карпъ Деменьтичъ человѣкъ признательной.—Невѣстка, водки нечаянному гостю. —Я водки не пью.—Да хотя прикушай.—Здоровья молодыхъ... и сѣли ужинать.

По одну сторону меня сѣлъ сынъ хозяйской, а по другую посадилъ Карпъ Деменьтичъ свою молодую невѣстку.

. . . Прервемъ рѣчь, читатель. Дай мнѣ карандашъ и листочикъ бумашки. Я тебѣ во удовольствіе нарисую всю честную компанію, и тѣмъ тебя причастнымъ сдѣлаю свадебной пирушкѣ, хотя бы ты на Алеутскихъ островахъ бобровъ ловилъ. Если точныхъ не спишу портретовъ, то доволенъ буду ихъ силуетами. Лафатеръ и по нихъ учитъ узнавать кто уменъ и кто глупъ.

Карпъ Деменьтичъ сѣдая борода, въ восемь вершковъ отъ нижней губы. Носъ кляпомъ, глаза ввалились, брови какъ смоль, кланяется объ руку, бороду гладитъ, всѣхъ величаетъ: благодѣтель мой.—Аксинья Пареентьевна, любезная его супруга. Въ шесдесятъ лѣтъ, бѣла какъ снѣгъ и красна какъ маковъ цвѣтъ, губки всегда сжимаетъ кольцомъ; ренскаго не пьетъ, передъ обѣдомъ полчарочки при гостяхъ, да въ чуланѣ стаканчикъ водки. Прикащикъ мужнинъ хозяину на щетѣ показываетъ... По приказанію Аксиньи Пареентьевны куплено годоваго запасу 3 пуда бѣлилъ Ржевскихъ и 30 фунтовъ румянъ листовыхъ... Прикащики мужнины Аксиньины камердинеры.—Алексѣй Карповичъ сосѣдъ мой застольной. Ни уса, ни бороды, а носъ уже багровой, бровями моргаетъ, въ кружокъ остриженъ, кланяется гусемъ, отряхая голову и поправляя волосы. Въ Петербургѣ былъ сидѣльцемъ. На аршинъ когда мѣряетъ, то спускаетъ на вершокъ; за то его отецъ любитъ какъ самъ себя; на пятнадцатомъ году матери далъ оплеуху.—Парасковья Денисовна, его новобрачная супруга, бѣла и румяна. Зубы какъ уголь. Брови въ нитку, чер-

нѣе сажи. Въ компаніи сидитъ потупя глаза, но во весь день отъ окошка не отходитъ, и пялитъ глаза на всякаго мущину. Подъ вечерокъ стоитъ у калитки.—Глазъ одинъ подбитъ. Подарокъ ее любезнова муженька, для перваго дни;—а у кого догадка есть, тотъ знаетъ за что.

Но, любезный читатель, ты уже зѣваешь. Полно видно мнѣ снимать силуеты. Твоя правда; другова не будетъ, какъ носъ да носъ, губы да губы. Я и того не понимаю, какъ ты на силуетѣ бѣлилы и румяна распознаешь.

Карпъ Деменьтьичъ, чѣмъ ты нынѣ торгуешь? Въ Петербургъ не ѣздишь, льну не привозишь, ни сахару, ни кофе, ни красокъ не покупаешь. Мнѣ кажется, что торгъ твой тебѣ былъ не въ убытокъ.—Отъ него то было я и раззорился. Но на силу Богъ спасъ. Получивъ однимъ годомъ изрядной барышокъ, я женѣ построилъ здѣсь домъ. На слѣдующій годъ былъ льну неурожай, и я не могъ поставить что законтрактовалъ. Вотъ отъ чего я торговать пересталъ.—Помню, Карпъ Деменьтьичъ, что за тридцать тысячъ рублей забранныхъ въ передъ, ты тысячу пудъ льну прислалъ должникамъ на раздѣлъ.—Ей больше не можно было, повѣрь моей совѣсти.—Конечно и на заморскіе товары былъ въ томъ году неурожай. Ты забралъ тысячъ на двадцать... Да, помню; на ихъ пришла головная боль.—Подлинно благодѣтель, у меня голова такъ болѣла; что чуть не треснула. Да чѣмъ могутъ заимодавцы мои на меня жаловаться? Я имъ отдалъ все мое имѣніе.—По три копѣйки на рубль. — Никакъ нѣтъ-ста по пятнадцати. — А женнинъ домъ?—Какъ мнѣ до него коснуться; онъ не мой.—Скажи же чѣмъ ты торгуешь?—Ни чѣмъ, ей ни чѣмъ. Съ тѣхъ поръ какъ я пришелъ въ несостояніе, парень мой торгуетъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ, слава Богу, поставилъ льну на двадцать тысячъ.—На будущее конечно законтрактуетъ на пятьдесятъ, возметъ половину денегъ въ передъ, и молодой женѣ построитъ домъ... Алексѣй Карповичъ только что улыбается.—Старинной шутникъ, благодѣтель мой. Полно молоть пустяки; возмемся за дѣло.—Я не пью, ты знаешь.—Да хоть прикушай.

Прикушай, прикушай,—я почувствовалъ, что у меня щеки начали рдѣть, и подъ конецъ пира, я бы какъ и другіе напился пьянъ. Но по щастію, вѣкъ за столомъ сидѣть нельзя, такъ какъ всегда быть умнымъ невозможно. И по той самой причинѣ, по которой я иногда дурачусь и брежу, на свадебномъ пиру я былъ трезвъ.

Вышедъ отъ пріятеля моего Карпа Деменьтьича, я впалъ въ размышленіе. Введенное повсюду вексельное право, то есть строгое и скорое по торговымъ обязательствамъ взысканіе, почиталъ я доселѣ охраняющимъ довѣріе законоположеніемъ; почиталъ щастливымъ новыхъ временъ изобрѣтеніемъ, для усугубленія быстраго въ торговлѣ обращенія, чего древнимъ народамъ на умъ не приходило. Но отъ чего же буде нѣтъ честности, въ дающемъ вексельное обязательство, отъ чего оно тщетная только бумажка? Еслибы строгаго взысканія по векселямъ не существовало, уже ли бы торговля исчезла? Не заимодавецъ ли долженъ знать кому онъ довѣряетъ? О комъ законоположеніе болѣе пещися долженствуетъ, о заимодавцѣ ли или о должникѣ? Кто болѣе въ глазахъ человѣчества заслуживаетъ уваженія, заимодавецъ ли, теряющій свой капиталъ, для того, что не зналъ кому довѣрилъ, или должникъ въ оковахъ и въ темницѣ. Съ одной стороны легковѣрность, съ другой почти воровство. Тотъ повѣрилъ надѣяся на строгое законоположеніе, а сей... А если бы взысканіе по векселямъ не было столь строгое? Не было бы мѣста легковѣрію, не было бы можетъ быть плутовства въ вексельныхъ дѣлахъ... Я началъ опять думать, прежняя система пошла къ чорту, и я легъ спать съ пустою головою.

БРОННИЦЫ.

Между тѣмъ, какъ въ кибиткѣ моей лошадей перемѣняли, я захотѣлъ посѣтить высокую гору, близь Бронницъ находящуюся, на которой, сказывають, въ древнія времена, до пришествія, думаю, славянъ, стоялъ храмъ, славившійся тогда издаваемыми въономъ прорицаніями, для слышанія коихъ многіе сѣверные владѣльцы прихаживали. На томъ мѣстѣ, повѣствуютъ, гдѣ нынѣ стоитъ село Бронницы, стоялъ, извѣстной въ сѣверной древней исторіи, городъ Холмоградъ. Нынѣ же на мѣстѣ славнаго древняго капища, построена малая церковь.

Восходя на гору, я вообразилъ себя переселеннаго въ древность, и пришедшаго, да познаю отъ державнаго Божества грядущее, и обрящу спокойствіе моей нерѣшимости. Божественный ужасъ объемлетъ мои члены, грудь моя начинаетъ воздыматься, взоры мои тупѣютъ и свѣтъ въ нихъ меркнетъ. Мнѣ слышится гласъ грому подобный, вѣщаяй: безъумный! почто желаешь познати тайну, которую я сокрылъ отъ смертныхъ непроницаемымъ покровомъ неизвѣстности? Почто, о дерзновенный! познати жаждешь то, что едина мысль предвѣчная постигать можетъ? Вѣдай, что неизвѣстность будущаго соразмѣрна бренности твоего сложенія. Вѣдай, что предъузнанное блаженство теряетъ свою сладость долговременнымъ ожиданіемъ, что прелестность настоящаго веселія, нашедъ утомленныя силы, немощна произвести въ душѣ столь пріятнаго дрожанія, какое веселіе получаетъ отъ нечаянности. Вѣдай что, предузнанная гибель, отнимаетъ безвременно спокойствіе, отравляетъ утѣхи, ими же наслаждался бы, если бы скончанія ихъ не предузналъ. Чего ищеши, чадо безразсудное? Премудрость моя все нужное насадила въ разумѣ твоемъ и сердцѣ. Вопроси ихъ во дни печали, и обрящешь утѣшителей. Вопроси ихъ во дни радости, и найдешь обуздателей наглаго счастія. Возвратись въ домъ свой, возвратись къ семьѣ своей; успокой востревоженныя мысли; вниди во внутренность свою, тамъ обрящешь мое Божество, тамъ услышишь мое вѣщаніе.—И трескъ сильнаго удара гремящаго во власти Перуна раздался въ долинахъ далеко.—Я опомнился. — Достигъ вершины горы, и узрѣвъ церковь, возвелъ я руки на небо. Господи, возопилъ я, се храмъ твой, се храмъ вѣщаетъ истиннаго, единаго Бога! На мѣстѣ семъ, на мѣстѣ Твоего нынѣ пребыванія, повѣствуютъ, стоялъ храмъ заблужденія. Но не могу повѣрить, о Всесильный! чтобы человѣкъ, мольбу сердца своего возсылалъ ко другому какому либо существу, а не къ Тебѣ. Мощная десница Твоя, невидимо всюду простертая, и самаго отрицателя всемогущія воли Твоея, нудитъ признавати природы строителя и содержателя. Если смертный въ заблужденіи своемъ, странными, непристойными и звѣрскими нарицаетъ Тебя именованіями, почитаніе его однако же стремится къ Тебѣ предвѣчному, и онъ трепещетъ предъ твоимъ могуществомъ. Егова, Юпитеръ, Брама; Богъ Авраама, Богъ Моисея, Богъ Конфуція, Богъ Зороастра, Богъ Сократа, Богъ Марка Аврелія, Богъ христіанъ, о Богъ мой! Ты единъ повсюду! Если въ заблужденіи своемъ смертные, казалося, не Тебя чтили единаго; но боготворили они Твои несравненныя силы, Твои неуподобляемыя дѣла. Могущество Твое вездѣ и во всемъ ощущаемое, было вездѣ и во всемъ покланяемо. Безбожникъ, Тебя отрицающій, признавая природы законъ непремѣнный, Тебѣ же приноситъ тѣмъ хвалу, хваля Тебя паче нашего пѣснопѣнія. Ибо проникнутый до глубины своея, изящностію твоего творенія, ему предстоитъ трепетенъ.—Ты ищешь, Отецъ всещедрый, искренняго сердца и души непорочной: они отверсты вездѣ на Твое пришествіе. Сниди Господи и воцарися въ нихъ.—И пребылъ я нѣсколько мгновеній отриновенъ окрестныхъ мнѣ предметовъ, низшедъ во внутренность мою глубоко. — Возвелъ потомъ очи мои, обративъ взоры на близь стоящія селенія; се хижины уничиженія, вѣщалъ я, на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда градъ великій гордыя возносилъ свои стѣны. Ни малѣйшаго даже

признака оныхъ не осталося. Разсудокъ претитъ имѣти вѣру и самой повѣсти; столь жаждущъ онъ убѣдительныхъ и чувственныхъ доводовъ.—И все, что зримъ, прейдетъ; все рушится, все будетъ прахъ. Но нѣкій тайный гласъ вѣщаетъ мнѣ, пребудетъ нѣчто во вѣки живо.

Съ теченіемъ временъ, всѣ звѣзды помрачатся,
Померкнетъ солнца блескъ; природа обвѣтшавъ
Лѣтъ дряхлостью, падетъ.
Но Ты, во юности безсмертной процвѣтешь,
Незыблимый, среди сраженія стихіевъ,
Развалинъ вещества, міровъ всѣхъ разрушенья *).

---

*) Смерть Катонова, трагедія Еддесонова. Дѣйст. V. Явл. 1.

ЗАЙЦОВО.

—

Въ Зайцовѣ на почтовомъ дворѣ нашелъ я давнишняго моего пріятеля г. Крестьянкина. Я съ нимъ знакомъ былъ съ ребячества. Рѣдко мы бывали въ одномъ городѣ; но бесѣды наши хотя не часты, были однакоже откровенны. Г. Крестьянкинъ долго находился въ военной службѣ, и наскучивъ жестокостями оной, а особливо во время войны, гдѣ великія насилія именемъ права войны прикрываются, перешелъ въ статскую. По несчастію его, и въ статской службѣ не избѣгнулъ того, отъ чего оставляя военную, удалиться хотѣлъ. Душу онъ имѣлъ очень чувствительную и сердце человѣколюбивое. Дознанныя его столь превосходныя качества доставили ему мѣсто предсѣдателя уголовной палаты. Сперва не хотѣлъ онъ на себя принять сего званія, но помысливъ нѣсколько, сказалъ онъ мнѣ: мой другъ, какое обширное поле отверзается мнѣ на удовлетвореніе любезнѣйшей склонности моея души! какое упражненіе для мягкосердія! Сокрушимъ скипетръ жестокости, которой столь часто тягчитъ рамена невинности; да опустѣютъ темницы, и да не узритъ ихъ оплошливая слабость, нерадивая неопытность, и случай во злодѣяніе да не вмѣнится николи. О мой другъ! исполненіемъ моея должности источу слезы родителей о чадахъ, воздыханія супруговъ; но слезы сіи будутъ слезы обновленія во благо. Но изсякнутъ слезы страждущей невинности и простодушія. Колико мысль сія меня восхищаетъ. Пойдемъ, ускоримъ отъѣздъ мой. Можетъ быть, скорое прибытіе мое тамъ нужно. Замедля, могу быть убійцею, не предупреждая заключенія или обвиненія прощеніемъ или разрѣшеніемъ отъ узъ.

Съ таковыми мыслями поѣхалъ пріятель мой къ своему мѣсту. Сколь же много удивился я, узнавъ отъ него, что онъ оставилъ службу, и намѣренъ жить всегда въ отставкѣ. Я думалъ мой другъ, говорилъ мнѣ г. Крестьянкинъ, что услаждающую разсудокъ и обильную найду жатву въ исполненіи моея должности. Но вмѣсто того нашелъ я въ оной желчь и терніе. Теперь наскучивъ оною, не въ силахъ будучи дѣлать добро, оставилъ мѣсто истинному хищному звѣрю. Въ короткое время онъ заслужилъ похвалу скорымъ рѣшеніемъ залежавшихся дѣлъ; а я прослылъ копоткимъ. Иные почитали меня иногда мздоимцемъ, за то, что не спѣшилъ отягчить жребія несчастныхъ, впадающихъ въ преступленіе нерѣдко по неволѣ. До вступленія моего въ статскую службу, пріобрѣлъ я лестное для меня названіе человѣколюбиваго начальника. Теперь самое то же качество, коимъ сердце мое толико гордилося, теперь почитаютъ послабленіемъ или непозволительною попаровкою. Видѣлъ я рѣшенія мои осмѣянными въ томъ самомъ, что ихъ изящными дѣлало; видѣлъ ихъ оставляемыми безъ дѣйствія. Съ презрѣніемъ взиралъ, что для освобожденія дѣйствительнаго злодѣя и вреднаго обществу члена, или дабы наказать мнимыя преступленія, лишеніемъ имѣнія, чести, жизни, начальникъ мой будучи не въ силахъ меня преклонить на беззаконное очищеніе злодѣйства, или на обвиненіе невинности, преклонялъ къ тому моихъ сочленовъ, и нерѣдко я видѣлъ, благія мои распоряженія исчезавшими, яко дымъ въ пространствѣ воздуха. Они же, во мзду своего гнуснаго послушанія, получили почести, кои въ глазахъ моихъ столь же были тусклы, сколь ихъ прельщали своимъ блескомъ. Нерѣдко въ затруднительныхъ случаяхъ, когда увѣреніе въ невинности названнаго преступникомъ меня побуждало на мягкосердіе, я прибѣгалъ къ закону, дабы искати въ немъ подпору моей нерѣшимости, но часто въ немъ находилъ вмѣсто человѣколюбія жестокость, которая начало свое имѣла не въ самомъ законѣ, но въ его обветшалости. Несоразмѣрность наказанія преступленію часто извлекала у меня слезы. Я видѣлъ (да и можетъ ли быть иначе), что законъ судитъ о дѣяніяхъ, не касаяся причинъ оныя производившихъ. И послѣдній случай, къ таковымъ дѣяніямъ относящійся, понудилъ меня оставить службу. Ибо не возмогши спасти невинныхъ, мощною судьбы рукою, въ преступленіе вовлеченныхъ, я не хотѣлъ быть участникомъ въ ихъ казни. Не возмогши облегчить ихъ жребія, омылъ

руки мои въ моей невинности, и удалился жестокосердія.

Въ губерніи нашей жилъ одинъ дворянинъ, который за нѣсколько уже лѣтъ оставилъ службу. Началъ службу свою при дворѣ истопникомъ, произведенъ лакеемъ, камерлакеемъ, потомъ мундшендкомъ. Какія достоинства надобны для прехожденія сихъ степеней придворныя службы, мнѣ неизвѣстно. Но знаю то, что онъ вино любилъ до послѣдняго издыханія. Пробывъ въ мундшенкахъ лѣтъ 15, отосланъ былъ въ герольдію, для опредѣленія по его чину. Но онъ чувствуя свою неспособность къ дѣламъ, выпросился въ отставку, и награжденъ чиномъ коллежскаго асессора, съ которымъ онъ пріѣхалъ въ то мѣсто гдѣ родился, то есть въ нашу губернію, лѣтъ шесть тому назадъ. Отличная привязанность къ своей отчизнѣ нерѣдко основаніе имѣетъ въ тщеславіи. Человѣкъ низкаго состоянія, добившійся въ знатность, или бѣднякъ, пріобрѣтшій богатство, сотрясши всю стыдливости застѣнчивость, послѣдній и слабѣйшій корень добродѣтели, предпочитаетъ мѣсто своего рожденія на распростертіе своея пышности и гордыни. Тамъ скоро асессоръ нашелъ случай купить деревню, въ которой поселился съ немалою своею семьею. Если бы у насъ родился Гогардъ, то бы обильное нашелъ поле на карикатуры въ семействѣ г. асессора. Но я худой живописецъ; или если бы я могъ въ чертахъ лица читать внутренности человѣка, съ Лафатеровою проницательностію, то бы и тогда картина асессоровой семьи была примѣчанія достойна. Не имѣя сихъ свойствъ, заставлю вѣщать ихъ дѣянія, кои всегда истинныя суть черты душевнаго образованія.

Г. асессоръ произошедъ изъ самаго низкаго состоянія, зрѣлъ себя повелителемъ нѣсколькихъ сотеиъ себѣ подобныхъ. Сіе вскружило ему голову. Не одинъ онъ жаловаться можетъ, что употребленіе власти вскружаетъ голову. Онъ себя почелъ высшаго чина, крестьянъ почиталъ скотами, данными ему (едва не думалъ ли онъ, что власть его надъ ними отъ Бога проистекаетъ), да употреблялъ ихъ въ работу по произволенію. Онъ былъ корыстолюбивъ, копилъ деньги, жестокъ отъ природы, вспыльчивъ, подлъ, а по тому надъ слабѣйшими его надмѣненъ. Изъ сего судить можешь, какъ онъ обходился съ крестьянами. Они у прежняго помѣщика были на оброкѣ, онъ ихъ посадилъ на пашню; отнялъ у нихъ всю землю, скотину всю у нихъ купилъ, по цѣнѣ какую самъ опредѣлилъ, заставилъ работать всю недѣлю на себя, а дабы они не умирали съ голоду, то кормилъ ихъ на господскомъ дворѣ, и то по одному разу въ день, а инымъ давалъ изъ милости мѣсячину. Если который казался ему лѣнивъ, то сѣкъ розгами, плетьми, батожьемъ, или кошками, смотря по мѣрѣ лѣности; за дѣйствительныя преступленія, какъ то кражу, не у него, но у постороннихъ, не говорилъ ни слова. Казалося, будто хотѣлъ въ деревнѣ своей возобновить нравы древняго Лакедемона или Запорожской сѣчи. Случилось, что мужики его для пропитанія на дорогѣ ограбили проѣзжаго, другаго потомъ убили. Онъ ихъ въ судъ за то не отдалъ, но скрылъ ихъ у себя, объявя правительству, что они бѣжали; говоря, что ему прибыли не будетъ, если крестьянина его высѣкутъ кнутомъ и сошлютъ въ работу за злодѣяніе. Если кто изъ крестьянъ что нибудь укралъ у него, то онъ сѣкъ какъ за лѣность, или за дерзкой или остроумный отвѣтъ, но сверхъ того надѣвалъ на ноги колодки, кандалы, а на шею рогатку. Много бы могъ я тебѣ разсказать его мудрыхъ распоряженій; но сего довольно для познанія моего ироя. Сожительница его полную власть имѣла надъ бабами. Помощниками въ исполненіи ея велѣній, были ея сыновья и дочери, какъ то и у ея мужа. Ибо сдѣлали они себѣ правиломъ, что бы ни для какой нужды крестьянъ отъ работы не отвлекать. Во дворѣ людей было, одинъ мальчикъ, купленный имъ въ Москвѣ, парикмахеръ дочерьнинъ; да повариха старуха. Кучера у нихъ не было, ни лошадей; разъѣзжалъ всегда на пахотныхъ лошадяхъ. Плетьми или кошками сѣкли крестьянъ сами сыновья. По щекамъ били, или за волосы таскали бабъ и дѣвокъ дочери. Сыновья въ свободное время ходили по деревнѣ или въ полѣ, играть и безчинничать съ дѣвками и бабами, и никакая не избѣгала ихъ насилія. Дочери, не имѣя жениховъ, вымещали свою скуку надъ прядильницами, изъ которыхъ онѣ многихъ изувѣчили. Суди самъ, мой другъ, какой конецъ могъ быть таковымъ поступкамъ. Я примѣтилъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, что русскій народъ очень терпѣливъ, и терпитъ до самой крайности; но когда конецъ положитъ своему терпѣнію, то ничто не можетъ его удержать, чтобы не преклонился на жестокость. Сіе самое и случилось

съ асессоромъ. Случай къ тому подалъ неистовой и безпутной или лучше сказать звѣрской поступокъ одного изъ его сыновей.

Въ деревнѣ его была крестьянская дѣвка, недурна собою, сговоренная за молодаго крестьянина той же деревни. Она понравилась среднему сыну ассессора, который употребилъ все возможное, чтобы ее привлечь къ себѣ въ любовь; но крестьянка вѣрна пребывала въ данномъ жениху ея обѣщаніи, что хотя рѣдко въ крестьянствѣ случается, но возможно. Въ воскресенье должно было быть свадьбѣ. Отецъ жениха, по введенному у многихъ помѣщиковъ обычаю, пошелъ съ сыномъ на господскій дворъ, и понесъ повѣнечные два пуда меду къ своему господину. Сію то послѣднюю минуту дворянчикъ и хотѣлъ употребить на удовлетвореніе своея страсти. Взялъ съ собою обоихъ своихъ братьевъ, и вызвавъ невѣсту, чрезъ посторонняго мальчика на дворъ, потащилъ ее въ клѣть, зажавъ ей ротъ. Не будучи въ силахъ кричать, она сопротивлялася всѣми силами звѣрскому намѣренію своего молодаго господина. Наконецъ превозможенная всѣми тремя, принуждена была уступить силѣ, и уже сіе скаредное чудовище начиналъ исполненіемъ умышленное, какъ женихъ, возвратившись изъ господскаго дома, вошелъ на дворъ, и увидя одного изъ господчиковъ у клѣти, усумнился о ихъ зломъ намѣреніи. Кликнувъ отца своего къ себѣ на помощь, онъ быстрѣе молніи полетѣлъ ко клѣти. Какое зрѣлище представилося ему. При его приближеніи затворилась клѣть; но совокупныя силы двухъ братьевъ не мощны были удержать стремленія разъяреннаго жениха. Онъ схватилъ близь лежащій колъ, и вскоча въ клѣть, ударилъ вдоль спины хищника своея невѣсты. Они было хотѣли его схватить, но видя отца женихова бѣгущаго съ коломъ же на помощь, оставили свою добычу, выскочили изъ клѣти и побѣжали. Но женихъ, догнавъ одного изъ нихъ ударилъ его коломъ по головѣ и ее проломилъ. Сіи злодѣи, желая отмстить свою обиду, пошли прямо къ отцу, и сказали ему, что ходя по деревнѣ, они встрѣтились съ невѣстою, съ ней пошутили; что увидя женихъ ея началъ ихъ бить, будучи вспомогаемъ своимъ отцомъ. Въ доказательство, показывали проломленную у одного изъ братьевъ голову. Раздраженный до внутренности сердца болѣзнію своего рожденія, отецъ воскипѣлъ гнѣвомъ ярости. Не медля велѣлъ привести предъ себя всѣхъ трехъ злодѣевъ, такъ онъ называлъ жениха, невѣсту и отца женихова. Представшимъ имъ предъ него, первой вопросъ его былъ о томъ, кто проломилъ голову его сыну. Женихъ въ сдѣланномъ не отперся, разсказалъ все происшествіе. Какъ ты дерзнулъ, говорилъ старой ассессоръ, поднять руку на твоего господина? А хотя бы онъ съ твоею невѣстою и ночь переспалъ наканунѣ твоея свадьбы, то ты ему за то долженъ быть благодаренъ. Ты на ней не женишься; она у меня останется въ домѣ, а вы будите наказаны. По таковомъ рѣшеніи, жениха велѣлъ онъ сѣчь кошками немилосердо, отдавъ его въ волю своихъ сыновей. Побои вытерпѣлъ онъ мужественно; не робкимъ духомъ смотрѣлъ, какъ начали надъ отцемъ его то же производить истязаніе. Но не могъ вытерпѣть, какъ онъ увидѣлъ, что невѣсту господскія дѣти хотѣли вести въ домъ. Наказаніе происходило на дворѣ. Въ одно мгновеніе, выхватилъ онъ ее изъ рукъ ее похищающихъ, и освобожденные побѣжали оба со двора. Сіе видя барскіе сыновья перестали сѣчь старика, и побѣжали за ними въ погоню. Женихъ видя, что они его настигать начали, выхватилъ заборину, и сталъ защищаться. Между тѣмъ, шумъ привлекъ другихъ крестьянъ ко двору господскому. Они соболѣзнуя о участи молодаго крестьянина, и имѣя сердце озлобленное противъ своихъ господъ, его заступили. Видя сіе ассессоръ, подбѣжавъ самъ, началъ ихъ бранить и перваго кто встрѣтился ударилъ своею тростію столь сильно, что упалъ безчувственъ на землю. Сіе было сигналомъ къ общему наступленію. Они окружили всѣхъ четверыхъ господъ, и коротко сказать, убили ихъ до смерти на томъ же мѣстѣ. Толико ненавидѣли они ихъ, что ни одинъ не хотѣлъ миновать, что бы не быть участникомъ въ семъ убійствѣ, какъ то они сами послѣ признались. Въ самое то время, случилося ѣхать тутъ исправнику той округи, съ командою. Онъ былъ частію очевиднымъ свидѣтелемъ сему произшествію. Взявъ виновныхъ подъ стражу, а виновныхъ была половина деревни, произвелъ слѣдствіе, которое постепенно дошло до уголовной палаты. Дѣло было выведено очень ясно, и виновные во всемъ признавалися; въ оправданіе свое приводя только мучительскіе поступки своихъ господъ, о которыхъ уже вся губернія была извѣстна. Таковому дѣлу, я обязанъ былъ по долгу моего

званія положить окончательно рѣшеніе, приговорить виновныхъ къ смерти и вмѣсто оной къ торговой казни и вѣчной работѣ.

Разсматривая сіе дѣло, я не находилъ достаточной и убѣдительной причины къ обвиненію преступниковъ. Крестьяне убившіе господина своего были смертоубійцы. Но смертоубійство сіе не было ли принужденно? Не причиною ли онаго самъ убойтой ассессоръ? Если въ ариѳметикѣ изъ двухъ данныхъ числъ третіе слѣдуетъ непрекословно; то и въ семъ происшествіи слѣдствіе было необходимо. Невинность убійцъ, для меня по крайней мѣрѣ, была математическая ясность. Если идущу мнѣ, нападетъ на меня злодѣй, и вознесши надъ главою моею кинжалъ, возхочетъ меня имъ пронзить; убійцею ли я почтуся, если я предупрежду его въ его злодѣяніи, и бездыханнаго его къ ногамъ моимъ повергну. Если нынѣшняго вѣка скосырь, правлекшій должное на себя презрѣніе, восхочетъ оное на мнѣ отомстить, и встрѣтясь со мною въ уединенномъ мѣстѣ, вынувъ шпагу сдѣластъ на меня нападеніе, да лишитъ меня жизни или по крайней мѣрѣ да уязвитъ меня; виновенъ ли я буду, если извлекши мой мечъ на защищеніе мое, я избавлю общество отъ тревожущаго спокойствіе его члена! Можно ли почесть дѣяніе, оскорбляющимъ сохранность члена общественнаго, если я исполню его для моего спасенія, если оно предупредитъ мою пагубу, если безъ того благосостояніе мое будетъ плачевно на вѣки.

Исполненъ таковыми мыслями, можешь самъ вообразить, терзаніе души моей, при разсмотрѣніи сего дѣла. Съ обыкновенною откровенностію, сообщилъ я мои мысли моимъ сочленамъ. Всѣ возопили противъ меня единымъ гласомъ. Мягкосердіе и человѣколюбіе почитали они виновнымъ защищеніемъ злодѣяній; называли меня поощрителемъ убійства; называли меня сообщникомъ убійцевъ. По ихъ мнѣнію, при распространеніи моихъ вредныхъ мнѣній, исчезнетъ домашняя сохранность. Можетъ ли дворянинъ, говорили они, отъ нынѣ жить въ деревнѣ покоенъ? Можетъ ли онъ видѣть велѣнія его исполняемы? Если ослушники воли господина своего, а паче его убійцы, невинными признаваемы будутъ, то повиновеніе прервется, связь домашняя рушится, будетъ паки хаосъ въ начальныхъ обществахъ обитающій. Земледѣліе умретъ, орудія его сокрушатся, нива запустѣетъ и безплоднымъ поростетъ злакомъ; поселяне, не имѣя надъ собою власти, скитаться будутъ въ лѣности, тунеядствѣ и разъидутся. Города почувствуютъ властнодержавную десницу разрушенія. Чуждо будетъ гражданамъ ремесло, рукодѣліе скончаетъ свое прилежаніе и рачительность, торговля изсякнетъ въ источникѣ своемъ, богатство уступитъ мѣсто скаредной нищетѣ, великолѣпнѣйшія зданія обвѣтшаютъ, законы затмятся и поростутъ недѣйствительностію. Тогда огромное сложеніе общества начнетъ валиться на части и издыхати въ отдаленности отъ цѣлаго; тогда престолъ царскій, гдѣ нынѣ опора, крѣпость и сопряженіе общества зиждутся, обвѣтшаетъ и сокрушится; тогда владыка народовъ почтется простымъ гражданиномъ, и общество узритъ свою кончину. Сію, достойную адскія кисти картину, тщилися мои сотоварищи предлагать взорамъ всѣхъ, до кого слухъ о семъ дѣлѣ доходилъ. Предсѣдателю нашему, вѣщали они, сродно защищать убійство крестьянъ. Спросите, какого онъ происхожденія? Если не ошибаемся, онъ самъ въ молодости своей изволилъ ходить за сохою. Всегда новостатейные сіи дворянчики странныя имѣютъ понятія, о природномъ надъ крестьянами дворянскомъ правѣ. Если бы отъ него зависѣло, онъ бы, думаемъ, всѣхъ насъ поверсталъ въ однодворцы, дабы тѣмъ уравнять съ нами свое происхожденіе. Такими то словами, мнили сотоварищи мои, оскорбить меня и ненавистнымъ сдѣлать всему обществу. Но симъ не удовольствовались. Говорили, что я пріялъ мзду отъ жены убитаго ассессора, да не лишится она крестьянъ своихъ, отсылкою ихъ въ работу, и что сія то истинная была причина страннымъ и вреднымъ моимъ мнѣніямъ, права всего дворянства вообще оскорбляющимъ. Несмысленные думали, что посмѣяніе ихъ меня уязвитъ, что клевета поругаетъ, что лживое представленіе добраго намѣренія отъ онаго меня отвлечетъ! Сердце мое имъ было неизвѣстно. Не знали они, что нетрепетенъ всегда предстою собственному моему суду, что ланиты мои не рдѣли багровымъ румянцемъ совѣсти.

Мздоимство мое основали они на томъ, что ассессорша за мужнину смерть мстить не желала, а сопровождаема своею корыстію, и слѣдуя правиламъ своего мужа, желала крестьянъ избавить отъ наказанія, дабы не лишиться своего имѣнія, какъ то она говорила. Съ таковою просьбою она пріѣзжала и ко мнѣ. На прощеніе за убіеніе ея

мужа я съ ней былъ согласенъ; но разнствовали мы въ побужденіяхъ. Она увѣряла меня, что сама довольно ихъ накажетъ; а я увѣрялъ ее, что оправдывая убійцевъ ея мужа, не надлежало ихъ подвергать болѣе той же крайности, дабы паки не были злодѣями, какъ то ихъ называли несвойственно.

Скоро намѣстникъ извѣстенъ сталъ о моемъ по сему дѣлу мнѣніи, извѣстенъ, что я старался преклонить сотоварищей моихъ на мои мысли, и что они начинали колебаться въ своихъ разсужденіяхъ; къ чему однако же не твердость и убѣдительность моихъ доводовъ способствовали, но деньги ассессорши. Будучи самъ воспитанъ въ правилахъ неоспоримой надъ крестьянами власти, съ моими разсужденіями онъ не могъ быть согласенъ, и вознегодовалъ усмотрѣвъ, что они начинали въ сужденіи сего дѣла преимуществовать, хотя ради различныхъ причинъ. Посылаетъ онъ за моими сочленами, увѣщеваетъ ихъ, представляетъ гнусность такихъ мнѣній, что они оскорбительны для дворянскаго общества, что оскорбительны для верховной власти, нарушая ея законоположенія; обѣщаетъ награжденіе исполняющимъ законъ, претя мщеніемъ неповинующимся оному; и скоро сихъ слабыхъ судей не имѣющихъ ни правилъ въ размышленіяхъ, ни крѣпости духа, преклоняетъ на прежнія ихъ мнѣнія. Не удивился я увидѣвъ въ нихъ перемѣну, ибо не дивился и прежде въ нихъ воспослѣдовавшей. Сродно хвилымъ, робкимъ и подлымъ душамъ содрогаться отъ угрозы власти, и радоваться ея привѣтствію.

Намѣстникъ нашъ, превративъ мнѣнія моихъ сотоварищей, вознамѣрился и ласкалъ себя, можетъ быть, превратить и мое. Для сего намѣренія позвалъ меня къ себѣ, по утру въ случившійся тогда праздникъ. Онъ принужденъ былъ меня позвать, ибо я не хаживалъ никогда на сіи безразсудныя поклоненія, которыя гордость почитаетъ въ подчиненныхъ должностію, лесть нужными, а мудрецъ мерзительными и человѣчеству поносными. Онъ избралъ нарочно день торжественной, когда у него много людей было въ собраніи; избралъ нарочно для слова своего публичное собраніе, надѣяся, что тѣмъ разительнѣе убѣдить меня. Онъ надѣялся найти во мнѣ или боязнь души, или слабость мыслей. Противъ того и другаго устремилъ онъ свое слово. Но я за нужное не нахожу пересказывать тебѣ все то, чѣмъ надмѣнность, ощущеніе власти, и предъубѣжденіе къ своему проницанію и учености, одушевляло его витійство. Надмѣнности его отвѣтствовалъ я равнодушіемъ и спокойствіемъ, власти непоколебимостію, доводамъ доводами, и долго говорилъ хладнокровно. Но наконецъ содрогшееся сердце разліяло свое избыточество. Чѣмъ больше видѣлъ я угожденіи въ предстоящихъ, тѣмъ порывистѣе становился мой языкъ. Незыблемымъ гласомъ и звонкимъ произношеніемъ возопилъ я наконецъ сице. Человѣкъ родится въ міръ равенъ во всемъ другому. Всѣ одинаковые имѣемъ члены, всѣ имѣемъ разумъ и волю. Слѣдственно, человѣкъ безъ отношенія къ обществу, есть существо ни отъ кого независящее въ своихъ дѣяніяхъ. Но онъ кладетъ онымъ преграду, согласуется не во всемъ своей единой повиноваться волѣ, становится послушенъ велѣніямъ себѣ подобнаго, словомъ становится гражданиномъ. Какія же ради вины, обуздываетъ онъ свои хотѣнія? по что поставляетъ надъ собою власть? по что безпредѣленъ въ исполненіи своея воли, послушанія чертою оную ограничиваетъ? Для своея пользы скажетъ разсудокъ; для своея пользы скажетъ внутреннее чувствованіе; для своея пользы скажетъ мудрое законоположеніе. Слѣдственно, гдѣ нѣтъ его пользы быть гражданиномъ, тамъ онъ и не гражданинъ. Слѣдственно тотъ, кто восхощетъ его лишить пользы гражданскаго званія, есть его врагъ. Противъ врага своего, онъ защиты и мщенія ищетъ въ законѣ. Если законъ, или не въ силахъ его заступить, или того не хочетъ, или власть его неможетъ мгновенное, въ предстоящей бѣдѣ дать вспомоществованіе, тогда пользуется гражданинъ природнымъ правомъ защищенія, сохранности благосостоянія. Ибо гражданинъ, становяся гражданиномъ, не перестаетъ быть человѣкомъ, коего первая обязанность, изъ сложенія его происходящая, есть собственная сохранность, защита, благосостояніе. Убіенной крестьянами ассессоръ нарушилъ въ нихъ право гражданина своимъ звѣрствомъ. Въ то мгновеніе, когда онъ потакалъ насилію своихъ сыновей, когда онъ къ болѣзни сердечной супруговъ присовокуплялъ поруганіе, когда на казнь подвигался, видя сопротивленіе своему адскому властвованію; тогда законъ, стрегущій гражданина былъ въ отдаленности, и власть его тогда была неощутительна; тогда возрождался законъ природы, и власть обиженнаго гражданина, не отъемлемая

закономъ положительнымъ въ обидѣ его, приходила въ дѣйствительность, и крестьяне убившіе звѣрскаго ассессора, въ законѣ обвиненія не имѣютъ. Сердце мое ихъ оправдаетъ, опираяся на доводахъ разсудка, и смерть ассессора хотя насильственная, есть правильна. Да не возмнитъ кто либо искать въ благоразуміи политики, въ общественной тишинѣ довода къ осужденію на казнь убійцевъ, въ злобѣ духъ испустившаго ассессора. Гражданинъ, въ какомъ бы состояніи небо родится ему ни судило, есть и пребудетъ всегда человѣкъ; а доколѣ онъ человѣкъ, право природы, яко обильный источникъ благъ, въ немъ не изсякнетъ никогда; и тотъ, кто дерзнетъ его уязвить въ природной и ненарушимой собственности, тотъ есть преступникъ. Горе ему если законъ гражданскій его не накажетъ. Онъ замѣченъ будетъ чертою мерзѣнія въ своихъ согражданахъ, и всякъ имѣяй довольно силъ, да отмститъ на немъ обиду имъ содѣланную.— Умолкъ. Намѣстникъ не говорилъ мнѣ ни слова; изрѣдка подымалъ на меня поникшіе взоры, гдѣ господствовала ярость безсилія и мести злоба. Всѣ молчали въ ожиданіи, что оскорбитель всѣхъ правъ, я взятъ буду подъ стражу. Изрѣдка изъ устъ раболѣпія слышалося журчаніе негодованія. Всѣ отвращали отъ меня свои очи. Казалося, что близь стоящихъ меня объялъ ужасъ. Непримѣтно удалилися они, какъ отъ зараженнаго смертоносною язвою. Наскучивъ зрѣлищемъ толикаго смѣшенія гордыни съ нижайшею подлостію, я удалился изъ сего собранія льстецовъ.

Ненашедъ способовъ спасти невинныхъ убійцъ, въ сердце моемъ оправданныхъ, я не хотѣлъ быть ни сообщникомъ въ ихъ казни, ниже оной свидѣтелемъ; подалъ прощеніе объ отставкѣ, и получивъ ее, ѣду теперь оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія, и услаждать мою скуку обхожденіемъ съ друзьями.—Сказавъ сіе мы разсталися, и поѣхали всякъ въ свою сторону.—

Сей день путешествіе мое было неудачно; лошади были худы, выпрягались по минутно; наконецъ спускаяся съ небольшой горы, ось у кибитки переломилась и я далѣе ѣхать не могъ.—Пѣшкомъ ходить мнѣ въ привычку. Взявъ посошокъ, отправился я впередъ къ почтовому стану. Но прогулка по большой дорогѣ не очень пріятна для петербургскаго жителя, непохожа на гулянье въ лѣтнемъ саду или въ Баба; скоро она меня утомила и я принужденъ былъ сѣсть.

Между тѣмъ какъ я, сидя на камнѣ, чертилъ на пескѣ фигуры кой какія, нерѣдко кривобокія и кривоугольныя, думалъ я и то и сіе, скачетъ мимо меня коляска. Сидящей въ ней увидѣвъ меня велѣлъ остановиться—и я въ немъ узналъ моего знакомаго.—Что ты дѣлаешь? сказалъ онъ мнѣ.—Думу думаю. Времени довольно мнѣ на размышленіе; ось переломилась. Что новаго?—Старая дрянь. Погода по вѣтру, то слякоть, то ведро. А!... Вотъ новинькое, Дурындинъ женился.—Неправда. Ему уже лѣтъ съ восемдесятъ.—Точно такъ. Да вотъ къ тебѣ письмо... Читай на досугѣ; а мнѣ нужно поспѣшать. Прости,—и разстались.

Письмо было отъ моего пріятеля. Охотникъ до всякихъ новостей, онъ обѣщалъ меня въ отсутствіи снабжать оными, и сдержалъ слово. Между тѣмъ, къ кибиткѣ моей поддѣлали новую ось, которая по щастію была въ запасѣ.—Ѣдучи я читалъ:

Петербургъ.

Любезный мой!

На сихъ дняхъ совершился здѣсь бракъ между 78 лѣтнимъ молодцомъ и 62 лѣтней молодкою Причину толь престарѣлому спаренію отгадать тебѣ трудненько, если оной не скажу. Распусти уши, мой другъ, и услышишъ.—Госпожа Ш... витязь въ своемъ родѣ непослѣдній, 62 лѣтъ, вдова съ 25 лѣтняго своего возраста. Была за мужемъ за купцомъ неудачно торговавшимъ; лицомъ смазлива; оставшись послѣ мужа бѣдною сиротою, и вѣдая о жестокосердіи собратій своего мужа, не захотѣла прибѣгнуть къ прошенію надмѣнной милостыни, но за благо разсудила кормиться своими трудами. Доколѣ красота юности водилась на ея лицѣ, во всегдашней была работѣ, и щедрую получала отъ охотниковъ плату. Но сколь скоро примѣтила, что красота ея начинала увядать, и любовныя заботы уступили мѣсто скучливому одиночеству, то взялась она за умъ, и ненаходя больше покупщиковъ на обветшалыя свои прелѣсти, начала торговать чужими, которыя если не всегда имѣли достоинство красоты, имѣли хотя достоинство новости. Симъ способомъ, наживъ себѣ нѣсколько тысячъ, она съ честію изъялась изъ презрительнаго обще-

ства сводѣнъ, и начала въ ростъ отдавать деньги, своимъ и чужимъ безстыдствомъ нажитыя. По времени забыто прежнее ея ремесло; и бывшая сводня стала, нужная въ обществѣ мотовъ тварь. Проживъ покойно до 62 лѣтъ, нелегкая надоумила ее собраться за мужъ. Всѣ ея знакомые тому дивятся. Пріятельница ея ближняя Н... пріѣхала къ ней.—Слухъ носится, душа моя, говоритъ она посѣдѣлой невѣстѣ, что ты собралась замужъ. Мнѣ кажется солгано. Какой нибудь насмѣшникъ выдумалъ сію басню.

Ш.) Правда совершенная. Завтра сговоръ, пріѣзжай пировать съ нами.

Н.) Ты съ ума сошла. Неужели старая кровь разъигралась; неужели какой молокососъ подбился къ тебѣ подъ крылышко?

Ш.) Ахъ матка моя! не къ статѣ ты меня наравнѣ съ молодыми щитаешь вѣтреницами. Я мужа беру по себѣ...

Н.) Да то я знаю, что придетъ по тебѣ. Но вспомни, что уже насъ любить нельзя и не для чего, развѣ для денегъ.

Ш.) Я такого не возьму, которой бы мнѣ могъ измѣнить. Женихъ мой меня старѣе 16 годами.

Н.) Ты шутишь!

Ш.) По чести правда: баронъ Дурындинъ.

Н.) Нельзя этому статься.

Ш.) Пріѣзжай завтра къ вечеру; ты увидишь, что лгать не люблю.

Н.) А хотя и такъ, вѣдь онъ не на тебѣ женится, но на твоихъ деньгахъ.

Ш.) А кто ему ихъ дастъ? Я въ первую ночь такъ не обезумѣю, чтобы ему отдать все мое имѣніе; уже то время давно прошло. Табакерочка золотая, пряжки серебреныя, и другая дрянь оставшаяся у меня въ закладѣ, которой съ рукъ нельзя сбыть. Вотъ весь барышъ любезнаго моего женишка. А естли онъ неугомонно спитъ, то сгоню съ постели

Н.) Ему хоть табакерочка перепадетъ, а тебѣ въ немъ что проку?

Ш.) Какъ, матка? Сверхъ того, что въ нынѣшнія времена, не худо имѣть хорошій чинъ, что меня называть будутъ; ваше высокородіе, а кто поглупѣе, ваше превосходительство; но будетъ таки кто нибудь, съ кѣмъ въ долгіе зимніе вечера можно хоть поиграть въ бирюльки. А нынѣ сиди, сиди, все одна; да и того удовольствія не имѣю, когда чхну, чтобъ кто говорилъ: здравствуй. А какъ мужъ будетъ свой, то какой бы насморкъ ни былъ, все слышать буду: здравствуй мой свѣтъ, здравствуй моя душенька...

Н.) Прости, матушка.

Ш.) Завтра сговоръ, а черезъ недѣлю свадьба.

Н.) Уходитъ).

Ш.) Чхаетъ). Небось не воротится. То ли дѣло, какъ мужъ свой будетъ.

Не дивись мой другъ! на свѣтѣ все колесомъ вертится. Сегодня умное, завтра глупое въ модѣ. Надѣюсь, что и ты много увидишь Дурындиныхъ. Если не женитьбою всегда они отличаются, то другимъ чѣмъ либо. А безъ Дурындиныхъ свѣтъ не простоялъ бы трехъ дней.

КРЕСТЬЦЫ.

—

Въ Крестьцахъ былъ я свидѣтелемъ разстанія у отца съ дѣтьми, которое меня тѣмъ чувствительнѣе тронуло, что я самъ отецъ и скоро можетъ быть съ дѣтьми разставаться буду. Нещастной предразсудокъ дворянскаго званія велитъ имъ идти въ службу. Одно названіе сіе приводитъ всю кровь въ необычайное движеніе! Тысячу противъ одного держать можно, что изо ста дворянчиковъ вступающихъ въ службу, 98 становятся повѣсами, а два подъ старость, или правильнѣе сказать два въ дряхлыя ихъ, хотя не старыя лѣта, становятся добрыми людьми. Прочіе происходятъ въ чины, расточаютъ или наживаютъ имѣніе и проч. — — — — Смотря иногда на большаго моего сына, и размышляя, что онъ скоро войдетъ въ службу, или другими сказать словами, что птичка вылетитъ изъ клѣтки, у меня волосы дыбомъ становятся. Не для того, чтобы служба сама по себѣ развращала нравы; но для того, чтобы со зрѣлыми нравами надлежало начинать службу.—Иной скажетъ: а кто такихъ молокососовъ толкаетъ въ шею. — Кто? Примѣръ общій. Штабъ офицеръ семнадцати лѣтъ; полковникъ двадцатилѣтній; генералъ двадцатилѣтній, камергеръ, сенаторъ, намѣстникъ, начальникъ войскъ. И какому отцу не захочется, чтобы дѣти его, хотя въ малолѣтствѣ были въ знатныхъ чинахъ, за которыми идутъ въ слѣдъ богатство, честь и разумъ.—Смотря на сына моего, представляется мнѣ: онъ началъ служить, познакомился съ вертопрахами, распутными, игроками, щеголями. Выучился чистенько наряжаться, играть въ карты, картами доставать прокормленіе, говорить обо всемъ ни чего не мысля, таскаться по дѣвкамъ, или врать чепуху барынямъ. Какимъ то образомъ фортуна, вертясь на курьей ножкѣ, приголубила его; и сынокъ мой, не брѣя еще бороды, сталъ знатнымъ бояриномъ. Возмечталъ онъ о себѣ, что умнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Чего добраго ожидать отъ такого полководца или градоначальника? — Скажи по истинѣ, отецъ чадолюбивый, скажи о истинный гражданинъ! не захочется ли тебѣ сынка твоего лучше удавить нежели отпустить на службу. Не больно ли сердцу твоему, что сынокъ твой, знатный бояринъ, презираетъ заслуги и достоинства, для того, что ихъ участь пресмыкаться въ стезѣ чиновъ, пронырства гнушаяся? Не возрыдаешь ли ты, что сынокъ твой любезной, съ пріятною улыбкою отнимать будетъ имѣніе, честь; отравлять и рѣзать людей, не своими всегда боярскими руками, но посредствомъ лапъ своихъ любимцевъ.

Крестицкой дворянинъ, казалося мнѣ, былъ лѣтъ пятидесяти. Рѣдкія сѣдины едва пробивалися сквозь свѣтлорусыя власы главы его. Правильныя черты лица его знаменовали души его спокойствіе, страстямъ неприступное. Нѣжная улыбка безмятежнаго удовольствія, незлобіемъ рождаемаго, изрыла ланиты его ямками, въ женщинахъ столь прельщающими; взоры его, когда я вошелъ въ ту комнату гдѣ онъ сидѣлъ, были устремлены на двухъ его сыновей. Очи его, очи благорастворенннаго разсудка, казалися подернуты легкою пленою печали; но искры твердости и упованія пролетали оную быстротечно. Предъ нимъ стояли два юноши, возраста почти равнаго, единымъ годомъ во времени рожденія, но не въ шествіи разума и сердца они разнствовали между собою. Ибо горячность родителя ускоряла во младшемъ развержение ума, а любовь братня умѣряла успѣхъ въ наукахъ во старшемъ. Понятія о вещахъ были въ нихъ равныя. правила жизни знали они равно, но остроту разума и движенія сердца природа въ нихъ насадила различно. Въ старшемъ взоры были тверды, черты лица незыбки, являли начатки души неробкой и непоколебимости въ предпріятіяхъ. Взоры младшаго были остры, черты лица шатки и непостоянны Но плавное движеніе оныхъ, необманчивый были знакъ благихъ совѣтовъ отчихъ.—На отца своего взирали они съ несвойственною имъ робостію, отъ горести предстоящей разлуки происходящею, а не отъ чувствованія надъ собою власти или начальства. — Рѣдкія капли слезъ точилися изъ ихъ очей.—Друзья мои, сказалъ отецъ, сегодня мы разстанемся — и обнявъ ихъ, прижалъ возрыдавшихъ къ перси своей.—Я уже нѣсколько

минутъ былъ свидѣтелемъ сего зрѣлища, стоя у дверей неподвиженъ, какъ отецъ обратясь ко мнѣ: будь свидѣтелемъ, чувствительный путешественникъ, будь свидѣтелемъ мнѣ передъ свѣтомъ, сколь тяжко сердцу моему исполнять державную волю обычая. Я отлучая дѣтей моихъ отъ бдящаго родительскаго ока, единственное къ тому имѣю побужденіе, да пріобрѣтутъ опытности, да познаютъ человѣка изъ его дѣянія. и наскучивъ гремленіемъ мірскаго житія да оставятъ его съ радостію; но да имутъ отишіе въ гоненіи, и хлѣбъ насущный въ скудости А для сего то остаюся я на нивѣ моей. Не даждь владыко всещедрый, не даждь имъ скитатися за милостынею вельможъ, и обрѣтати въ нихъ утѣшителя! Да будетъ соболѣзнуяй о нихъ, ихъ сердце; да будетъ имъ творяй благостыню, ихъ разсудокъ. — Возсядите, и внемлите моему слову, еже пребывати во внутренности душъ вашихъ долженствуетъ. — Еще повторю вамъ, сегодня мы разлучимся, — Съ неизреченнымъ услажденіемъ зрю слезы ваши, орошающія ланиты вашего лица. Да отнесетъ сіе души вашей зыбленіе, совѣтъ мой во святая ее, да восколеблется она при моемъ воспоминовеніи, и да буду отсутственъ, оградою вамъ отъ золъ и печалей.

Пріявъ васъ даже отъ чрева матерня въ объятія мои, не восхотѣлъ николи, что бы кто либо былъ рачителемъ въ исполненіяхъ, до васъ касающихся. Никогда, наемная рачительница не касалася тѣлеси вашего, и никогда, наемный наставникъ не коснулся вашего сердца и разума. Неусыпное око моея горячности бдѣло надъ вами денноночно, да не приблизится васъ оскорбленіе; и блаженъ нарицаюся, доведши васъ до разлученія со мною. Но не воображайте себѣ, чтобы я хотѣлъ исторгнуть изъ устъ вашихъ благодарность за мое о васъ попеченіе, или же признаніе, хотя слабое, ради васъ мною содѣланнаго. Вождаемъ собственныя корысти побужденіемъ, предпріемлемое на вашу пользу, имѣло всегда въ виду собственное мое услажденіе. И такъ изжените изъ мыслей вашихъ, что вы есте подъ властію моею. Вы мнѣ ни въ чѣмъ не обязаны. Не въ разсудкѣ, а меньше еще въ законѣ, хощу искати твердости союза нашего. Онъ оснуется на вашемъ сердцѣ. Горе вамъ, если его въ забвеніи оставите! Образъ мой преслѣдуя нарушителю союза нашея дружбы, поженетъ его въ сокровенности его, и устроитъ ему казнь несносную, дондеже невозвратится къ союзу. Еще вѣщаю вамъ, вы мнѣ ни чѣмъ не должны. Возрите на меня, яко на странника и пришельца, и если сердце ваше ко мнѣ ощутитъ нѣкую нѣжную наклонность, то поживемъ въ дружбѣ, въ семъ наивеличайшемъ на земли благоденствіи. — Если же оно безъ ощущенія пребудетъ — да забвени будемъ другъ друга, яко же намъ не родитеся. Даждь всещедрый, сего да не узрю, отошедъ въ нѣдра твоя сіе предваряяй! Не должны вы мнѣ ни за воскормленіе, ни за наставленіе. а меньше всего за рожденіе. — За рожденіе? — Участники были ли вы въ немъ? Вопрошаемы были да рождени будете? На пользу ли вашу родитися имѣли, или во вредъ? Извѣстенъ ли отецъ и мать, рождая сына своего, блаженъ будетъ въ житіи или злополученъ? Кто скажетъ, что вступая въ супружество, помышлялъ о наслѣдіи и потомкахъ; а если имѣлъ сіе намѣреніе, то блаженства ли ихъ ради, произвести ихъ желалъ, или же на сохраненіе своего имени. Какъ желать добра тому, кого не знаю, и что сіе? Добромъ назваться можетъ ли желаніе неопредѣленное, помаваемое неизвѣстностію? — Побужденіе къ супружеству покажетъ и вину рожденія. Прельщенный, душевною паче добротою матери вашея, нежели лѣпотою лица, я употребилъ способъ вѣрный на взаимною горячность, любовь искреннюю. Я получилъ мать вашу себѣ въ супруги. Но какое было побужденіе нашея любви? Взаимное услажденіе; услажденіе плоти и духа. Вкушая веселіе, природой повелѣнное, о васъ мы не мыслили. Рожденіе ваше намъ было пріятно, но не для васъ. Произведеніе самаго себя льстило тщеславію; рожденіе ваше было новый и чувственный, такъ сказать, союзъ, союзъ сердецъ подтверждающій. Онъ есть источникъ начальной горячности родителей къ сынамъ своимъ; подкрѣпляется онъ привычкою, ощущеніемъ своея власти, отраженіемъ похвалъ сыновнихъ къ отцу. — Мать ваша, равнаго со мною была мнѣнія, о ничтожности должностей вашихъ, отъ рожденія проистекающихъ. Не гордилася она предъ вами, что носила васъ во чревѣ своемъ, не требовала признательности питая васъ своею кровію; не хотѣла почтенія за болѣзни рожденія, ни за скуку воскормленія сосцами своими. Она тщилася благую вамъ дать душу, яко же и сама имѣла, и въ ней хотѣла насадить дружбу, но не обязанность, не должность, или рабское повино-

веніе. Не допустилъ ее рокъ зрѣти плодовъ ея насажденій. Она насъ оставила, съ твердостію хотя духа, но кончины еще не желала, зря ваше младенчество и мою горячность. Уподобляяся ей, мы совсѣмъ ее не потеряемъ. Она поживетъ съ нами, доколѣ къ ней не отыдемъ. Вѣдаете, что любезнѣйшая моя съ вами бесѣда есть, бесѣдовати о родшей васъ. Тогда мнится душа ея бесѣдуетъ съ нами, тогда становится она намъ присутственна, тогда въ насъ она является, тогда она еще жива.—И отиралъ вѣщающій капли задержанныхъ въ душѣ слезъ.—

Сколь мало обязаны вы мнѣ за рожденіе, толико же обязаны и за воскормленіе. Когда я угощаю пришельца, когда питаю птенцовъ пернатыхъ, когда даю пищу псу, лижущему мою десницу; ихъ ли ради сіе дѣлаю?—Отраду, увеселеніе, или пользу въ томъ нахожу мою собственную. Съ таковымъ же побужденіемъ производятъ воскормленіе дѣтей. Родившися въ свѣтъ вы стали граждане общества, въ коемъ живете. Мой былъ долгъ васъ воскормить; ибо если бы допустилъ до васъ кончину безвременную, былъ бы убійца. Если я рачительнѣе былъ въ воскормленіи вашемъ, нежели бываютъ многіе, то слѣдовалъ чувствованію моего сердца. Власть моя да некуся о воскормленіи вашемъ, или небрегу о немъ; да сохраню дни ваши, или расточителемъ въ нихъ буду; оставлю васъ живыхъ, или дамъ умрети завременно; есть ясное доказательство, что вы мнѣ необязаны въ томъ, что живы. Если бы умерли отъ моего о васъ небреженія, какъ то многіе умираютъ, мщеніе закона меня бы не преслѣдовало.—Но скажутъ обязаны вы мнѣ за ученіе и наставленіе.—Не моей ли я въ томъ искалъ пользы, да благи будите. Похвалы, воздаваемыя доброму вашему поведенію, разсудку, знаніямъ, искусству вашему, распростираяся на васъ, отражаются на меня, яко лучи солнечны отъ зеркала. Хваля васъ, меня хвалятъ. Что успѣлъ бы я если бы вы вдалися пороку, чужды были ученія, тупы въ разсужденіяхъ, злобны, подлы, чувствительности не имѣя. Не только сострадатель былъ бы я въ вашемъ косвенномъ хожденіи, но жертва, можетъ быть, вашего неистовства. Но нынѣ спокоенъ остаюся, отлучая васъ отъ себя; разумъ прямъ, сердце ваше крѣпко, и я живу въ немъ. О друзья мои, сыны моего сердца! родивъ васъ, многія имѣлъ я должности въ отношеніи къ вамъ, но вы мнѣ ни чѣмъ не должны; я ищу вашей дружбы и любови; если вы мнѣ ее дадите, блаженъ отыду къ началу жизни, и не возмущуся при кончинѣ оставляя васъ на вѣки, ибо поживу на памяти вашей.

Но если я исполнилъ должность мою въ воспитаніи вашемъ, обязанъ сказати нынѣ вамъ вину, по что васъ такъ, а не иначе воспитывалъ и для чего сему, а не другому васъ научилъ; и для того услышите повѣстъ о воспитаніи вашемъ, и познайте вину всѣхъ моихъ надъ вами дѣяній.

Со младенчества вашего принужденія вы не чувствовали. Хотя въ дѣяніяхъ вашихъ вождаемы были рукою моею, не ощущали однакоже ни коли ея направленія. Дѣянія ваши были предъузнаты и предваряемы; не хотѣлъ я, чтобы робость или послушаніе повиновенія, малѣйшею чертою ознаменовала на васъ тяжесть своего перста. И для того духъ вашъ нетерпящъ велѣнія безразсуднаго, кротокъ къ совѣту дружества. Но если младенцамъ вамъ сущимъ, находилъ я, что уклонялися отъ пути мною назначеннаго, устремляемы случайнымъ удареніемъ, тогда остановлялъ я ваше шествіе, или лучше сказать, непримѣтно вводилъ въ прежній путь, яко потокъ оплоты прорывающій, искусною рукою обращается въ свои берега.

Робкая нѣжность не присутствовала во мнѣ, когда казалося не рачилъ объ охраненіи васъ отъ непріязненности стихій и погоды. Желалъ лучше, чтобы на мгновеніе тѣло ваше оскорбилося преходящею болью, нежели дебелы пребудите въ возрастѣ совершенномъ. И для того почасту ходили вы босы, непокровенную имѣя главу; въ пыли, въ грязи возлежали на отдохновеніе, на скамеи или на камени. Не меньше старался я удалить васъ отъ убійственной пищи и питія. Труды, наши лучшая была приправа въ обѣдѣ нашемъ. Вспомните, съ какимъ удовольствіемъ обѣдали мы въ деревнѣ намъ неизвѣстной, ненашедъ дороги къ дому. Сколь вкусенъ намъ казался тогда хлѣбъ ржаной и квасъ деревенской!

Не ропщите на меня, если будете иногда осмѣяны, что не имѣете казистаго возшествія, что стоите, какъ тѣлу вашему покойнѣе, а не какъ обычай или мода велитъ; что одѣваетеся не со вкусомъ, что волосы ваши кудрятся рукою природы, а не чесателя. Не ропщите если будете небрежены въ собраніяхъ, а особливо отъ женщинъ, для того

что не умѣете хвалить ихъ красоту; но вспомните, что вы бѣгаете быстро, что плаваете неутомляяся, что подымаете тяжести безъ натуги, что умѣете водить соху, вскопать гряду, владѣете косою и топоромъ, стругомъ и долотомъ; умѣете ѣздить верхомъ, стрѣлять. Не опечальтесь, что вы скакать не умѣете закакъ скоморохи. Вѣдайте, что лучшее плясаніе ничего не представляютъ величественнаго; и если нѣкогда тронуты будете зрѣніемъ онаго, то любострастіе будетъ тому корень, все же другое оному постороннее. — Но вы умѣете изображать животныхъ и неодушевленныхъ, изображать черты царя природы, человѣка. Въ живописи найдете вы истинное услажденіе, нетокмо чувствъ, но и разума.— Я васъ научилъ музыкѣ, дабы дрожащая струна согласно вашимъ нервамъ, возбуждала дремлющее сердце; ибо музыка, приводя внутренность въ движеніе, дѣлаетъ мягкосердіе въ насъ привычкою.— Научилъ я васъ и варварскому искусству сражаться мечемъ. Но сіе искусство пребудетъ въ васъ мертво, доколѣ собственная сохранность того не востребуетъ. Оно, уповаю, не сдѣлаетъ васъ наглыми; ибо вы твердой имѣете духъ, и обидою не сочтете, если оселъ васъ улягнетъ, или свинья смраднымъ до васъ коснется рыломъ. — Не боитесь сказать никому, что вы корову доить умѣете, что щи и кашу сварите, или зажаренный вами кусокъ мяса будетъ вкусенъ. Тотъ, кто самъ умѣетъ что сдѣлать, умѣетъ заставить сдѣлать, и будетъ на погрѣшности снисходителенъ, зная всѣ въ исполненіи трудности.

Во младенчествѣ и отрочествѣ, не отягощалъ я разсудка вашего готовыми размышленіями, или мыслями чуждыми, не отягощалъ памяти вашей излишними предметами. Но предложивъ вамъ пути къ познаніямъ, съ тѣхъ поръ, какъ начали разума своего ощущати силы, сами шествуете къ отверстой вамъ стезѣ. Познанія ваши тѣмъ основательнѣе, что вы ихъ пріобрѣли не твердя, какъ то говорятъ по пословицѣ, какъ сорока Якова. Слѣдуя сему правилу доколѣ силы разума не были въ васъ дѣйствующи, не предлагалъ я вамъ понятія о всевышнемъ существѣ, и еще менѣе объ откровеніи. Ибо то, что бы вы познали прежде, нежели были разумны, было бы въ васъ предразсудокъ и разсужденію бы мѣшало. Когда же я узрѣлъ, что вы въ сужденіяхъ вашихъ вождаетесь разсудкомъ, то предложилъ вамъ связь понятій, ведущихъ къ познанію Бога; увѣренъ во внутренности сердца моего, что всещедрому Отцу пріятнѣе зрѣти двѣ непорочныя души, въ коихъ свѣтильникъ познаній не предразсудкомъ возжигается, но что они сами возносятся къ начальному огню на возгорѣніе. Предложилъ я вамъ тогда и о законѣ откровенномъ, не сокрывая отъ васъ все то, что въ опровержение онаго сказано многими. Ибо желалъ, чтобы могли сами избирать между млекомъ и желчію, и съ радостію видѣлъ, что воспріяли вы сосудъ утѣшенія не робко.

Преподавая вамъ свѣдѣніи о наукахъ, не оставилъ я ознакомить васъ съ различными народами, изучивъ васъ языкамъ иностраннымъ. Но прежде всего попеченіе мое было, да познаете вашъ собственной, да умѣете наономъ изъяснять ваши мысли словесно и письменно, чтобы изъясненіе сіе было въ васъ непринужденно, и поту на лицѣ не производило. Аглинской языкъ, а потомъ латинской, старался я вамъ извѣстнѣе сдѣлать другихъ. Ибо упругость духа вольности, переходя въ изображеніе рѣчи, пріучитъ и разумъ къ твердымъ понятіямъ, столь во всякихъ правленіяхъ нужнымъ.

Но если разсудку вашему предоставлялъ я направлять стопы ваши въ стезяхъ науки, тѣмъ бдительнѣе тщился быть во нравственности вашей. Старался умѣрять въ васъ гнѣвъ мгновенія, подвергая разсудку гнѣвъ продолжительный, мщеніе производящій. Мщеніе!.. душа ваша мерзитъ его. Вы изъ природнаго сего чувствительныя твари движенія, оставили только оберегательность своего сложенія, поправъ желаніе возвращать уязвленія.

Нынѣ настало то время, что чувства ваши дошедъ до совершенства возбужденія, но не до совершенства еще понятія о возбуждаемомъ, начинаютъ тревожиться всякою внѣшностію, и опасную производить зыбь во внутренности вашей. Нынѣ достигли времени, въ которое, какъ то говорятъ, разсудокъ становится опредѣлителемъ дѣланія и недѣланія; а лучше сказать, когда чувства досолѣ одержимыя плавностію младенчества начинаютъ ощущать дрожаніе, или когда жизненныя соки, исполнивъ сосудъ юности, превышать начинаютъ его воскраія, ища стезю свойственнымъ для нихъ стремленіямъ. Я сохранилъ васъ неприступными доселѣ превратнымъ чувствъ потрясеніямъ, но не сокрылъ отъ васъ невѣдѣнія покровомъ, па-

губныхъ слѣдствій, совращенія отъ пути умѣренности въ чувственномъ услажденіи. Вы свидѣтели были, сколь гнусно избыточество чувственнаго насыщенія, и возгнушалися; свидѣтели были страшнаго волненія страстей, превысившихъ брега своего естественнаго теченія, познали гибельныя ихъ опустошенія, и ужаснулися. Опытность моя носяся надъ вами, яко новый Егидъ, охраняла васъ отъ неправильныхъ уязвленій. Нынѣ будете сами себѣ вожди, и хотя совѣты мои будутъ всегда свѣтильникомъ вашихъ начинаній, ибо сердце и душа ваша мнѣ отверсты; но яко свѣтъ отдаляяся отъ предмета менѣе его освѣщаетъ, тако и вы отриновенны моего присутстствія, слабое ощутите согрѣніе моея дружбы. И для того преподамъ вамъ правила единожитія и общежитія, дабы по усмиреніи страстей, не возгнушалися дѣяній во оныхъ свершенныхъ, и не познали, что есть раскаяніе.

Правила единожитія, елико то касаться можетъ до васъ самихъ, должны относиться къ тѣлесности вашей и нравственности. Не забывайте никогда употреблять вашихъ тѣлесныхъ силъ и чувствъ. Упражненіе оныхъ умѣренное укрѣпитъ ихъ неистощевая, и послужитъ ко здравію вашему, и долгой жизни. И для того упражняйтеся въ искусствахъ, художествахъ и ремеслахъ вамъ извѣстныхъ. Совершенствованіе въ оныхъ, иногда можетъ быть нужно. Неизвѣстно намъ грядущее. Если непріязненное щастіе отъиметъ у васъ все, что оно вамъ дало, богаты пребудете во умѣренности желаній, кормяся дѣломъ рукъ вашихъ. Но если во дни блаженства все небрежете, поздно о томъ думать во дни печали. Нѣга, излѣненіе и неумѣренное чувствъ услажденіе губятъ и тѣло и духъ. Ибо изнуряяй тѣло невоздержностію, изнуряетъ и крѣпость духа. Употребленіе же силъ укрѣпитъ тѣло, а съ нимъ и духъ. Если почувствуешь отвращеніе къ яствамъ, и болѣзнь постучится у дверей; воспряни тогда отъ одра твоего, на немъ же лелѣешь чувства твои, приведи уснувшіе члены твои въ дѣйствіе упражненіемъ, и почувствуешь мгновенное силъ обновленіе; воздержи себя отъ пищи нужной во здравіи, и гладъ сдѣлаетъ пищу твою сладкою, огорчавшую отъ сытости. Помните всегда, что на утоленіе глада нуженъ только кусокъ хлѣба и ковшъ воды. Если благодѣтельное лишеніе внѣшнихъ чувствованій, сонъ, удалится отъ твоего возглавія, и не возможешь возобновить силъ разумныхъ и тѣлесныхъ; бѣги изъ чертоговъ твоихъ, и утомивъ члены до усталости, возляги на одрѣ твоемъ, и почіешь во здравіе.

Будьте опрятны въ одеждѣ вашей; тѣло содержите въ чистотѣ; ибо чистота служитъ ко здравію, а неопрятность и смрадность тѣла нерѣдко отверзаетъ непримѣтную стезю къ гнуснымъ порокамъ. Но не будьте и въ семъ неумѣренны. Не гнушайтесь пособить поднимая погрязшую во рвѣ телѣгу, и тѣмъ облегчить упадшаго; вымараете руки, ноги и тѣло, но просвѣтите сердце. Ходите въ хижины уничиженія; утѣшайте томящагося нищетою; вкусите его брашна, и сердце ваше усладится, давъ отраду скорбящему.

Нынѣ достигли вы, повторю, того страшнаго времени и часа, когда страсти пробуждаться начинаютъ, но разсудокъ слабъ еще на ихъ обузданіе. Ибо чаша разсудка безъ опытности, на вѣсахъ воли воздымается, а чаша страстей опустится мгновенно долу. И такъ, къ равновѣсію неиначе приближиться можно, какъ трудолюбіемъ. Трудитеся тѣломъ, страсти ваши нестоль сильное будутъ имѣть волненіе; трудитеся сердцемъ, упражняяся въ мягкосердіи, чувствительности, соболѣзнованіи, щедротѣ, отпущеніи, и страсти ваши направятся ко благому концу. Трудитеся разумомъ, упражняяся въ чтеніи, размышленіи, разысканіи истины, или происшествій, и разумъ управлять будетъ вашею волею и страстьми. Но не возмните въ восторгѣ разсудка, что можете сокрушить корени страстей, что нужно быть совсѣмъ безстрастну. Корень страстей благъ, и основанъ на нашей чувствительности самою природою. Когда чувства наши, внѣшнія и внутреннія, ослабѣваютъ и притупляются, тогда ослабѣваютъ и страсти. Онѣ благую въ человѣкѣ производятъ тревогу, безъ нея же уснулъ бы онъ въ бездѣйствіи. Совершенно безстрастный человѣкъ есть глупецъ и истуканъ нелѣпый, невозмогаяй ни благаго, ни злаго. Не достоинство есть, воздержатися отъ худыхъ помысловъ, немогши ихъ сотворить. Безрукой не можетъ уязвить ни кого; но не можетъ подать помощи утопающему, ни удержати на брегѣ падающаго въ пучину моря. — И такъ умѣренность во страсти есть благо; шествіе во стезѣ средою, есть надежно. Чрезвычайность во страсти есть гибель; безстрастіе есть нравственная смерть. Яко же шествениикъ отдаляяся среды стези, вдается опасности ввергнутися въ

тотъ или другой ровъ, такого бываетъ шествія во нравственности. Но буде страсти ваши, опытностію, разсудкомъ, и сердцемъ направлены къ концу благому, скинь съ нихъ бразды темнаго благоразумія, не сокращай ихъ полета; мѣта ихъ будетъ всегда величіе, на немъ единомъ остановиться онѣ умѣютъ.

По если я васъ побуждаю не быть безстрастными, паче всего потребно въ юности вашей умѣренность любовныя страсти. Она природою насаждена въ сердцѣ нашемъ, кс блаженству нашему. И такъ въ возрожденіи своемъ никогда ошибиться не можетъ, но въ своемъ предметѣ и неумѣренности. И такъ блюдитеся, да не ошибетеся въ предметѣ любви вашея, и да не почтете взаимною горячностію оныя образъ. Съ благимъ же предметомъ любви, неумѣренность страсти сея, будетъ вамъ неизвѣстна. Говоря о любви, естественно бы было говорить и о супружествѣ, о семъ священномъ союзѣ общества, коего правила не природа въ сердцѣ начертала, но святость коего изъ начальнаго обществъ положенія проистекаетъ. Разуму вашему, едва шествіе свое начинающему, сіе бы было непонятно, а сердцу вашему, неиспытавшему самолюбивую въ обществѣ страсть любви, повѣсть о семъ была бы вамъ неощутительна, а потому и безполезна. Если желаете о супружествѣ имѣть понятіе, воспомяните о родшей васъ. Представьте меня съ нею и съ вами, возобновите слуху вашему глаголы наши и взаимныя лобызанія, и приложите картину сію къ сердцу вашему. Тогда почувствуете въ немъ пріятное нѣкое содроганіе. Что оно есть? Познаете современемъ; а днесь довольны будьте онаго ощущеніемъ.

Приступимъ нынѣ въ кратцѣ къ правиламъ общежитія. Предписать ихъ не можно съ точностію; ибо располагаются они часто по обстоятельствамъ мгновенія. Но дабы, колико возможно, менѣе ошибаться, при всякомъ начинаніи, вопросите ваше сердце; оно есть благо, и николи обмануть васъ не можетъ. Что вѣщаетъ оно, то и творите. Слѣдуя сердцу въ юности не ошибетеся, если сердце имѣете благое. Но слѣдовати возомнивый разсудку, не имѣя на брадѣ власовъ, опытность возвѣщающихъ, есть безумецъ.

Правила общежитія относятся ко исполненію обычаевъ и нравовъ народныхъ, или ко исполненію закона, или ко исполненію добродѣтели. Если въ обществѣ нравы и обычаи не противны закону; если законъ не полагаетъ добродѣтели преткновеній въ ея шествіи, то исполненіе правилъ общежитія есть легко. Но гдѣ таковое общество существуетъ? Всѣ извѣстныя намъ многими наполнены, во нравахъ и обычаяхъ, законахъ и добродѣтеляхъ, противорѣчіями. И отъ того трудно становится исполненіе должности человѣка и гражданина, ибо нерѣдко онѣ находятся въ совершенной противуположности.

Понеже добродѣтель есть вершина дѣяній человѣческихъ, то исполненіе ея, ни въ чемъ не долженствуетъ быть препинаемо. Небреги обычаевъ и нравовъ, небреги закона гражданскаго и священнаго, столь святыя въ обществѣ вещи, буде исполненіе оныхъ отлучаетъ тебя отъ добродѣтели. Не дерзай николи нарушенія ея, прикрывати робостію благоразумія. Благоденственъ безъ нея будешь во внѣшности, но блаженъ николи

Послѣдуя тому, что налагаютъ на насъ обычаи и нравы, мы пріобрѣтемъ благопріятство тѣхъ, съ кѣмъ живемъ. Исполняя предписаніе закона, можемъ пріобрѣсти названіе честнаго человѣка. Исполняя же добродѣтель, пріобрѣтемъ общую довѣренность, почтеніе и удивленіе, даже и въ тѣхъ, кто бы не желалъ ихъ ощущать въ душѣ своей. Коварный Аѳинскій сенатъ, подавая чашу съ отравою Сократу, трепеталъ во внутренности своей предъ его добродѣтелію.

Не дерзай никогда исполнять обычая въ предосужденіе закона. Законъ, каковъ ни худъ, есть связь общества. И если бы самъ государь велѣлъ тебѣ нарушить законъ, не повинуйся ему, ибо онъ заблуждаетъ, себѣ и обществу во вредъ. Да уничтожитъ законъ, яко же нарушеніе онаго повелѣетъ; тогда повинуйся, ибо въ Россіи государь есть источникъ законовъ.

Но если бы, законъ или государь, или бы какая либо на земли власть, подвизала тебя на неправду и нарушеніе добродѣтели, пребудь въ оной неколебимъ. Не бойся ни осмѣянія, ни мученія, ни болѣзни, ни заточенія, ниже самой смерти. Пребудь незыблемъ въ душѣ твоей, яко камень среди бунтующихъ, но немощныхъ валовъ. Ярость мучителей твоихъ раздробится о твердь твою; и если предадутъ тебя смерти, осмѣяны будутъ, а ты поживешь на памяти благородныхъ душъ, до скончанія вѣковъ. Убойся заранѣе именовать благоразуміемъ слабость въ дѣяніяхъ, сего перваго добродѣтели врага. Сегодня нарушишь ее

уваженія ради каковаго, завтра нарушеніе ея казаться будетъ самою добродѣтелію; и такъ порокъ воцарится въ сердцѣ твоемъ, и исказитъ черты непорочности въ душѣ и на лицѣ твоемъ.

Добродѣтели суть или частныя или общественныя. Побужденія къ первымъ суть всегда мягкосердіе, кротость, соболѣзнованіе, и корень ихъ всегда благъ. Побужденія къ добродѣтелямъ общественнымъ, нерѣдко имѣютъ начало свое въ тщеславіи и любочестіи. Но для того не надлежитъ остановляться въ исполненіи ихъ. Предлогъ, надъ нимъ же вращаются, придаетъ имъ важности. Въ спасшемъ Курціи отечество свое, отъ пагубоносныя язвы, никто не зритъ ни тщеславнаго, ни отчаяннаго, или наскучившаго жизнію, но ироя. Если же побужденія наши къ общественнымъ добродѣтелямъ, начало свое имѣютъ въ человѣколюбивой твердости души, тогда блескъ ихъ будетъ гораздо большій. Упражняйтеся всегда въ частныхъ добродѣтеляхъ, дабы могли удостоиться исполненія общественныхъ.

Еще преподамъ вамъ нѣкоторыя исполнительныя правила жизни. — Старайтеся паче всего во всѣхъ дѣяніяхъ вашихъ заслужить собственное свое почтеніе; дабы обращая во уединеніи взоры свои во внутрь себя, не токмо не могли бы вы раскаяваться о сдѣланномъ, но взирали бы на себя со благоговѣніемъ.

Слѣдуя сему правилу удаляйтеся, елико то возможно, даже вида раболѣпствованія. Вошедъ въ свѣтъ узнаете скоро, что въ обществѣ существуетъ обычай посѣщать въ праздничные дни по утрамъ знатныхъ особъ; обычай скаредной, ничего не значущій, показующій въ посѣтителяхъ духъ робости, а въ посѣщаемомъ духъ надменности, и слабый разсудокъ. У римлянъ было похожее сему обыкновеніе, которое они называли амбицію, то есть снисканіе или обхожденіе; а отъ туда и любочестіе названо амбицію, ибо посѣщеніями именитыхъ людей юноши снискивали себѣ путь къ чинамъ и достоинствамъ. Тоже дѣлается и нынѣ. Но если у римлянъ обычай сей введенъ былъ для того, чтобы молодые люди обхожденіемъ съ испытанными научалися, то сомнѣваюсь, чтобы цѣль въ обычаѣ семъ всегда непорочна сохранилася. Въ наши же времена посѣщая знатныхъ господъ, ученія цѣлію своею никто не имѣетъ, но снисканіе ихъ благопріятства. И такъ да не преступитъ нога ваша порога, отдѣляющаго раболѣпство отъ исполненія должности. Не посѣщай николи передней знатнаго боярина, развѣ по долгу званія твоего. Тогда среди толпы презрѣнной, и тотъ, на кого она взираетъ съ подобострастіемъ, въ душѣ своей тебя, хотя съ негодованіемъ, но отъ нее отличитъ.

Если случится, что смерть пресѣчетъ дни мои, прежде нежели въ благомъ пути отвердѣете, и юны еще восхитятъ васъ страсти изъ стези разсудка; то не отчаявайтеся, соглядая иногда превратное ваше шествіе. Въ заблужденіи вашемъ, въ забвеніи самихъ себя, возлюбите добро. Распутное житіе, безмѣрное любочестіе, наглость и всѣ пороки юности оставляютъ надежду исправленія; ибо скользятъ по поверхности сердца, его не уязвляя. Я лучше желаю, чтобы во младыхъ лѣтахъ вашихъ вы были распутны, расточительны, наглы; нежели сребролюбивы, или же чрезмѣрно бережливы, щеголеваты, занимаяся болѣе убранствомъ, нежели чѣмъ другимъ. Систематическое, такъ сказать, расположеніе въ щегольствѣ, означаетъ всегда сжатой разсудокъ. Если повѣствуютъ, что Юлій Кесарь былъ щеголь; но щегольство его имѣло цѣль. Страсть къ женщинамъ въ юности его была къ сему побужденіемъ. Но онъ изъ щеголя облекся бы мгновенно во смраднѣйшее рубище, если бы то способствовало къ достиженію его желаній.

Во младомъ человѣкѣ, нетокмо щегольство преходящее простительно, но и всякое почти дурачество. Если же неикраснѣйшими дѣяніями жизни прикрывать будете коварство, ложь, вѣроломство, сребролюбіе, гордость, любомщеніе, звѣрство; то хотя ослѣпите современниковъ вашихъ, блескомъ ясной наружности, хотя не найдете ни кого столь любящаго васъ, да представитъ вамъ зерцало истины; не мните однако же затмить взоры прозорливости. — Проникнетъ она свѣтозарную ризу коварства, и добродѣтель черноту души вашей обнажитъ. Возненавидитъ ее сердце твое, и яко чувственница увѣдать станетъ прикосновеніемъ твоимъ, но мгновенно, но стрѣлы ея издалека язвить тебя станутъ и терзать.

Простите возлюбленные мои, простите друзья души моей; днѣсь при сопутномъ вѣтрѣ, отчальте отъ брега чуждыя опытности ладью вашу; стремитеся по валамъ житія человѣческаго, да научитеся управляти сами собою. Блажени, непретерпѣвъ крушенія, если достигнете пристанища, его же жаждемъ. Будьте щастливы во плаваніи вашемъ. Се

искренное мое желаніе. Естественныя силы мои, истощавъ движеніемъ и жизнію, изнемогутъ и угаснутъ; оставлю васъ на вѣки; но се мое вамъ завѣщаніе. Если ненавистное щастіе истощитъ надъ тобою всѣ стрѣлы свои, если добродѣтели твоей убѣжища на земли не останется, если доведенну до крайности, не будетъ тебѣ покрова отъ угнетенія; тогда воспомни, что ты человѣкъ, воспомяни величество твое, восхити вѣнецъ блаженства, его же отъяти у тебя тщатся.—Умри.—Въ наслѣдіе вамъ оставляю слово умирающаго Катона.—Но если во добродѣтели умрети возможешь, умѣй умреть и въ порокѣ, и будь, такъ сказать, добродѣтеленъ въ самомъ злѣ.—Если забывъ мои наставленія поспѣшать будешь на злыя дѣла, обыкшая душа добродѣтели востревожится; явлюся тебѣ въ мечтѣ.—Воспряни отъ ложа твоего, преслѣдуй душевно моему видѣнію.—Если тогда источится слеза изъ очей твоихъ, то усни паки; пробудишся на исправленіе. Но если среди злыхъ твоихъ начинаній, воспоминая обо мнѣ, душа твоя не зыбнется, и око пребудетъ сухо... Се сталь, не отрава.—Избавь меня скорби; избавь землюноносныя тяжести.—Будь мой еще сынъ.—Умри на добродѣтель.

Вѣщавшу сіе старцу, юношескій румянецъ покрылъ сморщенныя ланиты его, взоры его испускали лучи надежнаго радованія, черты лица сіяли сверхъестественнымъ веществомъ.—Онъ облобызалъ дѣтей своихъ, и проводивъ ихъ до повозки, пребылъ твердъ до послѣдняго разстанія. Но едва звонъ почтоваго колокольчика возвѣстилъ ему, что они начали отъ него удаляться; упругая сія душа, смягчилася. Слезы проникли сквозь очей его, грудь его воздымалася; онъ руки свои простиралъ въ слѣдъ за отъѣзжающими; казалося, будто желаетъ остановить стремленіе коней. Юноши. узрѣвъ издали родшаго ихъ въ такой печали, возрыдали столь громко, что вѣтръ доносилъ жалостной ихъ стонъ до слуха нашего. Они простирали такъ же руки къ отцу своему; и казалося будто его къ себѣ звали. Не могъ старецъ снести сего зрѣлища; силы его ослабѣли, и онъ упалъ въ мои объятія. Между тѣмъ, пригорокъ скрылъ отъѣхавшихъ юношей отъ взоровъ нашихъ: пришедъ въ себя старецъ сталъ на колѣни и возвелъ руки и взоры на небо: Господи, воззопилъ онъ, молю тебя, да укрѣпишь ихъ въ стезяхъ добродѣтели, молю блажени да будутъ. Вѣси, николи не утруждалъ Тебя Отецъ всещедрый, безполезною молитвою. Увѣренъ въ душѣ моей, яко благъ еси и правосуденъ. Любезнѣйшее Тебѣ въ насъ, есть добродѣтель; дѣянія чистаго сердца, суть наилучшая для Тебя жертва... Отлучилъ я нынѣ отъ себя сыновъ моихъ... Господи да будетъ на нихъ воля Твоя. — Смущенъ, но твердъ въ надѣяніи своемъ отъѣхалъ онъ въ свое жилище.

Слово Крестицкаго дворянина не выходило у меня изъ головы. Доказательства его, о ничтожествѣ власти родителей надъ дѣтьми, казалися мнѣ неоспоримы. Но если въ благоучрежденномъ обществѣ нужно, чтобы юноши почитали старцевъ, и неопытность совершенство, то нѣтъ кажется нужды власть родительскую дѣлать безпредѣльною. Если союзъ между отцемъ и сыномъ не на нѣжныхъ чувствованіяхъ сердца основанъ, то онъ конечно нетвердъ; и будетъ нетвердъ, вопреки всѣхъ законоположеній. Если отецъ въ сынѣ своемъ видитъ своего раба, и власть свою ищетъ въ законоположеніи; если сынъ почитаетъ отца наслѣдія ради; то какое благо изъ того обществу? Или еще одинъ невольникъ въ прибавокъ ко многимъ другимъ, или змія за пазухой... Отецъ обязанъ сына воскормить и научить, и долженъ наказанъ быть за его проступки, доколѣ онъ не войдетъ въ совершеннолѣтіе; а сынъ должности свои на обрящетъ въ своемъ сердцѣ. Если онъ ни чего не ощущаетъ, то виновенъ отецъ, по что ничего не насадилъ. Сынъ же въ правѣ требовати отъ отца вспомоществованія, доколѣ пребываетъ немощенъ и малолѣтенъ; но въ совершеннолѣтіи естественная сія и природная связь рушится. Птенецъ пернатыхъ не ищетъ помощи отъ произведшихъ его, когда самъ начнетъ находить пищу. Самецъ и самка забываютъ о птенцахъ своихъ, когда сіи возмужаютъ. Се есть законъ природы. Если гражданскіе законы отъ него удалятся, то производятъ всегда урода. Ребенокъ любитъ своего отца, мать, или наставника, доколѣ любленіе его не обратится ко другому предмету. Да не оскорбится симъ сердце твое отецъ чадолюбивый; естество того требуетъ. Единое въ томъ тебѣ утѣшеніе да будетъ воспоминая, что и сынъ сына твоего возлюбитъ отца до совершеннаго только возраста. Тогда же отъ тебя зависѣть будетъ обратить его горячность къ тебѣ. Если ты въ томъ успѣешь, блаженъ и почтенія достоинъ.—Въ таковыхъ размышленіяхъ доѣхалъ я до почтоваго стана.

ЯЖЕЛБИЦЫ.

Сей день опредѣленъ мнѣ былъ судьбою на испытаніе. Я отецъ, имѣю нѣжное сердце къ моимъ дѣтямъ. Для того то слово Крестицкаго дворянина меня столь тронуло. Но потрясши меня до внутренности, изліяло нѣкое усладительное чувствованіе надежды, что блажество наше въ отношеніи дѣтей нашихъ зависитъ много отъ насъ самихъ. Но въ Яжелбицахъ опредѣлено мнѣ было быть зрителемъ позорища, которое глубокій корень печали оставило въ душѣ моей, и нѣтъ надежды на его истребленіе. О юность! услыши мою повѣсть; познай свое заблужденіе; воздержись отъ произвольныя гибели; и пресѣки путь къ будущему раскаянію.

Я проѣзжалъ мимо кладбища. Необыкновенный вопль терзающаго на себѣ власы человѣка понудилъ меня остановиться. Приближась, увидѣлъ я, что тамъ совершалось погребеніе. Надлежало уже гробъ опускать въ могилу, но тотъ, котораго я издали зрѣлъ терзающаго на себѣ власы, повергся на гробъ и ухватясь за оный весьма крѣпко, не дозволялъ оной опускать въ землю. Съ великимъ трудомъ отвлекли его отъ гроба, и опустя оный въ могилу, зарыли его поспѣшно. Тутъ страждущій вѣщалъ къ предстоящимъ: почто вы меня его лишили, почто меня съ нимъ не погребли живаго, и не скончали моей скорби и раскаянія. Вѣдайте, вѣдайте, что я есмь убійца возлюбленнаго моего сына, его же мертва предали землѣ. Не дивитеся сему. Я не прекратилъ жизни его ни мечемъ, ни отравою. Нѣтъ я болѣе сего сдѣлалъ. Я смерть его уготовалъ до рожденія его, давъ жизнь ему отравленную. Я есмь убійца, каковыхъ много, но есмь убійца лютѣйшій другихъ. Убійца сына моего до рожденія его. Я, я единъ прекратилъ дни его, изліявъ томный ядъ въ начало его. Онъ воспретилъ укрѣпиться силамъ тѣла его. Во все время житія своего, не наслаждался онъ здравіемъ ни дня единаго; и томящагося въ силахъ своихъ, развѣрстіе яда просѣкло теченіе жизни. Никто, никто меня не накажетъ за мое злодѣяніе!— Отчаяніе ознаменовалося на лицѣ его, и бездыханна почти отнесли его съ сего мѣста.—

Нечаянный хладъ разліялся въ моихъ жилахъ. Я оцѣпенѣлъ. Казалося мнѣ, я слышалъ мое осужденіе. Воспомянулъ дни распутныя моея юности. Привелъ на память всѣ случаи, когда встревоженная чувствами душа, гонялася за ихъ услажденіемъ, почитая мздоимную участницу любовныя утѣхи, истиннымъ предметомъ горячности. Воспомянулъ, что невоздержаніе въ любострастіи навлекло тѣлу моему смрадную болѣзнь. О если бы недалѣе она корень свой испускала! О если бы она съ утоленіемъ любострастія прерывалася! Пріявъ отраву сію въ веселіи, нетокмо согрѣваемъ ее въ нѣдрахъ нашихъ, но даемъ ее въ наслѣдіе нашему потомству.—О друзья мои возлюбленные, о чадо души моей! Не вѣдаете вы, колико согрѣшихъ предъ вами. Блѣдное ваше чело есть мое осужденіе. Страшусь возвѣстить вамъ о болѣзни, иногда вами ощущаемой. Возненавидите, можетъ быть, меня и въ ненависти вашей будете справедливы. Кто увѣритъ васъ и меня, что вы не носите въ крови вашей сокровеннаго жала, опредѣленнаго, да скончаетъ дни ваши безвременно. Пріявъ сей смрадный ядъ въ тѣло мое въ совершенномъ возрастѣ, затвердѣлость моихъ членовъ противилася его распространенію, и борется съ его смертоносностію. Но вы, пріявъ его отъ рожденія вашего, нося въ себѣ, какъ нужную часть сложенія; какъ воспротивитесь разрушительному его созженію? Всѣ наши болѣзни суть отравы. О возлюбленные мои! плачьте о заблужденіи моего юношества, призовите на помощь врачебное искусство, и если можете, не ненавидьте меня.

Но теперь отверзается очамъ моимъ, все пространство сего любострастнаго злодѣянія. Согрѣшилъ предомною, навлекши себѣ безвремянную старость и дряхлость въ юношескихъ еще лѣтахъ. Согрѣшилъ предъ вами, отравивъ жизненныя ваши соки, до рожденія вашего, и тѣмъ уготовилъ вамъ томное здравіе, и безвременную, можетъ быть, смерть. Согрѣшилъ и сіе да будетъ мнѣ въ казнь, согрѣшилъ въ горячности моей, взявъ въ супру-

жество мать вашу. Кто мнѣ порукою въ томъ, что не я былъ причиною ея кончины? Смертоносный ядъ источаяся въ веселіи преселился въ чистое ея тѣло, и отравилъ непорочные ея члены. Тѣмъ смертоноснѣе онъ былъ, чѣмъ былъ сокровеннѣе. Ложная стыдливость воспретила мнѣ ее въ томъ предостеречь; она же не остерегалася отравителя своего, въ горячности своей къ нему. Воспаленіе, ей приключившееся, есть плодъ, можетъ быть, удѣленной ей мною отравы... О возлюбленные мои, колико должны вы меня ненавидѣть!

Но кто причиною, что сія смрадная болѣзнь во всѣхъ государствахъ дѣлаетъ столь великія опустошенія, нетокмо пожиная много настоящаго поколѣнія, но сокращая дни грядущихъ? Кто причиною, развѣ не правительство? Оно, дозволяя распутство мздоимное, отверзаетъ нетокмо путь ко многимъ порокамъ, но отравляетъ жизнь гражданъ. Публичныя женщины находятъ защитниковъ, и въ нѣкоторыхъ государствахъ состоятъ подъ покровительствомъ начальства. Если бы, говорятъ нѣкоторые, запрещенно было наемное удовлетвореніе любовныя страсти, то бы нерѣдко были чувствуемы сильныя въ обществѣ потрясенія. Увозы, насилія, убійство, нерѣдко бы источникъ свой имѣли въ любовной страсти. Могли бы они потрясти и самыя основанія обществъ.—И вы желаете лучше тишину и съ нею томленіе и скорбь, нежели тревогу и съ нею здравіе и мужество. Молчите скаредные учители, вы есте наемники мучительства; оно, проповѣдуя всегда миръ и тишину, заключаетъ засыпляемыхъ лестію въ оковы. Боится оно даже постороннія тревоги. Желало бы, чтобъ вездѣ одинако съ нимъ мыслили, дабы надежно лелѣяться въ величествѣ и утопать въ любострастіи... Я не удивляюся глаголамъ вашимъ. Сродно рабамъ желати всѣхъ зрѣть въ оковахъ. Одинаковая участь облегчаетъ ихъ жребій, а превосходство чье либо тягчитъ ихъ разумъ и духъ.

ВАЛДАИ.

Новый сей городокъ, сказываютъ, населенъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ взятыми въ плѣнъ поляками. Сей городокъ достопамятенъ, въ разсужденіи любовнаго расположенія его жителей, а особливо женщинъ незамужнихъ.

Кто не бывалъ въ Валдаяхъ, кто не знаетъ Валдайскихъ баранокъ и Валдайскихъ разрумяненныхъ дѣвокъ? Всякаго проѣзжающаго наглыя Валдайскія и стыдъ сотрясшія дѣвки останавливаютъ, и стараются возжигать въ путешественникѣ любострастіе, воспользоваться его щедростью, на счетъ своего цѣломудрія. Сравнивая нравы жителей, сея въ города произведенныя деревни, со нравами другихъ Россійскихъ городовъ, подумаешь, что она есть наидревнѣйшая и что развратные нравы суть единые токмо остатки ея древняго построенія. Но какъ немного болѣе ста лѣтъ какъ она населена, то можно судить, сколь развратны были и первые его жители.

Бани бывали и нынѣ бываютъ мѣстомъ любовныхъ торжествованій. Путешественникъ, условясь о пребываніи своемъ съ услужливою старушкою или парнемъ, становится на дворъ, гдѣ намѣренъ приносить жертву всеобожаемой Ладѣ. Настала ночь. Баня для него уже готова. Путешественникъ раздѣвается, идетъ въ баню, гдѣ его встрѣчаетъ или хозяйка, если молода, или ее дочь, или свойственницы ея, или сосѣдки. Отираютъ его утомленные члены; омываютъ его грязь. Сіе производятъ совлекши съ себя одежды, возжигаютъ въ немъ любострастный огонь, и онъ препровождаетъ тутъ ночь, теряя деньги, здравіе и драгоцѣнное на путешествіе время. Бывало, сказываютъ, что оплошнаго и отягченнаго любовными подвигами и виномъ путешественника, сіи любострастныя чудовища предавали смерти, дабы воспользоваться его имѣніемъ. Не вѣдаю, правда ли сіе, но то правда, что наглость Валдайскихъ дѣвокъ сократилася. И хотя онѣ не откажутся и нынѣ удовлетворить желаніямъ путешественника, но прежней наглости въ нихъ не видно.

Валдайское озеро, надъ которыми построенъ сей городъ, достопамятно останется въ повѣствованіяхъ жертвовавшаго монаха жизнію своею, ради своей любовницы. Въ полуторѣ верстѣ отъ города, среди озера, на островѣ, находится Иверской монастырь, славнымъ Никономъ патріархомъ построенный. Одинъ изъ монаховъ сего монастыря, посѣщая Валдаи, влюбился въ дочь одного Валдайскаго жителя. Скоро любовь ихъ стала взаимною, скоро стремились они къ совершенію ея. Единожды насладившися ея веселіемъ, не въ силахъ они были противиться ея стремленію. Но состояніе ихъ полагало оному преграду. Любовнику нельзя было отлучаться часто изъ монастыря своего. Любовницѣ нельзя было посѣщать кельи своего любовника. Но горячность ихъ все преодолѣла; изъ любострастнаго монаха она сдѣлала неустрашимаго мужа, и дала ему силы почти чрезъестественныя. Сей новый Леандръ, дабы наслаждаться веселіемъ ежедневно въ объятіяхъ своей любовницы, едва ночь покрывала чернымъ покровомъ все зримое, выходилъ тихо изъ своей кельи и, совлекая свои ризы, преплывалъ озеро до противустоящаго берега, гдѣ воспріемлемъ былъ въ объятія своей любезной. Баня и въ ней утѣхи любовныя для него были готовы; и онъ забывалъ въ нихъ опасность и трудность преплыванія, и боязнь, если бы отлучка его стала извѣстна. За нѣсколько часовъ до разсвѣта, возвращался онъ въ свою келью. Тако препроводилъ онъ долгое время въ сихъ опасныхъ преплытіяхъ, награждая веселіемъ ночнымъ скуку дневнаго заключенія. Но судьба положила конецъ его любовнымъ подвигамъ. Въ одну изъ ночей, когда сей неустрашимый любовникъ отправился чрезъ валы на зрѣніе своей любезной, внезапу возсталъ вѣтръ ему противной, будущу ему на средѣ пути его. Всѣ силы его немощны были на преодоленіе разъяренныхъ водъ. Тщетно онъ утомлялся, напрягая свои мышцы; тщетно возвышалъ гласъ свой, да услышанъ будетъ въ опасности. Видя невозможность достигнуть берега, вознамѣрился онъ возвратиться къ монастырю своему, дабы, имѣя попутной вѣтръ, тѣмъ легче онаго достигнуть. Но едва онъ обратилъ шествіе свое, какъ валы, осн-

ливъ его утомленныя мышцы, затопили его въ пучинѣ. На утріе тѣло его найдено на отдаленномъ берегу. Если бы я писалъ поэму на сіе, то бы читателю моему представилъ любовницу его въ отчаяніи. Но сіе было бы здѣсь излишнее. Всякъ знаетъ, что любовницѣ, хотя на первое мгновеніе, скорбно узнать о кончинѣ любезнаго. Не вѣдаю и того, бросилась ли сія новая Геро въ озеро; или же въ слѣдующую ночь паки топила баню для путешественника. Любовная лѣтопись гласитъ, что Валдайскія красавицы отъ любви не умирали . . . . развѣ въ больницѣ.

Нравы Валдайскіе переселилися и въ близь лежащій почтовой станъ, Зимногорье. Тутъ для путешественника такая же бываетъ встрѣча, какъ и въ Валдаяхъ. Прежде всего представятся взорамъ разумяненныя дѣвки съ баранками. Но какъ молодыя мои лѣта уже прошли, то я поспѣшно разстался съ мазанными Валдайскими и Зимногорскими сиренами.

ЕДРОВО.

Доѣхавъ до жилья, я вышелъ изъ кибитки. Неподалеку отъ дороги надъ водою, стояло много бабъ и дѣвокъ. Страсть господствовавшая во всю жизнь надо мною, но уже угасшая, по обыкшему ея стремленію направила стопы мои къ толпѣ сельскихъ сихъ красавицъ. Толпа сія состояла болѣе нежели изъ тридцати женщинъ. Всѣ онѣ были въ праздничной одеждѣ, шеи голыя, ноги босыя, локти наружѣ, платье заткнутое спереди за поясъ, рубахи бѣлыя, взоры веселые, здоровье на щекахъ начертанное. Пріятности, загрубѣвшія хотя отъ зноя и холода, но прелестны безъ покрова хитрости; красота юности въ полномъ блескѣ, въ устахъ улыбка, или смѣхъ сердечной; а отъ него видѣнъ становился рядъ зубовъ, бѣлѣе чистѣйшей слоновой кости. Зубы, которые бы щеголихъ съ ума свели. Пріѣзжайте сюда любезныя наши боярыньки московскія и петербургскія, посмотрите на ихъ зубы, учитесь у нихъ какъ ихъ содержать въ чистотѣ. Зубнаго врача у нихъ нѣтъ. Не сдираютъ они каждый день лоску съ зубовъ своихъ ни щетками, ни порошками. Станьте, съ которою изъ нихъ вы хотите, ротъ со ртомъ; дыханіе ни одной изъ нихъ не заразитъ вашего легкаго. А ваше, ваше, можетъ быть, положитъ въ нихъ начало. . . . болѣзни. . . . .боюсь сказать какой; хотя не закраснѣетесь, но разсердитесь.—Развѣ я говорю не правду? — Мужъ одной изъ васъ таскается по всѣмъ сквернымъ дѣвкамъ; получивъ болѣзнь пьетъ, ѣстъ и спитъ съ тобою же; другая же сама изволитъ имѣть годовыхъ, мѣсячныхъ, недѣльныхъ или, чего Боже спаси, ежедневныхъ любовниковъ. Познакомясь сего дня и совершивъ свое желаніе, завтра его не знаетъ; да и того иногда не знаетъ, что уже она однимъ его поцѣлуемъ заразилася.— А ты голубушка моя пятнадцати-лѣтняя дѣвушка, ты еще непорочна можетъ быть; но на лбу твоемъ я вижу, что кровь твоя вся отравлена. Блаженной памяти твой батюшка изъ докторскихъ рукъ не выхаживилъ; а государыня матушка твоя, направляя тебя на свой благочестивый путь, нашла уже тебѣ женишка, заслуженнаго старика генерала, и спѣшитъ тебя выдать замужъ, для того только, чтобы не сдѣлать съ тобой визита воспитательному дому. А за старикомъ то жить не худо, своя воля; только бы быть замужемъ, дѣти всѣ его. Ревнивъ онъ будетъ, тѣмъ лучше; болѣе удовольствія въ украденныхъ утѣхахъ; съ первой ночи пріучить его можно не слѣдовать глупой старой модѣ, съ женою спать вмѣстѣ.

И не примѣтилъ, какъ вы, мои любезныя городскія сватьюшки, тетушки, сестрицы, племянницы и проч., меня долго задержали. Вы право того не стоите. У васъ на щекахъ румяна, на сердцѣ румяна, на совѣсти румяна, на искренности . . . сажа. Все равно румяна или сажа. Я побѣгу отъ васъ во всю конскую рысь къ моимъ деревенскимъ красавицамъ. Правда, есть между ими на васъ похожія, но есть такія, каковыхъ въ городахъ слыхомъ не слыхано и видомъ не видано. . . . Посмотрите, какъ всѣ члены у моихъ красавицъ круглы, рослы, неискривлены, неиспорчены. Вамъ смѣшно, что у нихъ ступни въ пять вершковъ, а можетъ быть и въ шесть. Ну любезная моя племянница, съ трехъ вершковою твоею ножкою, стань съ ними рядомъ, и бѣгите въ запуски, кто скорѣе достигнетъ высокой березы, по конецъ луга стоящей? а—а—это не твое дѣло.—А ты сестрица моя голубушка, съ трехъ четвертнымъ своимъ станомъ въ обхватѣ, ты изволишь издѣваться, что у сельской моей русалки брюшко на волѣ выросло. Постой моя голубушка, посмѣюсь и я надъ тобою. Ты ужъ десятый мѣсяцъ за мужемъ, и ужъ трехъ четвертной твой станъ изуродовался. А какъ то дойдетъ до родовъ, запоешь другимъ голосомъ. Но дай Богъ, чтобы обошлось все смѣхомъ. Дорогой мой зятюшка ходитъ повѣся носъ. Уже всѣ твои шнурованья бросилъ въ огонь. Кости изъ всѣхъ твоихъ платьевъ повытаскалъ, но уже поздно. Сросшихся твоихъ на криво составовъ тѣмъ не спрямишь. — Плачь мой любезный зять, плачь. Мать наша, слѣдуя плачевной и смертію разрѣшающихся отъ бремени женъ ознаменованной модѣ, уготовала за многія лѣто тебѣ печаль, а дочери

своей болѣзнь, дѣтямъ твоимъ слабое тѣлосложеніе. Она теперь возноситъ надъ главою ея смертоносное остріе; а если оно не коснется дней твоея супруги, благодари случай; а если вѣришь, что провидѣніе Божіе о томъ заботилося, то благодари и его, коли хочешь. — Но я еще съ городскими боярыньками.—Вотъ что привычка дѣлаетъ; отвязаться отъ нихъ не хочется. И право съ вами бы не разстался, если бы могъ довести васъ до того, чтобы вы лица своего и искренности не румянили. Теперь прощайте.—

Покуда я глядѣлъ на моющихъ платье деревенскихъ нимфъ, кибитка моя отъ меня уѣхала. Я намѣрился идти за нею вслѣдъ, какъ одна дѣвка по виду лѣтъ двадцати, а конечно не болѣе семнадцати, положа мокрое свое платье на коромысло, пошла одною со мной дорогою. Поровнявшись съ ней, началъ я съ нею разговоръ. — Не трудно ли тебѣ нести такую тяжелую ношу, любезная моя, какъ назвать не знаю.—Меня зовутъ Анною, а ноша моя не тяжела. Хотя бы и тяжела была, я бы тебя баринъ не попросила мнѣ пособить. — Къ чему такая суровость Аннушка душа моя, я тебѣ худова не желаю.—Спасибо, спасибо; часто мы видимъ такихъ щелкуновъ, какъ ты, пожалуй проходи своею дорогою.—Аннушка я право не таковъ, какъ я тебѣ кажуся, и не таковъ, какъ тѣ, о которыхъ ты говоришь. Тѣ, думаю, такъ не начинаютъ разговора, съ деревенскими дѣвками; а всегда поцѣлуемъ; но я хотя бы тебя поцѣловалъ, то конечно бы такъ, какъ сестру мою родную.—Не подъѣзжай пожалуйста; разсказы таковые я слыхала; а коли ты худова не мыслишь, чего же ты отъ меня хочешь?—Душа моя Аннушка, я хотѣлъ знать, естьли у тебя отецъ и мать, какъ ты живешь, богато ли или убого, весело ли, есть-ли у тебя женихъ?—А на что это тебѣ баринъ. Отъ роду въ первой разъ такія слышу рѣчи.—Изъ сего судить можешь Анюта, что я не негодяй, не хочу тебя обругать, или обезчестить. Я люблю женщинъ для того, что они соотвѣтственное имѣютъ сложеніе моей нѣжности; а болѣе люблю сельскихъ женщинъ, или крестьянокъ для того, что онѣ не знаютъ еще притворства, не налагаютъ на себя личины притворныя любви, а когда любятъ, то любятъ отъ всего сердца, и искренно. . . . Дѣвка въ сіе время смотрѣла на меня выпяля глаза съ удивленіемъ. Да и такъ быть должно; ибо кто не знаетъ, съ какою наглостію дворянская дерзкая рука поползается на непристойныя и оскорбительныя цѣломудрію шутки съ деревенскими дѣвками. Онѣ въ глазахъ дворянъ старыхъ и малыхъ суть твари созданныя на ихъ угожденіе. Такъ они и поступаютъ; а особливо съ нещастными, подвластными ихъ велѣніямъ. Въ бывшее пугачевское возмущеніе, когда всѣ служители вооружились на своихъ господъ, нѣкакіе крестьяне (повѣсть сія не лжива) связавъ своего господина везли его на неизбѣжную казнь. Какая тому была причина? Онъ во всемъ былъ господинъ доброй и человѣколюбивой, но мужъ не былъ безопасенъ въ своей женѣ, отецъ въ дочери. Каждую ночь посланные его приводили къ нему на жертву безчестія ту, которую онъ того дня назначилъ. Извѣстно въ деревнѣ было, что онъ омерзилъ 60 дѣвицъ, лишивъ ихъ непорочности. Наѣхавшая команда выручила сего варвара изъ рукъ на него злобствовавшихъ. Глупые крестьяне, вы искали правосудія въ самозванцѣ, но почто не повѣдали вы сего законнымъ судіямъ вашимъ? Они бы предали его гражданской смерти, и вы бы невинны осталися. А теперь злодѣй сей спасенъ. Блаженъ если близкой взоръ смерти образъ мыслей его перемѣнилъ, и далъ жизненнымъ его сокамъ другое теченіе. — Но крестьянинъ въ законѣ мертвъ, сказали мы. . . . . Нѣтъ, нѣтъ, онъ живъ, онъ живъ будетъ, если того восхочетъ. . . . .

Если баринъ ты не шутишь, сказала мнѣ Анюта, то вотъ что я тебѣ скажу: у меня отца нѣтъ, онъ умеръ уже года съ два; есть матушка да маленькая сестра. Батюшка намъ оставилъ пять лошадей и три коровы. Есть и мелкаго скота и птицъ довольно; но нѣтъ въ дому работника. Меня было сватали въ богатой домъ, за парня десятилѣтняго; но я не захотѣла. Что мнѣ въ такомъ ребенкѣ; я его любить не буду. А какъ онъ придетъ въ пору, то я состарѣюсь, и онъ будетъ таскаться съ чужими. Да сказываютъ, что свекоръ самъ съ молодыми невѣстками спитъ, покуда сыновья выростаютъ. Мнѣ для того то не захотѣлось идти къ нему въ семью. Я хочу себѣ ровню. Мужа буду любить, да и онъ меня любить будетъ, въ томъ не сомнѣваюсь. Гулять съ молодцами не люблю, а замужъ баринъ хочется. Да знаешь ли для чего? говорила Анюта потупя глаза. — Скажи душа моя Анютушка, не стыдись; всѣ слова въ

устахъ невинности непорочны. — Вотъ что я тебѣ скажу. Прошлымъ лѣтомъ, годъ тому назадъ, у сосѣда нашего женился сынъ на моей подругѣ, съ которой я хаживала всегда въ посидѣлки. Мужъ ее любитъ, а она его столько любитъ, что на десятомъ мѣсяцѣ послѣ вѣнчанья родила ему сынка. Всякой вечеръ она выходитъ пестовать его за ворота. Она на него не наглядится. Кажется, будто и парнекъ то матушку свою ужъ любитъ. Какъ она скажетъ ему, агу, агу, онъ и засмѣется. Мнѣ то до слезъ всякой день: мнѣ бы ужъ хотѣлось самой имѣть такова же паренька... Я не могъ тутъ вытерпѣть и обнявъ Анюту поцѣловалъ ее отъ всего моего сердца. — Смотри баринъ какой ты обманьщикъ, ты ужъ играешь со мною. Поди сударь прочь отъ меня, оставь бѣдную сироту, сказала Анюта заплакавъ. Кабы батюшка живъ былъ и это видѣлъ, то бы даромъ, что ты господинъ, нагрѣлъ бы тебѣ шею. — Не оскорбляйся моя любезная Анютушка, не оскорбляйся, поцѣлуй мой не осквернитъ твоей непорочности. Она въ глазахъ моихъ священна. Поцѣлуй мой есть знакъ моего къ тебѣ почтенія и былъ исторгнутъ восхищеніемъ глубоко тронутыя души. Не бойся меня любезная Анюта, не подобенъ я хищному звѣрю, какъ наши молодые господчики, которые отъятіе непорочности не во что вмѣняютъ. Если бы я зналъ, что поцѣлуй мой тебя оскорбитъ, то клянусь тебѣ Богомъ, чтобы не дерзнулъ на него.—Разсуди самъ баринъ, какъ не осердиться за поцѣлуй, когда всѣ они ужъ посулены другому. Они заранѣе всѣ ужъ отданы, и я въ нихъ не властна.—Ты меня восхищаешъ. Ты уже любить умѣешь. Ты нашла сердцу своему другое ему соотвѣтствующее. Ты будешь блаженна. Ни что не развратитъ союза вашего. Не будешь ты окружена соглядателями, въ сѣти пагубы уловить тебя стрегущими. Не будетъ слухъ сердечнаго друга твоего уязвленъ прельщающимъ глазомъ, на нарушеніе его къ тебѣ вѣрности призывающимъ. Но почто же, моя любезная Анюта, ты лишена удовольствія наслаждаться щастіемъ въ объятіяхъ твоего милаго друга?—Ахъ баринъ, для того что его не отдаютъ къ намъ въ домъ. Просятъ ста рублей. А матушка меня не отдаетъ; я у ней одна работница.—Да любитъ ли онъ тебя?—Какъ же не такъ. Онъ приходитъ по вечерамъ къ нашему дому и мы вмѣстѣ смотримъ на паренька моей подруги... Ему хочется такова же паренька. Грустно мнѣ будетъ; но быть терпѣть. Ванюха мой хочетъ идти на баркахъ въ Питеръ въ работу, и не воротится, покуда не выработаетъ ста рублей для своего выкупа.—Не пускай его, любезная Анютушка, не пускай его; онъ идетъ на свою гибель. Тамъ онъ научится пьянствовать, мотать, лакомиться, не любить пашню, а больше всего онъ и тебя любить перестанетъ.—Ахъ баринъ не стращай меня, сказала Анюта почти заплакавъ.—А тѣмъ скорѣе Анюта, если ему случится служить въ дворянскомъ домѣ. Господской примѣръ заражаетъ верхнихъ служителей, нижніе заражаются отъ верхнихъ, а отъ нихъ язва разврата достигаетъ и до деревень. Примѣръ есть истинная чума; кто что видитъ, тотъ то и дѣлаетъ.—Да какъ же быть? Такъ мнѣ и вѣкъ за нимъ не бывать замужемъ. Ему пора уже жениться; по чужимъ онъ не гуляетъ; меня не отдаютъ къ нему въ домъ; то высватаютъ за него другую, а я бѣдная умру съ горя... Сіе говорила она проливая горькія слезы.—Нѣтъ моя любезная Анютушка, ты завтра же будешь за нимъ. Поведи меня къ своей матери.—Да вотъ нашъ дворъ, сказала она остановясь. Проходи мимо, матушка меня увидитъ, и худое подумаетъ. А хотя она меня и не бьетъ, но одно ея слово мнѣ тяжелѣе всякихъ побоевъ.—Нѣтъ, моя Анюта, я пойду съ тобою... и не дожидаясь ея отвѣта, вошелъ въ ворота и прямо пошелъ на лѣстницу въ избу. Анюта мнѣ кричала въ слѣдъ, постой баринъ, постой. Но я ей не внималъ. Въ избѣ нашелъ я Анютину мать, которая квашню мѣсила; подлѣ нее на лавкѣ сидѣлъ будущій ея зять. Я безъ дальнихъ околичностей ей сказалъ, что я желаю, чтобы дочь ея была за мужемъ за Иваномъ, и для того принесъ ей то, что надобно для отвлеченія препятствія въ семъ дѣлѣ. Спасибо баринъ, сказала старуха, въ этомъ теперь ужъ нѣтъ нужды. Ванюха теперь пришелъ сказывалъ, что отецъ ужъ отпускаетъ его ко мнѣ въ домъ. И у насъ въ воскресенье будетъ свадьба.—Пускай же посуленное отъ меня будетъ Анютѣ въ приданое.—И на томъ спасибо. Приданова бояре дѣвкамъ даромъ не даютъ. Если ты надъ моей Анютой что сдѣлалъ, и за то даешь ей приданое, то Богъ тебя накажетъ за твое безпутство; а денегъ я не возьму. Если же ты доброй человѣкъ и не ругаеться надъ бѣдными, то взявъ я отъ тебя деньги, лихіе люди

мало ли что подумають. Я не могъ навидиться, нашедъ толико благородства въ образѣ мыслей у сельскихъ жителей. Анюта между тѣмъ вошла въ избу, и матери своей меня расхвалила. Я было еще попытался дать имъ денегъ, отдавая ихъ Ивану, на заведеніе дому; но онъ мнѣ сказалъ: у меня баринъ есть двѣ руки, я ими домъ и заведу. Примѣтивъ, что имъ мое присутствіе было не очень пріятно, я ихъ оставилъ и возвратился къ моей кибиткѣ.

Ѣдущу мнѣ изъ Едрова, Анюта изъ мысли моей не выходила. Невинная ея откровенность мнѣ понравилась безмѣрно. Благородной поступокъ ея матери меня плѣнилъ. Я сію почтенную мать съ засученными рукавами за квашнею, или съ подойникомъ подлѣ коровы, сравнивалъ съ городскими матерями. Крестьянка не хотѣла у меня взять, непорочныхъ, благоумышленныхъ ста рублей, которыя въ соразмѣрности состояній долженствуютъ быть для полковницы, совѣтницы, маіорши, генеральши, пять, десять, пятнадцать тысячь или болѣе; если же госпожѣ полковницѣ, маіоршѣ, совѣтницѣ, или генеральшѣ... (въ соразмѣрности моего посула Едровской ямщичихѣ), у которой дочка лицемъ недурна, или только что непорочна, и того уже довольно, знатной бояринъ, седмидесятой, или чего Боже сохрани, седмьдесятъ второй пробы, посулитъ пять, десять, пятнадцать тысячъ, или глухо знатное приданое, или сыщетъ чиновнаго жениха, или выпроситъ въ почетныя дѣвицы; то я васъ вопрошаю городскія матушки, не іокнетъ ли у васъ сердечко? не захочется ли видѣть дочку въ позлащенной каретѣ, въ бриліантахъ, ѣдущую четвернею, если она ходитъ пѣшкомъ, или ѣдующею цугомъ, вмѣсто двухъ замореныхъ клячъ, которыя ее таскаютъ? Я согласенъ въ томъ съ вами, что бы вы обрядъ и благочиніе сохранили, и не такъ легко сдалися, какъ ѳеатральныя дѣвки. Нѣтъ, мои голубушки, я вамъ даю сроку на мѣсяцъ или на два, но неболѣе. А если долѣ заставите воздыхать первостатейнаго безплодно, то онъ будучи занятъ дѣлами государственными, васъ оставитъ, дабы не терять съ вами драгоцѣннѣйшаго времени, которое онъ лучше употребить можетъ на пользу общественную. — Тысяча голосовъ на меня подымаются; ругаютъ меня всякими мерзкими названіями; мошенникъ плутъ, кан... бес... и пр. и пр... Голубушки мои успокойтесь, я вашей чести не поношу. Уже ли всѣ таковы? Поглядитесь въ сіе зеркало; кто изъ васъ себя въ немъ узнаетъ, та брани меня безъ всякаго милосердія. Жалобницы и на ту я не подамъ, суда по формѣ говорить съ ней не стану.

Анюта, Анюта, ты мнѣ голову скружила! Для чего я тебя не узналъ лѣтъ 15 тому назадъ. Твоя откровенная невинность, любострастному дерзновенію неприступная, научила бы меня ходить во стезяхъ цѣломудія. Для чего первой мой въ жизни поцѣлуй не былъ тотъ, которой я на щекѣ твоей прилѣпилъ, въ душевномъ восхищеніи. Отраженіе твоея жизненности, проникнуло бы во глубину моего сердца, и я бы избѣгнулъ скаредностей, житіе мое исполнившихъ. Я бы удалился отъ смрадныхъ наемницъ любострастія, почтилъ бы ложе супружества, не нарушилъ бы союза родства моею плотскою несытостію; дѣвственность была бы для меня святая святыхъ, и ея коснутися не дерзнулъ бы. О моя Анютушка! сиди всегда у околицы, и давай наставленія твоею незастѣнчивою невинностію. Увѣренъ, что обратишь на путь добродѣланія, начинающаго съ онаго совращатися, и укрѣпишъ въ немъ къ совращенію наклоннаго. Не востревожься, если закоренѣлый въ развратности, посѣдѣвшей въ объятіяхъ бестыдства, мимо тебя пройдетъ, и тебя презритъ; не тщися воспретить его шествію, услажденіемъ твоего разговора. Сердце его уже камень; душа его покрылася алмазною корою. Не можетъ благодѣтельное жало, невинныя добродѣтели, положить на немъ глубокія черты. Конецъ ея скользнетъ по поверхности гладко затвердѣлаго порока. Блюди, да о нее остріе твое не притупится. Но не пропусти юношу, опасными лѣпоты прелестями облеченнаго; улови его въ твои сѣти. Онъ гордъ, надменъ, порывистъ, наглъ, дерзновененъ, обидящъ, уязвляющъ, кажется. Но сердце его уступитъ твоему впечатлѣнію, и отверзется на воспріятіе твоего благотворнаго примѣра.— Анюта я съ тобой не могу разстаться, хотя уже вижу двадцатой столпъ отъ тебя.—

Но что такое за обыкновеніе, о которомъ мнѣ Анюта сказывала? Ее хотѣли отдать за десятилѣтняго ребенка. Кто могъ такой союзъ дозволить? По что не ополчится рука, законы хранящая, на искорененіе толикаго злоупотребленія? Въ христіанскомъ законѣ бракъ есть таинство, въ гражданскомъ соглашеніе или договоръ. Какой священно-

служитель можетъ неравной бракъ благословить, или какой судія можетъ его вписать въ свой дневникъ? Гдѣ нѣтъ соразмѣрности въ лѣтахъ, тамъ и брака быть не можетъ. Сіе запрещаютъ правила естественности, яко вещь безполезную для человѣка; сіе запрещать долженствовалъ бы законъ гражданскій, яко вредное для общества. Мужъ и жена въ обществѣ, суть два гражданина, дѣлающіе договоръ въ законѣ утвержденной, которымъ обѣщеваются прежде всего на взаимное чувствъ услажденіе (да не дерзнетъ здѣсь ни кто оспорить первѣйшаго закона сожитія и основанія брачнаго союза; начало любви непорочнѣйшія и твердый камень основанія супружняго согласія), обѣщеваются жить вмѣстѣ, общее имѣть стяжаніе, возращать плоды своея горячности, и дабы жить мирно другъ друга не уязвлять. При неравенствѣ лѣтъ, можно ли сохранить условіе сего соглашенія? Если мужъ десяти лѣтъ, а жена двадцати пяти, какъ то бываетъ часто во крестьянствѣ, или, если мужъ пятидесяти, а жена пятнадцати или двадцати лѣтъ, какъ то бываетъ во дворянствѣ, можетъ ли быть взаимное чувствъ услажденіе. Скажите вы мнѣ мужья старички, но скажите по совѣсти, стоите ли вы названія мужа. Вы можете только возжечь огнь любовной, не въ состояніи его утушить. Неравенствомъ лѣтъ нарушается единый изъ первѣйшихъ законовъ природы; то можетъ ли положительной законъ быть твердъ, если основанія не имѣетъ въ естественности? Скажемъ: яснѣе онъ и не существуетъ. — Возращать плоды взаимной горячности.—Но можетъ ли тутъ быть взаимность, гдѣ съ одной стороны пламя, а съ другой не чувствительность? Можетъ ли тутъ быть плодъ, если насажденное древо лишается благодѣтельнаго дождя и питающія росы? А если плодъ когда и будетъ; но будетъ онъ тощъ, невзраченъ и скорому подверженъ тлѣнію. — Не уязвлять другъ друга.—Се правило предвѣчное, вѣрное, буде щастливою въ супругахъ симпатіею, чувства ихъ равномѣрно услаждаются, то союзъ брачный будетъ благополученъ; малыя домашнія волненія скоро утихаютъ при нашествіи веселія, И когда мразъ старости подернетъ чувственное веселіе непроницаемою корою, тогда напоминовеніе прежнихъ утѣхъ успокоитъ брюзгливую древность лѣтъ. — Одно условіе брачнаго договора можетъ и въ неравенствѣ быть исполняемо. Жить вмѣстѣ.—Но будетъ ли въ томъ взаимность. Одинъ будетъ начальникъ самовластный, имѣя въ рукахъ силу, другой будетъ слабый подданникъ и рабъ совершенный, велѣніе господа своего исполнять только могущій.—Вотъ, Анюта, благія мысли тобою мнѣ внушенныя. Прости, любезная моя Анютушка, поученія твои вѣчно пребудутъ въ сердцѣ моемъ впечатлѣнны, и сыны сыновъ моихъ наслѣдятъ въ нихъ.

Хотиловской ямъ былъ уже въ виду, а я еще размышлялъ о Едровской дѣвкѣ, и въ восторгѣ души моей воскликнулъ громко: о Анюта! Анюта! Дорога была не гладка, лошади шли шагомъ; повозчикъ мой вслушался въ мою рѣчь, оглянувшись на меня: видно баринъ, говорилъ онъ мнѣ улыбаясь и поправляя шляпу, что ты на Анютку нашу призарился. Да ужъ и дѣвка! Не одному тебѣ она носъ утерла... Всѣмъ взяла... На нашемъ яму много смазливыхъ, но передъ ней всѣ плюнь. Какая мастерица плясать! всѣхъ за поясъ заткнетъ, хоть бы кого... А какъ пойдетъ въ полѣ жать... заглядѣнье. Ну... братъ Ванька щастливъ.—Иванъ братъ тебѣ?—Братъ двоюродной. Да вѣдь и парень! Трое вдругъ молодцовъ стали около Анютки свататься; но Иванъ всѣхъ отбоярилъ. Они тѣмъ и сѣмъ, но не тутъ-та. А Ванюха тотчасъ и подцѣпилъ... (Мы уже въѣзжали въ околицу)... То то баринъ! Всякъ пляшетъ да не какъ скоморохъ.— И къ почтовому двору подъѣхалъ.

Всякъ пляшетъ, да не какъ скоморохъ, твердилъ я вылѣзая изъ кибитки... Всякъ пляшетъ да не какъ скоморохъ, повторилъ я наклоняяся, и поднялъ развертывая...

ХОТИЛОВЪ.

—

Проектъ въ будущемъ.

Доведя постепенно любезное отечество наше до цвѣтущаго состоянія, въ которомъ оно нынѣ находится; видя науки, художества и рукодѣлія, возведенныя до высочайшія совершенства степени, до коей человѣку достигнути дозволяется; видя въ областяхъ нашихъ, что разумъ человѣческій вольно распростирая свое крыліе, безпрепятственно и незаблужденно возносится вездѣ къ величію, и надежнымъ нынѣ сталъ стражею общественныхъ законоположеній. Подъ державнымъ его покровомъ свободно и сердце наше въ молитвахъ, ко всевышнему Творцу возсылаемыхъ. Съ неизреченнымъ радованіемъ сказати можетъ, что отечество наше есть пріятное божеству обиталище; ибо сложеніе его не на предразсудкахъ и суевѣріяхъ основано, но на внутреннемъ нашемъ чувствованіи щедротъ отца всѣхъ. Не извѣстны намъ вражды, столь часто людей раздѣлявшія за ихъ исповѣданіе, неизвѣстно намъ въ ономъ и принужденіе. Родившись среди свободы сей, мы истинно братьями другъ друга почитаемъ, единому принадлежа семейству, единаго имѣемъ отца, Бога.

Свѣтильникъ науки, носяся надъ законоположеніемъ нашимъ, отличаетъ нынѣ его отъ многихъ земныхъ законоположеній. Равновѣсіе во властяхъ, равенство въ имуществахъ отъемлютъ корень даже гражданскихъ несогласій. Увѣренность въ наказаніяхъ, заставляя почитать законы верховныя власти, яко велѣнія нѣжныхъ родителей къ своимъ чадамъ, предъупреждаетъ даже и безхитростныя злодѣянія. Ясность въ положеніяхъ о пріобрѣтеніи и сохраненіи имѣній не дозволяетъ возродиться семейнымъ распрямъ. Межа, отдѣляющая гражданина въ его владѣніи отъ другаго, глубока, и всѣми зрима, и всѣми свято почитаема. Оскорбленія частныя между нами рѣдки, и дружелюбно примиряются. Воспитаніе народное пеклося о томъ, да кротки будемъ, да будемъ граждане миролюбивые, но прежде всего да будемъ человѣки.

Наслаждаяся внутреннею тишиною, внѣшнихъ враговъ не имѣя; доведя общество до высшаго блаженства гражданскаго сожитія; неужели толико чужды будемъ ощущенію человѣчества, чужды движеніямъ жалости, чужды нѣжности благородныхъ сердецъ, любви чужды братнія; и оставимъ въ глазахъ нашихъ на всегдашнюю намъ укоризну, на поношеніе дальнѣйшаго потомства, треть цѣлую общниковъ нашихъ, согражданъ намъ равныхъ, братій возлюбленныхъ въ естествѣ, въ тяжкихъ узахъ рабства и неволи? Звѣрской обычай, порабощать себѣ подобнаго человѣка, возродившійся въ знойныхъ полосахъ Ассіи; обычай дикимъ народамъ приличный; обычай, знаменующій сердце окаменѣлое, и души отсутствіе совершенное, простерся на лицѣ земли быстротечно, широко и далеко. И мы сыны славы, мы именемъ и дѣлами словуты въ колѣнахъ земнородныхъ, пораженные невѣжества мракомъ, воспріяли обычай сей; и ко стыду нашему, ко стыду прошедшихъ вѣковъ, ко стыду сего разумнаго времяточія, сохранили его нерушимо, даже до сего дня.

Извѣстно вамъ изъ дѣяній отцевъ вашихъ, извѣстно всѣмъ изъ нашихъ лѣтописей, что мудрые правители нашего народа, истиннымъ подвизаемы человѣколюбіемъ, дознавъ естественную связь общественнаго союза, старалися положить предѣлъ стоглавному сему злу. Но державные ихъ подвиги утщетилися, извѣстнымъ тогда, гордымъ своими преимуществами въ государствѣ нашемъ, чиносостояніемъ, но нынѣ обветшалымъ и въ презрѣніе впадшимъ, дворянствомъ наслѣдственнымъ. Державные предки наши, среди могущества силъ скипетра своего, немощны были на разрушеніе оковъ гражданскія неволи. Нетокмо они не могли исполнити своихъ благихъ намѣреній, но ухищреніемъ помянутаго въ государствѣ чиносостоянія, подвигнуты стали на противныя разсудку ихъ и сердцу правила. Отцы наши зрѣли губителей сихъ, со слезами можетъ быть сердечными, сожимающихъ узы и отягчающихъ оковы наиполезнѣйшихъ въ обществѣ сочленовъ. Земледѣльцы и доднесь между нами рабы; мы въ нихъ не познаемъ согражданъ намъ равныхъ, забыли въ нихъ человѣка. О воз-

любленные наши сограждане! о истинные сыны отечества! возрите окресть васъ, и познайте заблужденіе ваше. Служители Божества предвѣчнаго, подвизаемые ко благу общества и ко блаженству человѣка, единомысліемъ съ вами, изъясняли вамъ въ поученіяхъ своихъ, во имя всещедраго Бога, ими проповѣдуемаго, колико мудрости его и любви противно властвовати надъ ближнимъ своимъ самопроизвольно. Старалися они, доводами въ природѣ и сердцѣ нашемъ почерпнутыми, доказать вамъ жестокость вашу, неправду и грѣхъ. Еще гласъ ихъ, торжественно во храмахъ живаго Бога, вопіетъ громко: опомнитесь заблудшіе, смягчитеся жестокосердые; разрушите оковы братіи вашей, отверзите темницу неволи, и дайте подобнымъ вамъ вкусити сладости общежитія, къ нему же всещедрымъ уготованы, яко же и вы. Они благодѣтельными лучами солнца равно съ вами наслаждаются, одинаковые съ вами у нихъ члены и чувства, и право въ употребленіи оныхъ должно быть одинаково.

Но если служители Божества представили взорамъ вашимъ неправоту порабощенія, въ отношеніи человѣка; за долгъ нашъ вмѣняемъ мы показать вамъ вредъ оной въ обществѣ и неправильность онаго, въ отношеніи гражданина. Излишне казалось бы, при возникшемъ столь уже давно духѣ любомудрія, изыскивать или поновлять доводы, о существенномъ человѣковъ, а потому и гражданъ равенствѣ. Возросшему подъ покровомъ свободы, исполненному чувствіями благородства, а не предразсужденіями, доказательства о первенственномъ равенствѣ, суть движенія его сердца обыкновенныя. Но се несчастіе смертнаго на земли: заблуждати среди свѣта, и не зрѣти того, что прямо взорамъ его предстоитъ.

Въ училищахъ, юнымъ вамъ сущимъ преподали вамъ основанія права естественнаго и права гражданскаго. Право естественное показало вамъ человѣковъ, мысленно внѣ общества, пріявшихъ одинаковое отъ природы сложеніе, и потому имѣющихъ одинаковыя права, слѣдственно, равныхъ во всемъ между собою, и единые другимъ неподвластныхъ. Право гражданское показало вамъ человѣковъ, промѣнявшихъ безпредѣльную свободу, на мирное оныя употребленіе. Но если всѣ они положили свободѣ своей предѣлъ, и правило дѣяніямъ своимъ; то всѣ равны отъ чрева матерня въ природной свободѣ, равны должны быть и въ ограниченіи оной. Слѣдственно и тутъ одинъ другому не подвластенъ. Властитель первый въ обществѣ есть законъ; ибо онъ для всѣхъ одинъ. Но какое было побужденіе вступати въ общество и полагати произвольные предѣлы дѣяніямъ. Разсудокъ скажетъ собственное благо, сердце скажетъ, собственное благо, нерастлѣнный законъ гражданскій скажетъ собственное благо. Мы въ обществѣ живемъ, уже многіе степени усовершенствованія протекшемъ, и потому запамятовали мы начальное онаго положеніе. Но воззрите на всѣ новые народы, и на всѣ общества естества, если такъ сказать можно. Во-первыхъ порабощеніе есть преступленіе; во-вторыхъ—единъ злодѣй или непріятель испытуетъ тягость неволи. Соблюдая сіи понятіи, познаемъ мы, колико удалилися мы отъ цѣли общественной, колико отстоимъ еще, вершины блаженства общественнаго, далеко. Все сказанное нами, вамъ есть обычно, и правила таковыя изсосали вы со млекомъ матернимъ. Единъ предразсудокъ мгновенія, единая корысть (да не уязвитеся нашими изреченіями), единая корысть отъемлетъ у насъ взоръ, и въ темнотѣ бѣснующимъ насъ уподобляетъ.

Но кто между нами оковы носитъ, кто ощущаетъ тяготу неволи? Земледѣлецъ! кормилецъ нашея тощеты, насытитель нашего глада; тотъ кто даетъ намъ здравіе, кто житіе наше продолжаетъ, не имѣя права распоряжати ни тѣмъ, что обработываетъ, ни тѣмъ, что производитъ. Кто же къ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея? Представимъ себѣ мысленно мужей пришедшихъ въ пустыню, для сооруженія общества. Помышляя о прокормленіи своемъ, они дѣлятъ поросшую злакомъ землю. Кто жребій на удѣлѣ получаетъ? Не тотъ ли, кто ее вспахать возможетъ; не тотъ ли, кто силы и желаніе къ тому имѣетъ достаточныя? Младенцу или старцу, разслабленному, немощному и нерадивому, удѣлъ будетъ безполезенъ. Она пребудетъ въ запустѣніи, и вѣтръ класовъ на ней невозвѣетъ. Если она безполезна дѣлателю ея, то безполезна и обществу; ибо избытка своего дѣлатель обществу не отдастъ, не имѣя нужнаго. Слѣдственно, въ началѣ общества, тотъ кто ниву обработать можетъ, тотъ имѣлъ на владѣніе ею право, и обработывающій ее пользуется ею исключительно Но колико удалилися мы отъ перво-

начальнаго общественнаго положенія, относительно владѣнія. У насъ, тотъ кто естественное имѣетъ къ оному право, нетокмо отъ того исключенъ совершенно, но работая ниву чужую, зритъ пропитаніе свое зависящее отъ власти другаго! Просвѣщеннымъ вашимъ разумамъ истины сіи не могутъ быть не понятны, но дѣянія ваши, въ исполненіи сихъ истинъ, препинаемы, сказали уже мы, предразсужденіемъ и корыстію. Неужели сердца ваши, любовію человѣчества полные, предпочтутъ корысть чувствованіямъ, сердце услаждающимъ? Но какая въ томъ корысть ваша? Можетъ ли государство, гдѣ двѣ трети гражданъ лишены гражданскаго званія, и частію въ законѣ мертвы, назваться блаженными? Можно ли назвать блаженнымъ гражданское положеніе крестьянина въ Россіи? Ненасытецъ кровей одинъ скажетъ, что онъ блаженъ, ибо не имѣетъ понятія о лучшемъ состояніи.

Мы постараемся опровернуть теперь сіи звѣрскія властителей правила, яко же ихъ опровергали нѣкогда предшественники наши, дѣяніями своими неуспѣшно.

Блаженство гражданское въ различныхъ видахъ представиться можетъ. Блаженно государство, говорятъ, если въ немъ царствуетъ тишина и устройство. Блаженно кажется, когда нивы въ немъ не пустѣютъ, и во градѣхъ гордыя воздымаются зданія. Блаженно, называютъ его, когда далеко простираетъ власть оружія своего, и властвуетъ оно внѣ себя, не токмо силою своею, но и словомъ своимъ, надъ мнѣніями другихъ. Но всѣ сіи блаженства можно назвать внѣшними, мгновенными, преходящими, частными и мысленными.

Воззримъ, на предлежащую взорамъ нашимъ долину. Что видимъ мы? Пространный воинскій станъ. Царствуетъ въ немъ тишина повсюду. Всѣ ратники стоятъ въ своемъ мѣстѣ. Наивеличайшій строй зрится въ рядахъ ихъ. Единое велѣніе, единое руки мановеніе начальника, движетъ весь станъ, и движетъ его стройно. Но можемъ ли назвать воиновъ блаженными? Превращенные точностію воискаго повиновенія въ куклы, отъемлется у нихъ даже движенія воля, толико живымъ веществамъ свойственная. Они знаютъ только велѣніе начальника, мыслятъ, что онъ хощетъ, и стремятся, куда направляетъ. Толико всесиленъ жезлъ надъ могущественнѣйшею силою государства. Совокупны, возмогутъ вся, но раздѣленны и на единѣ, пасутся, яко скоты, аможе пастырь пожелаетъ. Устройство на щетъ свободы, столь же противно блаженству нашему, какъ и самые узы. — Сто невольниковъ, пригвожденныхъ ко скамьямъ корабля, веслами двигаемаго въ пути своемъ, живутъ въ тишинѣ и устройствѣ; но загляни въ ихъ сердце и душу. Терзаніе, скорбь, отчаяніе. Желали бы они нерѣдко промѣнять жизнь на кончину; но и ту имъ оспариваютъ. Конецъ страданія ихъ есть блаженство; а блаженство неволи не сродно, и потому они живы. И такъ да не ослѣпимся внѣшнимъ спокойствіемъ государства и его устройствомъ, и для сихъ только причинъ да не почтемъ оное блаженнымъ. Смотри всегда на сердца согражданъ. Если въ нихъ найдешь спокойствіе и миръ, тогда сказать можешь воистинну: се блаженны.

Европейцы опустошивъ Америку, утучнивъ нивы ея кровію природныхъ ея жителей, положили конецъ убійствамъ своимъ новою корыстію. Запустѣлыя нивы, сего обновленнаго сильными природы потрясеніями полукружія, почувствовали соху нѣдра ихъ раздирающую. Злакъ, на тучныхъ лугахъ выроставшій и изсыхавшій безплодно, почувствовалъ быліе свое, остріемъ косы подсѣкаемо. Валятся на горахъ гордыя древеса, издревле вершины ихъ осѣнявшія. Лѣса безплодныя и горькія дебри, претворяются въ нивы плодоносныя, и покрываются стовидными произращеніями единой Америкѣ свойственными, или удачно въ оную преселенными. Тучные луга потаптываются многочисленнымъ скотомъ, на яству и работу человѣкомъ опредѣляемымъ. Вездѣ видна строящая рука дѣлателя, вездѣ кажется видъ благосостоянія и внѣшній знакъ устройства. Но кто же столь мощною рукою нудитъ скупую, лѣнивую природу давать плоды свои въ толикомъ обиліи. Заклавъ индійцевъ единовременно, злобствующіе европейцы, проповѣдники миролюбія во имя Бога истины, учители кротости и человѣколюбія, къ корени яростнаго убійства завоевателей, прививаютъ хладкровное убійство порабощенія, пріобрѣтеніемъ невольниковъ куплею. Сіи то несчастныя жертвы знойныхъ береговъ Нигера и Сенагала, отринутыя своихъ домовъ и семействъ, преселенныя въ невѣдомыя имъ страны, подъ тяжкимъ жезломъ благоустройства, вздираютъ обильныя нивы Америки, трудовъ ихъ гнушающейся. И мы страну опустошенія назовемъ блаженною для

того, что поля ея не просли терніемъ и нивы ихъ обилуютъ произращеніями разновидными. Назовемъ блаженною страною, гдѣ сто гордыхъ гражданъ утопаютъ въ роскоши, а тысящи не имѣютъ надежнаго пропитанія, ни собственнаго отъ зноя и мраза укрова. О дабы опустѣти паки обильнымъ симъ странамъ! дабы терніе и волчецъ, простирая корень свой глубоко, истребили всѣ драгія Америки произведенія! Вострепещите о возлюбленные мои, да не скажутъ о васъ: «премени имя, повѣсть о тебѣ вѣщаетъ».

Мы дивимся и нынѣ еще огромности египетскихъ зданій. Не уподобительныя пирамиды, чрезъ долгое время доказывать будутъ, смѣлое въ созиданіи египтянъ зодчество. Но для чего, сіи столь нелѣпыя кучи камней были уготованы? На погребеніе надменныхъ Фараоновъ. Кичливые сіи властители, жадая бесмертія, и по кончинѣ хотѣли отличествовати внѣшностію своею отъ народа своего. И такъ огромность зданій, безполезныхъ обществу, суть явныя доказательства его порабощенія. Въ остаткахъ погибшихъ градовъ, гдѣ общее блаженство нѣкогда водворялось, обрящемъ развалины училищъ, больницъ, гостинницъ, водоводовъ, позорищъ и тому подобныхъ зданій; во градахъ же, гдѣ извѣстнѣе было я, а не мы, находимъ остатки великолѣпныхъ царскихъ чертоговъ, пространныхъ конюшенъ, жилища звѣрей. Сравните то и другое выборъ нашъ не будетъ затруднителенъ.

Но что обрѣтаемъ въ самой славѣ завоеваній. Звукъ, гремленіе, надутлость и истощеніе. Я таковую славу примѣню къ шарамъ въ 18-мъ столѣтіи изобрѣтеннымъ; изъ шелковой ткани сложенные, наполняются они мгновенно горючимъ воздухомъ, и возлетаютъ съ быстротою звука, до выспреннихъ предѣловъ эѳира. Но то, что ихъ составляло силу, источается изъ среды тончайшими скважинами непрестанно; тяжесть горе вращавшаяся пріемлетъ естественный путь паденія долу; и то, что мѣсяцы цѣлые сооружалося со трудомъ, тщаніемъ и иждивеніемъ, едва часовъ нѣсколько можетъ веселить взоры зрителей.

Но вопроси чего жаждетъ завоеватель; чего онъ ищетъ опустошая страны населенныя, или покоряя пустыни своей державѣ? Отвѣтъ получимъ мы отъ яростнѣйшаго изъ всѣхъ, отъ Александра, Великимъ названнаго; но великъ по истинѣ не въ дѣлахъ своихъ, но въ силахъ душевныхъ и разсореніяхъ. О аѳиняне! вѣщалъ онъ, колико стоитъ мнѣ, быть хвалиму вами. Несмысленной! возри на шествіе твое. Крутый вихрь твоего полета, переносяся чрезъ твою область, затаскиваетъ въ вертѣніе свое жителей ея, и влача силу государства во своемъ стремленіи, за собою оставляетъ пустыню и мертвое пространство. Не разсуждаешь ты о ярый вѣпрь, что опустошая землю свою побѣдою, въ завоеванной ни чего не обрящешь тебя услаждающаго. Если пріобрѣлъ пустыню, то она содѣлается могилою для твоихъ согражданъ, въ коей они сокрыватися будутъ; населяя новую пустыню, превратишь страну обильную въ безплодную. Какая же прибыль что изъ пустыни содѣлалъ селидьбы, если другія поселенія тѣмъ сдѣлалъ пустыми? Если пріобрѣлъ населенную страну, то изчисли убійства твои, и ужаснися. Искоренить долженствуешь ты всѣ сердца, тебя въ громоносности твоей возненавидѣвшія; не мни убо, что любити можно, его же бояться нудяться. По истребленіи мужественныхъ гражданъ, останутся и будутъ подвластны тебѣ робкія души, рабства иго воспріяти готовыя; но и въ нихъ ненависть къ подавляющей твоей побѣдѣ укоренится глубоко. Плодъ твоего завоеванія будетъ, не льсти себѣ, убійство и ненависть. Мучитель пребудетъ на памяти потомковъ; казниться будешь, вѣдая, что мерзятъ тебя новые рабы твои, и отъ тебя кончены твоея просятъ.

Но нисходя къ ближайшимъ о состояніи земледѣлателей понятіямъ, колико вреднымъ его находимъ мы для общества. Вредно оно въ размноженіи произрастеній и народа, вредно примѣромъ своимъ и опасно въ неспокойствіи своемъ. Человѣкъ, въ начинаніяхъ своихъ двигаемый корыстію, предпріемлетъ то, что ему служить можетъ на пользу, ближайшую или дальнюю, и удаляется того, въ чемъ онъ не обрѣтаетъ пользы, ближайшей или дальновидной. Слѣдуя сему естественному побужденію, все начинаемое для себя, все что дѣлаемъ безъ принужденія, дѣлаемъ съ прилежаніемъ, раченіемъ, хорошо. Напротивъ того все то, на что не свобооно подвизаемся, все то, что не для своей совершаемъ пользы, дѣлаемъ оплошно, лѣниво, косо и криво. Таковыхъ находимъ мы земледѣлателей, въ государствѣ нашемъ. Нива у нихъ чуждая, плодъ оныя имъ не принадлежитъ. И для того обработываютъ ее лѣниво; и не радѣютъ о

томъ, не запустѣетъ ли среди дѣланія. Сравни сію ниву, съ данною надменнымъ владѣльцемъ, на тощее прокормленіе дѣлателю. Не жалѣетъ сей о трудахъ своихъ, ея ради предпринимаемыхъ. Ни что не отвлекаетъ его отъ дѣланія. Жестокость времени онъ одолѣваетъ бодрственно; часы, на упокоеніе опредѣленныя, проводитъ въ трудахъ; во дни, на веселіе опредѣленные, онаго чуждается. Зане рачитъ о себѣ, работаетъ для себя, дѣлаетъ про себя. И такъ нива его дастъ ему плодъ сугубый; и такъ всѣ плоды трудовъ земледѣлателей мертвѣютъ, или паче не возраждаются, они же родились бы, и были живы на насыщеніе гражданъ, если бы дѣланіе нивъ было рачительно, если бы было свободно.

Но если принужденная работа даетъ меньше плода, то недостигающія своея цѣли земныя произведенія толико же препятствуютъ размноженію народа. Гдѣ ѣсть нечего, тамъ хотя бы и было кому ѣсть, не будетъ; умрутъ отъ истощенія. Тако нива рабства, не полный давая плодъ, мертвитъ гражданъ, имъ же опредѣлены были природою избытки ея. Но симъ ли однимъ препятствуется въ рабствѣ многоплодіе. Къ недостатку прокормленія и одеждъ присовокупили работу до изнеможенія Умножь оскорбленія надменности и уязвленія силы, даже въ любезнѣйшихъ человѣка чувствованіяхъ; тогда съ ужасомъ узришь, возникшее губительство неволи, которое тѣмъ только различествуетъ отъ побѣдъ и завоеваній, что не дастъ тому родиться, что побѣда посѣкаетъ. Но отъ нее вреда больше. Легко всякъ усмотритъ, что одна опустошаетъ случайно, мгновенно; другая губитъ долговременно и всегда; одна, когда прейдетъ полетъ ея, скончаваетъ свое свирѣпство; другая тамъ только начнется, гдѣ сія кончится, и премѣниться не можетъ, развѣ опаснымъ всегда потрясеніемъ всея внутренности.

Но нѣтъ ничего вреднѣе, какъ всегдашнее на предметъ рабства возрѣніе. Съ одной стороны родится надменность, а съ другой робость. Тутъ ни какой не можно быть связи, развѣ насиліе. И сіе, собираяся въ малую среду, властнодержавное свое дѣйствіе простираетъ всюду тяжко. Но поборники неволи, власть и остріе въ рукахъ имѣющіе, сами ключимые во узахъ, наияростнѣйшіе оныя бываютъ проповѣдники. Кажется, что духъ свободы толико въ рабахъ изсякаетъ, что нетокмо не желаютъ скончать своего страданія, но тягостно имъ зрѣти что другіе свободствуютъ. Оковы свои возлюбляютъ, если возможно человѣку любити свою пагубу. Мнѣ мнится въ нихъ зрѣти змію, совеошившую паденіе перваго человѣка.—Примѣры властвованія суть заразительны. Мы сами, признаться должно, мы ополченные палицею мужества и природы на сокрушеніе стоглавнаго чудовища, изсосающаго пищу общественную, уготованную на прокормленіе гражданъ, мы поползнулися, можетъ быть, на дѣйствія самовластія, и хотя намѣренія наши были всегда благи и къ блаженству цѣлаго стремились; но поступокъ нашъ державный полезностію своею оправдаться не можетъ. И такъ нынѣ молимъ васъ, отпущенія нашего неумышленнаго дерзновенія.

Не вѣдаете ли, любезные наши сограждане, коликая намъ предстоитъ гибель, въ коликой мы вращаемся опасности. Загрубѣлыя всѣ чувства рабовъ, и благимъ свободы мановеніемъ въ движеніе не приходящія, тѣмъ укрѣпятъ и усовершенствуютъ внутреннее чувствованіе. Потокъ, загражденный въ стремленіи своемъ, тѣмъ сильнѣе становится, чемъ тверже находитъ противустояніе. Прорвавъ оплотъ единожды, ни что уже въ разлитіи его противиться ему не возможетъ. Таковы суть братія наши, во узахъ нами содержимые. Ждутъ случая и часа. Колоколъ ударяетъ. И се пагуба звѣрства разливается быстротечно. Мы узримъ окрестъ насъ мечъ и отраву. Смерть и пожиганіе намъ будетъ посулъ за нашу суровость и безчеловѣчіе. И чѣмъ медлительнѣе и упорнѣе мы были въ разрѣшеніи ихъ узъ, тѣмъ стремительнѣе они будутъ во мщеніи своемъ. Приведите себѣ на память прежнія повѣствованія. Даже обольщеніе, колико яростныхъ сотворило рабовъ на пагубленіе господъ своихъ! Прельщенные грубымъ самозванцемъ текутъ ему во слѣдъ, и ничего толико не желаютъ, какъ освободиться отъ ига своихъ властителей; въ невѣжествѣ своемъ другаго средства къ тому не умыслили, какъ ихъ умерщвленіе. Не щадили они ни пола, ни возраста. Они искали паче веселіе мщенія, нежели пользу сотрясенія узъ.

Вотъ что намъ предстоитъ, вотъ чего намъ ожидать должно. Гибель возносится горе постепенно и опасность уже вращается надъ главами нашими. Уже время вознесши косу, ждетъ часа

удобности, и первый льстецъ, или любитель человѣчества, возникши на пробужденіе нещастныхъ, ускоритъ его махъ. Блюдитеся.

Но если ужасъ гибели, и опасность потрясенія стяжаній, подвигнуть можетъ слабаго изъ васъ, не уже ли не будемъ мы толико мужественны въ побужденіи нашихъ предразсужденій, въ попраніи нашего корыстолюбія и не освободимъ братію нашу изъ оковъ рабства, и не возстановимъ природное всѣхъ равенство? Вѣдая сердецъ вашихъ расположеніе, пріятнѣе имъ убѣдиться доводами, въ человѣческомъ сердцѣ почерпнутыми, нежели въ изчисленіяхъ корыстолюбиваго благоразумія, а менѣе еще въ опасности. Идите возлюбленные мои, идите въ жилища братіи вашей, возвѣстите о премѣнѣ ихъ жребія. Вѣщайте съ ощущеніемъ сердечнымъ: подвинутые на жалость вашею участію, соболѣзнуя о подобныхъ намъ, дознавъ ваше равенство съ нами, и убѣжденные общею пользою, пришли мы да лобзаемъ братію нашу. Оставили мы гордое различіе, насъ толико времени отъ васъ отдѣлявшее, забыли мы существовавшее между нами неравенство, восторжествуемъ нынѣ о побѣдѣ нашей, и сей день, въ онъ же сокрушаются оковы согражданъ намъ любезныхъ, да будетъ знаменитѣйшій въ лѣтописяхъ нашихъ. Забудьте наше прежнее злодѣйство на васъ, и да возлюбимъ другъ друга искренно.

Се будетъ глаголъ вашъ; се слышится онъ уже во внутренности сердецъ вашихъ. Не медлите, возлюбленные мои. Время летитъ; дни наши преходятъ въ недѣйствіи. Да не скончаемъ жизни нашея, возъимѣвъ только мысль благую, и невозмогши ее исполнить. Да не воспользуется тѣмъ потомство наше, да не пожнетъ вѣнца нашего, и съ презрѣніемъ о насъ да не скажетъ: они были.

Вотъ что я прочелъ въ замаранной грязію бумагѣ, которую поднялъ я передъ почтовою избою, вылѣзая изъ кибитки моей.

Вошедъ въ избу я спрашивалъ, кто были проѣзжіе не задолго передо мною. Послѣдній изъ проѣзжающихъ, говорилъ мнѣ почталіонъ, былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти; ѣдетъ по подорожной въ Петербургъ. Онъ у насъ забылъ связку бумагъ, которую я теперь за нимъ въ слѣдъ посылаю. Я попросилъ почталіона, чтобы онъ далъ мнѣ сіи бумаги посмотрѣть и развернувъ ихъ узналъ, что найденная мною къ нимъ же принадлежала. Уговорилъ я его, чтобы онъ бумаги сіи отдалъ мнѣ, давъ ему за то награжденіе. Разсматривая ихъ узналъ, что онѣ принадлежали искреннему моему другу, а потому не почелъ я ихъ пріобрѣтеніе кражею. Онъ ихъ отъ меня доселѣ не требовалъ, а оставилъ мнѣ на волю, что я изъ нихъ сдѣлать захочу.

Между тѣмъ, какъ лошадей моихъ перепрягали, я любопытствовалъ разсматривая доставшіяся мнѣ бумаги. Множество нашелъ я подобныхъ той, которую читалъ. Вездѣ я обрѣталъ расположенія человѣколюбиваго сердца, вездѣ видѣлъ гражданина будущихъ временъ. Болѣе всего видно было, что другъ мой пораженъ былъ несоразмѣрностію гражданскихъ чиносостояній. Цѣлая связка бумагъ и начертаній законоположеній относилася къ уничтоженію рабства въ Россіи. Но другъ мой вѣдая, что высшая власть недостаточна въ силахъ своихъ, на претвореніе мнѣній мгновенно, начерталъ путь ко временнымъ законоположеніямъ, къ постепенному освобожденію земледѣльцовъ въ Россіи. Я здѣсь покажу шествіе его мыслей. Первое положеніе относится къ раздѣленію сельскаго рабства и рабства домашняго. Сіе послѣднее уничтожается прежде всего, и запрещается поселянъ и всѣхъ по деревнямъ въ ревизіи написанныхъ брать въ домы. Буде помѣщикъ возметъ земледѣльца въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ. Дозволить крестьянамъ вступать въ супружество, не требуя на то согласія своего господина. Запретить брать выводныя деньги. Второе положеніе относится къ собственности и защитѣ земледѣльцовъ. Удѣлъ въ землѣ, ими обработываемой, должны они имѣть собственностію; ибо платятъ сами подушную подать. Пріобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его онаго да не лишитъ самопроизвольно. Возстановленіе земледѣльца во званіи гражданина. Надлежитъ ему судиму быть ему равными, то есть въ расправахъ, въ кои выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Дозволить крестьянину пріобрѣтать недвижимое имѣніе, то есть покупать землю. Дозволить невозбранное пріобрѣтеніе вольности, платя господину за отпускную извѣстную сумму. Запретить произвольное наказаніе безъ суда.—Изчезни варварское обыкновеніе, раз-

рушься власть тигровъ! вѣщаетъ нашъ законодатель. . . . . За симъ слѣдуеть совершенное уничтоженіе рабства.

Между многими постановленіями, относящимися къ возстановленію по возможности равенства во гражданахъ, нашелъ я табель о рангахъ. Сколь она была не къ стати нынѣшнимъ временамъ и онымъ не соразмѣрна, всякъ самъ можетъ вообразить. Но теперь, дуга коренной лошади звенитъ уже въ колокольчикъ и зоветъ меня къ отъѣзду; и для того я за благо положилъ лучше разсуждать о томъ, что выгоднѣе для ѣдущаго на почтѣ, чтобы лошади шли рысью или иноходью, или что выгоднѣе для почтовой клячи, быть иноходцемъ или скакуномъ? нежели заниматься тѣмъ, что не существуетъ.

ВЫШНІЙ ВОЛОЧЕКЪ.

Никогда не проѣзжалъ я сего новаго города, чтобы не посмотрѣть здѣшнихъ шлюзовъ. Первой, которому на мысль пришло, уподобиться природѣ въ ея благодѣяніяхъ, и сдѣлать рѣку рукодѣльную, дабы всѣ концы единыя области въ вящее привести сообщеніе, достоинъ памятника для дальнѣйшаго потомства. Когда нынѣшнія державы, отъ естественныхъ и нравственныхъ причинъ распадутся, позлащенныя нивы ихъ порастутъ терніемъ, и въ развалинахъ великолѣпныхъ чертоговъ, гордыхъ ихъ правителей, скрываться будутъ ужи, змѣи и жабы; любопытный путешественникъ обрящетъ глаголющіе остатки величія ихъ въ торговлѣ. Римляне строили большія дороги, водоводы, коихъ прочности и нынѣ по справедливости удивляются; но о водяныхъ сообщеніяхъ, каковыя есть въ Европѣ, они не имѣли понятія. Дороги, каковыя у римлянъ бывали, наши не будутъ никогда; препятствуетъ тому наша долгая зима и сильные морозы, а каналы и безъ обдѣлки не скоро заровняются.

Не мало увеселительнымъ было для меня зрѣлищемъ вышневолоцкой каналъ, наполненный барками, хлѣбомъ и другимъ товаромъ нагруженными, и пріуготовляющимися къ прохожденію сквозь шлюзъ, для дальнѣйшаго плаванія до Петербурга. Тутъ видно было истинное земли изобиліе и избытки земледѣлателя; тутъ явенъ былъ во всемъ своемъ блескѣ мощный побудитель человѣческихъ дѣяній, корыстолюбіе. Но если при первомъ взглядѣ, разумъ мой усладился видомъ благосостоянія, при раздробленіи мыслей скоро увяло мое радованіе. Ибо воспомянулъ, что въ Россіи многіе земледѣлатели не для себя работаютъ; и такъ изобиліе земли во многихъ краяхъ Россіи доказываетъ отягченный жребій ея жителей. Удовольствіе мое перемѣнилося въ равное негодованіе съ тѣмъ, какое ощущаю ходя въ лѣтнее время по таможенной пристани, взирая на корабли, привозящіе къ намъ избытки Америки и драгія ея произращенія, какъ то сахаръ, кофе краски и другія, неосушившіяся еще отъ пота, слезъ и крови ихъ омывшихъ при ихъ воздѣланіи.

Вообрази себѣ, говорилъ мнѣ нѣкогда мой другъ, что кофе, налитой въ твоей чашкѣ, и сахаръ, распущенной въ ономъ, лишали покоя тебѣ подобнаго человѣка, что они были причиною превосходящихъ его силы трудовъ, причиною его слезъ, стенаній, казни и поруганія; дерзай жестокосердой усладить гортань твою. — Видъ прещенія, сопутствовавшей сему изреченію, поколебнулъ меня до внутренности. Рука моя задрожала и кофе пролился.

А вы, о жители Петербурга, питающіеся избытками изобильныхъ краевъ отечества вашего, при великолѣпныхъ пиршествахъ, или на дружескомъ пиру или на единѣ, когда рука ваша вознесетъ первой кусокъ хлѣба опредѣленной на ваше насыщеніе, остановитеся и помыслите. Не то же ли я вамъ могу сказать о немъ, что другъ мой говорилъ мнѣ о произведеніяхъ Америки. Не потомъ ли, не слезами ли и стенаніемъ утучнялися нивы, на которыхъ оной возросъ. Блаженны, если кусокъ хлѣба, вами алкаемый, извлеченъ изъ класовъ, родившихся на нивѣ, казенною называемой, или по крайней мѣрѣ, на нивѣ оброкъ помѣщику своему платящей. Но горе вамъ, если растворъ его составленъ изъ зерна лежавшаго въ житницѣ дворянской. На немъ почили скорбь и отчаяніе; на немъ знаменовалося проклятіе Всевышняго, егда во гнѣвѣ своемъ рекъ: проклята земля въ дѣлахъ своихъ. Блюдитеся да не отравлены будете вожделѣнною вами пищею. Горькая слеза нищаго тяжко на ней возлегаетъ. Отрините ее отъ устъ вашихъ; поститеся, се истинное и полезное можетъ быть пощеніе.

Повѣствованіе о нѣкоторомъ помѣщикѣ докажетъ, что человѣкъ корысти ради своей забываетъ человѣчество въ подобныхъ ему, и что за примѣромъ жестокосердія, не имѣемъ нужды ходить въ дальныя страны, ни чудесъ искать за тридевять земель, въ нашемъ царствѣ они во очью совершаются.

Нѣкто не нашедъ въ службѣ, какъ то по про-

сторѣчію называютъ, щастія, или не желая онаго въ ней снискать, удалился изъ столицы, пріобрѣлъ небольшую деревню, на примѣръ во сто или въ двѣсти душъ, опредѣлялъ себя искать прибытка, въ земледѣліи. Не самъ онъ себя опредѣлялъ къ сохѣ, но вознамѣрился наидѣйствительнѣйшимъ образомъ всевозможное сдѣлать употребленіе, естественныхъ силъ своихъ крестьянъ, прилагая оныя къ обработыванію земли. Способомъ къ сему надежнѣйшимъ почелъ онъ уподобить крестьянъ своихъ орудіямъ, ни воли ни побужденія не имѣющимъ; и уподобилъ ихъ дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношеніи нынѣшняго вѣка воинамъ, управляемымъ грудою, устремляющимся на бою грудою, а въ единственности ничего не значущимъ. Для достиженія своея цѣли, онъ отнялъ у нихъ малой удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые имъ на необходимое пропитаніе, даютъ обыкновенно дворяне, яко въ воздаяніе, за всѣ принужденныя работы, которыя они отъ крестьянъ требуютъ. Словомъ сей дворянинъ нѣкто, всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставилъ во всѣ дни года работать на себя. А дабы они не умирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ опредѣленное количество хлѣба, подъ имянемъ мѣсячины извѣстное. Тѣ, которые не имѣли семействъ, мѣсячины не получали, а по обыкновенію лакедемонянъ пировали вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляя, для соблюденія желудка, въ мясоѣдъ пустыя шти; а въ посты и постные дни, хлѣбъ съ квасомъ. Истинные розговины бывали развѣ на святой недѣлѣ.

Таковымъ урядникамъ производилася такъ же приличная и соразмѣрная ихъ состоянію одежда. Обувь для зимы, то есть, лапти дѣлали они сами; онучи получали отъ господина своего; а лѣтомъ ходили босы. Слѣдственно, у таковыхъ узниковъ не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана Дозволеніе держать ихъ, господинъ у нихъ не отымалъ, но способы къ тому. Кто былъ позажиточнѣе, кто былъ умѣреннѣе въ нищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ иногда биралъ себѣ, платя за нихъ по своей волѣ.

При таковомъ заведеніи не удивительно, что земледѣліе въ деревнѣ Г. нѣкто, было въ цвѣтущемъ состояніи. Когда у всѣхъ худой былъ урожай, у него родился хлѣбъ самъ четвертъ; когда у другихъ хорошій былъ урожай, то у него приходилъ хлѣбъ самъ десять и болѣе. Въ недолгомъ времени къ двумъ стамъ душамъ онъ еще купилъ двѣсти жертвъ своему корыстолюбію; и поступая съ ними равно какъ и съ первыми, годъ отъ году умножалъ свое имѣніе, усугубляя число стенящихъ на его нивахъ. Теперь онъ считаетъ ихъ уже тысячами, и славится какъ знаменитый земледѣлецъ.

Варваръ! не достоинъ ты носить имя гражданина. Какая польза государству, что нѣсколько тысячъ четвертей въ годъ болѣе родится хлѣба, если тѣ, кои его производятъ, щитаются на равнѣ съ воломъ, опредѣленнымъ тяжкую вздирати бороздy? Или блаженство гражданъ въ томъ почитаемъ, чтобы полны были хлѣба наши житницы, а желудки пусты? чтобы одинъ благословлялъ правительство, а не тысящи? Богатство сего кровопійцы ему не принадлежитъ. Оно нажито грабежомъ, и заслуживаетъ строгаго въ законѣ наказанія. И суть люди, которые взирая на утучненныя нивы сего палача, ставятъ его въ примѣръ усовершенствованія въ земледѣліи. И вы хотите называться мягкосердными, и вы носите имена попечителей о благѣ общемъ. Вмѣсто вашего поощренія къ таковому насилію, которое вы источникомъ государственнаго богатства почитаете, прострите на сего общественнаго злодѣя ваше человѣколюбивое мщеніе. Сокрушите орудія его земледѣлія; сожгите его риги, овины, житницы, и развѣйте пепелъ по нивамъ, на нихъ же совершалося его мучительство, ознаменуйте его яко общественнаго татя, дабы всякъ его видя, не только его гнушался, но убѣгалъ бы его приближенія, дабы не заразиться его примѣромъ.

ВЫДРОПУСКЪ.

Здѣсь я опять принялся за бумаги моего друга. Въ руки мнѣ попалося начертаніе положенія о уничтоженіи придворныхъ чиновъ.

Проектъ въ будущемъ.

Вводя нарушенное въ обществѣ естественное и гражданское равенство постепенно паки, предки наши не послѣднимъ способомъ почли къ тому умаленіе правъ дворянства. Полезно государству, въ началѣ своемъ, личными своими заслугами, ослабѣло оно въ подвигахъ своихъ наслѣдственностію, и сладкій при насажденіи его корень произнесъ наконецъ плодъ горькій. На мѣстѣ мужества водворилася надменность и самолюбіе, на мѣстѣ благородства души и щедроты посѣялися и раболѣпіе и самонедовѣреніе, истинныя скряги на великое. Жительствуя среди столь тѣсныхъ душъ, и подвизаемые на малости ласкательствомъ наслѣдственныхъ достоинствъ и заслугъ, многіе государи возмнили, что они суть Боги, и вся его же коснутся, блаженно сотворятъ и пресвѣтло. Тако и быть долженствуетъ въ дѣяніяхъ нашихъ, но токмо на пользу общую. Въ таковой дремотѣ величанія власти возмечтали цари, что рабы ихъ и прислужники, ежечасно предстоя взорамъ ихъ, заимствуютъ ихъ свѣтозарности; что блескъ царскій преломляяся, такъ сказать, въ сихъ новыхъ отсвѣткахъ, многочисленнѣе является и съ сильнѣйшимъ отраженіемъ. На таковое блужденіе мысли, воздвигли цари придворныхъ истукановъ, кои истинные ѳеатральные божки, повинуются свистку или трещеткѣ. Пройдемъ степени придворныхъ чиновъ, и съ улыбкою сожалѣнія отвратимъ взоры наши отъ кичащихся служеніемъ своимъ; но возрыдаемъ, видя ихъ предпочитаемыхъ заслугѣ. Дворецкій мой, конюшій, и даже конюхъ и кучеръ, поваръ, кравчій, птицеловъ съ подчиненными ему охотниками, горничные мои прислужники, тотъ кто меня брѣетъ, тотъ, кто чешетъ власы главы моея, тотъ, кто пыль и грязь отираетъ съ обуви моей, о многихъ другихъ не упоминая, равняются или предсѣдаютъ служащимъ отечеству, силами своими душевными и тѣлесными, не щадя ради отечества ни здравія своего, ни крови, возлюбляя даже смерть, ради славы государства. Какая вамъ въ томъ польза, что въ домѣ моемъ господствуютъ чистота и опрятность? Сытѣе ли вы накормитеся, буде кушанье мое лучше вашего приготовлено, и въ сосудахъ моихъ ліется вино изо всѣхъ концевъ вселенныя? Укроетеся ли въ шествіи вашемъ отъ непріязненности погоды, буде колесница моя позлащенна и кони мои тучны? Лучшій ли дастъ нива вамъ плодъ, луга ваши больше ли позеленѣютъ, буде потопчутся на ловитвѣ звѣрей въ мое увеселеніе? Вы улыбнетеся съ чувствованіемъ жалости. Но нерѣдкой въ справедливомъ негодованіи своемъ скажетъ намъ: тотъ, кто рачитъ о устройствѣ твоихъ чертоговъ, тотъ, кто ихъ нагрѣваетъ, тотъ, кто огненную пряность полуденныхъ растеній сочетаетъ съ хладною вязкостію сѣверныхъ туковъ для услажденія разслабленнаго твоего желудка и оцѣпенѣлаго твоего вкуса; тотъ, кто воспѣняетъ въ сосудѣ твоемъ сладкій сокъ африканскаго винограда; тотъ, кто умащаетъ окружіе твоей колесницы, кормитъ и напояетъ коней твоихъ; тотъ, кто во имя твое кровавую битву ведетъ со звѣрями дубравными и птицами небесными; всѣ сіи тунеядцы, всѣ сіи лелѣятели, какъ и многіе другіе, твоея надменности, высятся надо мною; надъ источившимъ потоки кровей на ратномъ полѣ, надъ потерявшимъ нужнѣйшіе члены тѣла моего, защищая грады твои и чертоги, въ нихъ же сокрытая твоя робость завѣсою величавости, мужествомъ казалася, надъ провождающимъ дни веселій, юности и утѣхъ, во сбереженіи малѣйшія полушки, да облегчится, елико то возможно, общее бремя налоговъ; надъ нерачившемъ о имѣніи своемъ, трудяся денноносщно въ сниcканіи средствъ къ достиженію блаженствъ общественныхъ; надъ попирающимъ родство, пріязнь, союзъ сердца и крови, вѣщая правду на судѣ во имя твое, да возлюбленъ будеши. Власы бѣлѣютъ въ подвигахъ нашихъ, силы истощеваются въ подъемлемыхъ нами трудахъ, и при возкраіи гроба едва возмогаемъ удостоиться твоего благоволенія; а сіи, упитанные тельцы сосцами нѣжности и пороковъ, сіи не законные сыны отечества наслѣдятъ въ стяжаніи нашемъ.

Тако и болѣе еще по справедливости возглаолятъ отъ васъ многіе. Что дадимъ мы владыкѣ силъ въ отвѣтъ? Прикроемъ безчувствіемъ уничиженіе наше, и видится воспаленна ярость въ очахъ нашихъ на вѣщающихъ сице. Таковы бываютъ нерѣдко отвѣты наши вѣщаніямъ истины. И никто, да не дивится сему, когда наилучшій между нами дерзаетъ таковая; онъ живетъ съ ласкателями, бесѣдуетъ съ ласкателями, спитъ въ лести, хождаетъ въ лести. И лесть и ласкательство содѣлаютъ его глуха, слѣпа и неосязательна.

Но, да не падетъ на насъ таковая укоризна. Съ младенчества нашего, возненавидѣвъ ласкательство, мы соблюли сердце наше отъ ядовитой его сладости, даже до сего дня; и нынѣ новый опытъ въ любви нашей къ вамъ и преданности, явенъ да будетъ. Мы уничтожаемъ нынѣ сравненіе царедворскаго служенія, съ военнымъ и гражданскимъ. Истребися на памяти обыкновеніе во стыдъ нашъ толико лѣтъ существовавшее. Истинныя заслуги и достоинства, раченіе о пользѣ общей, да получаютъ награду въ трудахъ своихъ и едины да отличаются.

Сложивъ съ сердца нашего столь несносное бремя, долговременно насъ тѣснившее, мы явимъ вамъ наши побужденіи, на уничтоженіе толь оскорбительныхъ для заслуги и достоинства чиновъ.— Вѣщаютъ вамъ и предки наши тѣхъ же были мыслей, что Царскій престолъ, коего сила во мнѣніи гражданъ коренится, отличествовати долженствуетъ внѣшнимъ блескомъ, дабы мнѣніе о его величествѣ было всегда всецѣло и ненарушимо. Отъ туда пышная внѣшность властителей народовъ, отъ туда стадо рабовъ ихъ окружающихъ. Согласиться всякъ долженъ, что тѣсные умы и малыя души внѣшность поражать можетъ. Но чѣмъ народъ просвѣщеннѣе, то есть, чѣмъ болѣе особенниковъ въ просвѣщеніи, тѣмъ внѣшность менѣе дѣйствовать можетъ. Нума могъ грубыхъ еще римлянъ увѣрить, что Нимфа Егерія наставляла его въ его законоположеніяхъ. Слабые перуанцы охотно вѣрили Манко Капаку, что онъ сынъ солнца, и что законъ его съ небеси истекаетъ. Магометъ могъ прельстить скитающихся аравитянъ своими бреднями. Всѣ они употребляли внѣшность; даже Моисей принялъ скрыжали заповѣдей на горѣ среди блеску молніи. Но нынѣ буде кто прельстити восхощетъ, не блистательная нужна ему внѣшность, но внѣшность доводовъ, если такъ сказать можно, внѣшность убѣжденій. Кто бы восхотѣлъ нынѣ посланіе свое утвердить съ выше, тотъ употребитъ болѣе наружность полезности и тою всѣ тронутся. Мы же устремляя всѣ силы наши на пользу всѣхъ и каждаго, по что намъ блескъ внѣшности? не полезностію ли нашихъ постановленій ко благу государства текущею облистаетъ наше лице; всякъ взирающій на насъ узритъ наше благомысліе, узритъ въ подвигѣ нашемъ свою пользу, и того ради намъ поклонится, не яко во ужасѣ шествующему, но сѣдящему во благости. Если бы древніе персы управлялися всегда щедротою, небы возмечтали быти Ариману или ненавистному началу зла. Но если пышная внѣшность намъ безполезна, колико вредны въ государствѣ быть могутъ ея оберегатели. Единственною должностію во служеніи своемъ имѣя угожденіе намъ, колико изыскательны будутъ они во всемъ томъ, что намъ нравиться можетъ. Желаніе наше будетъ предъупреждено; но не токмо желанію не допустятъ возродиться въ насъ, но даже и мысли, зане готово уже ей удовлетвореніе. Возрите со ужасомъ на дѣйствіе таковыхъ угожденій. Наитвердѣйшая душа во правилалъ своимъ позыбнется, приклонитъ ухо ласкательному сладкопѣнію, уснетъ. И се сладостныя чары обыдутъ разумъ и сердце. Горесть и обида чуждыя, едва покажутся намъ преходящими недугами; скорбѣти о нихъ, почтемъ или неприличнымъ, или же противнымъ, и воспретимъ даже жаловатися о нихъ. Язвительнѣйшія скорби и раны и самая смерть, покажутся намъ необходимыми дѣйствіями теченія вещей, и являяся намъ позади не прозрачныя завѣсы, едва возмогутъ ли въ насъ произвести то мгновенное движеніе, какое производятъ въ насъ театральныя представленія. Зане стрѣла болѣзни, и жало зла, не въ насъ дрожитъ вонзенное.

Се слабая картина всѣхъ пагубныхъ слѣдствій пышнаго Царей дѣйствія. Не блаженны ли мы, если возмогли укрыться отъ возмущенія благонамѣреній нашихъ? Не блаженны ли, если и заразѣ примѣра положили преграду? Надежны въ благосердіи нашемъ, надежны не въ развратѣ со внѣ, надежны во умѣренности вашихъ желаній, возблагоденствуемъ съ нова, и будемъ примѣромъ позднѣйшему потомству, како власть со свободою сочетать должно, на взаимную пользу.

ТОРЖОКЪ.

Здѣсь на почтовомъ дворѣ, встрѣченъ я былъ человѣкомъ отправляющимся въ Петербургъ, на скитаніе прошенія. Сіе состояло въ снисканіи дозволенія завести въ семъ городѣ свободное книгопечатаніе. Я ему говорилъ, что на сіе дозволенія ненужно; ибо свобода на то дана всѣмъ. Но онъ хотѣлъ свободы въ цензурѣ, и вотъ его о томъ размышленія.

Типографіи у насъ всѣмъ имѣть дозволено, и время то прошло, въ которое боялися поступаться онымъ дозволеніемъ частнымъ людямъ; и для того, что въ вольныхъ типографіяхъ, ложны могутъ печатаны быть пропуски, удерживались отъ общаго добра и полезнаго установленія. Теперь свободно имѣть всякому оруди печатанія, но то, что печатать можно, состоитъ подъ опекою. Цензура сдѣлана нянькою разсудка, остроумія, воображенія, всего великаго и изящнаго. Но гдѣ есть няньки, то слѣдуетъ, что есть ребята, ходятъ на помочахъ, отъ чего нерѣдко бываютъ кривыя ноги; гдѣ есть опекуны, слѣдуетъ, что есть малолѣтные, незрѣлые разумы, которые собою править не могутъ. Если же всегда пребудутъ няньки и опекуны, то ребенокъ долго ходить будетъ на помочахъ и совершенной на возрастѣ будетъ калѣка. Недоросль будетъ всегда Митрофанушка, безъ дядьки не ступитъ, безъ опекуна не можетъ править своимъ наслѣдіемъ. Таковы бываютъ вездѣ слѣдствія обыкновенной цензуры, и чѣмъ она строже, тѣмъ слѣдствія ея пагубнѣе. Послушаемъ Гердера.

«Наилучшій способъ поощрять доброе, есть «непрепятствіе, дозволеніе, свобода въ помышле«ніяхъ. Розыскъ вреденъ въ царствѣ науки: онъ «сгущаетъ воздухъ и запираетъ дыханіе. Книга, «проходящая десять цензуръ прежде, нежели до«стигнетъ свѣта, не есть книга, но поддѣлка свя«той инквизиціи; часто изуродованной, сѣченной «батожьемъ, съ кляпомъ во рту узникъ, а рабъ «всегда. Въ областяхъ истины, въ царствѣ мысли «и духа не можетъ никакая земная власть да«вать рѣшеній, и не должна; не можетъ того пра«вительство, менѣе еще его цензоръ, въ клобукѣ «ли онъ или съ темлякомъ. Въ царствѣ истины, «онъ не судія, но отвѣтчикъ, какъ и сочинитель. «Исправленіе можетъ только совершиться просвѣ«щеніемъ; безъ главы и мозга не шевельнется ни «рука, ни нога..... Чѣмъ государство основа«тельнѣе въ своихъ правилахъ, чѣмъ стройнѣе, «свѣтлѣе и тверже оно само въ себѣ, тѣмъ менѣе «можетъ оно позыбнуться и стрястися отъ дуно«венія каждаго мнѣнія, отъ каждой насмѣшки «разъяреннаго писателя; тѣмъ болѣе благоволитъ «оно въ свободѣ мыслей и въ свободѣ писаній, а «отъ нее подъ конецъ прибыль конечно будетъ «истинѣ. Губители бываютъ подозрительны; тай«ные злодѣи робки. Явной мужъ, творяй правду «и твердый въ правилахъ своихъ, допуститъ о «себѣ глаголъ всякій. Хождаетъ онъ во дни, и «на пользу себѣ строитъ клевету своихъ злодѣевъ. «Откупы въ помышленіяхъ вредны... Правитель «государства да будетъ безпристрастенъ во мнѣ«ніяхъ, дабы могъ объяти мнѣнія всѣхъ и оныя «въ государствѣ своемъ дозволять, просвѣщать и «наклонять къ общему добру: отъ того то истинно великіе государи столь рѣдки».

Правительство, дознавъ полезность книгопечатанія, оное дозволило всѣмъ; но паче еще дознавъ, что запрещеніе въ мысляхъ утщетитъ благое намѣреніе вольности книгопечатанія, поручило цензуру или присмотръ за изданіями управѣ благочинія. Долгъ же ея въ отношеніи сего можетъ быть только тотъ, чтобы воспрещать продажу язвительныхъ сочиненій. Но и сія цензура есть лишняя. Одинъ несмысленной урядникъ благочинія можетъ величайшій въ просвѣщеніи сдѣлать вредъ, и на многія лѣта остановку въ шествіи разума; запретитъ полезное изобрѣтеніе, новую мысль и всѣхъ лишитъ великаго. Примѣръ въ малости. Въ управу благочинія принесенъ для утвержденія, переводъ романа. Переводчикъ, слѣдуя автору, говоря о любви назвалъ ее: лукавымъ богомъ. Мундирной цензоръ, исполненный духа благоговѣнія, сіе выраженіе почернилъ, говоря: «неприлично Божество называть лукавымъ богомъ». Кто чего не

разумѣетъ, тотъ въ то да не мѣшается. Если хочешь благорастворённаго воздуха, удали отъ себя контильню; если хочешь свѣта, удали затмѣваніе; если хочешь, чтобы дитя не было застѣнчиво, то выгони лозу изъ училища. Въ домѣ, гдѣ плети и батожье въ модѣ, тамъ служители пьяницы, воры и того еще хуже *).

Пускай печатаютъ все кому что на умъ ни взойдетъ. Кто себя въ печати найдетъ обиженнымъ, тому да дастся судъ по формѣ. Я говорю не смѣхомъ. Слова невсегда суть дѣянія, размышленія же не преступленія. Се правила наказа о новомъ уложеніи. Но брань на словахъ и въ печати всегда брань. Въ законѣ никого бранить не велѣно, и всякому свобода есть жаловаться. Но если кто про кого скажетъ правду, бранью ли то почитать, того въ законѣ нѣтъ. Какой вредъ можетъ быть, если книги въ печати будутъ безъ клейма полицейскаго? Не токмо не можетъ быть вреда, но польза; отъ перваго до послѣдняго, отъ малаго до великаго, отъ Царя до послѣднѣйшаго гражданина.

Обыкновенныя правила цензуры суть: почеркивать, марать, не дозволять, драть, жечь все то, что противно естественной религіи и откровенію, все то, что противно правленію, всякая личность, противное благонравію, устройству и тишинѣ общей. Разсмотримъ сіе подробно. Если безумецъ въ мечтаніи своемъ, не токмо въ сердцѣ, но громкимъ гласомъ речетъ, «нѣсть Бога»; въ устахъ всѣхъ безумныхъ раздается громко и поспѣшное эхо, «нѣсть Бога, нѣсть Бога». Но чтожъ изъ того, эхо, звукъ; ударитъ въ воздухъ, позыбнетъ его и изчезнетъ. На разумѣ рѣдко оставитъ черту, и то слабую; на сердцѣ же никогда. Богъ всегда пребудетъ Богъ ощущаемъ и невѣрующимъ въ него. Но если думаешь, что хуленіемъ Всевышній оскорбится; урядникъ ли благочинія можетъ быть за него истецъ? Всесильный звонящему въ трещетку, или біющему въ набатъ, довѣрія не дастъ. Возгнушается метатель грома и молніи, ему же всѣ стихіи повинуются, возгнушается колеблящій сердца изъ запредѣловъ вселенныя, дать мстити за себя и самому Царю, мечтающему быти его на земли преемникомъ. — Кто жъ можетъ быть судіею въ обидѣ Отца предвѣчнаго?—Тотъ его обижаетъ, кто мнитъ возможетъ судити о его обидѣ. Тотъ дастъ отвѣтъ предъ нимъ.

Отступники откровенной религіи болѣе доселѣ въ Россіи дѣлали вреда, нежели не признаватели бытія Божія, аѳеисты. Таковыхъ у насъ мало; ибо мало у насъ еще думаютъ о метафизикѣ. Аѳеистъ заблуждаетъ въ метафизикѣ, а раскольникъ въ трехъ пальцахъ. Раскольниками называемъ мы всѣхъ россіянъ, отступающихъ въ чемъ либо отъ общаго ученія греческія церкви. Ихъ въ Россіи много, и для того служеніе имъ дозволяется. Но для чего не дозволять всякому заблужденію быть явному. Явнѣе оно будетъ, скорѣе сокрушится. Гоненія дѣлали мучениковъ; жестокость была подпорою самаго христіанскаго закона. Дѣйствія расколовъ суть иногда вредны. Возпрети ихъ. Проповѣдаются они примѣромъ. Уничтожь примѣръ. Отъ печатной книги раскольникъ не бросится въ огонь, но отъ ухищреннаго примѣра. Запрещать дурачество, есть то же, что его поощрять. Дай ему волю; всякъ увидитъ, что глупо и что умно. Что запрещено, того и хочется. Мы всѣ Евины дѣти.

Но запрещая вольное книгопечатаніе, робкія правительства не богохуленія боятся, но боятся сами имѣть порицателей. Кто въ часы безумія не щадитъ Бога, тотъ въ часы памяти и разсудка не пощадитъ незаконной власти. Небояйся громовъ Всесильнаго, смѣется висилицѣ. Для того то вольность мыслей, правительствамъ страшна. До внутренности потрясенный вольнодумецъ, прострётъ дерзкую, но мощную и не зыбкую руку къ истукану власти, сорветъ ея личину и покровъ, и обнажитъ ея составъ. Всякъ узритъ бренныя его ноги, всякъ возвратитъ къ себѣ данную имъ ему подпору, сила возвратится къ источнику, истуканъ падетъ. Но если власть не на туманѣ мнѣній возсѣдаетъ, если престолъ ея на искренности и истинной любви общаго блага возникъ; не утвердится ли паче, когда основаніе его будетъ явно; не возлюбится ли любящій искренно? Взаимность есть чувствованіе природы, и стремленіе сіе почило въ естествѣ. Прочному и твердому зданію довольно

*) Такого же роду цензоръ не дозволялъ, сказываютъ, печатать тѣ сочиненія гдѣ упоминалося о Богѣ, говоря, я съ нимъ дѣла никакого не имѣю. Если въ какомъ либо сочиненіи порочили народные нравы того или другаго государства, онъ не дозволеннымъ сіе почиталъ говоря: Россія имѣетъ трактатъ дружбы съ нимъ. Если упоминалося гдѣ о князѣ или графѣ, того не дозволялъ онъ печатать, говоря, сіе есть личность, ибо у насъ есть князья и графы между знатными особами.

его собственнаго основанія; въ опорахъ и контрфорсахъ ему нужды нѣтъ. Если позыбнется оно отъ ветхости, тогда только побочныя тверди ему нужны. Правительство да будетъ истинно, вожди его нелицемѣрны; тогда всѣ плѣвелы, тогда всѣ изблеванія, смрадность свою возвратятъ на извергателя ихъ; а истина пребудетъ всегда чиста и бѣловидна. Кто возмущаетъ словомъ (да назовемъ такъ въ угодность власти, всѣ твердыя размышленія, на истинѣ основанныя, власти противныя), есть такой же безумецъ, какъ и хулу глаголяй на Бога. Буде власть шествуетъ стезею, ей назначенной; то невозмутится отъ пустаго звука клеветы, яко же Господь силъ не тревожится хуленіемъ. Но горе ей, если въ жадности своей ломитъ правду. Тогда и едина мысль твердости ее тревожитъ; глаголъ истины ее сокрушитъ, дѣяніе мужества ее развѣетъ.

Личность, но язвительная личность есть обида. Личность въ истинѣ, столь же дозволительна, какъ и самая истина. Если ослѣпленный судія судитъ въ неправду; и защитникъ невинности издастъ въ свѣтъ его коварный приговоръ; если онъ покажетъ его ухищреніе и неправду; то будетъ сіе личность, но дозволенная; если онъ его назоветъ судіею наемнымъ, ложнымъ, глупымъ, есть личность, но дозволить можно. Если же называть его станетъ именованіями смрадными, и бранными словами поносить, какъ то на рынкахъ употребительно; то сіе есть личность, но язвительная и недозволенная. Но не правительства дѣло вступаться за судію, хотя бы онъ поносился и въ правомъ дѣлѣ. Не судія да будетъ въ томъ истецъ, но оскорбленное лице. Судія же предъ свѣтомъ и предъ поставившимъ его судіею да оправдится едиными дѣлами *). Тако долженствуетъ судить о личности. Она наказанія достойна, но въ печатаніи болѣе пользы устроитъ, а вреда мало. Когда все будетъ въ порядкѣ, когда рѣшенія всегда будутъ въ законѣ, когда законъ основанъ будетъ на истинѣ, и заклеплется удрученіе, тогда развѣ, тогда личность можетъ сдѣлать развратъ. Скажемъ нѣчто о благонравіи, и сколько слова ему вредятъ.

Сочиненія любострастныя, наполненныя похотливыми начертаніями, дышущія развратомъ, коего всѣ листы и строки стрекательною наготою зіяютъ, вредны для юношей и не зрѣлыхъ чувствъ. Разпламеняя воспаленненное воображеніе, тревожа спящія чувства и возбуждая покоющееся сердце, безвременную наводитъ возмужалость, обманывая юныя чувства въ твердости ихъ и заготовляя имъ дряхлость. Таковыя сочиненія могутъ быть вредны; но не онѣ разврату корень. Если читая ихъ, юноши пристрастятся къ крайнему услажденію любовной страсти; то не могли бы того произвести въ дѣйствіе, не бы были торгующія своею красотою. Въ Россіи таковыхъ сочиненій въ печати еще нѣтъ, а на каждой улицѣ въ обѣихъ столицахъ видимъ раскрашенныхъ любовницъ. Дѣйствіе болѣе развратитъ, нежели слово, и примѣръ паче всего. Скитающіяся любовницы, отдающія сердца свои съ публичнаго торга наддателю, тысячу юношей заразятъ язвою и все будущее потомство тысящи сея; но книга не давала еще болѣзни. И такъ цензура да останется на торговыхъ дѣвокъ, до произведенія же развратнаго хотя разума, ей дѣла нѣтъ. Заключу симъ: цензура печатаемаго принадлежитъ обществу, оно дастъ сочинителю вѣнецъ, или употребитъ листы на обертки. Равно какъ ободреніе ѳеатральному сочиненію даетъ публика, а не директоръ ѳеатра. Такъ и выпускаемому въ міръ сочиненію, цензоръ ни славы не дастъ ни безславія. Завѣса поднялась, взоры всѣхъ устремились къ дѣйствованію; нравится, плещутъ; не нравится, стучатъ и свищутъ. Оставь глупое на волю сужденія общаго; оно тысящу найдетъ цензоровъ. Наистрожайшая полиція не возможетъ такъ запретить дряни мыслей, какъ негодующая на нее публика. Одинъ разъ имъ воньмутъ, потомъ умрутъ они и невоскреснутъ во вѣки. Но если мы признали безполезность цензуры, или паче ея вредъ въ царствѣ науки: то познаемъ обширную и безпредѣльную пользу вольности печатанія.

*) Г. Декинсонъ, имѣвшій участіе въ бывшей въ Америкѣ перемѣнѣ, и тѣмъ прославившійся, будучи послѣ въ Пенсильваніи Президентомъ, не возгнушался сражаться съ наступавшими на него. Изданы были противъ него найжесточайшіе листы. Первѣйшій градоначальникъ области нишелъ въ ристалище, издалъ въ печать свое защищеніе, оправдался, опровергъ доводы своихъ противниковъ, и ихъ устыдилъ. . . . Се примѣръ для послѣдованія, какъ мстить должно, когда кто кого обвиняетъ предъ свѣтомъ печатнымъ сочиненіемъ. Если кто свирѣпствуетъ противъ печатныя строки, тотъ заставляетъ мыслить, что печатанное истинно, а мстящій таковъ какъ о немъ напечатано.

Доказательства сему кажется не нужны. Если свободно всякому мыслить, и мысли свои объявлять всѣмъ безпрекословно, то естественно, что все, что будетъ придумано, изобрѣтено, то будетъ извѣстно; великое будетъ велико, истина не затмится. Не дерзнутъ правители народовъ удалиться отъ стези правды, и убоятся; ибо пути ихъ, злость и ухищреніе обнажатся. Возтрепещетъ судія, подписывая неправедный приговоръ, и его раздеретъ. Устыдится власть имѣющій, употреблять ее на удовлетвореніе только своихъ прихотей. Тайный грабежъ назовется грабежомъ, прикрытое убійство, убійствомъ. Убоятся всѣ злые строгаго взора истины. Спокойствіе будетъ дѣйствительное, ибо заквасу въ немъ не будетъ. Нынѣ поверхность только гладка, но илъ на днѣ лежащій мутится и тмитъ прозрачность водъ.

Прощаяся со мною, порицатель цензуры далъ мнѣ не большую тетрадку. Если читатель, ты нескучливъ, то читай, что передъ тобою лежитъ. Если же бы случилось, что ты самъ принадлежишь къ цензурному комитету, то загни листъ и скачи мимо.

Краткое повѣствованіе о происхожденіи цензуры.

Если мы скажемъ и утвердимъ ясными доводами, что цензура съ инквизиціею принадлежитъ къ одному корню; что учредители инквизиціи изобрѣли цензуру, то есть разсмотрѣніе приказное книгъ до изданія ихъ въ свѣтъ; то мы хотя ничего не скажемъ новаго, но изъ мрака протекшихъ временъ извлечемъ, въ добавокъ многимъ другимъ, ясное доказательство, что священнослужители были всегда изобрѣтатели оковъ, которыми отягчался въ разныя времена разумъ человѣческій, что они подстригали ему крыліе, да не обратитъ полетъ свой къ величію и свободѣ.

Проходя протекшія времена и столѣтія, мы вездѣ обрѣтаемъ терзающія черты власти, вездѣ зримъ силу возникающую на истину, иногда суевѣріе ополчающееся на суевѣріе. Народъ аѳинскій, священнослужителями возбужденный, писанія Протагоровы запретилъ, велѣлъ всѣ списки опыхъ собрать и сжечь. Не онъ ли въ безуміи своемъ предалъ смерти, на незагладимое во вѣки себѣ поношеніе, вочеловѣченную истину, Сократа. Въ Римѣ находимъ мы больше примѣровъ таковаго свирѣпствованія. Титъ Ливій повѣствуетъ, что найденныя во гробѣ Нумы писанія были сожжены повелѣніемъ сената. Въ разныя времена случалося, что книги гадательныя велѣно было относить къ претору. Светоній повѣствуетъ, что кесарь Августъ таковыхъ книгъ велѣлъ сжечь до двухъ тысячъ. Еще примѣръ несообразности человѣческаго разума! Неужели запрещая суевѣрныя писанія, властители сіи думали, что суевѣріе истребится? Каждому въ особенности своей, воспрещали прибѣгнуть къ гаданію, совершаемому, нерѣдко на обузданіе токмо мгновенное, грызущей скорби; оставляли явныя и государственныя гаданія, авгуровъ и аруспиціевъ. Но если бы во дни просвѣщенія возмнили, книги учащія гаданію или суевѣріе проповѣдающія запрещать или жечь, не смѣшно ли бы было, чтобы истина приняла жезлъ гоненія на суевѣріе? чтобъ истина искала на пораженіе заблужденія, опоры власти и меча, когда видъ ея одинъ есть наижесточайшій бичъ на заблужденіе?

Но кесарь Августъ не на гаданія одни простеръ свои гоненія, онъ велѣлъ сжечь книги Тита Лабіенія. «Злодѣи его, говоритъ Сенека риторъ, изобрѣли для него сіе новаго рода наказаніе. Неслыханное дѣло и необычайное, казнь извлекать изъ ученія. Но по счастію государства сіе разумное свирѣпствованіе изобрѣтено послѣ Цицерона. Что быть бы могло, если бы троеначальники за благо положили осудить разумъ Цицерона»? Но мучитель скоро отмстилъ за Лабіенія тому, кто исходатайствовалъ сожженіе его сочиненій. При жизни своей видѣлъ онъ, что и его сочиненія преданы были огню *). «Не злому какому примѣру тутъ слѣдовано, говоритъ Сенека, его собственному» **). Даждь небо, чтобы зло всегда обращалося на изобрѣтателя его, и чтобы воздвигшій гоненіе на мысль, зрѣлъ всегда свои осмѣянными, въ поруганіи, и на истребленіе осужденными! Если мщеніе когда либо извинительно быть можетъ, то развѣ сіе.

Во времена народнаго правленія, въ Римѣ гоненіе таковаго рода обращалося только на суевѣріе, но при императорскихъ простерлось оно на всѣ твердыя мысли. Кремуцій Кордъ въ исторіи своей назвалъ Кассія, дерзнувшаго осмѣять мучительство Августово на Лабіеніевы сочиненія, послѣднимъ римляниномъ. Римскій Сенатъ, ползая предъ Тиверіемъ, велѣлъ во угожденіе ему Кремуціеву книгу сжечь. Но многіе съ оной осталися списки. «Тѣмъ, паче, говоритъ Тацитъ, смѣяться можно надъ попеченіемъ тѣхъ, кои мечтаютъ, что всемогуществомъ своимъ, могутъ истребить воспоминовеніе слѣдующаго поколѣнія. Хотя власть бѣшенствуетъ на казнь разсудка, но свирѣпствованіемъ своимъ себѣ устроила стыдъ и посрамленіе, имъ славу».

---

*) Сочиненія Арія Монтана, издавшаго въ Нидерландахъ первый реестръ запрещеннымъ книгамъ, вмѣщены были въ тотъ же реестръ.

**) Кассій Северъ, другъ Лабіенія, видя писанія его въ огнѣ, сказалъ: теперь меня сжечь надлежитъ: ибо я ихъ наизусть знаю. Сіе подало случай при Августѣ къ законоположенію о поносительныхъ сочиненіяхъ, которое по природному человѣку обезьянству, принято въ Англіи и въ другихъ государствахъ.

Не избавилися сожженія книги іудейскія при Антіохѣ Епифанѣ царѣ Сирскомъ. Равной съ ними подвержены были участи сочиненія христіанъ. Императоръ Діоклитіанъ книги священнаго писанія велѣлъ предать сожженію. Но христіанскій законъ, одержавъ побѣду надъ мучительствомъ, покорилъ самихъ мучителей, и нынѣ остается во свидѣтельство неложное, что гоненіе на мысли и мнѣнія, нетокмо не въ силахъ оныя истребить, но укоренятъ ихъ и распространятъ. Арнобій справедливо востаетъ противу таковаго гоненія и мучительства. «Иные вѣщаютъ, говоритъ онъ, полезно для государства, чтобы Сенатъ истребить велѣлъ писанія, въ доказательство христіанскаго исповѣданія служащія, которыя важность опровергаютъ древнія религіи. Но запрещать писанія, и обнародованное хотѣть истребить, не есть защищать боговъ, но бояться истины свидѣтельствованія». Но по распространеніи христіанскаго исповѣданія, священнослужители онаго, толикоже стали злобны противъ писаній, которыя были имъ противны и не въ пользу. Недавно порицали строгость сію въ язычникахъ, недавно почитали ее знакомъ недовѣренія къ тому, что защищали, но скоро сами ополчилися всемогуществомъ. Греческіе императоры, занимаяся болѣе церковными преніями, нежели дѣлами государственными, а потому управляемые священниками, воздвигли гоненіе на всѣхъ тѣхъ, кто дѣяніе и ученія Іисусовы понималъ съ ними различно. Таковое гоненіе распростерлося и на произведенія разсудка и разума. Уже мучитель Константинъ, Великимъ названный, слѣдуя рѣшенію Никейскаго собора, предавшему Аріево ученіе проклятію, запретилъ его книги, осудилъ ихъ на сожженіе, а того, кто оныя книги имѣть будетъ, на смерть. Императоръ Ѳеодосій II. проклятыя книги Несторія велѣлъ всѣ собрать и предать огню. На Халкидонскомъ соборѣ то же положено о писаніяхъ Евтихія. Въ Пандектахъ Юстиніановыхъ сохранены нѣкоторыя таковыя рѣшенія. Несмысленные! не вѣдали, что истребляя превратное или глупое истолкованіе христіанскаго ученія, и запрещая разуму трудитися въ изслѣдованіи какихъ либо мнѣній, они остановляли его шествіе; у истины отнимали сильную опору, различіе мнѣній, пренія и невозбранное мыслей своихъ изрѣченіе. Кто можетъ за то поручиться, что Несторій, Арій, Евтихій и другіе еретики, быть бы могли предшественниками Лютера, и если бы вселенскіе соборы не были созваны, чтобы Декартъ родиться могъ десять столѣтій прежде? Какой шагъ вспять сдѣланъ ко тьмѣ и невѣжеству!

По разрушеніи Римской Имперіи, монахи въ Европѣ были хранители учености и науки. Но никто у нихъ не оспаривалъ свободы писать, что они желали. Въ 768 году Амвросій Опертъ монахъ Бенедиктинской, посылая толкованіе свое на Апокалипсисъ къ Папѣ Стефану III, и прося дозволенія о продолженіи своего труда и о изданіи его въ свѣтъ, говоритъ, что онъ первой изъ писателей проситъ таковаго дозволенія. «Но да не изчезнетъ, продолжаетъ онъ, свобода въ писаніи, для того, что уничтоженіе поклонилося непринужденно». Соборъ Санскій въ 1140 году осудилъ мнѣнія Абелардовы, а папа сочиненія его велѣлъ сжечь.

Но ни въ Греціи, ни въ Римѣ, нигдѣ примѣра ненаходимъ, чтобы избранъ былъ судія мысли, чтобы кто дерзнулъ сказать у меня просите дозволенія, если уста ваши отверзать хотите на велерѣченіе; у насъ клеймится разумъ, науки и просвѣщеніе, и все что безъ нашего клейма явится въ свѣтъ, объявляемъ заранѣе глупымъ, мерзкимъ, негоднымъ. Таковое постыдное изобрѣтеніе, предоставлено было христіанскому священству, и цензура была современна инквизиціи.

Нерѣдко проходя исторію, находимъ разумъ сувѣрію, изобрѣтенія наиполезнѣйшія современниками грубѣйшему невѣжеству. Въ то время, какъ боязливое недовѣріе къ вещи утверждаемой, побудило монаховъ учредить цензуру, и мысль истреблять въ ея рожденіи, въ то самое время держалъ Колумбъ въ неизвѣстность морей на исканіе Америки; Кеплеръ предузнавалъ бытіе притяжательной въ природѣ силы, Нютономъ доказанной; въ то же время родился, начертавшій въ пространствѣ путь небеснымъ тѣлесамъ, Коперникъ. Но къ вящшему сожалѣнію о жребіи человѣческаго умствованія скажемъ, что мысль великая рождала иногда невѣжество. Книгопечатаніе родило цензуру; разумъ философскій въ XVIII столѣтіи произвелъ Иллуминатовъ.

Въ 1479 году находимъ, древнѣйшее доселѣ извѣстное дозволеніе на печатаніе книги. На концѣ книги подъ заглавіемъ: «Знай самъ себя», печатанной въ 1480 году, присоединено слѣдующее: мы Морфей Жирардо, Божіемъ милосердіемъ, патріархъ

венеціанскій, первенствующій въ Далматіи, по прочтеніи вышеписанныхъ господъ, свидѣтельствующихъ о вышеписанномъ твореніи, и по таковому же онаго заключенію и присоединенному довѣренію, также свидѣтельствуемъ, что книга сія православна и богобоязлива. Древнѣйшій монументъ цензуры, но не древнѣйшій безумія!

Древнѣйшее о цензурѣ узаконеніе, доселѣ извѣстное, находимъ въ 1486 году, изданное въ самомъ томъ городѣ, гдѣ изобрѣтено книгопечатаніе. Предузнавали монашескія правленія, что оно будетъ орудіемъ сокрушенія ихъ власти, что оно ускоритъ разверженіе общаго разсудка, и могущество на мнѣніи, а не на пользѣ общей основанное, въ книгопечатаніи обрящетъ свою кончину. Да позволятъ намъ здѣсь присовокупить памятникъ, нынѣ еще существующій на пагубу мысли и на посрамленіе просвѣщенія.

Указъ о неизданіи книгъ греческихъ, латинскихъ и пр. на народномъ языкѣ, безъ предварительнаго ученыхъ удостоенія 1486 года *).

Бертольдъ, Божіею милостію, святыя Маинцкія епархіи архіепископъ, въ Германіи архиканцлеръ и курфирстъ. Хотя для пріобрѣтенія человѣческаго ученія, чрезъ Божественное печатанія искусство, возможно съ изобиліемъ и свободнѣе получать книги до разныхъ наукъ касающіяся; но до свѣдѣнія нашего дошло, что нѣкоторые люди, побуждаемые суетныя славы или богатства желаніемъ, искусство сіе употребляютъ во зло, и данное для наученія въ житіи человѣческомъ, обращаютъ на пагубу и злорѣчіе.

Мы видѣли книги до священныхъ должностей и обрядовъ исповѣданія нашего касающіяся, переведенныя съ латинскаго на нѣмецкій языкъ, и неблагопристойно для святаго закона, въ рукахъ простаго народа обращающіяся, чтожъ сказать наконецъ о предписаніяхъ святыхъ правилъ и законоположеній; хотя они людьми искусными въ законоученіи, людьми мудрѣйшими и краснорѣчивѣйшими писаны разумно и тщательно, но наука сама по себѣ толико затруднительна, что краснорѣчивѣйшаго и ученѣйшаго человѣка едва на оную достаточна цѣлая жизнь.

Нѣкоторые глупые, дерзновенные и невѣжды, попускаются переводить на общій языкъ таковыя книги. Многіе ученые люди читая переводы сіи признаются, что ради великой несвойственности и худаго употребленія словъ, они непонятнѣе подлинниковъ. Что же скажемъ о сочиненіяхъ до другихъ наукъ касающихся, въ которыя часто вмѣшиваютъ ложное, надписываютъ ложными названіями, и тѣмъ паче славнѣйшимъ писателямъ приписываютъ свои вымыслы, чѣмъ болѣе находится покупщиковъ.

Да вѣщаютъ таковые переводчики, если возлюбляютъ истину, съ какимъ бы намѣреніемъ то ни дѣлали, съ добрымъ или худымъ, до того нѣтъ нужды; да вѣщаютъ: нѣмецкій языкъ удобенъ ли къ преложенію на оный того, что греческіе и латинскіе изящные писатели, о вышнихъ размышленіяхъ христіанскаго исповѣданія и о наукахъ писали, точнѣйше и разумнѣйше? Признаться надлежитъ, скудости ради своей, языкъ нашъ на сказанное недостаточенъ весьма, и нужно для того чтобы они неизвѣстныя имена вещамъ, въ мозгу своемъ сооружали; или если употребятъ древнія, то испортятъ истинный смыслъ; чего наипаче опасаемся въ писаніяхъ священныхъ въ разсужденіи ихъ важности. Ибо грубымъ и неученымъ людямъ, и женскому полу, въ руки которыхъ попадутся книги священныя, кто покажетъ истинный смыслъ? Разсмотри святаго евангалія строки, или посланія апостола Павла, всякъ разумный признается, что много въ нихъ прибавленій и исправленій писцовыхъ.

Сказанное нами довольно извѣстно. Что же помыслимъ о томъ, что въ писателяхъ каѳолическія церкви, находится зависящее отъ строжайшаго разсмотрѣнія? Многое въ примѣръ поставить можемъ, но для сего намѣренія довольно уже нами сказаннаго.

Понеже начало сего искусства, въ славномъ нашемъ градѣ Майнцѣ, скажемъ истиннымъ словомъ, божественно явилося, и нынѣ въ ономъ исправленно и обогащено пребываетъ; то справедливо, чтобы мы въ защиту нашу приняли важность сего искусства. Ибо должность наша есть сохранять святыя писанія въ нерастлѣнной непорочности. Сказавъ такимъ образомъ, о заблужденіяхъ и о продерзостяхъ людей наглыхъ и злодѣевъ, желая елико намъ возможно, пособіемъ Господнимъ, о которомъ дѣло здѣсь, предъупредить и наложить узду,

*) Кодексъ дипломатическій, изданный Гуденомъ. Томъ IV.

всѣмъ и каждому, церковнымъ и свѣтскимъ нашей области подданнымъ, и внѣ предѣловъ оныя торгующимъ, какого бы они званія и состоянія ни были; симъ каждому повелѣваемъ, чтобы никакое сочиненіе въ какой бы наукѣ, художествѣ или знаніи не было, съ греческаго, латинскаго, или другаго языка, переводимо не было на нѣмецкій языкъ, или уже переведенное, съ перемѣною токмо заглавія, или чего другаго, не было раздаваемо или продаваемо, явно или скрытно прямо или постороннимъ образомъ, если до печатанія или послѣ печати до изданія въ свѣтъ, не будетъ имѣть отверстаго дозволенія на печатаніе, или изданіе въ свѣтъ отъ любезныхъ намъ свѣтлѣйшихъ и благородныхъ докторовъ и магистровъ университетскихъ, а именно: во градѣ нашемъ Майнцѣ, отъ Іоганна Бертрама де Наумбурха, въ касающемся до богословіи, отъ Александра Дидриха въ законоученіи, отъ Ѳеодорика де Мешедя во врачебной наукѣ, отъ Андрея Елера во словесности, избранныхъ для сего въ городѣ нашемъ Ерфуртѣ докторовъ и магистровъ. Въ городѣ же Франкфуртѣ, если таковыя на продажу изданныя книги не будутъ смотрѣны и утверждены, почтеннымъ и намъ любезнымъ, однимъ богословіи магистромъ и однимъ или двумя докторами и лиценціатами, которые отъ думы онаго города, на годовомъ жалованьи содержимы быть имѣютъ.

Если кто сіе наше попечительное постановленіе презритъ, или противъ таковаго нашего указа, подастъ совѣтъ, помощь или благопріятство, своимъ лицемъ или постороннимъ, тѣмъ самимъ подвергаетъ себя осужденію на проклятіе; да сверхъ того лишенъ быть имѣетъ тѣхъ книгъ, и заплатитъ сто золотыхъ гульденовъ пени въ казну нашу. И сего рѣшенія, никто безъ особаго повелѣнія, да нарушить не терзаетъ. Дано въ замкѣ С. Мартына во градѣ нашемъ Майнцѣ, съ приложеніемъ печати нашей. Мѣсяца януарія, въ четвертый день 1486 года.

Его же о предъидущемъ, какимъ образомъ отправлять цензуру. Лѣта 1486 Бертольдъ и пр. Почтеннѣйшимъ ученѣйшимъ и любезнѣйшимъ намъ во Христѣ И. Бертраму богословіи, А. Дидриху законоученія, Ѳ. де Мешеде врачеванія докторамъ и А. Елеру словесности магистру, здравіе и къ нижеписанному прилежаніе.

Извѣстившись о соблазнахъ и подлогахъ, отъ нѣкоторыхъ въ наукахъ переводчиковъ и книгопечатниковъ происшедшихъ, и желая онымъ предварить, и заградить путь по возможности, повелѣваемъ, да никто въ епархіи и области нашей не дерзаетъ переводить книги на нѣмецкій языкъ, печатать или печатныя раздавать, доколѣ таковыя сочиненія или книги, въ городѣ нашемъ Майнцѣ, не будутъ разсмотрѣны вами, и касательно до самой вещи, доколѣ не будутъ въ переводѣ и для продажи вами утверждены, согласно съ выше объявленнымъ указомъ.

Надѣяся твердо на ваше благоразуміе и осторожность, мы вамъ поручаемъ: когда назначаемыя къ переводу, печатанію или продажѣ сочиненія или книги, къ вамъ принесены будутъ, то вы разсмотрите ихъ содержаніе, и если не легко можно дать имъ истинной смыслъ, или могутъ возродить заблужденія и соблазны, или оскорбить цѣломудріе, то оныя отвергните; тѣ которыя вы отпустите свободными, имѣете вы подписать своеручно, и именно на концѣ двое отъ васъ; дабы тѣмъ виднѣе было, что тѣ книги вами смотрѣны и утверждены. Богу нашему и государству любезную и полезную должность отправляйте. Данъ въ замкѣ С. Мартына. 10 януарія 1486 года.

Разсматривая сіе новое по тогдашнему времени законоположеніе, находимъ, что оно клонилося болѣе на запрещеніе, чтобы мало было книгъ печатано на нѣмецкомъ языкѣ, или другими словами, чтобы народъ пребывалъ всегда въ невѣжествѣ. На сочиненія, на латинскомъ языкѣ писанныя, цензура кажется не распространялася. Ибо тѣ, которые были свѣдущи въ языкѣ латинскомъ, казалось, были уже ограждены отъ заблужденія, ему неприступны, и что читали, понимали ясно и некриво *). И такъ священники хотѣли, чтобы одни причастники ихъ власти, были просвѣщенны, чтобы народъ науку почиталъ божественнаго происхожденія, превыше его понятія, и не смѣлъ бы оныя коснуться. И такъ изобрѣтенное на заключеніе истины и просвѣщенія въ тѣснѣйшія предѣлы, изобрѣтенное недовѣряющею властію ко своему могуществу, изобрѣтенное на продолженіе невѣжества и мрака, нынѣ во дни наукъ и любомудрія,

*) Сравнить съ нимъ можно, дозволеніе имѣть книги иностранныя всякаго рода, и запрещеніе таковыхъ же на языкѣ народномъ.

Когда разумъ отрясъ несродныя ему путы суевѣрія, когда истина блистаетъ столично паче и паче, когда источникъ ученія протекаетъ до дальнѣйшихъ отраслей общества, когда старанія правительствъ стремятся на истребленіе заблужденій, и на отверстіе безпретковенныхъ путей разсудку къ истинѣ; постыдное монашеское изобрѣтеніе трепещущей власти, принято нынѣ повсемѣстно, укоренено и благою пріемлотся преградою блужденію. Неистовые! осмотритесь, вы стяжаете превратностію дать истинѣ опору, вы заблужденіемъ хотите просвѣщать народы. Блюдитеся убо, да не возродится тьма. Какая вамъ польза, что властвовати будете надъ невѣждами, тѣмъ паче загрубѣлыми, что не отъ недостатка пособій къ просвѣщенію, невѣжды пребыли въ невѣжествѣ прироры, или паче въ естественной простотѣ, но сдѣлавъ уже шагъ къ просвѣщенію, остановлены въ шествіи, и обращены вспять, во тьму гонимы? Какая въ томъ вамъ польза боротися самимъ съ собою, и исторгать шуйцею, что десницею насадили? Воззрите на веселящееся о семъ священство. Вы заранѣе уже ему служите. Прострите тьму и почувствуйте на себѣ оковы, если не всегда оковы священнаго суевѣрія, то суевѣрія политическаго, не столь хотя смѣшнаго, но столь же пагубнаго.

По счастію однако же общества, что не изгнали изъ областей вашихъ книгопечатаніе. Яко древо во всегдашней веснѣ насажденное, не теряетъ своея зелености, тако орудія книгопечатанія, остановлены могутъ быть въ дѣйствіи, но не разрушены.

Папы уразумѣвъ опасность ихъ власти, отъ свободы печатанія родиться могущей, не укоснили законоположить о цензурѣ, и сіе положеніе пріяло силу общаго закона, на бывшемъ вскорѣ потомъ соборѣ въ Римѣ. Священный Тиверій, папа Александръ VI, первый изъ папъ законоположилъ о цензурѣ въ 1507 году. Самъ согбенный подъ всѣми злодѣяніями, не устыдился пещися о непорочности исповѣданія христіанскаго. Но власть когда краснѣла! Буллу свою начинаетъ онъ жалобою на діавола, который куколь сѣетъ во пшеницѣ, и говоритъ: «Узнавъ, что посредствомъ сказаннаго искусства, многія книги и сочиненія въ разныхъ частяхъ свѣта, наипаче въ Кельнѣ, Майнцѣ, Тріерѣ, Магдебургѣ напечатанныя, содержатъ въ себѣ разныя заблужденія, ученія пагубныя, христіанскому закону враждебныя, и нынѣ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ печатаются, желая безъ отлагательства предварить сей ненавистной язвѣ, всѣмъ и каждому сказаннаго искусства печатникамъ и къ нимъ принадлежащимъ, и всѣмъ кто въ печатномъ дѣлѣ обращается въ помянутыхъ областяхъ, подъ наказаніемъ проклятія и денежныя пени, опредѣляемой и взыскиваемой почтенными братіями нашими, кельнскимъ, маинцкимъ, тріерскимъ и магдебургскимъ архіепископами или ихъ намѣстниками въ областяхъ ихъ, въ пользу апостольской камеры; апостольскою властію наистрожайше запрещаемъ, чтобы не дерзали книгъ, сочиненій или писаній, печатать или отдавать въ печать, безъ доклада вышесказаннымъ архіепископамъ или намѣстникамъ, и безъ ихъ особливаго и точнаго безденежно испрошеннаго дозволенія; ихъ же совѣсть обременяемъ, да прежде нежели дадутъ таковое дозволеніе, назначенное къ печатанію, прилежно разсмотрятъ, или черезъ ученыхъ и православныхъ велятъ разсмотрѣть, и да прилежно пекутся чтобы не было печатано противнаго вѣрѣ православной, безбожное и соблазнъ производящаго». А дабы прежнія книги не содѣлали болѣе несчастій, то велѣно было разсмотрѣть всѣ о книгахъ реэстры, и всѣ печатныя книги, а которыя что либо содержали противное каѳолическому исповѣданію, тѣ сжечь.

О! вы цензуру учреждающіе, воспомните, что можете сравниться съ папою Александромъ VI и устыдитеся.

Въ 1515 году лютеранскій соборъ о цензурѣ положилъ, чтобы никакая книга не была печатана безъ утвержденія священства.

Изъ предъидущаго видѣли мы, что цензура изобрѣтена священствомъ, и ему была единственно присвоена Сопровождаемая проклятіемъ и денежнымъ взысканіямъ, справедливо въ тогдашнее время казаться могла ужасною нарушителю изданныхъ о ней законоположеній. Но опроверженіе Лутеромъ власти папской, отдѣленіе разныхъ исповѣданій отъ римскія церкви, пренія различныхъ властей въ продолженіе тридесятилѣтней войны, произвели много книгъ, которыя явилися въ свѣтъ безъ обыкновеннаго клейма цензуры. Вездѣ однако же духовенство присвоило себѣ право производить цензуру надъ изданіями; и когда въ 1650 году, учреждена была во Франціи цензура гражданская, то богословскій факультетъ парижскаго университета,

новому установленію противурѣчилъ, ссылаяся, что двѣсти лѣтъ онъ пользовался симъ правомъ.

Скоро по введеніи *) книгопечатанія въ Англіи учреждена цензура. Звѣздная палата, не меньше ужасная въ свое время въ Англіи, какъ въ Испаніи инквизиція, или въ Россіи тайная канцелярія, опредѣлила число печатниковъ и печатныхъ становъ; учредила освобождателя, безъ дозволенія котораго ничего печатать не смѣли. Жестокостя ея, противъ писавшихъ о правительствѣ, нещетны, и исторія ея оными наполнена. И такъ, если въ Англіи суевѣріе духовное, не въ силахъ было наложить на разумъ тяжкую узду цензуры, возложена она суевѣріемъ политическимъ. Но то и другое пеклися, да власть будетъ всецѣла, да очи просвѣщенія покрыты всегда пребудутъ туманомъ обаянія, и да насиліе царствуетъ на счетъ разсудка.

Со смертію графа Страфорда рушилась Звѣздная палата; но ни уничтоженіе сего, ни судебная казнь Карла I, не могли утвердить въ Англіи вольности книгопечатанія. Долгій парламентъ возобновилъ прежнія положенія противъ ея сдѣланныя. При Карлѣ II и при Яковѣ I, они паки возобновлены. Даже по совершеніи перемѣны въ 1692 году узаконеніе сіе подтверждено, но на два только года. Скончавшись въ 1694 г., вольность печатанія утверждена въ Англіи совершенно, и цензура зѣвнувъ въ послѣдній разъ, издохла **).

Американскія правительства, приняли свободу печатанія, между первѣйшими законоположеніями, вольность гражданскую утверждающими. Пенсильванская область въ основательномъ своемъ законоположеніи, въ главѣ I, въ предложительномъ объявленіи правъ жителей пенсильванскихъ, въ 12 статьѣ говоритъ: «народъ имѣетъ право говорить, писать и обнародовать свои мнѣнія; слѣдовательно свобода печатанія, никогда не долженствуетъ быть затрудняема». Въ главѣ 2, о образѣ правленія, въ отдѣленіи 35: «печатаніе да будетъ свободно для всѣхъ, кто хощетъ изслѣдовать, положенія законодательнаго собранія, или другой отрасли правленія. «Въ проектѣ о образѣ правленія въ Пенсильванскомъ государствѣ, напечатанномъ дабы жители онаго могли сообщать свои примѣчанія въ 1776 году въ, іюлѣ. Отдѣленіе 35. «Свобода печатанія отверста да будетъ всѣмъ желающимъ изслѣдовать законодательное правительство, и общее собраніе да не коснется оныя ни какимъ положеніемъ. Никакой книгопечатникъ, да не потребуется къ суду за то, что издалъ въ свѣтъ примѣчанія, цѣненія, наблюденія о поступкахъ общаго собранія о разныхъ частяхъ правленія, о дѣлахъ общихъ или о поведеніи служащихъ, поколику оное касается до исполненія ихъ должностей». Делаварское государство, въ объявленіи изъяснительномъ правъ, въ 23 статьѣ говоритъ: «Свобода печатанія, да сохраняема будетъ ненарушимо». Мариландское государство, въ 38 статьѣ, тѣми же словами объясняется. Виргинское, въ 14 статьѣ говоритъ сими словами: «Свобода печатанія есть наивеличайшая защита свободы государственной».

Книгопечатаніе, до перемѣны 1789 года, во Франціи послѣдовавшей, ни гдѣ толико стѣсняемо не было, какъ въ семъ государствѣ. Стоглазный Аргъ, сторучный Бріарей, парижская полиція, свирѣпствовала противъ писаній и писателей. Въ Бастильскихъ темницахъ томилися несчастные, дерзнувшіе охуждать, хищность министровъ и ихъ распутство. Если бы языкъ французскій, не былъ толико употребителенъ въ Европѣ, не былъ бы всеобщимъ, то Франція, стеня подъ бичемъ цензуры, не достигла бы то того величія въ мысляхъ, какое явили многіе ея писатели. Но общее употребленіе французскаго языка побудило завести въ Голландіи, Англіи, Швейцаріи и нѣмецкой землѣ книгопечатницы, и все что явиться не дерзало во Франціи, свободно обнародовано было въ другихъ мѣстахъ. Тако сила кичася своими мышцами осмѣяна была и не ужасна; тако свирѣпства пенящіяся челюсти праздны оставалися, и слово твердое ускользало отъ нихъ не поглощенно.

Но дивись несообразности разума человѣческаго. Нынѣ, когда во Франціи всѣ твердятъ о вольности, когда необузданность и безначаліе дошли до края возможнаго, цензура во Франціи не уничтожена. И хотя все тамъ печатается нынѣ невозбранно, но тайнымъ образомъ Мы не давно

*) Вилліамъ Какстонъ лондонскій купецъ, завелъ въ Англіи книгопечатницу при Едуардѣ IV въ 1474 году. Первая книга, печатанная на англійскомъ языкѣ, была разсужденіе о шашечной игрѣ, переведенная съ французскаго языка. Вторая, собраніе рѣченій и словъ философовъ, переведенное лордомъ Риверсомъ.

**) Въ Даніи вольное книгопечатаніе было мгновенно. Стихи Вольтеровы на сей случай къ датскому королю, во свидѣтельство осталися, что похвалою, даже мудрому законоположенію, спѣшить не надлежитъ.

читали, да возплачутъ французы о участи своей, и съ ними человѣчество! мы читали недавно, что народное собраніе, толико же поступая самодержавно, какъ доселѣ ихъ государь, насильственно взяли печатную книгу и сочинителя оной отдали подъ судъ за то, что дерзнулъ писать противъ народнаго собранія. Лафаетъ былъ исполнителемъ сего приговора. О Франція! ты еще хождаешь близь Бастильскихъ пропастей.

Размноженіе книгопечатницъ въ нѣмецкой землѣ, сокрывая отъ власти орудія оныхъ, отъемлетъ у нее возможность свирѣпствовать противъ разсудка и просвѣщенія. Малыя нѣмецкія правленія, хотя вольности книгопечатанія стараются положить преграду, но безъуспѣшно. Векерлинъ, хотя мстящею властію, посаженъ былъ подъ стражу, но сѣдое чудовище, осталося у всѣхъ въ рукахъ. Покойный Фридрихъ II, король прусскій, въ земляхъ своихъ печатаніе сдѣлалъ почти свободнымъ; не какимъ либо законоположеніемъ, но дозволеніемъ токмо, и образомъ своихъ мыслей. Чему дивится, что онъ не уничтожилъ цензуры; онъ былъ самодержецъ, коего любезная страсть была всесиліе. Но воздержись отъ смѣха.—Онъ узналъ, что указы имъ изданные, нѣкто намѣренъ былъ, собравъ напечатать. Онъ и къ онымъ приставилъ двухъ цензоровъ, или правильнѣе сказать браковщиковъ. О властвованіе! о всесиліе! ты мышцамъ своимъ не довѣряешь. Ты боишься собственнаго своего обвиненія, боишься чтобы языкъ твой тебя не посрамилъ, чтобы рука твоя не заушила.—Но какое добро сіи насильствованные цензоры произвести могли? Не добро, но вредъ. Скрыли они отъ глазъ потомства нелѣпое какое либо законоположеніе, которое на судъ будущій власть оставить стыдилась! которое оставшися явнымъ, было бы можетъ быть уздою власти, да не дерзаетъ на уродливое. Императоръ Іосифъ II рушилъ отчасти преграду просвѣщенія, которая въ австрійскихъ наслѣдныхъ владѣніяхъ, въ царствованіе Марія Терезіи, тяготила разсудокъ; но не могъ онъ стрясти съ себя бремени предразсужденія, и предлинное издалъ о цензурѣ наставленіе. Если должно его хвалить за то, что не возбранялъ опорочивать свои рѣшенія, находить въ поведеніи его недостатки, и таковыя порицанія издавать въ печати; но похулимъ его за то, что на свободѣ въ изъясненіи мыслей, онъ оставилъ узду. Сколь легко употребить можно оную во зло! . . . *). Чему дивиться, скажемъ и теперь какъ прежде: онъ былъ царь. Скажи же, въ чьей головѣ можетъ быть больше несообразностей—если не въ царской?

Въ Россіи . . . . . Что въ Россіи съ цензурою происходило, узнаете въ другое время. А теперь не производя цензуры надъ почтовыми лошадьми, я поспѣшно отправился въ путь.

---

*) Въ новѣйшихъ извѣстіяхъ читаемъ, что наслѣдникъ Іосифа II намѣренъ возобновить цензурную коммисію, предмѣстникомъ его уничтоженную.

МѢДНОЕ.

«Во полѣ береза стояла, во полѣ кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли» . . . . . Хороводъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ — пляшутъ — подойдемъ поближе, говорилъ я самъ себѣ, развертывая найденныя бумаги моего пріятеля. — Но я читалъ слѣдующее. Не могъ дойти до хоровода. Уши мои задернулись печалію, и радостный гласъ не хитростнаго веселія, до сердца моего не проникъ. О мой другъ! гдѣ бы ты ни былъ, внемли, и суди.

Каждую недѣлю два раза, вся Россійская Имперія извѣщается, что Н. Н. или Б. Б. въ не состояніи или не хочетъ платить того, что занялъ, или взялъ, или чего отъ него требуютъ. Занятое либо проиграно, проѣзжено, прожито, проѣдено, пропито, про . . . . . или раздарено, потеряно въ огнѣ, или водѣ, или Н. Н. или Б. Б. другими какими либо случаями вошелъ въ долгъ, или подъ взысканіе. То и другое наравнѣ въ вѣдомостяхъ пріемлется. — Публикуется — «Сего . . . . дня по полуночи въ 10 часовъ, по опредѣленію уѣзднаго суда, или городоваго магистрата, продаваться будетъ съ публичнаго торга, отставнаго капитана Г . . . . недвижимое имѣніе, домъ состоящей въ . . . . части, подъ № . . . и при немъ, шесть душъ мужескаго и женскаго полу; продажа будетъ при ономъ домѣ. Желающіе могутъ осмотрѣть заблаговременно».

На дешевое охотниковъ всегда много. Наступилъ день и часъ продажи. Покупщики съѣзжаются. Въ залѣ, гдѣ оная производится, стоятъ неподвижны, на продажу осужденные. Старикъ лѣтъ въ 75, опершись на вязовой дубинкѣ, жаждетъ угадать, кому судьба его отдастъ въ руки, кто закроетъ его глаза. Съ отцемъ господина своего онъ былъ въ Крымскомъ походѣ, при фельдмаршалѣ Минихѣ; въ Франкфурскую баталію, онъ раненаго своего господина унесъ на плечахъ изъ строю. Возвратясь домой, былъ дядькою своего молодаго барина. Во младенчествѣ, онъ спасъ его отъ утопленія, бросясь за нимъ въ рѣку, куда сей упалъ, переѣзжая на паромѣ, и съ опасностію своей жизни спасъ его. Въ юношествѣ выкупилъ его изъ тюрьмы, куда посаженъ былъ за долги, въ бытность свою въ гвардіи унтеръ-офицеромъ. — Старуха 80 лѣтъ, жена его, была кормилицею матери своего молодаго барина; его была нянькою, и имѣла надзираніе за домомъ, до самаго того часа, какъ выведена на сіе торжище. Во все время службы своея ничего у господъ своихъ не утратила, ни чемъ не покорыстовалась, никогда не лгала, а если иногда имъ досадила, то развѣ своимъ праводушіемъ. — Женщина лѣтъ въ 40 вдова, кормилица молодаго своего барина. И до днесь чувствуетъ она еще къ нему нѣкоторую нѣжность. Въ жилахъ его льется ея кровь. Она ему вторая мать, и ей онъ болѣе животомъ своимъ обязанъ, нежели своей природной матери. Сія зачала его въ веселіи, о младенчествѣ его не радѣла. Кормилица и нянька его были его воспитанницы. Онѣ съ нимъ разстаются какъ съ сыномъ. — Молодица 18 лѣтъ дочь ея и внучка стариковъ. Звѣрь лютый, чудовище, извергъ! Посмотри на нее, посмотри на румяныя ея ланиты, на слезы ліющіяся изъ ея прелестныхъ очей. Не ты ли, не возмогши прельщеніемъ и обѣщаніями уловить ея невинности, ни устрашить ея непоколебимости угрозами и казнію, на конецъ употребилъ обманъ, обвѣнчавъ ее за спутника твоихъ мерзостей, и въ видѣ его насладился веселіемъ, котораго она дѣлить съ тобой гнушалася. Она узнала обманъ твой. Вѣнчанной съ нею не коснулся болѣе ея ложа, и ты лишенъ ставъ твоея утѣхи, употребилъ насиліе. Четыре злодѣя исполнители твоея воли, держа руки ея и ноги . . . . но сего не окончаемъ. На челѣ ея скорбь, въ глазахъ отчаяніе. Она держитъ младенца, плачевный плодъ обмана или насилія, но живой слѣпокъ прелюбодѣйнаго его отца. Родивъ его, позабыла отцево звѣрство, и сердце начало чувствовать къ нему нѣжность. Она боится, чтобы не попасть въ руки ему подобнаго. — Младенецъ . . . . Твой сынъ, варваръ, твоя кровь. Иль думаешь, что гдѣ не было обряда церковнаго, тутъ нѣтъ и обязанности. Иль думаешь, что данное по приказанію твоему благословеніе, наемнымъ извѣщателемъ слова Божія, со-

четованіе ихъ утвердило, иль думаешь, что насильственное вѣнчаніе во храмѣ Божіемъ можетъ назваться союзомъ? Всесильный мерзитъ принужденіемъ, Онъ услаждается желаніями сердечными. Они одни не порочны. О! колико между нами прелюбодѣйствъ и растлѣній, совершается во имя Отца радостей и утѣшителя скорбей, при Его свидѣтеляхъ, не достойныхъ своего сана. — Дѣтина лѣтъ въ 25, вѣнчанной ея мужъ, спутникъ и наперстникъ своего господина. Звѣрство и мщеніе въ его глазахъ. Раскаивается о своихъ къ господину своему угожденіяхъ. Въ карманѣ его ножъ; онъ его схватилъ крѣпко; мысль его отгадать не трудно... Безплодное рвеніе. Достанешься другому. Рука господина твоего, носящаяся надъ главою раба непрестанно, согнетъ выю твою на всякое угожденіе. Гладъ, стужа, зной, казнь, все будетъ противъ тебя. Твой разумъ чуждъ благородныхъ мыслей. Ты умереть не умѣешь. Ты склонишься и будешь рабъ духомъ, какъ и состояніемъ. А если бы возхотѣлъ противиться, умрешь въ оковахъ томною смертію. Судіи между вами нѣтъ. Не захочетъ мучитель твой самъ тебя наказывать. Онъ будетъ твой обвинитель. Отдастъ тебя градскому правосудію. — Правосудіе? — гдѣ обвиняемый не имѣетъ почти власти оправдаться. — Пройдемъ мимо другихъ нещастныхъ, выведенныхъ на торжище.

Едва ужасоносный молотъ испустилъ тупой свой звукъ, и четверо нещастныхъ узнали свою участь — слезы, рыданіе стонъ пронзили уши всего собранія. Наитвердѣйшіе были тронуты. Окаменѣлыя сердца! по что безплодное соболѣзнованіе? О квакеры! если бы мы имѣли вашу душу, мы бы сложилися и купивъ сихъ нещастныхъ, даровали бы имъ свободу. — Живъ многія лѣта въ объятіяхъ одинъ другаго, нещастные сіи къ поносной продажѣ возчувствуютъ тоску разлуки. Но если законъ, иль лучше сказать, обычай варварской, ибо въ законѣ того не писано, дозволяетъ толикое человѣчеству посмѣяніе, какое право имѣете продавать сего младенца? Онъ незаконнорожденной. Законъ его освобождаетъ. Постойте я буду доноситель; я избавлю его. Если бы съ нимъ могъ спасти и другихъ! О щастіе! по что ты такъ обидѣло меня въ твоемъ раздѣлѣ? Днесь жажду вкусити прелестнаго твоего взора, впервые ощущать начинаю страсть къ богатству. — Сердце мое столь было стѣснено, что выскочивъ изъ среды собранія и отдавъ нещастнымъ послѣднею гривну изъ кошелька, побѣжалъ вонъ. На лѣстницѣ встрѣтился мнѣ одинъ чужестранецъ, мой другъ. — Что тебѣ сдѣлалось? ты плачешь! Возвратись, сказалъ я ему небудь свидѣтелемъ срамнаго позорища. Ты проклиналъ нѣкогда обычай, варварской въ продажѣ черныхъ невольниковъ, въ отдаленныхъ селеніяхъ твоего отечества; возвратись, повторилъ я, не будь свидѣтелемъ нашего затмѣнія, и да не возвѣстиши стыда нашего твоимъ согражданамъ, бесѣдуя съ ними о нашихъ нравахъ. — Не могу сему я вѣрить, сказалъ мнѣ мой другъ; не возможно, чтобы тамъ, гдѣ мыслить и вѣрить дозволяется всякому, кто какъ хочетъ, столь постыдное существовало обыкновеніе. — Не дивись, сказалъ я ему, установленіе свободы въ исповѣданіи, обидитъ однихъ поповъ и чернецовъ, да и тѣ скорѣе пожелаютъ пріобрѣсти себѣ овцу, нежели овцу во Христово стадо. Но свобода сельскихъ жителей обидитъ, какъ то говорятъ, право собственности. А всѣ тѣ, кто бы могъ свободѣ поборствовать, всѣ великіе отчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно, но отъ самой тяжести порабощенія.

ТВЕРЬ.

Стихотворство у насъ, говорилъ товарищъ мой трактирнаго обѣда, въ разныхъ смыслахъ какъ оно пріемлется, далеко еще отстоитъ величія. Поэзія было пробудилась, но нынѣ паки дремлетъ, а стихосложеніе шагнуло одинъ разъ и стало въ пень.

Ломоносовъ уразумѣвъ смѣшное въ польскомъ одѣяніи нашихъ стиховъ, снялъ съ нихъ несродное имъ полукафтанье. Подавъ хорошіе примѣры новыхъ стиховъ, надѣлъ на послѣдователей своихъ узду великаго примѣра, и никто доселѣ отшатнуться отъ него не дерзнулъ. По нещастію случилося, что Сумароковъ въ то же время былъ; и былъ отмѣнной стихотворецъ. Онъ употреблялъ стихи по примѣру Ломоносова и нынѣ всѣ въ слѣдъ за ними не воображаютъ, чтобы другіе стихи быть могли, какъ ямбы, какъ такіе, какими писали сіи оба знаменитые мужи. Хотя оба сіи стихотворцы преподавали правила другихъ стихосложеній, а Сумароковъ и во всѣхъ родахъ оставилъ примѣры, но они столь маловажны, что ни отъ кого подражанія не заслужили. Если бы Ломоносовъ преложилъ Іова, или псалмопѣвца дактилями, или еслибы Сумароковъ, Семиру или Димитрія написалъ хореями, то и Херасковъ вздумалъ бы, что можно писать другими стихами опричь ямбовъ, и болѣе бы славы въ осьмилѣтнемъ своемъ пріобрѣлъ трудѣ, описавъ взятіе Казани, свойственнымъ эпопеи стихосложеніемъ. Не дивлюсь, что древній треухъ на Виргилія надѣтъ Ломоносовскимъ покроемъ; но желалъ бы я, чтобы Омиръ между нами не въ ямбахъ явился, но въ стихахъ подобныхъ его, ексаметрахъ, и Костровъ хотя не стихотворецъ, а переводчикъ, сдѣлалъ бы эпоху въ нашемъ стихосложеніи, ускоривъ шествіе самой поэзіи цѣлымъ поколѣніемъ.

Но не одни Ломоносовъ и Сумароковъ остановили россійское стихосложеніе. Неутомимый вовзовикъ Тредіаковскій не мало къ тому способствовалъ своею Телемахидою. Теперь дать примѣръ новаго стихосложенія очень трудно, ибо примѣры въ добромъ и худомъ стихосложеніи глубокій пустили корень. Парнасъ окруженъ ямбами, и рифмы стоятъ вездѣ на караулѣ. Кто бы ни задумалъ писать дактилями, тому тотъ часъ Тредіаковскаго приставятъ дядькою, и прекраснѣйшее дитя долго казаться будетъ уродомъ, доколѣ не родится Мильтона, Шекспира или Вольтера. Тогда и Тредіаковскаго выроютъ изъ поросшей мхомъ забвенія могилы, въ Талемахидѣ найдутся добрые стихи, и будутъ въ примѣръ поставляемы.

Долго благой перемѣнѣ въ стихосложеніи препятствовать будетъ привыкшее ухо ко краесловію. Слышавъ долгое время единогласное въ стихахъ окончаніе, безрифміе покажется грубо, не гладко и не стройно. Таково оно и будетъ, доколѣ французской языкъ будетъ въ Россіи, больше другихъ языковъ въ употребленіи. Чувства наши, какъ гибкое и молодое дерево, можно выростить прямо и криво по произволенію. Сверхъ же того въ стихотвореніи такъ, какъ и во всѣхъ вещахъ, можетъ господствовать мода, и если она хотя нѣсколько имѣетъ въ себѣ естественнаго, то принята будетъ безъ прекословія. Но все модное мгновенно; а особливо въ стихотворствѣ. Блескъ наружный можетъ заржавѣть, но истинная красота не поблекнетъ никогда. Омиръ, Виргилій, Мильтонъ, Расинъ, Вольтеръ, Шекспиръ, Тассо и многіе другіе, читаны будутъ доколѣ не истребится родъ человѣческій.

Излишнимъ почитаю я бесѣдовать съ вами, о разныхъ стихахъ россійскому языку свойственныхъ. Что такое ямбъ, хорей, дактиль или анапестъ, всякъ знаетъ, если немного кто разумѣетъ правила стихосложенія. Но то бы было не излишнее, если бы я могъ дать примѣры въ разныхъ родахъ достаточные. Но силы мои и разумѣніе коротки. Если совѣтъ мой можетъ что либо сдѣлать, то я бы сказалъ, что россійское стихотворство да и самъ россійской языкъ гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворныхъ сочиненій дѣлали не всегда ямбами. Гораздо бы епической поэмѣ свойственнѣе было, если бы переводъ Генріады не былъ въ ямбахъ, а ямбы не краесловные хуже прозы.

Все вышесказанное изрекъ пирной мой товарищъ однимъ духомъ и толикою поворотливостію языка, что я не успѣлъ ни чего ему сказать на возраженіе, хотя много кой чего имѣлъ на защищенія Ямбовъ и всѣхъ тѣхъ, которые ими писали.

Я и самъ, продолжалъ онъ заразительному послѣдовалъ примѣру, и сочинялъ стихи ямбами, но то были оды, Вотъ остатокъ одной изъ нихъ, всѣ прочія сгорѣли въ огнѣ; да и оставшуюся та же ожидаетъ участь, какъ и сестеръ ея постигшая. Въ Москвѣ не хотѣли ее напечатать по двумъ причинамъ, первая, что смыслъ въ стихахъ не ясенъ, и много стиховъ топорной работы другая, что предметъ стиховъ несвойственъ нашей землѣ. Я ѣду теперь въ Петербургъ просить о изданіи ея въ свѣтъ, ласкаяся яко нѣжной отецъ своего дитяти, что ради послѣдней причины, для коей ее въ Москвѣ печатать не хотѣли, снисходительно возрятъ на первую. Если вамъ не въ тягость будетъ прочесть нѣкоторыя строфы, сказалъ онъ мнѣ подавая бумагу.—Я ее развернулъ и читалъ слѣдующее. Вольность.. Ода... За одно названіе отказали мнѣ изданіе сихъ стиховъ. Но я очень помню, что въ наказѣ о сочиненіи новаго уложенія, говоря о вольности, сказано: «вольностію называть должно то, что всѣ одинаковымъ повинуются законамъ». Слѣдственно о вольности у насъ говорить вмѣстно.

1.

О! даръ небесъ благословенный,
Источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ;
О! вольность, вольность, даръ безцѣнный!
Позволь, чтобъ рабъ тебя воспѣлъ.
Исполни сердце твоимъ жаромъ,
Въ немъ сильныхъ мышцъ твоихъ ударомъ,
Во свѣтъ, рабства тьму, претвори
Да Брутъ и Телль, еще проснутся,
Сѣдяй во власти, да смятутся,
Отъ гласа твоего Цари.

Сію строфу обвинили для двухъ причинъ, за стихъ, «во свѣтъ рабства тьму претвори». Онъ очень тугъ и труденъ на изреченіе, ради частаго повторенія буквы Т, и ради соитія частаго согласныхъ буквъ, «бства тьму претв» на десять согласныхъ три гласныхъ, а на россійскомъ языкѣ толико же можно писать сладостно, какъ и на италіанскомъ... Согласенъ... хотя иные почитали стихъ сей удачнымъ, находя въ негладкости стиха изобразительное выраженіе трудности самаго дѣйствія... Но вотъ другой, «да смятутся отъ гласа твоего Цари». Желать смятенія Царю есть то же, что желать ему зла; слѣдовательно... Но я не хочу вамъ наскучить всѣми примѣчаніями, на стихи мои сдѣланными. Многіе признаюсь изъ нихъ были справедливы. Позвольте, чтобы я вашимъ былъ чтецомъ.

2.

Я въ свѣтъ изшелъ и ты со мною..
Сію строфу проидемъ мимо. Вотъ ее содержанье:
Человѣкъ во всемъ отъ рожденія свободенъ...

3.

Но чтожъ претитъ моей свободѣ.
Желаньямъ зрю вездѣ предѣлъ;
Возникла обща власть въ народѣ,
Соборной всѣхъ властей удѣлъ.
Ей общество во всемъ послушно,
По всюду съ ней единодушно.
Для пользы общей нѣтъ препонъ.
Во власти всѣхъ своей зрю долю,
Свою творю, творя всѣхъ волю:
Вотъ что есть въ обществѣ законъ.

4.

Въ срединѣ злачныя долины,
Среди тягченныхъ жатвой нивъ,
Гдѣ нѣжны процвѣтаютъ крины,
Средь мирныхъ подъ сѣньми оливъ.
Пароска мармора бѣлѣе,
Яснѣйша дня лучей свѣтлѣе,
Стоитъ прозрачный всюду храмъ.
Тамъ жертва лжива не курится,
Тамъ надпись пламенная зрится:
«Конецъ невинности бѣдамъ».

5.

Оливной вѣтвію вѣнчанно,
На твердомъ камени сѣдяй;
Безжалостно и хладнокравно,
Глухое божество...

И пр. изображается законъ въ видѣ божества во храмѣ, коего стражи суть истина и правосудіе.

6.

Возводитъ строгія зеницы,
Льетъ радость, трепетъ, вкругъ себя;
Равно на всѣ взираетъ лицы,
Ни ненавидя, ни любя.
Онъ лести чуждъ, лицепріятства,
Породы, знатности, богатства,
Гнушаясь жертвенныя тли;
Родства не знаетъ, ни пріязни
Равно дѣлитъ и мзду и казни;
Онъ образъ Божій на земли.

7.

И се чудовище ужасно,
Какъ гидра, сто имѣя главъ,
Умильно и въ слезахъ всечасно,
Но полны челюсти отравъ.
Земныя власти попираетъ,
Главою неба досязаетъ,
Его отчизна тамъ гласитъ.
Призраки, тьму повсюду сѣетъ,
Обманывать и льстить умѣетъ,
И слѣпо вѣрить всѣмъ велитъ.

8.

Покрывши разумъ темнотою,
И всюду вѣя ползкій ядъ. . . .

Изображеніе священнаго суевѣрія, отъемлющаго у человѣка чувствительность, влекущее его въ яремъ порабощенія и заблужденія во броню его облекшее:

Бояться истинны велѣлъ...
Власть называетъ оное извѣтомъ божества;
разсудокъ обманомъ.

9.

Возримъ мы въ области обширны,
Гдѣ тусклой тронъ стоитъ рабства;

Въ мирѣ и тишинѣ суевѣріе священное и политическое, подкрѣпляя другъ друга,

Союзно общество гнетутъ.
Одно сковать разсудокъ тщится,
Другое волю стерть стремится;
На пользу общую рекутъ.

10.

Покоя рабскаго подъ сѣнью,
Плодовъ златыхъ не возростаетъ;
Гдѣ все ума претитъ стремленью,
Великость тамъ не прозябетъ.

И всѣ злыя слѣдствія рабства, какъ то безпечность, лѣность, коварство, голодъ и пр.

11.

Чело надменное вознесши,
Схвативъ желѣзный скипетръ, Царь,
На огромномъ тронѣ, властно сѣвши,
Въ народѣ зритъ лишь подлу тварь...
Животъ и смерть въ рукѣ имѣя:
«По волѣ, рекъ, щажу злодѣя,
«Я властію могу дарить;
«Гдѣ я смѣюсь, тамъ все смѣется;
«Нахмурюсь грозно, все смятется.
«Живешь тогда, велю коль жить».

12.

И мы внимаемъ хладнокровно . . . . .
Какъ алчный змій, ругаяся всѣмъ, отравляетъ дни веселія и утѣхъ. Но хотя вокругъ твоего престола всѣ стоятъ преклонше колѣна; трепещи, се мститель грядетъ, прорицая вольность . . . .

13.

Возникнетъ рать повсюду бранна,
Надежда всѣхъ вооружитъ;
Въ крови мучителя вѣнчанна,
Омыть свой стыдъ ужъ всякъ спѣшитъ.
Мечъ остръ, я зрю, вездѣ сверкаетъ,
Въ различныхъ видахъ смерть летаетъ;
Надъ гордою главой паря.
Ликуйте склепанны народы:
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя.

14.

И нощи се завѣсу лживой,

Со трескомъ мощно разодравъ,
Кичливой власти и строптивой,
Огромный истуканъ поправъ;
Сковавъ сторучна исполина,
Влечетъ его, какъ гражданина,
Къ престолу, гдѣ народъ возсѣлъ:
«Преступникъ власти мною данной?
«Вѣщай злодѣй, мною вѣнчанный,
«Противъ меня возстать какъ смѣлъ?

15.

«Тебя облекъ я во порфиру
«Равенство въ обществѣ блюсти,
«Вдовицу призирать и сиру,
«Отъ бѣдъ невинность чтобъ спасти,
«Отцемъ ей быть, чадолюбивымъ;
«Но мстителемъ непримиримымъ,
«Пороку, лжѣ и клеветѣ;
«Заслуги честью награждати,
«Устройствомъ зло предупреждати,
«Хранити нравы въ чистотѣ.

16.

Покрылъ я море кораблями. . . . .
Далъ способъ къ пріобрѣтенію богатствъ и благоденствія. Желалъ я, чтобы земледѣлецъ не былъ плѣнникъ на своей нивѣ, и тебя бы благословлялъ . . . . .

17.

«Своихъ кровей я безъ пощады
«Гремящую воздвигнулъ рать;
«Я мѣдны изваялъ громады,
«Злодѣевъ внѣшнихъ чтобъ карать,
«Тебѣ велѣлъ повиноваться
«Съ тобою къ славѣ устремляться.
«Для пользы всѣхъ, мнѣ можно все.
«Земныя нѣдра раздираю.
«Металлъ блестящій извлекаю,
«На украшеніе твое.

18.

«Но ты, забывъ мнѣ клятву данну,
«Забывъ, что я избралъ тебя;
«Себѣ въ утѣху быть вѣнчанну
«Возмнилъ, что ты Господь, не я;
«Мечемъ мои расторгъ уставы;
«Безгласными повергъ всѣ нравы,
«Стыдиться истинѣ велѣлъ.
«Разчистилъ мерзостямъ дорогу,
«Взывать сталъ не ко мнѣ, но къ Богу,
«А мной гнушаться восхотѣлъ.

19.

«Кровавымъ потомъ доставая
«Плодъ, кой я въ пищу насадилъ,
«Съ тобою крохи раздѣляя,
«Своей натуги не щадилъ;
«Тебѣ сокровищей всѣхъ мало!
«На что жъ, скажи, ихъ не достало,
«Что рубище съ меня сорвалъ?
«Дарить любимца полна лести!
«Жену чуждающуюся чести!
«Иль злато Богомъ ты призналъ?

20.

«Въ отличность знакъ изобрѣтенный,
«Ты началъ наглости дарить;
«Въ злодѣя мечъ мой изощренный,
«Ты сталъ невинности сулить;
«Сгружденные полки въ защиту,
«На брань ведешь ли знамениту,
«За человѣчество карать?
«Въ кровавыхъ борешься долинахъ,
«Дабы упившися въ Аѳинахъ,
«Ирой, зѣвавъ могли сказать.

21.

Злодѣй злодѣевъ всѣхъ лютѣйшій . . .
Ты всѣ совокупилъ злодѣянія, и жало свое въ меня устремилъ. . .
Умри, умри же ты сто кратъ.
Народъ вѣщалъ. . . . .

22.

Великій мужъ, коварства полный,
Ханжа, и льстецъ, и святотатъ!
Единъ ты въ свѣтѣ столь благотворный
Примѣръ великій могъ подать
Я чту Кромвель въ тебѣ злодѣя,
Что власть въ рукѣ своей имѣя,
Ты твердь свободы сокрушилъ.

Но научилъ ты въ родъ и роды,
Какъ могутъ мстить себя народы,
Ты Карла на судѣ казнилъ.

23.

И се гласъ вольности раздается во всѣ концы.
На вѣче весь течетъ народъ;
Престолъ чугунный разрушаетъ,
Самсонъ какъ древлѣ сотрясаетъ,
Исполненный коварствъ чертогъ,
Закономъ строитъ твердь природы.
Великъ, великъ, ты духъ свободы,
Зиждителенъ какъ самъ есть Богъ!

24.

Въ слѣдующихъ одиннадцати строфахъ заключается описаніе царства свободы, и дѣйствія ея; то есть сохранность, спокойствіе, благоденствіе, величіе. . . .

34.

Но страсти изощряя злобу . . . .
Превращаютъ спокойствіе гражданъ въ пагубу. . . . .
Отца на сына воздвигаютъ,
Союзы брачны раздираютъ,
И всѣ слѣдствія безмѣрнаго желанія властвовати. . .

35. 36. 37.

Описаніе пагубныхъ слѣдствій роскоши. Междоусобій. Гражданская брань. Марій, Сулла, Августъ. . . .

Тревожну вольность усыпилъ.
Чугунный скипетръ обвилъ цвѣтами . . . . слѣдствіе того, порабощеніе . . . .

38. 39.

Таковъ есть законъ природы; изъ мучительства рождается вольность, изъ вольности рабство. . . . .

40.

На что сему дивиться, и человѣкъ родится на то чтобы умереть . . . . Слѣдующія 8 строфъ содержатъ прорицанія о будущемъ жребіи отечества, которое раздѣлится на части, и тѣмъ скорѣе чѣмъ будетъ пространнѣе. Но время еще не пришло. Когда же оно наступитъ, тогда.

Встрещатъ заклѣпы тяжкой ночи.

Упругая власть при издыханіи приставитъ стражу къ слову, и соберетъ всѣ свои силы, дабы послѣднимъ махомъ раздавить возникающую вольность . . . .

49.

Но человѣчество возреветъ въ оковахъ, и направляемое надеждою свободы, и неистребимымъ природы правамъ, двинется... И власть приведена будетъ въ трепетъ. Тогда всѣхъ силъ сложеніе, тогда тяжелая власть
Развѣется въ одно мгновенье.
О день избраннѣйшій всѣхъ дней!

50.

Мнѣ слышится ужъ гласъ природы,
Начальный гласъ, гласъ божества.
Мрачная твердь позыбнулась, и вольность возсіяла.

Вотъ и конецъ, сказалъ мнѣ новомодной стихотворецъ.—Я очень тому порадовался, и хотѣлъ было ему сказать, можетъ быть, непріятное на стихи его возраженіе, но колокольчикъ возвѣстилъ мнѣ, что въ дорогѣ складнѣе поспѣшать на почтовыхъ клячахъ, нежели карабкаться на пегаса когда онъ съ норовомъ.

ГОРОДНЯ.

Въѣжжая въ сію деревню, не стихотворческимъ пѣніемъ слухъ мой былъ ударяемъ, но пронзающимъ сердце воплемъ женъ, дѣтей и старцевъ. Вставъ изъ моей кибитки, отпустилъ я ее къ почтовому двору, любопытствуя узнать причину примѣтнаго на улицѣ смятенія.

Подошедъ къ одной кучѣ, узналъ я, что рекрутскій наборъ былъ причиною рыданія и слезъ многихъ толпящихся. Изъ многихъ селеній казенныхъ и помѣщичьихъ сошлися отправляемые на отдачу рекруты.

Въ одной толпѣ старуха лѣтъ пятидесяти, держа за голову двадцатилѣтняго парня, вопила. Любезное мое дитятко, на кого ты меня покидаешъ? Кому ты поручаешь домъ родительской? Поля наши поростутъ травою; мохомъ наша хижина. Я бѣдная престарѣлая мать твоя, скитаться должна по міру. Кто согрѣетъ мою дряхлость отъ холода, кто укроетъ ее отъ зноя? Кто напоитъ меня и накормитъ? Да все то не столь сердцу тягостно; кто закроетъ мои очи при издыханіи? Кто приметъ мое родительское благословеніе? Кто тѣло предастъ общей нашей матери сырой землѣ. Кто придетъ воспомянуть меня надъ могилою? Не канетъ на нее твоя горячая слеза; не будетъ мнѣ отрады той.

Подлѣ старухи стояла дѣвка уже взрослая. Она также вопила. — Прости мой другъ сердечной, прости мое красное солнышко. Мнѣ твоей невѣстѣ нареченной, не будетъ больше ни утѣхи ни веселья. Не позавидуютъ мнѣ подруги мои. Не взойдетъ надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь, ни вдовою ни мужнею женою. Хотя бы безчеловѣчные наши старосты,' хоть дали бы намъ обвѣнчатися; хотя бы ты мой милой другъ, хотя бы одну уснулъ ночиньку, уснулъ бы на бѣлой моей груди. Авось ли бы Богъ меня помиловалъ, и далъ бы мнѣ паренька на утѣшеніе.

Парень имъ говорилъ: перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зоветъ насъ Государь на службу. На меня палъ жеребей. Воля Божія. Кому не умирать, тотъ живъ будетъ. Авось либо я съ полкомъ къ вамъ приду. Авось либо дослужуся до чина. Не крушися, моя матушка родимая. Береги для меня Прасковьюшку. — Рекрута сего отдавали изъ Економическаго селенія.

Совсѣмъ другаго рода слова внялъ слухъ мой въ близь стоящей толпѣ. Среди оной я увидѣлъ человѣка лѣтъ тридцати, посредственнаго роста, стоящаго бодро, и весело на окрестъ стоящихъ взирающаго.

Услышалъ Господь молитву мою, вѣщалъ онъ. Достигли слезы нещастнаго до утѣшителя всѣхъ. Теперь буду хотя знать, что жребій мой зависѣть можетъ отъ добраго или худаго моего поведенія. Доселѣ зависѣлъ онъ отъ своенравія женскаго. Одна мысль утѣшаетъ, что безъ суда батожьемъ наказанъ не буду.

Узнавъ изъ рѣчей его, что онъ господской былъ человѣкъ, любопытствовалъ отъ него узнать причину необыкновеннаго удовольствія. На вопросъ мой о семъ, онъ отвѣтствовалъ: еслибы, государь мой, съ одной стороны поставлена была висѣлица, а съ другой глубокая рѣка и стоя между двухъ гибелей, неминуемо бы должно было идти на право или на лѣво, въ петлю или въ воду, что избрали бы вы, чего бы заставилъ желать разсудокъ и чувствительность? Я думаю, да и всякой другой, избралъ бы броситься въ рѣку, въ надеждѣ, что преплывъ на другой брегъ опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать, тверда ли петля своей шеей. Таковъ мой былъ случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тѣмъ и конецъ былъ, но умирать томною смертію, подъ батожьемъ, подъ кошками, въ кандалахъ, въ погребѣ, нагу, босу, алчущу, жаждущу при всегдашнемъ поруганіи; государь мой, хотя холопей щитаете вы своимъ имѣніемъ, нерѣдко хуже скотовъ, но къ нещастію ихъ горчайшему они чувствительности не лишены. Вамъ удивительно, вижу я, слышать таковыя слова въ устахъ крестьянина; но слышавъ ихъ, для чего не удивляетесь жестокосердію своей собратіи, дворянъ.

И поистинѣ не ожидалъ я сказаннаго отъ одѣтаго въ смурой кафтанъ со бритымъ лбомъ. Но желая удовлетворить моему любопытству, я просилъ его, чтобы онъ увѣдомилъ меня, какъ будучи столь низкаго состоянія, онъ достигъ понятій, недостающихъ нерѣдко въ людяхъ, несвойственно называемыхъ благородными.

Если вы не поскучаете слышать моей повѣсти, то я вамъ скажу, что я родился въ рабствѣ: сынъ дядьки моего бывшаго господина. Сколь восхищаюсь я, что не назовутъ уже меня Ванькою, ни поносительнымъ именованіемъ, ни позыва не сдѣлаютъ свистомъ. Старой мой баринъ, человѣкъ добросердечной, разумной и добродѣтельной, нерѣдко рыдавшій надъ участію своихъ рабовъ, хотѣлъ за долговременныя заслуги отца моего отличить и меня, давъ мнѣ воспитаніе наравнѣ съ своимъ сыномъ. Различія между нами почти не было, развѣ только то, что онъ на кафтанѣ носилъ сукно моего потонѣ. Чему учили молодого боярина, тому учили и меня; наставленіи намъ во всемъ были одинаковы, и безъ хвастовства скажу, что во многомъ я лучше успѣлъ своего молодого господина.

Ванюша, говорилъ мнѣ старой баринъ, щастіе твое зависитъ совсѣмъ отъ тебя. Ты болѣе къ учености и нравственности имѣешь побужденій, нежели мой сынъ. Онъ по мнѣ будетъ богатъ и нужды не узнаетъ, а ты съ рожденія съ нею познакомился. И такъ старайся быть достоинъ моего о тебѣ попеченія. — На семнадцатомъ году возраста молодаго моего барина отправленъ былъ онъ и я въ чужіе края съ надзирателемъ, коему предписано было, меня почитать сопутникомъ, а не слугою. Отправляя меня старой мой баринъ сказалъ мнѣ: надѣюся, что ты возвратишься къ утѣшенію моему и своихъ родителей. Рабъ ты въ предѣлахъ сего государства, но внѣ оныхъ ты свободенъ. Возвратясь же въ оное, узъ, рожденіемъ твоимъ на тебя наложенныхъ, ты не обрящешь. Мы отсутственны были пять лѣтъ, и возвращалися въ Россію, молодой мой баринъ въ радости видѣть своего родителя, а я признаюсь, ласкаяся пользоваться сдѣланнымъ мнѣ обѣщаніемъ. Сердце трепетало вступая опять въ предѣлы моего отечества. И по истиннѣ предчувствіе его было не ложно. Въ Ригѣ молодой мой господинъ получилъ извѣстіе о смерти своего отца. Онъ былъ онною тронутъ, я приведенъ въ отчаяніе. Ибо всѣ мои старанія, пріобрѣсти дружбу и довѣренность молодаго моего барина, всегда были тщетны. Онъ не только меня не любилъ, изъ зависти можетъ быть, тѣснымъ душамъ свойственной, но ненавидѣлъ.

Примѣтивъ мое смятеніе, извѣстіемъ о смерти его отца произведенное, онъ мнѣ сказалъ, что сдѣланное мнѣ обѣщаніе не позабудетъ, если я того буду достоинъ. Въ первый разъ, онъ осмѣлился мнѣ сіе сказать, ибо получивъ свободу смертію своего отца, онъ въ Ригѣ же отпустилъ своего надзирателя, заплативъ ему за труды его щедро. Справедливость надлежитъ отдать бывшему моему господину, что онъ много имѣетъ хорошихъ качествъ, но робость духа и легкомысліе оныя помрачаютъ.

Чрезъ недѣлю, послѣ нашего въ Москву пріѣзда, бывшій мой господинъ влюбился въ изрядную лицемъ дѣвицу; но которая съ красотою тѣлесною, соединяла скареднѣйшую душу и сердце жестокое и суровое. Воспитанная въ надменности своего происхожденія, отличностію почитала только внѣшность, знатность, богатство. Чрезъ два мѣсяца она стала супруга моего барина и моя повелительница. До того времени я не чувствовалъ перемѣны въ моемъ состояніи, жилъ въ домѣ господина моего, какъ его сотоварищъ. Хотя онъ мнѣ ничего не приказывалъ, но я предъупреждалъ его иногда желанія, чувствуя его власть и мою участь. Едва молодая госпожа переступила порогъ дома, въ которомъ она опредѣлялася начальствовать, какъ я почувствовалъ тягость моего жребія. Первой вечеръ по свадьбѣ и слѣдующій день, въ которой я ей представленъ былъ супругомъ ея какъ его сотоварищъ, она занята была обыкновенными заботами новаго супружества; но въ вечеру, когда при довольно многолюдномъ собраніи пришли всѣ къ столу и сѣли за первой ужинъ у новобрачныхъ, и я, по обыкновенію моему, сѣлъ на моемъ мѣстѣ на нижнемъ концѣ, то новая госпожа сказала довольно громко своему мужу, если онъ хочетъ, чтобъ она сидѣла за столомъ съ гостями, то бы холопей за оной не сажалъ. Онъ взглянувъ на меня и движимъ уже ею, прислалъ ко мнѣ сказать, чтобы я изъ за стола вышелъ и ужиналъ бы въ своей горницѣ. Вообразите, колико чувствительно мнѣ было сіе уничиженіе. Я, скрывъ однако же изступающія изъ глазъ моихъ слезы, удалился. На другой день не смѣлъ я показаться. Не навѣды-

ваяся обо мнѣ, принесли мнѣ обѣдъ мой и ужинъ. То же было и въ слѣдующіе дни. Чрезъ недѣлю послѣ свадьбы, въ одинъ день, послѣ обѣда, новая госпожа, осматривая домъ и разпредѣляя всѣмъ служителямъ должности и жилище, зашла въ мои комнаты. Онѣ для меня уготованы были старымъ моимъ бариномъ. Меня не было дома. Не повторю того, что она говорила будучи въ оныхъ, мнѣ въ посмѣяніе, но возвратясь домой мнѣ сказали ся приказъ, что мнѣ отведенъ уголъ въ нижнемъ этажѣ, съ холостыми официантами, гдѣ моя постеля, сундукъ съ платьемъ и бѣльемъ уже поставлены; все прочее она оставила въ прежнихъ моихъ комнатахъ, въ коихъ помѣстила своихъ дѣвокъ.

Что въ душѣ моей происходило слыша, сіе, удобнѣе чувствовать, если кто можетъ, нежели описать. Но дабы не занимать васъ излишнимъ, можетъ быть, повѣствованіемъ, госпожа моя вступивъ въ управленіе дома, и не находя во мнѣ способности къ услугѣ, поверстала меня въ лакеи и надѣла на меня ливрею. Малѣйшее мнимое упущеніе сея должности влекло за собою пощечины, батожье, кошки. О государь мой, лучше бы мнѣ не родиться! Колико кратъ негодовалъ я на умершаго моего благодѣтеля, что далъ мнѣ душу на чувствованіе. Лучше бы мнѣ было возрости въ невѣжествѣ, не думавъ никогда, что есмь человѣкъ всѣмъ другимъ равный. Давно бы, давно бы избавилъ себя ненавистной мнѣ жизни, если бы не удерживало прещеніе вышняго надъ всѣми Судіи. Я опредѣлилъ себя сносить жребій мой терпѣливо. И сносилъ нетокмо уязвленія тѣлесныя, но и тѣ, коими она уязвляла мою душу. Но едва не преступилъ я своего обѣта, и не отъялъ у себя томные остатки плачевнаго житія, при случившемся новомъ души уязвленіи.

Племянникъ моей барыни, молодецъ восемнадцати лѣтъ, сержантъ гвардіи, воспитанный во вкусѣ московскихъ щегольковъ, влюбился въ горничную дѣвку своей тетушки, и скоро овладѣвъ опытною ея горячностію, сдѣлалъ ее матерью. Сколь онъ ни рѣшителенъ былъ въ своихъ любовныхъ дѣлахъ, но при семъ происшествіи нѣсколько смутился. Ибо тетушка его, узнавъ о семъ, запретила входъ къ себѣ своей горничной; а племянника побранила слегка. По обыкновенію милосердыхъ господъ, она намѣрилась наказать ту, которую жаловала прежде, выдавъ ее за конюха замужъ. Но какъ всѣ они были уже женаты, а беременной для славы дома надобенъ былъ мужъ, то хуже меня изъ всѣхъ служителей не нашла. И о семъ госпожа моя, въ присутствіи своего супруга, мнѣ возвѣстила, яко отмѣнную мнѣ милость. Не могъ я болѣе терпѣть поруганія.— Безчеловѣчная женщина! во власти твоей состоитъ меня мучить и уязвлять мое тѣло; говорите вы, что законы даютъ вамъ надъ нами сіе право. Я и сему мало вѣрю; но то твердо знаю, что вступать въ бракъ ни кто принужденъ быть не можетъ.— Слова мои произвели въ ней звѣрское молчаніе. Обратясь потомъ къ супругу ея.—Неблагодарный сынъ человѣколюбиваго родителя, забылъ ты его завѣщаніе, забылъ и свое изреченіе, но не доводи до отчаянія души, твоея благороднѣйшей, страшись!— Болѣе сказать я не могъ, ибо по повелѣнію госпожи моей, отведенъ былъ на конюшню и сѣченъ нещадно кошками На другой день, едва я могъ встать отъ побоевъ съ постели, и паки приведенъ былъ предъ госпожу мою. Я тебѣ прощу, говорила она, твою вчерашнюю дерзость; женись на моей Маврушкѣ, она тебя проситъ, и я любя ее въ самомъ ся преступленіи, хочу это для нее сдѣлать. Мой отвѣтъ, сказалъ я ей, вы слышали вчера, другаго не имѣю. Присовокуплю только то, что просить на васъ буду начальство, въ принужденіи меня къ тому, къ чему не имѣете права.— Ну такъ пора въ солдаты, вскричала яростно моя госпожа... Потерявшій путешественникъ въ страшной пустынѣ свою стезю, меньше обрадуется сыскавъ опять оную, нежели обрадованъ былъ я, услышавъ сіи слова. Въ солдаты, повторила она, и на другой день то было исполнено.—Несмысленная! она думала, что такъ, какъ и поселянамъ, поступленіе въ солдаты есть наказаніе Мнѣ было то отрада, и какъ скоро мнѣ выбрили лобъ, то я почувствовалъ, что я переродился. Силы мои обновилися. Разумъ и духъ паки начали дѣйствовать. О! надежда сладостное несчастному чувствіе, пребуди во мнѣ.—Слеза тяжкая, но не слеза горести и отчаянія иступила изъ очей его — Я прижалъ его къ сердцу моему. Лице его новымъ озарилось веселіемъ. Не все еще исчезло; ты вооружаешь душу мою, вѣщалъ онъ мнѣ, противъ скорби, давъ чувствовать мнѣ, что бѣдствіе мое не безконечно...

Отъ сего нещастнаго я подошелъ къ толпѣ,

среди которой увидѣлъ трехъ скованныхъ человѣкъ крѣпчайшими желѣзами. Удивленія достойно, сказалъ я самъ себѣ, взирая на сихъ узниковъ, теперь унылы, томны, робки, не токмо не желаютъ быть воинами, но нужна даже величайшая жестокость, дабы вмѣстить ихъ въ сіе состояніе; но обыкнувъ въ семъ тяжкомъ во исполненіи званіи, становятся бодры, предпріимчивы, гнушаяся даже прежняго своего состоянія. Я спросилъ у одного близъ стоящаго, которой по одеждѣ своей приказнымъ служителемъ быть казался:—Конечно бояся ихъ побѣгу заключили ихъ въ толь тяжкія оковы. — Вы отгадали. Они принадлежали одному помѣщику, которому занадобилися деньги на новую карету, и для полученія оной, онъ продалъ ихъ для отдачи въ рекруты казеннымъ крестьянамъ.

Я.) Мой другъ ты ошибаешься, казенные крестьяне покупать не могутъ своей братіи.

Онъ.) Не продажею оно и дѣлается. Господинъ сихъ нещастныхъ, взявъ по договору деньги, отпускаетъ ихъ на волю; они будто по желанію приписываются въ государственные крестьяне къ той волости, которая за нихъ платила деньги, а волость по общему приговору отдаетъ ихъ въ солдаты. Ихъ везутъ теперь съ отпускными для приписанія въ нашу волость.

Вольные люди, ничего не преступившие, въ оковахъ, продаются какъ скоты! О законы! премудрость ваша часто бываетъ только въ вашемъ слогѣ! Не явное ли се вамъ посмѣяніе? Но паче еще того, посмѣяніе священнаго имени вольности. О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся въ отчаяніи своемъ, разбили желѣзомъ, вольности ихъ препятствующимъ, главы наши, главы безчеловѣчныхъ своихъ господъ, и кровію нашею обагрили нивы свои! что бы тѣмъ потеряло государство? Скоро бы изъ среды ихъ изторгнулися великие мужи, для заступленія избитаго племени; но были бы они другихъ о себѣ мыслей и права угнетенія лишены. — Не мечта сіе, но взоръ проницаетъ густую завѣсу времени, отъ очей нашихъ будущее скрывающую; я зрю сквозь цѣлое столѣтіе. — Съ негодованіемъ отошелъ я отъ толпы.

Но склепанные узники теперь вольны. Если бы хотя не много имѣли твердости, утщетили бы удручительные помыслы своихъ тирановъ . . . Возвратимся . . . . Друзья мои, сказалъ я плѣнникамъ въ отечествѣ своемъ, вѣдаете ли вы, что если вы сами не желаете вступить въ воинское званіе, ни кто къ тому васъ теперь принудить не можетъ.—Перестань баринъ, шутить надъ горькими людьми. И безъ твоей шутки больно было разставаться одному съ дряхлымъ отцемъ, другому съ малолѣтними сестрами, третьему съ молодою женою. Мы знаемъ, что господинъ насъ продалъ, для отдачи въ рекруты, за тысячу рублей. — Если вы до сего времени не вѣдали, то вѣдайте, что въ рекруты продавать людей запрещается; что крестьяне людей покупать не могутъ; что вамъ отъ барина дана отпускная; и что васъ покупщики ваши хотятъ приписать въ свою волость, будто по вашей волѣ. — О если такъ баринъ, то спасибо тебѣ; когда насъ поставятъ въ мѣру, то всѣ скажемъ, что мы въ солдаты не хотимъ и что мы вольные люди.—Прибавьте къ тому, что васъ продалъ вашъ господинъ, не въ указное время и что отдаютъ васъ насильнымъ образомъ. *). — Легко себѣ вообразить можно радость, распростершуюся на лицахъ сихъ нещастныхъ. Вспрянувъ отъ своего мѣста, и бодро потрясая свои оковы, казалося, что испытываютъ свои силы, какъ бы ихъ свергнуть. Но разговоръ сей ввелъ было меня въ великія хлопоты; отдатчики рекрутскіе, вразумѣвъ моей рѣчи, воспаленные гнѣвомъ, прискочивъ ко мнѣ, говорили: баринъ не въ свое мѣшается дѣло, отойди пока сухъ; и сопротивляющагося начали меня толкать столь сильно, что я съ поспѣшностію принужденъ былъ удалиться отъ сея толпы.

Подходя къ почтовому двору, нашелъ я еще собраніе поселянъ, окружающихъ человѣка въ разодранномъ сертукѣ, нѣсколько, казалося, пьянаго, кривляющагося на предстоящихъ, которые глядя на него хохотали до слезъ. — Что тутъ за чудо, спросилъ я у одного мальчика, чему вы смѣетеся?— А вотъ рекрутъ иноземецъ, по русски не умѣетъ пикнуть. — Изъ рѣдкихъ словъ имъ изреченныхъ узналъ я, что онъ былъ французъ. Любопытство мое паче возбудилося; я желалъ узнать, какъ иностранецъ могъ отдаваемъ быть въ рекруты крестьянами? Я спросилъ его на сродномъ ему языкѣ:— Мой другъ, какими судьбами ты здѣсь находишься?

Французъ. Судьбѣ такъ захотѣлося, гдѣ хорошо, тутъ и жить должно.

*) Во время рекрутскаго набора запрещается въ продажѣ крестьянъ совершать купчія.

Я. Да какъ ты попался въ рекруты?

Французъ. Я люблю воинскую жизнь, мнѣ она уже извѣстна, я самъ захотѣлъ.

Я. Но какъ то случилося, что тебя отдаютъ изъ деревни въ рекруты. Изъ деревень берутъ въ солдаты обыкновенно однихъ крестьянъ и русскихъ; а ты я вижу не мужикъ и не русскій.

Французъ. А вотъ какъ. Я въ Парижѣ съ ребячества учился парикмахерству. Выѣхалъ въ Россію съ однимъ господиномъ. Чесалъ ему волосы въ Петербургѣ цѣлой годъ. Ему мнѣ заплатить было нечѣмъ. Я, оставивъ его, не нашелъ мѣста, чуть не умеръ съ голоду. По счастію могъ попасть въ матросы на корабль, идущій подъ россійскимъ флагомъ. Прежде отправленія въ море приведенъ я къ присягѣ, какъ россійскій подданный, и отправился въ Любекъ. На морѣ часто корабельщикъ билъ меня линькомъ за то, что былъ лѣнивъ. По неосторожности моей упалъ съ вантовъ на палубу и выломилъ себѣ три пальца, что меня на всегда сдѣлало не способнымъ управлять гребнемъ. Пріѣхавъ въ Любекъ, попался прусскимъ наборщикамъ, и служилъ въ разныхъ полкахъ. Не рѣдко за лѣность и пьянство битъ былъ палками. Заколовъ будучи пьяный своего товарища, ушелъ изъ Мемеля, гдѣ я находился въ гарнизонѣ. Вспомнилъ что я обязанъ въ Россіи присягою; и яко вѣрный сынъ отечества отправился въ Ригу съ двумя талерами въ карманѣ. Дорогою питался милостынею. Въ Ригѣ счастіе и искусство мое мнѣ послужили; выигралъ въ шинкѣ рублей съ двадцать и купивъ себѣ за десять изрядный кафтанъ, отправился лакеемъ съ казанскимъ купцомъ въ Казань. Но проѣзжая Москву, встрѣтился на улицѣ съ двумя моими земляками, которые совѣтовали мнѣ оставить хозяина и искать въ Москвѣ учительскаго мѣста. Я имъ сказалъ, что худо читать умѣю. Но они мнѣ отвѣчали, ты говоришь по французски, то и того довольно. Хозяинъ мой не видалъ, какъ я на улицѣ отъ него удалился, онъ продолжалъ путь свой, а я остался въ Москвѣ. Скоро мнѣ земляки мои нашли учительское мѣсто, за сто пятьдесятъ рублей, пудъ сахару, пудъ кофе, десять фунтовъ чаю въ годъ, столъ, слуга и карета. Но жить надлежало въ деревнѣ. Тѣмъ лучше. Тамъ цѣлой годъ не знали, что я писать не умѣю. Но какой то сватъ того господина, у котораго я жилъ, открылъ ему мою тайну, и меня свезли въ Москву обратно. Не нашедъ другаго подобнаго сему дурака, не могши отправлять мое ремесло съ изломанными пальцами, и боясь умереть съ голоду, я продалъ себя за двѣсти рублей. Меня записали въ крестьяне, и отдаютъ въ рекруты. Надѣюсь, говорилъ онъ съ важнымъ видомъ, что сколь скоро будетъ война, то дослужуся до генеральскаго чина; а не будетъ война, то набью карманъ (коли можно) и увѣнчанъ лаврами отъѣду на покой въ мое отечество.

Пожалъ я плечами не одинъ разъ, слушавъ сего бродягу, и съ уязвленнымъ сердцемъ легъ въ кибитку, отправился въ путь

ЗАВИДОВО.

Лошади были уже впряжены въ кибитку, и я приготовлялся къ отъѣзду, какъ вдругъ сдѣлался на улицѣ великой шумъ. Люди начали бѣгать изъ краю въ край по деревнѣ. На улицѣ видѣлъ я воина въ гренадерской шапкѣ, гордо расхаживающаго, и держа поднятую плеть кричащаго: Лошадей скорѣе; гдѣ староста? его превосходительство будетъ здѣсь чрезъ минуту; подай мнѣ старосту... Снявъ шляпу за сто шаговъ староста бѣжалъ во всю прыть, на сдѣланной ему позывъ.—Лошадей скорѣе.—Тотъ часъ батюшка; пожалуйте подорожную.—На. Да скорѣе же, а то я тебя... говорилъ онъ, поднявъ плеть надъ головою дрожащаго старосты. Не докончанная сія рѣчь столь же была выраженія исполнена, какъ у Виргилія и въ Енеидѣ, рѣчь Еола къ вѣтрамъ «я васъ»... и сокращенной видомъ плети, властновелительнаго гренадера староста столь же живо ощущалъ мощь десницы грозящаго воина, какъ бунтующіе вѣтры, ощущали надъ собою власть сильной Еоловой остроги. Возвращая новому Полкану подорожную, староста говорилъ: «его превосходительству съ «честною его фамиліей, потребно пятьдесятъ ло«шадей, а у насъ только тридцать на лицо, дру«гія въ разгонѣ. — Роди старой чортъ. А не бу«детъ лошадей, то тебя изъуродою. — Да гдѣ же «ихъ взять, коли взять негдѣ.—Разговорился еще... «А вотъ лошади у меня будутъ»... и схватя старика за бороду, началъ его бить по плечамъ плетью, нещадно. — «Полно ли съ тебя. Да вотъ «три свѣжіе, говорилъ строгій судья ямскаго стана, «указывая на впряженныхъ въ мою повозку. Вы«пряги ихъ для насъ.—Коли баринъ та ихъ от«дастъ.—Какъ бы онъ не отдалъ. У меня и ему «тоже достанется. Да кто онъ таковъ.—Невѣсть «какой то» . . . . . какъ онъ меня величалъ, того не знаю.

Между тѣмъ я, вышедъ на улицу, воспретилъ храброму предтечѣ его превосходительства исполнить его намѣреніе, и выпрягая изъ повозки моей лошадей, меня заставить ночевать въ почтовой избѣ.

Споръ мой съ гвардейскимъ полканомъ, прерванъ былъ пріѣздомъ его превосходительства. Еще издали слышенъ былъ крикъ повощиковъ и топотъ лошадей, скачущихъ во всю мочь. Частое біеніе копытъ, и зрѣнію уже непримѣтное обращеніе колесъ подымающеюся пылью толико сгустили воздухъ, что колесница его превосходительства, закрыта была непроницаемымъ облакомъ отъ взоровъ ожидающихъ его, аки громовой тучи, ямщиковъ. Донъ Кишотъ конечно нѣчто чудесное бы тутъ увидѣлъ; ибо несущееся пыльное облако надъ знатною его превосходительства особою вдругъ остановясь разверзлося, и онъ предсталъ намъ отъ пыли сѣровиденъ, отродію черныхъ подобнымъ.

Отъ пріѣзду моего на почтовой станъ, до того времени какъ лошади вновь впряжены были въ мою повозку, прошло по крайней мѣрѣ цѣлый часъ. Но повозки его превосходительства, запряжены были не болѣе какъ въ четверть часа... и поскакали они на крылѣхъ вѣтра. А мои клячи, хотя лучше казалися тѣхъ, кои удостоилися вести превосходительную особу, но не боясь гренадерскаго кнута, бѣжали посредственною рысью.

Блаженны въ единовластныхъ правленіяхъ вельможи, Блаженны украшенные чинами и лентами. Вся природа имъ повинуется. Даже несмысленные скоты угождаютъ ихъ желаніямъ, и дабы имъ въ путешествіи зѣвая не наскучилось, скачутъ они не жалѣя ни ногъ ни легкаго, и не рѣдко отъ натуги околѣваютъ. Блаженны, повторю я, имѣющіе внѣшность къ благоговѣнію всѣхъ влекущую. Кто вѣдаетъ изъ трепещущихъ отъ плети имъ грозящей, что тотъ, во имя коего ему грозятъ, безгласнымъ въ придворной грамматикѣ называется; что ему ни А, . . . ни О, . . во всю жизнь свою сказать не удалося; *) что онъ одолженъ, и сказать стыдно, кому своимъ возвышеніемъ; что въ душѣ своей онъ скареднѣйшее есть существо; что обманъ, вѣроломство, предательство

---

*) См. рукописную „Придворную Грамматику“ Фонъ-Визина.

блудъ, отравленіе, татьство, грабежъ, убійство не, больше ему стоятъ, какъ выпить стаканъ воды; что ланиты его никогда отъ стыда не краснѣли, развѣ отъ гнѣва или пощечины; что онъ другъ всякаго придворнаго истопника, и рабъ едва, едва при дворѣ нѣчто значущаго. Но властелинъ и презирающъ невѣдающихъ его низкости и ползущества. Знатность, безъ истиннаго достоинства, подобна колдунамъ въ нашихъ деревняхъ. Всѣ крестьяне ихъ почитаютъ и боятся, думая, что они чрезъестественные повелители. Надъ ними сіи обманщики властвуютъ по своей волѣ. А сколь скоро въ толпу, ихъ боготворящую, завернется мало кто грубѣйшаго невѣжества отчуждившійся, то обманъ ихъ обнаруживается, и таковыхъ дальновидцовъ они не терпятъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они творятъ чудеса. Равно берегись и тотъ, кто посмѣетъ обнаружить колдовство вельможъ.

Но гдѣ мнѣ гнаться за его превосходительствомъ. Онъ поднялъ пыль столбомъ, которая по пролетѣ его изчезла, и я пріѣхавъ въ Клинъ, нашелъ даже память его погибшую съ шумомъ.

КЛИНЪ.

—

Какъ было во городѣ, во Римѣ, тамъ жилъ да былъ Евфиміамъ князь... Поющій сію народную пѣснь, называемую Алексѣемъ Божіимъ человѣкомъ, былъ слѣпой старикъ, сѣдящій у воротъ почтоваго двора, окруженной толпою по большей части ребятъ и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, видъ спокойствія въ лицѣ его зримаго, заставляли взирающихъ на пѣвца предстоять ему со благоговѣніемъ. Не искусный хотя его напѣвъ, но нѣжностію изреченія сопровождаемый, проницалъ въ сердца его слушателей, лучше природѣ внемлющихъ, нежели взрощенные во благогласіи уши жителей Москвы и Петербурга внемлютъ кудрявому напѣву Габріелли, Маркези, или Тоди. Никто изъ предстоящихъ, не остался безъ зыбленія внутрь глубокаго, когда Клинской пѣвецъ, дошедъ до разлуки своего Ироя, едва прерывающимся ежемгновенно гласомъ, изрекалъ свое повѣствованіе. Мѣсто, на коемъ были его очи, исполнилися иступающихъ изъ чувствительной отъ бѣдъ души слезъ, и потоки оныхъ пролилися по ланитамъ воспѣвающаго. О природа, колико ты властительна! Взирая на плачущаго старца, жены возрыдали; со устъ юности отлетѣла сопутница ея улыбка; на лицѣ отрочества явились робость, не ложной знакъ болѣзненнаго, но не извѣстнаго чувствованія; даже мужественной возрастъ, къ жестокости толико привыкшій, видъ воспріялъ важности. О! природа, возопилъ я паки...

Сколь сладко неязвительное чувствованіе скорби! Колико сердце оно обновляетъ, и онаго чувствительность. Я рыдалъ въ слѣдъ за ямскимъ собраніемъ, и слезы мои были столь же для меня сладостны, какъ исторгнутыя изъ сердца Вертеромъ... О мой другъ, мой другъ! почто и ты не зрѣлъ сея картины? ты бы прослезился со мною, и сладость взаимнаго чувствованія, была бы гораздо усладительнѣе.

По окончаніи пѣснословія, всѣ предстоящіе давали старику, какъ будто бы награду за его трудъ. Онъ принималъ всѣ денежки и полушки, всѣ куски и краюхи хлѣба довольно равнодушно, но всегда сопровождая благодарность свою поклономъ, крестяся и говоря къ подающему. «Дай Богъ тебѣ здоровья». Я не хотѣлъ отъѣхать, не бывъ сопровождаемъ молитвою сего конечно пріятнаго небу старца. Желалъ его благословенія на совершеніе пути и желанія моего. Казалося мнѣ, да и всегда сіе мечтаю, какъ будто соблагословеніе чувствительныхъ душъ облегчаетъ стезю въ шествіи, и отъемлетъ терніе сомнительности. Подошедъ къ нему, я въ дрожащую его руку, толико же дрожащею отъ боязни, не тщеславія ли ради то дѣлаю, положилъ ему рубль. Перекрестясь, не успѣлъ онъ изрещи обыкновеннаго своего благословенія подающему, отвлеченъ отъ того необыкновенностію ощущенія, лежащаго въ его горсти. И сіе уязвило мое сердце. Колико пріятнѣе ему, вѣщалъ я самъ себѣ, подаваемая ему полушка. Онъ чувствуетъ въ ней обыкновенное къ бѣдствіямъ соболѣзнованіе человѣчества, въ моемъ рублѣ ощущаетъ можетъ быть мою гордость. Онъ не сопровождаетъ его своимъ благословеніемъ. О! колико малъ я самъ себѣ тогда казался, колико завидовалъ давшимъ полушку и краюшку хлѣба, пѣвшему старцу!—Не пятакъ ли? сказалъ онъ, обращая рѣчь свою неопредѣленно какъ и всякое свое слово. — Нѣтъ, дѣдушка, рублевикъ, сказалъ близь стоящій его мальчикъ. — По что такая милостыня? сказалъ слѣпой опуская мѣста своихъ очей и ища казалося, мысленно вообразити себѣ то, что въ горсти его лежало. По что она не могущему ею пользоваться. Если бы я не лишенъ былъ зрѣнія, сколь бы велика моя была за него благодарность. Не имѣя въ немъ нужды, я могъ бы снабдить имъ неимущаго. Ахъ! если бы онъ былъ у меня послѣ бывшаго здѣсь пожара, умолкъ бы хотя на одни сутки вопль алчущихъ птенцовъ моего сосѣда. Но на что онъ мнѣ теперь? не вижу куда его и положить; подастъ онъ можетъ быть случай къ преступленію. Полушку немного прибыли украсть, но за рублемъ охотно многіе протянутъ руку. Возьми его назадъ, доброй господинъ, и ты и я твоимъ рублемъ можемъ сдѣлать вора.—

О истина! колико ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешь въ укоризну. — Возьми его назадъ, мнѣ право онъ не надобенъ, да и я уже его не стою, ибо не служилъ изображенному на немъ Государю. Угодно было Создателю, чтобы еще въ бодрыхъ моихъ лѣтахъ, лишенъ я былъ вождей моихъ. Терпѣливо сношу Его прещеніе. За грѣхи мои Онъ меня посѣтилъ... Я былъ воинъ; на многихъ бывалъ битвахъ съ непріятелями отечества; сражался всегда не робко. Но воину всегда должно быть по нуждѣ. Ярость исполняла всегда мое сердце при начатіи сраженія; я не щадилъ никогда у ногъ моихъ лежащаго непріятеля, и просящаго безоруженному помилованія не дарилъ. Вознесенный побѣдою оружія нашего, когда устремлялся на караніе и добычу, палъ я ницъ, лишенный зрѣнія и чувствъ, пролетѣвшимъ мимо очей, въ силѣ своей пушечнымъ ядромъ. О! вы послѣдующіе мнѣ будьте мужественны, но помните человѣчество. — Возвратилъ онъ мнѣ мой рубль, и сѣлъ опять на мѣсто свое покойно.

Прими свой праздничный пирогъ, дѣдушка, говорила слѣпому подошедшая женщина, лѣтъ пятидесяти.—Съ какимъ восторгомъ онъ принялъ его обѣими руками.—Вотъ истинное благодѣяніе, вотъ истинная милостыня. Тридцать лѣтъ сряду, ѣмъ я сей пирогъ по праздникамъ и по воскресеньямъ. Не забыла ты своего обѣщанія, что ты сдѣлала во младенчествѣ своемъ. И стоитъ ли то, что я сдѣлалъ для покойнаго твоего отца, чтобы ты до гроба моего меня не забывала? Я, друзья мои, избавилъ отца ее отъ обыкновенныхъ нерѣдко побой крестьянамъ, отъ проходящихъ солдатъ. Солдаты хотѣли что то у него отнять; онъ съ ними заспорилъ. Дѣло было за гумнами. Солдаты начали мужика бить; я былъ сержантомъ той роты, которой были солдаты, прилучился тутъ; прибѣжалъ на крикъ мужика, и его избавилъ отъ побой; можетъ быть чего и больше, но впередъ отгадывать нельзя. Вотъ что вспомнила кормилица моя нынѣшняя, когда увидѣла меня здѣсь въ нищенскомъ состояніи. Вотъ чего не позабываетъ она каждый день и каждый праздникъ. Дѣло мое было не великое, но доброе. А доброе пріятно Господу; за Нимъ никогда ни что не пропадаетъ.

Неужели ты меня, столько предъ всѣми обидишь, старичокъ, сказалъ я ему, и одно мое отвергнешь подаяніе? Неужели моя милостыня есть милостыня грѣшника. Да и та бываетъ ему на пользу, если служитъ къ умягченію его ожесточеннаго сердца. — Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнію, говорилъ старецъ; не вѣдалъ я, что могъ тебя обидѣть, не пріемля на вредъ послужить могущаго подання; прости мнѣ мой грѣхъ, но дай мнѣ, коли хочешь мнѣ что дать, дай что можетъ мнѣ быть полезно... Холодная у насъ была весна, у меня болѣло горло—платчишка не было чемъ повязать шеи — Богъ помиловалъ, болѣзнь миновалась... Нѣтъ ли старинькаго у тебя платка? Когда у меня заболитъ горло, я его повяжу; онъ мою согрѣетъ шею; горло болѣть перестанетъ, я тебя вспоминать буду, если тебѣ нужно воспоминовеніе нищаго.—Я снялъ платокъ съ моей шеи, повязалъ на шею слѣпаго... И разстался съ нимъ.

Возвращаяся чрезъ Клинъ, я уже не нашелъ слѣпаго пѣвца. Онъ за три дни моего пріѣзда умеръ. Но платокъ мой, сказывала мнѣ та, которая ему приносила пирогъ по праздникамъ, надѣлъ заболѣвъ передъ смертію на шею, и съ нимъ положили его во гробъ. О! если кто чувствуетъ цѣну сего платка, тотъ чувствуетъ и то, что во мнѣ происходило слушавъ сіе.

ПЕШКИ.

Сколь мнѣ не хотѣлось поспѣшать въ окончанiи моего путешествiя, но по пословицѣ голодъ не свой братъ, принудилъ меня зайти въ избу; и доколѣ не доберуся опять до рагу, фрикасе, паштетовъ и протчаго французскаго кушанья на отраву изобрѣтеннаго, принудилъ меня пообѣдать старымъ кускомъ жареной говядины, которая со мною ѣхала въ запасѣ. Пообѣдавъ сей разъ гораздо хуже нежели иногда обѣдаютъ многiе полковники (не говорю о генералахъ) въ дальнихъ походахъ, я, по похвальному общему обыкновенiю, налилъ въ чашку приготовленнаго для меня кофiю, и услаждалъ прихотливость мою плодами пота несчастныхъ африканскихъ невольниковъ.

Увидѣвъ предо мною сахаръ, мѣсившая квашню хозяйка подослала ко мнѣ маленькова мальчика, попросить кусочекъ сего боярскаго кушанья.—Почему боярское? сказалъ я ей, давая ребенку остатокъ моего сахара; неужели и ты его употреблять не можешь? — Потому и боярское, что намъ купить его не на что, а бояре употребляютъ для того, что не сами достаютъ деньги. Правда что и бурмистръ нашъ, когда ѣздитъ къ Москвѣ, то его покупаетъ, но такъ же на наши слезы. — Развѣ ты думаешь, что тотъ, кто употребляетъ сахаръ, заставляетъ васъ плакать? — Не всѣ; но всѣ господа дворяне. Не слезы ли ты крестьянъ своихъ пьешь, когда они ѣдятъ такой же хлѣбъ, какъ и мы?—Говоря сiе показывала она мнѣ составъ своего хлѣба. Онъ состоялъ изъ трехъ четвертей мякины и одной части несѣянной муки. — Да и то слава Богу, при нынѣшнихъ неурожаяхъ У многихъ сосѣдей нашихъ, и того хуже. Что жъ вамъ бояре въ томъ прибыли что вы ѣдите сахаръ, а мы голодны? Ребята мрутъ, мрутъ и взрослые. Но какъ быть—потужишь, потужишь, а дѣлай то, что господинъ велитъ. — И начала сажать хлѣбы въ печь.

Сiя укоризна, произнесенная не гнѣвомъ или негодованiемъ, но глубокимъ ощущенiемъ душевныя скорби, исполнила сердце мое грустiю. Я обозрѣлъ въ первый разъ внимательно всю утварь крестьянской избы. Первый разъ обратилъ сердце къ тому, что доселѣ по немъ скользило.—Четыре стѣны до половины покрытыя, такъ какъ и весь потолокъ, сажею; полъ въ щеляхъ на вершокъ по крайней мѣрѣ поросшiй грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода, и дымъ всякое утро зимою и лѣтомъ наполняющiй избу; окончины въ коихъ натянутой пузырь смеркающiйся въ полдень пропускалъ свѣтъ; горшка два или три; (щастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ, всякой день есть пустыя щи)! Деревянная чашка, и кружки тарелками называемые; столъ, топоромъ срубленной, который скоблятъ скребкомъ по праздникамъ. Корыто кормить свиней, или телятъ, буде есть, спать съ ними вмѣстѣ глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется. Къ щастiю кадка съ квасомъ на уксусъ похожимъ и на дворѣ баня, въ коей коли не парятся, то спитъ скотина. Посконная рубаха, обувь данная природою, онучи съ лаптями для выхода.—Вотъ въ чемъ почитается, по справедливости, источникъ государственнаго избытка, силы, могущества; но тутъ же видны слабость, недостатки, и злоупотребленiя законовъ, и ихъ шороховатая, такъ сказать, сторона. Тутъ видна алчность дворянства, грабежъ, мучительство наше и беззащитное нищеты состоянiе. — Звѣри алчные, пiявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляемъ? то чего отнять не можемъ, воздухъ. Да одинъ воздухъ. Отъемлемъ не рѣдко у него, не токмо даръ земли хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ.—Законъ запрещаетъ отъяти у него жизнь.—Но развѣ мгновенно. Сколько способовъ отъяти ее у него постепенно! Съ одной стороны почти всесилiе; съ другой немощь беззащитная. Ибо помѣщикъ въ отношенiи крестьянина есть законодатель, судiя, исполнитель своего рѣшенiя, и по желанiю своему, истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не смѣетъ. Се жребiи заклепаннаго во узы, се жребiи заключеннаго въ смрадной темницѣ, се жребiи вола во ярмѣ...

Жестокосердый помѣщикъ посмотри на дѣтей крестьянъ тебѣ подвластныхъ. Они почти наги. Отъ

чего? не ты ли родшихъ ихъ въ болѣзни и горести, обложилъ сверхъ всѣхъ полевыхъ работъ, оброкомъ? Не ты ли не сотканное еще полотно опредѣляешь себѣ въ пользу? На что тебѣ смрадное рубище, которое къ нѣгѣ привыкшая твоя рука подъяти гнушается? едва послужитъ оно на отираніе служащаго тебѣ скота. Ты собираешь и то, что тебѣ и ненадобно, не смотря на то, что не прикрытая нагота твоихъ крестьянъ, тебѣ въ обвиненіе будетъ. Если здѣсь нѣтъ на тебя суда, но предъ Судіею, невѣдающимъ лицепріятія, давшимъ нѣкогда и тебѣ путеводителя благаго, совѣсть, но коего развратной твой разсудокъ, давно изгналъ изъ своего жилища, изъ сердца твоего. Но не ласкайся безвозмездіемъ. Неусыпной сей дѣяній твоихъ стражъ уловитъ тебя на единѣ, и ты почувствуешь его кары. О! если бы они были тебѣ и подвластнымъ тебѣ на пользу... О! если бы человѣкъ, входя по часту во внутренность свою, исповѣдалъ бы неукротимому судіи своему, совѣсти, свои дѣянія. Претворенной въ столпъ неподвижной, громоподобнымъ ея гласомъ, не пускался бы онъ на тайныя злодѣянія; рѣдки бы тогда стали губительствы опустошенія... и пр. и пр. и пр.

ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ.

Здѣсь я видѣлъ также изрядной опытъ самовластія дворянскаго надъ крестьянами. Проѣзжала тутъ свадьба. Но вмѣсто радостнаго поѣзда и слезъ боязливой невѣсты, скоро въ радость претвориться опредѣленныхъ, зрѣлись на челѣ, опредѣленныхъ вступать въ супружество, печаль и уныніе. Они другъ друга ненавидятъ, и властію господина своего, влекутся на казнь, къ алтарю Отца всѣхъ благъ, Подателя нѣжныхъ чувствованій и веселій, Зиждителя истиннаго блаженства, Творца вселенныя. И служитель его пріиметъ исторгнутую властію клятву, и утвердитъ бракъ! И сіе назовется союзомъ божественнымъ! И богохуленіе сіе останется на примѣръ другимъ! И неустройство сіе въ законѣ останется ненаказаннымъ!.. Но что удивляться сему? Благословляетъ бракъ наемникъ; градодержатель, для охраненія закона опредѣленной, дворянинъ. Тотъ и другой имѣютъ въ семъ свою пользу. Первый ради полученія мзды; другой, дабы истребляя поносительное человѣчеству насиліе, не лишится самому лестнаго преимущества управлять себѣ подобнымъ самовластно. — О! горестная участь многихъ милліоновъ! конецъ твой сокрытъ еще отъ взора и внучатъ моихъ...

Я тебѣ, читатель, позабылъ сказать, что парнаской судья съ которымъ я въ Твери обѣдалъ въ трактирѣ, мнѣ сдѣлалъ подарокъ. Голова его надъ многимъ чѣмъ испытывала свои силы. Сколь опыты его были удачны, коли хочешь, суди самъ; а мнѣ скажи на ушко каково тебѣ покажется. Если читая, тебѣ захочется спать, то сложи книгу и усни. Береги ее для безсонницы.

СЛОВО О ЛОМОНОСОВѢ.

Пріятность вечера послѣ жаркаго лѣтняго дня выгнала меня изъ моей кельи. Стопы мои направилъ я за Невской монастырь, и долго гулялъ въ рощѣ позади его лежащей *). Солнце лице свое уже сокрыло, но легкая завѣса ночи, едва, едва ли на синемъ сводѣ была чувствительна **). Возвращаяся домой, я шелъ мимо Невскаго кладбища. Ворота было отверзсты. Я вошелъ... На семъ мѣстѣ вѣчнаго молчанія, гдѣ наитвердѣйшее чело поморщится несомнѣнно, помысливъ, что тутъ долженствуетъ быть конецъ всѣхъ блестящихъ подвиговъ; на мѣстѣ незыблемаго спокойствія, и равнодушія непоколебимаго, могло ли бы, казалося, совмѣстно быть кичение, тщеславіе и надменность. Но гробницы великолѣпныя? Суть знаки несомнѣнные человѣческія гордыни; но знаки желанія его жити вѣчно. Но се ли вѣчность, которыя человѣкъ толико жаждущъ?.. Не столпъ, воздвигнутый надъ тлѣніемъ, сохранитъ память твою въ дальнѣйшее потомство. Не камень со изсѣченіемъ имени твоего принесетъ славу твою въ будущія столѣтія. Слово твое, живущее присно и во вѣки въ твореніяхъ твоихъ, слово Россійскаго племени, тобою въ языкѣ нашемъ обновленное, прелетитъ во устахъ народныхъ, за необозримой горизонтъ столѣтій. Пускай стихіи, свирѣпствуя сложенно, разверзнутъ земную хлябь и поглотятъ великолѣпный сей градъ, откуда громкое твое пѣніе раздавалося во всѣ концы обширныя Россіи; пускай яростный нѣкій завоеватель истребитъ даже имя любезнаго твоего отечества: но доколѣ слово Россійское ударять будетъ слухъ, ты живъ будешь и не умрешь. Если умолкнетъ оно, то и слава твоя угаснетъ. Лестно, лестно такъ умрети. Но если кто умѣетъ изчислить мѣру сего продолженія, если перстъ гаданія назначитъ предѣлъ твоему имени, то не се ли вѣчность?.. Сіе изрекъ я въ восторгѣ, остановясь предъ столпомъ надъ тлѣніемъ Ломоносова воздвигнутымъ.—Нѣтъ, не хладный камень сей повѣствуетъ, что ты жилъ на славу имени Россійскаго, не можетъ онъ сказать, что ты былъ. Творенія твои да повѣствуютъ намъ о томъ, житіе твое да скажетъ по что ты славенъ.

Гдѣ ты, о! возлюбленный мой! гдѣ ты? Пріиди бесѣдовати со мною о великомъ мужѣ. Пріиди да соплетемъ вѣнецъ насадителю Россійскаго слова. Пускай другіе, раболѣпствуя власти, превозносятъ хвалою силу и могущество. Мы воспоемъ пѣснь заслугѣ къ обществу.

Михайло Васильевичь Ломоносовъ родился въ Холмогорахъ... Рожденной отъ человѣка, которой не могъ дать ему воспитанія, дабы посредствомъ онаго понятіе его изострилося и украсилося полезными и пріятными знаніями; опредѣленной по состоянію своему, препровождать дни свои между людей, коихъ окружность мысленныя области недалѣе ихъ ремесла простирается; сужденной дѣлить время свое между рыбнымъ промысломъ и стараніемъ получить мзду своего труда; разумъ молодаго Ломоносова, не могъ бы достигнуть той обширности, которую онъ пріобрѣлъ, трудясь въ испытаніи природы, ни глазъ его той сладости, которую онъ имѣлъ отъ обхожденія чистыхъ Муссъ. Отъ воспитанія въ родительскомъ домѣ, онъ пріялъ маловажное, но ключъ ученія, знаніе читать и писать, а отъ природы любопытство. И се, природа, твое торжество. Алчное любопытство, вселенное тобою въ души наши, къ познанію вещей а кипящее сердце славолюбіемъ не можетъ терпѣть путъ его стѣсняющихъ. Реветъ оно, клокочетъ, стонетъ, и махомъ прерывая узы, летитъ стремглавъ (нѣтъ преткновенія), къ предлогу своему. Забыто все, одинъ предлогъ въ умѣ: имъ дышемъ, имъ живемъ.

Невыпуская изъ очей своихъ вожделѣннаго предмета, юноша собираетъ познаніе вещей въ слабѣйшихъ ручьяхъ протекшаго наукъ источника, до нижайшихъ степеней общества? Чуждый руководства, столь нужнаго, для ускоренія въ познаніяхъ, онъ первую силу разума своего, память, остритъ и украшаетъ тѣмъ, чтобы разсудокъ его остритъ

---

*) Озерки.

**) Іюнь.

долженствовало. Сія тѣсная округа свѣдѣній, кои онъ могъ пріобрѣсть на мѣстѣ рожденія своего, не могла усладить жаждущаго духа, но не паче возжгла въ юношѣ непреодолимое къ ученію стремленіе. Блаженъ! что въ возрастѣ, когда волненіе страстей изводитъ насъ въ первые изъ нечувствительности, когда приближаемся степени возмужалости, стремленіе его обратилося къ познанію вещей.

Подстрекаемъ науки алчбою, Ломоносовъ оставляетъ родительскій домъ; течетъ въ престольный градъ, приходитъ въ обитель иноческихъ Муссъ, и вмѣщается въ число юношей, посвятившихъ себя ученію свободныхъ наукъ и слову Божію.

Преддверіе учености, есть познаніе языковъ; но представляется яко поле терніемъ насажденное и яко гора строгимъ каменемъ усѣянная. Глазъ не находитъ тутъ пріятности расположенія, стопы путешественника—покойныя гладости на отдохновеніе, ни зеленѣющагося убѣжища утомленному тутъ нѣтъ. Тако учащійся, приступивъ къ неизвѣстному языку, поражается разными звуками. Гортань его необходимымъ журчаніемъ исходящаго изъ нея воздуха утомляется, и языкъ, новообразно извиваться принужденной, изнемогаетъ. Разумъ тутъ цѣпенѣетъ, разсудокъ безъ дѣйствія ослабѣваетъ, воображеніе теряетъ свое крыліе; единая память бдитъ и острится, и всѣ излучины и отверстія свои наполняетъ образами неизвѣстныхъ доселѣ звуковъ. При ученіи языковъ все отвратительно и тягостно. Если бы не подкрѣпляла надежда, что приучивъ слухъ свой къ необыкновеннымъ звукамъ, и усвоивъ чуждыя произношенія, не откроются потомъ пріятнѣйшіе предметы, то не уповательно восхотѣлъ ли бы кто вступить въ столь строгій путь. Но превзошедъ сіи трудности, коликократно награждается постоянство въ понесенныхъ трудахъ. Новые представляются тогда естества виды, новая цѣпь воображеній. Познаніемъ чуждаго языка становимся мы гражданами тоя области, гдѣ онъ употребляется, собесѣдуемъ съ жившими за многія тысячи вѣковъ, усвояемъ ихъ понятія; и всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ изобрѣтенія и мысли сочетоваемъ и приводимъ въ единую связь.

Упорное прилежаніе въ ученіи языковъ сдѣлало Ломоносова согражданиномъ Аѳинъ и Рима. И се наградилося его постоянство. Яко слѣпецъ, отъ чрева матерня свѣта незрѣвшій, когда искусною глазоврачевателя рукою, возсіяетъ для него величество дневнаго свѣтила; быстрымъ взоромъ протекаетъ онъ всѣ красоты природы, дивится ея разновидности и простотѣ. Все его плѣняетъ, все поражаетъ. Онъ живѣе, обыкшихъ всегда во зрѣніи очей, чувствуетъ ея изящности, восхищается и приходитъ въ восторгъ. Тако Ломоносовъ, получивши свѣдѣніе латинскаго и греческаго языковъ, пожиралъ красоты древнихъ витій и стихотворцевъ. Съ ними научался онъ чувствовать изящности природы; съ ними научался познавать всѣ уловки искусства, кроющагося всегда въ одушевленныхъ стихотворствомъ видахъ, съ ними научался изъявлять чувствія свои, давать тѣло мысли и душу бездыханному.

Если бы силы мои достаточны были, представилъ бы я, какъ постепенно великій мужъ водворялъ въ понятіе свое понятія чуждыя, кои преобразовавшись въ душѣ его и разумѣ, въ новомъ видѣ явилися въ его твореніяхъ, или родили совсѣмъ другіе, уму человѣческому доселѣ невѣдомые. Представилъ бы его ищущаго знанія въ древнихъ рукописяхъ своего училища, и гоняющагося за видомъ ученія, вездѣ, гдѣ казалося быть его хранилище. Часто обманутъ бывалъ въ ожиданіи своемъ, но частымъ чтеніемъ церковныхъ книгъ, онъ основаніе положилъ къ изящности своего слога; какое чтеніе онъ предлагаетъ всѣмъ желающимъ пріобрѣсти искусство россійскаго слова.

Скоро любопытство его щедрое получило удовлетвореніе. Онъ ученикъ сталъ славнаго Вольфа. Отрясая правила схоластики или паче заблужденія, преподанныя ему въ монашескихъ училищахъ, онъ твердыя и ясныя полагалъ степени къ восхожденію во храмъ любомудрія. Логика научила его разсуждать; математика вѣрныя дѣлать заключенія и убѣждаться единою очевидностію; метафизика преподала ему гадательныя истины, ведущія часто къ заблужденію; физика и химія, къ коимъ можетъ быть ради изящности силы воображенія прилежалъ отлично, ввели его въ жертвенникъ природы и открыли ему ея таинства; металлургія и минералогія, яко послѣдственницы предъидущихъ, привлекли на себя его вниманіе; и дѣятельно хотѣлъ Ломоносовъ познать правила въ оныхъ наукахъ руководствующія.

Изобиліе плодовъ и произведеній понудило лю-

дей мѣнять ихъ на таковыя, въ коихъ былъ недостатокъ. Сіе произвело торговлю. Великія въ мѣновномъ торгу затрудненія, побудили мыслить о знакахъ всякое богатство и всякое имущество представляющихъ, изобрѣтены деньги. Злато и серебро яко драгоцѣннѣйшія по совершенству своему металы, и доселѣ украшеніемъ служившіе, преображены стали въ знаки всякое стяжаніе представляющіе. И тогда только по истинѣ, тогда возгорѣлась въ сердцѣ человѣческомъ ненасытная сія и мерзительная страсть къ богатствамъ, которая яко пламень, вся пожирающій, усиливается получая пищу. Тогда оставивъ первобытную свою простоту, и природное свое упражненіе земледѣліе, человѣкъ предалъ животъ свой свирѣпымъ волнамъ, или презрѣвъ гладъ и зной пустынный, протекалъ чрезъ оныя въ невѣдомыя страны, для снисканія богатствъ и сокровищъ. Тогда прозрѣвъ свѣтъ солнечный, живый нисходилъ въ могилу, и расторгнувъ нѣдра земная прорывалъ себѣ нору, подобенъ земному гаду, ищущему въ нощи свою пищу. Тако человѣкъ сокрываясь въ пропастяхъ земныхъ искалъ блестящихъ металловъ, и сокращалъ предѣлы своея жизни на половину, питаяся ядовитымъ дыханіемъ паровъ изъ земли исходящихъ. Но какъ и самая отрава ставъ иногда привычкою, бываетъ необходимою человѣку въ употребленіи, такъ и добываніе металловъ, сокращая дни ископателей, не отвергнуто ради своея смертоносности; а паче изысканы способы добывать легчайшимъ образомъ большее число металловъ по возможности.

Сего то хотѣлъ познать Ломоносовъ дѣятельно, и для исполненія своего намѣренія отправился въ Фрейбергъ. Мнѣ мнится, зрю его пришедшаго къ отверстію, чрезъ которое истекаетъ исторгнутый изъ нѣдръ земныхъ металлъ. Пріемлетъ томное свѣтило, опредѣленное освѣщать его въ ущелинахъ, куда солнечные лучи досязать не могутъ николи. Исполнилъ первый шагъ; что дѣлаешь, вопіетъ ему разсудокъ? Неужели отличила тебя природа своими дарованіями для того только, чтобы ты употребляль ихъ на пагубу своея собратіи. Что мыслишь, нисходя въ свою пропасть? Желаешь ли снискать вящшее искусство извлекати сребро и злато? Или невѣдаешь, какое въ мірѣ сотворили они зло? Или забылъ завоеваніе Америки?.. Но нѣтъ нисходи, познай подземныя ухищренія человѣка, и возвратясь въ отечество, имѣй довольно крѣпости духа, подать совѣтъ зарыть и заровнять сіи могилы, гдѣ тысячи, въ животѣ сущіи, погребаются.

Трепещущъ нисходитъ въ отверстіе, и скоро теряетъ изъ виду живоносное свѣтило. Желалъ бы я послѣдовать ему въ подземномъ его путешествіи, собрать его размышленія, и представить ихъ въ той связи, и тѣмъ порядкомъ, какими они въ разумѣ его возрождалися. Картина его мыслей была бы для насъ увеселительною и учебною. Проходя первый слой земли, источникъ всякаго прозябанія, подземный путешественникъ, обрѣлъ его несходственнымъ съ послѣдующими, отличающимся отъ другихъ, паче всего своего плодоносною силою. Заключалъ можетъ быть изъ того, что поверхность сія земная не изъ чего инаго составлена, какъ изъ тлѣнія животныхъ и прозябаній; что плодородіе ея, сила питательныя и возобновительная, начало свое имѣетъ въ неразрушимыхъ и первенственныхъ частяхъ всяческаго бытія, которыя не перемѣняя своего существа, перемѣняютъ видъ только свой, изъ сложенія случайнаго рождающійся. Проходя далѣе, подземный путешественникъ зрѣлъ землю, всегда расположенную слоями. Въ слояхъ находилъ иногда остатки животныхъ въ моряхъ живущихъ, находилъ остатки растеній, и заключать могъ, что слоистое расположеніе земли начало свое имѣетъ въ наплавномъ положеніи водъ, и что воды, переселяяся изъ одного края земнаго шара къ другому, давали землѣ тотъ видъ, какой она въ нѣдрахъ своихъ представляетъ. Сіе единовидное слоевъ расположеніе, теряяся изъ его зрака, представляло иногда ему смѣшеніе многихъ разнородныхъ слоевъ. Заключалъ изъ того, что свирѣпая стихія огонь, проникнувъ въ нѣдра земныя, и встрѣтивъ противуборствующую себѣ влагу, ярясь мутила, трясла, валила и метала все что ей упорствовать тщилося своимъ противодѣйствіемъ. Смутивъ и смѣшавъ разнородныя, знойнымъ своимъ дохновеніемъ возбудила въ первобытностяхъ металловъ силу притяжательную и ихъ соединила. Тамъ узрѣлъ Ломоносовъ сіи мертвыя по себѣ сокровища въ природномъ ихъ видѣ, воспомянулъ алчбу и бѣдствіе человѣковъ, и съ сокрушеннымъ сердцемъ оставилъ сіе мрачное обиталище людской ненасытности.

Упражняяся въ познаніи природы, онъ не оставилъ возлюбленнаго своего ученія стихотворства. Еще въ отечествѣ своемъ, случай показалъ ему,

что природа назначила его къ величію, что въ обыкновенной стезѣ шествія человѣческаго онъ скитаться не будетъ. Псалтирь, Симеономъ Полоцкимъ въ стихи преложенная, ему открыла о немъ таинство природы, показала, что и онъ стихотворецъ. Бесѣдуя съ Гораціемъ, Виргиліемъ и другими древними писателями, онъ давно уже удостовѣрился что стихотвореніе россійское, весьма было не сродно благогласію и важности языка нашего. Читая нѣмецкихъ стихотворцевъ, онъ находилъ, что слогъ ихъ былъ славнѣе россійскаго, что стопы въ стихахъ были расположены по свойству языка ихъ. И такъ онъ вознамѣрился сдѣлать опытъ сочиненія новообразными стихами, поставивъ сперва россійскому стихотворенію правила, на благогласіи нашего языка основанныя. Сіе исполнилъ онъ, написавъ оду на побѣду, одержанную россійскими войсками надъ турками и татарами и на взятіе Хотина, которую изъ Марбурга онъ прислалъ въ академію наукъ. Необыкновенность слога, сила выраженія, изображенія едва неслышущія изумили читающихъ сіе новое произведеніе. И сіе первородное чадо стремящагося воображенія по непроложенному пути, въ доказательство съ другими купно послужило, что когда народъ направленъ единожды къ усовершенствованію, онъ ко славѣ идетъ не одной тропинкою, но многими стезями вдругъ.

Сила воображенія и живое чувствованіе не отвергаютъ розысканія подробностей. Ломоносовъ, давая примѣры благогласія, зналъ, что изящность слога основана на правилахъ языку свойственныхъ. Восхотѣлъ ихъ извлечь изъ самаго слова, не забывая однако же, что обычай первой всегда подаетъ въ сочетаніи словъ примѣръ, и рѣченія изъ правила исходящія, обычаемъ становятся правильными. Раздробляя всѣ части рѣчи и сообразуя ихъ съ употребленіями ихъ, Ломоносовъ составилъ свою грамматику. Но не довольствуяся преподавать правила россійскаго слова, онъ даетъ понятіе о человѣческомъ словѣ вообще, яко благороднѣйшемъ по разумѣ дарованіи, данномъ человѣку для сообщенія своихъ мыслей. Се сокращеніе общей его грамматики. Слово представляетъ мысли; орудіе слова есть голосъ; голосъ измѣняется образованіемъ или выговоромъ; различное измѣненіе голоса изображаетъ различіе мыслей: и. такъ слово есть, изображеніе нашихъ мыслей посредствомъ образованія голоса чрезъ органы на то устроенные. Поступая далѣе отъ сего основанія, Ломоносовъ опредѣляетъ нераздѣлимыя части слова, коихъ изображенія называютъ буквами. Сложеніе нераздѣльныхъ частей слова производитъ склады, кои опричь образовательнаго различія голоса, различаются еще такъ называемыми удареніями, на чемъ основывается стихосложеніе. Сопряженіе складовъ производитъ рѣченія, или знаменательныя части слова. Сіи изображаютъ или вещь или ея дѣянія. Изображеніе словесное вещи называется имя; изображеніе дѣянія—глаголъ. Для изображенія же сношенія вещей между собою и для сокращенія ихъ въ рѣчи, служатъ другія части слова. Но первыя суть необходимы и называться могутъ главными частями слова, а прочія служебными. Говоря о разныхъ частяхъ слова, Ломоносовъ находитъ, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ въ себѣ отмѣны. Вещь можетъ находиться въ разныхъ въ разсужденіи другихъ вещей положеніяхъ. Изображеніе таковыхъ положеній и отношеній именуется надежами. Дѣяніе всякое располагается по времени; оттуда и глаголы расположены по временамъ, для изображенія дѣянія въ какое время оное происходитъ. Наконецъ Ломоносовъ говоритъ — о сложеніи знаменательныхъ частей слова, что производитъ рѣчи.

Предпославъ таковое философическое разсужденіе о словѣ вообще, на самомъ естествѣ тѣлеснаго нашего сложенія основанномъ, Ломоносовъ преподаетъ правила россійскаго слова. И могутъ ли быть они посредственны, когда начертавшій ихъ разумъ водимъ былъ въ грамматическихъ терніяхъ свѣтильникомъ остроумія? Не гнушайся великій, мужъ сея хвалы. Между согражданами твоими не грамматика твоя одна соорудила тебѣ славу. Заслуги твои о россійскомъ словѣ суть многообразны; и ты почитаешься въ малопритяжательномъ семъ своемъ трудѣ, яко первымъ основателемъ истинныхъ правилъ языка нашего, и яко разыскателемъ естественнаго расположенія всяческаго слова. Твоя грамматика есть преддверіе чтенія твоея риторики, а та и другая руководительницы для осязанія красотъ изрѣченія твореній твоихъ. Поступая въ преподаваніи правилъ, Ломоносовъ вознамѣрился руководствовать согражданамъ своимъ въ стезяхъ тернистыхъ Гелликона, показавъ имъ путь къ краснорѣчію, начертывая правила риторики и поэзіи. Но краткость его жизни

допустила его изъ подъятаго труда совершить одну только половину.

Человѣкъ, рожденной съ нѣжными чувствами, одаренной сильнымъ воображеніемъ, побуждаемой любочестіемъ, исторгается изъ среды народныя. Восходитъ на лобное мѣсто. Всѣ взоры на него стремятся, всѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ его проізреченія. Его же ожидаетъ плесканіе рукъ, или посмѣяніе горшее самыя смерти. Какъ можно быть ему посредственнымъ? Таковъ былъ Демосѳенъ, таковъ былъ Цицеронъ; таковъ былъ Питъ; таковы нынѣ Буркъ, Фоксъ, Мирабо и другіе. Правила ихъ рѣчи почерпаемы въ обстоятельствахъ, сладость изреченія въ ихъ чувствахъ, сила доводовъ въ ихъ остроуміи. Удивляяся толико отмѣннымъ въ словѣ мужамъ, и раздробляя ихъ рѣчи, хладнокровные критики думали, что можно начертать правила остроумію и воображенію, думали, что путь къ прелестямъ проложить можно томными предписаніями. Сіе есть начало риторики. Ломоносовъ слѣдуя, не замѣчая того, своему воображенію, исправившемуся бесѣдою съ древними писателями, думалъ также, что можетъ сообщить согражданамъ своимъ жаръ, душу его исполнявшій. И хотя онъ тщетной въ семъ предпріялъ трудъ, но примѣры, приводимые имъ для подкрѣпленія и объясненія его правилъ, могутъ несомнѣнно руководствовать пускающемуся въ слѣдъ славы, словесными науками стяжаемой.

Но если тщетный его былъ трудъ въ преподавани правилъ тому, что болѣе чувствовать должно нежели твердить; Ломоносовъ надежнѣйшія любящимъ россійское слово оставилъ примѣры въ своихъ твореніяхъ. Въ нихъ сосавшія уста сладости Цицероновы и Демосѳеновы, растворяются на велерѣчіе. Въ нихъ на каждой строкѣ, на каждомъ препинанiи, на каждомъ слогѣ, по что не могу сказать при каждой буквѣ, слышенъ стройный и согласный звонъ столь рѣдкаго, столь мало подражаемаго, столь свойственнаго ему благогласія рѣчи.

Пріявъ отъ природы право неоцѣненное дѣйствовать на своихъ современниковъ, пріявъ отъ нее силу творенія, поверженной въ среду народныя толщи, великій мужъ дѣйствуетъ на оную, но и не въ одинакомъ всегда направленіи. Подобенъ силамъ естественнымъ, дѣйствующимъ отъ средоточія, которыя простирая дѣйствіе свое во всѣ точки окружности, дѣятельность свою присну вездѣ содѣлываютъ. Тако и Ломоносовъ, дѣйствуя на согражданъ своихъ разнообразно, разнообразныя отверзалъ общему уму стези на познанія. Повлекши его за собою во слѣдъ, расплетая запутанный языкъ на велерѣчіе и благогласіе, не оставилъ его при тощемъ безъ мыслей источникѣ словесности. Воображенію вѣщалъ: лети въ безпредѣльность мечтаній и возможности, собери яркіе цвѣты одушевленнаго, и вождаяся вкусомъ, украшай оными самую неосязательность. И се паки, гремѣвшая на олимпическихъ играхъ пиндарова труба возгласила хвалу Всевышняго во слѣдъ псалмопѣвца. На ней возвѣстилъ Ломоносовъ величіе Предвѣчнаго, возсѣдающаго на крылѣ вѣтренней, предшествуемаго громомъ и молніею, и въ солнцѣ являя смертнымъ свою существенность, жизнь. Умирая гласъ трубы пиндаровой, на ней же онъ воспѣлъ бренность человѣка и близкой предѣлъ его понятій. Въ безднѣ міровъ безпредѣльной, какъ въ морскихъ волнахъ малѣйшая песчинка, какъ во льдѣ не тающемъ николи, искра едва блестящая, въ свирѣпѣйшемъ вихрѣ какъ прахъ тончайшій, что есть разумъ человѣческій?—Се ты, о Ломоносовъ, одежда моя тебя не скроетъ.

Не завидую тебѣ, что слѣдуя общему обычаю ласкати царямъ, нерѣдко недостойнымъ нетокмо похвалы стройнымъ гласомъ воспѣтой, но ниже гудочнаго бряцанія; ты льстилъ похвалою въ стихахъ Елисаветѣ. И если бы можно было безъ уязвленія истины и потомства, простилъ бы я то тебѣ, ради признательныя твоея души ко благодѣяніямъ. Но позавидуетъ, не могущій во слѣдъ тебѣ идти писатель оды, позавидуетъ прелестной картинѣ народнаго спокойствія и тишины, сей сильной ограды градовъ и селъ, царствъ и царей утѣшенія; позавидуетъ безчисленнымъ красотамъ твоего слова; и если удастся когда либо достигнуть непрерывнаго твоего въ стихахъ благогласія, но доселѣ не удалося еще никому. И пускай удастся всякому превзойти тебя своимъ сладкопѣніемъ, пускай потомкамъ нашимъ покажешься ты нестроенъ въ мысляхъ, не избыточенъ во существенности твоихъ стиховъ!... Но возри: въ пространномъ ристалищѣ, коего конца око не досязаетъ, среди толпящейся многочисленности, на возглавіи, впереди всѣхъ, се врата отверзающъ къ ристалищу, се ты. Прославиться всякъ можетъ подвигами, но ты былъ первый. Самому Всесильному нельзя

отъять у тебя того, что далъ. Родилъ онъ тебя прежде другихъ, родилъ тебя въ вожди, и слава твоя есть слава вождя. О! вы доселѣ безплодно трудившіеся надъ познаніемъ существенности души и какъ сія дѣйствуетъ на тѣлесность нашу, се трудная вамъ предлежитъ задача на испытаніе. Вѣщайте, какая душа дѣйствуетъ на душу, какая есть связь между умами? Если знаемъ, какъ тѣло дѣйствуетъ на тѣло прикосновеніемъ, повѣдайте, какъ неосязаемое дѣйствуетъ на неосязаемое, производя вещественность; или какое между безвещественностей есть прикосновеніе. Что оно существуетъ, то знаете. Но если вѣдаете, какое дѣйствіе разумъ великаго мужа имѣетъ надъ общимъ разумомъ; то вѣдайте еще, что великій мужъ можетъ родить великаго мужа; и се вѣнецъ твой побѣдоносный. О! Ломоносовъ, ты произвелъ Сумарокова.

Но если дѣйствіе стиховъ Ломоносова могло размашистый сдѣлать шагъ въ образованіи стихотворческаго понятія его современникомъ, краснорѣчіе его чувствительнаго или явнаго ударенія не сдѣлало. Цвѣты, собранные имъ въ Аѳинахъ и въ Римѣ, и столь удачно въ словахъ его пресажденные, сила выраженія Демосѳенова, сладкорѣчіе Цицероново, безплодно употребленныя, повержены еще во мракѣ будущаго. И кто? онъ же пресытившися обильнымъ велерѣчіемъ похвальныхъ твоихъ словъ возгремитъ не твоимъ хотя слогомъ, но будетъ твой воспитанникъ. Далеко ли время сіе, или близко, блудящій взоръ скитаяся въ неизвѣстности грядущаго, не находитъ подножія остановиться. Но если мы непосредственнаго отъ витійства Ломоносова не находимъ отродія, дѣйствіе его благогласія и звонкаго препинанія безстопной рѣчи, было однако же всеобщее. Если не было ему послѣдователя въ витійствѣ гражданскомъ, но на общій образъ письма оно распространилося. Сравни то, что писано до Ломоносова, и то, что писано послѣ его, дѣйствіе его прозы будетъ всѣмъ внятно.

Но не заблуждаемъ ли мы въ нашемъ заключеніи? За долго до Ломоносова находимъ въ Россіи краснорѣчивыхъ пастырей церкви, которые возвѣщая слово Божіе пастбѣ своей, ее учили, и сами словомъ своимъ славилися. Правда они были; но слогъ ихъ не былъ слогъ россійской. Они писали какъ можно было писать до нашествія татаръ; до сообщенія россіянъ съ народами европейскими. Они писали языкомъ славянскимъ. Но ты, зрѣвшій самаго Ломоносова и въ твореніяхъ его поучаяся можетъ быть велерѣчію, забвенъ мною не будешь. Когда россійское воинство поражая гордыхъ оттомановъ превысило чаяніе всѣхъ, на подвиги его взирающихъ окомъ равнодушнымъ или завистливымъ, ты призванный на торжественное благодареніе Богу браней, Богу силъ, О! ты въ восторгѣ души твоей къ Петру взывавшій надъ гробницею его, да пріидетъ зрѣти плода своего насажденія: «Возстани Петръ, возстани», когда очарованное тобою ухо, очаровало по чредѣ око, когда казалося всѣмъ, что приспѣвый ко гробу Петрову, воздвигнути его желаешь, силою высшею одаренный; тогда бы и я вѣщалъ къ Ломоносову, зри, зри и здѣсь твое насажденіе. Но если, онъ слову могъ тебя научить.... Въ Платонѣ душа Платона, и да восхититъ и увидитъ насъ, тому учило его сердце.

Чуждый раболѣпствованія нетокмо въ томъ, что благоговѣніе наше возбуждать можетъ, но даже и въ любленіи нашемъ, мы отдавая справедливость великому мужу, не возмнимъ быти ему Богомъ всезиждущимъ, не посвятимъ его истуканомъ на поклоненіе обществу, и не будемъ пособниками въ укорененіи какого либо предразсужденія, или ложнаго заключенія. Истина есть высшее для насъ божество, и если бы Всесильный восхотѣлъ измѣнить ея образъ, являяся не въ ней, лице наше будетъ отъ него отвращено.

Слѣдуя истинѣ не будемъ въ Ломоносовѣ искать великаго дѣеписателя, не сравнимъ его съ Тацитомъ, Реналемъ, или Робертсономъ; не поставимъ его на степени Маркграфа или Ридигера, зане упражнялся въ химіи. Если сія наука была ему любезна, если многіе дни житія своего провелъ онъ въ изслѣдованіи истинъ естественности, но шествіе его было шествіе послѣдователя. Онъ скитался путями проложенными, и въ нечисленномъ богатствѣ природы, не нашелъ онъ ни малѣйшія былинки, которой бы не зрѣли лучшія его очи, не соглядалъ онъ ниже грубѣйшія пружины въ вещественности, которую бы не обнаружили его предшественники.

Уже ли поставимъ его близъ удостоивавшагося налестнѣйшія надписи, которую человѣкъ низъ изображенія своего зрѣть можетъ? Надпись начертанная не ласкательствомъ, но истинною дер-

зающею на силу: «Се исторгнувшій громъ съ небеси и скиптръ изъ руки царей». За то ли Ломоносова близь его поставимъ, что преслѣдовалъ электрическій силѣ въ ея дѣйствіяхъ; что неотвращенъ былъ отъ изслѣдованія о ней, видя силою ея учителя своего пораженнаго смертно. Ломоносовъ умѣлъ производить электрическую силу, умѣлъ отвращать удары грома, но Франклинъ въ сей наукѣ есть зодчій, а Ломоносовъ рукодѣлъ.

Но если Ломоносовъ не достигъ великости въ испытаніяхъ природы, онъ дѣйствія ея великолѣпныя описалъ намъ слогомъ чистымъ и внятнымъ. И хотя мы ненаходимъ въ твореніяхъ его, до естественныя науки касающихся, изящнаго учителя естественности, найдемъ однакоже учителя въ словѣ, и всегда достойный примѣръ на послѣдованіе.

И такъ отдавая справедливость великому мужу, поставляя имя Ломоносова въ достойную его лучезарность, мы не ищемъ здѣсь вмѣнить ему и то въ достоинство, чего онъ не сдѣлалъ или на что не дѣйствовалъ: или только разпложая неистовое слово вождаемся исступленіемъ и пристрастіемъ. Цѣль наша не сія. Мы желаемъ показать, что въ отношеніи Россійской словесности, тотъ кто путь ко храму славы проложилъ, есть первый виновникъ въ пріобрѣтеніи славы, хотя бы онъ войти во храмъ не могъ. Бâконъ Веруламскій недостоинъ развѣ напоминанія, что могъ токмо сказать, какъ можно размножать науки? Недостойны развѣ признательности мужественныя писатели, возстающіе на губительство и всесиліе, для того, что не могли избавить человѣчества изъ оковъ и плѣненія? И мы не почтемъ Ломоносова, для того, что не разумѣлъ правилъ позорищнаго стихотворенія и томился въ Епопеи, что чуждъ былъ въ стихахъ чувствительности, что не всегда проницателенъ въ сужденіяхъ, и что въ самыхъ одахъ своихъ вмѣщалъ иногда болѣе словъ, нежели мыслей. Но внемли: прежде начатія временъ, когда не было бытію опоры, и все терялося въ вѣчности и неизмѣримости; все источнику силъ возможно было, вся красота вселенныя существовала въ его мысли, но дѣйствія не было, не было начала. И се рука всемощная, толкнувъ вещественность въ пространство, дала ей движеніе. Солнце возсіяло, луна пріяла свѣтъ и тѣлеса крутящіяся горе образовалися! Первый махъ въ твореніи всесиленъ былъ; вся чудесность міра, вся его красота суть только слѣдствія. Вотъ какъ понимаю я дѣйствіе великія души надъ душами современниковъ или потомковъ; вотъ какъ понимаю дѣйствіе разума надъ разумомъ. Въ стезѣ Россійской словесности, Ломоносовъ есть первый. Бѣги толпа завистливая, се потомство о немъ судитъ, оно нелицемѣрно.

Но любозный читатель я съ тобою закалякался... Вотъ уже Всесвятское... Если я тебѣ не наскучилъ, то подожди меня у околицы, мы повидаемся на возвратномъ пути. Теперь прости—Ямщикъ погоняй.

Москва! Москва!!!...

1656. Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву. А. Радищева. 1790 года. Лейпцигъ, въ типографіи Коспровичъ, 1876 года.—Въ 12 д. л., 239 стр.

Это изданіе напечатано было въ такъ называемой «Международной Библіотекѣ», съ предисловіемъ А. И. Герцена, но съ значительными отступленіями отъ подлинника: во многихъ мѣстахъ выпущены цѣлыя фразы, одни выраженія замѣнены другими, слогъ вообще подновленъ, сглажены шероховатости и т. п.; такъ, что отъ подобныхъ поправокъ не рѣдко искажается даже самый смыслъ сказаннаго А. Радищевымъ.

Купленъ мною экземпляръ этого изданія за 12 рублей.

1657. Путешествіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Наслѣдника Цесаревича, Государыни Цесаревны и Великаго Князя Алексѣя Александровича по Войску Донскому. Новочеркасскъ. Печатано въ типографіи газеты «Донской Вѣстникъ», 1869 г.—Въ 4 д. л., 24 стр.

Это отдѣльный оттискъ изъ газеты «Донской Вѣстникъ», отпечатанный въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, и притомъ не для продажи.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 3 рубля.

1658. Путешествіе капитана Билингса чрезъ Чукотскую землю отъ Берингова пролива до Нижнеколымскаго острога и плаваніе капитана Галла на суднѣ «Черномъ Орлѣ» по сѣверо-восточному океану въ 1791 году. Извлечено изъ разныхъ журналовъ г. Сарычевымъ; въ Санктпетербургѣ, въ морской типографіи, 1811 года.—4 д. л., 191 стр.

Книга съ приложеніемъ словаря двѣнадцати нарѣчій дикихъ народовъ, наблюденія надъ стужею въ верхнеколымскомъ острогѣ и наставленія, даннаго капитану Билингсу изъ государственной адмиралтействъ-коллегіи съ приложеніемъ рисунковъ, изображающихъ оленные чукчи, и меркаторская карта, представляющая Ледовитое море, Беринговъ проливъ и часть восточнаго океана съ берегами Чукотской земли и Сѣверной Америки. 2-я карта залива Мечигменскаго, находящагося въ проливѣ Беринговомъ при Чукотской землѣ, и 3-я картина залива Св. Лаврентія, находящагося въ Беринговомъ проливѣ при Чукотской землѣ.

См. у Сопикова за № 9172.

1659. Путешествіе NN въ Парижъ и Лондонъ. Писанное за три дня до путешествія. Въ трехъ частяхъ. Москва, въ типографіи Платона Бекетова, 1808 г.—Въ 32 д. л., 20 стр.

Любителямъ книжныхъ рѣдкостей извѣстно, что И. И. Дмитріовъ написалъ шуточное стихотвореніе на пріятеля своего В. Л. Пушкина, собиравшагося ѣхать въ чужіе края, которое было напечатано въ числѣ 50 экземпляровъ для дружескаго ихъ круга.

На заглавномъ листѣ помѣщена виньетка, изображающая слѣдующее: знаменитый трагикъ Тальма во фракѣ и короткихъ штанахъ, стоя, декламируетъ, держа въ поднятой лѣвой рукѣ книгу; передъ нимъ на кончикѣ кресла сидитъ В. Л. Пушкинъ и, съ восторгомъ, поднявъ голову и разставивъ руки, слушаетъ чтеніе Тальмы; В. Л. Пушкинъ тоже во фракѣ, но въ сапогахъ a la Souworow, и у ногъ его лежитъ шляпа, которую онъ, видно, выронилъ въ порывѣ восхищенія.—Виньетка исполнена великолѣпно.

Полные и хорошо сохранившіеся экземпляры сего изданія составляютъ въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость.

Въ виду исключительной рѣдкости означеннаго произведенія И. Дмитріива, считаю не лишнимъ, здѣсь, на страницахъ предлагаемаго мною описанія, привести полностію и съ сохраненіемъ ороографіи подлинника, помянутое «Путешествіе NN».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Друзья! Сестрицы! я въ Парижѣ!
Я началъ жить, а не дышать!
Садитесь вы другъ къ другу ближе,
Мой маленькій журналъ читать:
Я былъ въ лицеѣ, въ пантеонѣ,
У Бонапарта на поклонѣ;
Стоялъ близехонько къ нему,
Не вѣря счастью моему.
Вчера меня князь Д... въ,
Представилъ милой Рекамьѣ;
Я видѣлъ корпусъ Мамелюковъ,
Сіеса, Вестриса, Мерсье,
Мадамъ Жанлисъ, Виже, Пикара,
Фонтана, Герля, Легуве,
Актрису Жоржъ и Фіеве;
Всѣ тропки знаю булевара,
Всѣ магазины новыхъ модъ;
Въ театрѣ всякій день, оттолѣ
Въ Тиволи и Фраскати, въ полѣ.
Какъ весело! какой народъ!
Какъ счастливъ я!—и такъ простите!
Простите, милые, и ждите
Изъ области наукъ, искусствъ,
Вы съ первой почтой продолженья,
Исторіи безъ украшенья,
Идей моихъ и чувствъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Противъ окна въ шестомъ жильѣ,
Откуда вывѣски, кареты,
Все, все, и лучшіе лорнеты
Съ утра до вечера во мглѣ:
Вашъ другъ сидитъ еще нечесанъ,
И на столѣ гдѣ кофъ стоитъ,
Меркюръ и Монитеръ разбросанъ,
Афишей цѣлый пукъ лежитъ,
Вашъ другъ въ свою отчизну пишетъ;
А Журавлевъ ужъ не услышитъ!
Вздохъ сердца! долети къ нему!
А вы друзья, за то простите
Кое что нраву моему;
Я самъ готовъ, когда хотите,
Признаться въ слабостяхъ моихъ,
Я, напримѣръ, люблю конечно
Читать мои куплеты вѣчно,
Хоть слушай, хоть не слушай ихъ;
Люблю и страннымъ я нарядомъ,
Лишь былъ бы въ домѣ, щеголять;
Но словомъ, мыслью, даже взглядомъ,
Хочу-ль кого я оскорблять?
Я право добръ! и всей душою
Готовъ обнять, любить весь свѣтъ!..
Я слышу стукъ!.. никакъ за мною?
Такъ точно, нашъ землякъ зоветъ
На ужинъ къ нашей же—прекрасно!
Сегюръ у ней почти всечастно:
Я буду съ нимъ, какъ счастливъ я!
Пришла минута и моя!
Простите! время одѣваться,
Чрезъ мѣсяцъ, два—я, можетъ статься,
У мачты буду повѣрять
Виргиліеву грозну бурю;
А есть ли правду вамъ сказать,
Такъ я глаза мои защурю
И промыслу себя вручу.
Какъ весело! лечу! лечу!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Валы вздувалися горами,
Сливалось море съ небесами,
Ревѣли вѣтры, громъ гремѣлъ,
Зіяла смерть, а NN... цѣлъ!
А NN... вашъ въ короткомъ фрачкѣ,
Въ Вестминстерѣ свернувшись въ комъ,
Предъ урной Попа бьетъ челомъ;
Въ ладони хлопаетъ на скачкѣ,
Спокойно смотритъ сквозь очковъ,
На стычку Фокса съ Шериданомъ,
На бой задорныхъ пѣтуховъ,
Иль дога съ яростнымъ кабаномъ:
Я въ Лондонѣ, друзья, и къ вамъ
Уже объятья простираю—
Какъ всѣхъ увидѣть васъ желаю!
Сегодня на корабль отдамъ
Всѣ, всѣ мои пріобрѣтенья
Въ двухъ знаменитѣйшихъ странахъ!
Я внѣ себя отъ восхищенья!
Въ какихъ явлюсь къ вамъ сапогахъ,
Какіе фраки, панталоны!
Всему новѣйшіе фасоны!
Какой прекрасный выборъ книгъ!

Считайте—я скажу вамъ въ мигъ:
Бюффонъ, Руссо, Мабли, Корнелій,
Гомеръ, Плутархъ, Тацитъ, Виргилій
Весь Шакеспиръ, весь Попъ и Гюмъ;
Журналы Аддиссона, Стиля...
И все Дидота, Бескервиля!
Европы цѣлой собралъ умъ!
Ахъ! милые, съ какимъ весельемъ
Все это будемъ разбирать!
А иногда и между дѣльемъ
Журналъ мой стану вамъ читать:
Что видѣлъ, слышалъ за морями,
Какъ сладко жизнь моя текла,
И кончу тѣмъ, обнявшись съ вами:
А родина... все намъ мила!

Примѣчанія.

1) Представилъ милой Рекамьѣ. Рекамье жена Парижскаго банкира, прославившаяся красотой своей.

2) Сіеса, Вестриса, Мерсье. Первый—сенаторъ, игравшій въ революцію важную роль, второй—славный танцовщикъ, а третій — довольно извѣстный писатель.

3) Мадамъ Жанлисъ, Виже, Пикара. Первая сочинительница романовъ и нѣсколькихъ книгъ о воспитаніи; вторый — пріятный стихотворецъ, послѣдній—лучшій комическій писатель нынѣшняго времени.

4) Фонтана, Герля, Легуве. Три извѣстные стихотворца.

5) Актрису Жоржъ и Фіеве. Послѣдній сочинитель прекраснаго романа и писемъ объ Англіи.

6) Въ Тиволи и Фраскати, въ полѣ. Такъ называются два гульбища.

7) Журавлевъ ужъ не услышитъ. Почтенный старикъ, который не задолго передъ тѣмъ умеръ и друженъ былъ съ путешественникомъ.

8) Въ Вестминстерѣ и проч. Для нѣкоторыхъ напомню, что въ этомъ Аббатствѣ издавна погребаются короли и славные мужи.

9) И все Дидота, Баскервиля. Также для нѣкоторыхъ: «Дидотъ — славный французскій типографщикъ, а Баскервиль—англинской.

1660. Путешествіе на Амуръ, совершенное по распоряженію сибирскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества, въ 1855 году, Р. Макомъ. Одинъ томъ, съ портретомъ графа Муравьева-Амурскаго и съ отдѣльнымъ собраніемъ рисунковъ, картъ и плановъ. Санктпетербургъ, въ типографіи Карла Вольфа, 1859 года, въ листъ, 230 стр. и естественно-историческія статьи—59 стр. Затѣмъ обзоръ кустарныхъ и древесныхъ растеній 21+XIX стр.

Это капитальное сочиненіе съ великолѣпнымъ атласомъ въ 27 листовъ литографированныхъ рисунковъ, которые размѣщены слѣдующимъ порядкомъ:

1. Альбомъ заключаетъ въ себѣ 17 рисунковъ и этнографическихъ таблицъ 6.

Атласъ заключаетъ въ себѣ 2 картины, новыхъ видовъ растеній—10 и два плана, а всего 27 листовъ.

Это роскошное изданіе куплено мною за 15 рублей.

1661. Путешествіе на востокъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича. 1890—1891 г. Авторъ-издатель кн. Э. Э. Ухтомскій. Иллюстрировалъ Н. Н. Каразинъ. 6 выпусковъ въ 3 томахъ. С.-Петербургъ. Лейпцигъ. Ф. А. Брокгаузъ. 1893—1897 гг. — Въ большой листъ. Томъ 1-й 242+230 стр. Томъ 2-й 228+247 стр. Томъ 3-й LXIX+160+255 стр.; со множествомъ гравюръ.

Трудъ князя Ухтомскаго, въ его законченномъ видѣ, является капитальнымъ вкладомъ въ нашу литературу. Хотя путешествіе Наслѣдника Цесаревича продолжалось очень не долго, съ 20-го октября по 4-е августа 1891 года, но обиліе матеріаловъ и впечатлѣній, ихъ дробность и пестрота, и все это, на подкладкѣ предварительнаго знакомства съ исторіею, этнографіею и другими данными, придаютъ труду особое значеніе.

Въ первой части этого замѣчательнаго труда описаны: отъѣздъ, Египетъ, Чермное море; до отплытія въ Бомбей.

Части 2 и 3 посвящены описанію Индіи, Цейлона и Тихаго океана.

Въ четвертой:—побережье Тихаго океана, Китай до отплытія въ Японію.

Въ пятой—Японія и наша восточная Азія, и

Въ шестой части—путь по Сибири.

Рисунки Н. Каразина, превосходно гравированные, освѣщаютъ книгу: архитектурные, скульптурные и живописные мотивы художествъ Востока, его этнографическія отличія и необозримо разнообразные въ своихъ красотахъ пейзажи—это цѣлая галлерея полнаая высокаго интереса и своеобразной красоты.

Изданіе въ высшей степени роскошное.

См. «Прав. Вѣст.» за 1898 годъ, ноября 12.—«Фирма Брокгаузъ въ Лейпцигѣ отпечатала въ крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ, какъ «edition de luxe» Путешествіе Государя Императора на Востокъ. Оно издано въ трехъ томахъ на лучшей веленевой бумагѣ и отличается большимъ количествомъ геліогравюръ, тонко и нѣжно передаваемыхъ на китайской бумагѣ. Каждый дорогой сафьяновый переплетъ украшенъ цвѣтными узорами и снабженъ особеннымъ картономъ для храненія.

Цѣна такому экземпляру 250 рублей.

1662. Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Павла Савваитова. Санктпетербургъ, въ типографіи Академіи Наукъ, 1872 года.—Въ 8 д. л., 198 столбц.

Въ самомъ концѣ XII столѣтія, четыре года до взятія Царьграда крестоносцами, туда отправился нѣкто Добрыня Андрейковичъ, впослѣдствіи Архіепископъ Антоній, трижды приглашенный новгородцами на каѳедру и трижды слышавшій обычную новгородскую фразу: «кланяемся тебѣ; иди куда хочешь». Плодомъ этого путешествія была книга — «Паломникъ, или сказаніе мѣстъ святыхъ въ Царьградѣ» и хотя оно дошло до насъ въ спискѣ XV вѣка, но по времени, въ ряду путешествій русскихъ людей въ чужія земли, занимаетъ первое мѣсто, послѣ извѣстнаго путешествія игумена Даніила. Этотъ памятникъ отличается краткостію (54 столбц.), искренностію и простотою изложенія и содержитъ въ себѣ не только любопытныя извѣстія — о мѣстахъ святыхъ Царьградскихъ,—но и столь важныя показанія, надъ разъясненіемъ которыхъ придется потрудиться нашимъ

Солнцевъ, Ѳедоръ Григорьевичъ.

Академикъ и археологъ род. 1801 г., ум. 1892 г. Авторъ «Древностей Россійскаго Государства».

историкамъ; напримѣръ:—«О походѣ княгини Ольги на Царьградъ, о дани, взятой ею съ грековъ, и о вещественномъ памятникѣ этого событія, который Добрыня Андрейковичъ видѣлъ въ алтарѣ Софійскомъ»;—«блюдо велико-злато служебное Ольги русской, когда взяла дань, ходивши ко Царьграду, во блюдѣ-же олженъ каменъ драгій, на томъ же камнѣ надписанъ Христосъ; у того-же блюда все поверхови жемчугомъ учинено». Подобно всѣмъ изданіямъ и трудамъ нашего достопочтеннаго археолога и археографа П. И. Савваитова,—это отличается замѣчательною тщательностію и любовью къ дѣлу. — Эта брошюрка въ настоящее время рѣдка.—Купленъ мною экземпляръ за 2 рубля.

1663. Путешествіе по Восточной Сибири. И. Булычева. С.-Петербургъ. 1856 года. — **Текстъ въ 8 д. л. и альбомъ рисунковъ въ листъ. На заглавномъ листѣ изображенъ монументъ Ермаку въ Тобольскѣ.**

Чтобы дать понятіе о сей рѣдкой книгѣ, прилагаю выписку рисунковъ. 1) Ермакъ, покоритель Сибири. 2) Видъ Иркутска. 3) Видъ г. Иркутска. 4) Видъ села Качуги на рѣкѣ Ленѣ. 5) Видъ на р. Ленѣ, близь Киренска. 6) Киренскій Свято-Троицкій монастырь. 7) Церковь Киренскаго Свято-Троицкаго монастыря. 8) Видъ на р. Ленѣ, близь г. Киренска. 9) Рѣчка Столбовка, впадающая въ р. Лену. 10) Скалы на р. Ленѣ, близь г. Олекминска (столбы). 11) Г. Олекминскъ на р. Ленѣ. 12) Видъ на р. Ленѣ — «Урскія ворота». 13) Видъ на р. Ленѣ между Якутскомъ и Олекминскомъ. 14) Нависшія скалы на р. Ленѣ. 15) Шитики на р. Ленѣ. 16) Видъ стараго Якутскаго острога. 17) Лѣтнія якутскія юрты. 18) Зимняя якутская юрта. 19) Вьючныя лошади. 20) Лѣтняя станція по Охотскому тракту. 21) Рѣка Амга по тракту изъ Якутска въ Охотскъ. 22) Ночлегъ на р. Уралѣ по Охотскому тракту. 23) Видъ Яблонаго хребта по Охотскому тракту. 24) Переѣздъ по наналѣди по тракту въ Охотскъ. 25) Зимняя станція по Охотскому тракту. 26) Г. Охотскъ. 27) Рыбные магазины (вѣшала) въ Охотскѣ. 28) Видъ въ окрестностяхъ Охотска. 29) Видъ горы Мореканъ, близь Охотска. 30) Петропавловскій портъ, въ Камчаткѣ. 31) Видъ окрестностей Петропавловскаго порта. 32) Паратунскіе горячіе ключи въ Камчаткѣ. 33) Ключевая сопка. 34) Село Калтучное въ Камчаткѣ. 35) Внутренность юрты сидячихъ коряковъ. 36) Поѣздъ на собакахъ въ сѣверной части Камчатки. 37) Стойбище оленныхъ коряковъ. 38) Ночлегъ въ лѣсу (въ сѣверныхъ лѣсахъ). 39) Отдыхъ на р. Трулѣ. 40) Бурятка. 41) Якуты. 42) Якутка. 43) Якутка въ богатомъ нарядѣ. 44) Отдѣленіе якутовъ. 45) Посуда для кумыса. 46) Оленный тунгусъ старшина. 47) Камчадалы. 48) Одѣяніе жителей сѣверо-восточной части Сибири. 49) Нарты. 50) Камчатскія собаки. 51) Камчадалы, зимняя станція. 52) Сидячіе коряки. 53) Издѣлія коряковъ. 54) Издѣлія коряковъ изъ моржевой кости. 55) Оленные коряки. 56) Оленные коряки. 57) Житель олюторскаго селенія. 58) Бродячій тунгусъ. 59) Бродячіе тунгусы. 60) Одѣяніе тунгусовъ. 61) Чукча.

Это роскошное изданіе съ 63 рисунками, исполненными красками. Эта обстоятельная и важная для изученія восточной Сибири книга отпечатана была въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ.

Чистые экземпляры со всѣми рисунками очень рѣдки. Купленъ мною экземпляръ за 35 рублей.

1664. **Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 году. — С.-Петербургъ, 1823 года.— Въ 8 д. л., съ 6-ю планами.**

Книга написана извѣстнымъ писателемъ Муравьевымъ-Апостоломъ и содержитъ въ себѣ подробности о древнихъ городахъ Таврическаго полуострова: Олевіи, Пантикатеи, Өеодосіи, Касера и другихъ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры этой книги очень рѣдки.

1665. **Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской Имперіи. П. С. Палласа. 2 части. Вторымъ тисненіемъ. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ. 1809 года.—Въ 4 д. л. Часть 1-я 637+116 стр. Часть 2-я 571 стр.**

Это роскошное и довольно рѣдкое изданіе заключаетъ въ себѣ около ста гравированныхъ рисунковъ, съ объясненіями по русски и французски. Оно посвящено Императрицѣ Екатеринѣ II. Въ предисловіи къ этому сочиненію авторъ говоритъ, что «Россія настолько интересна по ея мѣстопо-

ПѢВЕЦЪ
ВЪ СТАНѢ
РУСКИХЪ ВОИНОВЪ. (1)

Пѣвецъ.

На полѣ бранномъ тишина!
Огни между шатрами!
Друзья! здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами!
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе руку въ руку!

Титульный листъ отдѣльнаго изданія.
«Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ».
По рѣдкому экз. изъ собранія А. Бурцева.

ложенію, характеру, одеждѣ ея жителей, и по ея древностямъ, остается можно сказать, не тронутою».

Это изданіе представляетъ собою собраніе многихъ матеріаловъ, пригодныхъ для исторіи Россіи.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся за 12 рублей.

1666. Путь ко Христу, въ девяти книгахъ, твореніе Іакова Бема, прозваннаго тефтоническимъ философомъ, переводъ съ нѣмецкаго. С.-Петербургъ, въ типографіи Г. Іоаннесова, 1815 года, 8 д. л., XXV и 434+3 стр.

Въ этой книгѣ четыре гравированныхъ картинки съ символическими изображеніями; книга переведена Лабзинымъ, издателемъ Сіонскаго вѣстника и по выходѣ въ свѣтъ книга была изъята изъ обращенія и комитетъ, разсматривая эту книгу нашелъ, что она проповѣдуетъ мрачныя начала Розенкрейцеровъ, у которыхъ все духовное идетъ по физическимъ законамъ стихіи, а не по слову Божію, не по закону благодати, а потому комитетъ призналъ ее вредною и опасною. См. «Опытъ россійской библіографіи» Василія Сопикова за № 9276, есть у Березина-Ширяева стр. 20-я, у Остроглазова за № 106; хорошо сохранившіеся экземпляры весьма рѣдко встрѣчаются въ продажѣ и цѣнятся до 6 рублей.

1667. Пчела, или собраніе разныхъ статей въ стихахъ и прозѣ, извлеченныхъ изъ россійскихъ писателей прошедшаго и нынѣшняго вѣка; въ пользу и употребленіе юношества россійскому языку и словесности обучающагося. С.-Петербургъ, 1813 года.—Въ 8 д. л., съ 2 эстампами.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры сего изданія—рѣдки.—См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова—№ 9285.

Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей, въ современномъ кожаномъ переплетѣ изъ библіотеки Болотова.

1668. Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ. Сочиненіе В. Жуковскаго. Въ Морской типографіи. 1813 года.—Въ 8 д. л., 25 стр.

Первое изданіе этой брошюрки извѣстнаго стихотворенія Жуковскаго, теперь очень рѣдкое. Въ томъ-же году оно было напечатано и вторымъ изданіемъ.

Беранже, Пьеръ-Жанъ.

Знаменитый франц. поэтъ. Авторъ пѣсенъ, изъ которыхъ большинство сдѣлалось вполнѣ народными, род. 19 августа 1780 г., ум. 16 іюля 1857 г. Съ фотогр. Везенберга.

1669. Пѣсни Беранже. Переводъ Василія Курочкина. Изданіе пятое, исправленное и значительно — дополненное; иллюстрированное 15 картинами на стали по рисункамъ Бойе. Санктпетербургъ. Изданіе книгопродавца типографа Вольфа, 1864 г.—Въ 8 д. л., 249 стр., съ рисунками.

Книга напечатана на прекрасной бумагѣ, съ бордюрами на страницахъ. Послѣ заглавнаго листа, обведеннаго каймою, слѣдуетъ пѣсня — «Охотники».

Въ поле, охотникъ ретивый;
Чу! протрубили рога:
Тра та та та, тра та та.
Слѣдомъ Амуръ шаловливый,—
Шмыгъ—на охоту въ твой домъ!
  Тромъ, тромъ.
Осень стрѣлять и лѣто,
Знаешь кругомъ всѣ мѣста.
Тра та та та, тра та та.
А за женой, безъ билета
Та-же охота кругомъ
  Тромъ, тромъ.

Выслѣдивъ лань въ чащѣ лѣса,
Ты пріумолкъ у куста.
Тра та та та, тра та та.
Но не робѣетъ повѣса
Передъ домашнимъ звѣрькомъ,
Тромъ, тромъ.

***

Къ звѣрю кидается свора,
Ревъ потрясаетъ лѣса.
Тра та та та, тра та та.
Цѣлитъ повѣса и скоро
Съ милою будетъ вдвоемъ.
Тромъ, тромъ.

***

По лѣсу пуля несется
Мертвая лань поднята.
Тра та та та, тра та та.
Выстрѣлъ и тамъ раздается,—
Все утихаетъ потомъ...
Тромъ, тромъ.

***

Радъ ты добычѣ богатой.
Весело трубятъ рога:
Тра та та та, тра та та.
Тащится съ поля рогатый,
Милый на лѣво кругомъ,
Тромъ, тромъ.

Далѣе, см. стр. 76.—«Плачущій мужъ».

Жена моя въ гробу!
Рабу
Устрой Господь твою
Въ раю.

***

Избавь ее отъ ада
Въ день страшнаго суда:
Ей тамъ блаженство надо,
Чтобъ не пришла сюда.
Жена моя въ гробу!
Рабу
Устрой Господь твою
Въ раю.

***

Увы! ничто не вѣчно.
Мое блаженство съ ней
Казалось безконечно
Въ теченіи трехъ дней.
Жена моя въ гробу!
Рабу
Устрой Господь твою
Въ раю.

***

Подчасъ она хитрила
(Нельзя-же безъ того),
Но искренно любила...
Сосѣда моего.
Жена моя въ гробу!
Рабу
Устрой Господь твою
Въ раю.

***

И съ жизнью разставаясь.
Холодная къ другимъ,
Заплакала, прощаясь...
Съ любовникомъ своимъ.
Жена моя въ гробу!
Рабу
Устрой Господь твою
Въ раю.

***

Едва-ли я съумѣю
Несчастье пережить.
Нѣтъ! нѣтъ! пойду за нею...
Зарыть ее! зарыть!
Жена моя въ гробу!
Рабу
Устрой Господь твою
Въ раю.

Это изданіе въ переводѣ Василія Курочкина считается весьма рѣдкимъ.—Въ книгѣ помѣщено 65 пѣсенъ, большею частію юмористическаго содержанія.

Купленъ мною экземпляръ у букиниста Семенова за 10 рублей въ хорошемъ переплетѣ.

1670. Пѣсни въ Іерусалимѣ. 5817 года.—Въ 12 д. л., 25 страницъ; счетъ съ заглавнаго листа.

Курочкинъ, В. С.

Сатирическій поэтъ и переводчикъ «Пѣсенъ Беранже». Род. 28-го іюля 1831 г., ум. 1875 г.

Эта рѣдкая брошюрка съ гравированной оболочкой. На лицевой и задней сторонѣ ея награвированы масонскія символическія изображенія. Въ этомъ изданіи помѣщено 17 масонскихъ пѣсенъ.— См. «Отчетъ Императорской публичной библіотеки» за 1867 годъ и Румянцевскаго музея за 1869 годъ.—Есть у Черткова—за 1838 годъ, стр. 471.

Купленъ мною экземпляръ сей рѣдкой брошюрки за 5 рублей.

1671. Пѣсни князя Черногорскаго Николая I *). Переводъ съ сербскаго въ стихахъ В. Бенедиктова. Спб., 1867 года.— Въ 8 д. л., 7 стр.

Въ виду исключительнаго положенія, занимаемаго авторомъ этихъ пѣсенъ, полагаю, что для многихъ будетъ не безъинтересно познакомиться съ произведеніемъ царственнаго поэта и горячаго патріота, съ воодушевленіемъ поющаго о родинѣ и призывающаго свой народъ къ борьбѣ за освобожденіе и независимость, угнетенныхъ и порабощенныхъ своихъ кровныхъ единоплеменниковъ.

Для интересующихся,—ниже,—мною приведены полностію помянутыя пѣсни князя Николая, со всѣми пояснительными примѣчаніями, помѣщенными въ брошюркѣ.

*) Обѣ эти пѣсни напечатаны въ черногорскомъ календарѣ „Орличъ" 1866 и 1867 гг. Первая изъ нихъ подписана собственнымъ именемъ князя Николая, вторая псевдонимомъ Драго Драговичъ, который, по слухамъ, принадлежитъ князю. Сравненіе этихъ пѣсенъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что обѣ принадлежатъ одному и тому же перу.

I.

Выпьемъ! Выпьемъ для разгула!
Вѣкъ нашъ кратокъ,—юность май
Нашей жизни. Заряжай
Пистолетъ—и пафъ изъ дула *)!
То—земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

—

Здравъ и ты съ народомъ буди,
Брате! Пей, пока въ гульбѣ
Не покажутся тебѣ,
Словно мошки, мелки люди!
То—земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

—

Будь для насъ примѣромъ, Марко—
Королевичъ нашъ!—О, да!
Кровь у серба молода:
Вспыхнетъ—небу станетъ жарко!
То—земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

—

Брате! Винными парами
Отумянясь, не забудь,
Что пятой жметъ турокъ грудь
Царства дивнаго большаго!
То—земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

—

Хоть бы сгинулъ всякъ живущій —
Призренъ **) будетъ нашъ постой.
Се—престолъ въ немъ золотой!
Буди здравъ, нашъ царь грядущій!
То—земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

—

*) У сербовъ въ обычаѣ стрѣлять изъ пистолетовъ и ружей при всѣхъ торжественныхъ и пирныхъ случаяхъ.

**) Поэтъ въ воображеніи своемъ видитъ золотой тронъ сербскихъ царей въ Призренѣ (нынѣ — въ старой Сербіи) и пьетъ за здравіе будущаго сербскаго царя.

Беги *) сербовъ попирали,
Какъ подножныхъ червяковъ;
Но—мы доблестны,—и кровь
Ихъ вкусить намъ не пора ли?
То—земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

—

Начинателю мы сѣчи
Пьемъ во здравье — а потомъ
Вмѣстѣ вновь еще попьемъ
Какъ до стѣнъ достигнемъ Печи **).
То—земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

—

На Дечанской ***) колокольнѣ
Грянь лишь звонъ, да сербскій стягъ
Водрузись тамъ,—радъ бы всякъ
Въ битвѣ міръ покинуть дольній!
То—земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

—

Выпьемъ, братья, для разгула!
Нашей жизни близокъ край.
За народъ кто палъ, тѣмъ—рай.
Веселѣе—пафъ изъ дула!..
То—земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

II.

Туда! Туда!
Туда! Туда!—Шагнемъ за эти горы,
Гдѣ моего царя расхищенъ дворъ,
Гдѣ нѣкогда, какъ сказываютъ люди,
Былъ вечевой юнакъ *) нашихъ сборъ.
Туда! Туда!—Да Призренъ я увижу!
Тамъ все мое: туда приду — домой.
Туда влекомъ я стариною милой:
Войдти жъ туда мнѣ надо—черезъ бой.

—

Туда! Съ развалинъ царскаго чертога
Скажу врагу: отъ крова моего
Прочь ты чума, Скопилось долгу много:
Пришла пора мнѣ—выплатить его.
Туда! Туда! за этими горами
Есть, говорятъ, цвѣтущій, свѣтлый рай
Съ Дечанскими священными стѣнами:
Молитва тамъ — душѣ даруетъ рай!

—

Туда! Туда! За выси тѣ крутыя,
Гдѣ небо въ сводъ скруглилось голубой!
На сербскія долины боевыя,
О братія, мы путь направимъ свой!
Туда! Туда! за этими горами
Насъ кличетъ Югъ **)—герой маститый нашъ:
«Сюда! ко мнѣ»—растоптанный конями
Взываетъ онъ:—«месть — долгъ священный вашъ».

—

Туда! Туда!—И на турецкихъ ребрахъ
Мы иззубримъ сталь сабли боевой
За ребра старца—Юга! Тою жъ саблей
И цѣпи бѣдной раии ***)—съ рукъ долой.
Туда! Туда! за этими горами
Гробъ Милоша ****) мы, говорятъ, найдемъ...
И миръ душевный обрѣтется нами
Тогда, какъ сербъ не будетъ ужъ рабомъ!

В. Бенедиктовъ.

---

*) Беги—турецкіе помѣщики. Притѣсненія, которыя терпѣли отъ беговъ сербы. были причиною возстанія ихъ при Георгіѣ Черномъ.

**) Поэтъ вспоминаетъ Печь или Ипекъ (также въ ст. Сербіи) — мѣсто, бывшее резиденціею сербскихъ патріарховъ.

***) Дечанскій монастырь (въ ст. Сербія) построенъ царемъ Стефаномъ въ началѣ XIV столѣтія. Извѣстно, что турки запрещаютъ христіанамъ вѣшать колокола на церковныхъ колокольняхъ и звонить.

*) Юнаки—храбрецы, удальцы.

**) Югъ-Богданъ — герой паденія сербскаго царства, павшій вмѣстѣ съ своими девятью сыновьями на Косовомъ полѣ (1.89 г.).

***) Раія собственно значитъ „стадо". Такъ называютъ безправныхъ христіанъ, на которыхъ мусульмане смотрятъ, какъ на стада животныхъ.

****) Милошъ Кобиличъ—герой эпохи паденія сербскаго царства.

1672. Пѣсни русскаго народа, собранныя И. Сахаровымъ. Санктпетербургъ, въ типографіи Сахарова. 5 томиковъ. — Въ 16 д. л., съ однимъ рисункомъ.

Пять небольшихъ и довольно рѣдкихъ книжекъ, содержащихъ въ себѣ народныя пѣсни, собранныя И. Сахаровымъ со словъ простолюдиновъ. Въ предисловіи сего изданія, авторъ говоритъ:— «Предпринимая изданіе русскихъ пѣсенъ, я сознавалъ всю важность своего предпріятія, постигалъ всю отвѣтственность предъ просвѣщенными соотечественниками. Было время, когда съ восторгомъ вслушивался въ напѣвы русскихъ пѣсельниковъ, когда съ жадностію записывалъ русскія пѣсни со словъ простолюдиновъ, — тогда я былъ покоенъ, тогда я дѣлалъ для себя. Теперь совсѣмъ не то. Съ отпечатаніемъ пѣсенъ, я дѣлаюсь посороннимъ человѣкомъ, съ покорностію ожидаю приговора за свои труды отъ знатоковъ и безграмотныхъ людей, такова участь издателей». Далѣе авторъ говоритъ «все, что было мною собрано въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ русской земли, составило обширное собраніе русскихъ пѣсенъ. Это—то собраніе рѣшаюсь теперь издать».

Пѣсни русскаго народа, сообразно народнымъ принаровленіямъ въ своей жизни, раздѣляются на двѣнадцать отдѣленій: 1) пѣсни святочныя, 2) хороводныя, 3) свадебныя, 4) праздничныя, 5) историческія, 6) удалыхъ людей, 7) военныя, 8) казацкія, 9) плясовыя, 10) колыбельныя, 11) сатирическія, 12) семейныя.—При каждомъ отдѣленіи будутъ помѣщены примѣчанія, объясняющія мѣстность русскихъ обычаевъ и значеніе словъ. Варіанты пѣсенъ, указывающія на разнорѣчія одной и той-же пѣсни. Указанія на русскія мѣстности, гдѣ именно какая пѣсня была записана; сравненіе русскихъ пѣсенъ съ сербскими, богемскими, галицiйскими, малорусскими, ново-греческими. Важность русскихъ пѣсенъ налагала на издателя многія обязанности, самыя необходимыя, нужныя; таковы: обозрѣнія народной жизни, мѣстныхъ нарѣчій,—оставляя это до другого времени, издатель взамѣнъ предлагаетъ отдѣльныя описанія «русскія святки, народные хороводы, свадьбы, народные праздники, жизнь волжскихъ удальцовъ».

См. стр. 119.

Еще на небѣ
Да двѣ радуги,—
Какъ у нашего хозяина
Двѣ радости.
Еще первая радость—
Сына женилъ
А другая-то радость—
Дочь замужъ отдалъ
Еще за сыномъ
Корабли бѣгутъ;
А за дочерью
Сундуки везутъ.

Это весьма любопытное сочиненіе, замѣчательнаго нашего изслѣдователя русской археологіи Ивана Петровича Сахарова, заключаетъ въ себѣ русскія пѣсни, записанныя со словъ простолюдиновъ.—Это изданіе давно распродано и сдѣлалось въ настоящее время библіографическою рѣдкостію.—Купленъ мною экземпляръ за 18 рублей.

1673. Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы обществомъ любителей русской словесности. Москва, въ типографіи А. Семена, 1860 года, 8 д. л., 7 выпусковъ.—1 вып. 94 + XXXIV, 2 вып. 96 + XXVI. 3 вып. 124+XXXVI, 4 вып. 138+CXCIV, 5 вып. 190+CXVIII, 6 вып. 212 стр., 7 вып. +214 + XV стр.

Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ, въ настоящее время составляютъ, можно сказать, библіографическую рѣдкость, а потому для большинства — недоступны. Между тѣмъ, въ этой книгѣ помѣщено интересное предисловіе коммиссіи отъ общества любителей россійской словесности, которое нахожу не лишнимъ привести здѣсь.

По мысли, руководившей постоянно П. В. Кирѣевскимъ, коммисія, издающая нынѣ сборникъ его пѣсенъ, не ограничивается тѣмъ, что нашла въ бумагахъ покойнаго, но присоединяетъ сюда въ пополненіе и другія пѣсни изъ печатныхъ изданій, а гдѣ нужно, въ приложеніяхъ къ выпуску, помѣщаетъ сказки, историческія показанія, преданія и т. п.

Изданіе должно-бы собственно начинаться народными стихами, или духовными пѣснопѣніями народа, но они помѣщены уже были самимъ собирателемъ, 1848 года, въ № 9-мъ чтеніи общества исторіи и древностей россійскихъ, а дополнительная тетрадь къ нимъ, заключавшая разнорѣчія (варіанты), къ сожалѣнію, доселѣ числится

потерянною. Потому, въ настоящемъ случаѣ является:

Отдѣлъ I-й. Пѣсни былевыя (называемыя у насъ также былинами, побывальщинами, старинами и т. д.): то есть сперва богатырскія, и затѣмъ историческія въ тѣсномъ смыслѣ, заканчивающіяся особыми пѣснями — безымянными, о безымянныхъ витязяхъ и молодцахъ, удальцахъ и разбойникахъ.

1-й выпускъ этого отдѣла, изъ времени Владимірова,—Илья Муромецъ, богатырь-крестьянинъ.

Всѣ пѣсни сюда вошедшія, при которыхъ нѣтъ замѣтки о заимствованіи изъ какого либо прежняго печатнаго изданія, принадлежатъ сборнику П. В. Кирѣевскаго. Когда онѣ вошли въ него, какое занимали мѣсто въ его составѣ, въ какомъ найдены видѣ, и тому подобные вопросы рѣшены будутъ впослѣдствіи, по окончаніи настоящаго изданія и при обозрѣніи всего сборника, тѣмъ болѣе, что самъ уже собиратель предложилъ общія свѣдѣнія по этому дѣлу въ предисловіи къ отпечатаннымъ стихамъ (въ чтеніяхъ) и во вступленіи къ былевымъ пѣснямъ, которыя мы помѣстили вслѣдъ за симъ.

Все, что записано или переписано собственною рукою П. В. Кирѣевскаго, или же носитъ явные слѣды его пересмотра, все то отпечатано съ буквальною точностію, въ самомъ даже правописаніи и въ знакахъ препинаніи. Не простирая никакого притязательнаго права на то, что вышло уже готовымъ изъ рукъ самаго собирателя, настоящее изданіе удовольствовалось только тѣмъ, что дозволило себѣ, въ текстѣ такихъ пѣсенъ, отдѣлить иногда красную строку, или же поставить въ скобкахъ тѣ стихи, которые явно внесены въ пѣсню позднѣе или нейдутъ къ ея собственному составу.

Всѣ замѣчанія П. В. Кирѣевскаго, прибавленныя къ пѣснямъ, оставлены также неприкосновенными, съ отмѣткой: Замѣтки П. В. Кирѣевскаго.

Въ замѣнъ того, при остальныхъ пѣсняхъ изъ сборника и другихъ печатныхъ изданій, языкъ, разумѣется, удержанъ въ точности, но правописаніе, раздѣленіе стиховъ и т. п., въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣнено по усмотрѣнію.

Примѣчанія печатныхъ изданій, какія, въ полномъ или сокращенномъ видѣ, сочтены необходимыми или важными, удержаны всѣ съ отмѣткой: Прим. I-го изданія.

Всѣ остальныя соображенія касательно текста, состава, пѣсенъ, языка и т. п., принадлежащія настоящему изданію, отмѣчены буквою О (общество Л. Р. Сл.).

При всѣхъ вообще пѣсняхъ принято въ началѣ ихъ, въ скобкахъ, отмѣчать мѣстность, гдѣ онѣ записаны (за исключеніемъ сборника Кирши Данилова или др. россійск. стихотвореній, извѣстныхъ всякому по ихъ печатному изданію), а въ концѣ—кѣмъ записано, доставлено, или гдѣ передъ тѣмъ напечатано. — Гдѣ же, изъ сборника П. В. Кирѣевскаго, нѣтъ этихъ отмѣтокъ, о тѣхъ пѣсняхъ высказаны будутъ объясненія впослѣдствіи, при обзорѣ состава цѣлаго сборника.

Если разнорѣчія не нарушаютъ цѣлости пѣсни, а напротивъ дѣлаютъ ее отдѣльнымъ и особымъ цѣлымъ, въ такомъ случаѣ пѣсни оставлены въ ихъ видѣ и помѣщены въ послѣдовательномъ порядкѣ одна за другою, по мѣрѣ ихъ сродства, хотя бы самаго близкаго. Сводить же разнорѣчія изъ нѣсколькихъ пѣсенъ къ тексту одной главной, принято тамъ лишь, гдѣ вся разница ихъ въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ словахъ и оборотахъ. Въ настоящемъ выпускѣ напечатана въ семъ послѣднемъ видѣ одна лишь пѣсня 7-я, въ разрядѣ II-мъ, тѣмъ болѣе, что она сведена уже изъ разнорѣчій въ бумагахъ собирателя *).

Правила, здѣсь изложенныя, приняты не только для предлежащаго выпуска, но и для всего послѣдующаго изданія.

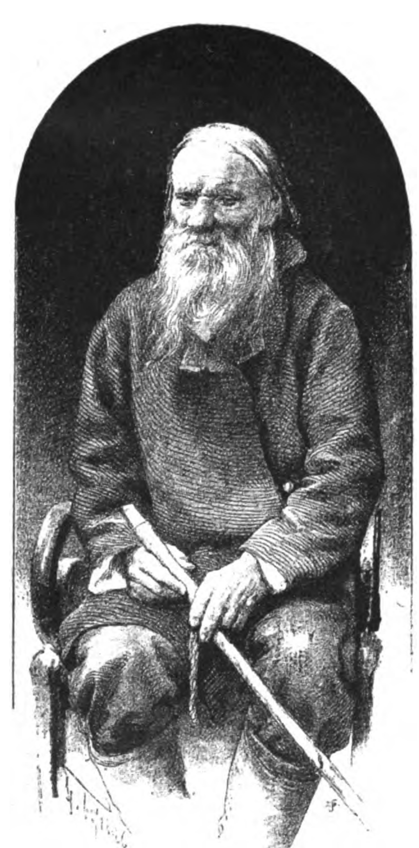
Порядокъ, въ которомъ размѣщены одна за другою пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ, и самыя основанія этого порядка, объяснены на концѣ выпуска, послѣ приложеній, въ особой замѣткѣ.

1674. Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. 4 части, Москва, въ типографіи А. Семена, 1861 года.—Въ 8 д. л. Часть 1-я—488+XXIII, часть 2-я—354+CCCLXXI часть 3-я—460+LXXI, часть 4-я — 272+LXX+13 стр.

Книга посвящена авторомъ П. Н. Рыбниковымъ Московскому обществу любителей россійской словесности отъ имени покойнаго его предсѣдателя

*) Въ сводъ не внесены только ничтожныя разнорѣчія, вѣрно или нѣтъ прибавленныя къ пѣсни въ Московскомъ телеграфѣ 1827 г., № 23, стр. 108, 109.

А. С. Хомякова, а затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько словъ отъ издателя, гдѣ между прочимъ говорится, что П. Н. Рыбниковъ пользовался особенною пріязнію и справедливымъ уваженіемъ со стороны Алексѣя Степановича Хомякова: въ своихъ переходахъ изъ Москвы въ губернію Черниговскую, изъ Черниговской въ Пермскую и оттуда въ Олонецкую, обратившись къ изученію простаго русскаго народа въ его неподдѣльномъ творчествѣ, собиратель предлагаемыхъ пѣсенъ, движимый естественнымъ чувствомъ, прислалъ первые плоды трудовъ своихъ первому тому, кто умѣлъ цѣнить всякое живое направленіе молодости, и, согрѣвая ее сочувствіемъ, успѣвалъ превращать всякую истинную жизнь молодаго развитія въ жизнь направленія русскаго. Получивши первыя тетради собранія пѣсенъ, А. С. Хомяковъ, выразилъ непремѣнное намѣреніе издать ихъ отъ себя и посвятить Московскому обществу любителей россійской словесности, которому онъ какъ предсѣдатель, подарилъ послѣднее время своей сочувственной дѣятельности.

Рябининъ, слѣпой пѣвецъ былинъ.

Съ рис. П. П. Бореля.

Собраніе обогащенное изученіемъ трехъ отдаленныхъ русскихъ областей, мало по малу возросло до значительнѣйшихъ размѣровъ.

Часть 1-я и 2-я, народныя былины, старины и побывальщины, часть 3-я народныя былины, старины, побывальщины и пѣсни. I. Время до Владиміра. Богатыри старшіе. Часть 4-я—Народныя былины, старины, сказки, повѣрія, суевѣрія и заговоры, и т. п.

Самый капитальный трудъ въ области собранія народнаго былиннаго эпоса. Пѣсни собранія П. Рыбникова давно сдѣлались библіографическою рѣдкостію. Купленъ мною экземпляръ за 25 рублей въ хорошемъ видѣ.

1675 Пѣсни народныя Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ѳ. Головацкимъ. 3 части. Изданіе Императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. Москва, (М. Каткова). 1878 года.—Въ 8 д. л., съ рисунками.

Въ первой части: Карпатская Русь. Географическо-статистическіе и историко-этнографическіе очерки Галичины, сѣверо-восточной Угріи и Буковины.

Во второй части: обрядовыя пѣсни, которыя поются при общественныхъ праздникахъ и увеселеніяхъ.

Въ третьей части: пѣсни былевыя, воспѣвающія дѣянія народныя, казацкія.

Изданіе украшено множествомъ рисунковъ изъ народнаго быта.

1676. Пѣсня въ честь Ерофеича. Москва, въ типографіи армянскаго института гг. Лазаревыхъ. 1829 года. — Въ 8 д. л., 4 стр.

Это — юмористическое сочиненіе, воспѣвающее извѣстную настойку, изобрѣтенную Ерофеичемъ.

Настоящая брошюрка была напечатана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и въ продажу не поступала, почему теперь принадлежитъ къ числу рѣдкихъ.

См. «Послѣдніе матеріалы для библіографіи или описаніе книгъ, находящихся въ библіотекѣ Якова Березина-Ширяева», стр. 229-я; сказано: — «брошюрка довольно рѣдкая».

Головацкій, Яковъ Θедоровичъ.

Одинъ изъ выдающихся дѣятелей Галицкорусскаго возрожденія. Род. 1814 г., ум. 1 мая 1888 г.

1677. «Пѣснь, его же отъ моря каспійскаго съ побѣдою надъ Дербеню и прочіими грады возвращающагося Августѣйшаго Всероссійскаго Імператора отца отечества Петра Великаго, милостивѣйшаго своего Государя и фундатора въ торжественномъ въ его імператорскій градъ Москву вхожденіи, привѣтствоваше академія московская 1722 года декабря 18 день».—Въ 4 д. л., 4 стр. (Безъ означенія года и мѣста печати).

См. «Опытъ россійской библіографіи» Василія Сопикова за № 92, сказано: «брошюра очень рѣдкая».—У Пекарскаго № 528.

1678. Пѣснь торжественная о состоявшейся оружія тишинѣ съ краткимъ изъясненіемъ Хотинской баталіи въ прославленіе преславнаго имени всепресвѣтлѣйшія державнѣйшія великія Государыни Императрицы Анны Іоанновны, самодержицы всероссійской и прочая, и прочая, и прочая, сочиненная чрезъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка каптенармуса Петра Суворова, въ Спб. 1740 года.—Въ листѣ 8 стр.

Изданіе это въ настоящее время считается весьма рѣдкимъ.

См. «Отчетъ Императ. Публичн. Библіотеки» за 1863 годъ, стр. 80-я.

1679. Пѣснь поютъ всероссійскому земному божеству Екатеринѣ второй всѣ села, грады, страны и блаженствующіе въ нихъ разные народы въ день торжества мира съ Оттоманскою Портою. 1799 года, сентября 2 дня. Сочинилъ Александръ Перепечинъ. Въ градѣ Св. Петра. Печатано въ Императорской типографіи, 1793 года.—Въ 8 д. л., 5+35 стр.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры этого изданія принадлежатъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

См. «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1875 г., стр. 83».

1680. Пѣснь. пѣтая русскимъ гренадеромъ въ Парижѣ французскому нищему ветерану въ отвѣтъ Le souviens-tu?—Въ 8 д. л. 4 нен. стр.

Объ этомъ весьма рѣдкомъ и любопытномъ изданіи см. «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки» за 1870 годъ, стр. 134-я, гдѣ сказано, что пѣснь эта сочинена генералъ-маіоромъ княземъ Александромъ Сергѣевичемъ Голицынымъ († въ 1858 г. въ г. Калишѣ), бывшимъ калишскимъ военнымъ начальникомъ, и напечатана безъ цензурнаго пропуска, вѣроятно въ Ленчицѣ, уѣздномъ городѣ Калишской губерніи.

Въ концѣ стихотворенія посвященіе: «Моему другу Николаю барону Бистрамбу (то есть: Бистрому) Александръ князь Голицынъ 5. Отъ скуки при рекрутскомъ наборѣ 22 сентября (4 октября) 1849 года. Въ г. Ленчицѣ».

Эта брошюра въ настоящее время принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

1681. Пѣснь, сочинена въ Гамбургѣ къ торжественному празднованію коронаціи Ея Величества Государыни Императрицы Анны Іоанновны Самодержицы Всероссійской, бывшему тамо августа 10 по новому исчисленію 1730 г.

Въ концѣ чрезъ студента Василія Тредьяковскаго въ верху, непосредственно послѣ заглавія, напечатана положенная на музыку первая строфа пѣсни, помѣщенной въ сочиненіяхъ Тредьяковскаго, изданіе А. Смирдина. С.-Петербургъ, 1849 г., т. III, стр. 735.

1682. Пятидесятилѣтній юбилей Петра Андреевича Каратыгина 1823 — 1873. Санктпетербургъ, въ типографіи Краевскаго. 1873 года.—Въ 16 д. л., 21 стр.

Подробное описаніе этого юбилея было помѣщено въ «Голосѣ»—№ 64, а отдѣльные оттиски пятидесятилѣтняго юбилея Петра Андреевича Каратыгина были напечатаны въ самомъ маломъ количествѣ экземпляровъ, и въ продажу не поступали, почему теперь составляютъ рѣдкость.

Вольтеръ, Франсуа-Мари-Аруэ.

Знаменитый литературный дѣятель XVIII в. Род. въ 1694 г. въ Парижѣ, ум. 30 мая 1778 г.

1683. 15 лѣтъ крамолы. 4 апрѣля 1866— 1 марта 1881 г. Составилъ Ѳедоръ Гиляровъ. Томъ I—часть первая (единственная).—Москва. Русская типографія 1883 года.—Въ 8 д. л., XVI+324.

Эта книга очень любопытна по своему содержанію, заключающемуся въ послѣдовательномъ изложеніи тѣхъ событій государственной жизни, которыя въ свое время такъ сильно волновали умы современнаго общества. Въ настоящемъ трудѣ авторъ даетъ полную и правдивую картину русской революціонной пропаганды въ имперіи, въ періодъ времени 1866—1881 гг.

Чтобы дать читателю болѣе наглядное представленіе объ этомъ сочиненіи, я привожу здѣсь полную перепечатку предисловія автора, въ которомъ послѣдній говоритъ, что:

«Лѣтопись крамольнаго движенія начата и складывалась подъ ужаснымъ впечатлѣніемъ позора 1 марта 1881 г.

Когда освобожденная, преобразованная и просвѣщенная Русь пятналась государственными преступленіями, оскверняла;ь цареубійственными посягательствами и наконецъ такъ страшно была потрясена мученическою кончиною Великаго Царя Освободителя, общественная мысль робко и внимательно остановилась на отдѣльныхъ политическихъ преступленіяхъ, съ ужасомъ и омерзѣніемъ

слѣдила за каждымъ порознь цареубійственнымъ покушеніемъ и, оцѣпенѣлая, замерла въ первые дни марта.

Если даже прокуратура за всѣ 15 лѣтъ такъ часто обнаруживала слабое знакомство съ исторіею опасной болѣзни, удивительно ли, что періодическая печать потеряла голову послѣ 1-го марта? Предъ нею грозно ощетинилось безпредѣльно чудовищное и неимовѣрно гнусное злодѣяніе, настойчиво призывавшее всѣхъ насъ къ отвѣту. И были отвѣты... Но и въ искреннихъ патріотическихъ изліяніяхъ даже доселѣ по большей части слышатся только благонамѣренныя общія мѣста. Этого мало: не пытаясь раскрыть причины крамолы, не изслѣдуя и преступные факты, иные, даже въ печати, стали производить дознанія надъ неповинными, благодѣтельными и славными преобразованіями минувшаго царствованія. Уличалось все: крамольна школа, крамольно самоуправленіе, крамоленъ судъ, крамольна литература, крамольна печать, крамольно все общество. Но за то и сами обвинители въ свою очередь изобличались въ измѣнѣ.

Въ этомъ шатаніи мысли, въ этомъ водоворотѣ взаимныхъ подозрѣній и обвиненій, страшныхъ и преступныхъ, настоятельно требовалось опознаться: что же наконецъ крамола и не крамола? гдѣ предѣлъ между честною мыслью, но свободною по природѣ, и злоумышленіемъ, опаснымъ свободѣ другихъ? гдѣ граница между дѣломъ добрымъ и злодѣяніемъ? Эта потребность опознаться и подвигла автора къ настоящему труду, служащему какъ бы отвѣтомъ на незабвенныя любвеобильныя слова покойнаго Монарха, обращенныя имъ ко всѣмъ намъ въ Москвѣ 20 ноября 1878 года: «Я надѣюсь на ваше содѣйствіе, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь». Вспоминать ли и иныя обращенія Царя-Мученика къ обществу, а равно и неоднократныя правительственныя призыванія къ тому всѣхъ насъ?

Пишемъ не исторію: еще не скоро скажетъ она свое холодное слово; ведемъ только документальную лѣтопись событій, съ болью пережитыхъ всѣми нами, скорбными современниками, если не всегда спокойную, все же безъ предвзятой мысли, безъ ломки и пригибанія фактовъ направо или налѣво.

Здѣсь 15-лѣтній періодъ самъ собою рѣзко очерчивается преступнымъ покушеніемъ 4 апрѣля 1866 года и страшнымъ злодѣяніемъ 1-го марта 1881 года. Обзоръ не поднимается выше, къ самымъ источникамъ крамолы, взявъ началомъ первое ея преступное проявленіе, тѣсно сцѣпленное со всѣми ея звеньями послѣдовавшаго затѣмъ пятнадцатилѣтія.

Ближайшими источниками крамолы представляются между прочимъ искры польскаго пожара 1863 года, внутренняя и внѣшняя интрига, журнальная нигилистическая агитація конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, съ ея проповѣдью атеизма и матеріализма въ расшатанной семьѣ, подстрекательство русскою эмиграціонною печатью и руководительство международною ассоціаціею рабочихъ. А лучшею здѣсь почвою были при полусвободѣ печати и крайнее оскудѣніе дворянства, и стѣсненіе духовенства ограниченіемъ приходовъ, оба сословія съ сыновьями, надѣленными отъ школъ волчьими паспортами, и съ дочерями, сбитыми съ толку теоріями «женскаго вопроса», да среди невѣжества и полуобразованія нагло, гордо и жадно изъ перегноя крѣпостнаго права возвышающая свою голову надъ обѣднѣвшимъ крестьянствомъ ожирѣвшая и спекулирующая плутократія, протягивающая руку размножившейся и усилившейся еврейщинѣ, этому международному элементу, представителю капитала въ старомъ и соціализма въ молодомъ своемъ поколѣніи. А правительство? а администрація? а общественныя учрежденія? Ни защиты, ни обвиненія ихъ не беремъ на себя; но ошибки ихъ, неизбѣжныя при крутомъ поворотѣ русской жизни, едва ли принесли болѣе вреда, чѣмъ эта огульная критика всѣхъ правительственныхъ дѣйствій, всѣхъ административныхъ распоряженій, всѣхъ общественныхъ учрежденій, это обратившееся въ безсознательную привычку развинчиваніе всего ради только искусства развинчивать.

Обзоръ нашъ не касается также и современной европейской соціалистической литературы, этого несомнѣнно главнѣйшаго родника пропаганды у насъ: отсюда пришлось бы прямо спуститься къ эмиграціонной и къ подпольной печати, что едва ли своевременно. Впрочемъ предмѣтъ нашей лѣтописи не ученія тамъ, а дѣянія здѣсь.

Отсюда кругъ фактовъ, подлежавшихъ обозрѣнію, опредѣлился понятіемъ политическаго престу-

пленія, судомъ или администраціею признаннаго за таковое. Но здѣсь, въ области административныхъ распоряженій, равно какъ судебныхъ процессовъ, лѣтопись всячески остерегается не только оправданія виновныхъ, осужденія невинныхъ, но и вообще судейской или полицейской постановки дѣла, лѣтописцу совсѣмъ неприличной.

Ожидаемъ возраженій противъ односторонности труда лишь по обнародованнымъ документамъ. Но это уже не наша вина. Впрочемъ, при значительномъ числѣ «правительственныхъ сообщеній», при широкой гласности политическихъ процессовъ и громадности разнаго газетнаго матеріала, едва ли какіе-либо новые документы, думается намъ, добавили бы много существеннаго. А подпольной печати и довѣрять трудно, съ ея злословіемъ и бранью, достояніемъ развѣ только прокурорскаго надзора, а не лѣтописнаго изложенія. Что весьма важно и, къ сожалѣнію, не доступно современному обозрѣвателю. Впрочемъ, если бы даже и были доступны какія-либо не обнародованныя свѣдѣнія, едва ли было бы умѣстно ими пользоваться: теперь подобный трудъ только и возможенъ «по обнародованнымъ документамъ», ибо вообще крайне щекотливо составлять обзоръ современныхъ дѣяній, даже оцѣненныхъ судомъ или администраціею. Не безъ тяжелаго чувства приходилось намъ подчасъ называть имена нѣкоторыхъ, и такъ уже горько поплатившихся за грѣхи юности и невѣдѣнія Но «изъ пѣсни слова не выкинешь».

Между тѣмъ даже и одни обнародованные документы составляютъ весьма значительный матеріалъ. Это законодательныя мѣры, Высочайшія повелѣнія, правительственныя распоряженія, правительственныя сообщенія, мѣстныя административныя мѣры, судебные отчеты, газетныя корреспонденціи, руководящія статьи и т. д. до отзывовъ иностранной печати.

Лѣтопись наша начата съ немногихъ періодическихъ изданій, но съ каждымъ годомъ число ихъ возрастаетъ. Пересматривать всѣ газеты, особенно за первыя десять лѣтъ, не казалось необходимымъ: пять-шесть большихъ ежедневныхъ изданій, различнаго и даже иныя противоположнаго направленія, не могли, особенно на первыхъ порахъ, опустить сколько-нибудь выдававшагося факта или соображенія, напечатаннаго у собрата; а обозрѣть 15 лѣтъ хотя бы только по четыремъ ежедневнымъ изданіямъ—это значитъ пересмотрѣть около 22,000 листовъ.

Настоящимъ обзоромъ окончательно устанавливается печальный фактъ существованія у насъ одной и той же, по крайней мѣрѣ за 15 лѣтъ, соціалистической партіи самаго крайняго направленія съ развѣтленіемъ ея на двѣ фракціи—пропагандистовъ и террористовъ еще современъ Каракозовщины. Однѣ и тѣ же преступныя идеи разрушенія всего существующаго общественнаго и государственнаго строя проповѣдывались 15 лѣтъ сряду; одними и тѣми же пріемами пользовались пропаганда и терроръ—отъ студенческихъ исторій до хожденія въ народъ, отъ фальшивыхъ паспортовъ и шифровъ до кинжаловъ, револьверовъ, динамита и курарє; однѣ и тѣ же преступныя цѣли намѣчались—отъ освобожденія Чернышевскаго до цареубійства. Даже и сами дѣятели непрестанно сознавали свою солидарность, причемъ позднѣйшія поколѣнія иногда прямо называли себя кощунственно продолжателями «святаго дѣла Каракозова».

Вслѣдствіе правительственныхъ мѣръ не разъ рѣдѣли крамольные ряды, но кадры ветерановъ, рецидивистовъ постоянно пополнялись новобранцами, революціоннымъ мясомъ, обильно послѣ студенческихъ исторій нароставшимъ на скелетъ крамолы, а потомъ черпаемымъ и гдѣ попало. Отсюда то на протяженіи 15 лѣтъ то и дѣло встрѣчаемся съ одними и тѣми же дѣятелями, связанными съ предшественниками, современниками и послѣдователями, помимо единства убѣжденій, цѣлей и средствъ, узами родственными и дружественными. Это съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе наслоявшееся и смыкавшееся единство лицъ, образовавшее какъ бы стволъ крамольнаго древа, лучше всего убѣждаетъ въ длившемся одномъ и томъ же заговорѣ. Этотъ клубокъ, это ядро крамольныхъ дѣятелей, помѣщаемъ во 2-ой части 1-го тома, въ таблицѣ, сопровожденной особымъ поясненіемъ.

Нигилизмъ имѣетъ свою 20-лѣтнюю исторію, а взгляды на него остаются, по большей части, старые. Вѣрные въ свое время, теперь они получаютъ уже характеръ суевѣрія, падающаго отъ легкаго прикосновенія факта или цифры.

Такому суевѣрію преступное сообщество и сейчасъ представляется «ничтожною горстью», «незначительною шайкою». Мы, конечно, не можемъ опредѣлить даже и приблизительно число членовъ

«партіи». Но утверждаемъ, что оно постоянно возростало. Если въ 1866 году, при всѣхъ усиліяхъ гр. Муравьева, смогли привлечь къ судебной отвѣтственности за 4-е апрѣля только 34 человѣка, въ Нечаевщину видимъ болѣе чѣмъ вдвое противъ каракозовщины число подсудимыхъ.

Въ концѣ 1876 года на Казанской площади собирается демонстрація въ 200—300 человѣкъ. Между тѣмъ почти одновременно съ этимъ разбирается дѣло 50-ти московскихъ соціалистовъ, а вслѣдъ за нимъ 193-хъ, причемъ эти 50 и 193, содержась подъ стражею, не могли войти въ составъ демонстрировавшихъ на площади.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ новыя демонстраціи въ Москвѣ, Одессѣ и другихъ мѣстахъ. 1879 годъ весь занятъ арестами, судебными разбирательствами, административными ссылками. А позднѣе «Правительственный Вѣстникъ» опредѣляетъ только часть пересматриваемыхъ дѣлъ о поднадзорныхъ цифрою 1509.

Соціалисты — это мальчишки, недоучки, семинаристы, студенты, изгои. Такъ не безъ основанія утверждали нѣкогда, но «мальчишки» иные подросли, кое-кто изъ «недоучекъ» подучился, а семинаристы смѣнились и дворянами, и мѣщанами, и крестьянами; въ крамолѣ появилась еврейская струя; а рядомъ съ мужчинами выступили и женщины. И если родоначальники нигилизма вышли изъ духовнаго званія, послѣднія 15 лѣтъ не поставили на одного подсудимаго изъ духовныхъ академій. А студентовъ университета со временъ Нечаевщины мало по малу смѣняли слушатели высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, но потомъ и они уступили мѣсто лицамъ неопредѣленныхъ профессій.

Между тѣмъ уничтоженіе льготъ по образованію, возвышеніе платы за слушаніе университетскихъ лекцій, то и дѣло предлагается, какъ цѣлительное средство противъ крамолы, знахарями, забывающими, что не «изгои», не «лишніе люди», не «умственный пролетаріатъ», были эти наиболѣе выдававшіеся дѣятели и дѣятельницы: магнатъ Лизогубъ, содержавшій своимъ значительнымъ состояніемъ крамольную шайку, докторъ Веймаръ, другъ высшихъ сферъ, и эмигрантъ князь Крапоткинъ, а также генеральскія дѣти: Осинскій, Лешернъ фонъ-Герцфельдъ, Батюшкова, Армфельдъ, равно какъ мать и дочери Субботины, Перовская и многіе другіе.

Изученіе политическихъ процессовъ приводитъ насъ къ слѣдующимъ историко-статистическимъ выводамъ относительно возраста, пола, вѣроисповѣданія, народности, образованія и сословнаго различія крамольныхъ дѣятелей.

I. Возрастъ. Возрастъ нашихъ соціалъ-революціонеровъ вообще ниже 30 лѣтъ. Лѣта подсудимыхъ по Каракозовскому дѣлу намъ неизвѣстны. Средній возрастъ 1-й группы нечаевцевъ 26 лѣтъ и 2-й самой многочисленной, около 23 л. 9 м. Черезъ три года послѣ нечаевщины, въ Долгушинскомъ процессѣ возрастъ подсудимыхъ достигаетъ 24 л. 1 м. Въ дѣлѣ Дьякова, 1875 г., спустя годъ послѣ Долгушинскаго, онъ понижается до 22 л. 10 м.; у демонстрировавшихъ на Казанской площади въ концѣ 1877 г. онъ еще ниже: 20 л. 10 м. У 50-ти московскихъ соціалистовъ средній возрастъ опять поднимается до 23 л. 9 м. Въ обвинительномъ актѣ по дѣлу 193-хъ лѣта подсудимыхъ не обозначены. Судившіеся вмѣстѣ съ Ковальскимъ въ Одессѣ террористы имѣли средній возрастъ 26 лѣтъ, а подсудимые по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи 11 февраля 1879 г. въ Кіевѣ не достигали 25 л. 9 м. Обвинявшіеся по дѣлу о покушеніи на жизнь шефа жандармовъ г. Дрентельна, гдѣ большая часть подсудимыхъ была оправдана, едва ли не старше всѣхъ: ихъ средній возрастъ 29 л. 1 м. Позднѣе въ кіевскомъ дѣлѣ Левченко (21 подсудимый), средній возрастъ достигаетъ 25 лѣтъ. Нѣсколько старше этого 20 цареубійцъ, съ своимъ среднимъ возрастомъ 27 л. 9 м.

Воспитанники высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній вообще старше студентовъ университета, а «распропагандированные» рабочіе иногда старше самихъ пропагандистовъ. Самые старые изъ подсудимыхъ 50-лѣтній каракозовецъ Шевелевъ. 41 года подпоручикъ Зундштремъ, 40-лѣтніе Прыжовъ, убійца студента Иванова, и Ольхинъ, оправданный по дѣлу Мирскаго, 39-лѣтній поручикъ Казакевичъ, 35-лѣтніе Клѣточниковъ и Златопольскій, оба они изъ числа 20 цареубійцъ, а самые младшіе 16-лѣтній Сидорацкій, рецидивистъ, и 14-лѣтняя еврейка Гуковская, приговоренная на поселеніе по дѣлу о вооруженной демонстраціи въ Одессѣ въ 1879 г. Здѣсь напрашивается одинъ выводъ:

средній возрастъ нечаевцевъ въ 1869 году, приблизительно 25 лѣтъ, а черезъ 12 лѣтъ средній возрастъ 20 цареубійцъ 27½ лѣтъ. Если бы черезъ 12 лѣтъ дѣйствовало то же поколѣніе, цареубійцы должны бы имѣть до 37 лѣтъ. И такъ не одно какое либо поколѣніе заражено было крамолою, а извѣстный возрастъ улавливался сю, что однако не мѣшало нѣкоторымъ рецидивистамъ служить связующею цѣпью между отдѣльными гнѣздами въ разныхъ мѣстахъ и на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ.

II Полъ. Первоначально выступаетъ, разумѣется, только мужескій полъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше привходитъ женскій элементъ. Это преимущественно цюрихскія студентки, а потомъ слушательницы различныхъ курсовъ, особенно акушерскихъ. Между подсудимыми по Каракозовскому дѣлу еще нѣтъ женщинъ. Впервые выступаютъ онѣ въ Нечаевщинѣ, гдѣ ихъ не болѣе 10%. Изъ 32 арестованныхъ за Казанскую демонстрацію уже 11 женщинъ. Среди 50-ти московскихъ соціалистовъ ихъ до 16-ти. Въ дѣлѣ 193-хъ даже 39 женщинъ. Между 15-ю подсудимыми по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ 11 февраля 1879 г. 6 женщинъ. Въ числѣ 20 цареубійцъ ихъ 4, не считая Перовской и Гельфманъ, осужденныхъ раньше. Уступая мужчинамъ въ численности, нѣкоторыя изъ государственныхъ преступницъ опережаютъ ихъ энергіею и революціоннымъ трудолюбіемъ. Таковы наиболѣе выдававшіяся «мадамши»: мать и дочь Субботины, Ободовская, В. Любатовичъ, Армфельдъ, Батюшкова, Летернъ фонъ Герцфельдъ, Засуличъ, и цареубійцы: Перовская, Лебедева, Иванова, Якимова, Гельфманъ, Грязнова и т. д.

III. Вѣроисповѣданіе и народность. Вѣроисповѣданіе рѣдко означается въ документахъ, а о народности и совсѣмъ умалчивается. Но все-таки можно, напримѣръ, утверждать, что ни бѣлорусское племя, ни остзейскія провинціи, ни старообрядчество, ни сектантство не занимали сколько нибудь примѣтнаго мѣста. Пожива крамолы—въ великорусскомъ и малорусскомъ племени и въ господствующемъ вѣроисповѣданіи. Изъ инородцевъ бросаются въ глаза уроженцы Кавказа, коихъ значительный процентъ въ Нечаевщинѣ и между 50-ю московскими соціалистами. Головешки польскаго пожара еще очень чадятъ; въ 60-хъ годахъ въ Каракозовщинѣ и Нечаевщинѣ, не говоря уже о Березовскомъ съ его сообщниками, тоже поляки. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше польскій элементъ прячется здѣсь за кулисы, совершенно сливаясь за границею съ нашею соціалистическою эмиграціею.

Однако и здѣсь Дмоховскій, напримѣръ, основатель сообщества вмѣстѣ съ Долгушинымъ, полякъ, равно какъ и осужденные съ Ковальскимъ Свитычъ и Студзинскій тоже поляки; полякъ и Мирскій, какъ и многіе другіе, а злодѣй, причинившій смертельныя пораненія Государю Императору, Игнатій Іоахимовъ Гриневецкій, дворянинъ Гродненской губерніи.

Евреи наоборотъ. Въ Каракозовщинѣ и Нечаевщинѣ еще не встрѣчаемъ семитической струи. Но съ допущеніемъ еврейства въ наши школы, оно занимаетъ непропорціонально выдающееся мѣсто. Въ нѣкоторыхъ процессахъ на югѣ, напримѣръ, по обвиненію въ вооруженной демонстраціи въ Одессѣ, цѣлая треть подсудимыхъ Моисеева закона, хотя нѣкоторые и съ русскими фамиліями. Юное еврейство служитъ особенно хорошимъ проводникомъ между запалами въ эмиграціи и взрывами здѣсь и преобладающее его участіе есть лучшее доказательство, что бѣда въ значительной степени только наносная. Еврейство же выставило и нѣсколько отчаянныхъ злодѣевъ, каковы: Дейчъ, Гольденбергъ, Виттенбергъ, Зунделевичъ, Цукерманъ и другіе, почти всѣ прикосновенные къ покушеніямъ на цареубійство. Но вообще крамола въ позднѣйшее время—это «смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній».

IV. Образованіе. Образованіе у большинства не высоко. Даже между «интеллигентными» процентъ окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ едва примѣтенъ, такъ что среди, напримѣръ, 193-хъ пропагандистовъ оказывается только одинъ кандидатъ университета. Также рѣдки и по другимъ дѣламъ подсудимые съ высшимъ образованіемъ. Таковы были Ткачевъ, Чайковскій, Веймаръ и очень еще немногіе. Подавляющее большинство «интеллигентныхъ»—это исключенные и исключившіеся изъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, особенно послѣ «исторій», для того и затѣваемыхъ, перелеты изъ одной школы въ другую, бродячее студенчество. Процентъ

студентовъ университета пропорціонально меньше, чѣмъ слушателей высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, изъ коихъ особенно выдавались Петровская земледѣльческая академія (по Каракозовщинѣ, Нечаевщинѣ и дѣлу 193-хъ), технологическія высшія школы, медико-хирургическая академія, ветеринарный институтъ и т. д. Студенты духовныхъ академій рѣзко отсутствуютъ, хотя не мало совращаемо было учениковъ духовныхъ семинарій. Зараза коснулась воспитанниковъ и военныхъ школъ, однако менѣе, чѣмъ гражданскихъ. Таковы, напримѣръ, поручикъ Топорковъ, юнкеры военнаго училища въ дѣлѣ 193-хъ, подпоручикъ Дубровинъ, прапорщикъ Тарховъ, поручикъ Казакевичъ, подпоручикъ Зундштремъ, лейтенантъ Сухановъ и другіе. На зарѣ крамолы почти исключительно оказывается учащаяся молодежь, но потомъ мало по малу наращается и «неинтеллигентный процентъ на интелигентный капиталъ» и примыкаютъ лица разнокалиберныхъ профессій. Изъ 34-хъ каракозовцевъ 9 студентовъ, изъ коихъ 8 слушателей Петровской академіи. Между 11-ю подсудимыми по 1-ой группѣ нечаевцевъ около половины изъ школьной молодежи, а среди 33-хъ по 2-й группѣ того же дѣла болѣе половины петровцевъ (18 человѣкъ), потомъ 8 студентовъ университета, исключенныхъ по Полунинской исторіи. Въ петербургской группѣ нечаевцевъ (19 подсудимыхъ) 14 студентовъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Между 5-ью сибиряками въ Нечаевщинѣ 4 изъ спеціальныхъ высшихъ школъ. Въ Долгушинскомъ дѣлѣ большинство тоже изъ учащейся молодежи. Изъ 8 подсудимыхъ по дѣлу Дьякова половина студенты Петербургскаго университета и медико-хирургической академіи. Въ «охотнорядской исторіи» всѣ до одного вольнослушатели техники. Но за то между подсудимыми по Казанской демонстраціи (21 подсудимый) только 5 воспитанниковъ высшихъ спеціальныхъ школъ, а въ числѣ 50-ти московскихъ соціалистовъ только 6 подсудимыхъ изъ учащейся молодежи.

Жаль, что документы не всегда ясно указываютъ школьное прошлое подсудимыхъ, часто обозначая только сословіе, какъ бы остерегаясь бросить тѣнь на то или другое учебное заведеніе. Этимъ ложнымъ стыдомъ особенно отличается обвинительный актъ по дѣлу 193-хъ. Въ немъ Желябовъ, напримѣръ, помѣченъ, какъ крестьянинъ Таврической губерніи, Ѳеодосійскаго уѣзда, деревни Сухмановки, тогда какъ онъ былъ ех-студентъ университета.

Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ выкладкахъ необходимо вообще повысить процентъ учащейся молодежи. Но несомнѣнно, что чѣмъ позднѣе, тѣмъ болѣе утрачивается студенческое участіе: террористы изъ интеллигентныхъ и не интеллигентныхъ давно уже покинули не только школьныя, но и всякія занятія, кромѣ какъ «революціонными дѣлами». Поверхностное образованіе даже выдававшихся заговорщиковъ возмѣщалось безконечнымъ фанатизмомъ и желѣзными характерами, закаленными въ одиночномъ заключеніи и нелегальномъ скитаніи.

V. Сословія. Здѣсь ограничимся указаніемъ только на два дѣла съ небольшимъ числомъ обвиняемыхъ. Если одни документы скрываютъ школьное прошлое подсудимыхъ, выставляя ихъ сословіе, то другіе, наоборотъ, таятъ сословіе подсудимыхъ, означая только школу, гдѣ обвиняемые учились. Между 50-ю московскими соціалистами дворянъ 12, изъ военныхъ разночинцевъ 5, почетныхъ гражданъ и купцовъ 2, мѣщанъ и цеховыхъ 4, крестьянъ 10, учащихся (безъ обозначенія сословій) 6. Въ дѣлѣ 193-хъ — дворянъ 77, дѣтей священно и церковно - служителей 33, изъ семей разночинцевъ гражданскихъ и военныхъ 25, потомственныхъ почетныхъ гражданъ и купцовъ 11, мѣщанъ 21, крестьянъ 16 и т д.

Въ крамолѣ создалось еще особое сословіе— эмигрантовъ. Таковы: журналисты Лавровъ и Драгомановъ, каракозовецъ кн. Черкезовъ, заводчикъ Нечаевщины Бакунинъ, одни изъ важнѣйшихъ участниковъ въ ней Ткачевъ и Засуличъ, а также князь Крапоткинъ изъ эпохи 193-хъ, Дебогоріо-Мокріевичъ, бѣжавшій съ каторги, Дейчъ, Гартманъ и многіе другіе штабъ-офицеры крамолы.

Почти два года отодвинули насъ отъ 1 марта 1881 года, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и глубже чувствуется, что у насъ, воспитавшихся и созрѣвшихъ въ прошлое царствованіе, вынуто все 1-мъ марта, отняты у насъ мы сами, вся лучшая сторона насъ самихъ, ибо все, чѣмъ выросли мы отъ Николаевскаго поколѣнія, совершено имъ, Освободителемъ и Мученикомъ. Не его ли видѣли мы останавливающимъ русскую кровь, безполезно лившуюся на разрушенныхъ бастіонахъ, на изрытой снарядами многострадальной землѣ Севастополя? Не онъ ли умиритель Кавказа, гдѣ томительно

долго лилась таже русская кровь, тамъ въ непроходимыхъ горахъ, положилъ на нашихъ глазахъ зачатки гражданственности? Не его ли рука видится и сейчасъ, снимающая оковы съ миллiоновъ рабовъ и указывающая имъ на «свободный трудъ»? Не его ли голосъ: «Милость и правда да царствуютъ въ судахъ», слышится и сейчасъ въ мѣстахъ прежняго безправiя? Не онъ ли останавливаетъ руку палача со свистѣвшимъ бичемъ, съ страшными и позорными орудiями клейменiя лица человѣческаго и предаетъ вѣчному забвенiю страшную «зеленую улицу»? Не его ли мы, люди печати, вспоминаемъ ежеминутно, пользуясь небывалою до него свободою высказывать свои мысли и благiя желанiя? И мы ли одни? И эти излюбленные люди отъ городовъ и деревень, въ думахъ и земствахъ, не ему ли тоже одолжены своимъ политическимъ бытiемъ? И этотъ солдатъ, не долго несущiй свой легкiй ранецъ въ рядахъ, пополняемыхъ по всеобщему жребiю, а не проступками и преступленiями, и этотъ профессоръ на каѳедрѣ, не боящiйся, что науку заподозрятъ въ политической неблагонадежности, и этотъ студентъ, получившiй научное образованiе и безъ ограниченiй допущенный въ храмъ науки, не ему ли и они всѣ обязаны своимъ настоящимъ бытiемъ?

И они ли только? Его видимъ въ крестьянской школѣ, среди будущаго грамотнаго русскаго народа, до него несуществовавшей. Его видимъ на далекихъ восточныхъ окраинахъ, призываемыхъ имъ къ исторической жизни послѣ 2000-лѣтней спячки. Его наконецъ видимъ въ солдатской палаткѣ, въ лазаретѣ, на склонѣ славныхъ дней, въ единовѣрной и единоплеменной странѣ, все того же провозвѣстника свободы и просвѣщенiя людямъ, поистинѣ сидѣвшимъ во тьмѣ и сѣни смертной. Да, мы потеряли самихъ себя, ибо никогда еще личная царственная дѣятельность не была столь народною.

И какъ потеряли? Какимъ-то невозможнымъ невѣроятнымъ, безпримѣрно дикимъ и безгранично позорнымъ образомъ — цѣлымъ рядомъ адскихъ посягательствъ на этого царя, на эту святыню народную, на этотъ призванный имъ къ жизни, свободѣ и просвѣщенiю народъ, на насъ самихъ, да на насъ самихъ.

Среди благодѣтельнѣйшихъ и славнѣйшихъ дѣянiй Александра II, въ самыя лучшiя минуты нашей исторiи, начинается польское возстанiе, а затѣмъ раздается первый злодѣйскiй выстрѣлъ у рѣшетки Лѣтняго сада. Глухо прозвучалъ, не вызвавъ ни тѣни отзвука. Страшное негодованiе всей русской земли скоро изгладило память о безумномъ преступленiи.

Потомъ послѣдовалъ другой выстрѣлъ, въ Парижѣ, бѣглаго повстанца. Въ этомъ увидѣли только повторенiе случайности 4-го апрѣля. Но рядомъ съ этимъ шла пропаганда какихъ-то дикихъ ученiй, которую люди умные пропускали мимо ушей, а люди ловкiе съумѣли обратить въ свою пользу. Внушалось недовѣрiе къ обществу и народу, и на почвѣ этого недовѣрiя, при равнодушiи однихъ, при неумѣлости другихъ, при излишней сообразительности третьихъ, въ теченiе полутора десятка лѣтъ создалась призрачная противоправительственная партiя. Началось преслѣдованiе этой партiи, но ощупью, не разбирая своихъ и чужихъ, такъ что даже, при безнаказанности соцiалистической печати, вызывала иногда на себя кары своею прямотою печать патрiотическая. Небывалыя легальныя хищенiя ничѣмъ не стѣснялись, а нелегальныя почти не преслѣдовались; за то шли не разборчивые аресты, взбивалась пѣна политическихъ процессовъ и въ концѣ концовъ признана была необходимою точно какая-то облава чуть не на все учащееся поколѣнiе за чтенiе и распространенiе бездарнѣйшихъ произведенiй потаенной литературы, являющейся всегда и вездѣ только ядовитымъ послѣдствiемъ стѣсненiя печати явной.

Среди мирнаго настроенiя общества, зараженнаго соцiализмомъ менѣе, чѣмъ какая либо изъ европейскихъ странъ, 37 губернiй, не лишенныхъ шелопаевъ, начитавшихся глупѣйшихъ книженокъ и вздумавшихъ распространять ихъ «въ народѣ», объявлены были зараженными противообщественною язвою. И въ то время, когда за рубежемъ проливалась русская кровь за освобожденiе братьевъ, дома созидался громадный политическiй процессъ, по которому (цифры беремъ изъ печатнаго правительственнаго документа) было привлечено къ дознанiямъ 770 человѣкъ, изъ коихъ 612 мужчинъ, 158 женщинъ, подъ стражею было 265, на свободѣ съ принятiемъ другихъ мѣръ 452 и неразысканныхъ 53. Взбудоражено было конечно еще гораздо больше. Въ обществѣ послышался болѣзненный стонъ... Правда, лишь 1/4, именно только

193 человѣка, были посажены на скамью подсудимыхъ, а судъ и большую часть изъ нихъ оправдалъ. Но они уже просидѣли годы въ тяжкомъ одиночномъ заключеніи, но они уже административно высланы, но они уже бѣжали изъ ссылки.

Такъ наслаивалась одна ошибка на другую, и въ концѣ концовъ, послѣ этого политическаго процесса, умѣстнаго только въ странѣ, цѣликомъ охваченной революціею, чего и тѣни у насъ не было, сложилась не мнимая, а уже дѣйствительная фракція террористовъ, имѣвшая до того времени, какъ и вездѣ теперь въ Европѣ, лишь нѣсколькихъ злодѣевъ, разбросанныхъ на разстояніи десятка лѣтъ.

Тотчасъ послѣ процесса 193-хъ бунтари устремляются путемъ Вѣры Засуличъ терроризовать правительство, на что власть отвѣчаетъ смертными казнями и другими строжайшими мѣрами, рѣзкна сей разъ отдѣляя революціонную партію отъ русскаго общества. Въ партіи возникаетъ расколъ: чернопередѣльцы почти готовы выдать террористовъ, ибо репрессаліи въ равной мѣрѣ касались и террора, и мирной пропаганды соціалистическихъ идей, Неудачная попытка въ Зимнемъ дворцѣ, быть можетъ была бы послѣднимъ террористическимъ фактомъ; но тутъ случился внезапный поворотъ, убѣдившій и чернопередѣльцевъ, и партію Народной Воли, что терроризація можетъ имѣть успѣхъ. Съ этихъ поръ расколъ въ партіи, повидиму, уничтожается; пропагандисты переходятъ на сторону террора, а террористы обращаются прямо въ цареубійцъ. И вотъ «правительственное сообщеніе» по дѣлу о 20-ти цареубійцахъ раскрываетъ предъ нами какую-то непроглядную бездну преступленія: прежде мы видѣли рецидивистовъ - террористовъ, теперь указали намъ шайку, поставившую себѣ спеціальностію цареубійство, причемъ каждый изъ этихъ невиданныхъ злодѣевъ и злодѣекъ оказался запятнаннымъ нѣсколькими цареубійственными посягательствами. Злодѣйство превзошло «число и мѣру, и предѣлы». По пути злодѣянія некуда уже сдѣлать шагу.

А мы теперь, послѣ 1-го марта, всѣ-ли наконецъ сознали истину, документами тысячи разъ засвидѣтельствованную, что оружіе оттачивалось на жизнь не только властей, но и всѣхъ насъ; что выстрѣлы, раздававшіеся противъ Государя, ждутъ лишь минуты направиться и противъ подданныхъ; что подкопы велись не подъ дворцы только и царственные пути, но и подъ нашу свободу и благосостояніе; что «уничтоженіе всего существующаго государственнаго и общественнаго строя», и притомъ съ самаго верха, куда сведены всѣ основныя государственныя и общественныя связи, уже начато нашими общими врагами? А вѣдь только этимъ яснымъ сознаніемъ и можетъ теперь окончательно упрочиться порядокъ, благосостояніе и счастіе государства и народа, взаимно нераздѣльныхъ, въ трудномъ нашемъ историческомъ шествіи къ безмятежному, доброму и счастливому будущему.

Ѳ. Гиляровъ.

Москва,
12 марта 1883 г.

Конецъ пятаго тома.